

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКИЙ АРХИВЪ

1913

10

стр.

447. О путешествии на Сахалинъ и въ Японію Ивана Ивановича Федорова.
483. Изъ лѣтописныхъ сказаний XVII и XVIII вѣковъ. Статья М. Мариной.
489. Царицы и царевны изъ Дома Романовыхъ. Статья А. Ионниновой.
504. Мои воспоминанія или события въ моей жизни. Записки М. Леонтьева.
Часть II.
566. Изъ начальной исторіи скопчества. Статья Н. Г. Высоцкаго.
579. Къ исторіи полицейской реформы. Статья П. Юдина.
598. Всеподданнѣйшее прошеніе ономчанъ Нижегородской губерніи 1856
года. Сообщ. Безсмертнымъ.
Внутри обложки. О книгахъ: Н. И. Козмина «Н. И. Надеждинъ»;
Б. В. Глинского «Революціонный періодъ русской исторіи»; А. И. Успен-
скаго «Царскіе иконописцы и живописцы XVII в.»; Бар. А. И. Дель-
вига «Мои воспоминанія»; Н. П. Розанова «Московскій митрополитъ
Платонъ»; А. И. Успенскаго «Столбцы бывшаго Архива Оружейной
Палаты».

— — — — —
МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Н. К. КОЗМИНЪ. Николай Иванович Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. 1804-1836. Спб. 1912.

Авторъ даёт очеркъ первой половины жизни и дѣятельности замѣчательного и забытаго совсѣмъ незаслуженно русскаго ученаго и писателя, искренняго патріота, сознательнаго націоналиста, учителя Бѣлинскаго и К. С. Аксакова, друга Погодина и С. Т. Аксакова. Останавливаясь подробнѣе останавливается на его сочиненіяхъ и лекціяхъ, приводя значительныя извлечения изъ тѣхъ которыхъ не были напечатаны и которыми ему первому удалось воспользоваться. Тщательность работы, богатство содержанія, обиліе неизвѣстныхъ данныхъ дѣлаютъ книгу г. Козмина безусловно цѣннымъ приобрѣтеніемъ русской исторической литературы. Можно пожалѣть объ одномъ—объ отсутствіи портрета Надеждина. Какъ извѣстно, отличный портретъ Надеждина приблизительно того времени, какимъ заканчиваеть г. Козминъ свое изслѣдованіе, былъ изданъ во 2-мъ томѣ сборника Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ“, и переизданіе его не потребовало бы отъ автора ни особыхъ хлопотъ, ни большихъ расходовъ. С.

В. Б. ГЛИНСКІЙ Революціонный періодъ русской истории (1861-1881 гг.). Исторические очерки. Две части. Изданіе Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“. 1913. Ц. 5 р. 50 к.

Авторъ взялъ на себя трудъ изложить исторію соціалистическихъ заговоровъ, покушеній, и убийствъ съ 1861 по 1881 г. и исполнилъ его по-своему усѣйшно. Его очерки—доброе вѣдно написанная компиляція, но только компиляція. Онъ воспользовался обще-

доступными материалами-документами въ родѣ обвинительныхъ актовъ и судебныхъ приговоровъ, подпольными листками и прокламаціями, воспоминаніями современниковъ и т. п., сдѣлалъ сводъ, иногда излишне обстоятельный, прибавилъ рядъ портретовъ и такимъ образомъ составилъ два тома, по 500 страницъ въ каждомъ. Отсутствіе критического отношенія къ источникамъ—полное. Въ виду этого очерки г. Глинскаго читаются далеко не съ такимъ интересомъ, какого заслуживаетъ исторія революціоннаго броженія съ цареубійствомъ 1 Марта включительно. Изданы они прекрасно. С.

А. И. УСПЕНСКІЙ. Царские иконописцы и живописцы XVII вѣка. М. 1913.

Обширный трудъ г. Успенскаго, изданный Моск. Археологическимъ Институтомъ и представляющій какъ-бы введеніе къ „Словарю“ царскихъ художниковъ XVII в. того же автора (М. 1910), даётъ съ одной стороны многочисленныя извлечения изъ документовъ Архива Имп. Двора, съ другой—описаніе нѣкоторыхъ работъ, выполненныхъ этими художниками. Историкъ русскаго быта найдетъ въ немъ для себя полезный материалъ. Помѣщены г. Успенскимъ снимки съ миниатюръ русскихъ рукописей по большей части не имѣютъ отношенія къ царскимъ художникамъ, и неясно, зачѣмъ они находятся въ этомъ его трудѣ. Е. П.

БАРОНЪ А. И. ДЕЛЬВИГЪ. Моя воспоминанія. Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Четыре тома. М. 1913.

Сынъ нѣмецкаго барона и русской княжны, родившійся въ 1813 и умершій въ 1887 году, авторъ „Воспоминаній“ родился, выросъ и провелъ всю жизнь русскимъ и его дѣятельность принесла, несомнѣнно, боль-

О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію Ивана Ивановича Федорова

Сія книга написана рукою маюра Ивана Ивановича Федорова о его пребываніи въ Петропавловской крѣпости, путешествіи въ Японію и жительствѣ съ полкомъ въ Камчаткѣ.

Камчатка, 28-го Сентября 1805 года.

Милостивый Государь!

Извините мнѣ смѣлость, которую беру, написавъ Вамъ вкратцѣ нашъ походъ въ Сахалинъ. Вамъ извѣстно, что мы снялись ночью послѣ вечеринки. Мы видѣли два дня еще позже того входъ Петропавловской гавани, и позже онъ уже скрылся. Потомъ шли по большой благополучнымъ вѣтромъ; но имѣли жестокіе туманы, пока прошли между 11 и 12 Курильскими островомъ, гдѣ уже стало чище, и всѣ были обрадованы, увидѣвъ нѣсколько дней спустя мысъ Раелжи; но скоро сія радость прекратилась и нашель уже густой туманъ съ крѣпкимъ вѣтромъ, который насъ заставилъ удалиться отъ берега. Съ этихъ поръ иногда мы только могли подходить къ берегу, ибо про-чистившееся небо сейчасъ опять скрывалось. И такъ мы, можно сказать, бродили около восточной части Сахалина, пока 27 Іюля увидѣли сѣверный мысъ его, и на другой день губу, со многими домами; капитанъ не хотѣлъ терять времени, и послалъ только яликъ съ лейтенантомъ Левеширномъ, чтобы узнать такой народъ и объ имени острова и губы. Мы были такъ близко, что могли видѣть съ корабля множество сидящихъ жителей, и передъ ними трое въ шелковомъ платьѣ, которые безпрестанно махали мѣхами; лишь только нашъ яликъ присталъ, то одинъ изъ нихъ началъ . . . . . и показывали они охоту промѣнять намъ свои мѣха, но такъ какъ ихъ было слишкомъ 40 человѣкъ, и всякий съ большимъ ножомъ, то для всякій предосторожности нашъ яликъ возвратился, и мы въ то же время снялись съ

дрейфу и ушли. Долго мы опять ходили вдоль берега и 1-го Августа находились уже, какъ думалъ капитанъ, у Амура, по крайней мѣрѣ, стало мелко и вода была прѣсна, да ужъ видѣнъ былъ татарскій берегъ, хотѣли испытаніе предоставить для другого дня, но теченіе настъ ночью отнесло на 20 миль слишкомъ, и мы находились близь губы, въ которой бросили якорь. Съ людьми на берегъ (сойдя), мы уви-дѣли деревню, и не болѣе 10 человѣкъ настъ встрѣчающихъ; всякий былъ въ собачьей ...., кромѣ одного, который имѣлъ на себѣ шелковый кафтанъ. Послѣ они намъ показывали много хорошихъ ножей, такъ и стрѣлъ, что все доказывало ихъ торгъ съ китайцами. Въ дома не хотѣли совсѣмъ пускать, и всѣ двери были заклепаны. Мы видѣли нары, что доказывало, что они ъздятъ на собакахъ, также было видно много копченой юкулы. Нашимъ неводомъ мы наловили столько рыбы, что большую часть посолили, а свѣжаго всему кораблю было на четыре дня.

Запасшись тоже тѣми, которыхъ настъ не было, мы снялись съ якоря, не пошли у сихъ глупыхъ жителей узнать объ имени сего острова. Вѣтеръ былъ благополученъ, но вдругъ въ одно утро матросы на бакѣ закричали: „берегъ!“ вахтенный лейтенантъ сейчасъ разсмотрѣлъ, и какъ стало разсвѣтать, то мы находились въ одной милѣ отъ высокаго каменнаго пика, въ полдень узнали, что это былъ Іонъ.

Послѣ сего скоро мы отъ него удалились и 14 Августа прошли во второмъ Курильскомъ проливѣ; а послѣ сего по причинѣ противныхъ вѣтровъ, бросили 17 Августа въ третій разъ въ Петропавловской гавани якорь.

Извините меня, Иванъ Иванычъ, ежели что въ разсужденіи всѣхъ правиль писанія пропущено.

Всѣмъ было прискорбно, что вы остались въ Нижнемъ, и поздравляю васъ съ комѣданствомъ въ Гежигѣ. Никто не вѣдалъ, что я къ вамъ пишу кромѣ брата, доктора и Гарнера, которые меня просили вамъ кланяться.

Записки путешествія моего изъ Нижне-Камчатки до Гежигинской крѣпости; юговосточнымъ берегомъ Сѣвернаго океана, или по Камчатски именуемомъ Уссинскимъ трактомъ.

Ноября 28 ч.—Отправясь изъ Нижне-Камчатска въ первомъ часу пополудни прибыли въ первой Камчатскій острогъ, называемый Камаки, въ 8-мъ часовъ,—сорокъ четыре версты разстоянія проѣхали-бы гораздо скорѣе; если бъ не были причиной выступившая сверхъ

льда вода и замерзшая очень гладко наледь, по скользкости которой собаки бѣжали съ великимъ трудомъ.—Острожекъ Камаки лежитъ на берегу рѣки Камчатки, продовольствуетъ себя рыбой, а въ лѣтнее время промышляетъ въ великомъ множествѣ въ близлежащихъ озерахъ дикихъ гусей и утокъ. Впрочемъ—зима доставляетъ имъ обыкновенный звѣринный промыселъ соболей и лисицъ; жителей во всемъ острожкѣ 16 человѣкъ; которые въ образѣ жизни болѣе слѣдуютъ русскимъ нежели камчадаламъ.—Во многіе прежніе мои проѣзды до сего острожка въ зимнее время всегда терпѣла сильную пургу на половинѣ дороги (въ щеляхъ, по эдѣшнему называемыхъ). Это есть по обоимъ берегамъ рѣки Камчатки утесистыя горы, изъ ѿщелинъ коихъ при маломъ вѣтрѣ всегда дѣлается довольно крѣпкая пурга, то есть по русски выуга или ураганъ. Всего мѣста верстъ на десять—но нерѣдко принуждается проѣзжихъ ночевать на срединѣ щелей въ прежде бывшемъ Щеповскомъ острожкѣ, жители коего въ послѣднее повѣтряе всѣ померли, и нынѣ только видны одни признаки.—При выѣздѣ изъ щелей чистый горизонтъ въ прелестномъ видѣ представилъ взору моему величественность огнедышащей Ключевской Сопки, которая съ полгода времени перестала горѣть пламенно; а только временемъ бываетъ изверженіе;—дышилъ же довольно часто.

29 ч.—Въ 8-мъ часовѣ утра отправились изъ Камаковъ, по завтракавши изрядной дичиной; прибыли въ каменной острогѣ въ 11-ть часовѣ, 22 версты по хорошей дорогѣ, добрые кони Камчатки перевезли въ три часа.—Острожекъ Каменный лежитъ на берегу рѣки Камчатки, жителей въ немъ 12 человѣкъ; промыселъ имѣютъ таковой же, какъ и въ Камакѣ, пообѣдавши въ семь острожкѣ и рас простившись, съ провожавшимъ меня любезнымъ другомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ, отбыли въ 11-ть часовѣ въ Харчинъ, куда доѣхали въ половинѣ четвертаго часа пополудни;—33 версты, большою частію по озерамъ, не заняли много времени въ дорогѣ.—Харчинскій острожекъ лежитъ на берегу рѣки Еловки и преимуществуетъ лучшими гольцами по всей Камчаткѣ; впрочемъ, 8-мъ человѣкѣ камчадаловъ содержать себя обыкновеннымъ ихъ промысломъ. Напившись чаю и перемѣнивъ своихъ собакъ, пустились въ 6-ть часовѣ въ Еловскій острожекъ, куда прибыли, проѣхавъ 57-мъ верстѣ въ самую полночь—Еловской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Еловки, жителей имѣеть 16-ть душъ, содержать себя обыкновеннымъ промысломъ. —Переночевавъ, утромъ нашелъ прибывшаго сюда слѣдующаго къ батальону изъ Тигильской крѣпости подпоручика Пазухина съ женою.—Утромъ въ 7-мъ часовѣ отправился въ свой путь.

30 ч.—Пройдя тундренныя мѣста, на половинѣ дороги застала насъ изрядная пурга отчего были въ пути 12-ть часовъ; на 73-верстномъ разстояніи; и прибыли въ Озерный острожекъ. Сей лежить при рѣкѣ Озерной; жителей въ немъ 4-е человѣка,—и живутъ не въ избахъ, а въ юртахъ (родь землянокъ).

Новый ночлегъ показался для насъ, по претерпѣніи крѣпкой пурги, изряднымъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ того не заслуживаетъ.—Здѣсь мы ъли дикую оленину.

Декабрь 1-е ч. Переночевавъ, пустились въ Укинской острожекъ куда прибыли въ 3-и часа пополудни; и по случаю разгона собакъ остановились ночевать.—Острогъ Укинской лежить на берегу рѣки Уки, имѣеть въ себя жителей всѣхъ три человѣка, которые могутъ нести всѣ тягости ихъ обременяющіе;—считается до сего острожка отъ Озернаго 33 версты; но по часамъ я замѣтилъ, что должно быть около 50-и верстъ.

Декабрь 2-го ч.—Утромъ отправились въ Халюли, и проѣхавъ 57-мъ верстѣ достигли Острожка, который лежить въ двухъ верстахъ отъ моря, при рѣкѣ Халюли; имѣеть въ себѣ жителей 13-ь душъ: а строенія двѣ юрты. Здѣсь я нашелъ человѣка моего, отправленного изъ Нижне-камчатска съ 22-го Ноября съ моимъ экипажемъ на собственныхъ собакахъ; здѣсь мы дневали.—Халюлинской таюнѣ, принялъ меня весьма вѣжливо и напослѣдокъ его семьи женщины, тотъ часъ по пріѣздѣ моемъ одѣлись въ лучшее свое платье, и старались по ихъ обыкновенію угощать весьма изящнымъ, то есть морожеными ягодами, голубицей, брусникой и морошкой.

3 ч. Утромъ отправились къ Ивашинскому острожку, куда и прибыли, проѣхавъ 59-ть верстъ, въ часъ пополудни;—Ивашинской острожекъ лежить при рѣкѣ Ивашкѣ, разстояніемъ отъ моря въ 10-и верстахъ:—жителей въ немъ 6-ть человѣкъ, каюрныхъ (то есть, которые могутъ ѿздѣтъ подводчиками).

Ивашинской таюнѣ казался мнѣ по своему смѣшному разговору пьянымъ; а на повѣрку вышло, что онъ предъ нашимъ прибытіемъ наѣлся мухоморовъ, которые на нихъ сильнѣе водки дѣйствуютъ. Ввечеру представилъ намъ двухъ своихъ дочерей и одного сына, одѣтыхъ въ самомъ лучшемъ платьѣ и нѣсколькихъ пѣвицъ, которыхъ начали пѣть национальную ихъ пѣсню, „бахае, бахи“, а двѣ дочери и

сынъ пустились плясать и такъ долго коверкались, что вышли изъ памяти, что доказательно тѣмъ, что, когда пѣвицы кончили свою пѣсню: плясуны все продолжали съ прикрикомъ странное свое коверканье. Напослѣдокъ, выбившись изъ силь, лежа на боку, упали то жъ.—Я сжалившись надъ бѣдными сказалъ ужъ таюну, чтобы онъ приказалъ ихъ успокоить!

4-го ч. Утромъ отправились въ свой путь и, проѣхавъ 29-ть верстъ, прибыли въ острожекъ Дранкинскій, который лежитъ при рѣкѣ Юмгинской, разстоянiemъ отъ моря въ десяти верстахъ, жителей имѣеть 11 человѣкъ, живутъ всѣ въ 3-хъ юртахъ, и говорять языкомъ, смѣшаннымъ съ каремскимъ, а не природнымъ своимъ;—здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ кочующихъ межъ Ивашкой и Дранки каремъ. По прїездѣ моемъ они немедленно прибыли въ Дранку на оленяхъ, запряженныхъ по два въ санку; ъзда на нихъ гораздо поспѣшнѣе собачьей—только чаще должно останавливаться для кормовъ.

5-е ч. Въ 9-ь часовъ пополуночи отбыли изъ Дранки и, проѣхавъ 57-ь верстъ подлѣ самаго моря, прибыли въ три часа пополудни въ Карагизскій острогъ; который лежитъ при рѣкѣ Каая, разстоянiemъ отъ моря въ 5-ти верстахъ; жителей въ немъ 17 камчадаль, которые больше похожи образомъ жизни на каремъ. Мужчины и женщины мало носятъ рубахъ,—а по большей части имѣютъ одежду, сдѣланную изъ оленыхъ кожъ.

6-го и 7-го. Жестокая пурга принудила насть здѣсь прожить два дня; и какъ я зналъ, что болѣе не будетъ намъ частыхъ селеній; потому и старался запастись здѣсь на недѣлю какъ для людей пищей, равно и собакъ кормомъ; одинъ камчадаль доставилъ мнѣ оленя, за коего заплатилъ ему фунтъ табаку, и онъ чрезвычайно тѣмъ былъ доволенъ.

8-го ч. По прекращеніи пурги отправились въ дорогу, и проѣхавъ 40 верстъ, остановились почевать въ пустой юртѣ, гдѣ прежде былъ Тамлатинскій острогъ; одинъ житель сего строенія предъ нашимъ прибытіемъ перебрался жилищемъ на зимовье, лежавшее гораздо далѣе отъ моря.—Проѣздъ нашъ изъ Кареги былъ весьма труденъ, по причинѣ глубокаго брода. Почти всю дорогу каюрщики наши шли пѣши на лапкахъ, кои здѣсь употребляются вмѣсто лыжъ, и близъ самой Тамлатинской юрты очень долго спускали съ преクリптовой горы; камчадалы, выпрягши нашихъ собакъ, принуждены были спускать сани на своихъ плечахъ.

9-е ч.—Здѣсь снова застигла насъ жестокая пурга и принудила жить въ пустой юртѣ, гдѣ, обогрѣваясь, принуждены были воду для пищи и питья таять изъ снѣга; по причинѣ той, что въ рѣкѣ Татлатѣ она въ пищу не годилась. Ибо по близости моря она мало разнировала отъ морской.

10-е ч. По прекращеніи пурги съ половины дня пустились въ дорогу и, такъ какъ мы ужъ заготовленного для собакъ корму издержали немалую часть, то и не надѣялись съ онымъ доѣхать въ Пусторѣцкъ, то есть настоящій нашъ трактъ; а рѣшилисьѣхать Укинскимъ берегомъ чрезъ Сидялихъ, Каракъ, называемомъ Ветвейскимъ трактомъ. Хотя сія дорога и считается гораздо далѣе Пусторѣцкаго тракта, но она надежнѣе Кармалки и безопаснѣе отъ пурги.

Пробѣхавши, примѣрно, верстъ 30-ть, мы ночевали въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ едва могли выискать дровъ для приготовленія себѣ пищи.

11-го ч. Утромъ очень рано оставили непріятный ночлегъ.—Ѣхавши цѣлый день и половину ночи самыми чистыми мѣстами, безъ малѣйшихъ слѣдовъ дороги, едва не растеряли своихъ товарищѣй; наконецъ достигли Илпилскаго острога. Слѣдующій со мной въ Гежигинскую роту поручикъ Фалтинъ, отставши отъ насъ въ семъ пути, едва на другой день отыскалъ послѣдній сей камчадалскій острогъ; темная ночь и самая чистая мѣста, признаюсь, наводили на меня немалое сомнѣніе!

12-го ч. Собравши здѣсь свой обозъ, остались ночевать въ ежегодной—и предыдной юртѣ.

13-го ч. Теперь отправляемся мы къ новымъ знакомымъ въ первый острогъ Сидялихъ и . . . . называемой Колягинскъ. Онъ лежитъ надъ самымъ моремъ, состоить изъ двухъ юртъ, имѣть въ себѣ жителей 5-ь человѣкъ; они мало имѣютъ собакъ, а употребляютъ вместо нихъ оленей, которыхъ имѣютъ немалое число; юрты ихъ построены такимъ образомъ, что ходять въ оные не дверми, а съ самой средины верха въ отверстіе, очень похожее на корабельный люкъ, который у нихъ служить днемъ и за окно, и для выхожденія дыма отвѣчаютъ за трубу. А спускаются ее въ него по лѣстницѣ, вырубленной изъ одного дерева.—Въ юртѣ огонь кладется на полъ къ одной стѣнѣ, у которой сбоку сдѣлана отдушина, для пронесенія дыма въ созданную трубу, но при всемъ юрта всегда бываетъ полна дыма, нечистоты и неопрятности которые, мнѣ кажется,

здесь имѣютъ главное пепелище; женщины имѣютъ одежду тамъ, какъ и мужчины; всѣ вообще въ куклянкахъ, только послѣдніе носятъ на головахъ платки.

14 ч. Здѣсь пурга принудила насть остататься. Вотъ случай несчастія нашихъ собакъ.—

Прежестокая пурга не позволила караульнымъ быть при нашемъ экипажѣ. А потому и собаки привязаны были близъ юртъ безъ присмотра.—Только страшный онъхъ вой въ самую полночь меня разбудилъ; я тотчасъ выслалъ человѣка своего узнать о причинѣ, и что же онъ нашелъ?—Кучу волковъ, которые атаковали нашихъ рысаковъ; къ несчастію двѣ моихъ и нѣсколько капорныхъ (то есть, подводныхъ), были жертвой добычи хищниковъ.

15 ч. Прожили за пургой.

16 ч. По претерпѣніи Карсуксихъ . . . . . , пустились въ дорогу и прибыли въ острожекъ Метаемонемъ; онъ лежитъ при рѣкѣ Выкненской, состоять изъ двухъ юртъ, жителей въ немъ четыре человѣка.

17-е ч. Отсюда отправились въ острожекъ Тиличинскъ, который лежитъ при рѣкѣ Тилигинѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ моря. Живеть въ немъ бей ясишныхъ тайонъ, или князекъ сего острожка Симеонъ Тагилыновъ, щахъ съ нами вмѣстѣ изъ Ивашкинскаго острожка; ласковый его пріемъ и лучшее угоженіе были намъ оказаны, онъ говорилъ немного по-русски и крещенъ; по пріѣздѣ нашемъ къ острожку, тайонъ со своей женой встрѣтилъ насть на дворѣ; и, когда я вошелъ въ юрту, то онъ представилъ мнѣ всю свою семью, которая по опрятности вродѣ Карянъ, и едва ли не изъ первыхъ.

Здѣсь нашелъ я главнаго князька каменскаго острога Ахайма, онъ гостили у сихъ Карянъ. Здѣсь видѣлъ я тѣхъ торговцевъ, которые въ прошломъ 803 году едва не зарѣзали К. и замѣтиль въ нихъ великую буйность.

18-го ч. Теперь отправляемся къ послѣднему Острожку сидячихъ карянъ, по берегу океана.

Острожекъ Ветвей лежитъ при хорошей рѣкѣ Ветвѣ, жителей въ немъ 5 человѣкъ, до этого острожка провожалъ насть со своей женой тайонъ Татлышовъ, здѣсь мы дневали.

19-е и 20-е ч. Поутру отправились въ Каменный острогъ, до коего князекъ Ахайма ъхаль съ нами вмѣстѣ. Онъ былъ со своими карянами въ проѣхавшихъ мной карецкихъ селеніяхъ, для гощенія, то есть мелочного межъ собой торга. Нынѣ мы оставили юго-восточной берегъ Сѣвернаго океана и поворотили къ сѣверо-западу.

21. Пенжинская губа. Теперь пустились въ чистый долъ, что у насть называется, чистое поле: четыре дня провели въ самыхъ безлѣсныхъ и необитаемыхъ мѣстахъ. Жестокіе морозы и крѣпкій сиверъ, не давали намъ и ночью покоя, хотя мы и разбивали свою палатку, но оная мало защищала отъ холода; одна половина дороги была тундренными мѣстами, а вторая рѣками Ветвею и Талопкой. Во всю дорогу любопытнаго ничего не случилось, кромѣ, что въ одну нашу остановку среди дня примѣтилъ я жертвоприношеніе карянъ, изъ числа нашихъ каюрчиковъ. Одинъ карянъ, отошедъ съ дороги не болѣе пятидесяти шаговъ, гдѣ находился утесистый камень, подлѣ коего оставилъ по многимъ поклонамъ одну свою стрѣлу, возвратился къ обозу, я на томъ мѣстѣ видѣлъ множество оленыхъ лоскутьевъ и шерсти.

24-го ч. Поутру прїѣхали мы къ Острожку, отдаленному отъ Каменного; онъ лежить на самомъ берегу губы Пенжинской, состоять изъ 12-и юртъ.—Мы тутъ завтракали очень вкусную, приготовленную карянами изъ оленьяго мяса съ дикимъ сухимъ лукомъ похлебку и жареную свѣжую рыбу вахню, которая видомъ очень похожа на налима, а вкусомъ нехороша; отправясь отсель съ великимъ трудомъ, перѣѣхали четырехверстную ширину устья рѣки Пенжинь, гдѣ прошло времени въ переѣздѣ слишкомъ 4 часа.—Она замерзаетъ такъ неровно, что льдины становятся стойкомъ вышиною сажени въ двѣ и болѣе, и всей сіе мѣсто издали показывается морскимъ волненіемъ. Мы, проѣзжая глубокими рытвинами, во многихъ мѣстахъ прорубали дорогу топорами. Въ 3-и часа пополудни прибыли въ острожекъ Каменный онъ лежить на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, подлѣ самаго моря.

Состоить изъ 25-ти юртъ, имѣть въ себѣ жителей болѣе ста человѣкъ.

25-го ч. Здѣсь мы дневали. Любезные друзья! вотъ гдѣ привель случай праздновать Р. Х. Исторія вамъ показываетъ характеръ и нравы дикихъ сихъ народовъ; вы теперь можете судить о моемъ положеніи и чувствованіяхъ. Въ половинѣ дня прибылъ сюда камчатскаго об-

ластного правленија засѣдатель Ламалинъ. Онъ уже цѣлый годъ єздить по округѣ, для переписей радовъ карянъ,—вообразите положеніе его и его людей!

26 ч. Отправились изъ Каменного до свѣта; прибыли ввечеру очень поздно въ острожекъ Мелянь. Онъ лежитъ на самой половинѣ дороги отъ Каменного до Паряня подлѣ самаго моря.

Состоитъ изъ 2-хъ юртъ и 5-и человѣкъ жителей.

27 ч. По худости собакъ ночевали въ дорогѣ на пустомъ мѣстѣ.

28 ч. Въ полдень прибыли въ послѣдній Каряцкій острогъ Парень; онъ лежитъ при рѣкѣ Пойтувьемъ, близъ моря. Состоитъ изъ 11-и юртъ, имѣть въ себѣ жителей 50 человѣкъ. Здѣсь мы єли свѣжихъ хабызокъ, переночевали и перемѣнили всѣхъ Каменского острожка каюрныхъ и собакъ.

29 ч. Поутру отправились. Я замѣтилъ сихъ послѣднихъ двухъ острожковъ карянъ, гораздо грубѣйшими противъ прочихъ. Мы ночевали въ дорогѣ.

30 ч. По восходѣ солнца, я рѣшился оставить свой обозъ; и пустился на собственныхъ собакахъ, взявъ съ собой . . . . . и одну казорную съ проводникомъ, нарту, (то есть, сани) въ надеждѣ той, чтобъ до вечера успѣть прибытіемъ въ крѣпость Гежигинскую; но встрѣтилось тому совсѣмъ противное: оставивши资料 of his companion Никифора Камчадала . . . . . въ поренѣ, я положился на одного знающаго немногого по-русски . . . . . каряну; онъ нась увѣрилъ, что мы ночевали на самой половинѣ дороги, въ томъ поренѣ. А вышло противное и мы, єхали цѣлый день и всю почти ночь, по многомъ беспокойствѣ. На разсвѣтѣ 31 числа достигъ крѣпости Гежигинской.— До десятаго числа декабря мѣсяца ожидалъ преемника должности, мнѣ вѣренной, господина маюра Крупскаго, которой сего числа въ ночи прибылъ. Съ одиннадцатаго числа началась отъ меня сдача и продолжалась по его копотливости до 26 числа, который день по окончаніи всего и чинъ Высочайше пожалованный при отставкѣ моей былъ формально мнѣ объявленъ и приведенъ на оный къ присягѣ.

2 ч. Генваря 1806 года въ 11 ч. утра распостился съ краемъ здѣшнимъ. Не могу безъ особыхъ сердечныхъ чувствованій описать

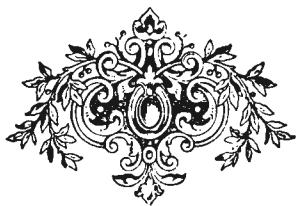
разлуку съ добрыми жителями крѣпости Гежигинской. Наканунѣ выѣзда моего, въ самый Новый годъ по окончаніи божественной литургіи всѣ вообще чиновники и граждане были у меня и по особенной комнѣ любви и привязанности, которую я имѣлъ счастіе отъ нихъ заслужить, всякий изъявлялъ ко мнѣ благодарность и сожалѣніе о томъ, что они лишились во мнѣ своего друга, а не начальника; и притомъ каждый желалъ въ награду за сіе всякаго благополучія въ предпринимаемомъ мною трудномъ моемъ пути. Рота же, бывшая въ моей командѣ три года, собравшись вся, чрезъ фельдфебеля просила меня въ послѣдній разъ съ ними проститься; я, вышедъ изъ комнаты, нашелъ оную построенную во фронтъ и по приходѣ моемъ къ нимъ громкій голосъ благодарности всѣхъ вообще добродушныхъ служителей тронулъ до слезъ чувства мои—я тутъ видѣлъ много плачущихъ и говорящихъ—„намъ уже не нажить такого начальника-отца, какъ ваше высок.-бл. жили съ нами“. Я при сей умилительной сценѣ не могъ долго быть, взаимно поблагодарилъ за ихъ ко мнѣ усердіе и притомъ отдалъ фельдфебелю 25 р. денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ купилъ на оныя водки и тѣмъ бы прекратилъ у добрыхъ служилыхъ текущія изъ глазъ слезы; прочихъ командѣ также служащіе приходили все ко мнѣ прощаться и получили отъ меня то же. Того жъ вечера я сдѣлалъ прощальную вечеринку; на которую всѣ здѣшнія почетныя дамы были мной приглашены и танцуя все общество, составляющее гражданъ здѣшнихъ, вечеръ до 12-ти часовъ провели довольно весело. При выѣздѣ жъ моемъ изъ крѣпости нашло множество народа обоего пола, и всякій при прощаніи моемъ изъявлялъ обо мнѣ сожалѣніе. Чиновники всѣ вообще и граждане отправились вмѣстѣ со мною, на своихъ собакахъ каждый, и провожали верстъ съ 15-ть отъ крѣпости, гдѣ распростившись обратились въ свои дома, а я также пустился въ свой путь.

3-го ч. Генваря достигъ до селенія Наяхины сидячихъ крещеныхъ карянъ, гдѣ переночевавъ, въ 4 ч. до свѣту отправился въ дорогу, верстъ за 20 отъѣхавши отъ сказанного селенія, нашли на самомъ трактѣ оленыхъ карянъ, кочующихъ въ одной юртѣ гдѣ знакомый мнѣ карянъ Акувбя убилъ на дорогу жпрнаго оленя, и я, напившись здѣсь чаю, подкрѣпилъ желудокъ свой изряднымъ завтракомъ, пустился въ путь, который до седьмого числа продолжали по необитаемымъ мѣстамъ изрядной дорогой, а съ седьмого числа до десятагоѣ ѿхали пре-глубокимъ бродомъ не болѣе какъ по десяти верстъ въ сутки. Переѣхавши Вилигинскій гребень, съ десятаго числа сдѣлалась престрашная и мокрая пурга, и мы принуждены были жить на одномъ и пустомъ мѣстѣ, отправивъ пѣши ми на лыжахъ двухъ карянъ каторныхъ до

селенія Туманы (до коего слѣдовало бѣ еще двое сутокъ быть въ дороgѣ), съ тѣмъ, чтобы изъ онаго селенія послать какъ можно скорѣе къ намъ навстрѣчу нѣсколько легкихъ нартъ и собакамъ нашимъ корму, которые уже его нисколько не имѣли, а, однако жъ, я ожидалъ пятеро сутокъ и никого къ намъ послано не было. такъ что уже много терпѧщія животныя изнурялись голодомъ и начинали объѣдатъ нерпичьи ремни, которыми обыкновенно здѣсь увязываются нарты. 15-го ч. при-нужденъ былъ еще отправить одного юлорного каряку въ сказанное селеніе на лыжахъ, который, отойдя отъ настъ верстъ десять, встрѣтилъ четырехъ человѣкъ, юдушихъ къ намъ на помощь изъ Туманы и притомъ съ хорошимъ запасомъ для собакъ корму, и къ счастію— посланной отъ меня каряка Егоръ въ превеликомъ бродѣ поймалъ на лыжахъ дикаго барана, которой послужилъ для всѣхъ изрядной пищей. Того же числа ввечеру я отправился до Туманского селенія и достигъ въ оноe 17-го числа вечеромъ. Желалъ на другой день слѣдовать въ свой путь, но случившійся снѣгъ причинилъ препятствіе, а я уже пустился въ путь 19-го.—

21-го ч. Утромъ повстрѣчалась съ нами почта, слѣдующая изъ Россіи въ Камчатку, которая въ дороgѣ уже находилась изъ Охотска цѣлый мѣсяцъ.—Того же числа въ полдень я достигъ до селенія Татхеянъ, сидячихъ же карянъ, и пробывши въ немъ до вечера, въ ночь пустился въ дорогу; 22-го ч. достигъ крѣпостцы Ямской, которая имѣеть мѣстоположеніе весьма хорошее, выстроена надъ самой рѣкой Ямою, и древностію своею гораздо старѣе крѣпости Гежигинской, но нынѣ команды содержится въ оной 18 человѣкъ казаковъ, и командиръ въ ней назначается всегда охотскимъ начальствомъ; въ мой проѣздѣ былъ сынъ боярскій, Григорій Александровичъ Говоровъ, и человѣкъ, кажется, изрядный. Также жительство имѣютъ въ сей крѣпостцѣ сидячіе крещеные каряки, 10 человѣкъ Гежигинского вѣдомства, они содержатъ ганбу каюрного. Я, передневавши здѣсь, отправился 24-го числа въ путь. Три дня слѣдовалъ чрезвычайнымъ убродомъ снѣга и достигъ только до пустой юрты, построенной на срединѣ тракта отъ Ямской крѣпости до Сигланского острожка, гдѣ жилъ за случившейся пургой два дня; и тридесятаго числа доѣхалъ до Сигланского острога сидячихъ послѣднихъ по сему тракту карянъ—и того ч. въ ночь отправился къ острожку Оль сидячихъ тунгусовъ и первого числа прибылъ въ оный; здѣсь нашелъ я весьма порядочнаго старшину; и лучшихъ во всѣхъ частяхъ прочихъ карянъ. Порядокъ и самыя юрты оныхъ очень опрятные всѣхъ обитателей по сей дороgѣ жилища свои имѣющихъ.—2 ч. отбылъ изъ сего селенія и 4 ч. достигъ до селенія

жъ тунгусовъ, называемаго Армакъ, изъ коего тогожъ ч. отправились достичь въ крѣпость Ямскую, въ которой передневавши день. пустился въ свой путь. 12-го числа утромъ прибыль въ портъ Охотскій и по особенному ко мнѣ усердію прежняго моего сослуживца приглашенъ быль къ нему на нѣсколько дней моего въ Охотскѣ пребыванія на ночлегъ, и все общество прежнихъ моихъ знакомыхъ усердствовало особынными знаками ко мнѣ своей привѣтливости. И проживши 20 и 19-го числа въ Охотскѣ, отправился въ свой путь, коимъ и слѣдовалъ до селенія, Арки называемаго, на собакахъ, а оттуда съ тунгусами на вѣрныхъ оленяхъ до мѣстечка Чернаго Лѣса, откуда уже слѣдовалъ на лошадяхъ до Якутска, въ который прибыль 8-го числа марта, и присталь на квартиру у стараго моего знакомаго, господина якутскаго купца Алексея Андреевича Захарова и, проживши до 11-го ч., отбылъ въ Иркутскъ того жъ числа.

По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра Павловича

Самодержца Всероссийского

и прочая, и прочая и прочая.

Отъ Нижнекамчатска до Гежинска отправляющемуся по казенной надобности Камчатского Гарнизонного баталиона Капитану Федорову съ будущимъ при немъ давать по двѣ подводы съ проводниками за указныя прогоны безъ задержанія. Нижнекамчатскъ, Ноября 28 дня, 1805 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшаго Государя Моего отъ арміи Генераль-Майоръ шефъ Камчатского Гарнизонного баталиона, области Камчатской правитель Кошелевъ.

(Печать.)

Въ первыхъ числахъ юля 1804-го года прибылъ въ Гавань Петровпавловскую Фрегатъ „Надежда“, обошедшій кругомъ свѣта; путь его былъ мимо Капъ-Горна; чрезвычайно скорый вояжъ довольно доказываетъ свѣту искусство Россійскихъ мореходовъ. Происшедшія непріятности у флотскихъ офицеровъ съ Посланникомъ, Господиномъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ Резановымъ, который принужденъ былъ по прибытіи въ гавань немедленно отправить курьера къ Правителю Камчатки, Господину Генераль-маиору Кошелеву, и просилъ его о скоромъ прибытіи въ гавань для принятія мѣръ относящихся до посольства; коего единственную цѣль можно усмотрѣть изъ приложенной при окон-

чанії записокъ моихъ копіі съ грамоты къ двору Японскому. По полученіи оть Резанова увѣдомленія, Генералъ-маіоръ Кошелевъ вскорѣ явился въ гавань, взявъ съ собою меня и поручика Кошелева. Первый предметъ его былъ содѣйствовать къ пользѣ отечества; онъ усерднымъ стараніемъ своимъ успѣлъ прекратить ссору, такъ что и посольство оть того долженствовало остановиться; а какъ общимъ признаніемъ всѣхъ нашелся главной пружиной ссоры бывшій кавалеромъ при посольствѣ гвардіи поручикъ Графъ Толстой, то и рѣшили тѣмъ, что оставили его въ Камчаткѣ.—Когда же началось приготовленіе къ пути въ Японію, то господинъ Резановъ просилъ нашего шефа об-откомандированіи двухъ офицеровъ въ его свиту, куда достался мнѣ поручикъ Кошелевъ и командировано десять человѣкъ изъ баталіона нашего воинской команды.—Съ сего времени я почелъ за нужное вести памятныя записи, въ кои вношу только то, что своими глазами видѣть могъ; и что казалось мнѣ любопытнымъ.

Я не описаіъ въ нихъ дни коронаціи Нашего Государя, который мы весело праздновали на водахъ японскихъ, но то можно видѣть изъ приложенной при семъ копіі съ рѣчи, говореної Посланникомъ. По окончаніі коей разданы были имъ, всѣмъ вообще нижнимъ служите-лямъ—корабля „Надежды“ медали.—Я не говорю ничего въ запискахъ моихъ объ одѣждѣ японцовъ; прилагаю при семъ подлинной ихъ живописи картины, изъ которыхъ можно имѣть понятіе о ихъ ко-стюмѣ.

Августъ ч. 27-е. Сего числа въ семь часовъ утра, отправились изъ гавани Петропавловской въ Японію; лишь только вышли изъ рейда въ открытое море, я пораженъ былъ обыкновенною морскою болѣзнью, въ коей страдалъ три дня: а потомъ избавившись отъ нея, былъ уже всегда въ морѣ здоровымъ: путь нашъ продолжался по 18-е число Сентября благополучнымъ, а 19-го увидѣли берега достигаемаго нами предмѣта (это бытъ островъ Ниппонъ) и мы недолго наслаждались пріятнымъ удовольствіемъ смотрѣть на обѣтованную землю, ибо NN вѣтръ чрезъ два часа по предсказанію барометра, произвелъ престраш-ную бурю, коей описать я не въ состояніи. Подумайте, каково было положеніе слабаго судна, подверженаго служить игралищемъ раз-яренному морю; то взносимо оно было на верхѣ водяной горы, то низвергаемо въ пропасть; съ бока ударялъ въ него валъ, отягчаемый другимъ валомъ, который, упадая, казалось совсѣмъ погружалъ его въ воду; вѣтръ учинилъ порывистъ, неравенъ и безпорядоченъ; мы при-

нуждены были терпѣть всѣ его своевольства, онъ переходилъ съ румба на румбъ и обтекалъ столь скоро весь горизонтъ, что дулъ, казалось, со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта; потомъ, поднимаясь вихремъ, упадалъ стремительно, какъ бы брошенъ былъ съ неба и принуждалъ волны уничтожаться подъ его тяжестью. Минуту спустя, поднималъ онъ корабль нашъ на воздухъ, дабы низвергнуть тѣмъ глубже въ бездну. Страдалъ много тако жъ корабль отъ сильныхъ ударовъ, будучи въ водѣ, гдѣ вѣтръ производилъ стукъ; подобный громовому; хотя мы близко находились другъ отъ друга, надлежало еще болѣе стѣсниться, и кричать изо всѣхъ силъ, чтобы насъ слышали. Всѣ паруса, кромѣ нѣсколькихъ штормовыхъ стакселей, были убранны, рвеніе вѣтра столь было сильно, что вдребезги изломало удареніемъ валовъ три ялика, прикрепленные на верху шканцевъ, вода лилась уже на мостъ и втекала въ корабль—въ довершениѣ большаго несчастія, при поворотѣ въ мгновеніе отшибло въ кормовой части баллюстраду подъ самыхъ окошечъ капитанской каюты; и однимъ валомъ—въ то отверстіе—налило до половины каюты водою. Вотъ минуты, въ которыхъ содрогнулся бѣ и самый твердый духъ, по капитану, скрывая очевидную опасность, всячески усердствовалъ ободрять людей своею непоколебимостію ..... онъ собственными трудами старался починять немалый проломъ, который въ скромъ времени общими всѣхъ силами задѣланъ былъ вовсе. Во время продолженія сей бури насосы дѣйствовали всѣ безпрерывно, и какъ вода не преставала умножаться, многіе матросы приходили въ отчаяніе, и нѣкоторые уже говорили:— „погибаемъ, тонемъ, Боже, помилуй насть“, послѣ чего едва не прекратилась работа. Всѣ приносили теплыя молитвы Всевышнему, какъ при послѣднемъ часѣ своей жизни. Вѣтры, кои до того боролись между собою, соединясь, возносили волны до облаковъ.

Отъ сей перемѣны поднялся несильно корабль и люди ободрились, видя что вода не такъ въ него льется сильно. Таково было положеніе наше двадцать шесть часовъ. По прекращеніи бури,—во многихъ мѣстахъ—увидѣли корабль нашъ обезображенныемъ. Все предстало глазамъ нашимъ изломанное и изорванное, какъ будто послѣ сильного пожара.—Сей несчастный день—да будетъ вѣчнымъ памятникомъ въ моей жизни.

Сент. 27 ч. До сего числа имѣли плаваніе въ виду острововъ японскихъ, но за маловѣтremъ и противною погодою не могли подойти къ онымъ; межъ тѣмъ успѣли привести въ порядокъ починкою свою разстройку;— и благоприсутствующимъ вѣтромъ сего числа благополучно прошли

Діменскій проливъ, гдѣ совершенно оказался намъ японскій портъ Нагасаки, къ которому приближаясь, въ первомъ часу пополудни—увидѣли плывущее къ нашему кораблю малое Японское гребное судно съ двумя чиновниками, которые подойдя къ борту корабля; черезъ переводчиковъ *) спрашивали кто мы такие, и получа въ отвѣтъ, что россияне, продолжали любопытство о многомъ, и что слышали все вносили въ записныя книжки. Отъ насъ предложено имъ угощеніе, но они не могли взойти на корабль, отзываясь запрещеніемъ своихъ законовъ, а когда подали къ нимъ въ лодку бутылку съ виномъ и двѣ на подносѣ рюмки, то они какъ изъ рюмокъ, такъ равно и изъ бутылки вылили въ мѣдной свой котликъ, потомъ немедленно отправились въ городъ, показавъ намъ предметъ, на который должно держать курсъ для входа въ гавань, по приближеніи къ оной, увидѣли множество идущихъ къ намъ судовъ; кои, подойдя къ кораблю, назначили мѣсто, гдѣ положить якорь, со изъявленіемъ неудовольствія, для чего мы прошли ихъ то мѣсто, которое назначено для голландцевъ останавливаться на якорь; и получа въ отвѣтъ наше незнаніе, старались извиняться учтивостію находящихся на сихъ судахъ чиновниковъ; многіе требовали отъ насъ письменныхъ донесеній, къ ихъ Губернатору со изъясненіемъ, подробныхъ причинъ, нашего къ нимъ прибытія. И когда получили отвѣты, что сіе не иначе можетъ изъяснено быть, какъ лично отъ нашего—ихъ Губернатору, то съ тѣмъ многіе о тогъ часъ отправились въ городъ.

Въ шесть часовъ пополудни увидѣли другую свиту, во множествѣ идущихъ вмѣстѣ судовъ, и въ томъ числѣ на одномъ примѣтили голландскій флагъ. Когда подошли къ борту корабля, два ихъ офицера, взошли къ намъ на шканцы, и первыя слова ихъ были просьба, чтобъ отъ насъ запрещено было служителямъ палить изъ пушекъ, доказывая, что по законамъ ихъ сіе должно исполнить, и когда получили на то наше согласіе, были тѣмъ очень довольны и минуты черезъ двѣ донесли, что съ ними на суднѣ есть для встрѣчи намъ большой чиновникъ, называемый оберъ-бонжость и онъ есть, Губернаторскій помощникъ, о чемъ отъ насъ ту минуту донесено посланнику: и отъ него посланъ офицеръ просить вельможу на корабль, который съ пышною свитою, поднять былъ къ намъ на шканцы, и проведенъ въ каюту. По прибытіи приглашенъ садиться на диванъ. Его первые вопросы были о причинѣ нашего при-

*) Переводчиками намъ служили тѣ японцы, которые несчастнымъ жребиемъ выкинуты были въ 795-году на города Алеутскіе и отправлены были изъ Петербурга въ свое отечество.

бытія, потомъ:—какъ давно изъ Россіи, какимъ мѣстомъ шли, куда во время похода заходили, сколько нась числомъ, и какого состоянія люди,—на все получа короткіе отвѣты,—тотчасъ записалъ въ свою книжку. Потомъ чрезъ переводчика сказалъ—хотимъ ли мы видѣть голландцевъ и, получа отъ нась истинное наше удовольствіе, приказалъ ввести ихъ на корабль; при входѣ ихъ въ каюту, оберъ-толкѣ японскій закричалъ громкимъ голосомъ: „оберъ-гофъ, комплиментъ махин.“; по сихъ словахъ, голландской факторіи правитель оберъ-гофъ, флотской капитанъ, Секретарь Конференціи и одинъ волонтеръ, приближась къ вельможѣ японскому, дѣлали ему забавной для нась на первой случай комплиментъ, они наклонились ниже пояса, опустя обѣ руки книзу, и въ семъ положеніи были неподвижны, пока переводчикъ не далъ имъ знака подняться.—Послѣ рекомендовались послу и знакомились съ нами; разговоръ продолжался на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, мы съ ними провели время до первого часу пополудни. Онѣ угощаемы были виномъ и табакомъ и отбыли отъ нась вообще съ японцами довольно веселы. Однако жъ кругомъ нашего корабля японцы оставили лодокъ до пятидесяти, подъ видомъ нашей прислуги.

28-го ч.—До пяти часовъ пополудни провели время очень скучно. Пресильный жаръ не позволялъ четверти часа пробыть на шканцахъ, хотя довольно было предметовъ насыщать наше любопытство. Японцы безпрестанно прѣѣзжали въ разныхъ лодкахъ смотрѣть нашъ корабль: въ шестомъ часу увидѣли идущихъ къ намъ гребныхъ судовъ болѣе прежняго, на коихъ громъ нестройной музыки былъ слишкомъ . . . . . Изъ нихъ небольшое одно пристало къ борту нашего корабля—и командиръ онаго просилъ о принятіи привезенной свѣжей провизіи, которая состояла изъ свинины, дворовыхъ птицъ, сарачинского пшена, куриныхъ яицъ, и разной зелени. Все сіе съ благодарностію нами принято и послѣ прочіе суда окружили нашъ корабль, и чиновники, прежде бывшіе, взошли въ каюту. Продолжали повторять вопросы прежніе и все, что получили въ отвѣты, вносили въ записныя книжки. По проосьбѣ командаша нашего корабля, сняли оный съ якоря, и привели буксиромъ къ мѣстечку, Патенбергъ называемому (это есть та славная гора, съ которой въ прошлыхъ времена, по истребленіи японцами христіанской вѣры, всѣ исповѣдующіе оную низвергаемы были въ море), гдѣ положили якорь, и чиновники, распростясь съ нами, отправились въ городъ. Карауль, окружавшій нашъ корабль, остался по прежнему. Сего жъ вечера японцы требовали о выгрузкѣ съ корабля пороха и всѣхъ партикулярныхъ оружейныхъ вещей, кромѣ офицерскихъ шпагъ и

солдатскихъ ружей, все сіе безпрекословно отъ нась получили и отвезли въ свой арсеналъ.

29-го ч. Прекрасный день и новые предметы поминутно пріѣзжающихъ въ разныхъ судахъ японскихъ гражданъ доставляли намъ немало удовольствія; въ пять часовъ пополудни . . . . . Свита . . . . . эскадры показалась изъ гавани, и одна передовая лодка привезла намъ гораздо больше прежняго всякой провизіи. Послѣ того пристала японская флотилія, и чиновники взошли на корабль, но голландцевъ уже съ ними не было. Они просили у посла копію съ грамоты къ ихъ императору и, получа, переписали чины, имена и лѣта нашихъ офицеровъ. Потомъ отбыли въ городъ.

30-го ч. Провели день, не видавъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Они вчерашияго числа прощались съ нами. Сказали, что у нихъ завтра праздникъ, который должны по своимъ обрядамъ непремѣнно отпраздновать. А потому и объявили намъ день отдохновенія.

1-го ч. Въ одиннадцать часовъ утра прибыли къ намъ на корабль новыхъ два чиновника; привезя съ собою прежде взятая отъ нась копіи съ грамоты, для вѣрнаго перевода на ихъ языкъ и въ три часа пополудни отправились въ городъ.—Бывшіе съ ними въ свитѣ офицеры старались узнавать отъ нась разныя названія на россійскомъ языкѣ и, получа, изъясненія вносили въ записныя книжки, межъ тѣмъ, довольно оказывали намъ своей ласки, которая замыкалась снисканіемъ дружества.

2-го ч. Былъ день отдохновенія. Сильный дождь, продолжавшійся цѣлые сутки дѣйствительно его таковымъ сдѣлалъ.

3-го ч. Крѣпкій вѣтъ разстроилъ японскій караулъ, нась окружавшій. Лодокъ до пятидесяти, стоявшихъ на морѣ, во время вѣтра при великомъ крикѣ и смятеніи снялись съ якоря и убрались въ близлежащую отъ нась бухту, и какъ видно, за погодою, у нась японскихъ чиновниковъ цѣлый день ни одного не было.

4-го ч. Поутру въ одиннадцать часовъ прибыли къ намъ два бонжоса; они межъ разговоровъ увѣдомили нась, что прежде мы не можемъ сойти на берегъ, пока не получится Губернаторомъ изъ Іедо на то повелѣніе, и тогда отъ нась предложены были причины, о невозможности стоять на семъ мѣстѣ на морѣ, и что нась въ крѣпкій вѣтръ

можеть сорвать съ якоря и унести въ море. А вещи оружейныя и порохъ должны остаться у нихъ, то по немаломъ разсуждениі . . . . . сказали намъ, что сегодня скажутъ тѣ причины Губернатору; и немедленно о резолюціи нась уведомлять, что и послѣдовало въ шестомъ часу пополудни: пріѣхали къ намъ два переводчика, уведомляя, что завтрашняго числа въ 9-ть часовъ утра введенено будетъ наше судно въ безопасное отъ вѣтровъ мѣсто. Сего числа также привезена намъ свѣжая провизія.

5-го ч. Въ девять часовъ утра окружень былъ корабль нашъ 150 лодками для буксира; въ 11 часовъ прибыли чиновники, и по входѣ ихъ на корабль, немедленно былъ поднятъ якорь. 99-ъ лодокъ начали работу и въ два съ половиною часа проведено было наше судно семь итальянскихъ миль и положенъ якорь противъ предмѣстія порта. Ничего не было пріятнѣе зрѣлища сего прекраснаго мѣстоположенія и удивительнаго творенія природы. Превысокія каменистыя горы, обработанные почти до самыхъ вершинъ руками трудолюбивыхъ японцевъ, всюду представляли поля, усеянныя хлѣбомъ и овощами. Амфитеатромъ насыженныя по пригоркамъ рощицы и въ равнинахъ искусно устроенные аллеи, дѣйствительно, изображали все мѣстоположеніе въ глазахъ нашихъ очаровательнымъ, вездѣ по берегамъ казались толпами любопытствующіе нась видѣть японцы, и прекрасныя нимы страны азіатской цѣлый день съ музыкою разъѣзжали мимо нашего корабля въ лодкахъ, и казалось изъявляли свою радость, насыщая зрѣніе на новыхъ знакомцевъ.

17-го ч. До сего числа провели время, не видавъ бонжосовъ, а были у насъ два раза переводчики, которые называются по японски толки, они привозили въ первый разъ два плана на мѣста лежащиа отъ насъ на лѣвой сторонѣ берега. Такъ что, ежели будеть угодно посланнику выѣхать на берегъ, то бѣ одно изъ нихъ выбралъ для гулянья, а во второй пріѣздѣ объявили, что назначенное посланникомъ мѣстечко—Гатько.

18-го ч.—Въ два часа пополудни прибыли два бонжоса, съ обыкновенной свитой; они предложили услуги ѿхать въ приготовленное мѣстечко. Посланникъ приказалъ немедленно приготовить шлюпку и отправился на берегъ со свитой своихъ офицеровъ—гдѣ по пріѣздѣ былъ особенно опредѣленными офицерами принять и приглашенъ въ . . . . . нарочно для него сдѣланный. Ко угощенію поднесенъ . . . . ему прекрасный ящикъ конфектъ,—чрезвычайнаго

приготовлениа. Это былъ презентъ нагасакскаго губернатора. Въ четыре часа возвратился посолъ на корабль. Ему какъ при отъѣздѣ, равно и по прибытии, была сдѣлана съ корабля нашего честь карауломъ и матросами.

29-го ч. Все прошедшее время стояли на одномъ мѣстѣ. А сего числа, по выходѣ двухъ голландскихъ фрегатовъ въ Батавію, перевели насъ по прежнему буссиромъ, на ихъ мѣсто. Гдѣ, положа якорь, ожидаемъ теперь рѣшенія своихъ предпріятій. Мѣсто сие веселѣе еще прежнихъ тѣмъ, что съ двухъ сторонъ положеніе прекрасныхъ береговъ представляеть удивительную картину. Съ третьей весь виденъ городъ а съ четвертой—въ дали блестить напугавшій насъ, усыпанный подводными каменьями тафъ свирѣпый океанъ.

4-го. Сего числа приведено къ намъ съ двумя переводчиками старое чудной конструкціи китайское судно съ тѣмъ, что когда нужно починить нашъ корабль, то бѣ перевезти грузъ на оное, и перейти на то время послу. Но какъ по осмотру нашего Капита·а, оказалось оно для складки груза и житія офицерамъ совсѣмъ неспособно; то прошены переводчики изъявили сие губернатору, и что посолъ надѣется получить приличную ему квартиру на берегу.

6-го ч. Имѣли терпѣніе до сего числа! и дождались резолюціи, она есть слѣдующая: въ шесть часовъ утра прибыли къ намъ пара бонжосовъ,—они объявили, что приготовленъ въ городѣ для послы и его свиты домъ, который просили кого угодно послать осмотрѣть, что исполнено отъ насъ посылкою четырехъ офицеровъ, которые по прибытии обратно на корабль донесли послу, что домъ для житія и поклажи посольскихъ вещей годенъ.—Теперь началось приготовленіе къ походу: двухэтажная лодка, украшенная разноцвѣтными кончевыми занавѣсками, и внутри лакированная съ бронзовой обдѣлкой комната, служила намъ покойнымъ до предметія нашей квартиры плаваніемъ. Мы въ двѣнадцать часовъ въ ней цомѣстились; а именно: посолъ, весь его кортежъ и воинская команда, и продолжали походъ съ барабаннымъ боемъ и воинской музыкой, состоящей изъ гобоевъ и бубновъ. Во время двуверстнаго вояжу отъ чиновниковъ японскихъ угощаемы были чаею по ихъ обряду, безъ сахара, конфектами и померанцами. Дойхавъ, близъ берега по причинѣ мели пересѣли на другую лодку, гораздо менѣе конструкціей сего судна; но украшеніемъ прежней, и подойдя на ней къ берегу; нашли на многихъ лодкахъ сдѣланный мостъ, по которому взошли прямо въ квартиру нашего замка; такъ

называю его потому, что онъ окруженъ весь строеніемъ и крѣпкимъ японскимъ карауломъ, комнаты дома убраны по азіатскому манеру безъ великолѣпія послѣдняго, но весьма чисто. Весь поль устланъ искусно вытканными изъ травы коврами, что нась принудило ходить въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ. Стулья и столы мы имѣли съ корабля своего ибо въ домѣ кромѣ жаровень съ углами ничего не было. Для офицеровъ назначено каждому по особливой комнатѣ, но я расположился вмѣстѣ съ Гермолаемъ Карловичемъ Фредерици и Дмитриемъ Ивановичемъ Кошелевымъ и заняли только два покоя.—Во время нашего хода, видны были по берегамъ бухты съ обѣихъ сторонъ японскія войска до девяти тысячъ человѣкъ. Они по своему правилу сидѣли все въ двѣ линіи.

14-го ч. До сего числа продолжалася выгрузка съ корабля нашего японскими рабочими людьми; она начиналась съ десяти часовъ утра, и оканчивалася въ 5-ть пополудни. Въ сie время дежурили въ нашемъ замкѣ два бонжоса, съ немалой при нихъ свитой офицеровъ и прочихъ служителей, которые каждодневно смигались, и во время своего дежурства бонжосы одинъ разъ посыпали посла для изъявленія своего почтенія. Мы сie время проходили не безъ скуки. По непривычкѣ къ житью въ нетопленныхъ комнатахъ,—ибо здѣсь дневной жаръ никакъ несоразмѣренъ ночному холоду,—посѣтила многихъ изъ нась простуда, но при хорошей японской пищѣ, какъ-то: разныхъ зеленей, двухъ родовъ апельсиновъ, и весьма крупныхъ цытронововъ, изъ коихъ очень удобно дѣлать цѣлительное питье и т. д., все сie вскорѣ привело нась въ прежнее состояніе.

25-го ч. День Рождества Христова по нашему исчисленію оставленъ безъ празднованія.

26-го. По морскому исчисленію сей день былъ Рождество Христова. Командиръ фрегата Капитанъ-Лейтенантъ Иванъ Федоровичъ Крузенштернъ, Капитанъ-Лейтенантъ Макаръ Ивановичъ, Лейтенантъ Пётръ Трофимовичъ Головачевъ, астрономъ Иванъ Ивановичъ Горнеръ, Штурманъ 12-го класса Филиппъ Ивановичъ Кашеньщиковъ имѣли обѣденный столъ у посла; и проведя время до шести часовъ вечера—довольно весело убили его на фрегатѣ.

27-го. Посоль со всей своей свитой офицеровъ имѣлъ обѣденный столъ на фрегатѣ: отбылъ изъ Мегасаки въ часъ пополудни. А прибылъ въ замокъ въ семь часовъ вечера довольно веселымъ.

1-го Января 1805 года. Число первое, по общему исчислению России; не считалось въ нашей экспедиции началомъ нового года, а оно праздновали 2-го ч.; россияне въ первый разъ имѣли случай праздновать начало 1805-го года въ Японіи въ славномъ портовомъ городѣ Нагасаки въ мѣстечкѣ лежащемъ у предмѣстія города, именуемомъ Мегасаки.

Туть вспомниль я, содрагаясь чувствованіями, ту отдаленность, которая раздѣлила меня съ любезными друзьями и лишаетъ ласковой надежды ко исполненію моихъ намѣреній. Я располагалъ чрезъ годъ возвратиться въ отчество; но медленность японского правительства, не подаетъ способовъ такъ скоро исполнить предпріятіе. Теперь прекращу оное подробное изъясненіе своихъ чувствованій, общество нашей компаніи довольно весело провели начало Нового Года; но я во все то время казался весьма скучнымъ и, углубившись въ задумчивость томной меланхоліи, ничѣмъ не могъ разъяснить овладѣвшей мною печали, — трехмѣсячное время, которое мы провели въ Японіи и разные предметы, довольно могущіе удовлетворить свободное чувство, все это мнѣ назалось одной бесполезной химерой — не зная совершенно причинъ разбившей меня печали, я не могъ о этомъ иначе заключить, какъ только, признавая оную за какое нибудь нещасное предвѣщаніе. Въ теченіе вѣка моего будетъ сей день памятникомъ незабвеннымъ который чтимъ вездѣ, — и въ Японіи благословеннымъ день тезоименитства блаженной памяти родителя своего. Любезные друзья! вы, конечно подумаете, что я празновалъ мѣсто и домъ, въ которомъ жилъ посолъ обыкновеннымъ житейскимъ увеселеніемъ, нѣтъ! я скажу вамъ противное: уединенная комната японского дома цѣлый день была свидѣтелемъ моей бесѣды, нѣсколько горячихъ слезъ, пролитыхъ изъ глубины сердечной, были сопутниками душевныхъ чувствованій и наконецъ въ восемь часовъ вечера я былъ отозванъ къ вечерней зарѣ.

Января 12-го ч. Сего числа въ восемь часовъ утра термометръ показывалъ намъ теплоты 10 градусовъ, а въ полдень 15, и цѣлый день безпрерывно шель пресильный дождь съ грозою. Тогда я въ душѣ моей, сравнивая климатъ любезнаго моего отечества со здѣшнимъ сказалъ самъ себѣ: какая разность! тамъ жестокіе морозы, положа на всѣхъ рѣкахъ крѣпкіе свои оплоты и земля твердо покрыта глыбами бѣлой одежды снѣга, словомъ вся природа царствуетъ; дождя постепенно времени своего, порядочно оною на четыре части въ году устроеннаго. — Здѣсь совсѣмъ неизвѣстны средственные морозы и снѣгъ и цѣлый годъ продолжается зелень и жители Японіи во всякое время

довольствуются разными прозябаніями и плодами.—Судя по семъ многіе скажутъ:—японцы счастливы;—нѣтъ! они не имѣютъ свободы человѣчества.

18-го ч. Съ сего числа у японцевъ начинается предпраздество Новаго Года, и жители стараются одинъ передъ другимъ имѣть преимущество во украшениіи своихъ домовъ разными деревьями и плодами. По просьбѣ посланника и нашъ домъ по ихъ обыкновенію также былъ украшенъ слѣдующимъ образомъ:—надъ всѣми воротами и дверями прибили зеленый ельникъ и бамбукъ, на верхней притолокѣ повѣшено были на сплетенной веревкѣ (изъ травы сарочинскаго пшена) связанные въ одинъ букетъ—апельсинъ съ вѣтвью, вареный ракъ большого рода, угорь и разные сухіе плоды, все сіе означало желаніе изобилія въ наступающій новый годъ. Въ семъ часовъ пополудни нагасакскій Губернаторъ присыпалъ къ послу съ переводчикомъ талехичерь (sic), презентъ для новаго года; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: два превеликіе непеченные хлѣба изъ сарочинскаго пшена; (они очень похожи видомъ на самый чистый голландскій сыръ), на нихъ положенъ апельсинъ съ вѣтвью, разные сухіе плоды, вареный ракъ, соль и пшено, все сіе оплетено зеленію. Переводчикъ, объявя комплиментъ, сказалъ, что у нихъ такие подарки посыпаются только къ однимъ знатнымъ вѣльможамъ и по прошествію трехъ дней можно присланное кушанье употребить въ пищу.

Февраля 19-го ч. Цѣлый мѣсяцъ провели въ ожиданіи прибытія вѣльможи, слѣдующаго изъ столицы японской Іедо, который по увѣдомленію переводчиковъ долженъ прибыть съ довѣренностю Императора (въ разсужденіи пріема посольства) съ рѣшительнымъ извѣстіемъ, по послѣднее время наше положеніе обстоитъ въ неизвѣстности настоящей цѣли плановъ японскихъ.

Сего числа прощеній день, и онъ нами былъ почти забытъ. Компаньоны мои, Гермолай Карловичъ Фредерици, и Дмитрій Ивановичъ Кошелевъ обѣдали и ночевали на фрегатѣ; я, когда сбирался ложиться спать, увидѣлъ передъ собой своего барабанщика Бѣлова, который былъ въ изрядной подгузии, и просить у меня прощенія, я спрашивавъ о причинѣ, наливая себѣ межъ тѣмъ стаканъ воды,—онъ отвѣчалъ:—я доволенъ.—„Сочти воду за водку—сегодня прощеній день“!—и такъ получа вмѣсто водки поцѣлуй, отправился въ свое мѣсто. А я, распростившись мысленно съ удовольствіями масленицы россійской, поспѣшилъ подъ покровъ Морфея.

Марта 23-го ч. Сего числа поутру въ 11-ть часовъ, пришли къ намъ три оберъ-толка, а именно: Скайдеймо, Санъ-Сабуро, Татикиро. Они объявили о прибытии изъ Іедо, сего марта 16-го числа вельможи; по японски называемаго Даймпо, который по ихъ старшинству вельможъ состоить во второклассныхъ чиновникахъ. Переговоръ продолжался о церемоніяхъ какъ принять посла, имъ весьма хотѣлось взять преимущество во всемъ противъ нашего посланника, но на многіе уничижительные предложенія онъ никакъ не соглашался о чёмъ они хотѣли дождѣться своему министру и на чёмъ положено будетъ. Сегодня же насть увѣдомили. Въ 6-ь часовъ пополудни пришли тѣ же самые, объявили наше требованіе обработаннымъ; и назначили время къ аудиенціи завтра въ 8-ь часовъ утра, изъ разговоровъ между прочимъ узнали, что случившійся въ прошедшихъ дняхъ; а именно. 21-го и 22-го числь большой у нихъ праздникъ (называемой Мусыме-Матдуре, на нашъ языкъ переведенъ—розанъ дѣвицъ, и онъ то былъ причиной медленнаго увѣдомленія о прибытии министра). А празднуютъ его по большей части всѣ тѣ, которые имѣютъ дочерей въ дѣвушкахъ, онѣ тогда щеголяютъ другъ предъ другомъ въ богатствѣ и убранствѣ разныхъ родовъ куколъ; которымъ во время церемоніи накрываются полы и становится разное кушанье и конфеты—весма странный обрядъ.

24-го ч. Термометръ показывалъ въ полдень 19 градусовъ теплоты. Въ 8-мъ часу утра прибыли къ намъ вышесказанные переводчики; они объявили, что къ отѣзду нашему въ городъ Нагасаки для полученія аудиенціи гребные суда подъ командою оберъ-бонжоса готовы;—который послѣ того вскорѣ и самъ со извѣстіемъ о готовности къ послу нашему явился.—Въ началѣ девятаго часа мы отправились слѣдующимъ образомъ: небольшая открытая лодка по причинѣ мели у берега пристала къ воротамъ нашего замка, посланникъ со свитой, а именно: Надворный Советникъ Фаге, свиты Государя Маіоръ Фредерици, я, поручикъ Кошелевъ, докторъ Ланддорфъ, со штандартомъunterъ офицеръ Кузнецовъ, взошли на сказанную лодку, на коей привезены были къ большому гребному и сверху покрытому судну, въ немъшли на 30-го гребцахъ по заливу и во время шествія мимо фрегата нашего, съ него сдѣлана была матросами по реямъ посланнику честь, и приближаясь къ мѣстечку Дезимъ, занимаемому голландскою факторіею, увидѣли въ ономъ поднятый флагъ и на балконахъ стоящихъ факторіи директора со всей свитой, которые неоднократно дѣлали намъ почтеніе поклонами. А подходя къ пристани города, пересѣли на другую лодку по той же причинѣ, какъ сначала отправились, и приставши къ берегу вышли на огромную площадь, которая со всѣхъ сторонъ окружена была вой-

скомъ и занавѣшана со всѣхъ сторонъ разноцвѣтнымъ полотномъ. По выходѣ изъ лодки посланикъ приглашенъ былъ садиться въ киримонъ, который несли шесть человѣкъ солдатъ, впереди онаго шли десять паръ бонжосовъ,—за ними шесть человѣкъ солдатъ съ большими въ рукахъ палицами, одинъ за однимъ, по три человѣка на сторонѣ. Позади ихъ мы шли съ переводчиками; позади нась. вышесказаннымъ образомъ, шесть человѣкъ солдатъ, за нимиѣхалъ кавалерійскій офицеръ на лошади, которую подъ узду ве...и два человѣка солдатъ, за нимъ шли пѣшиѣ множество офицеровъ и солдатъ, а за ними великая толпа народа. Проходя, мы видѣли прекрасныя, не очень широкія, нодо крайности чистыя улицы, которыя очень ровно устланы дикымъ тесаннымъ камнемъ, но далѣе по обѣимъ сторонамъ соединены по болѣшей части подъ одну крышу, всѣ занавѣшаны цыновками и полотномъ.— Однако, при всемъ искусствѣ японцевъ—скрывать отъ европейцевъ свое обстояніе. мы видѣли много прекрасныхъ нимфъ сквозь рѣдкія цыновки и великія скважины, искусно сдѣланныя нѣжною ихъ рукою; думаю,—не для того больше, чтобы смотрѣть на незнакомыхъ, но чтобы показать цвѣтущія свои прелести, и мы примѣтили довольно розъ непоблеклыхъ. Пройдя болѣе десяти улицъ, кои одна отъ другой отдѣляются воротами и при нихъ карантинъ—наконецъ дошли къ огромному деревянному дому Губернатора, который со всѣхъ сторонъ окружено былъ карауломъ. Вошедъ въ переднюю, приняты были оберъ-переводчиками, и введены во внутреннія комната, въ коихъ всюду видны были сидящіе чиповники. Но кромѣ преудивительной чистоты роскошь въ японскихъ домахъ, кажется, совсѣмъ не имѣеть мѣста. Итакъ послу была назначена комната, а свитѣ его особливаia, минутъ чрезъ пять просили послу въ залу аудіенцій,—при двухъ офицерахъ нашей свиты, и онъ, пошедші, взялъ съ собою Надворнаго Совѣтника Фаге, и маіора Фрідерици, а мы всѣ остались въ его комнатѣ; гдѣ угощаемы были курительнымъ табакомъ, чаемъ и бисквитами, чѣреозъ часть посолъ возвратился и мы шли обратно вышесказаннымъ образомъ до своей квартиры, и въ то время, какъ ни старалась строгая полиція разгонять чернь желѣзными своими палками—но она всюду толпилась тысячами. Что говорено было на аудіенціи, то изъясняется въ своемъ мѣстѣ.

Марта 25-го ч. Сего числа въ 10-ть часовъ утра прибылъ къ намъ бонжось, командующій гребными судами, чрезъ переводчиковъ объявилъ вторую аудіенцію и мы, отправясь въ одиннадцать часовъ въ городъ—противъ вчерашняго въ дорогѣ имѣли ту разность, что по причинѣ сильнаго дождя съ грозою, нась несли по улицамъ города въ киримонахъ. Аудіенція открыта по прежнему—тутъ объявлены пункты изъ

грамоты, данной японскимъ правленіемъ Российскому,—что торговля не позволяетя, по причинамъ совсѣмъ не основательнымъ, а болѣе смѣшнымъ, то есть, когда бѣ былъ съ Россіею устроенъ торгъ, тогда бѣ могли случиться невозможности въ правленіи ихъ усмотрѣть за мелкими людьми, въ разсужденіи тайной мѣны вещей съ ихъ мелкими же людьми, однимъ словомъ, показали, что имъ непріятна торговля съ сильнымъ Государствомъ Российскимъ. 2-е—за подарки Российскаго Государя японскій весьма благодарить, только принять оные не можетъ, потому-что не имѣть средствъ отблагодарить, взаимнымъ образомъ. Также благодарить и за тѣхъ японцевъ, которыхъ мы доставили. но просить при томъ, чтобы на будущее время—если случится таковое же нещастіе съ подданными его, и оные спасены будутъ, на берегахъ Российскихъ, чтобы ихъ ужъ не доставлять болѣе въ отечество свое, ибо чрезъ-то Россія теряетъ весьма много на доставку ихъ казны, а люди имъ не очень нужны. 3-е, что во время своего пребыванія мы получали отъ нихъ жизненные припасы, за то деньги отъ насъ не приемлются и никакихъ вещей за деньги купить намъ не позволено; что же нужно въ дорогѣ изъ провизіи все вообще будетъ ими въ скорости доставлено, а сверхъ того подарено на общество офицеровъ по сто кусковъ шелковой ватки, сто мѣшковъ пшена, и 700 пудовъ соли для экипажа нашего. 4-е—кораблямъ нашимъ входъ въ гавани ихъ позволяетя, но и то по самой крайней нуждѣ, и отнюдь не для торговли.

26-го ч. Были у насъ три оберъ-толка, назначили завтра въ 12 часовъ послѣднюю аудіенцію.

27-го ч. Въ двѣнадцать часовъ прибыли божосы съ переводчи-ками, и мы немедленно отправились. Въ городѣ все было по прежнему: только насъ несли въ киримонахъ, я приглашенъ былъ съ посланникомъ въ залу аудіенцій—и представлены къ двумъ Губернаторамъ и дайелю, кои сидѣли отъ насъ черезъ одно мѣсто, и мы сидѣли по ихъ манеру напротивъ ихъ, на полу. Разговоръ начался отъ посла нашего благодарностю за хорошее намъ содержаніе,—и притомъ просилъ у вѣльможъ письменного вида, въ случаѣ нашего обратнаго пути, если обстоятельства принудятъ близъ береговъ ихъ лечь на якорь,—чтобъ не могло съ ихъ стороны быть какого въ томъ препятствія,—на что они не согласились,—отзывааясь строгостю своего закона; и все трое увѣряли словесно, что если бѣ по необходимости пришлось намъ, близъ береговъ ихъ остановиться, на якорѣ, то никакого въ томъ препятствія чинено не будетъ. Посланникъ нашъ послѣдняя привѣтственные слова началъ говорить съ вѣльможами на ихъ языке, чѣмъ они весьма удиви-

лись, но однако жь отвѣчали на оные чрезъ переводчиковъ, давая разумѣть, что по ихъ закону они непремѣнно должны съ иностранными говорить чрезъ толмачей—хотя бы и сами совершенно тотъ языкъ знали и потомъ мы угощаемы были табакомъ, чаемъ и конфектами, и по прощанію чрезъ городъ шли мы потомъ пѣши.

Апрѣля 6-го ч. По сie время продолжалась на корабль погрузка нашихъ припасовъ и вещей, а сего числа мы совсѣмъ перебрались на корабль, и сто японскихъ лодокъ отбуксировали оной къ мѣстечку Папенбергъ, пять бонжосовъ и множество прочихъ офицеровъ и переводчиковъ проводили насть до сказанного мѣста. Въ три часа пополудни распостились съ нами пріятельски и отбыли въ городъ. Всѣ съѣтные припасы отъ японцевъ доставлены намъ на двухмѣсячное время. Теперь ожидаемъ благополучнаго вѣтра къ выходу.

7-е ч. Въ шесть часовъ утра при благополучномъ вѣтре встутили подъ паруса.

9-е ч. Обшедь Юдскіе острова, повороть сдѣлали къ N и встутили въ Карейское море;—планъ нашего плаванія былъ—описать западные берега Японіи.

Великій праздникъ Воскресенія Христова,—напомнилъ мнѣ любезное отчество; трехдневная морская болѣзнь отняла силы мои совершенно изобразить то душевное умиление, которое ощущало мое сердце;—любезныя друзья!—я малъ въ душѣ моей—вы, конечно, не думаете, чтобъ я празновалъ сей Великій День во владѣніяхъ Нептуна;—при семъ словѣ рука моя опустилась, слезы покатились изъ глазъ и томный вздохъ отлетѣлъ къ любезнымъ моему сердцу.

11-го ч. Сего числа видѣли на правую сторону нашего плаванія,—японскіе берега и множество судовъ, но ни одно изъ нихъ къ кораблю нашему не приблизилось.

Апрѣля 20-го ч. Путь нашего плаванія по сie число продолжался не въ виду береговъ, и, по случаю ненастной погоды, ничего любопытнаго не случилось, а сегодня поутру въ 9 часовъ увидѣли землю, въ 12 часовъ подошли къ оной на разстояніе 10 итальянскихъ миль. Высокая гора, отъ коей протянулась великая плоскость, лежащая къ западу мысомъ,—изображала сie мѣсто островомъ. По обсерваціи на семъ пунктѣ, сѣверная широта оказалась, 39 градусовъ и 44 ми-

нуты. Въ два часа пополудни сдѣлался штиль, изъ дали видно было много японскихъ судовъ.

21-го ч. Въ 9-ть часовъ утра сдѣлался благополучный вѣтъръ и мы обойдя западной мнимаго острова мысъ, увидѣли по правую сторону онаго,—лежащій низменный песчаный берегъ, коего длина простиралась весьма далеко. Въ пяти миляхъ отъ берега бросили лотъ и глубина оказалась 39-ъ сажень, грунтъ былъ песчаный, близъ береговъ, большими стадами видѣли дикихъ гусей и баклановъ. Одно большое японское судно долго лежало съ нами на одномъ курсѣ по правую сторону къ берегу, разстояніемъ отъ корабля въ двухъ верстахъ. Въ 6-ь часовъ пополудни проходя низменный берегъ, у подошвы высокихъ горъ увидѣли немалое селеніе, подлѣ котораго въ бухтѣ, видно было много стоящихъ на якорѣ морскихъ судовъ,—и идущее подлѣ насъ судно вошло въ сказанную бухту—чрезъ полчаса послѣ того увидѣли идущихъ изъ той же бухты четыре большихъ гребныхъ лодки—наполненные людьми,—полагая примѣрно всехъ до двухсотъ человѣкъ,—то странное явленіе понудило насъ зарядить пушки и когда лодки приближались къ кораблю (въ то время былъ поворотъ онаго на другой галсъ, чрезъ то они очень близко успѣли подойти къ правому борту), тогда у насъ ударили въ барабанъ тревогу, и люди, назначенные по пушкамъ, тотчасъ заняли свои мѣста, и воинская команда немедленно взошла съ заряженными ружьями на шканцы, тутъ мы увидѣли, торопливость, страхъ, испортившіе ретираду неизвѣстно для чего подошедшіе къ намъ японцамъ, которые, поднявъ свои соломенные паруса, скоро скрылись отъ глазъ, а мы оставшиесь спокойными въ ночь, и имѣли курсъ свой при маловѣтріи отъ береговъ въ моря.

22-е ч. При благополучномъ вѣтре продолжали плаваніе подлѣ гористаго берега; въ 11 часовъ утра прошли весьма высокую и снѣгомъ покрытую гору, отъ которой простирался вдали также холмистый берегъ. Въ 12-ь часовъ обсервована широта, и мы находились . . . . 41-мъ градусомъ . . . . , въ 6-ь часовъ пополудни подошли къ Сингарскому проливу; лежащему между островомъ Ниппономъ и Матмаемъ, изъ коихъ на послѣднемъ видѣли въ зрителныя трубы довольно обширный городъ—называемой по японски Мацы. Вновь при тихомъ вѣтре лежали отъ береговъ въ море.

23-го ч. При попутномъ вѣтре, обойдя Сангаръ, направили путь нашъ близъ Сѣверо-Западныхъ береговъ острова Матмая, на коемъ по

возвышеннымъ мѣстамъ горъ видѣли немало снѣга, а селеній больше замѣтить не могли.

29-го ч. Подходя къ мнимымъ послѣднимъ двумъ островамъ, положеннымъ на картѣ противъ оконечности мыса Матмайского и къ проливу оныхъ, увидѣли миляхъ въ 3-хъ отъ нась плывущую порожнюю лодку, которая посланнымъ отъ нась яликомъ поймана и поднята на корабль. Она увѣрила нась, что по близости сего мѣста должны быть жилища японскія, ибо на веслѣ, лежащемъ въ той лодкѣ нашли подпись, вырѣзанную японскими буквами.

30-го ч. Пройдя превысокій, отдѣлившійся отъ земли въ море покрытый снѣгомъ пикъ, и поворотя отъ оного вправо за мысъ острова Матмая, за которымъ увидѣли изрядную бухту и по берегу еной селеніе, изъ которого вскорѣ приплыли къ намъ три лодки называемыхъ мохнатыхъ курильцевъ, они дѣлали намъ привѣтствія, поднимая обѣ руки кверху и опуская книзу, обхватывая бороду—показывали руками на свое селеніе и пантомимами звали къ себѣ. За противнымъ вѣтромъ мы остановились въ 11-ь часовъ на якорь; въ два часа послѣ обѣда отправились въ шлюпкѣ къказаному селенію на берегъ.—Хижины, построенные изъ камыша на манеръ якутскихъ юргъ, множество сушеныхъ сельдей и прочей рыбы, висящей на вѣшалахъ, нѣсколько мелкаго рода собакъ, а впрочемъ очень похожихъ на камчадальныхъ, кажется, составляли все сихъ людей имѣніе;—одежды изъ древесной коры, ткань похожая много на ревендукъ, гораздо оного толще—есть лѣтнее ихъ платье, которое покроемъ очень похоже на чѣмъ. Зимнее платье изъ кожи собачьихъ и лисьихъ того же покроя, мужчины и женщины въ платьѣ различія никакого не имѣютъ, и волосы на головѣ не подстригаются спереди, закладывая оные за уши; только примѣтили у нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушекъ надъ самыми лбомъ на вершокъ кверху обстрижены. Мужчины бороды совсѣмъ не подстригаются, и кажется оттого получили название мохнатыхъ; женщины татуируютъ губы и руки по локоть, синимъ составомъ; въ ушахъ носятъ превеликія мѣдныя кольца,—онѣ лицомъ нѣсколько похожи на камчадалокъ, только гораздо ихъ неопрятнѣе,—въ юртахъ сихъ людей видѣли довольно вещей японскихъ. Они состоятъ изъ инструмента желѣзного для дома, курительного табаку, и соломенныхъ работъ; послѣдними постилаются, поль въ юртѣ,—и сидѣть на оныхъ всѣмъ семействомъ кругомъ огня разложеннаго среди покоя. Въ каждой юртѣ, по входѣ на правой сторонѣ въ переднемъ углу врытъ деревянной столбикъ, и къ оному привязанъ молодой медвѣдь; примѣтно, что у нихъ есть въ томъ сущ-

вѣріе,—побывши три часа у новыхъ знакомыхъ, дарили ихъ разными бездѣлками, потомъ поѣхали на корабль; и по прибытіи на оный узнали; что во время отсутствія нашего были на кораблѣ японцы, а какіе люди онаго не открыли, обѣщая исполнить то завтра.

Мая 1-го ч. Въ 10 часовъ утра прибылъ къ намъ въ лодкѣ японскій чиновникъ, который и объявилъ, что онъ есть на семъ берегу караульный офицеръ (по японски якунинъ). Онъ совѣтовалъ намъ какъ можно скорѣе удалиться отъ ихъ береговъ, а въ противномъ же случаѣ узнаютъ обѣ нась въ Матмай и пришлютъ величайшій флотъ. Мы, слушая отъ него такое страшное описание о своемъ флотѣ, приняли то равнодушно, съ усмѣшкою—и сказали, что при попутномъ вѣтрѣ будемъ въ морѣ,—онъ увѣдомилъ нась, что мы теперь стоимъ при входѣ въ проливъ и, что въ ясную погоду отсель видны берега острова Шиша.—Онъ очень помнить Россійскую экспедицію, въ которой былъ лаксманъ съ Матмая, и въ доказательство того нѣсколько проговорилъ намъ затверженныхъ имъ тогда русскихъ словъ; по угощенніи чаю и водкою отправился въ свое мѣсто.

2-го ч. Поутру въ 1-й часъ снялись съ якоря, направили путь нашъ къ проливу, значущемуся на картѣ между островами Матмая и Шиши, и къ вечеру подошли очень близко къ острову на картѣ показанному Карапуто или Шиша, который по примѣчанію совсѣмъ представился глазамъ нашимъ въ другомъ видѣ; и мы болѣе признали сіе мѣсто за островъ Сахалинъ, ибо онъ лежитъ въ этой широтѣ. Въ ночь отошли отъ береговъ въ море.

3-го ч. При благополучномъ вѣтрѣ пустились въ проливъ; при входѣ въ оный увидѣли въ лѣвой сторонѣ отъ нась, миляхъ въ 3-хъ большой надводный камень и множество на немъ сѣтей. Сіе болѣе нась удостовѣрило въ томъ, что островъ сей не Шиша, ибо на картѣ въ проливѣ Лаперузѣ означенный камень лежитъ по видамъ въ самомъ томъ мѣстѣ и названъ опасностію. Болѣе жъ всего увѣрила нась полуденная обсервация, по которой мы находились въ сѣверной широтѣ подъ 46-мъ градусомъ и 3 минутами. Тогда совершенно узнали, что острова Шиша и между его и Матмая пролива совсѣмъ нѣтъ, а есть дѣйствительно одинъ Лаперузокъ, лежащій межъ острововъ Матмая и Сахалина. Въ 6 часовъ пополудни подошли въ заливъ. . . . къ оконечности, гдѣ увидѣли подлѣ берега немалое японское судно и по берегу довольно строенія; въ 7 часовъ на 8-ми саженяхъ глубины положили якорь.

4-е ч. Утромъ прибыли къ кораблю отъ берега двѣ лодки; на одной были японцы, а на второй курильцы или сахалинцы, кои приглашаемы были нами на корабль, но въ томъ намъ отказали; японцы отзывались, что у нихъ на берегу находится чиновникъ, безъ воли которого они взойти на корабль никакъ не смѣютъ, а послѣдніе слѣдовали первымъ. Въ два часа пополудни мы отправились въ шлюпкѣ на берегъ, гдѣ нашли двухъ японскихъ купцовъ, заготовляющихъ въ семь мѣстъ соленыхъ сельдей; у нихъ для того построены очень хорошия магазины и рыбы заготовлено очень много. Когда мы взопили въ домъ къ сказаннымъ купцамъ то они насъ такъ испугались, что долгое время совсѣмъ не могли говорить ни слова, а когда изъувѣренія нашего узнали, что мы Россіяне и ихъ пріятели, тогда нашли у себя языкъ и увѣдомили насъ, что они приходятъ сюда изъ города Матмая каждое лѣто для заготовленія рыбы, а на зиму уѣзжаютъ со всѣмъ промысломъ въ сказанный городъ. Въ работѣ у нихъ находятся жители сего острова, которыми платятъ они за труды товаромъ. Мы примѣтили обитателей сего острова весьма добрыми, и кажется, что они совсѣмъ поработочены живущими здѣсь японцами и всякое приказаніе ихъ исполняютъ съ торопливостью совершенно какъ ихъ подданные. Образъ жизни имѣютъ точно такой же какъ мы видѣли на островѣ Матмаѣ, и платье имѣютъ такое, только гораздо оныхъ трусливѣе.— Мы входили въ одну ихъ юрту, въ которой находились тогда однѣ женщины, увидѣвъ насъ, отъ страха закричали всѣ въ голосъ; когда же мы начали ихъ дарить разными бездѣлками, то брали оныя трепещущими руками и всѣ дрожали безпрестанно. Такое зрелище принудило насъ скорѣе ихъ оставить. Заливъ имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее; его низменный берегъ весь покрытъ деревьями, а именно: елью, сосной, березой и рябинникомъ, между оного вылегающія ровные долины представляютъ глазамъ весьма пріятную картину. Рыбы здѣсь такъ изобильно, что когда сдѣлался въ бытность нашу на берегу морской отливъ, то весь берегъ покрытъ былъ икрою оной; устрицъ ловятъ очень крупныхъ, дичины разнаго рода великое множество, также и китовъ въ заливѣ мы видали вдругъ десятка по два.

5-е ч. Въ 7 часовъ утра снялись съ якоря и къ вечеру подошли къ Кануанье; гдѣ при маловѣтріи легли къ ночи въ дрейфъ.

6-е ч. Въ 8 часовъ утра, пройдя проливъ Лаперузъ, вступили въ Охотское или Пенжинское море; направили курсъ нашего плаванія вдоль юго-восточныхъ береговъ острова Сахалина, которые описаны еще никѣмъ не были.

8-е ч. Въ 8 часовъ утра увидѣли изрядной величины бухту, и подойдя къ оной миль за восемь, капитанъ корабля отправилъ лейтенанта Головачева въ яликѣ для осмотра и промѣриванія оной, который, по прибытіи въ бухту, совсѣмъ не нашелъ въ оной якорныхъ мѣстъ и увидѣвъ на берегу строеніе, любопытствовалъ узнать обитателей онаго, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ людей человѣкъ до десяти. Они очень похожи на послѣднихъ прежнихъ мнай описанныхъ, только живутъ гораздо ихъ опрятнѣ; также примѣчено у нихъ немало вѣщай японскихъ, что служить доказательствомъ сношенія ихъ съ японцами, и видѣль много собакъ, коихъ примѣтно они употребляютъ для ъзды въ зимнее время. По прибытіи сказаннаю лейтенанта на корабль въ два часа пополудни мы оставили сіе мѣсто, безъ дальніаго изслѣдованія по невозможности остановиться на якорь.

11-е ч. Подошедши къ оконечности залива Пасіанса, остановились на якорь; и какъ уже было 8-ъ часовъ пополудни, то не успѣли сего дня быть на берегу.

12-е ч. Въ 4-е часа поутру капитанъ лейтенантъ Ротмановъ отправился въ шлюпкѣ на берегъ, и какъ примѣтна была съ корабля впадающая въ заливъ небольшая рѣка, то памѣреніе его было испытать оную. Прибывши на берегъ, дѣйствительно, нашелъ изрядную рѣку, въ которой поймана неводомъ въ 30 фунтовъ одна рыба, очень похожая видомъ и вкусомъ на лососину. Мѣстоположеніе берега недурно, только приставать къ нему и въ маломъ суднѣ весьма трудно по причинѣ чрезвычайной отмели и отъ оной большого буруна, облегающаго весь сей берегъ. Онъ видѣль вдали трехъ человѣкъ людей, кои, примѣтивъ его приближеніе, тотчасъ скрылись въ близьлежащій тростникѣ и болѣе на берегу примѣчено ничего не было: кромѣ великаго множества дичины разнаго рода и устричныхъ раковинъ.—По прибытіи Ратманова на корабль при благополучномъ вѣтре вступили подъ паруса.

15-го ч. Прошедши мысъ Пасіансъ, въ 10-ть часовъ утра открылось вдали по всему сѣверному берегу острова Сахалина множество плывущаго льда, то принудило настъ немедленно перемѣнить курсъ свой къ 13-му Курильскому острову и предпріятіе описанія острова Сахалина отложено до будущей экспедиції.

18-го ч. Сего числа увидѣли 11-й и 12-й Курильскіе острова, но крѣпкій вѣтръ принудилъ настъ отъ оныхъ удаиться.

19-го ч. Подошли къ вышесказаннымъ островамъ напротивъ самаго пролива оныхъ, въ которомъ усмотрѣно нами множество надводныхъ каменьевъ; притомъ неблагопріятствующій вѣтръ вскорѣ развѣль сильное волненіе, то принудило насъ и сіе мѣсто оставить, а имѣли плаваніе вдоль цѣпи сихъ острововъ, приближаясь къ Камчатскому полуострову.

21-го ч. Ввечеру подошли къ 5-му и 6-му островамъ, гдѣ межъ оныхъ открылся хотя узкій но весьма недлинный и чистый проливъ, въ который вновь пустились, и при хорошемъ вѣтре прошли благополучно, и Камчатскимъ моремъ направили свой путь къ гавани Петропавловской.

24-е ч. Увидѣли гавань Петропавловскую, но за маловѣтремъ не могли войти въ оную.

25-го ч. Въ 6 часовъ пополудни при благополучномъ вѣтре взошли въ гавань, гдѣ тогда находились зимующія суда: казенное транспортное Святого Феодосія подъ командою штурмана Астафьева и Компанийское Марія, слѣдующее на Алеутскіе острова подъ предводительствомъ двухъ лейтенантовъ Машина, Хвостова и при нихъ мичмана Давыдова.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества дѣйствительный Камергеръ Николай Петровичъ Резановъ, во время вояжа до гавани П., располагавъ по прибытии въ оную, отправиться на казенномъ транспортномъ суднѣ въ Охотскъ, а оттуда до Петербурга, но нашедъ въ гавани Россійско-Американской компаніи сказанное судно Марію, планъ своего путешествія до Петербурга отмѣнилъ, а началъ приготовляться въ Сѣверную Америку, ибо онъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе обозрѣть все заведеніе компаніи на Алеутскихъ островахъ и подробно разсмотрѣть тамъ обстояніе Компанийского Правленія, куда въ теченіи іюня мѣсяца и отправился. А фрегатъ Надежда, имѣя планъ окончить описание острова Сахалина, началъ приготовляться къ отправленію на онай, и межъ тѣмъ со извѣстіемъ о прибытии и о намѣреніяхъ посланъ былъ нарочный курьеръ въ Нижне-Камчатскъ къ Правителю области Господину Генерал-Майору Кошелеву, котораго господинъ Резановъ не дождавшись, отбылъ въ Америку; а фрегатъ дождался и на другой день его прїѣзда также отправился въ свой путь съ тѣмъ, чтобы по описаніи Сахалина обратиться въ Гавань, а изъ онай полагалъ

намѣреніе довершать обратный достохвальный свой путь до Петербурга. Мы, пробывши въ гавани П. три дня, отправились съ господиномъ шефомъ въ Нижне-Камчатскъ и въ августѣ мѣсяцѣ получено извѣстіе о благополучномъ возвращеніи фрегата. А что имъ во время сей экспедиціи сдѣлано—мнѣ подробно о томъ не извѣстно, кромѣ какъ только имѣя два письма отъ пріятелей, которыѣ для памяти прилагаю у сего.

1 Авг. Правитель области Камчатской по полученіи извѣстія о возвращеніи фрегата отъ Сахалина и также о приготовленіи его въ обратный путь, немедленно командировалъ брата своего поручика Кошелева въ гавань для скорѣйшаго споспѣществованія странникамъ во всѣхъ нужныхъ воспособленіяхъ, который, возвратясь въ Нижне-камчатскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ увѣдомилъ, что фрегатъ Надежда отправленъ благополучно, и какъ по волѣ Всевышняго свершить сія экспедиція многотрудные свои подвиги, о томъ должна ожидать Россія и цѣлый свѣтъ подробнѣйшаго умныхъ людей описанія 1805-го года Октября 15 дня. Нижне-Камчатскъ.

Божію поспѣшствующею милостію Его Тензинкубоскому Величеству Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, превосходнѣйшему императору и повелителю Государь Императоръ и самодержецъ Всероссійскій желаетъ совершенного здравія, многолѣтней жизни и въ царствованіи всякаго благополучія. Принявъ въ управление Имперію, предѣлы коей прародители мои Петръ I-й и Екатерина II-я славными побѣдами распростирили, и нашедъ Голландію, Францію, Англію, Италію, Испанію, и нѣмецкую землю страждущими отъ общей войны, поставилъ Я себѣ за долгъ склонить ихъ дружескимъ настояніемъ ко всеобщему миру, полагая благоденство царства моего въ тишинѣ и спокойствіи. Обращаю Я все попеченіе мое на приобрѣтеніе дружественнаго расположенія всѣхъ вообще земныхъ царствъ, а паче моихъ сосѣдей. Вѣдала достоинство Японской Имперіи покойная Императрица Екатерина Великая въ знакъ благопріязненій въ 1791-мъ году возвращала въ отчество тѣхъ японцевъ, кои несчастнымъ случаемъ претерпѣвъ кораблекрушеніе судбою брошены были на берега моего царства, и тогда посланные Россійскіе подданные, будучи дружелюбно приняты, получили отъ японского Правительства листъ, коимъ позволено было одному судну приходить въ нагасацкую гавань невозбранно.

Чувствуя и понынѣ таковое благопріятно расположенія Вашего Тензинкубоскаго Величества, и притомъ какія выгоды могли бы истекать отъ взаимнаго торгового обращенія, сверхъ сего, желая вѣдать составъ правительства и другихъ частей свѣта, положилъ Я сдѣлать

въ Японію отправленіе для возвращенія Вашему Величеству вѣсколько человѣкъ японцевъ, которые донынѣ не по волѣ своей, но несчастнымъ рокомъ избѣгши смерти отъ кораблекрушенія, спасли въ Моихъ предѣлахъ жизнь свою, а на сей конецъ избравъ въ родѣ достойнаго, вѣрно-подданного дѣйствительного камергера двора моего Николая Резанова, дабы съ должностнымъ почтеніемъ могъ онъ приблизиться къ Самодержавной Особѣ Вашей; желаю, чтобы онъ подальше Вашему Тензинкубоско-му ВЕЛИЧЕСТВУ сію грамоту по надлежащему обряду съ истиннымъ уваженіемъ, поступалъ бы во всемъ такимъ образомъ, чтобы и Вамъ пріятно было и объявилъ бы Вашему Тензинкубоскому Величеству сколько я стараюсь продолжить и утвердить на непоколебимыхъ правилахъ связь дружественнаго Моего къ Вамъ расположенія, и все то исполнить, что токмо съ Вашей стороны требовано будетъ. Въ знакъ признательности за принятіе моихъ предложеній, которые состоять въ томъ, чтобы Ваше Тензинкубоское Величество дозволили купечествующему народу Моему, и паче жителямъ Кадьякскихъ, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, яко Вамъ собственнымъ, приставать въ Нангасацкую гавань, и не токмо одному кораблю, но и многимъ, и въ другія гавани съ тѣми избытками, какіе Вамъ благопріятны будутъ. Я жъ съ Моей стороны отверзаю всѣ предѣлы царства Моего къ дружелюбному принятію вѣрноподданныхъ Вашихъ, на какихъ основаніяхъ утвердить взаимную между подданными нашими торговлю и гдѣ приставить въ портахъ Вашихъ торгующимъ Моимъ подданнымъ поручиль Я посланнику Моему помянутому дѣйствительному Камергеру Резанову войти съ министерствомъ Вашего Тензинкубоскаго Величества въ должностные переговоры какимъ образомъ впередъ доставлять Миѣ къ Вамъ Вашихъ подданныхъ, если несчастнымъ жребiemъ претерпять они кораблекрушеніе и на берегахъ Моего царства спасуть жизнь свою. Посылаю при семъ Вашему Тензинкубоскому Величеству въ даръ часы вѣдѣланные въ фигуру механическаго слона, зеркала, мѣхъ лисій, вазы костяной работы, ружья, пистолеты, и стальныя и стеклянныя издѣлія, сіи вещи выдѣланы на Моихъ мануфактурахъ, хотя оныя небольшой стоять цѣны, Я желаю чтобы они только пріятны для Васъ были, и чтобы въ предѣлахъ моего государства нашлось что нибудь вамъ угодное.

Въ Санктпетербургѣ юня 30-го дня царствованія Моего третьяго года.

На подлинномъ подписано собственно его Императорскаго Величества рукою такъ: Александръ.

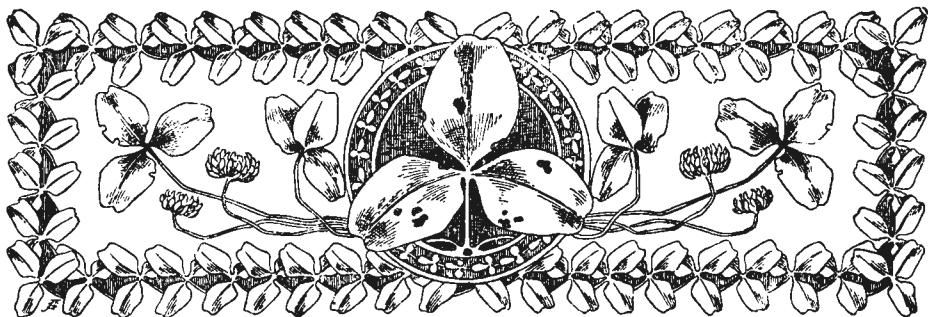
Контро сигнировано посемъ: Графъ Александръ Воронцовъ.

Россіяне! обошедъ вселенную, видимъ мы себя наконецъ въ водахъ Японскихъ! Любовь къ отечеству, искусство, мужество, презрѣніе опасностей, повиновеніе начальству, взаимное уваженіе, кротость,— суть черты изображающія Россійскихъ мореходовъ, суть добродѣтели всемъ Россіянамъ вообще свойственныя, Вамъ, опытные путеводцы, принадлежить и теперь благодарность соотчичей!.

Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свѣтъ никогда лишить Васъ не въ силахъ.

Вамъ достойные сотрудники мои, принадлежить совершеніе другого достохвального подвига и открытіе новыхъ источниковъ богатства! А вы, неустрашимыя чада морскихъ ополченій, восхищайтесь утѣхами ревностнаго вашего содѣйствія, соединимъ сердца и души наши къ исполненію воли Монарха пославшаго нась; Монарха, праведно нами обожаемаго, но мы давно уже ихъ съединили. Итакъ, благодарность къ Августѣйшему Государю нашему да одушевляетъ всѣ чувства наши! День сей, друзья мои, знаменить тѣмъ, что сыны его въ первый разъ проникаютъ въ пространство Имперіи Японской и побѣдносный флагъ Россіи ознакомливаются съ водами Нагасакскими. Уполномоченъ будучи отъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего быть свидѣтелемъ великихъ подвиговъ вашихъ, столь же лестно было мнѣ раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, сколь пріятно нынѣ торжественно изъявить вамъ ту признательность, которая въ нѣдрахъ любезнаго нашего отечества всѣхъ нась ожидаетъ. Празднуя въ водахъ Японскихъ день Высочайшей Его Императорскаго Величества коронаціи, дѣлаю я онъ навсегда для заслугъ вашихъ памятнымъ. Зрите здѣсь изображеніе великаго Государя, примите въ немъ мзду вашу, изукрасьтесь симъ отличиемъ, едиными безпредѣльными трудами и усердiemъ пріобрѣтаемымъ, помните повсечастно, что оно еще болѣе обязываетъ васъ къ строгому храненію добродѣтелей, коими гордились предки наши и въ восторгѣ славы благословляйте царствованіе, въ которое заслуги послѣдняго подданного и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ свѣта предъ Монаршимъ престоломъ никогда незабвены. 1804-го года Сентября 15-го дня.

ИЗЪ ЛѢТОПИСНЫХЪ СКАЗАНІЙ ХVII и ХVIII вѣковъ¹⁾.

Въ 1620-мъ году въ 7-ой годъ царствованія Благочестиваго Государя и Великаго Князя Михаила Федоровича пасѣчникъ²⁾, крестьянинъ села Оболонья—осматривая свои улья—на высокомъ кленѣ среди дремучаго лѣса, принадлежавшаго Понорницкой сотнѣ Черниговскаго полка, случайно поднявъ вверхъ голову, увидѣлъ изображеніе Святителя Николая Чудотворца.

Совершивъ крестное знаменіе, онъ благоговѣйно снялъ икону съ дерева и отнесъ ее въ свое жилище. Не найдя на слѣдующее утро изображенія Угодника, онъ поспѣшилъ въ лѣсъ и увидѣлъ его на прежнемъ мѣстѣ. Не сказавъ ничего своимъ близкимъ относительно чудеснаго явленія иконы—онъ рѣшилъ хранить ее въ тяжеломъ, запертомъ большимъ замкомъ сундуку. Но и на этотъ разъ исчезнувшая икона снова очутилась на томъ же кленѣ въ дремучемъ (понынѣ существующемъ) лѣсу.

Пораженный таинственнымъ исчезновеніемъ иконы, крестьянинъ сообщилъ мѣстному (села Оболонья) священнику отцу Василію о совершеншемся чудѣ.

Быстро облетѣла соцѣднія селенія вѣсть о явленіи иконы и отовсюду стали стекаться къ указанному промысломъ Божімъ дереву благочестивые вѣрующіе съ усердною молитвой объ исцѣленіи отъ болѣзней, утѣшеніи въ скорбяхъ и напастяхъ. На скромныя средства

1) Изъ монастырскаго архива Рыхловскаго Монастыря Черниговской губ. Кролевецкаго уѣзда.

2) По настоящее время дремучіе лѣса громадныхъ липъ, кленовъ, дубовъ—привлекаютъ пасѣчниковъ, пчеловодовъ.

мѣстныхъ жителей сооружена была среди дремучаго лѣса маленькая часовня во имя Святителя Николая, въ которой ежегодно 9-го Мая и 6 Декабря совершаѣтъ богослуженіе приходской священникъ села Оболонья¹⁾.

О цѣломъ рядѣ чудесъ повѣствуютъ записи монастырскаго архива, а на стѣнахъ маленькой часовни-церкви пестро, яркими красками изображены важнѣйшія, относящіяся къ явленію иконы событія.

Такъ преданіе гласить, что упомянутому священнику, не пожелавшему совершить богослуженіе 9-го Мая явившійся во снѣ Святитель обратился съ укоромъ: „Почто не радѣши о званіи, къ которому призванъ? Почто оставляеши пустынныи храмъ мой безъ славословія Бога, дивнаго во святыхъ Его.“ Больнымъ, разслабленнымъ проснулся священникъ въ утро 9-го Мая. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы его немедленно отвезли въ часовню, гдѣ онъ, послѣ усердной молитвы передъ чудотворной иконой, получилъ исцѣленіе.

То же преданіе гласить, что собравшіеся въ то время въ лѣсу вѣрующіе не остались безъ богослуженія. 9-го Мая 162... г. священнику города Новгородъ-Сѣверска²⁾ явившійся таинственнымъ образомъ юноша сталъ просить, отъ имени Оболонскаго священника совершить богослуженіе въ пустынкѣ. Собравшаяся въ лѣсу толпа видѣла пару бѣлыхъ коней и юношу мгновенно изчезнувшихъ изъ виду по доставленіи священника къ мѣсту служенія. Пораженный изумленіемъ народъ восклицалъ: „рыхло, рыхло“ (по польски: скоро, скоро)³⁾, откуда и произошло название монастыря.

Сначала въ близь лежащихъ пещерахъ поселилось всего нѣсколько отшельниковъ, а затѣмъ, когда вѣсть о чудесахъ, совершившихся постоянно передъ чудотворной иконой, стала привлекать толпы богомольцевъ, явилась необходимость въ сооруженіи небольшихъ деревянныхъ построекъ, послужившихъ основаніемъ монастыря въ половинѣ XVII столѣтія.

¹⁾ Ближайшее имѣніе, верстахъ 10—12-ти отъ мѣста, гдѣ явился образъ.

²⁾ Въ 40 верстахъ отъ Монастыря.

³⁾ Малороссія находилась въ то время подъ владычествомъ Польши. И до настоящаго времени въ разговорномъ языке Малороссовъ много польскихъ словъ.

Послѣ продолжительныхъ, закончившихся пораженіемъ Поляковъ подъ Глуховымъ въ 1664 году, кровопролитныхъ казацкихъ войнъ, Рыхловскій монастырь стали посѣщать усердно, для поклоненія святыни—щедрые благотворители изъ числа именитаго того времени казачества.

Таковыми были „Гетманъ Даніилъ и братъ его Василій многогрѣшные,“ на средства которыхъ, по свидѣтельству архивныхъ записей, были воздвигнуты первыя монастырскія постройки.

Возмущенный предложеніемъ Гетмана Брюховецкаго малороссійскимъ старшинамъ, вновь отложиться отъ Москвы въ 1668, неподкупный, твердый, рѣшительный Василій многогрѣшный удалился въ Рыхловской монастырь. Единогласно избранный въ 1671 году Черниговскимъ полковникомъ, онъ навсегда покинулъ мирную обитель, для которой сумѣлъ пріобрѣсти много цѣнныхъ угодій.

Не менѣе дѣятельнымъ щедрымъ благотворителемъ былъ избранный въ 1672 Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Самойловичъ. Послѣ неудачнаго крымскаго похода 1687 г. онъ, присоединившій къ Россіи Заднѣпровскую Украину, попалъ въ немилость, былъ низложенъ и, испытавъ превратности судьбы, умеръ въ ссылкѣ въ Сибири въ 1692 г.

Получившій исцѣленіе передъ иконой святителя Николая отъ продолжительной тяжкой болѣзни добрый, мягкий Гетманъ Иванъ Скоропадскій много содѣйствовалъ украшенію и благосостоянію обители. Уступая, подчиняясь преобразованіямъ Петра I, онъ возстановилъ противъ себя казачество, лишивъ Малороссію многихъ ея льготъ и преимуществъ. Нерѣшительный, добродушный онъ представлялъ такой поразительный контрастъ своей энергичной,ластной женѣ Анас. Марк. (рожденной Марковичъ) что у современниковъ сложилась поговорка: „Иванъ телять пасе, а Настя булаву несе“.¹⁾

Успѣшно воевавшій съ татарами въ 1689—1693 г. съ турками и шведами въ 1697 г., попавшій въ немилость за слишкомъ рѣшительное требование возврата утраченныхъ Малороссіей при Скоропадскомъ льготъ и привилегій, Гетманъ Даніилъ Апостолъ, соорудившій кіотъ и цѣнную ризу на чудотворную икону, принадлежаль къ числу наиболѣе щедрыхъ, оставившихъ по себѣ благодарную память жертвователей.

¹⁾ Исторический Вѣстникъ, Августъ 1911; „Гетманша Скоропадская“.

Постепенно пріобрѣтеныя обителью угодія были укрѣплены за нею, по ходатайству їздившаго лично въ Москву игумена Луки, милостивой грамотой царей Петра и Иоанна Алексѣевичей 13-го мая 1691 года.

Съ воцареніемъ Императора Петра I наступили для Малороссіи болѣе тяжелыя времена, отразившіеся и на благосостояніи монастыря, вслѣдствіе оскудѣнія материальныхъ средствъ. Постройки, сооруженные братьями многогрѣшными и ихъ преемниками Гетманами малороссійскими, пришли постепенно въ упадокъ. Пожертвованія сократились настолько, что, за неимѣніемъ средствъ, прекратились работы по сооруженію (нынѣ существующаго) соборнаго храма.

Со вступленіемъ на престолъ милостивой Императрицы Елизаветы Петровны, по свидѣтельству монастырской лѣтописи началась новая болѣе счастливая эра.

Въ Киевѣ въ 1764 году по инициативѣ благочестивой Государыни въ ея присутствіи былъ заложенъ соборъ во имя св. Андрея Первозванного. Желѣзо для постройки доставлялось тогда по Деснѣ съ завода Акинѣя Демидова.

Когда въ Рыхловскомъ монастырѣ за недостаткомъ средствъ на покупку желѣза пришлось пріостановить работу по постройкѣ храма, Святитель Николай, явившись во снѣ подрядчику, доставлявшему въ Киевъ желѣзо, повелѣлъ завезти его въ Рыхловскій монастырь, во вновь строющійся храмъ его имени. Купецъ поспѣшилъ исполнить велѣніе святителя.

Объ отправкѣ закупленнаго казной желѣза вмѣсто Киева въ Рыхловскую обитель, по повелѣнію Николая Чудотворца было доложено ктиторомъ ея¹⁾ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Государыня находилась въ то время проѣзdomъ изъ Киева по Деснѣ въ Вишенькахъ²⁾, имѣніи графа Румянцова-Задунайскаго (въ 20 verstахъ отъ монастыря).

1) Полковникомъ Каченовскимъ, построившимъ на личные средства теплый, нынѣ существующій храмъ, въ склепѣ котораго онъ погребенъ.

2) Нынѣ принадлежащихъ, какъ и Оболонье, наследникамъ недавно скончавшагося князя А. С. Долгорукова.

Высочайшимъ указомъ отъ 30 Июня 1745 года повелѣно было желѣзо съ завода Акинѣя Демидова употребить на воздвигаемый въ Рыхловскомъ монастырѣ храмъ.

Вслѣдъ за тѣмъ другимъ Высочайшимъ указомъ отъ 9 Іюля 1748 г. повелѣно было отпустить ежегодно изъ Малороссійскихъ доходовъ по 500 р. оссигнаціями на содержаніе братіи, приписать для увеличенія доходовъ Рувисно, Сосницкую обитель, предоставить много льготъ различныхъ и преимуществъ и т. д. Милостивая грамота заканчивалась словами „за молитвы о здравіи нашего Императорскаго Величества милость Наша отъ служащихъ и братіи неотъемлема будетъ никогда.

Елизавета.“

Съ кончиной Императрицы въ 1761 г. монастырь лишился своей милостивой покровительницы и щедрой благотворительницы.

Указомъ Императрицы Екатерины II въ 1786 г. богатый историческими памятниками XVII вѣка цѣннымъ материаломъ своего обширного архива Рыхловскій монастырь, на ряду съ многими другими подлежалъ упраздненію.

Проживавшій въ своемъ имѣніи Вишенькахъ *) Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, къ которому игуменъ съ братіей обратились за заступничествомъ и покровительствомъ письмомъ обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой объ отмѣнѣ указа объ упраздненіи монастыря въ знакъ особой къ нему милости.

Императрица снизошла къ просьбѣ великаго Полководца изъ уваженія къ заслугамъ его перѣдъ отечествомъ.

Лишившемуся сразу всѣхъ, отошедшихъ въ казну, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ пріобрѣтенныхъ угодій, Рыхловскому монастырю было оставлено большое количество пахотной земли, лѣсъ, среди котораго онъ построены, нѣсколько сѣнокосовъ и озеръ, которыми онъ и понынѣ владѣеть.

---

*) На берегу Десны. Сохранился дворецъ и церковь превосходной архитектуры Графа Растрелли, строителя Зимняго Дворца, Петергофскаго, собора, учеб. заведеній при Смольномъ монастырѣ и пр. зданій.

Посреди монастырскихъ зданій возвышается великолѣпный пятиглавый соборъ—построенный по плану извѣстнаго архитектора Елисаветинскихъ временъ графа Вареоломея Растрелли.—

Надъ массивными серебряновызолоченными Царскими вратами (дарь Императрицы Елизаветы) съ Государственнымъ гербомъ, вензелемъ Августѣйшей жертвовательницы— помѣщается чудотворная икона Святителя Николая въ крестообразномъ кіотѣ съ начальными буквами жертвователя Е. Ц. П. В. В. П. М. Д. А. „Его царскаго Пресвѣтлаго Величества Войска Запорожскаго, Полковника Миргородскаго Даніила Апостола“ (впослѣдствіи опального Гетмана).

На иконѣ старинная, цѣнная, имъ же пожертвованная риза.

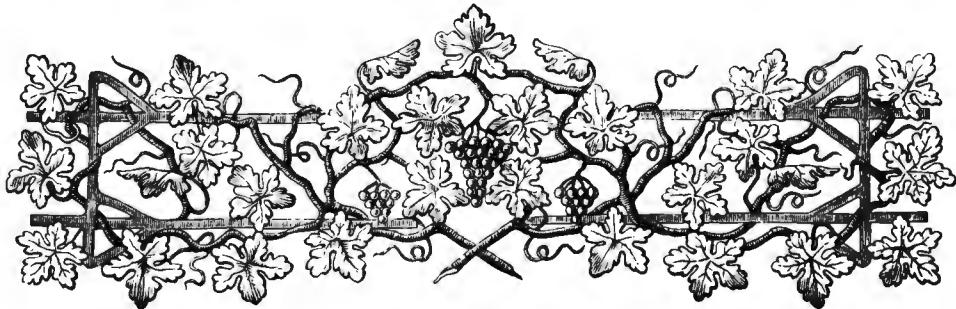
Среди вѣкового лѣса, обнесенная каменной оградой, стоитъ маленькая часовня. Кругомъ на выбѣленыхъ известью стѣнахъ довольно яркими, пестрыми красками изображены важнѣйшія событія— явленія иконы. Изображенъ большой кленъ, на которомъ увидѣлъ ее пасѣчникъ; толпа богомольцевъ, ожидающая богослуженія, бѣлые кони, чудесно доставившіе въ пустынку священнослужителя изъ Новгородъ-Сѣверска, пожарь келій, инока, утаившаго оставшуюся невредимой среди пламени чудотворную икону и пр.

Престоломъ въ маленькомъ алтарѣ служить пень исторического клена. Искусно вырѣзанныя изъ дерева вѣти поддерживаютъ образъ (копію съ находящагося въ Соборѣ).

Дремучій лѣсъ, окружающій со всѣхъ сторонъ часовню; пещеры, въ которыхъ 300 лѣтъ тому назадъ ютились первые пустынно-жители-иноки, глубокіе овраги, въ которыхъ и понынѣ водятся медведи, крутые обрывы, непроходимая густая заросль, отдаленность обители отъ селеній—легко переносять воображеніе къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда, послѣ кровопролитныхъ войнъ, стекались въ мирную обитель представители храбраго Малороссійскаго казачества-благотворители, оставившіе послѣ себя благодарную, долгую память созданіемъ понынѣ существующихъ храмовъ.

М. Марина.

Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава пятая.

Царевна Мареа Алексѣвна, ея дѣтство и отрочество; участіе въ судьбѣ Софы и общая съ нею участіе—постриженіе.—Жизнь царевны инокини Маргариты въ Успенской обители и ея кончина.—Судьба другихъ дочерей царя Алексѣя Михайловича: Евдокіи, Екатерины, Маріи и Феодосіи.

I.

Первенецъ царя Алексѣя Михайловна царевичъ Димитрій, не доживъ году, скончался: вторымъ ребенкомъ была дочь Евдокія, а за нею 26 Авг. 1652 г. „далъ Богъ дитятко моленное, да не проженное, не въ томъ смыслѣ, да не въ ту силу: родилась опять дочь“⁴. Царю нуженъ былъ сынъ, наследникъ, царевичъ, о которомъ онъ и царица, и бояре и народъ возсыпали усердныя молитвы; но, какъ отецъ, Алексѣй Мих. все же привѣтствовалъ рожденіе дочери обычнымъ порядкомъ, торжественнымъ молебномъ и оповѣщеніемъ народу, что царица родила „дщерь, благовѣрную царевну, великую княгиню Мареу Алексѣвну“, названную такъ въ память бабки Ксении Ивановны, въ инокиняхъ Мароы.

4 Сент. (1652 г.) новорожденную царевну крестили въ Чудовомъ монастырѣ въ присутствіи царя, а затѣмъ она была сдана на попеченіе своей мамы (Ульяны Петровны Шереметевой). Въ 1654 г., во время морового повѣтря въ Москвѣ, двухлѣтняя Мареа со всей царской семьей и патріархомъ Никономъ, по пути въ Калязинъ, посѣтила и женскую обитель Успенскую, въ которой впослѣдствіи окончила свои дни.

Когда Мареа стала выходить изъ младенчества, къ ней приставлена была мастерица—учительница (Авдотья Пыпина), обучавшая ее грамотѣ, чтенію часослова и псалтыри. И если 10-лѣтней Софѣ удалось попасть подъ просвѣщенное вліяніе Симеона Полоцкаго, то уже 16 лѣтняя въ это время царевна Мареа переведена была въ верхнія свѣтлицы совершиеннолѣтнихъ царевенъ и врядъ-ли могла пользоваться этимъ вліяніемъ. Полная цвѣтущей красоты, дородная, рослая, царевна впервые официа́льно предстала, „объявилась“, въ числѣ другихъ царевенъ передъ патріархомъ антіохійскимъ Макаріемъ, прибывшимъ изъ Палестины для суда надъ Никономъ, и получила отъ него благословенную грамоту (5 іюня 1668 г.), а затѣмъ она не разъ сопутствовала своимъ родителямъ въ ихъ богомольныхъ походахъ и въ ихъ загородныхъ поѣздкахъ, сопровождаемая, по обычаю, какъ и другія царевны, своею мамой и своей учительницей.

3 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинишина, Мареа съ сестрами лишилась матери и состояла на попеченіи тетокъ; особенное участіе ей оказывала царевна Татьяна Мих., которую позже въ своихъ письмахъ она называетъ „матушкой“, очевидно крестной. Царь жалѣлъ и ласкалъ своихъ осиротѣвшихъ дочерей съ особенною нѣжностью. Но послѣ своей вторичной женитьбы и въ особенности съ рожденіемъ царевича Петра, здороваго и крѣпкаго, сравнительно со старшими сыновьями Федоромъ и Иваномъ у царя Алексія Мих. наступило нѣкоторое охлажденіе къ своей семье отъ первого брака, что не могло не поселить въ средѣ этой послѣдней недружелюбного чувства противъ мачехи, которое къ тому же подогрѣвалось и родственниками по матери, Милославскими. Въ царскомъ теремѣ среди какъ бы заживо погребенныхъ царевенъ пошли толки, пересуды о новой семье царя, прерываемые все же изрѣдка общими развлеченіями: играми, хороводами, медвѣжьими потѣхами и т. п. Но если у тетки царевны Ирины содержалась развлекавшая ее дурка, то у жалостливой царевны Мареи мы видимъ пригрѣтую ею малолѣтнею безногую дѣвочку. Были, впрочемъ, во дворцѣ и другія потѣхи: игра органная, фокусники и театральныя зрѣлища.

Когда послѣ пяти лѣтъ счастливой брачной жизни съ Наталией Кир., царь Алексій Мих. скончался, то въ терему царскомъ насторожились и стали еще болѣе чутко прислушиваться къ тому, что дѣлалось вокругъ, въ самомъ Кремльѣ, въ Москвѣ и въ царствѣ? Мы видѣли изъ жизнеописанія царевны Софіи, какъ разыгралась вражда между Милославскими и Нарышкиными, какъ выдвинулась и смѣло вышла изъ тѣ-

рема самая умная, рѣшительная изъ сестеръ, Софья, какъ она повела открытую борьбу съ мачехой, сначала за власть „скорбнаго головой“ брата Ивана, а затѣмъ и за свою собственную власть. Въ семилѣтнее правлениѣ Софьи ея сестрамъ жилось лучше, для нихъ выстроены были особыя каменные палаты, онѣ могли свободно брать изъ казны деньги на свои нужды, да и сношенія съ вѣшнимъ міромъ облегчились. Когда же надъ головою Софьи разразилась гроза и она съ престола прямо препровождена была въ монастырскую келію, Мареа, сочувствовавшая ей, продолжала сноситься со стрѣльцами и находила способы передавать заключенной о желаніи ихъ снова ее видѣть на престолѣ. Но скоро еще большая бѣда разразилась надъ головами обѣихъ царевенъ Софьи и Мареи: первая въ 1698 г. была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; вторая, хотѣвшая, быть можетъ, по добротѣ своей выгородить сестру, чистосердечно повинилась въ сношеніяхъ со стрѣльцами, была также пострижена подъ именемъ Маргариты и отправлена подальше, въ Успенскій монастырь (въ Александровской слободѣ), гдѣ сохранились преданія о житьѣ-бытьѣ этой царевны-инокини.

II.

Когда въ глубокую осень 1698 г., въ глухую полночь раздался ударъ въ привратное било Успенского монастыря, смущенные сестры встревожились. Но дѣло вскорѣ разяснилось и онѣ съ честью приняли царскую узницу, которая будучи еще двухлѣтней дѣвочкой посѣтила ихъ обитель, а теперь передъ ними стояла 46-лѣтняя взволнованная и видимо истомленная долгимъ подкараульнымъ путемъ инокиня.

Вскорѣ съ государеваго дворового мѣста перенесены были въ Успенскую обитель царскіе хоромы, поставленные у большой колокольни (временъ Грознаго) у Распятной церкви, и въ нихъ водворилась царевна-инокиня. Эти хоромы—кельи существуютъ и понынѣ: „онѣ изъ бѣлого тесаннаго камня, построены особо отъ прочихъ, крыты тепсомъ, не высоки, малыми окнами и внутренность ихъ мрачна“ (Н. С. Стромиловъ).

Обѣ постриженныя сестры получали по распоряженію Петра то же содержаніе, какое получали и до своего заключенія: Сусанна (Софья) получала всего ей необходимаго на сумму 5144 р. (быть можетъ съ карауломъ вмѣстѣ), а Маргарита (Мареа)—на сумму 2649 р.; при ней караула не было и лишь игуменъ особымъ указомъ царя порученъ

быть бдительный надзоръ за ней. Царевна-инокиня жила въ обществѣ своихъ боярынь, казначей, постельницъ и прислуживавшихъ ей молодыхъ монахинь-послушницъ. По указу Петра всѣ необходимые припасы доставлялись обѣимъ царевнамъ-инокинямъ отъ подвѣдомыхъ приказу большого дворца приказовъ и дворцовъ хлѣбнаго, сътнаго, запаснаго, изъ овоцной палаты и т. д., но изъ писемъ, обращенныхъ и къ брату Петру, и къ теткѣ Татьянѣ Мих. и къ другимъ лицамъ, видно, что припасы эти, рыба, овощи, вино и т. п. доставлялись медленно, несвоевременно и часто въ испорченномъ видѣ. Изъ письма къ вліятельному кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику Москвы, мы знаемъ, что ей прислана грамота съ какихъ монастырей брать деньги и сроки указаны, а „сроки всѣ прошли, ни денегъ, ни запасовъ нѣть“ и она „терпить нужду въ кушанья“, такъ какъ запасы, присланные изъ Москвы—„все гнилое“. Въ другомъ письмѣ къ царскому дядѣ, Льву Нарышкину, инокиня Маргарита жалуется на то же и просить порадѣть о ней въ ея нуждѣ. Еще откровеннѣе пишетъ она къ теткѣ Татьянѣ Мих.: „свѣтъ моей милостивой матушки и тетушки благородной, царевнѣ и великой княгинѣ Татьянѣ Михайловнѣ, богомолица ваша инокиня Маргарита, Бога моля, и челомъ бѣть, милости у тебя прошу, радость моя, государыня тетушка и матушка, прислана ко мнѣ грамота, чтобы за столовый запасъ привозить мнѣ изъ монастырей деньгами и грамоты въ тѣ монастыри посланы и срокъ поставленъ“... Но срокъ давно прошелъ и „деньги полтреты тысячи на годъ“ не присыпались, а потому она просить ускорить „то дѣло, такъ какъ ни денегъ, ни запасу, присыпляемаго изъ Москвы, нѣть“, да зимою „всѣ перемерзлые“, а лѣтомъ „протухшіе“... Нуждаясь въ особенности во время болѣзни, она обращалась и къ сестрѣ Марьѣ Ал. „одолжить ей въ займы, до Семена дня, пять сотъ рублей“, а если бы таковыхъ не было, то просить бить челомъ тетушкѣ Татьянѣ Мих., которая часто ескужала деньгами по двѣсти, по триста рублей свою злополучную племянницу.

Насильно переодѣтая изъ золотой парчи въ черную рясу, инокиня Маргарита подчинилась неизбѣжному, и большую часть дні проводила въ постѣ и молитвѣ, въ чтеніи священныхъ книгъ; остальное время посвящалось домашнимъ заботамъ и излюбленному рукодѣлію—вышиванію шелками, золотомъ, что доставляло ей наибольшее удовольствіе и нѣкоторые образцы ея работы сохранились въ обители (риза, стихарь, три параманды и др.). Преданіе говорить, что она имѣла и „тружденіе“: носила кирпичи на постройку монастыря. ходила на уборку съна съ другими инокинями или трудилась въ своемъ садикѣ,

близъ ея кельи. Вечернія бесѣды съ приближенными оживлялись иногда новостями изъ Москвы, толками народными, заносимыми въ обитель богомольцами, о новомъ царѣ. Черезъ годъ послѣ заключенія ее посытила въ день ея тезоименитства (1 сент. 1699 г.) любимица ея Марья Васильевна Головина (рожденная Мещерская), бывшая комнатная дѣвица сестры Софии и царевна—инокиня благословила ее иконой. Изрѣдка къ ней прїѣзжали и ея родныя сестры, Марья и Феодосія, которыя по временамъ и проживали у нея, осуждая новые порядки...

Всѣдѣствіе всѣхъ пережитыхъ треволненій и будучи тучнаго тѣло-сложенія, инокиня Маргарита стала хворать все чаще и чаще, и тогда она все чаще писала къ той же Татьянѣ Мих.; прося ее похлопотать о присылкѣ „дохтура Лаврентія молодого ради толико болѣзни, а я государыня отъ болѣзни изнемогаю, насили съ постели встаю, ноги у меня болять, дѣвъ болѣзни въ ногахъ рожа и камчугъ“ (подагра); дальнѣше она просить прислать именно этого доктора (былъ еще и старшій Лаврентій), такъ какъ другіе ея болѣзни не знаютъ, и на болѣе продолжительное время, „не менѣе двухъ мѣсяцевъ“, такъ какъ болѣзнь застарѣла и вдругъ ее излѣчить нельзѧ. О томъ же она пишетъ и всесильному Ромодановскому и вліятельной сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ и другимъ сестрамъ, прося ускорить дѣло. И хотя желанный докторъ и пробылъ у нея нѣкоторое время и послѣдовало временное улучшеніе, но не замедлило и новое ухудшеніе: „въ горлѣ какъ колодезь хріпѣть“, писала она снова, прося прислать того же „дохтура“... Вскорѣ дошли до инокини Маргариты сначала слухи о предсмертной болѣзни любимой сестры царевны-инокини Сусанны, а затѣмъ пришли вѣсти и о ея кончинѣ (въ 1704 г.) и она получила кое-какія, завѣщанныя покойной, ея вещи изъ утвари (ложку, посвѣчникъ, блюдо). Стала въ тоже время хворать и любимая матушка и тетушка Татьяна Мих., скончавшаяся въ 1706 г. и завѣщавшая ей также нѣкоторые предметы—оловянныя блюда (тарелы) съ вырѣзкою на нихъ „царевна Татьяна Михайловна“, хранящіяся съ другими предметами, принадлежавшими инокинѣ Маргаритѣ, въ ризницѣ Успенской обители и понынѣ.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Петру, вскорѣ послѣ смерти Татьяны Мих., инокиня Маргарита просить его навѣстить ее съ царевичемъ Алексѣемъ и, между прочимъ—пожаловать ей деньги блаженныя памяти тетушки Татьяны Мих. изъ большой казны, какъ и ея сестрамъ. Сохранилось мѣстное монастырское преданіе о томъ, что Петръ, быть можетъ, по доносу, внезапно явился въ Успенскій монастырь и послѣ объѣдни пѣшкомъ прошелъ прямо въ келію Маргариты, гдѣ и засталъ

свою крамольную сестру, полуживую, едва сидящую за чтениемъ акафиста своему ангелу, что утѣшило Петра. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ посвѣщеніи нѣть, но хорошо извѣстно другое—что царевичъ Алексѣй въ концѣ 1706 г. тайно, проѣздомъ въ Сузdalь на свиданіе съ заточенной тамъ матерью, постриженной въ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ инокини Елены, посѣтилъ и больную тетку свою инокиню Маргариту.

Удрученная сознаніемъ и страхомъ передъ неизбѣжнымъ концомъ, инокиня Маргарита еще разъ писала любимой сестрѣ Петра, Наталіи, прося ее отпустить къ ней снова „дохтура Ловрентія“, такъ какъ она совсѣмъ отъ болѣзни изнемогаетъ: „изъ головы мокрота у меня течеть другой мѣсяцъ и я мню, что у меня въ головѣ мозгъ испортился отъ печали“. Въ другомъ письмѣ она еще разъ умоляетъ ту же царевну Наталію „не дать ей умереть безвременною смертью“ и съ тою же просьбою обращается къ единоутробнымъ сестрамъ Евдокіи, Марьѣ, Феодосіи,—такъ хваталась за жизнь эта горемычная царевна-инокиня!.. Но докторъ не ъхалъ, а болѣзнь усиливалась и привела къ могилѣ. Тихо почила Маргарита въ 12 ч. дня, 19 іюня 1707 г., 54 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 25 дней отъ роду, пробывъ около 9 лѣтъ въ Успенской обители безвыѣздно.

„Вдали отъ родного крова, чужая рука сомкнула ей очи, за-пекшіяся уста не оросила горькая слеза, не слышно было надгробнаго рыданія... только красное солнышко, среди свѣтлаго знойнаго лѣтняго дня, вмѣсто родственнаго послѣдняго лобзанія озарило безжизненный ликъ бреннаго тѣла въ Бозѣ почившей, сіяя на его по-тухшихъ ланитахъ“ (Н. С. Стромиловъ). По собственному желанію, она была погребена „безъ чина“; т. е. безъ всякаго церемоніала, какъ простая монахиня въ общей усыпальницѣ „со убогими монахинями“. Въ день и часъ смерти царевны инокини въ Успенскомъ монастырѣ и понынѣ совершается годовая панихида по ней и воспоминаніе о ней крѣпко живеть въ памяти инокинь этой обители.

III.

Въ 1712 году царевны Марья и Феодосія посѣтили гробницу сестры и распорядились перенести ея прахъ изъ общей усыпальницы въ церковь Срѣтенія Господня, въ особую подвальную палатку „ца-ревнину усыпальницу“. Въ это же время царевна Феодосія выразила

желаніе, въ случаѣ ея смерти, быть погребенnoй рядомъ съ сестрой инокиней, что и было выполнено, когда въ слѣдующемъ 1713 году скончалась 56-ти лѣтъ отъ роду царевна Феодосія, Марья Алексѣвна перевезла тѣло своей младшей сестры въ Успенскую обитель и погребла въ одномъ склепѣ съ инокиней Маргаритой, гдѣ онѣ обѣ почиваютъ вѣчнымъ сномъ и понынѣ.

Годомъ раньше Феодосіи скончалась и самая старшая дочь царя Алексія Мих., царевна Евдокія (около 62-хъ лѣтъ),ничѣмъ не выдвинувшися среди сестеръ, но все же подозрѣвавшаяся Петромъ въ сочувствії Софьѣ. Въ 1718 г. скоропостижно скончалась царевна Екатерина Ал. (60 лѣтъ), сильно опасавшаяся во время розысковъ и допросовъ сестеръ, чтобы не раскрылись ея переписка и сношенія съ Костромскимъ попомъ Егорiemъ Елисѣевымъ, бывшимъ ея другомъ, котораго она тайно принимала въ своихъ хоромахъ и дарила ему деньги и дворцовую посуду. И хотя участіе ея въ дѣлахъ Софы не было доказано, но сохранившіяся письма ея даютъ яркую картину всяческихъ ухищреній царскаго терема въ сношеніяхъ съ міромъ виѣшнимъ черезъ постельницъ, старицъ, богомолокъ и т. п.; черезъ этихъ же услужливыхъ и преданныхъ слугъ теремъ царскій направлялъ сообразно своимъ цѣлямъ и умы народные. Впрочемъ царевна Екатерина менѣе другихъ сестеръ вмѣшивалась въ дѣла политическія и потому сохраняла добрыя отношенія съ Петромъ; при крещеніи его второй супруги Екатерины I, царевна вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ была ея восприемницей. Обѣ царевны, Евдокія и Екатерина погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Дольше другихъ своихъ сестеръ прожила царевна Марья Ал. Она не скрывала своихъ симпатій къ первой женѣ Петра, Евдокіи Феодоровнѣ, насильно постриженной въ томъ же монастырѣ (Покровскомъ-Сузdalскомъ), гдѣ когда то монахиней же окончила дни свои и первая жена Василія III Соломонія. Черезъ Марью Ал. царевичъ Алексѣй не разъ передавалъ матери письма, а передъ своимъ бѣгствомъ за границу передавалъ черезъ нее же матери 500 рублей.

Во время своего бѣгства за границу, по пути изъ Риги въ Либаву, царевичъ Алексѣй встрѣтилъ тетку Марью Ал., возвращавшуюся изъ Карлсбада, гдѣ она, вѣроятно, лѣчилась водами; въ ея каретѣ царевичъ велъ бесѣду о своемъ горькомъ положеніи, при этомъ тетка потребовала, чтобы онъ, покидая отчество, написалъ хотя строчку матери и когда царевичъ Алексѣй колебался, то Марья Ал. прямо,

заявила: „хотя-бъ тебѣ и пострадать—вѣдь за мать, никого иного“... Такъ понимала царевна Марья Ал. сыновнія чувства къ матери. Позже, во время розысковъ (1718 г.), кончившихся смертю царевича Алексея Петровича, была привлечена къ допросу, посажена въ Шлюссельбургскую крѣпость и царевна Марья Алексѣвна, потомъ ее перевели въ особый домъ въ Петербургѣ подъ надзоръ. Переживъ всѣхъ сестеръ царевна, Марья Ал. скончалась въ мартѣ 1723 г.. имѣя около 70 лѣтъ отъ рожденія.

Еще раньше, въ 1716 г. скончалась и вдова царя Феодора Ал., Марья Матвѣевна (Апраксина). Вдова царя Ивана Ал., Прасковья Федоровна (Солтыкова), оставшись съ тремя (двѣ старшія дочери, Марія и Феодосія, скончались въ младенчествѣ) малолѣтними дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей, по смерти мужа (1696 г.) жила въ отведенномъ ей дворцѣ въ с. Измаиловѣ и дворъ ея, по выражению Петра, представлялъ „госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“; позже она съ дочерьми переехала въ новую столицу Петра и дочерямъ ея давалось воспитаніе, сообразно уже новымъ требованиямъ, а царь самъ принималъ участіе въ устройствѣ ихъ судьбы. Прасковья Федоровна немногимъ пережила царевну Марью Ал., она скончалась въ октябрѣ 1723 г.

Такимъ образомъ царскій теремъ опустѣлъ окончательно. Но прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, необходимо коснуться личности царевны Наталіи Алексѣевны, младшей любимой сестры Петра, которая родилась и провела первые годы своей жизни въ царскомъ теремѣ, а равно и жизни внучки Петра В. Наталіи Ал., въ которой отразилась уже новая эпоха въ жизни царского двора.

Глава шестая.

Царевна Наталія Алексѣевна, младшая сестра Петра Великаго, значеніе ея въ области русскаго театра.—Великая княжна Наталія Алексѣевна, внучка Петра В.; ея роль въ жизни брата, императора Петра II, и ея недолгая жизнь.

I.

Единоутробная сестра Петра В., Наталія, бывшая только годомъ его моложе, родилась 22 Авг. 1673 года и послѣ ужасовъ стрѣлецкаго мятежа (1682 г.) съ матерью и братомъ жила въ с. Преображенскомъ. изрѣдка лишь наѣзжая въ Кремль, оставившій столько тяжелыхъ вос-

поминаній дѣтства, которыми братъ и сестра безъ сомнѣнія не разъ дѣлились взаимно, что вмѣстѣ пережитое сближало ихъ еще болѣе. При новой обстановкѣ въ с. Преображенскомъ они воспитывались почти однаково, т. е. росли на свѣжемъ воздухѣ, среди сельской природы, тщательно охраняемые матерью отъ враждебныхъ замысловъ ея недруговъ среди московского двора. Братъ и сестра были почти неразлучны и юная царевна не разъ побывала съ братомъ въ Нѣмецкой слободѣ,ѣздила къ нему и на Переяславское озеро; 6 Окт. 1689 г. послѣ удаленія Софии, она возвратилась съ матерью и Петромъ въ Москву. 21 года (въ 1694 г.) она лишилась горячо любимой матери и всячески старалась замѣнить ее по отношенію къ брату: во время Азовскихъ походовъ она писала къ нему, прося беречь свое здоровье и жизнь, не подходить близко къ ядрамъ и пулямъ, и братъ отшучивался, отвѣчая ей: „по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ, но по ся поры вѣжливо“. Въ 1700 г. царевна Наталія Ал.ѣдетъ въ Воронежъ, чтобы присутствовать при спускѣ корабля „Предпетинація“; а въ 1705 г. провожаетъ Петра до Птичия въ его походѣ на Полоцкъ. Въ другихъ случаяхъ радостно встрѣчаетъ его и раздѣляетъ съ нимъ всѣ его неудачи въ походахъ и торжества въ битвахъ. Въ качествѣ любимой сестры, она не разъ ходатайствуетъ передъ нимъ за другихъ сестеръ и мы видѣли, что царевна-инокиня Маргарита не разъ обращалась къ ней за покровительствомъ въ своихъ нуждахъ и болѣзняхъ.

Царевна Наталія Ал. постоянно шла навстрѣчу всѣмъ преобразованіямъ Петра, который всегда находилъ лучшую поддержку у любимой и любящей сестры. 1 марта 1698 г., когда по слухамъ отпуска бранденбургскаго посла Петръ давалъ обѣдъ и танцы въ Лефортовскомъ дворцѣ, то Наталія Ал. съ царевичемъ Алексѣемъ изъ сосѣдней комнаты свободно смотрѣла на танцующихъ. Она первая, по возвращенію Петра изъ за границы, переодѣвается въ нѣмецкое платье, съ фижмами и робронами, на что такъ неохотно шла жена Петра Евдокія Федоровна. Удаливъ эту нелюбимую жену въ монастырь, Петръ поручаетъ заботу о восьмилѣтнемъ сыну царевичу Алексѣю той же любимой сестрѣ, которая и увозитъ его съ собою въ с. Преображенское; ея попеченію довѣрялись позже дочери Петра отъ второй жены Екатерины Алексѣевны, Анна и Елизавета. Своего „надежду внука“, сына царевича Алексѣя, Петръ креститъ вмѣстѣ съ сестрой Наталіей, а послѣ смерти кронпринцессы Шарлоты, жены царевича Алексѣя (въ 1715 г.), случившейся черезъ 10 дней послѣ рожденія сына, названного Петромъ, этотъ послѣдній и его сестра Наталія, годомъ раньше родившаяся, от-

даются царемъ на попеченіе той же умной, уважаемой и любимой сестры.

Царевна Наталія Ал. была страстной любительницей театра и въ этой области она оставила по себѣ нѣкоторый слѣдъ. Съ 1690 г. комедіи давались даже въ ея хоромахъ, когда ей было всего 17 лѣтъ, а позже въ с. Преображенскомъ, гдѣ еще при Алексѣѣ Мих. строилась особая „Комидійная хоромина“, процвѣталъ театръ подъ покровительствомъ царевны Наталіи Ал. Въ с. Измайловоѣ, гдѣ жила вдова царя Ивана, Прасковья Фед., съ тремя дочерьми, также имѣлся театръ и Наталія Ал., не уступавшая въ подвижности брату, часто туда наѣзжала, а иногда и проживала тамъ. Въ Москвѣ на Красной площади, по распоряженію Петра, построена была „Комедіальная хоромина“ для народа, гдѣ давалась даже комедія Мольера „Докторъ принужденный“ и ее выполняли русскіе актеры нѣмецкой выучки. Съ переѣздомъ въ Петербургъ при дворѣ царевны Наталіи Ал. также былъ устроенъ театръ, для чего приспособленъ былъ большой пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. У Наталіи Ал. имѣлась цѣлая коллекція театральныхъ пьесъ, довольно подробный репертуаръ которыхъ дошелъ до нась; кромѣ пьесъ религіознаго содержанія есть много пьесъ и свѣтскаго характера, все это передѣлки или переводы польскихъ романовъ конца XVII в. („Петръ-золотые ключи“, „Гризельда“ и др.). Пьесы эти носили преимущественно обстановочный характеръ, процессіи, сраженія, коротенькие діалоги—замѣняли драматическую борьбу и обрисовку характеровъ дѣйствіемъ (И. А. Шляпкинъ).

Царевна Наталія Ал. и сама писала театральныя пьесы. Въ одной изъ своихъ пьесъ („Стефанотокосъ“), она аллегорически, подъ скрытыми именами изобразила эпизодъ изъ стрѣлецкаго бунта—заговоръ Шакловитаго. Сохранились программы четырехъ пьесъ, приписываемыхъ перу Наталіи Ал.: „Екатерина Великомученица“, „Евдокія Великомученица“, „Хрисанфъ и Дарія“ и „Цезарь Оттонъ“. Сюжетъ трехъ первыхъ взять изъ житій святыхъ. Полагаютъ, что пьеса „Евдокія“ написана для оправданія себя въ томъ, что якобы она ослушала любовь царя Петра къ Евдокіи (Лопухиной). Вотъ ея содержаніе: наставленная старцемъ Гермономъ (Германъ), Евдокія бросаетъ блудную жизнь и уходитъ въ монастырь. Старый ея любитель Филостратъ переодѣвается монахомъ и проникаетъ въ монастырь, гдѣ старецъ Геронтій, по порученію игумена, проводить его къ Евдокіи. Но вопросъ ея, для чего онъ пришелъ,—Филостратъ напоминаетъ о ея прежней богатой жизни и зоветъ ее вернуться въ міръ. „Евдокія же дуну на лицо его и умерти его“; но, по

повелѣнію вдругъ явившагося къ ней Христа, она воскрешаетъ Филострата, велить ему быть христіаниномъ и отпускаетъ домой. Даље пьеса изображаетъ, какъ царь Авреліанъ, сына котораго воскресила Евдокія, принимаетъ также христіанство и покидаетъ царство. Вновь избранный царь Діогенъ, по совѣту одного изъ придворныхъ, призываетъ Евдокію на „судище“. Смущенную Евдокію Христосъ укрѣпляетъ „чтобы не устрашилась мукъ“. Евдокію сначала вопрошаютъ воины, потомъ самъ самъ царь Діогенъ велить ей принести жервы языческимъ богамъ, „она же не хотѧщ“ и ее казнить. Въ концѣ пьесы—„епи-логъ просить прощенія“ (И. А. Шляпкинъ).

Петръ очень любилъ посѣщать театръ, ввѣренный Наталіи Ал. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ отмѣчено, что 26 февр. 1715 г. „прибывъ въ Петербургъ въ 3-мъ часу пополудни и въ 6-мъ изволили идти къ государынѣ царевнѣ Наталіи Ал. въ комедію“. Но и въ самомъ обществѣ театръ ея вызывалъ живой интересъ и ее смѣло можно назвать первымъ инициаторомъ созданія національного русскаго театра, на ряду съ нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ, впервые появившимися при русскомъ дворѣ. Она же дѣлала попытки создать и театральную школу; но, вѣроятно, это послѣднее дѣло было труднѣе осуществить въ то время, такъ какъ рядомъ съ русскими исполнителями долго появляются еще и иностранцы, а иногда за недостаткомъ актеровъ вообще театральные пьесы откладывались.

Недолго пришлось царевнѣ Наталіи Ал. опекать своихъ внуковъ, дѣтей царевича Алексея, печальной кончины котораго (1718 г.) ей также не пришлось быть свидѣтельницей, такъ какъ она скончалась 22 Авг. 1712 г. на 43-мъ году жизни, а Петръ 9-ю годами пережилъ любимую сестру. Онъ до конца дней своихъ хранилъ добрую память о ней: въ 1722 г. онъ съ женою поселился въ домѣ царевны Наталіи Ал., а въ 1723 г. перенесъ ея бренные останки изъ Лазаревской въ Благовѣщенскую церковь Александро-Невской лавры.

Со смертью Наталіи Ал. умерла и послѣдняя царевна, знакомая съ нравами и обычаями царскаго терема въ московскомъ Кремлѣ; на смѣну его воздвигался уже императорскій дворецъ въ Петербургѣ—новой столицѣ Россіи и новые титулы—императора, императрицы и великихъ княгинь и княженъ явились на смѣну царей, царицъ и царевенъ. На рубежѣ этого времени стоять образъ великой княжны, внучки Петра Великаго, Наталіи Алексѣевны, жизнь которой обрисовалъ намъ такими симпатичными красками авторъ „Очерка русской женщины наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея“.

II.

Великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ суждено было играть такую же роль въ дѣятельности Петра II, какъ царевнѣ Наталіи въ дѣятельности Петра Великаго, но къ сожалѣнію, внукъ не походилъ на своего дѣда — „и она осталась лишь добрымъ геніемъ, быстро промелькнувшимъ въ исторії этого кратковременного царствованія, котораго ей не суждено было даже пережить“ (В. С. Иконниковъ).

Отцомъ ея былъ злополучный царевичъ Алексѣй, сынъ отъ первой жены Петра, Евдокіи, а мать ея была нѣмецкая принцесса Шарлота-Христина-Софія Брауншвейгъ-Вольфенбютельская. Бракъ этотъ совершился по настоянію Петра (14 окт. 1711 г.) и не былъ счастливъ, хотя царевичъ и говорилъ, познакомившись съ принцессою, что она „человѣкъ добръ и лучше ея здѣсь (за границей) мнѣ не найти“. Проживъ полгода въ Польшѣ, куда царевичъ тотчасъ послѣ бракосочетанія былъ отправленъ отцомъ за провіантъ, кронпринцесса, покинутая въ одиночествѣ, жила нѣкоторое время въ Эльбингѣ, потомъ ушла къ отцу и только по настоянію Петра перебѣхала въ Февр. 1713 г. въ Петербургъ, а съ супругомъ свидѣлась только въ Августѣ. Все время чувствуя себя несчастной и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, она писала матери, что „если бы не была беременной, то уѣхала бы въ Германію, гдѣ согласилась бы лучше питаться хлѣбомъ и водою“... 12 июля 1714 г. кронпринцеса родила дочь Наталію, а въ слѣдующемъ 1715 г., 22 Окт., сына Петра и черезъ десять дней послѣ этого скончалась; три года спустя сошелъ въ могилу и царевичъ Алексѣй.

Оставшись круглыми сиротами, сестра и братъ воспитывались почти одинаково съ дочерьми Петра Великаго, хотя рѣдко показывались въ обществѣ, вѣроятно, по причинѣ малолѣтства. Къ концу царствованія Петра Великаго, его отношенія къ внukу стали болѣе внимательными, такъ что въ обществѣ говорили о его намѣреніи передать престолъ царевичу Петру, котораго въ это время стали обучать даже латинскому языку. Когда же Петръ Великій умеръ, не указавъ наследника, то внuki покойнаго императора перестали пользоваться особымъ вниманіемъ при дворѣ, пока у Меньшикова, управлявшаго Россіей за Екатерину I, не созрѣло два проекта: выдать свою старшую дочь за великаго князя Петра, несмотря на разность лѣтъ, и женить сына на великой княжнѣ Наталіи; но послѣдняя сумѣла, несмотря на свои юные годы (13—14 л.) дать

понять всю несообразность видовъ на нее. Признавъ все же вел. кн. Петра своимъ наследникомъ, Екатерина I также стала прилагать старанія о воспитаніи его и его сестры: къ послѣдней приставлены были двѣ камеръ-фрейлины, а Петръ II былъ ввѣренъ надзору вице-канцлера Остермана, въ помощники же послѣднему данъ Гольдбахъ. Современники говорятъ о большихъ способностяхъ вел. князя, но послѣднія не были приложены какъ слѣдуетъ къ дѣлу.

Послѣ смерти Екатерины I (1627 г.) началась придворная борьба и вліяніе перешло скоро въ руки Долгоруковыхъ, Меньшиковъ былъ сосланъ въ Березовое, а чтобы упрочить свое вліяніе на царя-отрока, Долгоруковы старались доставлять ему постоянные развлечения: охота и полный разгуль—вотъ средства, которыми думали привязать къ себѣ молодого императора. Напоминанія Остермана и даже Верховнаго Совета о необходимости заняться науками и дѣломъ оставались тщетными. Въ иныхъ чертахъ рисуется передъ нами образъ сестры императора.

„Каждый разъ, когда я съ собою разсуждаю,—писалъ Петръ II,— сколько много надлежашее воспитаніе императора содѣйствуетъ къ безопасности и благополучію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщеніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ я каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда либо забыть столько заслугъ ея ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе будетъ нѣкогда моя имперія, тѣмъ болѣе признавая плодъ ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдеть во мнѣ благодарнаго брата и императора... Такой отзывъ ясно говоритъ, насколько Петръ II цѣнилъ вліяніе сестры, которая была его неотлучною спутницею и совѣтами которой онъ, очевидно, въ свое время пользовался.

„Всѣ знавшіе великую княжну, говорить Манштейнъ (адъютантъ Миниха), соглашаются единогласно въ томъ, что она подавала о себѣ саму лестную надежду и обнаруживала умъ, превышающій несравненно четырнадцатилѣтній ея возрастъ.“

Наставникомъ Петра II былъ академикъ Гольдбахъ, многосторонне образованный „даровитый энциклопедистъ;“ другіе академики приглашались для чтенія лекцій; такъ Бильфингеръ производилъ во дворцѣ физические опыты съ воздушнымъ насосомъ. По программѣ

Остремана, императору преподавались древняя и новая исторія (по Гюбнеру и Пуффендорфу), географія, математика, физика, архитектура, педагогика, музыка и танцы, игра на бильярдѣ и стрѣльба. Но императоръ скоро увлекся забавами, какія предлагали ему Долгоруковы, особенно когда удаленъ былъ въ ссылку Меньшиковъ. Гольдбахъ, видя бесплодность своего преподаванія, хотѣлъ возвратиться въ академію, но его удержала вел. княжна Наталия и въ Январѣ 1728 г. онъ съ нею и съ императоромъ поѣхалъ въ Москву. Изъ его писемъ къ академику Шумахеру, мы знаемъ о томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на ея развитіе: „Ея высочество княжна,—пишетъ онъ,—спрашивала у меня вчера о рѣчи академика Делиля, касательно движенія земли, которой большую часть уже прочла и я не сомнѣваюсь, что она примется опять за чтеніе ея сегодня.“ Въ другихъ письмахъ онъ говорить о томъ, что „геометрическія задачи сдѣлались ея любимымъ занятіемъ“ и онъ сожалѣть, что математические инструменты никуда не годятся, прося прислать другіе. Великая княжна интересовалась и глобусами и ежедневно по нѣсколько разъ о томъ спрашивала. Современники говорятъ о ея начитанности и умѣ (Манштейнъ, Лефорть, герцогъ Лирійскій). Ея высоконравственный образъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ женщинъ, окружавшихъ императора. На современномъ портретѣ она изображена была въ видѣ Дианы—покровительницы нравственной чистоты. Она горячо любила брата и не скрывала своего презрѣнія къ временщикамъ (Меншикову, Долгоруковому), вредно вліявшимъ на юнаго императора; она сблизилась съ Остреманомъ, серьезно относившимся къ поведенію своего воспитанника, чтобы съ нимъ вмѣстѣ вліять и удерживать Петра II отъ его ненормального образа жизни, особенно съ переѣздомъ въ Москву: „цѣлую ночь разѣзжая по улицамъ,—писалъ Лефорть,—онъ ложится спать только въ 7 ч. утра... Его сестра и Остреманъ потеряли всякое значеніе съ своими увѣщаніями, и она очень часто бываетъ огорчена поступками царя“... И часто при постоянномъ отсутствіи царя, вел. княжна отбываетъ за него приемы пословъ и другія придворныя торжества. Герцогъ Лирійскій писалъ въ то же время, что „при дворѣ продолжается разъединеніе и домашнія непріятности, действующія дурно на здоровье вел. княжны, которая день ото дня все худѣеть“. Она очень хлопотала о возвращенія въ Петербургъ, но напрасно.

Герцогъ Лирійскій сталъ указывать своему двору на возможность брака вел. княжны съ донъ Карлосомъ, инfantомъ испанскимъ. Наталия стала лелеять эту мысль и старалась познакомиться съ Испаніей; но въ ея жизни уже совершился печальный переломъ; иностранные

послы доносили уже о медленномъ упадкѣ ея силъ и о признакахъ чахотки (В. С. Иконниковъ).

Чтобы окончательно подорвать довѣріе государя къ сестрѣ, Долгоруковы выдвинули сначала вліяніе вел. княжны Елизаветы Петровны, кокетство и красота которой обворожили Петра II. Герцогъ Лирійскій замѣчаетъ, что характеръ девятнадцатилѣтней Елизаветы совершенно противоположенъ характеру вел. княжны Наталіи: „красота ея физическая—это чудо; грація ея неописанна, но она лжива, легкомысленна и крайне честолюбива”... Вскорѣ у А. Г. Долгорукова созрѣлъ другой планъ: о бракосочетаніи вел. князя съ дочерью своею Екатериною, которая и объявлена была невѣстою императора. Все это окончательно подкосило здоровье вел. княжны Наталіи, совѣты докторовъ не помогали и чахотка въ соединеніи съ женскими болѣзнями быстро стала развиваться. Иностранные резиденты слѣдили за скорымъ течениемъ ея болѣзни, опасаясь, что съ ея смертью и положеніе Россіи измѣнится и всѣ реформы Петра Великаго будуть пріостановлены.

Во время тяжкой болѣзни сестры Петръ II настолько уже поддался вліянію Долгоруковыхъ, что во время кризиса нужно было послать пять курьеровъ, пока онъ явился къ больной сестрѣ. Въ декабрѣ 1728 г. вел. княжны Наталіи не стало. „Смерть ея одинаково оплакивали,—говорить герцогъ Лирійскій,—и иностранцы и русскіе, и знатные и бѣдные”. Ее похоронили съ величайшей пышностью въ общей усыпальницѣ великихъ княгинь московскихъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Черезъ годъ состоялось обрученіе императора Петра II съ дочерью Долгорукова, а черезъ два мѣсяца послѣ этого события и самъ юный императоръ-отрокъ послѣдовалъ за свою сестрою въ лучшій міръ.

Не у всѣхъ Петръ Великій зажигалъ насильственно искру просвѣщенія, многіе умы сами шли на его свѣточъ. Къ таковымъ принадлежала и вел. княжна Наталія, внучка великаго императора, которая, несмотря на свои $14\frac{1}{2}$ лѣтъ все же можетъ служить представительницей лучшихъ, положительныхъ сторонъ Петровской реформы. Она воплотила въ себѣ тотъ идеалъ, къ которому стали стремиться послѣ нея и другія особы царского рода изъ династіи Романовыхъ, но о нихъ мы скажемъ въ другой разъ.

А. Иконникова.

1913 г. Киевъ.

Мои воспоминания или события въ моей жизни

Записки М. Леонтьева.

Часть II.

1828 года Января 13-го дня, сельцо Красное. Окончено 1829 года
Февраля 12 дня.

Отецъ и мать оставили меня, но
Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Путешествіе въ городъ Новогрудокъ и взглядъ на Литовскій край.

Взявъ въ Туль, губернскомъ нашемъ городѣ, подорожную и имѣя съ собою до 400 рублей денегъ пустился я на почтовыхъ Литовско-Гродненской губерніи въ городъ Новогрудокъ, чтобы тамъ вступить въ сословіе дѣтей Марсовыхъ. Почтовая Ѣзда была сообразна пылкости лѣтъ моихъ. и я съ радостію летѣлъ съ звенящимъ колокольчикомъ въ край, для меня новый. и къ людямъ, которые считались еще тогда иностранцами. Проѣзжая города: Калугу, Юхновъ, Вязьму. Дорогобужъ, Смоленскъ, Красный. Борисовъ и Минскъ, я любовался ими какъ прекрасными декораціями съ быстротою предо мною открывавшихся и исчезавшихъ, помня очень, что послѣдніе два города поразили меня несходностію жителей ихъ въ видѣ, одѣяніяхъ и въ языкахъ съ нами русскими и немудрено, ибо я, не выѣзжая до сего никуда изъ Россіи, не видалъ ничего прямо иностранного. 788 верстъ проѣхалъ я въ пять или шесть дней и прїѣхалъ въ Новогрудокъ, благодаря Господа, безъ всякихъ приключений, благополучно; на семъ трактѣ

оть Борисова встрѣчалъ я офицеровъ гвардіи, несшихся въ Питеръ послѣ геройской компаніи Аустерлицкой; они вымѣщали свое неудовольствіе на французовъ надъ бѣдными поляками. станціонными смотрителями, бивъ ихъ нещадно на моихъ глазахъ. Замѣчу также, что при въѣздѣ въ край Литовскій, оть Краснаго верстъ на сто, начинаютъ пространство дороги считать милями, что сначала казалось мнѣ непонятно, но послѣ вразумили меня, что польская миля почти равна нѣмецкой или 7 верстамъ нашимъ. По прїѣздѣ въ Новогрудокъ я подаю просьбу къ государю о принятіи меня въ службу, чего скоро я и надѣялся по надобности въ офицерахъ, при формирующихся теперь новыхъ полкахъ. Городъ сей расположено на горѣ и частію на ровномъ мѣстѣ, онъ окружено лѣсами, и строенія въ немъ всѣ деревянныя кромѣ огромныхъ католическихъ кляштеровъ или монастырей, гдѣ тучнѣли нѣкогда праздные монахи, а теперь въ одномъ изъ нихъ жилъ я, остановясь на квартирѣ у брата моего теперь уже покойнаго Алексія, который здѣсь въ городѣ формировалъ тогда новый Могилевскій полкъ, будучи шефомъ оного въ чинѣ генералъ-майора; сей огромный монастырь принадлежалъ ордену Бернардиновъ, которые поживали здѣсь славно, судя по расположению прекрасныхъ комнатъ, вовсе непохожихъ на кельи, здѣсь жилъ и митрополитъ уніатскій Булгакъ, съ которымъ я и былъ знакомъ: онъ человѣкъ былъ хороший и ласковый при необходимости. Новогрудокъ городокъ небольшой, но въ немъ есть редутъ, въ который съѣзжалось довольно посѣтителей для пріятнаго провожденія времени, если бъ буйство пьяныхъ офицеровъ нашихъ не нарушило иногда ихъ непрітворной веселости! Мнѣ суждено было и теперь жить между буйствомъ сыновъ Бахуса, и я думаю, что сіи гадкіе примѣры научили меня тому омерзѣнію, которое, я чувствую и теперь при видѣ пьяцаго человѣка. Здѣсь я провелъ время очень пріятно въ ожиданіи принятія меня въ службу, бывая въ редутахъ и у нѣкоторыхъ изъ жителей, между которыми помню и теперь панну Овсянную и доктора Вульфа. Справедливо надо сказать, что поляки умѣютъ жить весело и веселиться. Литва вообще покрыта дремучими лѣсами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большими болотами; мѣстоположеніе ея по большей части низкое: горы изрѣдка представляются взору и тѣ болѣе можно назвать малыми возвышенностями, въ Литовскихъ лѣсахъ много водится звѣрей, между которыми замѣчательны зубры. Зубръ—звѣрь, котораго мясо, какъ сказывали мнѣ, очень вкусно; они цвѣтомъ бѣлые и величиною съ корову русскую и имѣютъ бороду, похожую на коалинью. Медвѣдей здѣсь очень много, но не черныхъ; ихъ ловятъ во множествѣ, и въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ учать ихъ плясать и прочему, откуда и водить ихъ по средней Россіи, собирая деньги за ихъ коверканье, отсюда наши и

дразнить поляковъ сморгонской дукаціей. Населеніе въ семъ краѣ многочисленное, но крестьяне всѣ находятся въ бѣднѣйшемъ положеніи и во всю жизнь свою Ѳдѣть даже хлѣбъ мякинныи, между тѣмъ какъ ихъ паны и жиды живутъ очень богато. Во всей Литвѣ нельзя ничего достать иначе какъ отъ жида, у которыхъ въ рукахъ и вся торговля здѣшняго края; паны живутъ славно, ихъ замки и дома великолѣпны! Тамъ то вы не увидите ничего кромѣ золота, серебра, фарфора и дорого го хрустала; дома ихъ освѣщаются всегда воскомъ, о сальныхъ свѣчахъ они не имѣютъ понятія: ихъ ольварки, на которыхъ живутъ ихъ экономы и жиды-арендаторы прекрасны. Тутъ можно быть приняту всегда хорошо. Впослѣдствіи, узнавъ манеръ, я во время похода всегда къ нимъ заѣзжалъ и пивалъ славный кофе, который варять въ Польшѣ превосходно, и Ѳдалъ легкія потравы, какъ говорятъ поляки, или вкусныя закуски. Но шагъ далѣе—и тамъ видна совершенная нищета! Дома крестьянъ чуть не лачуги, одѣяніе ихъ вретище, однимъ словомъ, здѣсь вездѣ видна бѣдность въ различномъ видѣ. Характеръ поляковъ можно описать въ нѣсколькихъ словахъ: гордъ, когда имѣютъ въ немъ нужду, подль и низокъ когда имѣетъ въ вѣсъ оную, храбръ когда силенъ, но трусъ, когда слабъ. Женицины ихъ бойки, умны и ласковы, по обращеніе ихъ нагло и предосудительно; они могутъ быть вѣрными женами, но и въ старости кокетствуютъ. Духовенство ихъ богато, жирно и лѣниво; Ѳдѣть прекрасно, пьють и того лучше, имѣя богатѣйши погреба, въ которыхъ нерѣдко найдете столѣтнее венгерское до котораго и всѣ паны большіе охотники. Говорять, однако, что всѣ ихъ знаменитые погреба выпиты французами въ 1812 году.

Глава II.

Вторичное вступление въ службу; походъ въ Витебскъ, описание онаго. Лагерь при Двинѣ и возвращеніе въ Витебскъ.

Въ началѣ марта того же 1806-го года получены Высочайшие приказы, которыми я принялъ въ службу чиномъ поручика съ отданиемъ старшинства и съ опредѣленіемъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ, а вмѣстѣ съ симъ получено нами повелѣніе вступить въ городъ Витебскъ. Сie возвратное отъ границы движеніе назначено намъ по случаю возвращеній армій нашихъ изъ подъ Аустерлица и Пруссіи, и мы поступили теперь изъ резервенной арміи, въ которой мы состояли, въ 5 пѣхотную дивизію; въ сie время бывшія инспекціи, какъ несомнѣнныя съ благоустройствомъ армій, уничтожены, а составлены

дивизіи, раздѣляемыя на три пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады съ пристойнымъ числомъ артиллериі. По сему раздѣленію нашей 5 дивизіей назначенъ былъ командиромъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, человѣкъ умный, ученый, по непредпріимчивый, какъ впослѣдствіи я сіе видѣлъ. Полки составляющіе сю дивизію были: Сѣвскій, Калужскій, Пермскій и Могилевскій пѣхотные, 24 и 26-й Егерскіе; Польскій уланскій и Римской драгунскій полки; артиллериа, конная рота графа Сиверса и легкихъ двѣ роты; въ сей дивизіи по полному тогдашнему комплекту состояло 13000 человѣкъ и 48 орудій артиллериі.

Походъ нашъ въ то время года, когда здѣсь начинается настоящая весна и ростепель, былъ очень затруднителенъ, а для молодыхъ рекрутъ, которыхъ мы имѣли болѣе 600 человѣкъ, даже гибеленъ по ихъ непривычкѣ; сихъ людей заболѣло у насъ много, а ровно и лошади подъ фурами и пороховыми ящиками очень пострадали. Съ сожалѣніемъ долженъ я замѣтить, что по странности распоряженій покойнаго государя мы ни одного важнаго движенія кромѣ (какъ) шведской войны не дѣлали своевременно; напримѣръ, сей походъ по предвидѣнности возвращенія заграничныхъ армій должно бы намъ предпринять въ Февраль, и тогда люди и лошади сохранены были бы, а это не бездѣлица; будущій походъ нашъ въ Пруссію вмѣсто Октября долженствовало бы назначить въ началѣ Сентября, чѣмъ люди и лошади сохранились и, успѣя—состредоточась—отдохнуть близъ границы имѣли бы ту свѣжесть и бодрость, которыя на войнѣ необходимы; дворъ же нашъ, руководя войною, не могъ не предвидѣть ея начала. Однимъ словомъ: удаленіе опытныхъ генераловъ и окруженіе себя молокососами дѣлало то, что Александръ I-й, начиная съ 1805 года, никаку не поспѣвалъ заблаговременно, что и причиняло гибель государству и безславіе нашему отечеству.

Сей походъ до Витебска на разстояніи 300 верстъ окончили мы въ началѣ Апрѣля и пришли туда на Страстной недѣль; здѣсь я вскорѣ обмундировался и уже у заутрени на Святой недѣль былъ въ военномъ одѣяніи; весьма меня веселившемъ, и съ которымъ я, такъ сказать, сбросилъ съ себя вѣцѣвѣдствія частной моей жизни. Витебскъ очень порядочный городъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе 20000 жителей; строенія въ немъ большою частью каменные и очень хорошей архитектуры; улицы довольно широки и хорошо вымощены камнемъ, а площадь городская, можно сказать, прекрасна, будучи окружена двухэтажными домами. Сей городъ лежить по обоимъ берегамъ Западной Двины,

частію на горахъ, частію на ровной возвышенности; рѣка сія весною судоходна и по ней до Риги сплавляютъ разные продукты Бѣлоруссії. отъ чего дворянство и купечество, а паче жиды, которыхъ здѣсь много, живутъ богато, но крестьянство не лучше въ своемъ состояніи Литовскаго и здѣсь также поселянинъ въ награду трудовъ своихъ утоляетъ голодъ мякиннымъ хлѣбомъ. Одна матушка Россія имѣеть хлѣбопашцевъ въ состояніи очень хорошемъ,—если не построенія, чему причиною мѣстное безлѣсіе,—то здоровой, вкусной и мирной пищи и одѣянныхъ тепло, красиво и изобильно.

Жители здѣшніе почти всѣ католики. отчего кляштеровъ и костеловъ здѣсь много и всѣ они пребогатые; они принадлежать орденамъ доминиканъ, бернардиновъ и іезуитовъ или точнѣе сказать игнатовцевъ. ибо учредитель ихъ былъ Игнатій Лойола, и сіи послѣдніе очень богаты; у нихъ въ кельяхъ угощаются богатою рукою, чему показать опытъ ихъ ксендзъ-каноникъ, угостивъ на Святой недѣлѣ высшихъ нашихъ чиновниковъ великолѣпно. Нашего же греко-rossійского исповѣданія здѣсь двѣ только церкви: соборъ и гарнизонная церковь; первый замѣчательенъ по своей огромности и богатымъ колоннамъ, а послѣдняя деревянная. Въ семъ городѣ есть и жидовская сипагога деревянная; публичныя увеселенія состоятъ здѣсь изъ прекраснаго рѣдута. комнаты котораго убраны богато и сада, расположеннаго на высокой горѣ, съ которой на городѣ видъ прекрасный; въ семъ саду, разбитомъ очень хорошо и украшенномъ бесѣдками, весьма пріятно подышать чистымъ нагорнымъ воздухомъ. Въ половинѣ Іюня вступили мы въ лагерь для узнанія лагерной службы; сей лагерь устроенъ былъ прекрасно на берегу Двины, и я занимался здѣсь службою, уча свою grenадерскую роту, будучи въ исходѣ Апрѣля произведенъ въ штабсъ-капитаны, и довелъ ее до совершенства. Въ половинѣ Іюля смотрѣть наѣ генераль Корсаковъ, тотъ самый, который въ 1799-мъ году потерялъ свой корпусъ при Цюрихѣ въ Швейцаріи. По окончаніи сего смотра, мы въ исходѣ Іюля возвратились въ городѣ, черезъ который проѣзжалъ въ сіе время знаменитый изгнаникъ, достойный генералъ Кутузовъ, котораго лишили армію императоръ Александръ I-й за правду, имъ сказанную. Въ началѣ Сентября мы съ приказами получили печатный экземпляръ сенатскаго адреса государю. въ которомъ похваляя мудрость сего монарха, Сенатъ оправдывалъ войну необходимую съ Наполеономъ, бывшимъ тогда французскимъ императоромъ; сія хитрая уловка желателя поправить Аустерлицкую компанію не могла скрыться, и мы начали приготавляться къ войнѣ. которой и желали по пылкости лѣтъ своихъ. Въ 30-е сентября, какъ въ день именинъ моихъ я давалъ

хорошій завтракъ, на которомъ былъ и тогдашній Витебскій вице-губернаторъ почтенный Воиновъ—и во время онаго получено чрезъ фельдъегера Высочайшее повелѣніе быть намъ готовыми по полученіи вторичнаго повелѣнія, черезъ 24 часа выступить въ походъ.

Глава III.

Современныя политическія и военные происшествія.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашнихъ происшествіяхъ, не безполезно будетъ взглянуть на причины неудачи первой нашей въ сіе столѣтіе компаний противъ французовъ.

Безъ сомнѣнія Ульмская капитуляція доселѣ неслыханная. гдѣ австрійскій генералъ Маккъ сдалъ всю свою армію Наполеону, имѣла вліяніе на ходъ военныхъ происшествій, но чтобы она была главною причиной погибели нашей арміи подъ Аустерлицемъ, это ложно.

Русскій герой Кутузовъ вѣдь 20 тысячъ русскихъ на соединеніе съ арміей австрійской и въ окрестностяхъ Браунау получаетъ извѣстіе, что безчестный Маккъ сдалъ свою армію Наполеону и что сей идетъ къ нему въ обходъ его съ 150 тысячами своихъ войскъ. Всякій, кромѣ Кутузова, въ бояхъ испытанного, потерялъ бы духъ при семъ ужасномъ извѣстіи, но сей герой предпринимаетъ знаменитую ретираду къ Кремсу, что на Дунай, гдѣ поражаетъ корпусъ генерала Мортѣ, осмѣлившійся отрѣзать путь ему. Въ сей ретирадѣ, какъ самъ Кутузовъ, такъ и бессмертный Багратіонъ и вся армія покрылась военною славою и доказали свѣту твердость и непоколебимость русскихъ войскъ. Одному только Кутузову съ горстю героевъ можно было удержать и отразить напоръ 40 тысячнаго корпуса генерала Мюрата при Шенграбенѣ. гдѣ Багратіонъ, пробившись на штыкахъ сквозь непріятельскую пѣхоту и кавалерію, удивилъ и самыхъ безстрашныхъ, доставя удержаніемъ тутъ французовъ способъ разбить Кутузову у Кремса 20 тысячный корпусъ генерала Мортѣ, какъ сказано о томъ выше.

Соверша сей знаменитый подвигъ, сю славную и Ксенофонтовой подобную ретираду, Кутузовъ соединился въ Моравіи съ сильнымъ корпусомъ Буксгевдена и гвардію, получа тѣмъ въ свое начальство армію, простиравшуюся уже теперь до 60 тысячъ. Но съ симъ подкрѣпленіемъ прибылъ и Александръ I-й самодержецъ 28 лѣтъ! Пыл-

кій по юности и неопытности государь сей вель корпуса къ Кутузову большими переходами, въ которые гвардія и всѣ войска шли съ барабаннымъ боемъ скорымъ шагомъ и въ рядахъ точно какъ на ученье, а офицеры были всѣ подъ пудрою, убираясь вседневно, какъ бы въ столицѣ и идя пѣшкомъ въ рядахъ своихъ отдѣленій*); сіе ребяческое хвастовство, сіе ненужное изнуреніе, сіе на фанфаронствѣ основанное щегольство породило ненависть войска къ сему государю и было первою причиною паденія славы войскъ, которые въ настоящей нуждѣ, перенося всѣ тягости, умѣли сражаться и побѣждать, видя заботу о себѣ Суворова, Румянцова и другихъ своихъ полководцевъ. Александръ I-й, соединясь съ Кутузовымъ, тотчасъ рѣшился атаковать Наполеона и съ сею мыслью подвинулся впередъ къ мѣстечку Аустерлицу; мудрый Кутузовъ убѣжалъ сего государя не дѣлать наступательнаго сего движенія, представляя сколь нуженъ хотя нѣкоторый отдыхъ столь изнуреннымъ войскамъ. Но мудрый совѣтъ сей былъ пренебреженъ. Кутузовъ, получа въ ночь на 20-е ноября планъ атаки французской арміи и видя, что его не пригласили даже на совѣтъ, но не могши столь ошибочнаго дѣйствіе произвести, и чувствуя всю гибель арміи, рѣшился по любви къ отечеству остановить неопытнаго государя и ночью же пошелъ къ нему. Пришедъ въ квартиру государя, онъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, получа же отвѣтъ, что государь почиваетъ, онъ началъ говорить громко съ намѣреніемъ разбудить его; удивленный монархъ, проснувшись отъ сего, спросилъ кто тамъ, и узнавъ, что Кутузовъ, велѣлъ позвать его. Вѣрный сынъ отечества, не медля, сталъ просить государя остановиться атакою до прибытія корпуса генерала Эссена, бывшаго за нѣсколько переходовъ, представляя, что Наполеонъ вдвое сильнѣе насть. Государь, вѣровавшій въ неумѣстное изреченіе Фридриха II-го, что если чего не могутъ проповѣсти 30 тысячъ солдатъ; то того и 60 оныхъ не произведутъ, отклонилъ предложеніе Кутузова; Кутузовъ съ своей стороны убѣжалъ государя и, получа въ отвѣтъ, что провіанта нѣть и что войска изнуряются голodomъ въ ожиданіи Эссена, онъ просилъ позволенія взять все у жителей и продольствовать армію, представляя, что австрійскій императоръ можетъ вознаградить край сей, будучи обязанъ своимъ достоинствомъ сохраненію сей арміи, но получа въ отвѣтъ, что мы въ землѣ союзниковъ, а не непріятелей, Кутузовъ упалъ предъ гордымъ государемъ симъ на колѣни и умолялъ его остановиться атакою, представляя невыгодность положенія даже мѣста и недостатки въ планѣ. Огорченный

*) О семъ походѣ-парадѣ сказывалъ мнѣ тогда же и капитанъ Крюковъ, бывшій самъ во ономъ, служа въ Фанагорійскомъ полку.

противорѣчіемъ, монархъ сказалъ Кутузову: „Михайло Иларіоновичъ, я вижу вы любите пожить!“— „О,— сказалъ посѣдѣвшій во браняхъ герой,— сегодня я говорилъ съ Вами какъ генералъ, а завтра буду сражаться какъ простой солдатъ!“— и, вставши, удалился. Что чувствовалъ сей мудрый вождь, видя отверженными свои совѣты и предвидѣвшій слѣдствія сраженія, а слѣдственно и своей славы, о томъ всякий судить можетъ. Сказываютъ, что просматривая наканунѣ еще планъ атаки Кутузовъ сказалъ: „если мы по оному сдѣлаемъ шагъ впередъ, то мы погибли“. Извѣстно, что планъ сей дѣялъ генералъ Винценгероде, уроженецъ баварскій, и, когда читалъ онъ государю, то сей сказалъ окружавшимъ его: „какъ рѣка льется!“ означая тѣмъ превосходство онаго. По мнѣнію военныхъ людей главная ошибка диспозитера была та, что атакующія колонны не имѣли сообщенія и что кавалерія во-все была въ бездѣствії; второю и не менѣе важною почитаются ту, что государь ввѣрилъ центральную колонну глупому, но видному собою генералу Прѣбышевскому, отнявъ онуу у умнаго не виднаго собою генерала Лимпфена, отчего и послѣдовала главная гибель арміи въ тотъ несчастный день 20-го ноября. Но замѣтія всѣ недостатки въ распоряженіи, должно сказать по свидѣтельству многихъ участвующихъ въ семъ сраженіи, что при самомъ первоначальномъ движеніи, солдатами овладѣль до того паническій страхъ, что они при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, бросая оружіе, бѣжали. Храбрый полковникъ Манахтинъ при всемъ своемъ мужествѣ не могъ остановить бѣжавшаго своего Новгородскаго пѣхотнаго полка; соревнователи сего достойнаго начальника генералъ Миллеръ и полковникъ князь Сибирскій, покрыты, тяжкими ранами попали въ плѣнъ непріятеля, но полки ихъ постыдно бѣжали. Слѣдствіемъ злосчастнаго сего сраженія была потеря болѣе 20 тысячъ человѣкъ и болѣе 150 орудій артиллериі. Получа свѣдѣнія о сей битвѣ, австрійскій императоръ палъ къ ногамъ счастливаго Бонопарта и заключилъ съ нимъ миръ въ Пресбургѣ; прусскій же король, ужаснувшись неслыханной дотолѣ гибели русской арміи, которую они считали арміею исполиновъ, немедленно далъ повелѣніе корпусу нашему подъ командой генерала Бенигксена выйти изъ Пруссіи, гдѣ онъ соединился уже съ его арміей, готовившейся идти противъ Наполеона, и свою армію удержавъ, вошелъ въ мирныя съ нимъ сношенія. При сихъ обстоятельствахъ, разбитая наша армія въ Моравіи бѣжала черезъ Венгriю въ Россію, куда въ началѣ 1806-го года и прибыла въ самомъ разстроенному состояніи. При окончаніи сей главы не могу не замѣтить геройскаго отвѣта генерала Кутузова, даннаго Александру I-му. Когда сей государь, получа извѣстіе послѣ сраженія, что Кутузовъ легко раненъ, то желая изъявить ему свое уваженіе послалъ къ

нему своего лейбъ-медика Виліе, но огорченный герой сказалъ сему любимцу царскому: „донасите государю, что рана въ сраженіи мною полученная не опасна, но та рана, которую онъ мнѣ далъ здѣсь, (показывая на свое сердце) неизлѣчима“.

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видя оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому совѣтнику Убрию заключить миръ съ Наполеономъ во что бы то ни стало. Вслѣдствіе сихъ повелѣній Убри подпісалъ мирный трактатъ такового содержанія, каковой побѣдителю подпісать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англіи Прусскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣлъ сдѣлаться непріятелемъ, и Александръ I-й, успокояся, увидѣль, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перемѣнилъ свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣйшимъ союзомъ и возжелалъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убри не только не ратифицированъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя поспѣшность, и будто онъ дѣйствовалъ противно даннымъ ему наставленіямъ, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо всякий видѣль сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ новаго посла къ Наполеону,—Новосильцева, но съ требованиями, на которыя заранѣе знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей безполезной и на единой личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убри въ невыгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ. тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для приобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенному адресѣ соглашаясь съ монархомъ, увѣрялъ, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлитсѧ не согласиться на предложения, данныя ему государемъ; получа сіе сенатское увѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при слѣдованіи многочисленной арміи, ея артиллеріи, парковъ и прочая; словомъ, мытонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, ведя сюю войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединили всякой стотысячныя свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣя силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего периода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будуть составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноября съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батарейная рота артиллеріи графа Сиверса; слѣдя въ семь порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединяясь со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человѣкъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ; прочие же мѣста сего чинѣнія царства Польскаго, покрыты бѣдными деревеньками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанныя посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семъ походѣ впервые еще узнали *биваки*, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерию и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а пебесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушали себя разводимымъ нами огнемъ, для котораго ломали заборы, овины, риги, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изну-

рительного похода была довольноная убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шашами, стоила разорительного опустошения селеній и лѣсовъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Наровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сие бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но наипаче оно проистекало отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событий коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой компаніи, принялъ нашъ 40 тысячный корпусъ подъ начальствомъ генерала Бенигсена въ свой владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онымъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; но неожиданный оборотъ сей войны и вѣроломные совѣты первого королевскаго министра маркиза Лукхезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа извѣстіе о слѣдствії Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонарпартомъ, выслалъ нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствіе на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободясь отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствії политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонарпартъ рѣшился самъ нанести ударъ невѣрной союзницѣ и вслѣдствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію; за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, гдѣ Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеизма и чести, а не на вѣрѣ и вѣрности, и мы были свидѣтелями быстрого и ужаснаго паденія царства атеизма, гордынею человѣческою воздвигнутаго, въ семъ не бываломъ доселѣ пораженіи, а не сраженіи; Наполеонъ взялъ въ плѣнъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Мелендорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерію; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рюхелемъ бѣжалъ за Вислу, а генералъ графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами засѣлъ въ Данцигъ. Слѣдствіемъ Іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо ея зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести недѣль прошедъ все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столь прославленного философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычайного и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, бывъ призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра непріятельскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстъ къ Остерлянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Бенигсена, занимавшаго Варшаву, и при появленіи Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сіи движенья простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время пріѣхалъ къ намъ главнокомандующимъ фельдмаршаль графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпуса генераловъ Бенигсена, Буксгевдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣшившую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полковъ гусаръ, драгунъ и кирасиръ съ пушками артиллерии и простиравшуюся до 130 тысячъ, считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерпѣвая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствіи, мы брали рожь у жителей и мололи ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокій голодъ. Каменскій, пріѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ лѣтописяхъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ неизвинительный, но въ правленіе слабое и беспорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Бенигсенъ при Пультуску былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приближась къ Бенигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣдавшаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрнѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлаютъ его

виновнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище нѣмцевъ Бенигсенъ, Букегевденъ и Эссенъ, оставшись безъ главнаго вождя, начали плутать по Польшѣ и втолкнулись въ началѣ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія и поручена команда генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), слѣдствено, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступление, сей маневръ нѣмецкаго характера, отъ котораго мы потеряли большое чи́ло людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими поляками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человѣкъ выбыло изъ строя 300 человѣкъ, усталыми нашими—и бѣжавшими поляками), произвели на конеца всебошій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышить онъ и просить ихъ объявить оныхъ, что онъ не боится французовъ, а ведеть армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе увереніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣстѣ, чѣмъ изнурять себя робкими ретирадами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсишѣ-Эйлау, но уже довольно жаркая, въ которой я видѣлъ героя князя Багратіона, командующаго нашимъ аріергардомъ. къ которому мы были посланы на подкрѣпленіе, и я съ grenaderскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсишѣ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежащія, построясь въ ордерѣ-баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семь положеній ночевали.

27-го день достопамятнѣйшій въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящей изъ нашей 5-й и 7-й дивизій подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; оная бывъ допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастіономъ Шульманомъ, Никитинымъ и графомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвѣлъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыя, бывъ смяты равномѣрно огнемъ нашей славной артиллеріи, были преслѣдованы полками нашей дивизіи Сѣверскимъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкѣщеніе прусскій генералъ Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ нѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видя, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятеля, стоялъ безъ дѣйствія подъ губительнымъ огнемъ артиллеріи французской, ни мало не думалъ послать нѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріятелемъ учиненномъ, рѣшился было отступить, но былъ отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ благоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшій пальбой непріятельскихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Симъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человѣкъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срыванія части череповъ и большою частію были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступить многочисленностію превосходящаго насъ непріятеля, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только обѣ одной или двухъ: напримѣръ---изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и возлѣ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ мнѣ, но ударившись въ бывшій противъ меня непримѣтный почти бугурокъ, столь углубилось, что засыпалъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увидя меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящикъ, убило лошадь и оторвало обѣ ноги состоявшему возлѣ меня канониру, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтер-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человѣкъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семь сраженій въ строй было 76000 человѣкъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до свѣту къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. Итакъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ бывъ истребительною, осталась однако нерѣшеною. Сражаясь два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человѣкъ, и мы сформировавшись въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанію главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семъ положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немного мяса, послѣ сего, дня черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. Итакъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комнатный воздухъ; оборвавшись весь, я здѣсь сшилъ себѣ платье и утолилъ свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нуждъ и лишеній! Но и въ ней есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытаетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣдъ и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле браны, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождается въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встрѣчѣ съ оними.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ онаго и пошли въ селеніе Нейendorфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегель при Куришъ-Гафе или заливѣ Балтійскаго моря; онъ довольно обширенъ, строеніе имѣть все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательного ничего; торговлю производить обширную съ Литвой и Польшей и имѣть жителей болѣе 60 тысячъ.—Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возлѣ его принесло ему 2 миллиона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получа свое жалованье и рационныя деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостію вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищъ, кровью своею запечатлѣвшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ прaporщикъ моей роты Константинъ Бровчинскій, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, пріими духъ мой!“ и за симъ словомъ испустилъ духъ свой возлѣ

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть, не только устоялъ на мѣстѣ, но весьма хладнокровно сказалъ: „этакія бестіи, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейндорфѣ до 16-го апрѣля, въ которое время подошли къ памъ усталые и бѣжавшіе изъ плѣна непріятельского наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландсбергъ, Оршенъ въ городъ Цинтенъ, гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день послѣдовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Миттэтенъ и Ведитенъ въ городъ Фишгаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я море. Сей величественный видъ приковалъ меня на нѣсколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приближаясь къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенѣкѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и я игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ, изъ палатъ царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле браны, гдѣ скитаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить мнѣ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія все пройдетъ въ бѣдствії? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписываю изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сіи мирныя размышенія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій, ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначаемся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа, и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебенъ, прося Господа силъ благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семъ городѣ нашли мы всѣ полки своего отряда, названного летучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго, Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семъ отрядѣ простидалось до 5000 по случаю большой недостачи комплекта. Съ самаго ранняго утра стали садиться на купеческие корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на взморье. Здѣсь представился для меня одинъ изъ достопамятнѣйшихъ видовъ въ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійского фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣйшемъ порядкѣ, на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зрѣлище, объ которомъ житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усъянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы крикнувъ ура, при громкой музыкѣ понеслись по гладкой поверхности зыблющейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ насладиться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизъяснимо разительнымъ захожденіемъ солнца, отъ которого все морѣ поперемѣнно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти въ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣйшій; итакъ, покуда займемся взглядомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генералъ Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Іенскаго истребленія взошелъ въ Данцигъ; Наполеонъ приближаясь къ Вислѣ отрядилъ къ Данцигу маршала своего Лефебра съ 30 тысячнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытиемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрѣплѣнію которыхъ сначала посланъ нашъ генералъ Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впослѣдствіи названными Бѣлостокскимъ полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрѣплѣніе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операций, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и сими войсками, разбивъ маршала Лефебра, идти въ тылъ Наполеону; соображеніе было важное, но весьма жаль, что оно осталось безъ исполненія. Вслѣдствіе сего то мы и назначены въ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокую бурю, которая развела столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ паденіи своемъ казалось погружался въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ оную; такимъ образомъ буря продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа оная утихла, а мы въ сей день

взошли въ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сю, которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ: строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ семь оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзнью, состоящую изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телеграфа. 2-го мы, для сдѣланія фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, расположась въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейкельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова; здѣсь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидаясь свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерского полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человѣкъ съ каждого, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простирилось до 1600 человѣкъ и ею командовалъ генералъ майоръ Лаптовъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простирилось до 1500 человѣкъ. 3-я составлена была изъ полковъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человѣкъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человѣкъ.

Общія распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуетъ лѣсъ, въ лѣвомъ флангѣ нашемъ лежащей и занятый непріятелемъ; вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленный холмъ и взять его приступомъ, откроетъ тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сie время гарнизонъ сдѣлаетъ сильную вылазку; 3-я колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлками правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхыхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно намъ въ Данцигъ; но всѣ сіи предвачертанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученное непріятелемъ скопье подкрѣпленіе остановило первый ея натискъ, и огонь закипѣлъ на одномъ мѣстѣ. Въ сie время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, прошедъ съ полверсты оть оной; въ сie мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ею удара во флангъ непріятеля, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вместо сего Каменскій, будучи пьянь, въ сie время остановилъ нась, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефебръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посыпать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью; у насъ почти безпрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жалости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насъ бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу моря, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣйствія 1800 человѣкъ войска, но Каменскій ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмельѣ. И такихъ то людей избирали тогда въ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣненію Александра I-го обязана Россія пятилѣтнимъ униженіемъ и разорительнымъ 1812 годомъ. Наконецъ непріятель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившія, усилиясь, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, видя сie, теперь рѣшился оную подкрѣпить и то частями, посыпая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршалъ Лефебръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріятеля возросло до 5000 человѣкъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсиля нашу колонну взятиемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поверотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занявъ наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость; тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостю удерживали болѣе 4 часовъ. Подошедъ къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построй въ линію, я быстро повелъ въ жестокій огонь, кипѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо на вылетъ, и брызнувшая фонтаномъ кровь моя

принудила меня отдать команду старшему по мнѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣплѣніи и спросившаго о мнѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной мнѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ Каменскій, видя, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, далъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустрашимостью, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, командуя 2-й колонной.

Въ сіе сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированиемъ, полкъ нашъ покрылся славою предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъуваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ въ моей ротѣ изъ числа 85 человѣкъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего выбыло изъ фронта 45 человѣкъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, выбыло 396 человѣкъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ просвѣщенѣйшаго и опытнѣйшаго генерала взошли бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Лефебра, а симъ самимъ ослабя его армію, споспѣшествовали бы равновѣсію силъ оной съ нашею. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для настѣнь день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были переранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты grenadierъ Мироновъ, бросаясь въ средину непріятелей, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднятъ на штыкахъ.

4-го мая настѣнь раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, видя, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывшій у настѣнь англійскій генералъ Гутчинсонъ объявилъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ дней черезъ 10 сѣсть на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибывъ

въ Кенигсбергъ, нась выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сie время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу въ экипажѣ, увида нась лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камер-пажа въ ратушу за квартирами для нась, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ нась будетъ платить свои деньги хозяевамъ за наше содержаніе, что великодушно исполняла восемь дней, ибо далѣе исполнить сего была не въ состояніи по источенію собственныхъ ея финансъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня присыпала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, бывъ въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ нась бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы долженствуетъ быть незабвеннымъ въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдален-нѣйшимъ, благомыслиющимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходѣ мая, по полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козлевскій, восторженный симъ поступкомъ, рассказаннымъ имъ графу Дебальмену и Воронцову, и князю Долгорукову флигель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески поберечь себя, и я чувствуя, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Фридландское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семь путешествіи сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здѣсь рѣка сія имѣть около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу барону Маркловскому, здѣсь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности размѣстить нась по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простипалось до 700 человѣкъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячи, предложилъ намъѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченію ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ кото-
рого въ селѣ Подсосенкахъ покойная матерь моя тогда находилась, и
которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, и имѣніе нынѣ про-
дается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на
Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ
на ту по истинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля остав-
или мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неимовѣрною храбростью своею, одними
своими трудами и рвениемъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ,
безъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго,
который, говоря по самой строгой безпристрастной справедливости, не
заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи
и остановился въ городѣ Бартенштайнѣ. Обрадованная армія прибы-
тиемъ своего монарха еще болѣе укрепилась въ духѣ военному, и мы
всѣ тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду
или бы далъ намъ Кутузова. Но злой геній, управлявшій тогда симъ
государемъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому
Бенигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ
и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывшій подъ начальствомъ безцѣннаго
героя князя Петра Ивановича Багратіона, въ первыхъ числахъ Мая
оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію
Австріи на театръ войны остались безуспѣшны, и Францъ I-й дорого
заплатилъ впослѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его со-
единенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Междудѣмъ Бенигсенъ, получа донесеніе Каменскаго о невоз-
можности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновой
арміи корпусомъ маршала Лефебра, къ которой и такъ уже подошли
сильные подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, гене-
рала Деларомани, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что
французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи
и занимаетъ Гудштадъ, Бенигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону
съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ
нашихъ противъ непріятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену
(что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду
къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуетъ
стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сдѣлалъ на дорогѣ привалъ, то маршаль Ней, имѣя время получить подкрѣпленіе отъ ближнихъ къ нему войскъ сталъ несравнѣнно сильнѣе Багратіона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратіонъ, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей спѣшилъ къ нему, и видя что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ, умѣль навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощелкала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратіонъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорять, что въ пылу гибѣва князь едва не закололъ его.

Князь Багратіонъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по похвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, видя непреодолимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабаго умомъ Бенигсена оставить ону, въ чёмъ и успѣлъ совершенно. Бенигсенъ потянулся къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Іюня послѣдовала та битва, слѣдствіемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ теченіе 5 лѣтъ, войною шведскою, потерю всего флота, въ Архипелагѣ бывшаго, и иго милліонной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ нѣсколько словъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ онай. Съ ранняго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркій; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Бенигсенъ побѣжалъ въ городъ обѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, составя ружья, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользоваясь мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточа свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленныя ружья на дальнѣ разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвелъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: „къ ружью!“ Солдаты бросились къ

онымъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство; въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, поспѣшили къ замѣшившемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередь. Артиллериа наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервѣ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удержались, а видя разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чемъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Дохтуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искуснымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствиемъ нашей артиллериі, Доктуровъ нанесъ непріятелю весьма значительный уронъ, заставя французовъ остановиться. Слѣдовало бы Бенигсена первого судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Денпрерадовичъ, если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сie сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и плѣнныхъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ ней поспѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидясь съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключилъ постыдный миръ въ Тильзитѣ.

Глава V.

Возвращеніе въ полкъ.

Въ предыдущей главѣ было показано, что я по полученіи паспорта отъ генерала барона Маркловскаго выѣхалъ изъ Юрбурга въ городъ Ковно, лежащій на самомъ берегу Нѣмана: онъ невеликъ, но строеніемъ хороши, а мѣстоположеніе его прелестно. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что здѣсь варится медъ наилучшаго вкуса, но и весьма крѣпкій, онъ извѣстенъ вездѣ подъ именемъ Ковенскаго. Изъ Ковно прѣхавъ въ городъ Вильну, столицу, такъ сказать, Литовскаго края, я остановился въ немъ на нѣсколько дней для получения слѣдовавшаго мнѣ жалованія отъ находящагося здѣсь генераль интенданта арміи князя Волконскаго и, получа оное, пробывъ дня три, пустился въ даль-

нѣйшій путь. Изъ Вильны я ѿхалъ порой въ полѣсской телѣжкѣ, едва помѣщавшей меня и дѣлавшей сей вояжъ очень беспокойнымъ, тѣмъ болѣе, что и раны мои едва закрываться стали; пріѣхавъ въ Оршу, я долженъ былъ остановиться для отдыха, чувствуя чрезвычайную въ себѣ слабость и не имѣя для отдыха своего даже и порядочной постели, ибо ѿхавши изъ столь труднаго похода, откуда ее и имѣть мнѣ было. Въ Оршѣ къ несчастью занемогъ у меня человѣкъ, и такъ я еще и для него долженъ былъ пробыть нѣкоторое время. Здѣсь я часто хаживалъ на Днѣпръ и любилъ сидѣть на большомъ камнѣ изъ него выдавшемся, предъ самымъ опустѣвшимъ іезуитскимъ монастыремъ; я чувствовалъ къ сей величественной рѣкѣ особенную какую то привязанность, быть можетъ и потому, что я на берегахъ ея узрѣлъ здѣшній свѣтъ; мнѣ казалось, что ея виды были сильнѣе другихъ рѣкъ, теченіе величественнѣе и она прекраснѣе, однимъ словомъ, я просиживалъ у нея по нѣскольку часовъ, предаваясь сладостной задумчивости. Орша небольшой, но довольно пріятный городокъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ Красный, пріѣхалъ я въ Смоленскъ древній городъ Матушки Россіи; прекрасное строеніе его, великолѣпныя палаты, вросшій въ землю отъ многихъ вѣковъ храмъ смоленскій; все сіе привлекало жадные мои взоры.

Толпы ликующаго и разряженного народа, множество экипажей, ѿхавшихъ отъ древняго собора, гдѣ въ сей день праздновали образу Смоленской Богородицы, были предметы для меня прелестные, послѣ военныхъ предметовъ! Здѣсь остановился я въ домѣ гостепріимнаго городового маклера, который по врожденному русскому радушію очень заботился о угощеніи израненнааго воина. Пробывъ въ семъ прекрасномъ городѣ цѣлый день, я выѣхалъ пѣтъ онаго, вовсе не помышляя, что сей прекрасный нашъ городъ черезъ пять лѣтъ будетъ сравненъ землею, и что тысячи его счастливыхъ тогда обитателей будутъ, лишенные крова, скитаться по Россіи, испрашивая себѣ великодушной помощи, въ чёмъ жестокое правительство имѣ отказало или, давъ малѣйшую часть, не устранило грабежа алчныхъ чиновниковъ! Подлинно жизнь сія есть море напастей, воздвигаемое бурею! Кто бы могъ подумать въ 1805 году, что Аusterлицкое сраженіе, предназначатое Александромъ I-мъ по его своему, будетъ стоить толикихъ слезъ и крови любезному отечеству нашему? Что его ненавистное упорство противъ Кутузова въ 1801-мъ году повлечетъ за собой 1812-й годъ, столько бѣдствій причинившій Россіи? Не Барклаю-де-Толли, слабому и не знавшему вождю, избранному Александромъ I-мъ, но герою Смоленскому Кутузову, избранному Богомъ и отечествомъ, надлежало быть спасителемъ Россіи.

Изъ Смоленска выѣхавъ, проѣзжалъ я города Дорогобужъ, Вязму, города очень хорошіе хотя и небольшіе, но богатые; изъ нихъ первый расположень на горѣ и дѣлаеть своими каменными церквами и зданіями прекрасный видъ; второй замѣчательнъ своею древностію и богатствомъ жителей, и въ которомъ большая часть каменнаго строенія, но расположень оный на низменномъ мѣстѣ, и сіи оба прелестные городки истреблены въ 1812-мъ году. Послѣ оныхъ проѣзжалъ я Калугу, Алексинъ, Тулу, Епифанъ, Скопинъ, Ряжскъ и Сапожокъ и наконецъ прїѣхалъ Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда въ село Подосенки, гдѣ тогда покойная мать моя имѣла свое пребываніе. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ на другой день получилъ жестокую горячку, слѣдствіе трудовъ военныхъ и беспокойнаго путешествія въ 2000 верстъ! Я былъ въ отчаянномъ положеніи и меня сочли за нужное пріобщить уже Святыхъ Таинъ. Я помню и теперь, что, когда меня привели въ чувство, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ священника съ чашею примиренія, которая несена была изъ церкви, гдѣ въ сіе время служили обѣдню, то Всеблагій Богъ даровалъ мнѣ столько вѣры, что я присталъ и сказалъ: „стою ли я этого?“ и съ чувствомъ пріобщился Святѣйшаго примирительнаго Тѣла и Крови возлюбленнаго Спасителя нашего и послѣ сего уснулъ. Сонъ произвелъ во мнѣ потъ, и я, получа облегченіе, началъ выздоравливать. Въ сей болѣзни я видѣлъ внимательное къ себѣ расположеніе покойной моей матери, и за сіе не могши еще ходить, велѣлъ себя принести съ постелью къ ногамъ ея для изъявленія ей моей благодарности. Оправясь совершенно, я помышлялъ обѣ отправленіи моемъ въ полкъ, ибо сестры мои, виновницы всего неустройства нашего семейства, столь же были расположены ко мнѣ, какъ и прежде, изъ одного желанія корысти и любостяженія, примѣръ поучительный для корыстолюбцевъ, ибо изъ ихъ поведенія видно, что сердца одержимыя сею болѣзнью тверже самаго металла.

Покойная мать моя, желая провести зиму въ Тулѣ для своего удовольствія, сама поѣхала вмѣстѣ со мною. Итакъ мы въ началѣ Сентября, большимъ количествомъ экипажей, ибо и сестры тутъ жеѣхали, пустились въ путешествіе, намѣреваясь по волѣ покойной матери моей заѣхать поклониться мощамъ архіепея Тихона, въ Задонскѣ почивающими. На пути семь проѣзжали мы четыре города, изъ нихъ первый Липецкъ, славящійся своими минеральными водами; онъ начиналъ тогда улучшаться отъ множества посѣтителей, но я замѣтилъ здѣсь одну только любопытную вещь—плотину,строенную Петромъ Великимъ: она чрезвычайно прочна, какъ и всѣ его учрежденія, ширины она необыкновенной и сдѣлана превосходно.

Задонскъ—небольшой городокъ Воронежской губерніи, но строенія въ немъ есть прекраснѣйшія и онъ годъ отъ году приходитъ въ лучшее положеніе отъ множества пріѣзжающихъ и приходящихъ на поклоненіе св. Тихону. Люди столь суевѣрные, что несмотря даже и на то, что сей покойный архіерей (впрочемъ мужъ знаменитый своими сочиненіями и гоненіями) не причисленъ къ лицу святыхъ и самыемъ духовенствомъ, толпами идутъ и ѻдуть сюда. Но что пользы въ этомъ? Надлежало бы по примѣру Тихона исправить свою нравственность его пособителямъ и просить о семъ того верховнаго нашего Благодѣтеля, безъ котораго помочи и Тихонъ не могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ и умолять Господа Искупителя нашего, да дастъ Онъ намъ сердце сокрушенno и смиренno!—Святыхъ уважать и подражать имъ должно, но при семъ всегда должно помнить, что и имъ всѣ блага далъ Богъ, а не они сами собою стали совершенными, помня слова св. апостола Павла: „кто Павель? кто Аполлосъ, они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали и при томъ поколику каждому далъ Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а выросли Богъ!“ (Къ Коринтамъ I-го посл. гл. III-я стих. 5 и 6-й). Устремлять мысли свои къ Единому всего Подателю Самъ Спаситель нашъ повелѣлъ намъ знать и кланяться „Единому Богу и Имъ посланному Іисусу Христу“. *) Слѣдовательно это видно и спасетъ насть, да и церковь наша поетъ: „Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ Единосущной и Нераздѣльной“. За предѣлами гроба не избавить насть отъ наказанія сіи суетныя путешествія, если мы не исправились въ своей нравственности; ты хочешь ѻхать на поклоненіе въ какой либо монастырь? собери лучше тѣ деньги, которыя издержалъ бы на сие, отдай ихъ нуждающимся и оставаясь дома молись Тому, Который иже вездѣ сый. Или мы уже глухи стали къ глаголу вѣчной истины, научившей насть, „что истинные поклонники будуть поклоняться Отцу въ духѣ истиннѣ“ (Іоанна гл. IV-я ст. 21-й и 22 и 23-й) или мы уже не тѣ христіане, которыхъ великій апостолъ Христовъ Павель училъ, что самовольное служеніе и изнуреніе тѣла только удовлетворяетъ плоти, но пользы не приносить (смотри къ Колосс. посл. гл. II ст. 23-й и многія мѣста всего Нового Завѣта). Ахъ, какъ мы отдѣлились единства церкви Христовой, для чего мы оставляемъ единый, истинный источникъ и копаемъ себѣ колодези каждый по своему вкусу? „Меня оставиша источника воды живыя и ископаша себѣ кладези“! говорить Господь—будемъ просить Господа, чтобы Онъ явилъ намъ милость свою, утверждая насть на пути

*) Іоанна гл. XVII-я ст. 3-й.

истинномъ и Ему благоугодномъ, избавляя насть отъ всѣхъ лицемѣрныхъ и суевѣрныхъ дѣйствій и надеждъ.

Козловъ городъ очень хорошій и довольно обширный; это складочный магазинъ для большой половины обширной Тамбовской губерніи, и здѣсь видѣлъ я невѣроятное множество дынь и арбузовъ, родящихся въ полѣ въ окрестностяхъ сего города и за которые здѣсь платить весьма дешево, напримѣръ: двѣ дыни денежка, арбузъ довольно большой—2 копейки, но вкусъ сихъ плодовъ очень посредственный и вовсе не можетъ сравниться со вкусомъ родящихся у насть въ парникахъ.

Раненбургъ, (Рязанской губерніи), имѣющій довольно хорошее строеніе и расположенье на горѣ; онъ замѣчательнъ болѣе потому, что здѣсь въ царствованіе Елизаветы I-й содержался Иоаннъ Антоновичъ, назначенный отъ Анны Грозной императоромъ Россійскимъ, но сверженный съ престола въ самомъ еще малолѣтствѣ. Онъ былъ сынъ герцога Ульриха Брауншвейгскаго и принцесы Анны племянницы Грозной. Развалины крѣпостцы, гдѣ содержался Иоаннъ, еще существуютъ, и любопытный путешественикъ можетъ на ея развалинахъ мечтать о прочности земного величія. Сей городокъ напоминаетъ собою и знаменитаго нѣкогда князя Меншикова обладателя сего города и окрестныхъ селъ, гдѣ онъ во времена своего могущества отдыхалъ иногда отъ трудовъ своихъ, и украсилъ его окрестности, копая пруды и дѣлая плотины, которые теперь время почти совсѣмъ уничтожило.

Представя себѣ Иоанна и Меншикова, здѣсь бывшихъ, нельзя не сказать, что сей городъ можетъ служить поученіемъ для насть, хотя и безмолвнымъ, но не менѣе того краснорѣчивымъ.

Пріѣхавъ въ Тулу и по кратковременному отдыходѣ, я 6-го октября выѣхалъ къ своему полку, стоявшему въ городѣ Вилейкѣ Минской губерніи, какъ извѣстилъ меня Тульскій губернаторъ.

При семъ отѣздѣ покойная мать моя прощалась со мною нѣжнѣйшимъ образомъ и сіе воспоминаніе навсегда останется въ благодарномъ моемъ сердцѣ. Изъ Тулы я ѿхалъ на города: Алексинъ, Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Борисовъ; пріѣхавъ въ Вилейку, и не нашедъ здѣсь полка, я долженъ былъ написать о семъ Минскому губернатору Корнееву, прося его извѣстить меня, гдѣ Могилевскій полкъ находится? Въ семъ ожиданіи остался я въ Вилейкѣ и занялъ квартиру у отставного флота капитанъ-лейтенанта Алексея

Петровича Слизова, одного русского въ семьпольскомъ городкѣ живущаго. Радушный мой хозяинъ обходился со мною какъ родной, угождая меня славно, ибо имѣть въ окрестности сего города 200 душъ, отцу его, храброму контрѣ-адмиралу за Шведскую войну Екатериною II-й пожалованные. Здѣсь я прожилъ болѣе двухъ недѣль и ласкою доброго хозяина не могу нахвалиться. Сей городъ имѣеть прекрасную военную для обороны позицію, будучи расположенъ на крутомъ берегу рѣки Вилейки, но самъ по себѣ очень дуренъ и худо выстроенъ. Получа отъ губернатора отвѣтъ, что полкъ мой стоитъ въ Полоцкѣ, я пустился въ онай проселочною дорогою на городъ Десну, но прѣѣхавъ въ Полоцкѣ не нашелъ и здѣсь своего полка, но зато вѣрно узналъ уже, что онай стоитъ въ Витебскѣ, куда я вскорѣ и прїѣхалъ. При семъ долженъ сказать, что я изъ Юрбурга до Шацка и отъ Шацка до Витебска ѻхалъ на свой счетъ, ибо тогда и раненымъ прогоновъ не давали. Итакъ моя рана, полученная за отечество на полѣ брани, сверхъ убытка для моего здоровья, стоитъ мнѣ болѣе 700 рублей. Гдѣ справедливость правительства? но тогда все шло криво, теперь же раненнымъ выдаютъ прогоны и лѣчить ихъ на казенный счетъ.

Глава VI.

Второй военный походъ къ шведской границѣ.

Прибывъ въ полкъ, я нашелъ, что полкомъ нашимъ командуетъ подполковникъ Обуховъ, и шефомъ назначенъ къ намъ генералъ майоръ Пассекъ. Въ Витебскѣ я нашелъ главнокомандующаго своего генерала графа Буксгедена и, бывъ одинъ разъ дежурнымъ по полку, и пришедъ къ нему я нашелъ его читающаго календари! Занятіе достойное того, кому Александръ I-й ввѣрилъ армію, но сей читатель мѣсяцелова вскорѣ отъ насъ уѣхалъ.

Недолго отдыхалъ я, ибо въ исходѣ декабря мы выступили въ походъ въ Петербургъ и слѣдовали на города: Городокъ, Невель, Великія Луки, гдѣ прїѣхалъ новый шефъ къ намъ, глупый и алчный генералъ майоръ Булатовъ (имѣвшій впослѣдствіи великолѣпное влияніе на судьбу мою) черезъ Порховъ, Лугу, Гатчину и Царское Село. Проходя оба послѣднія мѣста, я встрѣчалъ ихъ какъ давно знакомыхъ друзей и мечталъ возвратиться во времена моего счастія, когда, бывъ извѣстенъ царю, я наслаждался счастіемъ лѣть юности беззаботной. Въ Петербургъ мы взошли вечеромъ 26-го января 1808-года и, проходя его великолѣпными улицами, остановились на Выборгской сторонѣ.

На другой день я вѣзъилъ къ знакомымъ своимъ Ивановымъ, гдѣ провелъ весь день, свидясь съ ними черезъ 6 лѣтъ. На другой день по утру смотрѣлъ полкъ нашъ императоръ Александръ I-й и былъ недоволенъ выправкою людей и церемоніальнымъ маршемъ, не помысля, что у насъ въ полку было болѣе 1200 человѣкъ ратниковъ изъ распущенной милиціи. Въ сей день, выступя изъ сѣверной нашей столицы, мы послѣдовали къ бывшей нашей Шведской гланциѣ въ кирштель. *Соуминеми* (кирштель есть селеніе, гдѣ есть лютеранская кирка; оно соотвѣтствуетъ нашему селу, но не пространствомъ, ибо при киркѣ бываетъ двора по два), гдѣ и остановились до 20-го февраля, и я жилъ здѣсь въ самой скверной, курной избѣ, гдѣ вмѣстѣ были со мной и хозяйствская скотина, ибо ее выгонять было не вѣльно. Здѣсь объявленъ намъ императорскій приказъ, что мы, въ числѣ 4-хъ дивизій составляя армію, поступаемъ въ начальство генерала графа Буксгевдена и предназначены для завоеванія шведской Финляндіи; что сему главному начальнику дается власть: рядовыхъ лишать жизни, а офицеровъ разжаловать въ солдаты въ случаѣ вины ихъ, не донося о семъ государю. Всеобщее омерзѣніе было отвѣтомъ на сию прокламацію, ибо всѣ вообще ненавидѣли Буксгевдена за его временное начальство въ прошлую войну и за его жестокость.

Теперь обратимъ взоръ на край, куда судьба привлекла меня; мрачный лѣсъ, камни ужасной величины и пропасти, между которыми тамъ и сямъ раскиданы бѣдные крестьянскіе дворы, и то весьма рѣдко, представились изумленному моему взору на всемъ семъ пространствѣ отъ самого почти Петербурга, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ. Здѣсь ничего порядочнаго достать было нельзя! Нечистота жителей и ихъ жилищъ отвратительна; однимъ словомъ, это самый скверный, скучный и мрачный край, который казалось недавно еще вышеизъ-подъ вѣчныхъ водъ и населенъ преступниками, изгнанными изъ государствъ образованныхъ.

Среди сего хаоса Выборъ показался мнѣ прекраснѣйшимъ городомъ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ; вмѣщая въ себѣ прекрасные каменные дома и имѣя все, не только нужное, въ изобиліи, но и къ роскоши служащее. Онъ особенно славится кренделями, которые и въ самомъ дѣлѣ безподобнаго вкуса и извѣстны въ Петербургѣ подъ собственнымъ названіемъ Выборгскихъ кренделей. Въ отношеніи военному онъ считается и есть первоклассная крѣпость, могущая выдержать долговременную осаду большой арміи и флота; но безъ сего послѣдняго онъ неприступенъ, стоя на берегу Финского залива, который былъ

въ сie время окованъ свирѣпою полярною зимою. Здѣсь я былъ угощаемъ братомъ моего поручика Плеханова, и слыша отъ него о томъ краѣ, куда шли, запасся я здѣсь всякою провизиою и особенно кофеемъ, столь нужнымъ въ сеmь хладномъ зimoю и сыромъ лѣтомъ kraю. Да-лѣе проходили мы маленьkій городокъ и крѣпостцу Виль-Монстрантъ близъ нашей бывшей границы, лежащіе при озерѣ Сайма, на кото-ромъ была при нась и гребная флотилія и крѣпости для защиты оной. Сія крѣпостца и другія лежащія на линіи ея какъ то: Давыдовъ, и Кюмен-гордъ построены по плану и подъ надзоромъ великаго Суворова зна-менитаго князя Италійскаго. Предъ Сауминему проходили мы и кирку Савитайполь, столь извѣстную въ нашей военной исторіи пораженiemъ принца Ангальта брата Екатерины II-й. Сраженіе сie было при боль-шомъ мостѣ, лежащемъ ниже озера Куолимо, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нашихъ и шведовъ легло тысячи, а мы проходили сей мостъ въ со-вершенной тишинѣ и только у немногихъ изъ нась одна мысль ожи-вляла подвиги минувшаго вѣка. Послѣ сего не жалки ли люди, кото-рые думаютъ кровополитіемъ купить для себя славу, столь скоро забываемую и такъ, что даже и могиль храбрыхъ вовсе уже не видно, ибо ни одинъ памятникъ не оживляетъ ихъ! Вскорѣ, вскорѣ и наша кровь попьется рѣками на сушѣ и водахъ и то же забвеніе грозить и тѣмъ, кого судьба обрекла быть жертвою войны сей, самой неправед-ной, какую когда либо предпринимала Россію.

При сеmь слѣдуетъ замѣтить, что я въ Петербургѣ получилъ за сраженіе 3-го мая 1807-го года при Вейсьельмюндѣ орденскую шпагу, малую награду за мое рвение, и въ Виль-Монстрандѣ получилъ приказъ, которымъ произведенъ я въ капитаны.

Глава VII.

Заграничный военный походъ и сраженія до 1-го мая 1808-го года или до окончанія первой компаніи.

Простоявъ въ скучной и мрачной Сауминему въ ожиданіи движенія главнаго корпуса нашей арміи, пошедшаго по берегу Финскаго залива къ Ловизѣ и Швортгольму и далѣе къ городу Борго, близъ двухъ недѣль; мы наконецъ 20-го февраля того 1808-го года выступили за границу и по-слѣдовали своей колонной къ киркѣ Санть-Христино, а потомъ и въ Санть-Михель маленьkій городокъ, гдѣ было шведское депо для пѣхо-ты и гребный флотъ; послѣдній шведы сожгли, оставя намъ болѣе 50

орудій артиллериі большого калибра и всѣ чугунныя, а депо, не успѣвъ вывезти многія прекрасныя вещи, намъ оставили. Здѣсь простояли мы нѣсколько дній въ ожиданіи движенія главной колонны нашей, 5 дивизіи подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Тучкова, слѣдовавшаго изъ городка Нейшлота на кирку Йорсисъ. Тучковъ, приближаясь къ укрѣпленному городу Варкаусу, почель нужнымъ вмѣсто прямого слѣдованія нашего на городъ Куапо, притянуть насть къ себѣ, почему оставилъ въ Сантъ-Михелъ роту мою подъ начальствомъ штабъ-капитана Юнія, а меня взявъ съ собою, генералъ майоръ Булатовъ начальникъ нашей колонны пошелъ черезъ кирку Йокасъ въ Йорсисъ, гдѣ и соединились мы съ своею дивизіею, Здѣсь слѣдуетъ сказать, что наша колонна до соединенія съ Тучковымъ, состояла изъ нашего и Пермскаго полковъ, 2 роты Выборскаго гарнизона подъ начальствомъ ихъ подполковника Дункера, эскадрона Гродненскихъ гусаръ, 100 казаковъ и 12 орудій легкой артиллериі. Изъ Йорсиса выступили мы всей дивизіей черезъ деревеньку Куванси къ Варкгаузу, занятому непріятелемъ подъ начальствомъ генерала графа Кронштета; сie укрѣпленное природою и искусствомъ мѣсто, лежащее между двухъ озеръ, не представляло иного способа къ взятію силою, какъ дѣйствовать по льду во фланги онаго, а слѣдственно и подвергнуть себя большой потерѣ на столь открытыхъ мѣстахъ при влѣзаніи, можно сказать, на скалы онаго. Но Тучковъ рѣшился на сie и сдѣлалъ уже диспозицію къ атакѣ, какъ Кронштетъ, имѣя немного войска, рѣшился взорвать пороховой магазинъ и почью отступить; взрывъ сей, послѣдовавшій предъ разсвѣтомъ когда шведы давно уже ушли, быль сигналомъ для нашего вступленія въ Варкгаузъ, куда мы и вступили при первыхъ лучахъ солнца. Взору нашему при входѣ въ оный представлялся утесь, покрытый болѣе нежели 40 орудіями, которыя непріятель тутъ оставилъ; сей утесь или каменная скала имѣеть на себѣ довольно хорошее чистое и опрятное строеніе которое и вмѣщало жителей до 2500 душъ. Здѣсь была верфь для строенія гребныхъ судовъ на большомъ озерѣ Лимавеси, сливающемся съ другими и простирающимися до самого Вильманстранта и Нейшлота. Здѣсь мы получили также въ военную добычу болѣе 80 орудій морской артиллериі, бывшей на судахъ, кои всѣ сожжены шведами. Изъ Варкгауза послѣдовали мы къ киркѣ Липавирта, гдѣ произошла первая перестрѣлка нашего авангарда подъ начальствомъ генерала Гарнаульта со шведами. Отсюда двинулись мы къ городу Куопіо, подъ которымъ послѣдовало сраженіе нашего, до 3000 простиравшагося авангарда съ шведскимъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ 700 человѣкъ съ 8 пушками, Здѣсь замѣчу только, что Булатовъ въ сей день командовавшій нашимъ авангардомъ, имѣя втрое болѣе войска и

выгоду мѣста на своей сторонѣ, не умѣлъ отрѣзать непріятельскаго аріергарда и отбить прикрываемаго симъ послѣднимъ транспорта, стоявшаго болѣе 100 тысячъ рублей. Наконецъ послѣ сраженія, болѣе 4 часовъ продолжавшагося, непріятель былъ разбитъ и преслѣдованъ къ селенію Тайвала, а мы вступили въ городъ къ вечеру.

Удивительно, что и генералъ Тучковъ не воспользовался опытомъ прошлой войны и, имѣя всю дивизію подъ рукой, не подавилъ всею массою шведскаго аріергарда, чѣмъ бы, пріобрѣти себѣ честь уничтоженіемъ онаго и большими пльномъ, поразилъ бы ужасомъ жителей Куопіо, что особенно было намъ нужно, и сверхъ сего отъ быстроты натиска мы бы и менѣе потеряли людей. Странно то, что наши генералы будто слѣпые бродили ощупью, какъ бы не вѣдая великаго военнаго правила: бить непріятеля, устремляя превосходныя силы на слабый пунктъ онаго. Занявъ Куопіо, мы съ отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ нашего и Пермскаго, 8 орудій артиллеріи, эскадрона Гродненскихъ гусаръ и 40 казаковъ, остались въ ономъ, Тучковъ съ полками Сѣверскимъ и Калужскимъ, 23 и 24 Егерскими, 16 орудіями артиллеріи и съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и сотнею казаковъ потянулись на киршпель Индесальмы къ городу Брахештадту. Здѣсь замѣчу вторую ошибку Тучкова, который долженствовалъ всею дивизію идти съ быстротой къ селенію Пипола и тамъ раздѣлясь съ наими, самому ему слѣдовало идти на Франсило и Лимонго, а нашей колоннѣ на Павола Револаксъ и Сикаюки, каковымъ движеніемъ угрожая флангу и тылу непріятельскаго корпуса, у Сикаюкъ и Лиманго расположеннаго, заставилъ бы его отступить изъ сей крѣпкой позиціи, но вместо сего совокупнаго дѣйствія, оставя насъ, Богъ знаетъ для чего въ Куопіо, самопроизвольно обезсиля себя, тѣмъ самымъ не только спасти шведовъ, но и даль имъ время даже къ побѣдамъ, какъ увидимъ ниже сего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мыостояли до исхода марта мѣсяца. Городъ Куопіо, главный во всей Кареліи, лежитъ на ровномъ и низкомъ берегу огромнаго озера Калла-Веси и въ близкомъ разстояніи отъ другого Реко-Веси и содержитъ въ себѣ жителей до 5 тысячъ; строеніе въ немъ, исключая двухъ или трехъ каменныхъ, все деревянное, но очень хорошее и, по-большей части, двухэтажное. Торгъ сего города по здѣшнему краю обширный, ибо получая изъ приморскихъ городовъ: Гамле и Никарлеби, Брахештадта и другихъ разные товары и произведенія земель чужестранныхъ, снабжаетъ ими всю Карелію и Саволаксъ, къ чему водяное сообщеніе, при которыхъ стоитъ онъ, много способствуетъ облегчая ему сношеніе съ сими внутренними и углубленными въ лѣсахъ

непроходимыхъ провинціями. Здѣсь въ лавкахъ можно все найти и при томъ по цѣнамъ очень умѣреннымъ; серебрянники и другіе мастера находятся здѣсь въ довольноомъ количествѣ, и я самъ заказывалъ здѣсь чайныя ложечки, которыя и теперь еще цѣлы и сдѣланы очень искусно. Городская плошадь, окруженнная двухъэтажными домами, театромъ, редутомъ и кофейнымъ домомъ или ресторациою, очень и очень порядочна, особенно для сего отдаленаго края. Пользуясь временными выгодами, мы здѣсь отдохнули отъ понесенныхъ нами трудовъ во время зимнихъ походовъ отъ Петербурга до Куюо на разстояніи болѣе 500 верстъ. Я не стану описывать почти невѣроятнаго труда онъхъ, но скажу только, что въ сіе время, то есть съ 20-го Февраля по половину Марта морозы восходили до 35 градусовъ по термометру Реомюра, а мы въ сіе время на открытыхъ озерахъ при сильномъ рѣзкомъ вѣтре (ибо дорогами въ сіе время не ходятъ отъ множества снѣга, а обходить по льду озеръ и рѣкъ) бывали въ маршѣ по 5 часовъ и болѣе въ однихъ шинеляхъ сверхъ сюртуковъ. Здѣсь я удостовѣрился, что нѣть трудовъ, которыхъ бы человѣкъ вынести былъ не въ состояніи. Всѣ бывшія прежде сего и потомъ во все воинственное правленіе Александра I-го, войны ни одна по трудностямъ своимъ не можетъ сравниться съ сею войною, припомнѣ еще и то, что мы по временамъ и голодъ переносили отъ малаго населенія нашей Финляндіи и бывшей шведской, гдѣ непріятель, отступая, старался истребить всѣ способы къ нашему продовольствію. Наконецъ по занятіи Тучковымъ города Брахештадта, и мы получили отъ него повелѣніе идти къ киркѣ Франсила и Лиманго, куда выступивъ, слѣдовала наша колонна на Индесальмы до селенія Ниссиlle, гдѣ, отдѣля три роты нашего второго батальона съ 4 орудіями подъ начальствомъ подполковника Обухова для занятія города Каяны, вправѣ отъ насть лежащаго, мы послѣдовали на кирку Пулькало, откуда генералъ Булатовъ послалъ меня къ селенію Маттиля командовать аванпостами, давъ мнѣ 60 человѣкъ рядовыхъ съ двумя офицерами пѣхоты и 10 казаковъ. Само собой разумѣется, что сія служба, листя моему самолюбію, была сопряжена съ особыми трудами и заботами, а потомъ и съ нѣкоторою опасностью, когда я въ ночь на 7-е апрѣля узналъ отъ присланнаго ко мнѣ шпиона, что противъ меня въ селеніи Косяки стоять 400 шведскихъ егерей и нѣсколько драгунъ. Получа сіе свѣдѣніе, я укрѣпилъ свою позицію шанцами вырытыми изъ снѣгу и обливъ ихъ водой, отъ которой покрывши льдомъ получили они крѣпость, могущую дать намъ средство къ защитѣ въ случаѣ нападенія сильнаго непріятеля. Сіе, впрочемъ странное, но мѣстному положенію и климату сообразное, а по отдаленію нашему на 12 верстъ отъ отряда, и спасительное средство обез-

печило меня совершенно; сие тѣмъ болѣе нужно было, что въ сюю ночь непріятель учинилъ нападеніе на мои разѣзды и убилъ одного казака, а другого смертельно ранилъ, но не послѣдовалъ однако далѣе ко мнѣ.

Въ сѣмъ положеніи простоялъ я до 10-го Апрѣля, ибо и Булатовъ получая вѣрное извѣстіе; что кирка Франсило занята превосходными силами шведскими, не рѣшался идти впередъ, не полуя точного на сіе повелѣнія отъ Тучкова. 10-го рано поутру получилъ я предписаніе отъ Булатова выступить немедленно обратно къ отряду послѣдовавшему, по кратчайшей дорогѣ на кирку Виханда для соединенія съ Тучковымъ, который занявъ Брахештадтъ не могъ выбить шведовъ изъ ихъ позиціи при Сикаіонахъ, и чувствовалъ самъ нужду въ подкреплѣніи; и такъ неправильное распоряженіе своего начальника мы уже начинали чувствовать въ обратныхъ контрь-маршахъ. Проходя по колѣно въ снѣгу трудною дорогою черезъ Альбу, Виханды и Револаксъ и таща съ собою болѣе солдатами, а не лошадьми артиллерію, мы проходили между непріятелемъ, который легко могъ изъ Павлова и Револакса атаковать насъ на маршъ и разбить. Сей трудный маршъ покрылъ лицо Булатова морщинами, и когда достигли мы Виланды онъ тотчасъ послалъ меня съ 20 рядовыми на саняхъ въ кирку Поавола для рекогносцированія шведовъ, которые сдѣлали съ своей стороны большую ошибку, оставя незанятыми обѣ помянутыя кирки. Прибывъ ночью въ Поавола и прямо въ домъ къ пастору какъ лицу, отъ котораго болѣе узнать могъ, я, взявъ съ собой переводчика, началъ его допрашивать о войскѣ шведскомъ, но къ крайнему удивленію моему услыхалъ его, заговорившаго со мною чистымъ и прекраснымъ нашимъ нарѣчіемъ, что меня и обрадовало; отъ него я узналъ, что шведы во Франсиль и дѣлаютъ сюда разѣзды, которые недавно здѣсь и были, но о силѣ или числѣ оныхъ онъ не узналъ; итакъ, ставъ въ Револаксъ, мы становились на линіи сообщенія непріятельскаго; пунктъ для насъ выгодный, но и опасный и требующій ума и дѣятельности, которыхъ, какъ увидимъ, Булатовъ, къ несчастію нашему, не имѣлъ. Получа нужная для для насъ свѣдѣнія, я 12-го Апрѣля прибывъ прямо въ Револаксъ, нашелъ тамъ отрядъ свой изъ Виланди пришедший и обо всемъ донесъ Булатову. Здѣсь остановивъ отрядъ, Булатовъѣздилъ къ Тучкову на совѣщаніе, и мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи до 15-го Апрѣля. Въ сіе довольно продолжительное время безпечный нашъ начальникъ, зная, что мы стоимъ окруженные непріятелемъ, занимающимъ Франсиль съ одной, Сикаіоки съ другой и Лумноки съ третьей стороны, ни одного раза не рекогносцировалъ нашего мѣсто-

положенія, по которому бы слѣдовало сдѣлать распоряженія къ защитѣ онаго на случай непріятельскаго нападенія, котораго и ожидать было надо по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ мы поставили непріятельскаго маршала Клингпорна, ставъ на его сообщеніяхъ. Сія важная и преступная оплошность была величайшею изъ причинъ нашего пораженія внослѣдствіи нами претерпѣннаго. Теперь слѣдуетъ сказать, что у насъ въ отрядѣ за отдѣленіемъ Обухова съ тремя ротами въ Каяно, одной роты въ Санть-Михелѣ, двухъ гарнизонныхъ ротъ подполковника Дункера въ Варкаузѣ, осталось 3 батальона пѣхоты, 18 казаковъ, эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 4 орудія артиллеріи, въ которыхъ отъ большой убыли людей при труднѣйшихъ нашихъ походахъ осталось до 800 человѣкъ. Не ясно ли, что или глупая флегма, или преступная и злонамѣрная воля Буксгевдена, тогдашняго нашего главнокомандующаго, по которой онъ, видя, что мы и съ Тучковымъ не имѣли 3000 человѣкъ подъ ружьемъ, оставляя насъ на волю 10 тысячнаго корпуса непріятельскаго, теперь сосредоточеннаго, и въ отдаленіи отъ всѣхъ войскъ нашихъ на 200 верстъ, ибо ближайшія отъ насъ занимали городъ Вазу. Но обратимся къ тогдашнимъ нашимъ событиямъ.

14-го Апрѣля Булатовъ, желая имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи непріятеля, призвавъ меня къ себѣ и поручая вновь въ команду мою 60 человѣкъ стрѣлковъ съ двумя офицерами, Пермскаго полка поручикомъ Павленной и нашего подпоручикомъ Григоровымъ, 20 гродненскихъ гусаръ при корнетѣ ихъ Зaborовскомъ и 10 казаковъ съ сотникомъ Лобачевымъ и съ симъ отдѣленіемъ поручилъ мнѣ сдѣлать точнѣйшее обозрѣніе непріятеля къ сторонѣ Франсило, и если его тамъ нѣтъ, постараться черезъ Пулькило соединиться съ отрядомъ Обухова для привлеченія его къ намъ. Столь безумное порученіе заставило меня объясниться съ Булатовымъ во многомъ съ помощью принявшаго мою сторону генерального штаба капитана Соснина, бывшаго при нашемъ отрядѣ. Но слѣдствіе сихъ споровъ было одно: идти куда приказано, и подливый Булатовъ быть столь гнусенъ, что и письменного ордера мнѣ не далъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ дурныхъ со мною обстоятельствъ, взваливъ, что называется всю бѣду на меня, имѣть возможность сказать: „я не то приказывалъ“. Всѣдствіе сего назначенія, когда смерклось я, собравъ отрядъ свой, выступилъ по данному мнѣ повелѣнію отъ Булатова, который именно велѣлъ идти мнѣ ночью, дабы не замѣтили сего по словамъ его жители, а въ самомъ дѣлѣ полагалъ для того, что онъ боялся ночного нападенія на отрядъ свой разбросанный на довольною растояніи по

здѣшнимъ раздѣльнымъ дворамъ а не по деревнямъ крестьянскимъ, и который сосредоточить не было возможности иначе, какъ заставить солдатъ и такъ изнуренныхъ походомъ стать на биваки, что было бы безчеловѣчно по здѣшнимъ глубочайшимъ снѣгамъ и холоду. Одно упустилъ Булатовъ изъ виду, что дозволивъ хозяевамъ дворовъ свободный выѣздъ, доставлялъ тѣмъ вѣрнѣйшиѣ непріятелямъ свѣдѣніе о числѣ нашего отряда, хотя и былъ отъ сего предостерегаемъ многими представленіями, ибо мы ясно видѣли величайшую къ намъ ненависть всѣхъ вообще жителей съ самаго нашего вступленія въ предѣлы Швеціи. Такимъ образомъ слѣдя къ киркѣ Поавола во всю ночь, на разсвѣтѣ дня 15-го апрѣля открыть моими казаками, шедшими передо мною, идущій на насъ непріятель. Полагаясь на увѣренія безмысленаго Булатова, что непріятеля нѣть въ Паоволѣ, я шелъ просто безъ всякихъ особыхъ осторожностей и казаки шли передъ нами шагахъ въ пять, вмѣсто того если бы генералъ сей не увѣрялъ меня въ томъ, чего самъ не вѣдалъ, и которому я какъ начальнику довѣрялъ совершенно, то тогда разѣзы казаковъ были бы посланы впередъ на дальнее расстояніе, и я избѣгъ бы всякой внезапности столь вредной во время войны. Но какъ бы то ни было, а я совершенно для меня неожиданно столкнулся, такъ сказать, носъ съ носомъ со шведами. Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ разсыпать 20 стрѣлковъ въ лѣсъ, по обѣ стороны дороги лежащій, дабы хотя нѣсколько осмотрѣть непріятеля, но глубина снѣга была по поясъ, а лыжъ, на которыхъ здѣсь только и можно было дѣйствовать, у насъ не было, итакъ одумавъ всѣ сіи непреодолимыя препятствія и сообразя отдаленность свою на 20 почти верстъ отъ отряда и, замѣтивъ еще, что въ тылу моемъ была дорога отъ Люмюкъ, занятая непріятелемъ, выходящая прямо на Револаксъ, въ которой сторонѣ въ сіе время услыхалъ я пальбу по прямому направленію довольно ясно до меня доходившую, рѣшился немедленно отступить, но непріятель уже бросилъ по обѣ стороны многочисленныхъ стрѣлковъ своихъ, которые открывъ огонь ранили у меня одного рядового, оставшагося на мѣстѣ. Сіе нападеніе вновь рѣшило меня скорѣе отступить, и я собравъ разсыпанныхъ стрѣлковъ своихъ скорымъ шагомъ началъ отступать, опасаясь при томъ, чтобы непріятель изъ Люмюкъ не отрѣзалъ меня отъ отряда нашего, для упрежденія чего шли мы почти на рысяхъ до выхода сей дороги. Пройдя оную и слыша часть отъ часу сильнѣе пальбу въ лѣвомъ флангѣ отряда Булатова и не получая отъ него никакого извѣстія послалъ я къ нему сотника Лобачева съ донесеніемъ, что мною открытъ идущій къ намъ непріятель; между тѣмъ, подойдя ко двору Хендуло и найдя тамъ позицію для себя выгодную, я рѣшился оста-

новиться здѣсь, разсыпавъ всѣхъ стрѣлковъ своихъ по обѣ стороны дороги, а кавалерію поставя на дорогѣ, дабы удерживала центръ нашъ. Лишь успѣль я сдѣлать мое распоряженіе, какъ непріятель показался изъ густого лѣса на площадь, нами занимаемую и покрытую кустами, сквозь которые ясно намъ его было видно; онъ шелъ тремя колоннами съ артиллеріей, изъ которыхъ одна пошла противъ насъ, другая пошла въ обходъ праваго моего, а третья колонна въ обходъ моего лѣваго фланга прямо на кирку Револаксъ, за рѣкой отъ Булатовой квартиры въ прямой линіи. Осмотря такимъ образомъ непріятеля, я вторично послалъ къ Булатову гусарскаго корнета Зaborовскаго сказать о всемъ подробно и что число непріятеля по крайней мѣрѣ 3000 человѣкъ. Пославъ, такимъ образомъ, двухъ офицеровъ къ генералу, я не получалъ отъ него никакого повелѣнія на подкрѣпленіе; въ сей позиціи пріѣхалъ ко мнѣ изъ отряда гусарскій ротмистръ Гrotкусъ, котораго я просилъ сказать генералу, что безъ сильнаго и скораго подкрѣпленія я не могу держаться противъ въ 20 разъ превышающаго меня непріятеля, что онъ и исполнилъ какъ я послѣ узналъ, но Булатовъ все оставался тѣмъ же деревомъ, которымъ и былъ. Наконецъ, видя сближеніе къ себѣ огромныхъ противу моихъ силъ непріятельскихъ и, не получая никакого извѣстія отъ Булатова, ибо всѣ мои посланные не возвращались, и видя притомъ явно, что меня отдаютъ на жертву, я далъ повелѣніе отступить всѣмъ стрѣлкамъ. Въ самое сie время непріятель открылъ по мнѣ пушечный огонь и ружейную пальбу, но я успѣль занять новое положеніе по обѣ стороны рѣки, ибо отъ дороги я былъ уже отрѣзанъ и такимъ образомъ, сблизясь съ отрядомъ Булатова, обезопасилъ тылъ свой; но въ сie время присланъ ко мнѣ генерального штаба капитанъ Соснинъ съ повелѣніемъ отступать къ киркѣ, гдѣ найду я батальонъ Пермскаго полка полковника Медосытова.

Такимъ образомъ, открывъ огонь по приближавшемуся ко мнѣ непріятелю, началъ я отступать; прибывъ къ киркѣ я никого не нашелъ, а видѣль, что колонна шведская идетъ по рѣкѣ почти наравнѣ со мною, не будучи ни кѣмъ обезпокоиваема.

Въ сie время Булатовъ, забывъ о моемъ назначеніи, открылъ огонь на кирку съ батареи, возлѣ его квартиры расположенной; видя сие мы, пригнувшись, пробѣжали линію своего огня и направились на рѣку, дабы не допустить непріятельской колоннѣ себѣ отрѣзать. На рѣкѣ нашли мы стрѣлковъ нашего полка, расположенныхъ поперекъ оной подъ начальствомъ поручика Меньшикова и присоединяясь къ нимъ, вновь открыли сильный огонь противъ густой цѣпи шведскихъ

стрѣлковъ, идущихъ предъ своей колонной, которая начинала поворачивать къ квартире генерала Булатова на берегу, какъ сказано, бывшей, гдѣ и артиллерія наша находилась. Видя сіе, мы рѣшились броситься туда. Здѣсь не могъ я надивиться неимовѣрной храбости солдатъ нашихъ; одному изъ нихъ пуля попала въ киверъ на палецъ отъ головы и пролетѣла сквозь онъ; онъ перекрестился и тотчасъ же началъ стрѣлять самъ! Подлинно, русскій непобѣдимъ съ хорошимъ начальникомъ. Придя къ квартире Булатова я нашелъ хаосъ. Команды, возвращаясь изъ своихъ командировокъ, куда ихъ Булатовъ разсыпалъ, и не видя тамъ непріятеля, а слыша пальбу здѣсь, возвратясь, стояли безъ всякаго порядка; фурлайты, видя опасность, запрягая сами собою лошадей, скакали по дорогѣ къ Брахештадту, куда и офицерскій обозъ ускакалъ! Артиллеристы, метаясь и мѣшаясь въ своихъ ящикахъ, беспорядочно расположенныхъ, при братьѣ зарядовъ производили крикъ, умножая тѣмъ еще болѣе суматоху. Увидѣлъ я и Булатова, посреди сего Вавилонскаго смѣшенія стоявшаго съ лицомъ блѣднымъ. Увидя меня онъ вскричалъ: „Леонтьевъ, въ штыки!“ — Я началъ устраивать людей, ибо шведская колонна стояла уже противъ нашей батареи, по которой давъ картечью, положили много на мѣстѣ, но она открывъ жестокій ружейный огонь, и пользуясь нашимъ безпорядкомъ, ударила въ штыки. Среди сего убийственного огня, которымъ возлѣ меня валило людей, какъ снопы, я желая устроить сколько можно своихъ солдатъ кричалъ: „стой рябата!“ и своими руками за щеревязи вель ихъ впередъ. Но дѣйствие перекрестнаго огня и крикъ солдатъ нашихъ: „измѣна“ растроили всѣ мои усиленія—одни бросились назадъ, другіе стояли непоколебимо. Булатовъ, видя напоръ шведовъ и малую часть оставшихъ при насъ людей сказалъ мнѣ: „сдавайтесь, бросьте ружье!“ и подался первый назадъ. Не имѣя вовсе желанія быть плѣннымъ, я бросился къ лѣсу съ нѣсколькими десятками солдатъ моихъ, и напавъ на тропинку, пустился по ней—самъ не зная куда и тѣмъ избѣжалъ плѣна. Булатовъ же отдался въ плѣнъ, чemu послѣдовали нѣкоторые офицеры подлецы и около 150 солдатъ. Въ семъ сраженіи мы потеряли 4 орудія, 4 патронныхъ ящика и болѣе 400 человѣкъ, но знамена свои мы спасли.

Идя по тропинкѣ, мы наконецъ начали плутать, но къ счастію напали на какую то избушку, въ лѣсу стоявшую, и нашедъ въ ней проводника съ помощію его дошли до селенія Олькіоки, измучась отъ усталости, гдѣ и нашли Калужскій полкъ колонны Тучкова. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на сіе несчастное сраженіе! На разсвѣтѣ 15-го Апрѣля непріятель отъ стороны Лумюокъ атаковалъ отрядъ нашъ, но былъ отбитъ послѣ довольно жаркой перестрѣлки; вскорѣ Булатовъ получилъ

и отъ меня извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля съ другой стороны.

Тутъ умный человѣкъ, принявъ въ уваженіе важность нашего положенія на сообщеніяхъ онаго и слѣдственно принужденность его дѣйствовать отчаянно на отрядъ нашъ, чтобы избѣгнуть разобщенія, тотчасъ бы, осмотря положеніе мѣста, дабы наиболѣшимъ и выгоднымъ образомъ защитить себя, занялъ оное заблаговременно въ наиболѣшемъ порядкѣ и отгадалъ бы, что первое непріятельское нападеніе было только фальшивое, дабы отвлечь наше вниманіе отъ настоящаго пункта атаки. Но Булатовъ, сей смотритель садовъ (Булатовъ съ начала правленія императора Александра I-го по 1808-й годъ былъ смотрителемъ Петергофскихъ садовъ), оставался въ совершенной безпечности, и по окончаніи первой перестрѣлки, отпустя роты по квартирамъ, велѣлъ солдатамъ раздѣться и отдохать; первое и было исполнено, а второе нѣть ибо опытные прошлой войной 1807-го года, ротные командиры, чувствовали, что за сей перестрѣлкой неминуемо послѣдуетъ другая, важнѣйшая, ибо нельзя было и помыслить, чтобы непріятель безъ какой либо цѣли приходилъ къ намъ. Итакъ частные начальники остались въ совершенной осторожности, а главный, отправясь на свою квартиру, началъ пить кофе, рассказывать окружающимъ его, что не надо солдатъ беспокоить преждевременно и что одни атакуемыя роты пусть дерутся, а другія спятъ, „такъ, промолвилъ Булатовъ, бывало у насъ подъ Измаиломъ 1791-го года, когда одна часть корпуса отбивала вылазку непріятельскую, а другая варила кашу.“ Итакъ сей жалкій генералъ не постигалъ, что осада крѣпости и защита полевой позиціи суть двѣ наивеличайшия противоположности. Вотъ какого начальника царь избралъ намъ.

Такимъ образомъ, попивая кофе, Булатовъ, получа отъ меня первое извѣстіе съ посланнымъ сотникомъ Лобачевымъ о маршѣ непріятельскомъ сказалъ: „Вамъ показалось,—ступайте впередъ!“ и на предложеніе не прикажетъ ли ротамъ быть въ готовности, отвѣчалъ: „вздоръ, не надо показывать жителямъ, что мы боимся шведовъ!“ и оставилъ сотника у себя.

Получа другое отъ меня донесеніе и будучи спрошенъ адъютантами, не прикажетъ ли ударить сборъ, сказалъ: „не надо“ и оставилъ на своей квартирѣ. Наконецъ, уже услыша пушечную пальбу, Булатовъ выскочилъ и первымъ его распоряженіемъ было послать батальонъ Пермскаго полка къ киркѣ, дабы прикрыть себя съ сей стороны, а

потомъ разсовалъ три нашихъ и 4 Пермскихъ гренадерскихъ роты такъ, что тѣ и непріятеля въ глаза не видали и многіе возвратились потомъ на пальбу къ Булатова квартирѣ, не выстрѣливъ даже ни одного раза; распорядясь столь великомудро, Булатовъ спокойно остался на своей квартирѣ, оставя у себя въ резервѣ одну первую гренадерскую роту. Наконецъ, получая часть отъ часу важнѣйшія свѣдѣнія о сраженіи, онъ, забывъ назначеніе Медосытова батальона, раскомандировалъ его въ разные, впрочемъ важные, пункты, черезъ что и допустилъ центральной шведской колониѣ отрѣзать нась отъ роты Пермского полка, и мы остались на этой сторонѣ рѣки, а тѣ, видя нась окруженныхъ, заблагоразсудили удалиться въ Брахенштадтъ, что и исполнили, оставя нась на жертву. Вотъ причины сего жалкаго сраженія, гдѣ едва ли съ нашей стороны двѣsti человѣкъ сражалось противъ 3000 шведовъ, и подробности котораго описывать скучно и досадно. Теперь обратимся къ слѣдствіямъ сего сраженія. Получа первое извѣстіе о семъ сраженіи отъ Гродненскихъ гусаръ, Тучковъ съ двумя егерскими полками и 4 орудіями бросился къ намъ на помощь, но узнавъ о слѣдствіяхъ онаго, вместо того, чтобы врасплохъ ударить сими силами на торжествующаго непріятеля, который, какъ обыкновенно и бываетъ, оставался въ сіе время безпорядкѣ, и тѣмъ вырвать побѣду изъ рукъ его, возвратился въ Брахенштадтъ и въ тотъ же день началъ отступать къ городу Гамле-Корлеби; пришедъ, какъ я сказалъ, въ Олькюки и найдя тамъ свои сани, я упалъ въ нихъ отъ усталости и спалъ почти цѣлые сутки, не спавъ весь день 14-го и всю ночь 15-го апрѣля и сдѣлавъ пригомъ по крайней мѣрѣ въ 50 верстъ переходъ, большей частью пѣшкомъ. Въ Гамле-Корлеби получили мы радостное извѣстіе о взятіи нашими войсками неприступныхъ твердынь Свеаборга и праздновали сіе событие, поправившее наше положеніе, благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, съ пушечной пальбою. Здѣсь также получили мы манифестъ Александра I-го о присоединеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россіи и повелѣніе привести жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство, что и учинено нами при пушкахъ заряженныхъ картечью и при собранії всей почти дивизіи въ сей городъ, ибо новые вѣрноподданные весьма неохотно исполняли оную. Такъ кончился первый походъ нашъ! И дворъ нашъ, мечтая овладѣть въ одинъ походъ всею Финляндіею, (и тѣмъ погремѣть по Россіи, огорченной Тильзитскимъ миромъ) поздно увидѣлъ, что война только начиналась при открытіи весны, и что мы дорого заплатимъ за вѣроломное нападеніе наше на беззащитную Финляндію.

Глава VIII.

Взглядъ на городъ Гамле-Корлеби, и всю шведскую Финляндию, нами по 1-е мая 1808-го года пройденную.

Городъ Гамле-Корлеби лежацій на рѣкѣ Корлеби въ разстояніи отъ Ботническаго залива; въ ближайшемъ разстояніи есть портсвой, слѣдственно и торговый городъ, въ гавани котораго и при нась, не взирая на прекращеніе торговли, стоялъ готовый къ отправленію прекрасный купеческій корабль. Строеніе сего городка очень хорошее, улицы широкія, ратуши и другія публичныя зданія прекрасныя, ряды богатые; однимъ словомъ это прелестный городокъ, въ которомъ жителей до 4000. Вообще весь сей край, нами теперь пройденный, представляеть совсѣмъ противоположную картину нашей Финляндіи. Здѣсь отъ самой Сантъ-Кристины или пограничной шведской кирки, въ направлениіи къ Улеаборгу чрезъ Куопіо и отъ Брахеітадта до Гамле-Корлеби, вы найдете прекрасные крестьянскіе дома, часто въ вѣсколько комнатъ, покрыты тесомъ и выкрашенные красной краской, что при бѣлизнѣ снѣговъ дѣлаетъ видъ отмѣнно пріятный. Внутренность сихъ домовъ представляеть чистоту и опрятность, можно сказать, удивительную; здѣсь вы увидите комнаты пространныя, довольно высокія съ большими окнами, кафельными голландскими печами, и сіи комнаты обштукуатурены и выбѣлены.

Это вообще у всѣхъ крестьянъ, а у содержателей земель или арендаторовъ вы найдете большія и, можно сказать, огромные дома съ прекрасными и многочисленными экономическими постройками. Само по себѣ разумѣется, что здѣшніе пасторы живутъ въ большомъ изобиліи и такъ, какъ у нась помѣщикъ отъ ста душъ. Сіи дома крестьянъ, пасторовъ и арендаторовъ во внутренности шведской Финляндіи или въ провинціяхъ Сиволакской, Карельской, Иниладской, части Вазовской и Улеаборгской разсѣяны по разницѣ или гдѣ одинъ, гдѣ два дома, но это не только здѣсь не дѣлаетъ неудобства, но даже одушевляетъ сей, поросшій огромными лѣсами и, можно сказать, загроможденный ужасной величины гранитами, край. Но берега Ботническаго залива представляютъ совсѣмъ другой видъ. Здѣсь почти на каждыхъ 5-ти верстахъ встрѣчаете огромныя селенія, часто въ 100 прекрасныхъ, большихъ и помѣстительныхъ домовъ, гдѣ обитаютъ счастливые поселяне здѣшняго края. Однимъ словомъ, весь край сей представляеть картину изобилія и счастія обитателей онаго! картину, на которую съ восхищеніемъ взглянетъ всякий другъ человѣчества.

Что доставляет средства къ таковому устройству? откуда такое изобиліе въ столь уединенномъ уголкѣ земного шара? Вотъ вопросы, которые всякий можетъ себѣ сдѣлать, и на которые не трудно дать подробный отвѣтъ. Извѣстно, что вся Финляндія покрыта огромными лѣсами въ углубленіи которыхъ еще, быть можетъ, нога человѣческая не бывала отъ сотворенія оныхъ! Сіи то лѣса, состоя изъ сосны, ели и березы, доставляютъ жителямъ внутреннихъ провинцій матеріалъ для строенія домовъ и всего прочаго, для ихъ устройства нужнаго, доставляя въ то же время деготь, смолу, доски и уголья, что все, бывъ сплавляемо рѣками и озерами, во множествѣ здѣсь имѣющимися, до портовыхъ городовъ по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ Балтиими лежащихъ, доставляютъ или наличныя деньги, или нужные продукты; во-вторыхъ самое положеніе края сего, низменное и сырое, даетъ во множествѣ траву сочную и здоровую, которая, бывъ обращена въ сѣно, доставляетъ средства къ огромному скотоводству, которое доставляетъ хороший доходъ отъ масла, сыра и шерсти, и при томъ еще надо замѣтить, что здѣшній рогатый скотъ одинаковой породы съ простымъ нашимъ, а о мериносахъ тамъ и понятія не имѣютъ. Что жъ, если бы тамъ улучшить породы рогатаго скота и овецъ лучшими породами, у насъ извѣстными, каково бы еще умножилось богатство жителей? содержать же самый лучшій и нѣжный скотъ имѣютъ они все средства, какъ въ прекрасныхъ и покойныхъ помѣщеніяхъ и теперь для обыкновенной ихъ скотины строимыхъ, такъ и въ огромномъ количествѣ сѣна. Сверхъ сихъ, описанныхъ мною, выгода надо припомнить еще о множествѣ звѣрей, дики и въ озерахъ водящейся, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыбы, тогда мы будемъ имѣть понятіе о источникахъ, откуда почерпается богатство жителей. Губерніи же Вазовская, Абосская, Гельсингфорская, Нюландская производятъ еще и хлѣбопашество въ довольноомъ количествѣ, особенно ржи, извѣстной у насъ подъ именемъ Вазы, и которую продаютъ за столь высокую цѣну. При сихъ выведенныхъ мною выгодахъ пріятно замѣтить, что финляндскій крестьянинъ, хотя и неповоротливъ, будучи флегматиченъ, при всемъ томъ онъ большой экономъ и мастеръ своего дѣла. Все это сказалъ я о внутреннихъ провинціяхъ, но о приморскихъ еще прибавить надо: выгодное построеніе морскихъ судовъ и хороший сбытъ оныхъ, рыбная изобильнѣйшая ловля по обоимъ заливамъ рыбъ разнаго рода, и заморская торговля приносить симъ послѣднимъ неисчислимые выгоды. Въ домашней пицѣ финляндцы очень неприхотливы, часто копченаго мяса, молока и сельдей съ кускомъ хлѣба сухого, называемаго коржами, достаточно для его насыщенія; сей хлѣбъ какъ единственный въ Европѣ достоинъ быть здѣсь описанъ. Сей хлѣбъ

или сіи коржи дѣлаются такъ: тѣсто ставится прѣсное, потомъ изъ оного дѣлаются лепешки, которыя, бывъ крутого тѣста, надѣваются на скалку или коротенькой шесть, который впускается въ истопленную печь и держится дотолѣ, пока сіи лепешки не засушатся до послѣдней степени сухости, послѣ чего, вынувши изъ оныхъ скалку, снимаютъ коржи и употребляютъ ихъ въ пищу. Хлѣбъ сей очень не вкусенъ, особенно для нась, русскихъ, привыкшихъ съзмаленька къ вкуснымъ и прекраснымъ хлѣбамъ.

Зимой вы увидите всякаго крестьянина, Ѣдущаго на прекрасной тамошней маленькой, кругленькой и красивой лошадкѣ, въ родѣ нашихъ вятскихъ, у которой грива острижена какъ у нашихъ стригуновъ, что доставляетъ ей особенно пріятный видъ; запряженной въ чистыя и видныя санки въ родѣ нашихъ городскихъ; лѣтомъ у нихъ двухколесныя прекрасныя повозочки, въ родѣ нашего кабролета, весьма красивыя и покойныя. Но за то вы не увидите во всей Финляндіи ни одной кареты, ни даже коляски, у самаго лансгевдинга или губернатора зимой единственный экипажъ, сани, съ тою разницею, что у его лошади навязано множество бубенчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы ему давали дорогу. Въ Куопіо мы у него обѣдали, онъ былъ въ синемъ мундирѣ съ золотымъ дубовыми шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и въ орденѣ сѣверной звѣзды, но его столъ былъ по нашему самый обыкновенный домашній, а о десертѣ онъ и не вѣдалъ; прислуга состояла изъ двухъ или трехъ дѣвокъ; вина не подавали никакого, ни даже наливокъ, но послѣ обѣда подавали кофе. Изъ сего описанія видно, что въ Финляндіи богатство раздѣлено между многими, тамъ нѣтъ ни черезмѣрно богатыхъ, ни черезмѣрно бѣдныхъ.

Глава IX.

Переходы, всеобщее возстаніе народа, походы, сраженія и перемиріе. Конецъ кампаніи и выходъ въ отставку или подача о семъ просьбы.

Изъ Гамле-Корлебли въ половинѣ Мая перешли мы съ остатками своего батальона въ близлежащее селеніе Недервитель, гдѣ и получили новаго начальника въ лицѣ генерал-лейтенанта Раевскаго, а Тучкова государь отставилъ за худое и медленное распоряженіе, не сообразя, что въ его дивизіи было до 3000 человѣкъ рекрутъ. Въ сie

время мы безпрестанно получали подкѣпленія такъ, что въ началѣ Іюня у насъ состоялся корпусъ выше 10000 простиравшійся; съ симъ корпусомъ генералъ Раевскій отступилъ къ киркѣ Лапо для сближенія съ нашими магазейнами, а мы въ числѣ отряда, составленного изъ полковъ: Великолуцкаго, Пермскаго, 23-го Егерскаго и остатка нашего, подъ командою генераль-майора Янковича отошли къ городу Ни или новому Корлеби. Сей городокъ очень хороши, и особенно видъ залива, на которомъ въ то время стоялъ корабль, дѣлалъ картину прелестнѣшую. Здѣсь жителей до 3000, но городская ратуша, столь огромна, что годилась бы и для обширнѣшаго города. Простоявъ въ семь городѣ нѣсколько дней, мы выведены были въ селеніе, близъ онаго лежащее, и я нашелъ здѣсь столь прелестное мѣстоположеніе, что не взирая на громъ войны, не могъ отказать себѣ въ наслажденіи цвѣтущею природою, роскошно предъ глазами моими раскинутою. Часто, сидя у окна на берегу рѣки и любуясь мирною сельскою тишиною, я забывалъ или старался забыть день ото дня становившееся тѣгостнѣшими наше военное положеніе, для описанія котораго долженъ нѣсколько подробнѣе вникнуть въ тогданія обстоятельства.

При самомъ впаденіи нашемъ въ Финляндію шведскій король Густавъ IV-Адольфъ издалъ манифестъ къ своему народу, обвиняя, и справедливо, правительство наше въ вѣроломномъ вторженіи въ предѣлы своего государства. Сей манифестъ произвелъ свое дѣйствіе, поселя въ народѣ непримиримую къ намъ ненависть, подавляемую только страхомъ быстрого и самонадѣянаго нашего похода во время зимы, по суровости своей отнимавшей всѣ средства у обывателей вредить намъ, но при всемъ томъ, въ рѣчахъ и поступкахъ мы ясно видѣли ихъ къ себѣ ненависть, особенно въ Улеаборгской губерніи и на берегу Ботническаго залива; уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они генерала нашего Тучкова изъ Брахештадта провожали каменьями, но въ началѣ Мая картина общаго возстанія явилась во всей своей ужасающей силѣ.

Наступившее теплое время дало возможность жителямъ угнать свой многочисленный скотъ въ глубокіе лѣса, удаленные отъ населенія, вскорѣ потомъ они проводили туда женъ и дѣтей своихъ, и увезя лучшія свои имущества, принялись за оружіе. Здѣшній край, наполненный звѣрьми и дичью всякаго рода, естественно произвелъ въ обитателяхъ нужду, а потому и охоту стрѣлять, слѣдовательно, здѣсь всякий житель стрѣлокъ, и стрѣлокъ славный; здѣсь у всякаго почти крестьянина есть ружье, какъ первая потребность. Итакъ, воспирявшис-

намѣреніе мстить за оскорбленія права своего государя, они явились страшными и опасными нашими непріятелями, тѣмъ болѣе, что и самая мѣстность края покровительствовала ихъ внезапнымъ нападеніямъ и скрытымъ ретирадамъ. Такимъ образомъ, мы, вмѣсто дѣйствія арміи шведской, увидали, что намъ предлежитъ вести войну, и войну отчаянную, съ тремя или четырьмя стами тысячъ разъяренныхъ крестьянъ, которыхъ еще болѣе возбудило объявление короля, что они будутъ наградою завоевателей и поступятъ въ крѣпостное владѣніе къ русскимъ генераламъ.

Первое возстаніе произвело селеніе Лохто, учинивъ нападеніе открытою силою на проходившій нашъ аріергардъ къ Гамле-Корлеби. Генералъ Тучковъ, желая наказать и устрашить жителей, оборотя войска къ сему большому селенію, превратилъ его въ развалины, но сіе только усилило общее мщеніе. Съ сего времени, крестьяне подъ предводительствомъ своихъ пасторовъ, гражданскихъ чиновниковъ и присланныхъ изъ шведской арміи офицеровъ, начали истреблять мосты, зажигали лѣса на пути напемъ и приводили тѣмъ насъ часто въ опаснѣйшее положеніе, сверхъ сего истребляли наши разъезды и извѣщательные посты, курьеровъ и патрули; однимъ словомъ, мы стали окружены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и даже не могли безъ опасности потери жизни отлучиться на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ своего лагеря; бывали примѣры, что отдалившіеся, во время марша отъ колонны на нѣсколько сажень, бывали встрѣчаемы выстрелами, какъ напримѣръ, нашего полка капитанъ Золотухинъ, а другіе, между колонною и аріергардомъ щущіе въ обозѣ, были убиты, какъ напримѣръ, человѣкъ командира нашего отряда генерала Янковича, щавшій на его бричкѣ. Обозы наши, чуть отставшіе отъ аріегарда, были ограбляемы, а лошади и люди уводимы, какъ и со мной случилось въ началѣ Августа, когда отставшій мой деньщикъ былъ взятъ со всѣмъ моимъ имуществомъ, и я остался въ одномъ мундирѣ и даже безъ верховой лошади, которую также въ то время отбили возмутившіеся мужики. Разумѣется, что во время сихъ нечаянныхъ нападеній изъ густыхъ лѣсовъ и изъ за каменьевъ, лежащихъ по обѣ стороны едвали въ 10 аршинъ шириной дороги, мы тотчасъ дѣлали стрѣлками своими поиски и когда удавалось ловить сихъ иступленныхъ, то предавали ихъ военному суду, а впослѣдствіи и разстрѣливали ихъ наши генералы по данной имъ власти, но все сіе не дѣлало нашего положенія лучшимъ. Дерзость, возмутившихся крестьянъ устраивавшихся по временамъ въ сильные ополченія, столь была велика, что они въ Іюль и Августъ открытою силою нападали на усиленныя прикрытия нашихъ

магазейновъ, какъ то: въ киркѣ Нуміярви, гдѣ егерскіе полки защищали большой магазейнъ нашъ и неоднократно были атакованы тысячами отчаянныхъ крестьянъ, предводимыхъ присланными къ нимъ отъ короля армейскими штабъ-офицерами. Одинъ разъ и самъ нашъ главнокомандующій Буксгевденъ въ окрестности города Або едва спасся въ окно отъ нападенія сихъ отчаянныхъ, несмотря на то, что караулъ главной квартиры занималъ батальонъ пѣхоты съ нѣсколькими пушками. Сie всеобщее восстание лишило нась подвоза продовольствія, ибо не было ни лошадей, ни людей ни въ одномъ селеніи, да и собственный свой хлѣбъ они зарывали въ землю или заранѣе вывозили въ отдаленные и едва проходимые лѣса свои и ущелья; итакъ, сверхъ всѣхъ описанныхъ бѣдствій, надъ нами обрушившихся, мы съ половины Іюня начали претерпѣвать и голодъ, для утоленія котораго и снисканія дневного процитанія себѣ, мы устремились съ сильными командами въ глубокіе лѣса, переходя камни и болота для отысканія онаго. Часто случалось нападать на тропинки, приводившія нась къ пасущимся стадамъ ихъ, и тогда мы пировали, а часто возвращались ни съ чѣмъ. Только однихъ женщинъ и стариковъ мы видали при стадахъ сихъ, а молодыхъ никого, ибо они были на поискахъ и потому то при сихъ случаяхъ проливалась только кровь животныхъ, а не людей. Приспѣвшая въ Августѣ уборка съ полей хлѣба производилась женщинами, и мы не препятствовали сему для своей выгоды, но въ то время, когда женщины убирали съ полей хлѣба, а старики оныя засѣвали, мужья и сыновья ихъ, въ благодарность за кроткое съ ихъ семействами наше обращеніе, стрѣляли въ нась изъ лѣсовъ и каменьевъ. Среди сего хаоса государь нашъ издавалъ прокламаціи о всепрощеніи съувѣреніемъ, что крѣпостное право никогда въ Финляндіи вводимо не будетъ, но съ другой стороны Густавъ IV-й, издавая воспламеняющія свои воззванія, приглашалъ народъ къ оружію для отомщенія наглымъ прішелцамъ и подкрѣплять сіи возванія высадками войскъ своихъ при Або, Вазѣ, Гамле-Корлеби и Христіанштадтѣ. Сіи высадки, воспламеняя и подкрѣпляя жителей, развлекали во многія мѣста силы наши. Александръ I-й, видя столь для него неожиданное сопротивленіе, вновь ввелъ въ Финляндію двѣ дивизіи пѣхоты и вторые батальоны своей гвардіи. Кровь полилась рѣками на морѣ и на суше, и мы впервые увидали, что значитъ народное восстание. Но обратимся къ тогдашнему ходу происшествій. Занявъ, какъ выше сказано, посѣгъ въ Ни-Корлеби, генералъ Янковичъ имѣлъ сильнаго непріятеля противъ себя и сверхъ сего долженствовалъ озаботиться дорогою на Лотю, по которой непріятель могъ изъ густыхъ лѣсовъ черезъ селеніе Сорвисто отрѣзать намъ единственное сообщеніе съ корпусомъ генерала Раевскаго, стоявшимъ

шимъ предъ киркою Лаппо на соединенныхъ дорогахъ изъ городовъ Вазы, Христіанштадта и Ни-Корлеби. Въ семъ положеніи по рекомендациі полковника Турчанинова, Янковичъ поручилъ мнѣ важный постъ у селенія Нижняго-Япо, давъ въ мою команду съ сотникомъ Поповымъ 20 казаковъ. 11-го Іюня отправился я съ казаками къ мѣсту моего назначенія и дѣлая беспрестанные развѣзды до Верхняго-Япо, всѣ суда, бывшія на рѣкѣ, истребилъ, прорубивъ у нихъ дно, дабы лишить непріятеля возможности къ переправѣ. На разсвѣтѣ 12-го числа замѣчено мною при деревнѣ Нижнемъ-Япо движение непріятеля, шедшаго къ берегу рѣки съ фашинами и досками для переправы, о чемъ ту же минуту и далъ я знать генералу. Дѣлая дальнѣйшее наблюденіе, я замѣтилъ, что непріятельская колонна, пришедшая на переправу, могла простираясь до 1000 человѣкъ строевой пѣхоты, и которая, переправясь черезъ рѣку, послѣдовала черезъ дорогу въ лѣсъ къ сторонѣ Вазасской дорогѣ, о чемъ поѣхалъ я самъ донести генералу, производя впередъ пистолетную перестрѣлку моихъ казаковъ съ непріятелемъ. Янковича я нашелъ у деревни Ютась съ батальономъ пѣхоты и двумя орудіями, расположившимся принять непріятеля; въ семъ расположеніи поручена была мнѣ цѣпь Великолуцкаго полка стрѣлковъ, которыхъ я и расположилъ выгоднымъ образомъ, но въ сіе время Янковичъ получилъ извѣстіе о непріятельской атакѣ на нашъ авангардъ за городомъ, расположенный подъ начальствомъ полковника Флорова и въ то же самое время узнали, что онъ уже побѣжалъ! Тогда Янковичъ, нереведя весь отрядъ за городъ и рѣку, обратилъ туда свое вниманіе и началъ тамъ пушечную пальбу по показавшейся непріятельской кавалеріи. Видя, что генералъ, будучи озабоченъ двойнымъ на насъ нападеніемъ, упускаетъ изъ виду дорогу на кирку Дацпо, гдѣ непріятель, утвердясь, повелъ на насъ сильную атаку, я поѣхалъ къ нему и напомнилъ о важности сообщенія съ главнымъ корпусомъ; поблагодаривъ меня, онъ поручилъ мнѣ открыть дорогу на Оровайсъ, что мною и выполнено. Тогда Янковичъ, видя сильный напоръ шведовъ, началъ отступать, а мнѣ поручилъ съ батальономъ 23-го егерскаго полка при майорѣ Бражниковѣ прикрыть отступленіе отряда. свезти пушки отъ Ютась и забрать Великолуцкихъ стрѣлковъ, по дорогѣ къ Нижнему-Япо разсыпаныхъ; исполнивъ все сіе, я догналъ генерала уже при киркѣ Мунсало, гдѣ онъ, благодаря меня за всѣ мои распоряженія, обѣщалъ представить къ наградѣ, но въ семъ сожалѣ. Въ семъ сраженіи, гдѣ мы, имѣя до 3000 человѣкъ войска, были атакованы 10000 корпусомъ генерала Адлеркрейца, мы не потеряли почти ничего, кромѣ 30 человѣкъ рядовыхъ съ однимъ офицеромъ, оставшихся на посту своемъ близъ бе-

рега залива, о которомъ Янковичъ забылъ и оставилъ оныхъ отъ своего невниманія въ жертву непріятеля.

Такимъ образомъ, по окончаніи сего дѣла, мы черезъ Оравайсь и Илистаро соединились съ корпусомъ Раевскаго при киркѣ Лаппо, который вскорѣ отступилъ чрезъ Куортанъ къ киркѣ Аливо; отсюда посланъ я генераломъ Раевскимъ для открытія той дороги, которая шла изъ Куортани въ тылъ нашего корпуса и осмотра оной—удобо-проходима ли она для пѣхоты и артиллеріи, ибо сей дороги на картѣ не означенено, вслѣдствіе чего, получа въ мою команду 40 рядовыхъ при одномъ офицерѣ, я 10-го Іюня выступилъ къ моему назначенію и открылъ, что сія дорога непроходима для артиллеріи, но пѣхота, хотя и не безъ труда, пройти можетъ, взираясь по мѣстамъ на высокіе граниты. На сей дорогѣ открыты мнай небольшія селенія: Тохна и Разембера; въ послѣднемъ я остановился дать отдыхъ солдатамъ отъ многотрудного перехода, ночью нами совершенного, и найдя здѣсь великое количество скота, далъ своимъ солдатамъ обѣдъ, котораго они давно не имѣли уже. Послѣ сего (послалъ) отрядъ унтеръ-офицера съ семью рядовыми еще впередъ до селенія въ самой близости отъ Куортани лежащаго и называемаго Леппи-Кюля, и получа донесеніе, что дорога все такая же и узнавъ отъ жителей, что въ Куортани шведовъ нѣть, и сождавъ несносный жаръ 11-го числа, я въ то же число въ ночи прибылъ къ корпусу и о своемъ порученіи донесъ. Черезъ нѣсколько дней мы еще отступили до кирки Эвесткюла и, какъ говорили, то для того, чтобы сблизиться съ своимъ продовольствіемъ, но послѣдствія показали, что Раевскій отступалъ изъ одной трусости и что въ сей сторонѣ всѣ наши магазейны были истреблены, а находился только одинъ въ Сааріярва, до котораго мы никакъ достигнуть не могли, иначе какъ съ потерю большого пространства мѣста. Въ Иветкиль узналъ я о хитростяхъ генерала Булатова, который спасая себя, писалъ изъ плѣна своего женѣ своей, красавицѣ, чтобы она дѣйствовала въ его защиту. Узнавъ въ то же время, что Булатовъ рапортомъ своимъ доносилъ, что виноваты мы, а не онъ въ пораженіи Револакскомъ, желая упредить замыслы сего негодяя и дабы явить публично каковы тѣ, которыми онъ командовалъ, пользуясь случаемъ командированія нась для прикрытия транспорта, я собралъ къ себѣ своихъ штабъ и оберъ офицеровъ и внуша имъ мое намѣреніе, предложилъ подписать мною сочиненное письмо къ Раевскому; они, любя и уважая меня, на все согласились, и я, запечатавъ оное, послалъ къ Раевскому съ тѣмъ, что если бы онъ исполнилъ мое желаніе, то отличась въ первомъ сраженіи и доказавъ тѣмъ свою храбрость, протестовать противъ рапорта Була-

това, а еслибъ онъ не рѣшился исполнить нашего желанія, то собственная слава его требовала объявить о семъ высшему начальству, что и сдѣжалось, и наше письмо, гремѣвъ по арміи, ходило по рукамъ всего Петербурга. Всѣ славили высокія чувства чести Могилевскихъ офицеровъ, и называли нась героями, сего то я и хотѣлъ, дабы показать, каковъ быть долженъ начальникъ, не умѣвшій съ таковыми офицерами разбить непріятеля. Вотъ списокъ съ подлиннаго письма:

„Господину генералу лейтенанту Раевскому.

„Извѣстившись, что Ваше Превосходительство изволите дѣлать съ войсками движеніе, всепокорнѣйше просимъ, чтобы Вы позволили и нашему батальону быть участниками въ славѣ храбрыхъ войскъ Россійскихъ и раздѣлить лавры побѣдъ ихъ!

„Вашему Превосходительству извѣстно, что мы, потерявъ своего шефа, находимся теперь у прикрытия транспорта, но желая вознаградить сю потери и отомстить непріятелю ту поверхность, которую мѣсто и многочисленность ему единственно дали, осмѣливаемся изъяснить желаніе всѣхъ нась быть употребленными въ дѣйствіе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ честь быть подъ командою Вашею. Мы увѣрены, что Ваше Превосходительство исполните желаніе остатка отъ Могилевского полка, который ревностно желаетъ служить Государю своему и отечеству.“

Подлинное подписали:

Майоръ Захаровъ,

Капитаны: Золотухинъ, Сербинъ, Леонтьевъ, штабсъ капитанъ Ивановъ 2-й.

Отвѣтъ:

„Господамъ штабъ и оберъ офицерамъ Могилевского мушкетерскаго полка.

„Письмо, писанное Вами и исполненное благородными чувствами, я получилъ. Я въ оныхъ никогда не сомнѣвался, репутація полка Вашего извѣстна. Желалъ бы дать случай усердію Вашему, еще болѣеказать на опытъ, но Вы должны сами разсудить, что когда нужно дѣлать откомандировки, то гораздо полезнѣе для службы дѣлать изъ тѣхъ полковъ, которые уже разстроены, чѣмъ разстраивать оными цѣлые полки. Вотъ причины, которыя заставили меня употребить Васъ

у прикрытия Вагенбурга. Впрочемъ, будьте уверены, что я за честь себѣ поставилъ имѣть такихъ подъ командою, какъ Вы.

„Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, почтенные господа.

„Покорный слуга Николай Раевскій генералъ-лейтенантъ.“

Вскорѣ послѣ сего генералъ-лейтенантъ графъ Николай Каменскій прибылъ къ намъ, и принявъ по Высочайшему повелѣнію весь корпусъ въ свое начальство, обратилъ оный впередь на непріятеля, а намъ приказавъ сдать солдатъ въ Сѣвскій полкъ нашей дивизіи, самимъ съ знаменами идти въ городъ Тавастгустъ къ сформированнымъ изъ прибывшихъ туда, находившихся во Франціи пленныхъ двумъ батальонамъ, причемъ, осматривая малые ряды наши, громко кричалъ: „храбрые Могилевцы, я надѣюсь нопрежнему встрѣтить Васъ на полѣ чести“.

Намекая тѣмъ на прошлогоднюю французскую войну.

Вслѣдствіи сего мы, выступя со знаменами черезъ Корпилаксъ, Оривеси и Пялкяне прибыли въ Тавастгустъ. Здѣсь нашли мы готовымъ уже къ походу новый полкъ свой; явясь къ шефу своему полковнику князю Александру Васильевичу Сибирскому, вручили ему знамена; я получилъ 4 роту 2-го батальона въ свое командованіе.

Городъ Тавастгустъ есть губернскій городъ Ниландской губерніи и лежитъ на берегу огромнаго озера Ваноя-веси; строеніе въ немъ очень хорошее, но большею частію деревянное и жителей въ немъ до 8000 душъ; болѣе разсмотрѣть я онаго не могъ потому, что пробылъ въ немъ одинъ только день.

Здѣсь узнали мы, что полкъ нашъ назначенъ въ составъ отряда генералъ-майора Ушакова, и долженъ идти къ киркѣ Нумміярва, куда мы выступя, слѣдовали черезъ прелестный городокъ Таммефорсъ, лежащій на возвышеніи между двумя озерами Несіярви и Сорванселке, дѣлающими для него прекраснѣйшіе виды, и черезъ очень богатое селеніе Киро. Генерала Ушакова съ Литовскимъ пѣхотнымъ, батальономъ егерей, нѣсколькоими орудіями батарейной артиллерии, ротой капитана Тряпицына и эскадрономъ уланъ полковника Вышеславцева нашли мы стоящимъ биваками предъ Нумміярва, гдѣ и соединились съ нимъ. Отсюда Ушаковъ командировалъ 2 роты нашего полка съ легкимъ трехфунтовымъ единорогомъ къ селенію Скантси для наблюденія дороги изъ Лампфорда; въ числѣ сихъ ротъ была и моя, нами командовалъ майоръ Захаровъ. 18-го августа полу-

чиль нашъ майоръ предписаніе: 19-го на разсвѣтъ атаковать кирки Сторе и Лампфордъ и вытѣснить изъ оныхъ непріятеля, а Ушаковъ въ то же время будетъ атаковать Нумміярва и выбѣть оттуда шведовъ.

Майоръ, получа предписаніе, не зналъ что дѣлать, ибо не могъ никакъ сдѣлать распоряженія и потому прибѣгъ ко мнѣ; здѣсь я имѣлъ первый случай сдѣлать собственный мой планъ атаки и съ удовольствіемъ пріятнаго воспоминанія оный помѣщаю: 1-ое) войско двинется 18-го Августа по захожденіи солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ 40 человѣкъ охотниковъ подъ командою поручика Чурилова, вслѣдъ за онимъ 1-я колонна въ 135 человѣкъ подъ командою капитана Сербина. 2-я того же числа подъ командою капитана Золотухина, 3-я того же числа подъ командою капитана Леонтьева, то есть мою, и съ ней 3 фун. единорогъ.

2-ое) коль скоро авангардъ откроетъ на непріятеля, то въ то же время стремительно атакуетъ онаго; сю атаку 1-я колонна подкрѣпляетъ всею своею силою, а 2-я колонна устремится во флангъ непріятеля справа; 3-я колонна, служа резервомъ и вмѣстѣ центромъ, произведеть натискъ въ центрѣ непріятельской позиції, очищая бѣгущаго непріятеля пушечною пальбою. Дальнѣйшее распоряженіе будетъ дано на мѣстѣ. Но сіе распоряженіе осталось безъ сраженія, ибо мы едва подошли къ киркѣ Сторе, какъ и получили предписаніе возвратиться къ отряду, который, произведя на разсвѣтъ неудачную атаку, возвратился въ свою позицію. Здѣсь глупость превозмогла храбрость, и генералъ Ушаковъ дѣятельно доказалъ, что по дурацкому плану и храбрые духомъ и превосходные числомъ войскѣ ничего не сдѣлаютъ противъ искуснаго расположенія малаго числа воиновъ, предводимыхъ умомъ и храбростью. Соединя весь свой отрядъ, Ушаковъ не зналъ на что рѣшился,—атаковать непріятеля боялся! а не идти впередъ на непріятеля не смѣлъ, ибо получилъ отъ графа Каменского повелѣніе бить онаго и идти къ нему на соединеніе черезъ кирку Ильмоля, потому что Каменскій гналъ шведскую армію отъ Куортани. Наконецъ Ушаковъ размысля, что отъ опасности огня непріятельского въ его чинѣ избавиться можно, ставъ, какъ говорится, въ благородной дистанціи, а отъ военнаго суда за неисполненіе повелѣнія отѣлаться нельзѧ, повелѣ насы 20-го Августа къ Нумміярва. Пришедъ туда и не найдя тамъ непріятеля, мы послѣдовали къ киркѣ Каухаюкамъ; гдѣ 21-го, атаковавъ, разбили шведовъ. Въ семъ сраженіи принималъ я большее участіе, потому что я первый посланъ былъ съ своею ротою въ подкрѣпленіе егерей и выбивъ непрія-

тельскихъ стрѣлковъ, преслѣдоваль ихъ по дорогѣ въ Христіанштадту, при чемъ отбить у него съ зарядами ящикъ и взято 5 человѣкъ плѣнныхъ, но и за сie сраженіе я также ничего не получиль. Здѣсь искусный и честолюбивый генераль, бывши на мѣстѣ Ушакова, произвелъ бы славное дѣло! Надлежало, оставя одинъ батальонъ пѣхоты съ 4 орудіями и по мѣстному положенію эскадронъ уланъ противу непріятеля, занявшаго позицію предъ дорогою Христіанштадтскою, съ самаго начала дѣла устремить главныя силы свои, изъ 13 ротъ пѣхоты и батарейныхъ орудій состоявшія, на войска шведскія, пошедшия по дорогѣ на киркѣ Ильмоля и, разбивъ ихъ, стать на дорогѣ у кирки Лаппо, какъ на пути ретирующейся отъ Куортани непріятельской разбитой Каменскимъ арміи и тутъ, поражая ее съ тыла, заставилъ бы ону или, положа оружіе, сдаться или пробиваться насквозь и потерять всю артиллерію и багажъ. Что сie легко было сдѣлать, то надо сказать, что нашъ полкъ, сформированный изъ старыхъ, обстрѣленныхъ и неустрашимыхъ солдатъ, между которыми было нѣсколько суворовскихъ вскормленниковъ, готовыхъ на все, да и Литовскій полкъ много имѣлъ старыхъ солдатъ, въ прошломъ году обдержаныхъ, и егерей очень хорошихъ. Слѣдовательно, стоило генералу собрать сихъ храбрыхъ воиновъ, сказать имъ рѣчь (какъ бывало въ прошлую войну 1807-го года) воинственную и вести ихъ прямо въ жестокій огонь! Но могъ ли сдѣлать сie глухой Ушаковъ? Ниакъ! Онъ остановился въ Каухаіакахъ отыхать на лаврахъ, его достойныхъ! Глупецъ сей, если бы на другой даже день пошелъ къ Ильмоля, то все бы имѣлъ, хотя ту славу, что вмѣстѣ съ авангардомъ Каменскаго вступилъ бы въ преслѣдованіе непріятеля, но мы, напротивъ, простояли здѣсь три дня и даже дѣвали, Богъ знаетъ для чего, полевыя укрѣщенія!

Наконецъ, получа строжайшее повелѣніе отъ Каменскаго, Ушаковъ повелъ насъ 25-го Августа черезъ Ильмоля къ Сторкиро, гдѣ мы 30-го Августа и соединились съ корпусомъ графа Каменскаго и продолжали итти по пятамъ непріятеля до кирки Лилкеро, гдѣ Каменскій, (пославъ) отрядъ генераль-лейтенанта Раевскаго съ нѣсколькими полками занять городъ Вазу, съ остальными войсками преслѣдоваль непріятеля до кирки Оравайсъ, гдѣ 2-го Сентября того 1808-го года послѣдовало сраженіе, рѣшившеее навѣки участъ Финляндіи и слѣдствіемъ котораго было перемиріе при Гамле-Корлеби. Я не стану описывать подробно сего сраженія, но выведу только слѣдующіе общіе результаты: шведская армія, до 18 тысячъ простиравшаяся, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Клингспорна заняла позицію за рѣкой, предъ киркою Оравайсъ текущею, упирая правый свой флангъ въ Ботническій заливъ,

а лѣвый, простирая въ лѣсъ дремучій на дальнее разстояніе. Нашъ корпусъ простирался до 12 тысячъ человѣкъ. Мы атаковали лѣвый флангъ непріятельской и принудили шведовъ къ ретирадѣ, обойдя оный и удари въ тылъ имъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ.

Все сие сраженіе происходило въ чащѣ лѣса, гдѣ свалилось съ обѣихъ сторонъ до 25-ти тысячъ войска, сражавшагося густыми цѣпями стрѣлковыми. Сие сраженіе выиграно одною храбростю солдатъ нашихъ, ибо ни генераловъ, ни полковыхъ командировъ между сими мрачными гранитами, тамъ и здѣсь разбросанными, мы нигдѣ не видали, да и съ ихъ стороны была бы это пустая церемонія, потому что имъ здѣсь нечего было и дѣлать. Уронъ нашъ состоялъ изъ 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, но шведы потеряли одними плѣнными болѣе 500 человѣкъ. Симъ достопамятнымъ для всей Финляндіи и нашей арміи сраженіемъ кончились мои военные подвиги, и я получа здѣсь сильную рану въ кисть правой руки оправился для лѣченія въ городъ Вазу.

Ваза очень хорошій и просторный городъ, въ которомъ я пробылъ до 15-го октября; строеніе въ немъ прекрасное, большою частію каменное, здѣсь есть королевскій замокъ, большое трехэтажное зданіе; жители здѣшніе живутъ изобильно отъ обширной здѣшней торговли.

По выздоровленіи моемъ я отправился черезъ города Ни и Гамле-Корлеби въ кирку Кельвіо, гдѣ стоялъ полкъ нашъ. Государь Александръ I-й, не утвердивъ договора, по которому надлежало начаться переговорамъ о мирѣ, приказалъ силою занять всю Финляндію, а безъ того не входить ни въ какія сношенія съ шведскою арміею, слѣдствіемъ чего было вновь открытие похода, но уже сраженій не было, а графъ Каменскій фланговыми движеніями заставилъ шведовъ отступить отъ неприступныхъ почти ихъ позицій, каковы были у кирки Калакіоки, гдѣ мы черезъ пропасти и камни, неся съ собою разобранные лафеты и пушки на плечахъ солдатъ и перешедъ по самому тонкому льду рѣку при селеніи Каліоки ниже кирки того же имени верстахъ въ 12-и, обошли неприступную шведскую позицію, укрѣпленную шанцами и батареями съ глубокими валами и тѣмъ спасли жизнь нѣсколько тысячъ солдатъ своихъ. Сей труднѣйший фланговый маршъ сдѣлали мы 26 и 27 Октября безъ куска хлѣба, будучи ободряемы личнымъ присутствиемъ графа Каменского, который самъ шелъ съ нами пѣшкомъ по невозможности имѣть въ семъ походѣ лошадей; при строеніи же для артиллеріи моста, гдѣ солдаты и офицеры стояли по горло въ водѣ, Каменскій отдалъ своего рома двѣ бутылки изнемогшимъ болѣе дру-

гихъ нашимъ солдатамъ; черта единственная въ военныхъ лѣтописяхъ! Второй подобный фланговый маршъ сдѣлали мы 2-го Ноября у кирки Тихаюки, но оный былъ и короче и легче прежняго; такимъ образомъ шведы, видя себя обходимыми и по дурному времени года не могши отступить безъ огромной потери, заключили съ нами конвенцію, по силѣ которой побѣдители предписали имъ маршрутъ слѣдованія за рѣку Торнео. Сія капитуляція, славная для насть, заключена грамомъ Каменскимъ въ Брахештадтѣ при личномъ его свиданіи съ шведскимъ маршаломъ графомъ Клингспорномъ. Вслѣдствіе сего мы мало по малу начали подаваться впередъ по мѣрѣ очищенія непріятелемъ края и черезъ Брахештадтъ и кирки Олькюки, Сикаюки, Лиманго, Улеосало прибыли въ Улеаборгъ. Здѣсь простояли мы болѣе недѣли; городъ сей большой и богатый; здѣсь строятся морскія суда разнаго наименованія для продажи въ чужie края, и таковыхъ, не совсѣмъ готовыхъ, видѣлъ я множество стоящихъ въ заливѣ, покрытомъ уже льдомъ; сіе то и дѣлаетъ городъ сей весьма богатымъ и едва ли не огромнѣе Вазы, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ показался прекраснымъ городомъ. Отсюда пришелъ я на квартиры въ кирку Мухось, гдѣ занималь я въ крестьянскомъ домѣ двѣ прекрасныхъ и чистыхъ комнаты. Здѣсь, размысля о всѣхъ трудахъ, ранахъ и опасностяхъ мною на военномъ моемъ поприщѣ понесенныхъ и весьма, весьма мало награжденныхъ, я, не взирая на домашнія мои обстоятельства, гдѣ долженъ былъ вновь переносить сварливость нѣкоторыхъ родныхъ моихъ, рѣшился подать просьбу въ отставку. Князь Сибирскій много убѣждалъ меня остататься служить, обѣщаю мнѣ отпускъ для излѣченія ранъ, но я, видя, что другое по слѣпому счастію или по протекції, менѣе меня служивъ въ сію войну, награждены много, а я остался ни съ чѣмъ, не хотѣлъ болѣе подвергать себя опасностямъ войны и глупостямъ начальниковъ и несмотря на его просьбу, получа весьма лестный атtestать отъ штабъ и оберь офицеровъ полка своего, а отъ лѣкаря въ моихъ ранахъ, предъ 1 Января 1809-го года подалъ прошеніе о увольненіи меня отъ службы.

Глава X.

Ожиданіе отставки, взглядъ на Финляндію и на причины войны въ ней; отъѣздъ изъ Улеаборга и прибытие Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда въ сѣло Подсосенки.

Такимъ образомъ, ожидая отставки, я сдалъ роту и проводилъ время, читая книги, бравъ ихъ изъ малой библіотеки адъютанта Ше-

ховцева. 13-го января 1809-го года полкъ нашъ выступилъ въ кирку Іо за Улеаборгъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Здѣсь провелъ я полтора мѣсяца въ самомъ скучномъ и праздномъ положеніи, окруженній мрачными лѣсами и даже лишенный сообщенія съ офицерами полка своего по случаю рѣдкихъ здѣсь селеній въ близости Лапландіи. Голодъ и недостатокъ всего необходимаго испыталъ я въ сіи полтора мѣсяца въ высочайшей степени, ибо довольствовался во все сіе время каждый день маленькимъ кусочкомъ коржа или черствой прѣсной лепешки и сельдями. Грусть и тоска меня одолѣвали совершенно, и я, бѣдный, доходилъ до мрачнаго отчаянія при слухахъ, что отставки мнѣ не будетъ; лишенный всякаго утѣшнія человѣческаго, я не имѣлъ и утѣшнія религіи, будучи воспитанъ въ наружностяхъ оной, но истинно утѣшительной внутренности ея не вѣдавшій! Въ таковомъ ужасномъ положеніи былъ я какъ бы изгнанный изъ общества человѣческаго и лишенный всѣхъ связей съ онымъ, но окружающіе меня бѣдные солдаты—игралище страстей царя своего—страдали еще болѣе меня. Лишенные пропитанія, они скитались подобно тѣнямъ или при-видѣніямъ мрачныхъ лѣсовъ здѣшнихъ. Сіи бѣдные люди, лишенные даже и куска хлѣба и питавшіеся въ теченіе цѣлаго мѣсяца одними сельдями, возбуждавшими въ нихъ непомѣрную жажду, начали пухнуть. Я видѣлъ, какъ ихъ десятками отвозили въ лазаретъ! Я видѣлъ, какъ они въ отчаяніи бросались на лошадей, и убивая ихъ, варили себѣ изъ нихъ пищу! Я видѣлъ, что изъ 100 человѣкъ бывшей моей роты осталось только 20 на ногахъ, другіе всѣ лежали. Тогда то, а не прежде, дано позволеніе на реквизицію и бѣдные солдаты, жертва власти, начали поправляться и по свойственному русскимъ характеру вскорѣ забыли все свое горе. Проклятие да падеть на графа Буксгевдена, бывшаго тогда главнокомандующимъ и хладнокровно взиравшаго на ужасную гибель его подчиненныхъ! Но отвратимъ взоръ отъ сей печальной картины и при окончаніи сего второго периода моей жизни, а съ нимъ и служенія моего отечеству въ службѣ военной,бросимъ бѣглый взглядъ на сію страну, въ которой я ратовалъ цѣлый годъ, и которую я оросилъ мою кровью, какъ бы запечатлѣвъ тѣмъ спокойствіе ея на многія столѣтія.

Финляндія, бывшая шведскою, а теперь россійскою, предметъ желаній двора нашего отъ временъ Петра Великаго, омываема съ юга и запада Финскимъ и Ботническимъ заливомъ, на которыхъ имѣть она 14 портовыхъ городовъ, именно: Ловизу, Борго, Гельсинфорсъ, Экнесъ, Або, Нюстадтъ, Біернеборгъ, Христіанштадтъ, Вазу, Ни-Корлеби, Гамле-Корлеби, Якобштадтъ, Брахештадтъ и Улеаборгъ, прости-

рается отъ прежней нашей границы по чертѣ у Мейшлота, Вальман-страада, Давыдова и рѣки Кюмени до нынѣшней границы у рѣки Торнео на 683 версты.

Вся поверхность ея покрыта, такъ сказать, большими и малыми озерами, рѣками и болотами; мѣстами, гдѣ онъхъ нѣть, растутъ огромные лѣса, а въ частяхъ губерніи Нюландской, Вазасской, Абосской и Гельсингфорской рожь и ячмень въ довольноомъ количествѣ; Алландскіе же острова суть житница Финляндіи. На сей то поверхности живутъ по ревизії 1809-го года 850 тысячъ обоего пола людей въ прекрасныхъ городкахъ, селахъ и деревняхъ и живутъ чисто, опрятно въ довольноствѣ и покоѣ.

Важнѣйшія крѣпости финляндскія суть: Ловиза и Швартгольмъ, неприступный Свеаборгъ, стояцій на пяти каменныхъ скалахъ выдавшихся въ море, и Тавастгустъ. Я уже сказалъ прежде о благосостояніи края сего и теперь долженъ прибавить, что оное проистекаетъ болѣе отъ мѣстности, но при томъ и отъ свободы здѣшнихъ крестьянъ не вѣдающихъ барщины или крѣпостного права, столь обременительнаго у насъ, но въ отношеніи къ силѣ государственной необходимаго и единственнаго установленія. При соединеніи сего обширнаго края это заслуживаетъ большого вниманія; сверхъ коммерческихъ важнѣйшихъ видовъ, и потому, что теперь мы съ Швецію имѣемъ естественные границы, и столица наша, отстоя отъ сухотной на 933 версты, обезопасена отъ вторженія шведовъ, имѣя на водахъ всѣ средства не къ защитѣ только, но и къ побѣдамъ. По примѣру римлянъ, завоеватели должны были получить славныя награды, но мы благодаря самодовольству своего царя остались ни съ чѣмъ и даже жалованье получили ассигнаціями.—Теперь взглянемъ на причину войны столь обезславившей Александра I-го по ея началу. Силою Тильзитскаго мира тайною статью постановлено: внести Александру I-му въ пользу Наполеона 40 миллионовъ серебряныхъ рублей, принудить шведскаго короля Густава IV-го Адольфа къ признанію Наполеона императоромъ и въ вознагражденіе сего взять Финляндію, а Швецію вознаградить за сіе отдачей ей части Помераніи съ островомъ Рюгеномъ, занятыми тогда французскими войсками. Вслѣдствіи сего начаты переговоры между Александромъ I-мъ и Густавомъ IV-мъ Адольфомъ, но въ то же время тайно проводимы были къ его границамъ наши войска такъ, что проходили Петербургъ ночью, тайкомъ отъ жителей, какъ и мы взошли, къ исходу Января 1808 года на съ собралось на границу до 40 тысячъ человѣкъ; между тѣмъ переговоры продолжались съ жаромъ, ибо силь-

ный духомъ Густавъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ признать похитителя Бонапарта законнымъ государемъ Франціи, а тѣмъ еще менѣе соглашался на уступку и вознагражденія ему предложенныхыя. Среди сихъ переговоровъ, во время которыхъ Густавъ надѣялся на права народныя и оставался въ спокойномъ положеніи, вдругъ получаетъ извѣстіе, что мы 20 Февраля въ числѣ 40 тысячъ вторгнулись безъ объявленія войны въ его владѣнія! Оскорбленный симъ не только несправедливымъ, но и наглымъ поступкомъ Густавъ IV-й приказалъ арестовать пребывающаго въ Стокгольмѣ посла нашего тайного советника Ало-пеуса, и объявилъ войну Россіи. Безъ всяаго сомнѣнія, Густавъ въ семъ случаѣ поступилъ какъ герой, достойный своей короны, не взирая на то гибельное положеніе, въ которое поставилъ онъ свое государство сею неравною борьбою, ибо на его сторонѣ была честь и справедливость, потому что Россія заключеннымъ 1800-го года въ Сентябрѣ трактатомъ обязывалась защищать права и неприкосновенность владѣній Шведскаго королевства, а теперь сама вѣроломно нападала на оныя.

Войска шведскія при наступленіи нашемъ получили повелѣніе отступать къ Улеаборгу и ихъ число тогда простидалось только до 7 тысячъ! Такимъ образомъ шведскій главнокомандующій фельдмаршаль графъ Клингспорнъ искуснѣйшимъ соображеніемъ успѣлъ не только спасти свою маленькую армію, но и не оставилъ намъ даже ни одного транспорта и ни одного хлѣбнаго магазина, увезя все съ собою. Между тѣмъ, армія наша шла безпрепятственно впередъ, и главная колонна оной послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ заняла на берегу Финскаго залива городъ Ловизу съ крѣпостью Швартгольмъ, подалась къ знаменитому и неприступному Свеаборгу, который и блокировали дивизіею графа Николая Каменскаго. Въ то же время другія колонны шли по берегу Ботническаго залива и заняли оный до города Вазы включительно, а правѣ шедшія заняли Сиволаксъ съ городомъ Тавастгустомъ и всю Карелію съ городомъ Куопіо, откуда, обратясь, преслѣдовали шведовъ черезъ Брахештадтъ къ Улеаборгу. Шведскій король, издавъ манифестъ къ своимъ подданнымъ, въ которомъ изобразивъ наглое и незаслуженное нападеніе русской арміи въ сильныхъ выраженіяхъ, призывалъ ихъ къ защите своего отечества, а между тѣмъ успѣлъ изъ Вестерботніи подкрѣпить Клингспорна нѣсколькими полками, такъ что сила его арміи возросла до 12000 и была въ состояніи на первый разъ противостоять россиянамъ, обезсиленнымъ занятіемъ крѣпостей и городовъ, на столь большомъ пространствѣ лежащихъ. Густавъ, надѣясь на твердыни Свеаборга, думалъ сильно отомстить намъ съ открытиемъ весны, но

Александр I-й действовалъ также неусыпно. Въ исходѣ марта явился передъ Свеаборгомъ нашъ военный министръ графъ Аракчеевъ съ кучами золота, и съ помощью главнокомандующаго и графа Каменскаго убѣдилъ Свеаборгскаго коменданта вице-адмирала графа Кронштета сдать намъ на капитуляцію сію важную крѣпость. Гарнизонъ изъ 6000 человѣкъ лучшихъ войскъ состоявшій, вышедъ на гласисъ крѣпости и видя малое число нашихъ войскъ, ибо въ дивизіи Каменскаго и 3000 не было подъ ружьемъ отъ большой убыли, при блокадѣ понесенной, съ досадою ломалъ ружья и крикомъ своимъ изъявлялъ свое неудовольствие. Видя толикое негодованіе непріятеля, Каменскій велѣлъ зарядить пушки и ружья, но все кончилось миролюбиво, и гарнизонъ обезоружень, а бесчестный Кронштетъ съ хорошимъ запасомъ червонныхъ удалился въ свои финляндскія мѣстности, равно, какъ и другіе изъ частныхъ начальниковъ Свеаборгскаго гарнизона, получившиѣ знатныя суммы за свою измѣну отечеству. Между тѣмъ какъ Свеаборгъ сдавался, маршаль Клингспорнъ, сосредоточа, какъ выше сказано, искусною ретирадою свою армію и получа новое подкрѣпленіе рѣшился атаковать насъ. Онъ обратилъ вниманіе свое на нашъ отрядъ, изъ 700 человѣкъ состоящій и стоявшій на самой критической точкѣ въ отношеніи какъ Тучкова дивизіи, такъ и шведской арміи; сей то отрядъ Апрѣля 20-го атаковалъ у Револакса графъ Кронштетъ, братъ купленнаго коменданта, съ 3000 человѣкъ и разбилъ оный совершенно по глупости, можно сказать, ослиной генерала Булатова, который не могши удержать поста своего, могъ отступить съ честію къ Брахештадту. Слѣдствіемъ сей побѣды было совершенное уничтоженіе отряда подполковника Обухова, изъ Каяны въ кирку Тулькила прибывшаго, и всеобщее восстаніе Улеоборгской, Куопіоской, части Сиволакской и Вазаской губерній, въ которыхъ не осталось ни одного батальона войскъ нашихъ. Ошибка важная во всеобщемъ планѣ была та, что 40 тысячъ войска разсѣяли на пространствѣ 60 верстъ и привели къ точкѣ соединенія непріятеля только слабую нашу 5-ю дивизію, въ которой и 4000 человѣкъ не было подъ ружьемъ; не менѣе важная ошибка еще и въ томъ состояла, что дворъ нашъ однимъ походомъ надѣялся занять всю Финляндію и въ семъ предположеніи не только растянулъ линію арміи по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ но и лишилъ нѣкоторыя части оной совершенно сообщенія какъ напримѣръ, отрядъ полковника Вуича, на Аландскихъ островахъ поставленный. Послѣ описанного пораженія при Револаксѣ и Пулькиль отряда Булатова и Обухова, 5-я дивизія отступила къ Гамле-Корлеби, гдѣ и остановилась въ первыхъ числахъ мая.

Весна, открывшая заливы, дала возможность огорченному потерю Свеаборга королю Густаву IV-у напасть со всѣхъ сторонъ на нашу береговую армію, вслѣдствіе чего дессанты были высажены при Або, Вазѣ и Христіанштадтѣ; первый былъ разбитъ искусствомъ княземъ Багратіономъ, но Ваза и Христіанштадтъ заняты шведами, и стоявшія на линіи нашего сообщенія известительные посты отъ Або до послѣдняго города истреблены; въ то же время умноженная сухопутная шведская армія заняла частію оной Карелію до города Куопіо, а главною силою осадили нашъ корпусъ отъ Гамле-Корлеби въ средину Финляндіи къ киркѣ Весткюлле. Совокупно съ сими побѣдами народъ финляндскій восталъ для отомщенія напавшимъ на него иностранцамъ, и истребляя всюду наши транспорты, магазейны, малые отряды и курьеровъ поставилъ всю нашу армію въ гибельную крайность! Кровь полилась рѣками на морѣ и суше, и Густавъ имѣлъ удовольствіе видѣть отомщеннымъ себя ужасною гибелью войскъ нашихъ, ибо въ то же время и отрядъ Вуича на Аландѣ взялъ въ плѣнъ и вице-адмираль нашъ Бодиско бѣжалъ отъ его флота!

Александръ I-й, видя гибель своей арміи, подкрѣпилъ ону еще двумя дивизіями пѣхоты, третьими батальонами гвардіи и резервными нашей всей арміи, которые были посажены на гребной флотъ. Всѣ сіи силы, а паче искусствя движенія главнаго корпуса графа Каменского къ исходу осени доставили намъ вновь рѣшительныя побѣды, слѣдствіемъ которыхъ было прочное занятіе всей шведской Финляндіи. Но сіи побѣды не поколебали духа Густава IV-го, который съ геройскимъ мужествомъ всенародно поклялся не признавать Наполеона государемъ Франціи. Такъ кончилась первая кампанія сей тяжкой и несправедливой войны. Въ сіе то время хитрый Наполеонъ, радуясь, что завлекъ Россію въ столь тяжкую войну, сказалъ: „я дешево продалъ Финляндію, но купчая будетъ дорога“!

Теперь обратимся къ моему положенію. Наконецъ послѣ долгаго и тяжкаго ожиданія я получилъ мою отставку! Не такъ ли бываетъ радъ заключенный безвинно при выпускѣ его изъ тюрьмы? Я въ тотъ же день бросился къ своему шефу за паспортомъ и, получивъ онъ, пустился въ Улеаборгъ въ корпусную квартиру для полученія подорожной; здѣсь собравшись совсѣмъ и распростиившись съ храбрыми товарищами моими, которые меня всѣ любили и провожали болѣе 20 верстъ, и пожелавъ имъ счастливо пожинать лавры, а отъ нихъ получа желаніе мнѣ спокойствія и счастія, 9-го марта 1809-го года пустился домой.—Домой! сказалъ я, садясь въ сани,—будетъ искать мечты брошен-

ному отъ людей человѣку! Гдѣ я не былъ, вездѣ служилъ съ ревностю, и что получиль въ возмездіе? Ничего, совершенно ничего! Итакъ пора приняться за соху тому, чья вся почти жизнь усѣяна была терниемъ. Довольно! Я былъ гонимъ въ семействѣ, гонимъ на военному поприщѣ, вездѣ старался быть полезнымъ и вездѣ получалъ толчки, прощай Марсъ! Влагаю шпагу въ ножны мои, беру посохъ и буду искать уголка, гдѣ бы преклонить удрученную несправедливостями, трудами и бѣдствіями главу мою. Съ сими мыслями пустился я въ дорогу, оставляя дѣтей Марсовыхъ, соединившихся въ три корпуса у Або, Вазы и Улеаборга подъ начальствомъ генераловъ: Багратіона, Барклая и Шувалова для перехода въ Швецію. Я ѿхалъ на кирку Индесальмы, города Куопіо, Варкгauзъ, Нейшлотъ, Выборгъ, гдѣ встрѣтилъ я императора Александра I-го, ѿхавшаго въ Борго для открытия сейма всей Финляндіи, дабы утвердить и успокоить жителей ея въ неприосновенности правъ и преимуществъ ихъ, а главное ихъ дѣло состояло въ томъ, что, опасаясь при войнѣ со Швеціей видѣть возмущеніе края сего въ тылу арміи, хотѣли задобрить финляндцевъ симъ невиданнымъ еще ими церемоніаломъ и личною ласковостію новаго обладателя ихъ, въ чемъ и успѣли совершенно.

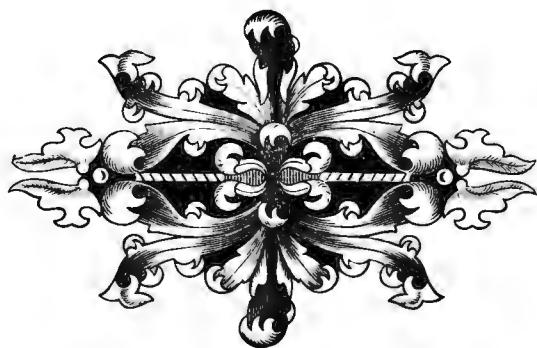
Изъ Выборга пріѣхавъ въ Петербургъ, я пробылъ въ сей столицѣ одинъ день и оттуда черезъ Торжокъ, Вышній Волочекъ, Тверь, Москву, Подольскъ, Серпуховъ и Тулу пріѣхалъ въ Есенокъ.

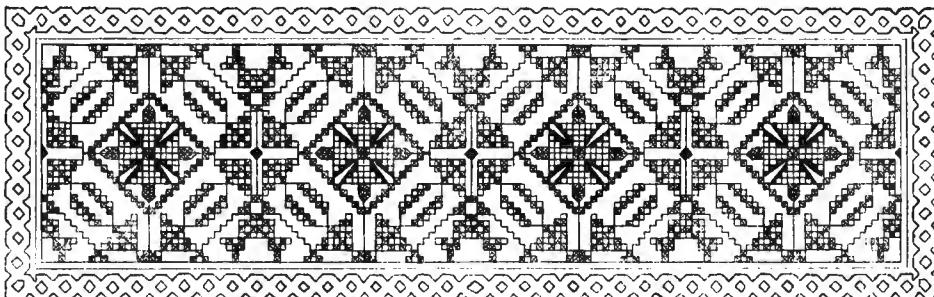
Здѣсь, отдохнувъ, пустился я по самой дурной дорогѣ и въ ростель черезъ Епифань, Скопинъ, Рязань и Сапожокъ въ село Подсосенки матери моей покойной принадлежавшія, гдѣ она и жительство тогда имѣла и пріѣхавъ туда благополучно, совершивъ свое путешествіе въ 2020 верстъ безъ человѣка. одинъ однехонекъ съ повозчикомъ.

Мать моя была довольно обрадована моимъ пріѣздомъ и здѣсь я узналъ о смерти одной особы, много зла мнѣ дѣлавшей, и возымѣль надежду на мирное провожденіе времени въ моемъ семействѣ, возымѣль напрасно, ибо послѣдствіе покажетъ, что и въ семъ я ошибся.

Въ окончаніе второго периода моей жизни скажу окончательно и о судьбѣ знаменитаго по величию духа короля шведскаго Густава IV-го Адольфа! Приближеніе на трехъ пунктахъ сильного непріятеля не поколебало величіе души Густава, и онъ въ началѣ марта 1809-го года предпринималъ самъ вести армію свою на Аландъ, но въ сie время составился противъ него заговоръ, главою котораго былъ дядя его,

впослѣдствіи бывшій королемъ подъ именемъ Карла XIII-го. Слѣдствіемъ сего было, въ то время какъ собирались войска на дворцовой площади для похода на Аландъ, арестованіе сего славнаго государя, произведенное въ его комнатахъ среди дня собственными его генералами! Сначала при словахъ: „Вы арестованы!“ Густавъ, обнаживъ саблю, хотѣлъ защищаться, но когда объяснили ему, что сего требуетъ армія и народъ, видя непреклонность его къ миру и признанію Наполеона онъ, остановясь, отдалъ свою саблю сказавъ: „бойтесь Бога, и повинуйтесь избранному вами государю“! Послѣ сего начались переговоры, и хотя война продолжилась до сентября 5-го, но ведена была слабо съ обѣихъ сторонъ и миръ, подписанный въ сей день въ Фридрихсгамѣ, городѣ на берегу Финскаго залива близъ Выборга лежащаго, даровалъ прочное обладаніе всею Финляндію и Аландскими островами нашему отечеству.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СКОПЧЕСТВА

Начальный периодъ исторіи скопчества представляетъ собой темную область. До сихъ поръ въ научномъ оборотѣ не было материаловъ, которые относились бы къ этому периоду исторіи ереси. Вотъ почему многие вопросы начальной исторіи скопчества даже и теперь еще являются совершенно открытыми. Правда, ученые изслѣдователи скопчества обыкновенно касаются въ своихъ трудахъ начальной исторіи ереси, но они излагаютъ ее на основаніи позднѣйшихъ документовъ, и при томъ часто такихъ, въ которыхъ трудно отдѣлить историческую правду отъ вымысловъ болѣзненнаго воображенія. Точнаго и строгого научнаго изслѣдованія раннѣйшаго периода скопческой ереси до сихъ поръ еще не было, такъ какъ не было известно документальныхъ данныхъ, касающихся этого момента ея исторіи.

Но въ настоящее время открывается возможность освѣтить и этотъ темный периодъ исторіи скопчества. Намъ удалось найти архивные материалы, относящіеся именно къ этому первичному моменту исторіи ереси, каковые материалы даютъ полную возможность подвергнуть вопросъ о возникновеніи и первоначальномъ распространеніи скопческой ереси всестороннему и строгому научному изслѣдованію.

Найденные нами документы относятся къ 1772 году и представляютъ собой слѣдственное дѣлоиздѣлство по поводу появленія въ предѣлахъ нынѣшней Орловской губерніи скопческой ереси, для обозначенія которой тогда еще не было особаго названіе, и которая пока еще называлась „нѣкоторой новаго рода ересью“. Слѣдовательно, эти документы имѣютъ непосредственное отношеніе къ первому судебному процессу о скопцахъ, бывшему въ 1772 году, и такимъ образомъ заключаютъ въ себѣ самые начальные факты исторіи скопчества.

Слѣдствіе о скопцахъ началось въ Орловскомъ Духовномъ Правленіи. 25-го Апрѣля 1772 года попъ села Никитскаго, Орловскаго уѣзда, Петръ Тимофеевъ донесъ Духовному Правленію, что его прихожанка, крестьянка деревни Масловой, Дарья Степанова Маслова сообщила ему, что въ той же деревни однодворцы: Петръ Васильевъ Масловъ и сынъ его Михайла Петровъ, а также и Кондратій Парфеновъ Масловъ, неизвѣстно для чего или, можетъ быть, по какой либо ереси, сами себя подвергли оскопленію. Духовное Правленіе немедленно приступило къ разслѣдованію возбужденного попомъ Тимофеевымъ дѣла. Слѣдствіе продолжалось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ, и въ результатѣ въ Духовномъ Правленіи образовалось обширное дѣло о скопцахъ, которое заключало въ себѣ болѣе трехсотъ листовъ.

Когда слѣдствіе въ Духовномъ Правленіи было уже почти закончено, въ Орель, по Именному Высочайшему указу, прибылъ полковникъ Александръ Волковъ, которому повелѣвалось произвести разслѣдованіе о той же новоявленной ереси. Такъ какъ высшей правительственный власти очевидно, не было достовѣрно о томъ, что слѣдствіе обѣ этой ереси уже производится Духовнымъ Правленіемъ, то полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего узнать, ведется ли какое либо разслѣдованіе о новой ереси или нѣть, и если ведется, то гдѣ производится; а затѣмъ, если бы оказалось, что слѣдствіе уже производится, полковнику Волкову предписывалось „истребовать къ себѣ сіе дѣло“ и, ознакомившись съ нимъ, произвести разслѣдованіе въ томъ направленіи, которое давалось въ Именномъ Высочайшемъ указѣ.

Полковникъ Волковъ явился въ Орель 17 Іюля, и въ тотъ же день имъ было отправлено въ Духовное Правленіе требованіе о присылкѣ къ нему нужнаго для него дѣла, а также и содержащихся по этому дѣлу разнаго званія людей. Духовное Правленіе препроводило Волкову, какъ дѣло, такъ и участниковъ ереси 19 Іюля 1772 года. Къ этому же дню полковникъ Волковъ успѣлъ сорганизовать по силѣ того же Высочайшаго указа, для исполненія возложеннаго на него порученія особую Комиссію, въ составъ которой, кромѣ него, полковника Волкова, вошелъ еще Воеводскій Товарищъ артиллеріи капитанъ Иванъ Тиньковъ. Секретаремъ Комиссіи былъ назначенъ Василий Арбузовъ. 19-го Іюля, въ 7 часовъ утра, Комиссія уже приступила къ своимъ занятіямъ.

Занятія Комиссіи продолжались недолго, всего 9 дней. Засѣданія ея происходили отъ 7 часовъ утра до 2 часовъ дня, при чмѣь секрет-

тaremъ Комиссіи Арбузовымъ велись подробныя протокольныя записи этихъ засѣданій.

Комиссія прежде всего занялась разсмотрѣніемъ дѣла, присланаго изъ Духовнаго правленія. На чтеніе и слушаніе его она употребила цѣлыхъ три засѣданія. Слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, оказалось настолько обстоятельнымъ, что Комиссіи почти совсѣмъ не пришлось производить дополнительныхъ разслѣдованій по тѣмъ пунктамъ, которые уже были выяснены Духовнымъ Правленіемъ. Только въ двухъ случаяхъ Комиссія сочла нужнымъ сдѣлать дополнительные допросы нѣкоторымъ главнымъ дѣятелямъ ереси. Въ остальномъ же слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, было, очевидно, признано Комиссіей вполнѣ достаточнымъ.

Разсмотрѣвъ дѣло Духовнаго Правленія, Комиссія произвела небольшое дослѣдованіе относительно лицъ, неотысканныхъ и недопрошеныхъ Духовнымъ Правленіемъ, раздала подъ росписки заинтересованныхъ лицъ большинство привлеченыхъ къ ответственности участниковъ ереси, оставивъ подъ арестомъ наиболѣе видныхъ дѣятелей скопчества, и, затѣмъ, надъ этими оставшимися произнесла судебный приговоръ.

Занятія Комиссіи составили особое канцелярское дѣло, которое явилось собственно продолженіемъ и завершеніемъ дѣла, начатаго въ Духовномъ Правленіи. Дѣло Духовнаго Правленія было такимъ образомъ первою частью скопческаго судебнаго процесса 1772 года, а дѣло Комиссіи—его второй частью.

Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи найденныхъ документовъ, въ настоящемъ очеркѣ мы остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На основаніи вновь открытыхъ документовъ, мы попытаемся вкратцѣ дать решеніе слѣдующимъ вопросамъ: *а) кого нужно считать основателемъ скопческой ереси; б) какимъ образомъ могла появиться мысль о физическомъ оскоплении и когда возникла эта ересь; в) кто былъ въ дѣятельности Кондратій Селивановъ, котораго принято считать родоначальникомъ скопческой ереси.*)*

*) Подробное изслѣдованіе начального периода истории скопчества на основаніи найденныхъ нами архивныхъ материаловъ, а равно и самые материалы въ скоромъ времени выйдутъ въ отдельномъ изданіи.

I.

Еще въ 1845 году Н. Надеждинъ въ своемъ „Изслѣдованіи о скопческой ерсі“ говоря о личности основателя скопчества, замѣтилъ, что „на этомъ лицѣ преимущественно лежить глубокій мракъ“ и что „объ немъ въ точности неизвѣстно, не только какого былъ онъ званія и происхожденія, но и какъ назывался“. ¹⁾ Эти слова первого изслѣдователя скопческой ерсі сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Но несмотря на возникновеніе обширной литературы, посвященной изслѣдованію скопчества, вопросы о томъ, кто былъ „начинщикомъ“ этой ерсі, какъ звали его и какова была его фамилія, къ какому званію принадлежалъ онъ и откуда происходилъ—и до сего времени остаются совсѣмъ неразъясненными.

Въ послѣднее время, повидимому, прочно установилось мнѣніе, что основателемъ скопчества былъ Кондратій Селивановъ, хотя по признанію новѣйшихъ изслѣдователей, это не соотвѣтствуетъ дѣйствительному имени и фамиліи основателя скопческой ерсі, что „это имя и фамилію можно только прилагать къ нему, какъ условленный знакъ“, не болѣе, ²⁾ вопроса же объ его званіи и происхожденіи эти изслѣдователи совсѣмъ даже и не касаются. ³⁾

Въ настоящее время, на основаніи найденныхъ нами документовъ, можно опредѣленно сказать, кто положилъ начало скопческой ерсі. Ея „начинщикомъ“ былъ бѣглый крестьянинъ бывшей вотчины генерала Степана Феодоровича Апраксина, села Брасова, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи, *Андрей Ивановъ Блохинъ*.

Это обнаруживается прежде всего изъ слѣдственного дѣлопроизводства Орловскаго Духовнаго Правленія. Орловское Духовное Правленіе, хотя и не ставило своей специальной задачей выясненіе личности основателя секты, но въ тѣхъ многочисленныхъ допросахъ, которые были произведены имъ, ясно указывалось, что оскопленіе пошло отъ крестьянина Андрея Иванова Блохина и что, слѣдовательно, имъ дано было начало новой ерсі.

¹⁾ Кельгієвъ, В. Сборникъ Правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ, 1862, т. III, стр. 76.

²⁾ Кутеповъ К., Секты хлыстовъ и скопцовъ. Казань 1883, стр. 116, 117.

³⁾ Таковы, напр., К. Кутеповъ (Секты хлыстовъ и скопцовъ). Казань. И Рождественский (Чтения, 1882 г., ви. I).

Однако, этихъ указаній, заключавшихся въ дѣлопроизводствѣ Духовнаго Правленія оказалось недостаточно для полковника Волкова, командированного въ Орелъ для производства разслѣдованія о той же ереси. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ отъ 2-го іюля 1772 года полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего изыскать „кто сей ереси начинщикъ“. Полковникъ Волковъ долженъ былъ, такимъ образомъ, точно выяснить вопросъ объ основателѣ секты. Для него этотъ вопросъ стоялъ на прямой и опредѣленной формѣ. Естественно, что и отвѣтъ на этотъ вопросъ Волкову надлежало имѣть въ таковомъ же прямомъ и опредѣленномъ видѣ. Однихъ указаний, хотя бы и довольно ясныхъ, для него было мало.

Вотъ почему Волковъ въ первомъ же засѣданіи Комиссіи, учрежденной имъ въ силу Именного Высочайшаго указа отъ 2-го Іюля, сдѣлалъ этотъ вопросъ предметомъ специального разслѣдованія. Комиссія, руководимая полковникомъ Волковымъ, приступивъ къ разсмотрѣнію присланного изъ Орловскаго Духовнаго Правленія дѣла о новой сектѣ, сразу же обратила вниманіе на то, что въ этомъ дѣлопроизводствѣ нѣть прямого отвѣта на вопросы: „кто первый былъ скопленный, когда оное скопление у нихъ (т.е. новыхъ сектантовъ) началось и по какой причинѣ скопиться они стали“. Поэтому Комиссія тогда же постановила „призвавъ нѣкоторыхъ скопцовъ, о томъ оныхъ въ пополненіе прежнихъ допросовъ еще спросить“. Немедленно же въ Комиссію были вызваны изъ тюрьмы содержащіеся подъ стражей главные дѣятели новой ереси: *Андрей Ивановъ Блохинъ, Евсевій Гильушевъ и Михаило Никулинъ*.

На предложенные Комиссіей вопросы Андрей Ивановъ Блохинъ показалъ слѣдующее: онъ, Блохинъ, первый въ сей ереси находящійся, осколился и что прежде его никто не оскалывался; къ мысли о необходимости оскопленія онъ, Блохинъ, пришелъ такимъ путемъ: въ той вѣрѣ, къ которой онъ принадлежалъ, т.е. въ хлыстовщинѣ, было наи-крайчайше заповѣдано не имѣть съ женщинами плотскаго совокупленія, такъ какъ въ этомъ заключается наитягчайшій грѣхъ; но такъ какъ человѣческая плоть, не взирая на то запрещеніе, принуждала иногда искать женскаго пола, отъ котораго и самое жестокое бичеваніе отвести не въ состояніи, то онъ, Блохинъ, послѣ размышеній и бесѣдъ съ близкими ему лицами окончательно остановился на мысли, что отъ грѣха того развѣ де однімъ только оскопленіемъ избавиться можно, чemu нагляднымъ примѣромъ служить скотъ, который послѣ легчанія блуда уже не дѣлаетъ; прия къ такой мысли, онъ, Блохинъ, черезъ нѣсколько

времени послѣ бесѣды съ друзьями, когда возжелалъ плотскаго грѣха, для укрощенія своей плоти самъ себя оскопилъ раскаленнымъ желѣзомъ; оскопленіе совершилъ, находясь въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ крестьянина Осипа Степанова; послѣ него, когда стало извѣстно, что онъ оскопился и выздоровѣлъ, сами себя оскопили и его два товарища Никифоровъ и Никулинъ; въ дальнѣйшемъ скопчество начало распространяться исключительно отъ него, Блохина, и Кондратія Никифорова, а отъ оскопленія никто не умиралъ.

Этотъ допросъ Андрея Блохина подтвердили и другія призванныя въ Комиссію лица: Евсевій Гнѣушевъ и Михайло Никулинъ.

Полковникъ Волковъ и вообще вся Комиссія на этотъ разъ были вполнѣ удовлетворены показаніями Андрея Блохина, подтвержденными его товарищами. Комиссія имѣла теперь вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ—кто былъ зачинщикомъ скопчества. Сомнѣваться въ правдивости этихъ показаній она пока не имѣла никакихъ основаній и поводовъ. Вопросъ о зачинщикѣ секты или, что то же, обѣ основателѣ ея, былъ, такимъ образомъ, исчерпанъ. Комиссія признала, что эта роль принадлежала Андрею Иванову Блохину.

Впослѣдствіи Комиссія Волкова еще разъ обратилась къ этому вопросу. Въ предпослѣднемъ своемъ засѣданіи она, между прочимъ, обсуждала составленный ея Канцеляріей „экстрактъ“ изъ дѣла о новой ереси или краткое извлеченіе изъ того обширнаго дѣлопроизводства, которое было результатомъ занятій Духовнаго Правленія и ея собственныхъ. При обсужденіи этого „экстракта“ выяснилось, что въ допросѣ, произведенномъ Духовнымъ Правленіемъ, Андрей Ивановъ Блохинъ сдѣлалъ одно такое показаніе, которое не совсѣмъ согласовалось съ тѣмъ, что имъ же было сказано на вторичномъ допросѣ его въ Комиссіи. На допросѣ въ Комиссіи онъ показалъ, что къ мысли обѣ оскопленіи онъ пришелъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго вліянія, въ допросѣ же въ Духовномъ Правленіи онъ заявилъ, что къ оскопленію его уговаривалъ крестьянинъ Михайло Никулинъ. Комиссія придала этому противорѣчію въ показаніяхъ Андрея Блохина существенное значеніе. Здѣсь возникалъ вопросъ о томъ, кому же, собственно, первому принадлежала мысль о необходимости оскопленія: Андрею Блохину или Михайлѣ Никулину. Чтобы выяснить этотъ вопросъ Комиссія постановила допросить по этому поводу Михайллу Никулина. Введенный въ Присутствіе, послѣдний показалъ, что дѣйствительно онъ, Никулинъ, уговаривая Блохина

принять хлыстовскую вѣру, въ то же время совѣтывалъ ему и оскочиться. Комиссіи послѣ этого стало ясно, что первая мысль о необходимости оскоплениія принадлежала не Андрею Иванову Блохину, она была высказана впервые другими людьми; на долю Андрея Блохина приходилось лишь осуществленіе ея на дѣлѣ, фактическое примѣненіе ея въ жизни.

Такимъ образомъ, значеніе Блохина, какъ родоначальника скопчества, показаніемъ Михаилы Никулина, повидимому, нѣсколько умалялось. За нимъ, собственно, оставлялась мужественная рѣшимость применить на практикѣ то, что было признано необходимымъ для достиженія душевнаго спасенія. И несмотря, однако, на это, Комиссія все таки продолжала считать именно Блохина зачинщикомъ скопческой ереси, положившимъ ей начало и бывшимъ дѣятельнымъ ея распространителемъ. Въ „рѣшительномъ“ своемъ опредѣлѣніи, составленномъ по окончаніи разслѣдованія дѣла о новой ереси, Комиссія такъ именно и называется Андрея Блохина, котораго „яко зачинщика сего зла“, оно постановила наказать кнутомъ въ деревнѣ Богдановкѣ, гдѣ онъ болѣе всего изуродовалъ людей, а затѣмъ сослать его на вѣчную каторгу въ Нерчинскъ.

II.

Вопросъ о томъ, какъ вообще могла возникнуть мысль о необходимости физического оскоплениія, выясненъ уже довольно подробно въ наукѣ. Но какъ изъ области чисто теоретической эта мысль могла перейти въ область реальной дѣйствительности,—этотъ вопросъ еще нуждается въ разъясненіи.

Скопчество вышло изъ нѣдръ хлыстовщины. Оно явилось результатомъ сознанія невозможности выполнить основное требование хлыстовского ученія физически нормальному человѣку. Самые ревностные и искренніе послѣдователи хлыстовщины должны были признать, что природа съ ею непреложными законами не можетъ быть побѣждена однимъ усилиемъ воли. Естественнымъ послѣдствиемъ этого сознанія была мысль о необходимости прибѣгнуть къ уничтоженію самого „источника“ зла: нужно сдѣлать человѣка физически неспособнымъ творить наитягчайшій грѣхъ соитія съ женщиной, нужно удалить въ человѣкѣ тѣ его органы, которые ведутъ къ духовной погибели.

Теоретически, такимъ образомъ, это радикальное средство было найдено; единственно вѣрный способъ выйти изъ того тутика, въ ко-

торый загнала хлыстовъ физическая сторона человѣческаго существа, быть открыть. Но отъ теоріи до практики было еще далеко. Пере- шагнуть эту пропасть было чрезвычайно трудно. Трудность эта обу- словливалась не только тѣмъ, что найденное средство неизбѣжно должно было соединяться съ физическими страданіями, но и тѣмъ, что въ про- стомъ, неразвитомъ сознаніи не было еще живой, исключающей вся- кія колебанія, увѣренности въ жизненной дѣйственности выработан- ной теоретически мысли. Неразвитый человѣкъ живеть больше ана- логіями и примѣрами, которые даютъ ему силу и сообщаютъ увѣрен- ность въ цѣлесообразности его поступковъ. Онъ нерѣдко отказывается осуществить свою мысль только потому, что не видитъ предъ собою соотвѣтствующаго примѣра, которому онъ могъ бы подражать. Подра- жаніе—больѣ легкій способъ жизненнаго дѣйствованія вообще и болѣе соотвѣтствующій степени умственного развитія простого человѣка. А этихъ то примѣровъ и этихъ аналогій, на которыхъ можно было опи- раться, у хлыстовскихъ мыслителей и не было. Исторіи они не знали, реальная же дѣйствительность окружающей человѣческой жизни была чужда тѣхъ аномалій, которыхъ теоретически возводились ими въ прин- ципъ. Этихъ примѣровъ нужно было искать, объ этомъ нужно было еще ду- мать. И неразвитое сознаніе хлыстовскихъ мыслителей стало усиленно ра- ботать въ поискахъ этихъ аналогій. Въ пестромъ многообразіи жизненныхъ явленій ищущій хлыстовскій умъ вскорѣ подмѣтилъ одно явленіе, которое могло быть полезнымъ для него. Хлыстовскіе наблюдатели, живя и дѣйствуя въ обстановкѣ деревенскихъ условій, обратили свое вниманіе на скотъ, по отношенію къ которому уже съ давнихъ поръ практиковался способъ хирургического уничтоженія животной способности продолженія рода. Обративъ вниманіе на это явленіе, хлыстовскій умъ вскорѣ же при-зналь въ немъ ту аналогію, которая была необходима для осуществле-нія созданного имъ принципа. Хлыстовскіе мыслители взяли за обра-зецъ домашній скотъ, „который по легчаніи, блуда уже не творить“. Теперь оставалось только одно: продѣлать надъ человѣкомъ самый актъ оскопленія, теперь нужно только мужество сознательно подвер-гнуть себя физическому уродованію. Андрей Ивановъ Блохинъ первый показалъ примѣръ этого мужества.

Такъ просто и вполнѣ самобытно возникла и созрѣла въ про- стомъ умѣ крестьянина мысль объ оскопленіи, какъ единственno вѣр- номъ средствѣ избавиться отъ грѣха. Любопытно отмѣтить при этомъ, что мысль хлыстовскихъ мыслителей въ своихъ блужданіяхъ при решеніи вопроса о способѣ избавленія отъ главнаго грѣха отправлялась не отъ Священнаго Писанія; основаніемъ мысли о дѣйственности фи-

зического оскоплениі были не слово Божіе, а простыя жизненныя наблюденія, обыденные факты дѣйствительности. Тексты Священного Писанія стали приводиться скопцами въ подтверждение истинности своего ученія лишь впослѣдствіи.

Если теперь обратиться къ найденнымъ нами документамъ, то можно будетъ хронологически прослѣдить, хотя, конечно, только съ приблизительною точностью, этотъ процессъ возникновенія и назрѣванія мысли о физическомъ оскоплениі, какъ необходимомъ условіи достиженія спасенія. Въ многочисленныхъ допросахъ, произведенныхъ въ Духовномъ Правленіи, содержится немало указаній, могущихъ служить материаломъ для такихъ хронологическихъ вычислений. Но особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи можетъ имѣть допросъ самого основателя ереси—Андрея Иванова Блохина. На допросъ онъ показалъ слѣдующее.—

Рожденіе и воспитаніе его было въ вотчинѣ бывшаго генерала Степана Феодоровича Апраксина, въ селѣ Брасовѣ, Сѣвскаго уѣзда. Отъ рода ему тридцать лѣтъ. Какъ пришелъ въ возрастъ лѣтъ до четырнадцати, изъ того села Брасова бѣжалъ, но не упомнить, какого именно года, мѣсяца и числа, а только послѣ Николы вешняго. Уѣжавъ изъ Брасова, пришелъ въ мѣстечко Дмитріевку, гдѣ присталь къ двумъ нищимъ: слѣпой женщинѣ и бывшему при ней поводырю мужскаго пола, а какъ звать ихъ—онъ не знаетъ. Съ ними онъ, Блохинъ, отправился изъ Дмитріевки къ Коренной ярмаркѣ въ Курскѣ, гдѣ пробылъ до ея окончанія; а затѣмъ пошелъ съ тѣми же товарищами тоже на ярмарки въ Новосельскій, Бѣлевскій и Мценскій уѣзды. Такъ онъ скитался въ теченіе шести лѣтъ, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Переходя съ одного мѣста на другое, дошелъ до Полося и попалъ въ Козельскій уѣздъ, въ село Кудрявецъ. Здѣсь онъ пришелъ въ домъ крестьянина Мелентія Наумова, прося у него ночлега. Тотъ пріютіль его. Во время пребыванія въ домѣ Наумова, онъ, Блохинъ, въ разговорѣ съ хозяиномъ узналъ, что въ вотчинѣ генерала Сергѣя Михайлова Нарышкина, въ селѣ Троснѣ, Орловскаго уѣзда, есть учитель вѣры крестьянинъ Михайло Никулинъ, который де училъ всякаго къ нему приходящаго о томъ, какъ достигнуть живота вѣчнаго и спастись. Подъ вліяніемъ разговора съ Наумовымъ, Блохинъ возжелавъ спасеніе получить, отправился въ село Тросно, нашелъ здѣсь домъ Никулина и выпросился у него пожить, „для того наученія, какъ бы спастись.“ И живя здѣсь, слушалъ наставленія Никулина, который училъ, „чтобъ пива и вина не пить и грѣха тяжкаго не творить,—съ женами не спать,

по скачкамъ и по игрищамъ не ходить, матерно не браниться; оное де есть святое и праведное дѣло: молодцамъ не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, а женившимся съ женами плотски ие совокупляться, женамъ спать на ложѣ, а мужу на другомъ, чего де ради надлежить вся кому, хотящему спастися и пребывающему въ такой вѣрѣ, скопиться.“ Воспринявъ отъ Никулина это учение, оставилъ село Тросно и пришелъ въ деревню Богдановку, принадлежавшую полковнику Александру Александровичу Турчанинову, гдѣ остановился въ домѣ крестьянина Осипа Степанова, съ которымъ былъ знакомъ, какъ съ участникомъ хлыстовской ереси, когда тотъ бывалъ у Никулина на моленіяхъ. И здѣсь, въ избѣ, гдѣ происходили таковыя же моленія, самъ себя оскопилъ раскаленнымъ желѣзомъ, „самъ отжегъ тѣ тайные уды себѣ“, въ этой же избѣ онъ, Блохинъ, лежалъ послѣ оскопленія девять дней подъ присмотромъ того же Осипа Степанова, который зналъ, что Блохинъ оскопился.

Эти показанія Андрея Иванова Блохина даютъ возможность приблизительно въ такомъ видѣ установить хронологическую послѣдовательность главныхъ событий жизни основателя скопчества и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить развитіе основныхъ моментовъ происхожденія и развитія мысли о физическомъ оскопленіи.

Въ 1772 году, когда происходилъ допросъ Андрея Иванова Блохина, ему было 30 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ родился около 1742 года. Когда ему исполнилось 14 лѣтъ, т. е. около 1756 года, онъ бѣжалъ изъ родного села и началъ бродячую жизнь. Что заставило его бѣжать изъ родного села—точно неизвѣстно; но, кажется, что къ этому побудило его желаніе избавиться отъ рекрутскаго набора. Бродячая жизнь въ обществѣ „слѣпыхъ“, этихъ потомковъ „каликъ перехожихъ“, давала большую пищу его неразвитому уму и впервые поставила предъ нимъ вопросъ о личномъ спасеніи. Бродячая жизнь Блохина продолжалась шесть лѣтъ, т. е. до 1762 года. Въ 1763 году онъ попалъ въ село Кудрявецъ, Козельского уѣзда, Калужской губерніи и остановился у крестьянина Мелентія Наумова. Здѣсь мы видимъ Блохина уже въ качествѣ „ищущаго наученія“, вопросъ о спасеніи сталъ принимать у него, очевидно, острую форму. Какъ долго пробылъ Андрей Ивановъ Блохинъ у Наумова—сказать трудно. Но, вѣроятно, въ этомъ же году онъ оставилъ село Кудрявецъ и попалъ въ село Тросно. Въ этомъ послѣднемъ селѣ онъ пробылъ, несомнѣнно, довольно долго, такъ какъ ему нужно было научиться, какъ бы спастись, а для такого „учченія“ требовалось продолжительное время: ему нужно было не только

выслушивать наставлениі Никулина, но и принимать участіе въ молитвенныхъ собранияхъ хлыстовъ, каковыя собранія, по условіямъ того времени, происходили, конечно, рѣдко. У Никулина, вѣроятно, въ качествѣ работника Блохинъ жилъ не менше пяти лѣтъ. Здѣсь онъ окончательно сталъ хлыстомъ, здѣсь же впервые была воспринята имъ мысль о необходимости оскопленія. Отъ Никулина онъ ушелъ, вѣроятно, въ началѣ 1769 года и пришелъ въ Богдановку къ крестьянину Осилу Степанову, въ избѣ котораго вскорѣ же и оскопилъ себя.

Мысль о необходимости оскопленія, такимъ образомъ, была осуществлена въ 1769 году. Съ этого именно года и нужно начинать исторію скопчества, какъ ереси.

Устанавливаемая нами дата начала скопческой ереси находитъ себѣ подтвержденіе и въ прямыхъ указаніяхъ, заключающихся въ найденныхъ нами документахъ. Въ „краткомъ экстрактѣ изъ дѣла о нѣкоторой новаго рода ерсії“, составленномъ Комиссіей полковника Волкова говорится, между прочимъ: „скопление же началось тому нынѣ четвертый годъ“. Въ „экстрактѣ“ же, составленномъ самимъ Волковымъ и представленнымъ имъ Государынѣ Императрицѣ, мы находимъ болѣе точное опредѣленіе даты возникновенія скопчества. Здѣсь мы читаемъ: „что жъ принадлежить до оскопленія, то онаго у сихъ раскольниковъ до 1769 года въ употребленіи совсѣмъ не было; хотя всегда почитали они за весьма святое и праведное дѣло, чтобы холостые не женились, дѣвки не ходили замужъ; а женившіеся съ женами своими жили порознь, пребывая всегда дѣственниками и дѣственницами. А въ томъ году Сѣвскаго уѣзда, села Brasova, вотчины покойнаго генералъ-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина бѣглый крестьянинъ Андрей Блохинъ первый, чтобы пребыть отъ плотскаго вождѣленія на-всегда свободнымъ, самъ себя, не сказавъ о томъ никому, раскален-нымъ желѣзомъ оскопилъ.“ *)

III.

У Андрея Иванова Блохина, какъ мы уже видѣли, былъ близ-кій „товарищъ“ Кондратій Никифоровъ. Этотъ Кондратій Никифоровъ и есть тотъ Кондратій Селивановъ, котораго теперь обычно называютъ основателемъ скопческой ереси.

*) Дѣла Прав. Сената по I Департаменту, кн. № 361/3932, л. 57, об.

Кондратій Никифоровъ былъ бѣглымъ крестьяниномъ вотчины князей Кантемировъ, Сѣвскаго уѣзда, села Столбища. Родился онъ въ 1742 году. Отца Кондратія звали Никифоръ; слѣдовательно, название его Никифоровымъ есть его отчество, но не фамилія. Въ 1757 году онъ бѣжалъ изъ Столбища вѣроятно по той же причинѣ, какъ и Андрей Ивановъ Блохинъ. Соединившись съ Андреемъ Блохинымъ, вѣроятно, въ Дмитріевкѣ, Кондратій съ этихъ поръ начинаетъ такую же бродячую жизнь и испытываетъ такія же переживанія, какъ и Андрей Блохинъ.

Когда Кондратій Никифоровъ узналъ, что Андрей Блохинъ оскошилъ себя, то и онъ, взявъ также желѣзо, сталъ скопляться, „только отъ робости самъ уды свои отжечь не могъ“. Довести до конца болѣзненную операцию помогъ ему Андрей Блохинъ, который „то увидѣлъ и, взявъ желѣзо, раскаля въ печи, тѣ его уды отжегъ“.

Оскопившись, Кондратій Никифоровъ начинаетъ дѣятельную пропаганду новаго ученія. И въ эту раннѣйшую пору существованія скопчества онъ играетъ такую же роль, какъ и Андрей Блохинъ. Андрей Блохинъ и Кондратій Никифоровъ—были тѣми двумя „мастерами“, отъ которыхъ скопчество широкой волной стало распространяться въ предѣлахъ нынѣшихъ губерній: Орловской, Калужской, Тульской и Тамбовской.

Въ 1772 году Андрей Ивановъ Блохинъ былъ пойманъ въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ однодворца Тимофея Жиронкина и приведенъ въ Орловское Духовное Правленіе для допроса. Но Кондратій Никифоровъ былъ, очевидно, хитрѣй Блохина. Слѣдственной власти не удалось схватить его на этотъ разъ, несмотря на весьма дѣятельные поиски его.

Въ руки правительственной власти онъ попадаетъ лишь въ 1775 году, когда, по доносу священниковъ села Сосновки Герасима Лазарева и Ивана Емельянова, возникаетъ второе слѣдственное дѣло о скопцахъ.

Если Андрея Иванова Блохина должно называть фактическимъ основателемъ скопчества, то Кондратія Никифорова по всей справедливости нужно считать теоретическимъ идеологомъ скопческой ереси, ея организаторомъ, придавшимъ ей характеръ самостоятельного религиозно-изувѣрского сообщества.

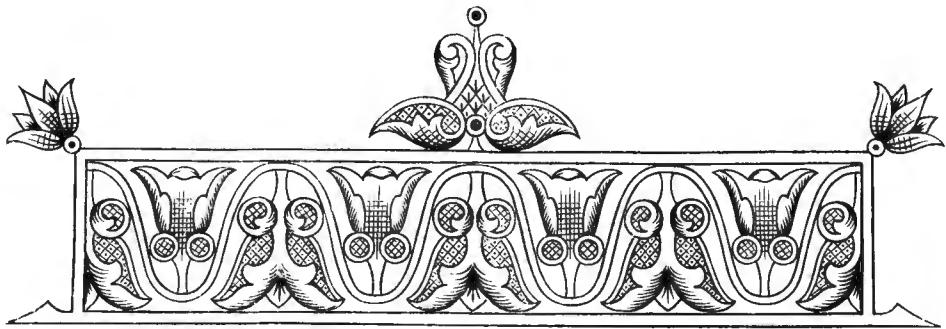
Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ подробными свѣдѣніями, относящимися именно къ этой сторонѣ его дѣятельности. Намъ удалось

найти только одинъ документъ, который проливаетъ небольшой свѣтъ на этотъ вопросъ. 18 іюня 1775 года Св. Синодъ препроводилъ Правительствующему Сенату доношеніе Тамбовскаго епископа Феодосія, въ которомъ этотъ послѣдній увѣдомлялъ Синодъ, что въ селѣ Сосновкѣ появилось новое суевѣріе, состоящее въ томъ, что въ сказанномъ селѣ многіе люди собираются по ночамъ въ домъ къ дворцовому крестьянину Сафону Попову, гдѣ называющійся Кіевскій затворникъ читаетъ яко бы къ пользѣ душевной вечерю..., учить, чтобы воздержаться отъ пьянства, отъ блуда и плотскихъ страстей и съ женами тѣлеснаго совокупленія не имѣть. А послѣ ученія поетъ псалмы. Затворника того называютъ батюшкой и милымъ отцомъ и кланяются ему перекрестясь, цѣлуютъ у него руки, а онъ, будучи раздѣтъ и нагой, въ одной долгой рубашкѣ, подпоясанный сидить въ переднемъ углу подъ образами, предъ которыми горятъ по три свѣчи, а передъ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти читаетъ его сочиненія. А послѣ онъ затворникъ, вставъ, ходить посреди ихъ, вертаясь по солнцу кругомъ, за коимъ и всѣ собранные ходятъ. Кто же къ нимъ пристанетъ въ ихъ суевѣріе, того приводятъ къ тому затворнику, сидящему впереди, а онъ, взявъ отъ образовъ крестъ, приходитъ къ оному, а приведенный поклоняется ему, перекрестясь, въ ноги и цѣлуетъ руки. И посидѣвъ до полуночи, расходятся по домамъ.

„Онъ же, затворникъ, поучая и толкуя имъ вышепредписанное напечатанное о обрѣзаніи плоти, всѣхъ находящихся въ ихъ вѣроученіи мужчинъ для воздержанія о нетвореніи блуда и неимѣніи съ женами совокупленія, обрѣзываетъ у нихъ незнаемо какимъ инструментомъ совсѣмъ тайные уды“.

Какъ видно, Кондратій Никифоровъ уже и въ этотъ раннѣйшій періодъ исторіи скопчества старался обосновать свое ученіе теоретическими соображеніями, доказать справедливость его книжными доводами. Но этого мало. Кондратій не довольствуется только печатными произведеніями, въ которыхъ онъ черпаетъ нужныя ему доказательства, онъ составляетъ свои собственные сочиненія. Уже и въ этотъ періодъ Кондратій начинаетъ употреблять тѣ пріемы, которые такъ импонировали на его приверженцевъ впослѣдствіи. Его торжественное сидѣніе въ переднемъ углу, чтеніе его сочиненій мальчикомъ—все это, очевидно, начальные элементы въ развитіи того образа поведенія, который былъ присущъ ему въ эпоху его прославленія.

Н. Г. Высоцкій.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ.

Какъ извѣстно, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ возбужденъ нынѣ вопросъ о преобразованіи городской полиції. Въ виду этого, полагаю умѣстнымъ къ случаю сообщить на страницахъ исторического изданія иѣкоторыя данныя о прошломъ состояніи ея, заимствованныя мною изъ Оренбургскаго центрального архива.

И теперь, и въ былое время также, полицейскій вопросъ былъ у насъ самыи болыи мѣстомъ, благодаря, какъ можно думать, вѣками укоренившемуся положенію, при которомъ чины полиціи не могли „жить по средствамъ“, вслѣдствіе мизерности получаемыхъ ими окладовъ; и потому еще, что на нихъ возлагались такія обязанности, которыя давали имъ орудіе для полученія не „безгрѣшныхъ“ доходовъ. Сто лѣтъ назадъ полиція была полной хозяйствкой городовъ: не только „правила“ ими, но „и судила, и рядали“ ихъ.

Однако могли еще существовать безбѣдно чины ея отъ подачекъ „доброхотныхъ дателей“ и на получаемое жалованье при тогдашней дешевизнѣ предметовъ первой необходимости въ центральныхъ поселеніяхъ Россіи, гдѣ была развита торговля и промышленность. Не то замѣчалось на окраинахъ, особенно въ пограничныхъ городахъ, гдѣ преобладалъ военный элементъ, отъ которого мало чѣмъ можно было поживиться.

Въ началѣ прошлаго столѣтія такимъ поселенiemъ былъ отдаленій Оренбургъ, резиденція тамошняго военного губернатора и центръ управлениія обширнымъ краемъ, въ составѣ коего входили тогда нынѣшнія губерніи Оренбургская, Уфимская, часть Самарской и области Тургайская и Уральская. Въ 1803 году въ немъ насчитывалось 1281

дворъ съ 5 тыс. жителей, *) раздѣленныхъ по управлению, на три полицейскія части, изъ коихъ собственно городъ составляли первыя двѣ съ 844 домами въ 6 кварталовъ. Прочие же 437 дворовъ находились въ Казачьемъ предмѣстїи, „Форштадтѣ“, имѣвшемъ отдаленную часть въ 3 квартала.

Когда въ другихъ городахъ Россіи, согласно сенатскому указу отъ 29 декабря 1797 года, полиціей управляли городничіе, здѣсь „по Высочайше опробованному 31 декабря 1796 года о губерніяхъ штату“, его замѣнялъ полицеймейстеръ съ жалованьемъ 300 руб. въ годъ. Съ нимъ „засѣдали“ два пристава: одинъ „уголовныхъ“, другой—„гражданскихъ дѣлъ“ съ содержаніемъ въ 200 руб. каждому. Кроме того, было два „ратмана магистратскихъ“, не получавшихъ, повидимому, опредѣленного (окладного) вознагражденія, почему въ полицейской вѣдомости 1803 г. содержаніе имъ не обозначено. Для производства „письменныхъ дѣлъ“ состоялъ „секретарь“ съ 200 руб. жалованьемъ и трое писарей—по 130 руб. каждому.

Городскіе участки находились въ завѣдываніи „частныхъ приставовъ“ по одному на каждый, которые получали въ годъ по 150 руб.. На обѣ части былъ одинъ „словесный судья“, трудъ коего вознаграждался 80 руб. „Маклеровъ“ (замѣнявшихъ нынѣшнихъ нотаріусовъ) считалось по штату два (по одному на часть), съ такимъ же содержаніемъ, какое выдавалось судью. Кроме того, при каждомъ участкѣ полагалось быть по одному „огнегасительному“ и одному „трубочистному“ мастеру, изъ коихъ первые получали по 100 руб., послѣдніе по 15 р. въ годъ.

„Квартальныхъ надзирателей“ (что нынѣ околодочные) было шесть, получавшихъ по 125 руб. каждый. При нихъ находилось столько же „сотскихъ“ съ 30 руб. жалованьемъ. „Десятковъ“ опредѣлялись по одному на 70 дворовъ, всѣхъ—12-ть, и имъ отпускалось по 20 руб. жалованья. „Полицейскихъ служителей“ (очевидно нынѣшніе городовые) отъ 15 дворовъ по одному,—было 54 человѣка, коимъ содержанія опредѣленного не полагалось. Наконецъ, существовалъ еще разрядъ нижнихъ чиновъ „ночные сторожа“ по одному на кварталъ (всего шесть), съ жалованьемъ 20 руб. на годъ каждому.

*) Въ 1824 г. было тамъ 1327 домовъ съ 5302 жит. об. п., т. е. за 21 годъ прибавилось лишь 46 дворовъ; по 2 въ годъ. Такъ медленно развивалась въ немъ жизнь.

Въ предмѣстьѣ города Форштадтъ отправляли полицейскую повинность, видимо, казаки „по обязанности“, за службу. Должность частнаго пристава тамъ исполнялъ отставной казачій чиновникъ. Прочіе чины—трубочистный мастеръ, трое квартальныхъ, столько же сотскихъ и ночныхъ сторожей, 6 десятниковъ и 29 полицейскихъ служителей—также были изъ казаковъ, и содержались на счетъ суммъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Несмотря на то, что содержаніе прочихъ (102) чиновъ полиції обходилось городу въ 3350 руб. за годъ, а ежедневный нарядъ въ первыхъ двухъ частяхъ не превышалъ въ обычное время одного сотскаго, 4 десятниковъ и 12 нижнихъ служителей, изъ коихъ шесть для караула, а остальные—для посылокъ,—однако охотниковъ служить въ ней было мало, вслѣдствіе ограниченности вознагражденія, которое къ тому же выдавалось крайне неаккуратно, за недостаткомъ городскихъ средствъ.*)

Какъ доносилъ 28 Іюля 1803 года Оренбургскій комендантъ ген.-м. Барщовъ Министру внутр. дѣлъ гр. Кочубею, полиція въ то время содержалась на деньги собираемыя съ жителей по „раскладкѣ“ (неизвѣстно только въ какомъ размѣрѣ). Сборъ этихъ денегъ губернское правленіе поручало производить самой же полиції. Но она въ сборѣ этомъ успѣха не имѣла, „поселику жители большею частію состояли, исключая въ дѣйствительной службѣ находящихся, изъ отставныхъ солдатъ, казаковъ и другого званія, не имѣющихъ ничего болѣе у себя, какъ пристанище одно въ небольшомъ домишкѣ либо обеташомъ, или же въ землянкѣ. Купечества же и мѣщанъ, такихъ, кои бы нѣсколько были позажиточнѣе, равно и дворянъ, имѣвшихъ дома, было весьма мало“.

Поэтому въ 1800 году Оренбургскій военный губернаторъ ген.-м. Бахметьевъ „принужденъ былъ за счетъ Магистрата выдать въ жалованіе полиції 1200 руб. изъ суммъ пограничной комиссіи“, а въ 1803 г. было позаимствовано оттуда для той же цѣли еще 2200 руб., лишь бы „удержать полицейскихъ чиновниковъ на мѣстахъ нынѣшняго ихъ служенія, ибо все они,—говорилъ Барщовъ,—по неимуществу, не въ силахъ далѣе содержать себя собственнымъ коштомъ“.

---

* Средства города были столь незначительны, что не было заведено даже необходимыхъ пожарныхъ инструментовъ и лошадей для возки ихъ.

Вслѣдствіе этого, съ самаго существованія въ Оренбургѣ полиціи, „оная не имѣла полнаго числа чиновниковъ, по штату положенныхъ“¹⁾. Между тѣмъ, „по мѣстному положенію города и по стечению народному въ лѣтнее время для торговли, а зимою во время поставки въ магазины провіанта и перевозки по городамъ соли,“—даже положенное штатомъ количество чиновниковъ и полицейскихъ служителей, какъ и на содержаніе ихъ опредѣленная сумма были „весьма умѣрены“.

Такія же жалобы доходили въ министерство и отъ другихъ губернскихъ начальствъ. Почему гр. Кочубей и предложилъ Оренбургскому военному губернатору составить новый штатъ полиціи по г. Оренбургу, разославъ почти одновременно съ этимъ (14 Іюля 1803 г.), начальникамъ губерній особые циркуляры, въ которыхъ, признавая необходимымъ измѣнить существующій полицейскій строй, примѣняясь однако къ изданному 14 Мая 1799 года положенію, онъ полагалъ необходимымъ учредить новые штаты ея и въ другихъ „губернскихъ и тѣхъ уѣздныхъ городахъ, где бываетъ нарочитое и продолжительное стеченіе людей, торговля или важное число жителей“, оставивъ полицію въ прочихъ „при одномъ городничемъ“.

„Дабы не обременять жителей налогами“, по проекту, она должна была „состоять на городскомъ иждивеніи“, согласно Высочайше утвержденному для г. Казани штату. Графъ потребовалъ отъ губернаторовъ, чтобы они приказали нынѣ же включить въ городскія смѣты особая статьи расхода на ея содержаніе, а именно: на жалованье по штату, на провіантъ и обмунировку команды, на фуражъ и ремонтъ лошадиамъ, на содержаніе огнегасительныхъ инструментовъ, на дрова и свѣчи.

Съ тѣхъ поръ и до сего времени полиція содержится на городскіе доходы.

П. Юдинъ.

Матерьялы¹⁾.

Милостивый Государь

Александръ Александровичъ!²⁾

По секрету.

Здѣшняго намѣстничества³⁾ Карсунской округи крестьяне села Большихъ Березняковъ съ другими деревнями владенія господина статского совѣтника и кавалера Андреяна Андреяновича Лопухина, душъ болѣе двухъ тысячъ, по внушеннымъ лжевыми сламъ ихъ же крестья-

¹⁾ Печатается съ сохраненіемъ правописанія оригиналовъ

²⁾ Ген.-поруч. А. А. Пеутлинъ, правившій Уфимскимъ намѣстничествомъ.

³⁾ Симбирскаго.

ниномъ по имяни Иваномъ Кутыркинымъ, котораго они съ мирскаго приговору прошедшю зимою посыпали о себѣ ходатайствовать въ Санктъ-Петербургъ: открыли всеобщее непослушаніе—управляющему вотчиною, и взявъ въ голову, что они не принадлежать помянутому господину статскому совѣтнику Лопухину, а вѣдомству коронному, съ упорствомъ и грубостю отвергли всѣ доказательства, какіе тамошній нижній земскій судь имъ всенародно дѣлалъ. По неуспѣхамъ онаго, посланъ отъ меня былъ намѣстническаго правленія совѣтникъ съ нѣкоторыми чинами со стороны военнослужащихъ здѣсь; но и сей по употребленіи чрезъ нѣкоторое время всѣхъ благоразумнѣйшихъ увѣщаній, принужденъ былъ оставить ихъ въ томъ непреклонномъ и упорномъ отверженіи, въ каковомъ они были до того, и возвратиться сюда. Въ слѣдъ господина Совѣтника Правленія, пришли отъ нихъ изъ онаго села Большихъ Березниковъ ко мнѣ человѣкъ до пятнадцати, дабы услышать собственно мое предложеніе; которымъ не оставилъ я разтолковать всего того, что толко слѣдовало, со стороны высочайшихъ законовъ моего хозяйственнаго обѣй нихъ, какъ и о другихъ, въ губерніи живущихъ попеченія, ползы отъ послушанія и вреда отъ непокорности ихъ имъ воспослѣдовать могущаго. Казалось, сіе довольно дѣйствителынъ;—посланные оные пятнадцать человѣкъ возвратились въ свои дома съ обещаніемъ и намереніемъ увѣрить миръ, что все мятеожникомъ Кутыркинымъ имъ внушенное, есть ложь, дѣлающая всѣхъ ихъ виновными.— Но изъ послѣдняго на сихъ дніяхъ карсунскаго нижнаго земскаго суда рапорта усматриваю я, что они остались въ мнѣніи своемъ непремѣнны. Мятежа и буйствъ не оказываются, но совершило не послушны своему управителю и осмидесяти семьямъ, которые съ ними не согласны и въ надлежащемъ пребываютъ повиновеніи, дѣлаются всякия оскорблениіи и обиды.

По важности таковаго произшествія, отправляюся я на сихъ дніяхъ самъ въ вышеписанное мѣсто: но какъ духъ не покоривости въ томъ многочисленномъ народѣ, не всегда удобно смягчить увещаніями, и страхъ воинской команды болѣе можетъ быть действителенъ: то я прошу у вашего высокопревосходительства помощи, яко сосѣдственнаго начальника такой губерніи, где въ диспозиціи вашей существуютъ войска, какъ регулярные, такъ и не регулярные; больше не потребно хоть изъ сихъ послѣднихъ человѣкъ триста, по надлежащему вооруженныхъ и, если возможно, самаго того новосформированаго казачьего полку, отъ котораго прошлаго лѣта были две сотни въ здѣшнюю губернію для искорененія воровъ и разбойниковъ отдѣлены.— Не утруждай бы я ваше высокопревосходительство сею прозбою, если бы возможно было спра-

вится здешними воинскими командами; но они всѣ, какъ гарнизонный батальонъ, такъ и штатные команды, въ такомъ великомъ не комплектѣ, что за самонеобходимѣйшими расходами, неизя отдалить изъ нихъ для того употребленія ни малой части; и такъ повторяя за симъ прозбу мою о преподаніи мнѣ безъ замедленія сей нужной помощи и увѣдомленій меня, что по сему учинить изволитѣ, имѣю честь, впрочемъ, ваше высокопревосходительство извѣстить, что я съ первою почтою намѣренъ обо всемъ ономъ всеподданнѣйше донести Ея Императорскому Величеству и правительствующему сенату.

Пребываю впрочемъ съ непременнымъ высокопочитаніемъ и искренностью

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

покорнейшій слуга

№ 230.

Александръ Карповъ*).

Мая 11, 1792.

Симбирскъ.

Получено апреля 3 дня, 1784 г.

Милостивый государь мой Александръ Александровичъ!

Письмомъ ваше превосходительство уведомляя меня, что въ слѣдствіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, даннаго вамъ въ 14-й день Іюля прошедшаго 1793-го года, употреблено наотправлѣніе въ хиву маюра Бланкеннагеля съ свитою, для леченія тамошнему владетелю фазылъ Беку глазной болезни, изъ пограничной суммы приоренбургской экспедиціи имѣющеїся четыре тысячи девятьсотъ двадцать девять рублей тридцать пять копѣекъ, просили дабы я о возвратѣ оныхъ попрежнему эту сумму сдѣлалъ кому слѣдуетъ предписаніе; но какъ съ упоминаемаго вами высочайшаго узала копіи комиѣ притомъ недоставлено, да и по выправкѣ вправительствующемъ сенатъ—куда поустановленному порядку отвсехъ мѣсть и особъ совсѣхъ даваемыхъ высочайшихъ указовъ копіи присылаются. таковой въ полученіи неоказалось, а безъ того и къ возврату требуемыхъ вами денегъ приступить я немогу, въ разсужденіи чего и прошу покорно васъ милостиваго государя моего. дабы вы съ упоминаемаго высочайшаго указа, по коему употреблѣны означенные четыре тысячи девятьсотъ

* Симбирскій губернаторъ.

дватцать девять рублей трицать пять копѣекъ для разрешенія вашего требованія, доставили комнѣ копію, причемъ несумнѣвается что и впредь въ избѣжаніи въ подобныхъ случаяхъ затрудненія изволите ваше превосходительство притаковыхъ требованіяхъ доставлять комнѣ засвидѣтельствованныя копіи, съ получаемыхъ вами высочайшихъ указовъ. Въпрочемъ пребываю съ непременнымъ почтеніемъ и преданностю.

Вашего превосходительства

Милостиваго Государя моего

Покорный слуга

Марта 8-го дня
1784 года.

Александъ Вышковъ.

Его Превосходительству Пеутлину.

Дупликатъ.

Милостивый Государь Мой Сергій Козмич.*)

По письму Вашего Превосходительства отъ 15-го минувшаго Іюля, которое представлено было на Высочайшее усмотреніе, Ея Императорское Величество указать соизволила привезенный Братомъ Бухарскаго Посланника Банкшіева вѣщи камню—лазури двадцать восемь пудъ и жемчугу натурального три зерна вѣсомъ въ четыре три осмыхъ золотника отправить сюда въ слѣдъ за симъ посланникомъ съ упоминаемымъ въ томъ письмѣ вашемъ свиты его чиновникомъ на казенномъ иждивеніи, заимствую потребныя на то деньги изъ суммы определенной на расходы оренбургской экспедиціи пограничныхъ дѣлъ. О чёмъ сообщая вамъ Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Превосходительства

Покорный слуга

Иванъ Остерманъ.

Въ Санктпетербургѣ
Августа 12, 1796-го года.

Въ креп. омской получено 7 мар. 1801 г.

Милостивый Государь мой Николай Иванович!

По отношенію моему. ученному къ Его Сіятельству Господину Дѣйствительному Тайному Советнику Графу Федору Васильевичу Ра-

*) Вязьмитиновъ, Оренбургскій военный губернаторъ.

стопчину, въ слѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго вашему Превосходительству во 2-й день минувшаго Декабря мѣсяца, касательно Киргисцовъ, получилъ я отъ Его Сиятельства отзывъ въ разсужденіи Пенсіона, опредѣленнаго Нураги Хана дочери Тойнарѣ, женѣ Коллежскаго Ассесора Хаджи Нуръ Мухамеда Абзелилева, бывшей при высочайшемъ Его Величества дворѣ въ 1799 году, по двѣсти рублей въ годъ, что онай пенсіонъ какъ у людей, оставившихъ вовсе свою родину и посслившихся въ Оренбургѣ, коимъ тамъ по высочайшему соизволѣнію и земли для скотоводства отведены, остановленъ быть недолженъ. По чѣму давъ знать о таковомъ отзывѣ Оренбургской Казенной Палатѣ, а по основанію онаго предписать ей, дабы она выдачу сего остановленнаго Пенсіона продолжала по прежнему, поставляю за нужное увѣдомить о семъ и вѣсть Милостивый Государь мой.—А какъ сверхъ тѣхъ пенсіоновъ, Киргизскимъ старшинамъ, о которыхъ увѣдомилъ я ваше Превосходительство въ письмѣ моемъ отъ 12 прошедшаго Декабря, назначается къ произведенію по Оренбургской Губерніи по Имянному Указу отъ 30 Маія 1793 года, менѣшай Киргискайсацкой орды Султану Секунду Майору Ширгазѣ, на содержаніе доколѣ онъ останется въ службѣ по 2000-ру. въ годъ; то для падлежащаго по основанію вышепомянутаго высочайшаго Указа вашему Превосходительству даннаго, соображенія и рѣшенія о сей выдачѣ прошу покорно увѣдомить меня, находится ли нынѣ помянутый Султанъ Ширгаза въ службѣ и въ какомъ званіи, и не получаетъ ли онъ сверхъ сего назначенаго ему содержанія, особыго по службѣ жалованья, съ присовокупленіемъ вашего мнѣнія, не слѣдуетъ ли и у него описанное опредѣленное ему содержаніе по 2000 р. въ годъ, по основанію Высочайшаго Указа вамъ даннаго быть выдачѣю остановлено.—Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ всегда,

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя моего

Покорнѣйший слуга

Гавріилъ Державинъ.

Генваря 37-го дня.

1801 Года.

Его Пр-ву Лаврову.

Милостивый Государь мой Николай Николаевич!

По высочайшему Его Императорского Величества соизволению возвращая къ вамъ подателя сего Оренбургскаго казачьяго войска сотника Лысова 2-го, купно съ урядникомъ тогожь войска Соколовымъ и Капраломъ Карабельщиковымъ, да 1-го Тептерскаго полку съ Капраломъ Сагитомъ Яфоровымъ и двумя тогожь полку казаками Бигбемъ Бигбевымъ и Абдулъ Рахить Абдулъ Салимовымъ командированный вашимъ превосходительствомъ для препровождениі къ высочайшему Государю Императора двору трехъ жеребцовъ, купленныхъ въ Бухаріи Армяниномъ Кирбевымъ и сюда благополучно доставленныхъ, за долгъ мой поставляю васъ, Милостивый Государь мой, увѣдомить, что при семъ обратномъ ихъ къ вамъ отправлениі выдано помянутому сотнику Лысову для всѣхъ ихъ шестерыхъ на прогоны до Оренбурга и на платежъ пошлии съ подорожной на шесть лошадей 410 р. и имть по рукамъ роздано отъ всемилостивѣйшихъ щедротъ въ награжденіе и насодержаніе въ пути помянутому сотнику 80 р., уряднику Соколову 50 р., Капраламъ: Корабельщику и Яфорову по 40 р. каждому, да двумъ Тептерскаго полку вышеозначеннымъ казакамъ по 30 р. каждому, а всего шесть сотъ восемдесять рублей, о чемъ сообщая за извѣстие, и всѣхъ ихъ какъ добрыхъ и исправныхъ людей препоручая по прежнему въ милостивое ваше начальство и благопризрѣніе съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Сергѣй Каширинъ.

Въ Санктпетербургѣ, Маія 31-го дня 1801 года. Его Пр-у Бахметьеву (Оренб. воен. губернатору).

Милостивый Государь мой Николай Николаевич!

По содержанію письма моего къ вашему Превосходительству отъ 22-го минувшаго Июня препровождая при семъ тысячу рублей, выданнаго вами взаимообразно въ Оренбургѣ Армянину Кирбеву на содер-

жаніе въ пути до Санктпетербурга трехъ жеребцовъ, купленныхъ имъ въ Бухаріи и ко двору Его Императорскаго Величества представленныхъ, покорно прошу, пополученіи сихъ денегъ, взятую съ него въ оныхъ росписку ко мнѣ доставить для возврещенія.—А какъ онъ же Кирѣевъ на покупку тѣхъ жеребцовъ занялъ въ Бухаріи у тамошняго жителя Халвекса Байкишіева Бухарскою монетою двести червонныхъ, о коихъ сей бухарецъ для взысканія и ко мнѣ писаль, то я истребовавъ отъ него Кирѣева триста Голланскихъ червонныхъ, кои суммою равны выше означенному числу бухарскихъ, и оные при семъ препровождаю, и прошу для удовлетворенія приказать отдать ихъ съ роспискою помянутому Бухарцу Халвексу, буде онъ въ Оренбургѣ. Есть ли же его тамъ нѣтъ, то отдать съ роспискою жъ по его довѣренности кому принять ихъ поручено будетъ, и ту росписку равномѣрно доставить для пріобщенія къ дѣлу.

И въ заключеніи зная добрую вашу душу съ удовольствіемъ увѣдомляю ваше Превосходительство что командированные ваши къ препровожденію оныхъ жеребцовъ чиновники, кои давно уже и обратно къ вамъ отправлены, по представлению моему высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ всѣ жалованы слѣдующими чинами, о чемъ надѣюсь уже и сообщено вамъ отъ Государственной Военной Коллегіи, съ чемъ и можете ихъ отъ себя поздравить. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Сергѣй Кашкаревъ.

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 25 дня 1801 года. Его Пр. Бахметьеву.

Манифестъ объ армянской торговлѣ.

Божію милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая и прочая и прочая.

Нашему Оренбургскому Губернатору Тайному Советнику Князю Путятину. *)

Въ Нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ оть 14 Октября 1766 года представили вы, что, хотя при ежегодномъ начатіи въ Оренбургѣ ярмарки, прѣѣзжающимъ на торгъ Азіатскимъ купцамъ объявляется и подтверждается, вѣсть себя въ Оренбургѣ при торгу честно и порядочно, и ничегобъ предосудительного здѣшнимъ законамъ не дѣлать, но оные не смотря на то, лѣта уже по два по три, на многія продержности отваживаются, а минувшаго года лѣтомъ, не только неоднократно пойманы и обличены были въ покупкѣ и препровожденіи въ свою сторону запрещенного указами изъ Сената ружья, да нѣсколько человѣкъ и людей здѣшнихъ, обольстя и подманя, съ собою тайно увезли.

Но какимъ образомъ въ отвращеніи ихъ оть того, такъ же и въ наказаніи поступать, ни откуда вы наставлениа не имѣете по пунктамъ же, въ Камерцѣ Коллегіи сочиненнымъ и Сенатомъ опробованнымъ, постановлено въ разсужденіи невѣжества и неискусства азіатцовъ всегда при погрѣшностяхъ ихъ поступать снисходительно, дабы тѣмъ въ желаемомъ разширеніи Коммерціи не причинить помѣшательства и не отлучить Азіанъ вовсе отъ Оренбургскаго торга, но паче придать имъ къ тому торгу вящую охоту.

А по Вашему мнѣнію надлежить имъ кромѣ взысканія таковыхъ увозимыхъ ими здѣшнихъ людей въ совершенное ихъ оть того воздержаніе чинить и наказаніе, по мѣрѣ преступленія ихъ, равно какъ здѣшнимъ подданнымъ чинится, о чёмъ вы испрашиваете резолюціи.

Таковое ваше представленіе признается и здѣсь совершенно основательнымъ.

При всемъ желаемомъ распространеніи и умноженіи въ Оренбургѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ съ Азіанами торгу, не пристойно однакожъ сносить производимая отъ нихъ продержности.

Предписанное и оть Камерцѣ Коллегіи правило чтобъ при погрѣшностяхъ ихъ принимать въ уваженіе ихъ грубость и поступать съ ними снисходительно, такъ же не исключаетъ ихъ вовсе отъ всякаго наказанія.

*) Авраамъ Артемьевичъ. Съ 1766—1768.

Когда во всемъ прочемъ будеть съ ними поступаемо справедливо и съ нѣкоторою ласковостію, то конечно не будеть причины сомнѣваться о удаленіи ихъ отъ тамошняго торгу и причинимомъ за преступленія изобличаемымъ въ томъ изъ нихъ наказаніи.

Польза отъ тамошней Комерціи для здѣшней и для ихъ стороны равномѣрная и взаимная, потому несмотря на опасность и препятствія, почти ежегодно отъ Киргизкайсакъ въ проѣздахъ Азіатскимъ караванамъ яносимыя, не было со всѣмъ тѣмъ такого года, въ которой много или мало Азіанъ къ Оренбургъ или въ Троицкую крѣпость для торгу не былобъ и въ прїездѣ.

Вы можете такимъ образомъ по собственному Вашему разсмотрѣнію за прорѣзости ихъ безъ всякаго сомнѣнія и наказывать, больше или меньше по важности вины, но какъ они подлинно люди грубые и невѣжды, то и при томъ по предписанію уже и отъ Комерцъ Коллегіи, съ апробацией Нашего Сената учиненному, такое ихъ состояніе въ нѣкоторомъ разсужденіи имѣть надобно.

Выключаются однако изъ того, которыя будуть изобличены въ увозѣ здѣшнихъ людей, а послѣ паки случатся къ здѣшнимъ границиамъ въ прїездѣ, таковыхъ, а въ не бытность ихъ самихъ, товарищей ихъ по тѣхъ поръ, пока оные люди назадъ не поставятся, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и обстоятельно окаждомъ такомъ случаѣ сюда доносить, чтобы наказаніе ихъ яко настоящихъ злодѣевъ, завися отъ здѣшней резолюціи, могло уже по всей надлежашей строгости распоряжено быть.

Мѣжду тѣмъ и впредь при началѣ каждого года ярманки, Азіатскими купцами объявлять, и подтверждать должно, чего они остереются имѣть, дабы тѣмъ больше всегда и основанія было, не упускать оказывающимся изъ нихъ въ какихъ либо не порядкахъ, равно какъ и при всякомъ чинимъ наказаніи, всѣмъ прочимъ прилагающимся тогда Азіанамъ должно изъяснять, за что оное дѣлается, чтобы они видѣли здѣшнюю справедливость, и слѣдовательно на то и не готовить не могли.

Данъ въ С. Петербургѣ, 25 января 1767 года

по Ея Императорскаго Величества указу.

Подписали: Н. Панинъ и К. А. Голицынъ.

Вѣрно: Коллежскій Регистраторъ М. Яченевъ.

Копія.

Графъ Александръ Николаевичъ! По прошенію хана средней киргизь кайсацкой Орды Вали съ прибывшими отъ него сюда депутатами присланнымъ относительно получаемаго имъ жалованья, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему сіе жалованье въ томъ количествѣ, какое получали ханы меньшой Киргизской орды Нурали и Ерали, и имянно съ прибавкою къ нынѣ получаемымъ имъ Вали тремъ стамъ рублеймъ, еще трехъ же сотъ рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей въ годъ, изъ общихъ государственныхъ доходовъ, начиная съ начала нынѣшняго года, но съ тѣмъ, что бы слѣдя правилу, какое по волѣ нашей въ производствѣ такового жалованья упомянутому въ меньшой киргизь-кайсацкой ордѣ хану Ерали наблюдено было, и означенному хану вами для всегдашняго удержанія Его въ должномъ къ начальству здѣшнему повиновеніи, производимо было въ число того жалованья въ первую половину каждого года по три ста рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей, достальныя же по три ста рублей по истечениіи года не иначѣ, какъ ежели онъ Вали въ поступкахъ своихъ будетъ себя располагать соотвѣтственно званію его и вѣрноподданническому къ службѣ нашей долгу не нарушая ни мало присяги, и естьли онъ киргизцовъ ему подвластныхъ отъ своеольствія, какія отъ нихъ происходятъ иногда и по границамъ удерживать будетъ, отыскивая и наказывая при томъ согласное повѣденіе съ пограничными начальниками тамошняго края въ исполненіи требованій ихъ по службѣ нашей, что и предоставить на разсмотреніе командующаго сибирскими линіями по сношенію его съ главнымъ начальникомъ уфимской губерніи, которымъ обо всемъ ономъ и не оставите сообщить, учина сверхъ того и Хану Вали отъ себя отзывъ по прилагаемому здѣсь и нами утвержденному проекту

На подлинномъ подписано собственною ея Императорскаго Величества рукою

Екатерина.

Въ С.-П.бургѣ.

Августа 11-го ч: 1796.

Съ подлиннымъ Свидѣтельствовалъ секретарь Никифоръ Григорьевъ.

Сіятельный и Высокопочтенный Киргизь Кайсацкой Срѣдней орды
Ханъ Вали!

Препровождая съ симъ къ вашему сіятельству присланнаго отъ васъ къ высочайшему двору Ея Императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, сына вашего бывали султана съ протчими при немъ, за долгъ почитаю извѣстить ваше сіятельство, что они допущены были предъ Высокомонаршее лице Ея Императорскаго Величества и въ бытность свою довольствованы всѣмъ потребнымъ отъ казны Ея величества при отпускѣ же отсюда по высочайшему благоволенію и милосердію Ея Императорскаго Величества сынъ вашъ и старшины награждены чинами, сверхъ того одарены деньгами и разными драгоценными вѣщами, при чемъ почитаю нужнымъ увѣдомить васъ, сіятельный ханъ, касательно всеподданнѣйшихъ прошений вашихъ съ упомянутымъ сыномъ вашимъ сюда доставленныхъ, что Ея Императорское Величество по безпримѣрному милосердію своему въ разсужденіи прибавки вамъ жалованья всемилостивѣйше соизволяеть, что бы оное производимо было въ томъ уже количествѣ, какое получали ханы меньшой киргизъ кайсацкой орды Нурали и Эрали, и именно съ прибавкою къ нынѣ получаемымъ вамъ тремъ стамъ рублямъ, еще трехъ же сотъ рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей на годъ на томъ самомъ основаніи, на какомъ оное имъ производилось, то есть, ежели ваше сіятельство будете распологать себя въ поступкахъ вашихъ соотвѣтственно всеподданническому вашему къ престолу Ея Величества долгу, ненарушая нимаю присяги вами учиненной, и ежели киргизцы отъ своеvolствѣ, какіе отъ нихъ происходятъ иногда и пограницамъ, удержаны будутъ властію отъ Ея императорскаго величества вамъ дарованною, отыскивая и наказывая виновныхъ и оказывая согласное поведеніе съ пограничными начальниками тамошняго края въ исполненіи требованій ихъ по службѣ Ея Императорскаго Величества, какъ то писано къ вамъ было по волѣ Ея Величества еще и въ 1784 году отъ предмѣстника моего покойнаго дѣйствительнаго тайного советника и разныхъ оденовъ кавалера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго; напротивъ того ненаблюденіе всего оного какъ о томъ и тогда было вамъ изъяснено, можетъ послужить къ лишенію высочайшей монаршой милости и къ поступленію съ виновными и покровительствующими имъ по всей строгости какъ съ существами ослушниками и неисполнителями повелѣній; что же касается до другаго прошенія вашего относительно отправленія сюда депутатовъ, то ваше сіятельство видя уже изъ всего вышесказаннаго, сколь далеко простирается высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе собственно къ вамъ и къ подвластному вамъ народу, можете безъ сумнѣнія быть увѣрены, что сіи присылаемые отъ васъ депутаты

будутъ здѣсь всегда, равно какъ нынѣ, приниманы образомъ соотвѣтствующимъ извѣстному Ея Величества великодушію и милости; при всемъ томъ однаждѣ пристойность требуетъ, что бѣ ваше сіятельство всякой разъ предварительно испрашивали на то дозволеніе посредствомъ командующаго на сибирской линіи, или начальника оренбургской области, къ кому изъ нихъ отнеслись о томъ заблагоразсудить вы изволите, которымъ обо всемъ вышеписанномъ нынѣ же дано отъ меня знать. А какъ сверхъ того господинъ генералъ-поручикъ Штрандманъ пишетъ сюда о желаніи вашего сіятельства, чтобы подвластному вамъ кипчатской волости Иману Султану опредѣлено было жалованье получаемое предъ симъ умершимъ того султана отцомъ султаномъ маметомъ въ годъ по сту по пятидесяти рублей, и что бѣ атагайской волости старшинѣ байжигитъ тархану вмѣсто получаемаго имъ нынѣ годового жалованья деньгами двадцати рублей и пятидесяти пудъ муки, производить въ сравненіе протчихъ и противъ упомянутаго султана мамета по сту по пятидесяти же рублей въ годъ, то вмѣстѣ съ симъ за нужное нахожу ваше сіятельства предварительно увѣдомить, что по полученіи требуемаго нынѣ отъ господина Штрандмана объясненія и сіе обстоятельство безъ разсмотренія и рѣшеніе оставлено не будетъ.—Въпрочемъ пребываю всегда вашего сіятельства доброжелательный и къ услугамъ готовый Ея Императорскаго Величества, Нашей Всемилостивѣйшей Государыни дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ прокуроръ, высочайшаго двора Ея Величества дѣйствительный камер-геръ и кавалеръ россійскихъ Императорскихъ орденовъ Святыхъ: Апостола Андрея, Александра Невскаго, Равноапостольнаго князя Владимира большаго креста 1-й степени, Великомуученика и Побѣдоносца Георгія 2-го класса, бѣлага орла и Святаго Станислава.

На подлинномъ подписано:

Графъ Самойловъ

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ секретарь

Никифоръ Григорьевъ.

Октября 22-го дня
1796-го года
Санктпетербургъ.

Вытиска.

Въ письмѣ посланномъ отъ Генерала Прокурора къ Господину Генералу Поручику и Кавалеру Густаву Густавовичу Штрандману отъ 22-го Октября 1796 года между прочимъ изъяснено слѣдующе:

Препровождая съ симъ обратно депутатовъ присланныхъ къ высочайшему двору Ея Императорскаго Величества Средней киргись Кайсацкой Орды отъ Хана Вали, которые такъ и Свита при оныхъ удостоились разныхъ отъ Ея Величества награжденій, о коихъ усмотрите Ваше Превосходительство подробнѣе изъ прилагаемаго здѣсь реестра, имѣю честь уведомить, что всеподданнѣйшія прошенія того хана чрезъ упомянутыхъ депутатовъ представленныя относились на два случая: какъ то, 1-е, о прибавкѣ ему жалованья, о которомъ и Ваше Превосходительство по прозѣбѣ его особенно приposылѣ тѣхъ депутатовъ писать ко мнѣ изволили, 2-е, о позволеніи отправлять ко Двору Ея Величества депутатовъ его и впредь во всякое время безпрепятственно.—По поводу сихъ прошеній каковъ учиненъ мною по волѣ Ея величества означеному хану Вали отзывъ, съ онаго для свѣденія вашего превосходительства прилагаю при семъ копію и какъ изъ сего отзыва, такъ и изъ копіи высочайшаго Ея Величества указа, здѣсь же прилагаемой, изволите вы Милостивый Государь мой усмотреть что Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелеть уже изволила дабы Хану Вали производимо было того жалованья съ прибавкою къ нынѣ получаемому имъ трехъ сотъ рублей, да на на хлѣбъ по 50-ти рублей въ годъ напрописанномъ въ томъ указѣ основаниѣ, то въ слѣдствіе онаго и предложилъ я нынѣ же колыванской казенной палатѣ, отъ куда и прежде положенная тому хану въ жалованье триста рублей въ выдачу каждогодно назначаются, дабы слѣдующія ему вали въ прибавку на нынѣшній годъ на хлѣбъ 50-ть, да въ жалованье триста рублей, отпущенны были первыя нынѣ же, а послѣднія по истечениѣ года въ вѣдомство Вашего Превосходительства по полученіи отъ васъ особливыхъ о томъ требованій; равнымъ образомъ и впредь ежегодно все вообще определенное тому Хану жалованье назначаться будетъ въ отпускъ въ расписаніяхъ экспедиціи о Государственныхъ доходахъ изъ тойже палаты въ вѣдомство Вашего же Превосходительства, а потому какъ требованіе сихъ денегъ отъ палаты такъ и дѣйствительная выдача оныхъ Хану зависить будетъ отъ соображенія Его поступокъ по сношенію вашему съ Правящимъ должностіемъ Генерала Губернатора Уфимскаго, такъ какъ некоторые роды подчиненныхъ Хану Вали киргизцовъ распространяяся своимъ кочевьемъ противъ леваго фланга оренбургской линіи, дѣлаютъ тамъ разные по границѣ продерзости, въ разсужденіи коихъ Его Превосходительство

Сергѣй Кузмич Вязмитиновъ имѣеть съ нимъ вали о томъ и переписку, какъ то видно изъ всеподданѣйшихъ Его къ Ея Императорскому Величеству донесеній, на каковой случай по силѣ предписанія въ вышеозначенномъ указѣ и не оставилъ я о всемъ Его Превосходительство нынѣ же увѣдомить о чемъ сообщая вамъ, Милостивому Государю моему, прошу покорно увѣдомить и меня въ свое время для потребнаго свѣденія, когда они хану вали действительны выданы, или когда сею выдачеюдержаны будуть и по какимъ точно причинамъ, дабы изъ сего можно было судить здѣсь о его поступкахъ.

Секретарь Никифоръ Григорьевъ.

Графъ Александръ Николаевичъ!*) вновь избранному по волѣ Нашей въ меньшой киргисъ Кайсацкой Ордѣ Хану Ишиму повѣлеваемъ производить жалованье изъ Суммы на заграничные по Уфимской губерніи расходы отпускаемой по шести сотѣ рублей, да на хлѣбъ по сту рублей, на годъ, со включеніемъ въ число того жалованья и опредѣленного ему по указу Нашему отъ 3 ноября 1791 года пенсіона изъ трехъ сотѣ рублей въ годъ состоящаго, начиная производство слѣдующихъ по сему въ прибавку съ того дня какъ совершился актъ торжественнаго утвержденія его Ишима въ ономъ достоинствѣ. Мы желаемъ при томъ, чтобы все вообще упомянутое жалованье, слѣдя тому правилу какъ сообщено было отъ васъ по волѣ нашей въ 1793-мъ году къ бывшему Губернатору Уфимскому Генералу Порутчику Пеутлину о жалованье предмѣстнику его, для всегдашняго удержанія онаго Хана въ должномъ къ начальству здѣшнему повиновеніи, выдаваемо было ему Ишиму такимъ образомъ, а именно въ первую половину каждого года по триста рублей да на хлѣбъ по сту рублей, по другой же половинѣ въ число жалованья производимо было не иначѣ, какъ ежели онъ ишімъ поступать будетъ въ Отправлениіи должности по званію его соотвѣтственно во всемъ верноподданническому его къ службѣ Нашей долгу не нарушая нимало присяги, что и предоставить на разсмотрѣніе правящаго должностнаго Генерала Губернатора, а въ небытность онаго Губернатора Уфимскаго съ тѣмъ, чтобы первой изъ нихъ неоставить приличнымъ образомъ извѣстить о томъ Хана отъ себя во время личнаго свиданія съ нимъ при вышесказанномъ утвержденіи его въ сіе достоинство, о чемъ и имѣете вы упомянутому правящему должностнаго Генерала Губернатора сообщить.—

*) Самойловъ, Генераль-Прокуроръ и Государственного Ассигнаціоннаго банка директоръ.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго
Величества рукою

Екатерина.

въ Царскомъ селѣ
Июня 7. ч. 1796 года.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Начальникъ стола Адріанъ Дюпати.

Графъ Александръ Николаевичъ! по представленію къ на мъ правя-
щаго должностъ на шего Генерала Губернатора Уфимскаго Генерала
Порутчика вязмитинова, мѣньшей Киргизъ Кайсацкой орды-Султана
Айчувака уволивъ отъ присудстія въ совѣтѣ приханѣ той орды, учреж-
денномъ, всемилостивѣйшѣ повелѣваемъ изъуваженія на старейшин-
ства его Айчувака въ родѣ производить ему въ пенсіонъ изъ доходовъ
Казначействъ Нашихъ то самое жалованье, которое онъ нынѣ посо-
вѣтничему окладу получаетъ, то есть по триста рублей въ годъ стемъ,
ежели поступки его сопровождаемы будуть непоколебимою вѣрностію
и рѣвностію къ Нашему престолу.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго
Величества рукою

Екатерина.

въ С.-петербургѣ
Августа 11-го числа
1796-го года.

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Начальникъ стола Адріанъ Дюпати.

Графъ Александръ Николаевичъ! На выдачу назначенными на
Оренбургскую линію и по крепостямъ для содержанія въ нынѣшнѣе
лѣто стражи, башкирцамъ и мещерянамъ вмѣсто Провіанта по пятиде-
сяти копѣекъ на каждого въ месяцъ, испрашиваемыя правящимъ
должность Генерала Губернатора Уфимскаго и Симбирскаго, Генераломъ
Порутчикомъ вязмитиновымъ на лѣтнія месяцы нынѣшняго года всего
шестьнадцать тысячи пять сотъ пятьдесятъ семь рублей, повелѣваемъ
ассигновать въ распоряженіе упомянутаго Генерала Порутчика изъ
тамошнихъ доходу, на щетъ Казначейства для остаточныхъ суммъ
учрежденного, приказавъ отпустить ту сумму мѣдною монетою.

Наподлинномъ подписано собствѣнною Ея Императорскаго
Величества рукою:

Екатерина.

въ С. П. бургѣ
Мая 15. ч. 1796. года.

Съ подлиннымъ свидѣтельствомъ Начальникъ стола Адрианъ
Дюпати.

Всеподданъйшее прошеніе ополчанъ Нижегородской губерніи.

(Послано 3 Февраля 1856 года).

Всемилостивый Государь!

Позволь намъ, вѣрнымъ подданнымъ дворянамъ Твоимъ, испросившимъ какъ величайшую милость Державнаго Родителя Твоего, ополчиться, со вѣренными намъ Богомъ людьми, на защиту всего, что свято сердцу Русскаго: Вѣры православной, Престола Царскаго и любезнаго Отечества! Позволь намъ нынѣ, въ часъ тяжкой скорби, обратить къ Тебѣ, Государь любящій голосъ нашъ.

Въ Бозѣ почившій незабвенный Родитель Твой милостию принялъ нашу просьбу и созвалъ ополченіе; съ восторгомъ и радостью покинули мы свои отчины, свои семьи, и вѣрный народъ Твой любовно ополчился съ нами!

Всѣ мы шли съ твердой надеждой на Бога и помощь Его потому, что знали, что идемъ за дѣло Божье и что никакія силы, подъятые неправдой, не сокрушать союза Русскаго Царя съ Его народомъ!

О Государь! Какими словами выразить Тебѣ ту скорбь, которая поразила сердца наши, когда прочли мы въ Вѣдомостяхъ Отечественныхъ, что Ты, по милосердію Своему, щадя нашу кровь и достояніе, готовъ согласиться на миръ, предложенный врагами нашими, которые просятъ уступки земли Русской и дерзаютъ помышлять, чтобы Ты правилъ своими морями съ согласіемъ врага Христіанства отъ ига коего Твой Родитель звалъ насъ избавить, Православныхъ братьевъ нашихъ! Много крови и достоянія отдали уже мы Тебѣ съ любовью за дѣло святое и нынѣ молимъ Тебя, Государь, припадая къ стопамъ Твоимъ, заклиная именемъ Спасителя, крестомъ коего Ты украсилъ главы наши, не жалѣй крови нашей, не щади нашихъ отчинъ, отринь съ негодованіемъ предложеніе враговъ, покуда не восторжествуемъ надъ неправдой! Твердо вѣруемъ, что не тщетны наши упованія на Бога, что необрима святость Твоего дѣла,—но если мы ошибаемся, то позволь, Государь, намъ прежде пасть до послѣдняго, во главѣ сражающагося народа Твоего,—и тогда пусть беруть враги опустѣлія земли наши и синія моря!

Прости, Государь! Сей вопль—тоска, который мы передъ тобой. Державнымъ отцемъ нашимъ, изливаемъ, быть можетъ, несогласна съ правильнымъ ходомъ Всеподданѣйшихъ прошеній.—но во времена столь тяжкія, мы надѣемся, что вѣрноподданѣйшія чувства наши извинять въ Твоихъ высокихъ очахъ неправильность формы.

Сообщилъ Безсмертный.

Мартъ 1913 года.

шую пользу Россіи. Слава энергичнаго и честнаго человѣка остается за нимъ даже въ наши дни, когда живы лишь немногіе изъ знатныхъ его. Повидимому, Бар. А. И. Цельвигъ вѣль дневникъ, записывая въ немъ важное и неважное, и подъ конецъ жизни, перепѣдалъ этотъ дневникъ въ „Воспоминанія“. Отсюда обиліе въ послѣднихъ именъ, названий, чиселъ и мелкихъ подробностей; отсюда же и сравнительно-скромный ихъ интересъ для современного читателя. Только послѣдніе два тома болѣе живы, гдѣ авторъ разсказываетъ о желѣзодорожномъ строительствѣ въ Россіи 60-хъ и начала 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Такъ какъ онъ въ это время занималъ уже значительный постъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, то предъ читателемъ являются разнообразные строители желѣзныхъ дорогъ, иностранцы и русские, христіане и евреи, и онъ имѣть разсказы объ фонъ-Дервизѣ, Губонинѣ С. Поляковѣ, Варшавскомъ, Кербедзѣ и связанныхъ съ ними тѣми или другими отношениями разныхъ высокопоставленныхъ и власть имущихъ лицахъ.

Впрочемъ, и въ первыхъ двухъ томахъ много отдельныхъ подробностей и характеристикъ, которые пригодятся историку (между прочимъ свѣдѣнія о Венгерской кампаніи 1848 г., въ которой авторъ участвовалъ). Бар. А. И. Цельвигъ не разъ посыпалъ разные концы Россіи, не разъ былъ за границею и ему пришлось видѣть много и встрѣчаться со многими. **А.**

Московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812 г.). Магистра богословія **Н. П. РОЗАНОВА**. Спб. 1913. Издание Общества ревнителей русского исторического просвѣщенія въ память Имп. Александра III.

Среди торжествъ по празднованію юбилеевъ славныхъ событій, мы забыли

о скромномъ юбилѣ—о столѣтіи со дня кончины знаменитаго въ свое время проповѣдника и первого историка русской церкви, митрополита Платона. Спасибо издателямъ. Авторъ книжки не принадлежитъ къ числу безусловныхъ почитателей Платона. Рядомъ съ похвалами у него встрѣчаются очень жестокія выраженія и вообще его трудъ не имѣеть юбилейнаго характера. Тѣмъ лучше. Книжка состоить изъ главъ: „жизнь митрополита Платона“, „Митрополитъ Платонъ какъ администраторъ“, „Митрополитъ Платонъ въ отношеніи къ расколу“, „Митрополитъ Платонъ въ своемъ отношеніи къ духовно-учебнымъ заведеніямъ“, „Митрополитъ Платонъ, какъ проповѣдникъ“, „Митрополитъ Платонъ, какъ ученый богословъ“, „Митрополитъ Платонъ въ отношеніи къ Высочайшимъ особымъ“, „Характеръ митрополита Платона“. Изложеніе общедоступное, не загроможденное выписками и ссылками. **А.**

Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты. Описанъ Архиваріусъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Имп. Двора **АЛЕКСАНДРЪ УСПЕНСКІЙ** Издание Общаго Архива Министерства Имп. Двора. Выпускъ I-й. М. 1912. Выпускъ II-й М. 1913. Цѣна 2 р. 50 к. за вып.

Столбцы главнымъ образомъ говорятъ о выдачѣ разнымъ лицамъ суконъ, мѣховъ, серебряныхъ ковшей и т. п., назначенныхъ въ награду отъ царя за службу, прїездъ, выѣздъ, крещеніе и т. п. Лишь немногіе изъ нихъ заключаютъ въ себѣ приказанья о выдачѣ денежныхъ суммъ. Тѣ 1234 столбца, которые описаны или изданы, даютъ большое количество разнообразныхъ свѣдѣній о многихъ историческихъ лицахъ за первую половину XVII в.

А.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКИЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за **двѣнадцать** выпусксовъ съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русского Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродающимъ контора дѣлаетъ уступку **5%**.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлечениемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русского Архива“ Петра Ивановича Бартенева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартенева.

Издатель и составитель Петръ Бартеневъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКИЙ АРХИВЪ

1913

11

стр.

599. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки **М. Леонтьева**. Часть III.

618. Письмо А. П. Зонтагъ къ А. П. Кирѣвской. Сообщено **М. В. Бэръ**.

621. Изъ Кавказской старины. Воспоминанія А. Аноева.

647. Записки **Сенатора И. В. Лопухина**.

679. Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ 1586 года. Статья **Л. М. Савелова**.

694. Письмо **Жуковскаго** къ **Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ**.

718. Къ исторіи Большого Дербета. Статья **С. Фарфоровскаго**.

721. Къ вопросу о положеніи духовенства въ царствованіе **Екатерины II-й**. Ст. **Н. Г. Высоцкаго**.

739. Переписка **Кристина съ княжной Турнестановой**.

Внутри обложки. О книгахъ: «Юбилейный сборникъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологического Комитета въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ»; «Сборникъ статей въ честь Дмитрия Фомича Кобековъ»; «Владимиръ Андреевичъ Грингмутъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности»; Проф. И. М. Покровскаго. «Русскія епархіи въ XVI-XIX вв., ихъ открытие, составъ и предѣлы»; Свящ. И. Крылова. «Г. Красный Холмъ и его соборы»; Александро-Невская Лавра. С. Г. Руневицага. 1713.—1913.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Юбилейный сборникъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.
Воронежъ, 1913.

Скромная книжка въ 40 страницъ содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о празднованіи 300-лѣтія Комитетомъ, и двѣ рѣчи, при этомъ празднованіи произнесенные. Первая изъ рѣчей, г. Долгополова, имѣеть своимъ предметомъ избраніе на царство М. Романова. Она составлена тщательно и, вѣроятно, была выслушана съ интересомъ. Вторая, свящ. Звѣрева, озаглавлена: „Воронежскій край 300 лѣтъ назадъ“. Она болѣе самостоятельна и даетъ картину Воронежскаго края, достаточно ярко нарисованную и вполнѣ научно обоснованную; цѣнность ея не подлежитъ сомнѣнію.

A.

Сборникъ статей въ честь Дмитрия Фомича Кобеко.

Отъ сослуживцевъ по Имп. Центральной Библиотекѣ. Съ приложеніемъ портрета. Соб. 1913.

Сослуживцы Д. Ф. Кобеко издали рядъ статей и замѣтокъ самого разнобразнаго содержанія и значенія, изъ которыхъ лишь немногія имѣютъ цѣну. Отмѣтимъ: „Замѣтка о Катихизисѣ Феофана Прокоповича“ В. В. Майкова, „Къ вопросу о православіи Ф. Прокоповича“, А. В. Карташева, „О воинскихъ уставахъ Имп. Павла“ Н. Д. Чечулина, „Одно изъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова“ И. А. Бычкова, „Отношеніе Пушкина къ музыке“ Л. А. Саккетти, „С. А. Соболевскій“, В. И. Саитова; сверхъ того: „Къ чину царскаго коронованія въ

Византіи“, Х. М. Лопарева, и „Два митрополита“ (XIV в., св. Алексій и Романъ) И. П. Лихачева.

Сборникъ изданъ прекраснѣ и имѣеть, кромѣ портрета Д. Ф. Кобеко, также списокъ его литературныхъ трудовъ.

A.

Владимиръ Андреевичъ Грингмутъ. Очеркъ его жизни и деятельности. Москва 1913 г., 124 стр.

Названная книга представляетъ отрадное явленіе въ современной русской печати. Написанная живымъ слогомъ, она близко знакомить съ любопытною жизнью и замѣчательною деятельностию московскаго публициста, известнаго редактора — издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ (1897—1907 гг.) и достойнаго преемника знаменитаго М. Н. Каткова. Въ этой любопытной книжѣ, на основаніи историческихъ документовъ, писемъ и воспоминаній, подробно изображены „дни и труды“ покойнаго защитника монархической власти въ Россіи, начиная съ его юныхъ лѣтъ, продолжая долгою службою въ Императорскомъ Лицѣ Цесаревича Николая и кончая послѣдними годами, посвященными имъ издательству газеты и созиданію „Монархической партіи“ въ тяжелое время, такъ называемаго, „освободительного движения“ (1905—1907 гг.).

Нельзя не прибавить, что эта выдающаяся по содержанію книга заключаетъ въ себѣ до полусотни снимковъ, прекраснѣ живописующихъ текстъ: она изящно издана типографіей Товарищества А. А. Левенсонъ, широко известной своими многими художественно-выполненными работами.

M.

Вышла изъ печати новая книга:

Владимір Андреевич Грингмутъ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, двумя факсимиле, ПОРТРЕТОМЪ-ГРАВЮРОЙ и видомъ памятника (въ двухъ краскахъ) на отдельныхъ листахъ.

Цѣна 1 руб., роскошное изданіе на мѣловой бумагѣ 2 рубля.

Складъ изданія: Москва, Зубовскій бульваръ, д. 29, кв. 15, у Е. Н. Матасовой.

Здѣсь же можно получить **СОБРАНИЕ СТАТЕЙ В. А. ГРИНГМУТА** въ 4-хъ томахъ за 4 рубля.

Москва Синодальная типографія, 1913 г.

ХVII-й годъ
издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

ХVII-й годъ
издания.

ИЗВѢСТИЯ по ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛІОГРАФІИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОБХОДИМЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ.

КАЖДЫЙ НУМЕРЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБЪ:

1. Иллюстр. статьи по вопросамъ литературы, науки и библиографіи.	8. Хроника литературного міра въ Россії.
2. Литературные воспоминанія и біографії, съ портретами, автографами и пр.	9. Русскія книжныя новости.
3. Критические очерки о новыхъ книгахъ и новыхъ теченіяхъ литерат. въ Россії и за границею.	10. Вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ.
4. Историко - литературные изслѣдованія.	11. Россіка (свѣдѣнія о переводахъ по иностран. яз.)
5. Статьи по техникѣ чтенія.	12. Новости по бібліот. дѣлу и бібліогр.
6. Обзоръ текущей литературы русской и иностранной.	13. Отзывы и рецензіи о новыхъ книгахъ.
7. Иллюстраціи: снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, бібліотечные знаки, карикатуры и пр. и пр.	14. Справки, касающіяся книгъ.
	15. Ежемѣсячные каталоги новыхъ книгъ русскихъ, франц., иѣм., англ.
	16. Бібліографическая извѣстія.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Систематические каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и специальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 Р. Годовая поди. цѣна „Извѣстій по Литературѣ“
и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес.
Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка). 1 Р.

Подпись принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербурге: 1) Гост. дв., 13 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындина (противъ университета).

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гр. годовые подписчики журнала «З. Сл.» для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

БОЛЬШАЯ СТЪННАЯ КАРТИНА „ЦАРЕВИЧЪ УЧИТСЯ“, исполненная по оригиналу худ. К. Лебедева хромолитографіей въ краскахъ.

12 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работы, рукодѣлій и т. п. для вырезыванія и склеиванія, въ видѣ раскрашенныхъ и черныхъ листовъ а именно:

КЛОУНЪ, БИЛЬБОКЕ, КАРУСЕЛЬ, ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ, ПОЛКА ДЛЯ ЦВѢТОВЪ, КУКОЛКИНЪ ЗОНТИКЪ, ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ, ВЕРТИЩИЙСЯ ПАЯЦЪ, ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА, МАЛЕНЬКІЙ КОЛОДЕЦЪ, БУМАЖНАЯ КРЪПОСТЬ, ВСЯ КУХНЯ, НАША ДЕРЕВНЯ.

6 ТАБЛИЦЪ „ТЕАТРЪ, ЗВѢРЬИ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“, въ краскахъ, съ текстомъ В. Мазуркевича.

6 ВЫП. „БОЛЬШОЙ КОРОЛЬ“. Но-вѣсть-сказка Л. А. Чарской, съ иллюстр. И. Гурьева.

4 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ СЧЕТЧИКЪ“, съ многими рис., составили Н. Анненскій и И. Гурвичъ.

8 ВЫП. „НОВЫЙ МУРЗИЛКА“. Приключения лѣсн. человѣчковъ (Новая серія), съ рис. П. Конса.

6 ВЫП. „МОЙ КИНЕМАТОГРАФЪ“, 100 картинъ, виды, сценъ и пр., съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ.

4 КАРТИНКИ ДЛЯ РАСКРАШИ-
ВАНІЯ, для маленькихъ дѣтей съ об-
разцами.

12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІР-
НЫЙ ИСТОРИКЪ“. Составилъ С. Ф.
Литвинцевъ, съ мног. рис.
КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ СКАЗОКЪ,
пьесы съ декорациями, фигурами и пр.
для вырезыванія и склеиванія.

6 ТЕТРАДЕЙ „ЗАЙМИСЬ, ДРУ-
ЖОКЪ“. Занятія для дѣтей младшаго
возраста.

6 КНИЖЕКЪ „ВЕСЕЛЫЙ МІРОКЪ“,
Рисунки Бенжамена Рабье, текстъ В. Ма-
зуркевича.

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ, для выклады-
ванія и вышиванія.

ШКОЛА НАЧИНАЮЩАГО РИСО-
ВАЛЬЩИКА.

ПОДВИЖНОЙ КАЛЕНДА-
РИКЪ СЪ БУМ. ЛЕНТАМИ.
и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высыпаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ»
и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ».

Подписная цѣна каждого изданія «Задушевного Слова», со всѣми объяв-
ленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ ШЕСТЬ руб.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВ-
НАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гостиная Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЪХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

12 ТАБЛИЦЪ „ГРИБНОЕ ЦАРСТВО“ хромолитogr. альбомъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

12 ВЫП. „ПИСЕМСКІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“. Собрание избр. соч. знам. писат. подъ ред. Н. Лернера, съ илл. (Новая серія).

2 ВЫП. „АЛЬБОМЪ СОБИРАТЕЛЯ РВѢДКИХЪ МАРОКЪ“, съ объяснительнымъ текстомъ.

8 ВЫП. „ВЕЛИКІЕ МІРА“ Галлереи историческихъ лицъ, въ повѣсткоставительныхъ очеркахъ М. А. Лятского. Съ портретами, снимками съ картинъ и пр. (Новая серія).

12 ТАБЛИЦЪ въ краскахъ „ЧТО НАДО ЗНАТЬ КАЖДОМУ“. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, съ текстомъ проф. Бернарда Мейора.

6 ВЫП. „КНИГА НОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“, Л. А. Чарской, съ иллюстр.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будуть высыпаться „ДѢТСКАЯ МОДА“
и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ.“

Подписная цѣна каждого изданія Задушевного слова, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНОГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
1) Гостиин. Да., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

12 №№ „ЗАДУШЕВОЕ ЭХО“. Листокъ кружка корреспондентовъ и корреспондентокъ „Задуш. Слова“.

4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКІ СПОРТА“, игры для юношества, а именно: ФУТБОЛЬ. КАТАНЬЕ НА КОНЬКАХЪ. СКАУТИНГЪ. ДОМИНО.

8 ВЫП. „ИСТОРИЯ КНИГИ ВЪ РОССІИ“, со врем. Петра Великаго, сост. С. Ф. Либровичъ, съ мног. илл.

10 ВЫП. „ЗНАМЕНІТЫЕ РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ“. Біограф. очерки и разсказы Виктора Русакова, съ портр.

3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ ЛЕГКИХЪ РУКОДѢЛІЙ“, съ объяснительнымъ текстомъ.

10 НОВЫХЪ ИГРЪ И РАБОТЪ, для вырезыванія, склеиванія и пр. для мальчиковъ и девочекъ старш. возр.

4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКІ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“, для юношества, съ илл., а именно: КІНЕМАТОГРАФЪ. ТЕРРАРІУМЪ. ЖЕЛЪЗНЫЯ ДОРОГИ. ГЕРБАРІУМЪ.

10 ВЫП. „ТРЕТЬЯ КНИГА ЧУДЕСЪ“. Наталия Готорна съ илл. Гранвилля и др. худ.

СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1914-15 уч. годъ въ изящн. колен. перепл. и мног. друг.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ (7-ОЙ) ГОДЪ ИЗДАНІЯ

сентябрь 1913—сентябрь 1914 г.

ЕЖЕМЪСЯЧНОГО ЖУРНАЛА

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ“.

(Органъ реформы школьнаго и семѣйнаго воспитанія и образованія.)

Подъ редакціей И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

„Свободное Воспитание“ имѣть своею цѣлью разработку вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ труде, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоять слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семѣйной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условій воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплоатациі.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго, физическаго, школьнаго и семѣйнаго воспитанія, образованія и самообразованія.—2) Статьи о семѣйной, школьнай и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія.—3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни.—4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплоатациі.—5) Статьи о свободно-образовательныхъ начинаніяхъ.—6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому и т. д.).—7) Очерки и статьи по природовѣднію, устройству экскурсий и т. д. 8) Очерки по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества.—9) «Изъ книги и жизни». Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія.—10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія.—11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей.—12) Библиографія.—Многія статьи иллюстрируются рис., изображающими передовыя школы, дѣтскія работы и т. д. и т. д.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. А. Беневский, Ю. Н. Вангер, д-р А. С. Куткевичъ, К. Н. Венцель, Ю. А. Веселовский, Е. Е. Горбунова И. И. Горбуновъ-Посадова, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, А. Г. Дауле, д-р А. Дернова-Ярмоленко, С. Н. Дурлыгинъ, А. У. Золенко, А. С. Зоновъ, д-р И. А. Кабановъ, О. В. Кайданова, И. С. Киричко, А. Китаевъ; М. М. Клечковскій, А. Н. Коншинъ, Н. Крупская, М. и Левитины, И. Н. Накашидзе, Н. Остапянъ, А. Н. Печковскій, О. В. Полистаева, Е. И. Попова, А. Б. Петрищевъ, В. В. Петровъ, д-р В. В. Рахмановъ, Н. А. Рубакинъ, профес. И. Е. Рильинъ, И. М. Соловьевъ, Б. К. Соломинъ, Т. Л. Сухотина, Е. Н. Фортунатова, А-р А. Фортунатова, К. А. Фортунатовъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Т. Шацкій, Л. К. Шлегеръ, д-р А. Шкарванъ и мн. пр.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ съ 1-го СЕНТЯБРЯ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб., на полгода 1 р. 50 к. Для сельскихъ учителей съ доставкой и пересылкой на годъ — 2 руб., на полгода 1 руб. Подписка принимается — въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи «Свободнаго воспитанія» (Дѣвичье поле, Трубецкій пер., д. 8).

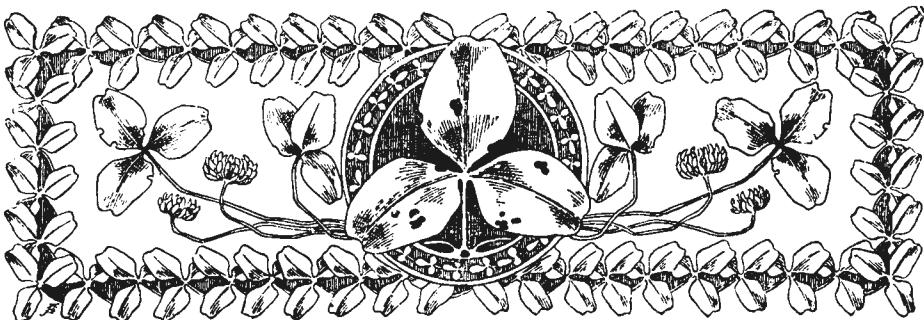
Предыдущіе годы можно выписывать за 3 руб. каждый годъ съ пересылкой. Отдельные №№ 25 коп. безъ пересылки.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

Мои воспоминанія или события въ моей жизни

Часть III-я.

1829 года Февраля 13-го дня въ сельцѣ Красномъ.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! творяй чудеса.

Глава I.

Составъ нашего семейства, образъ моей жизни, предположенія
мои къ дальнѣйшему провожденію оной съ моей матерью,
поѣздка въ Тамбовъ и прочее по конецъ 1809-го года.

1809-ый годъ.

Устранись оть шума войны и мерзкихъ удовольствій, я желалъ
обрѣсти миръ и спокойствіе въ сельской жизни, въ семействѣ родныхъ
моихъ. Въ сіе время покойная мать моя жила, какъ сказалъ я прежде,
въ селѣ своемъ Подсосенкахъ съ двумя моими сестрами Натальей и
Александровой и съ покойнымъ теперь братомъ Алексѣемъ. Предполагая,
что никому не помѣшаю, я въ отвращеніе всякихъ неудовольствій
отдалъ весь деревенскій доходъ мой до 700 рублей простиравшійся въ
кассу семейства, предоставивъ себѣ пансіонъ изъ 336 рублей ассигнаціями со-
стоящей, и кровлю мою пріобрѣтенный, на собственныея мои издержки.
Въ сей увѣренности по назначенію матушки занявъ флигель, изъ двухъ
комнатъ состоящей, я поселился въ немъ, провождая время частію въ
ченіи покупаемыхъ мною книгъ, частію занимаясь съ матушкою въ

игру бостонъ для ся удовольствія. Наступившее вскорѣ лѣто доставляло мнѣ пріятнѣйшія прогулки по тамошнему прекрасному саду, и я часто, взойдя на устроенную высоту названную Парнасомъ, проводилъ тамъ по нѣсколько часовъ, любуясь прекрасными видами на нѣсколько селъ и извилистую рѣку простиравшимися. Такъ проводя время, я почиталъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Я надѣялся на долю вести таковую семейственную жизнь и тѣмъ избѣгнуть скучного и обременительного, одиночества при тогдашнемъ моемъ состояніи, простиравшимся до 20 душъ населенія на своей Красновской, совсѣмъ пустой, усадьбѣ. Въ началѣ юна отправились мы все въ Тамбовъ на ярмарку, гдѣ я на привезенные съ собой изъ полка деньги, въ заслуженномъ жалованыи и раціонахъ состоящія, одѣлся какъ надо, синивъ себѣ довольно разнаго платья. Тамъ познакомился я съ нѣкоторыми помѣщиками, которыхъ болѣе и не видалъ послѣ нигдѣ; изъ Тамбова возвратясь въ Подсосенки мы, по похвальному тогдашнему обыкновенію ѻздить взадъ и впередъ, пустились въ Епифанскую деревню Есенокъ, гдѣ я въ Августѣ получилъ орденъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ за геройское сраженіе. Сія награда вовсе несоответственная моей службѣ много однако меня порадовала, и покойная мать моя праздновала сіе событіе большими обѣдомъ. Въ исходѣ сентября мы, обратно возвратясь въ Подсосенки, принялись за свой обыкновенный образъ жизни и наступившая зима заставила насъ жить постоянно въ сей деревнѣ. Такъ окончился 1809-й годъ. Признаюсь, что мнѣ и тогда на 24 году моей жизни частыя сіи путешествія безъ цѣли и нужды вовсе не нравились, но тогда не знали еще мудраго правила Жульена, что: „надобно безвыѣздно и твердо расположиться своюю осѣдлостю, дабы хорошо управлять своимъ состояніемъ, здоровьемъ, семействомъ и жизнію.“ (См. 2-ю книгу, ст. 32-ая о употребленіи времени).

Глава II.

Коварство, происки и отъѣздъ въ Красное 1810-го года.

Недолго продолжалось для меня спокойное жительство съ моей матерью въ Подсосенкахъ, надлежало мнѣ вновь испытать если не совершенную ницету, то тягостный во многомъ недостатокъ и устраиваться своимъ домомъ, чего мнѣ очень, очень не хотѣлось, зная свое маленькоѣ состояніе.

Вышедшій въ семъ году въ отставку братъ мой Алексѣй началъ ухитряться въ полученіи всего матушкина имѣнія себѣ, въ семъ его

предпріятіи я конечно былъ лишній, и надлежало прежде всего меня сбыть съ рукъ; съ симъ намѣреніемъ, Алексѣй и Наталья съ нимъ единомысленная, начали тѣмъ, что матушкѣ, любившой хороший столь, стали дѣлать оный дурной и на послѣдовавшее за симъ довольно жаркое объясненіе доложили, что много идетъ лишняго противъ прежняго, намекая весьма ясно на меня, но, видя, что я въ молчаніи переношу ихъ наглое нападеніе, рѣшились уже прямо сказать мнѣ, что моего дохода мало на мое содержаніе, и я избѣгая дальнѣйшей непріятности принужденъ былъ изъ третнаго пансиона своего дать еще Натальи 30 асс. на наступившій великий постъ, на рыбу, которая, по ея словамъ, очень вздорожала. Наконецъ, видя, что меня и сіе не раздражаетъ, въ общемъ совѣтѣ Алексѣй и Наталья положили лишить меня услуги и посему приказали ходившему за мною человѣку матери моей казаться больнымъ, а мнѣ, лишенному услуги, ихъ же люди говорили, что это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы я взялъ своего человѣка. Избѣгая объясненій я взялъ своего глупаго мальчика, единственнаго лакея послѣ отца моего матушкою мнѣ предоставленнаго, и одѣлъ его. Когда и сіе не помогло, то тогда уже весьма ясно и часто начали поговаривать, что имѣніе у нихъ съ матушкой общее, что я сынъ отдаленный и что пора мнѣ подумать о своемъ хозяйствѣ. Потерявъ терпѣніе я вошелъ съ сими людьми въ объясненіе о своихъ правахъ въ отношеніи матери намъ общей, но изъ сего родилась скора, а она не стала и глядѣть на меня.

Наступилъ день рожденія Натальи, а какъ на другой день предположено было освященіе въ Подсосенкахъ церкви, матушкою устроеною, и для сего готовились къ большему празднованію, то я и не выбралъ въ сей день бороды, полагая, что сдѣлаю это въ тотъ важный для матушки день. Наталья, увидя меня въ день своего рожденія съ небритой бородой и въ сюртукѣ, потому что у насъ гостей никакихъ не было, ужасно раздражилась сею неумышленною погрѣшностью и столь разстроилась, что со слезами приносила матушкѣ на сіе жалобу заставя и сдѣлать мнѣ выговоръ. Послѣ сего, день ото дня оскорблениія мнѣ увеличивались до нестерпимости, и я разсмотря все сіе и ясно видя, что Алексѣй и Наталья, управляя всѣмъ имѣніемъ матушки и домомъ ея, ибо она давно уже въ сіе не входила, могутъ ежеминутно дѣлать мнѣ величайшія непріятности и даже могутъ и самую матерь мою поставить противъ меня, рѣшился испросить ея благословеніе на отѣвѣдь въ свое имѣніе, что и исполнилъ въ началѣ сентября. При семъ объясненіи мать моя спросила у меня: „что заставляетъ тебяѣхать отсюда?“ Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что если сказать правду,

то произведу гнѣвъ ея мнѣ же впослѣдствіи могущій во вредъ обратиться, потому что я твердо зналъ и видѣлъ превосходную любовь ея къ Алексѣю и Натальѣ, для которыхъ и въ раздѣлѣ батюшка имѣнія меня совершенно обидѣла и потому рѣшился молчать, а только доложилъ ей, что пора начать устраивать свой уголокъ, на что она не сказала ничего, а благословила меня ѻхать, давъ притомъ приказъ отъ себя своему старостѣ дать мнѣ 10 подводъ изъ числа 30 на одну поѣздку, чтобы подсобить мнѣ вывести лѣсь на строеніе!!.

Итакъ я не ошибся въ своемъ заключеніи и послѣдствіе оправдало нѣкоторую холодность ея ко мнѣ сею ничтожною помошью, въ которой и чужимъ не отказываютъ, и которою я впослѣдствіи пользовался отъ добрыхъ своихъ сосѣдей дававшихъ мнѣ по .50 и болѣе подводъ для возки изъ близкихъ лѣсовъ, купленныхъ мною деревьевъ на строеніе. При отѣзда моемъ Алексѣй показалъ всю черноту души своей, ибо когда я сталъ просить матушку о пожалованіи мнѣ тѣхъ 700 руб., которые угодно ей было во время моей службы взять изъ доходовъ моего имѣнья на построеніе церкви въ Подсосенкахъ, то онъ съ язвительнымъ видомъ и насмѣшкою, превосходившею и самое требование, сталъ насчитывать свои деньги, на излѣченіе моей раны въ Пруссіи 1807 году употребленныя, хотя тогда давалъ ихъ изъ одной кичливости при полковникѣ нашемъ Козловскому, а я по глупости своей, видя, что онъ швырялъ, можно сказать, тогда деньгами, которыхъ у него было много, полагалъ, что брызги золотого его дождя, и до меня достигли, издержалъ ихъ довольно неосмотрительно, принявъ ихъ за подарокъ, но теперь дорого за сіе заплатилъ, ибо полагая на 700 рублей устроить себѣ небольшое жилище, вдругъ увидалъ себя лишеннымъ сего единственнаго моего пособія. Но дѣло сдѣлано! И я съ однимъ презрѣніемъ къ сему жестокосердому человѣку и съ 100 рублями поѣхалъ въ свое Красное строить вмѣсто уже домика крестьянскую хату.

Глава III.

Пустырь, поселеніе и занятія.

1810 годъ.

Прїѣхавъ въ Красное, я не нашелъ на своей усадьбѣ не только какого либо строенія, но ниже одного дерева, гдѣ бы подъ тѣнію онаго лѣтомъ можно было отдохнуть на чистомъ воздухѣ, и самое мѣсто изрыто было ямами, не обнесено валомъ, и, однимъ словомъ, я нашелъ здѣсь совершенный пустырь. По прїѣздѣ моемъ

первымъ моимъ дѣломъ было построить для себя горницу, а какъ денегъ у меня было только 100 рублей, то я и принужденъ былъ купить ону въ шесть аршинъ длины и ширины, и въ сей хижинѣ прожилъ я до лѣта 1812-го года; послѣ сего кой какъ изъ гнилушки купилъ избу для людей, которыхъ у меня всего на всего было три человѣка и обнесъ скотный дворъ плетнемъ. Въ такомъ видѣ я провелъ зиму, живя въ совершенномъ уединеніи, потому что ни самому выѣхать было не въ чемъ, ни у себя принять негдѣ,—не въ правѣ ли я быть сѣтовать на своихъ родныхъ? изъ нихъ мать имѣла болѣе 120 душъ при славномъ доходѣ; братъ 20000 собственныхъ денегъ и при всемъ томъ не только никто не помогъ мнѣ ни въ чемъ, но даже желали вредить сколько могли. По сущей справедливости и по чистой совѣсти долженъ сказать я, что, видя впослѣдствіи людей въ разныхъ положеніяхъ жизни и обстоятельствахъ и примѣня ихъ къ себѣ, могу сказать, что пороки всѣхъ людей какъ бы сосредоточились въ нашей бывшей семье и изгнали изъ оной всѣ чувства вѣжности. Итакъ, чому дивиться?—если я имѣю въ характерѣ большіе недостатки. Слава Богу, что я не сдѣлался пьяницей, воромъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ.—Худое занятіе нами родителей, алчность къ деньгамъ, хладнокровіе и ненависть при дурномъ поведеніи близкихъ родныхъ—суть такія тяжкія наказанія, отъ которыхъ да избавить Богъ всякаго человѣка!

Я прошу Господа да не будетъ никогда болѣе ни одинъ человѣкъ въ такомъ положеніи семейства, въ какомъ, къ несчастію, я находился, ибо такие люди суть язва благочестія, чести и всѣхъ чувствъ возвышенныхъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія! Сіи люди ханжествуютъ въ наружныхъ обрядахъ церкви, къ которымъ они привязаны даже до изступленія; вовсе не знаютъ и даже знать не хотятъ о сущности благословенной христіанской религіи, которая даже имъ ненавистна. Попробуйте съ ханжой спорить, что лучше не ѿхать къ обѣднѣ, чѣмъ ѿхавши туда браниться и драться за какую либо неисправность гардероба или экипажей, попробуйте сказать злому ханжу, что онъ слушаетъ въ день двѣ обѣди, а обижаетъ близкихъ, и тогда вы ясно увидите истину словъ пророка Исаія, которому Богъ Господь предсказалъ о лицемѣрахъ Ему непріятныхъ сими словами: „Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими, чтутъ меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня, но всуе чтутъ меня, уча учениемъ и заповѣдямъ человѣческимъ“. (Матѳ. Гл. XV ст. 8-й и 9-й.)

Въ сіе время занятія мои состояли въ хозяйствѣ и разныхъ зведеніяхъ птицы и скота, ибо у меня сего ничего не было по благой волѣ моей матери, отдавшой все тѣмъ дѣтямъ, къ которымъ имѣла благоволеніе.

Глава IV.

Недостатки въ образѣ жизни и образѣ оной. Чтеніе, комета 1811-го года. Наглые поступки дѣтей съ матерью, плутовское обображеніе, подлость въ кражѣ дома. Кончина матушки.

1811 годъ.

Не имѣя ни зимняго ни лѣтняго экипажа, я вѣль во весь сей 1811-й годъ жизнь самую уединенную, видясь только съ двоюродными братьями моими, и то очень рѣдко; у меня не было ни повара, ни посуды въ чемъ бы готовить, и я, отыскавъ 70-лѣтнюю старуху, радъ былъ, что она, по крайней мѣрѣ, варила мнѣ супъ и могла сдѣлать простой соусъ и жаркое въ купленной мною въ началѣ сего года кухонной посудѣ. Открывшаяся весна, доставя случай и возможность для прогулокъ, доставила мнѣ и другое занятіе—парники. Въ числѣ старыхъ и глупыхъ людей, мнѣ матушкою данныхыхъ, достался и плохой старый садовникъ отца моего и съ симъ-то служителемъ началъ я трудиться надъ парниками, желая доставить себѣ какое нибудь занятіе, ибо, по несчастію, я не имѣлъ возможности ни купить, ни читать много книгъ, а немногое количество оныхъ разными случаями мною получаемыхъ по страстной моей любви къ чтенію, я тотъ же часъ прочитавъ, оставался въ гибельной предразсудности, не умѣя ни рисовать, ни чертить для развлеченія и полезнаго занятія себѣ; при семъ со вздохомъ скажу: сколько есть мущинъ, которымъ бы слѣдовало воспретить вступать въ бракъ прежде нежели дадутъ они отчетъ въ священныхъ обязанностяхъ мужа и отца.

Наступившее лѣто дало мнѣ сильные и сообразныя лѣтамъ занятія въ посѣвѣ хлѣбовъ, распашкѣ моей усадьбы для планированія оной и вмѣстѣ для посѣва на оной сѣмени для умноженія дохода своего, и Господь благословилъ усилия трудовъ моихъ изобилынъмъ урожаемъ хлѣба всѣхъ родовъ и даже, можно сказать, преизобилынъмъ. Тутъ сладостная надежда поправленія моего состоянія несла въ душу мнѣ то спокойствіе и радость, каковыя едва ли когда чувствовалъ богачъ среди роскошнаго замка своего; къ сему удовольствію моему я получилъ и другое, въ наблюденіи прекрасной и величественной кометы, явившейся у насъ въ началѣ Августа; тогда, по захожденіи солнца, я по цѣлымъ часамъ сиживалъ и любовался симъ рѣдкимъ явленіемъ, забывая даже о сиѣ, воспаряя моими мыслями въ міры падзвѣздные. Такъ проводилъ я прелестное сіе лѣто, наслаждаясь въ то же время и романической прогулкою по берегамъ нашей маленькой рѣчки, гдѣ я сиживалъ не-

рѣдко, услаждая слухъ свой ея журчаніемъ; ея безвѣстное теченіе сравнивалъ я съ безвѣстностію своей жизни, но при сравненіи общаго нашего съ нею одиночества, я чувствовалъ нѣкоторую грусть сердечную и возвращался въ смиренную хижину мою, проникнутый оною. Ахъ,— думалъ я,— и мнѣ суждено жить и умереть въ бѣдственномъ одиночествѣ, и я паду, никѣмъ неоплакиваемый. Но среди сихъ печальныхъ размышленій нѣкоторый лучъ надежды блесталъ въ душѣ моей, и я предавая себя въ волю и распоряженіе Всемогущаго, оставался спокойнѣе. Въ исходѣ сего лѣта прїѣхалъ въ Есенокъ и Алексѣй съ сестрами, и я, удивленный симъ неожиданнымъ прїѣздомъ, поспѣшилъ къ нимъ, дабы узнать причину онаго; они рассказывали мнѣ, что будто матушка сognала ихъ, и злобный Алексѣй даже осмѣливался отзываться о ней съ наглымъ презрѣніемъ, но вскорѣ завѣса спала съ глазъ моихъ, и я, получа отъ матушки письмо, узналъ всѣ обстоятельства сего ужаснаго происшествія, которая здѣсь и описываютъ не для примѣра, ибо избави меня Богъ и мысли, чтобы нашелся другой таковой извергъ, но пишу для того, чтобы показать до какой степени можетъ унизиться человѣкъ, преданный любостяжанію и исполненный ложнаго Богопочи-ченія, или полагающійся на наружные обряды церкви и ищущій черезъ оные спасенія своего.

По отѣзду моемъ въ 1810 году, Алексѣй и Наталья, устранивъ главное препятствіе, начали болѣе и болѣе оказывать услуги матушкѣ, надѣясь透过 to получить желаемое, то есть ея имѣніе, въ селѣ Подсосенкахъ и Кортыринѣ, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда въ сельцѣ Старомъ состоявшаго, и простирали виды свои и на Есеновскій, матушкѣ по раздѣлу представленный домъ, со всѣмъ строеніемъ и усадьбою, болѣе 5 десятинъ простиравшеюся, какъ, равно, на всю ея седьмую часть, изъ имѣнія отца моего ей доставшуюся; словомъ, Алексѣй, не имѣя ни качествъ, ни духа генеральскаго, отчего и въ отставку вышелъ, хотѣлъ симъ беззаконнымъ пріобрѣтеніемъ полу-
чить средства жить по генеральски.

Мать моя, вида Алексѣя, крестящагося съ плеча на плечо и поклоняющагося въ церкви и дома очень часто до земли, постыщагося такъ, какъ и монахъ не всякий постится, слушающаго частые молебны и всенощныя и любя сама всѣ сіи наружности, полагала, что она нашла рѣдкаго сына, а въ Натальѣ рѣдкую дочь и подпору своей старости, ибо и она ни въ чемъ не уступала Алексѣю по наружной приверженности къ религіи. Но бѣда состояла въ томъ, что они всѣ заблуждались, не вѣдая и или нехотя вѣдать, что Господь нашъ Іисусъ

Христосъ, сяя непостижимая любовь, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ любовь и миръ, требуя неотмѣнио, чтобы мы такъ поступали со всѣми какъ желаемъ чтобы они съ нами поступали, и постановилъ неизмѣнное правило: любить Бога болѣе всего и ближняго какъ самаго себя; знать Единаго Бога и имъ посланнаго Іисуса Христа,—вотъ въ чёмъ состоить все существо вѣры нашей благословенной, къ достиженію которой непременно нужно частое себя испытаніе по слову апостола: „себя испытайте, аще еси въ вѣрѣ себя испытайте!“

Алексѣй, въ началѣ сего лѣта, не видя со стороны матери нашей никакой наклонности къ предположенной имъ передачѣ ему имѣнія началъ явно требовать оной и получилъ отказъ. Сей отказъ раздражилъ его самолюбіе, и онъ началъ требовать настоятельно,—забывъ уваженіе должное матери,—того, чего не могъ получить по согласію, представляя, что онъ, будучи въ службѣ, не получалъ дохода, забывъ, что въ награду сей уступчивости мать предоставила ему лучшую часть изъ всего отцовскаго имѣнія и содержала на своеемъ иждивеніи 12 человѣкъ его деныщиковъ и болѣе 20 лошадей въ теченіе двухъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, Алексѣй согласясь съ Натальей, рѣшился жестоко отомстить матери за ея непреклонность на его желаніе и, вслѣдствіе сего, они сначала приступили къ тайному вывозу всего имущества матери изъ ея кладовыхъ, что имъ и легко было сдѣлать, ибо матушка по своей слабости ни за чѣмъ не смотрѣла, какъ выше сказано, а все было въ рукахъ Натальи и Алексѣя. Разсказывали люди, что, нагружая разными вещами подводы крестьянъ матушки, отправляли ихъ среди дня мимо оконъ дома и на вопросъ ея, что за обозъ идетъ безстыдно лгали говоря:—какіе то чужіе,—и мать сему вѣрила. По окончанію сего вывоза Алексѣй, съ грубостію приступя къ престарѣлой матери, снова началъ требовать своего вознагражденія и съ неслыханною дерзостію вынудилъ ее дать купчую на одного ея человѣка, ему нравившагося; огорченная симъ мать выѣхала послѣ сего дѣйствія изъ своего дома къ живущей съ нею въ одномъ селѣ родственницѣ и прислала оттуда за меньшой сестрой моей Александрой, по Алексѣй и Наталья, рѣшившись бросить мать, уѣхали въ Есенокъ, оставя столь гнусныи и злодѣйскимъ образомъ 70-лѣтнюю слабую мать безъ всякой подпоры, утѣшенія и помощи. Такой конецъ воспріяла съ одной стороны несправедливость матери къ другимъ ея дѣтямъ въ пользу сихъ избранныхъ ея, а съ другой стороны алчность и мщеніе непокорнаго и несчастнаго сына, несчастнаго, ибо послѣ увидимъ 15-лѣтнее его за сіе страданіе и ужасную смерть. По прибытии своемъ въ Есенокъ, Алексѣй, исполняя мѣру своей наглости

противъ матери, рѣшился на самый подлый поступокъ:—онъ, приглася къ себѣ пьяного Епифанскаго тогдашняго судью Голубкова, одаря его и употчиваю, убѣдилъ выдрать листъ изъ раздѣла, которымъ Есеновскій домъ со всею усадьбою представленъ былъ матушкѣ и вмѣсто его вписать, что сей домъ и усадьба отданы Алексѣю и, получа все оное, выгналъ ея скотину и людей, какъ бы въ заплату такового ея поступка съ нами въ 1805 году.

Получа о семъ окончательномъ безчестномъ поступкѣ извѣстie, матушка рѣшиласьѣхать въ Тулу, просить о семъ губернатора, что и исполнила въ началѣ зими. Выѣхавъ для сего въ началѣ декабря, она изволила изъ Притонъ (деревни, на большой дорогѣ лежащей, въ 8 верстахъ отъ меня) прислать ко мнѣ за квасомъ, приглашалъ при томъ меня прїѣхать въ Тулу. Алексѣй, исполнняя мѣру свою, узнавъ о семъ, пustился впередъ и научилъ передового матушкина человѣка,ѣхавшаго въ Тулу для найма дома, чтобы онъ не искалъ онаго, дабы тѣмъ вновь обезпокоить ее, а самъ въ пьяномъ видѣ обсакивалъ нѣсколько разъ экипажъ матушки и уговаривалъ дѣвокъ ея уйти отъ нея. Непривыкшая къ столь отдаленному трудному пути, одна, безъ дочерей къ пособію коихъ привыкла, и, по прїѣздѣ въ Тулу не найдя готовой квартиры и принужденнаяѣздить по городу болѣе трехъ часовъ, сія достойная, но несчастная мать принуждена была остановиться въ домѣ родственницы своей Барноволоковой, гдѣ, не могши имѣть нужнаго ей покоя въ теченіи двухъ дней, пока нанили ей домъ, она занемогла. Узнавъ о семъ, брося все свое хозяйство, въ худой кибиточкѣ поскакаль въ Тулу и нашелъ любезнѣйшую мать мою въ болѣзnenномъ положеніи. Оставшись при ней, я упросилъ двоюродную тетку нашу Барноволокову оставить дочь ея Александру Петровну для хожденія за матушкой, ибо различіе пола препятствовало мнѣ исполнить сію священную обязанность; призванный докторъ началъ пользоваться матушкou, но ей, не взирая на сіе, становилось часъ отъ часу хуже. Въ сихъ обстоятельствахъ я послалъ нарочного къ Алексѣю и сестрамъ, прося ихъ прїѣхать примириться съ умирающей матерью, но Алексѣй полагая, что я его обманываю, не поѣхалъ и сестры также, итакъ почтенѣйшая и престарѣлая мать, имѣющая многочисленныхъ дѣтей, лишилась помощи ихъ и утѣшенія умереть среди благословеній оныхъ. Что сему причиню? Справедливость требуетъ сказать, что съ одной стороны несправедливость въ отношеніи къ равенству всѣхъ дѣтей должностному и любовь по избранію, а съ другой злое сребролюбіе, жестокость сердца и отсутствіе всѣхъ чувствъ человѣческихъ были первою пружиною сихъ печальныхъ послѣдствій. Болѣзнь матушки, день ото дня становившаяся опаснѣе, приб-

лижала ее къ дверямъ гроба; чувствуя наступленіе часа смерти, она потребовала духовника, исповѣдалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ съ большимъ чувствомъ. Я быль свидѣтель, что когда священникъ началъ читать ей молитву „Вѣрую Господи“, то она подняла дрожащія свои руки и глаза на небо, куда готовилась вскорѣ переселиться; кончина ея была кончиной праведной: тиха, мирна и подобна угасающей лампадѣ; я паль къ ногамъ ея и слезами моими омыть оныя. Предавъ землѣ бренные остатки сей умной, просвѣщенной и любезной мнѣ матери въ селѣ Порѣчье, я возвратился въ мою хижину съ чувствомъ горести и негодованія на злобу людей. Правду сказалъ Пушкинъ: „Кто жиль и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“.

Глава V.

Хорошій доходъ, строеніе дома, газетныя извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ. Напестіе французовъ, невозможность явиться на поле брани; бѣгство дворянъ и ругательства черни.

1812 годъ.

Необыкновенный урожай хлѣба въ 1811 году и высокая цѣна на оній, вознаградя всѣ труды мои, доставили мнѣ большой, а именно болѣе 2000 рублей простиравшійся, доходъ. Имѣя у себя 4 тягла здѣсь, я большую часть хлѣба продалъ на мѣстѣ по огромной цѣнѣ и съ сими то деньгами началъ зимой приготовлять лѣсъ на строеніе дома, пользуясь подводами добрыхъ моихъ сосѣдей. Къ Апрѣлю 1812-го года домъ мой построенный на квадратѣ 12-аршинной мѣры, имѣлъ 4 комнаты чистыхъ и покойныхъ, которымъ я радовался болѣе, нежели богачъ новой отѣдѣлкой великолѣпныхъ палатъ своихъ. Радость моя была столь велика, что едва онъ былъ оконченъ, какъ я въ половинѣ Апрѣля перешелъ въ него жить; холодъ, бывающій у насть довольно жестокимъ въ сіе время, много меня беспокоилъ, ибо домъ былъ безъ печей, но молодость и соединенное съ оною милодушіе добровольно выносили то, за что часто многіе платятъ жизнью. Получая въ сіе время газеты, какъ необходимую для моего занятія потребность, я видѣлъ изъ онъхъ огромныя военные приготовленія на западныхъ нашихъ границахъ, видѣлъ что тамъ устроены три дѣйствующихъ арміи и двѣ резервныхъ и оставался покоенъ въ разсужденіи безопасности своего отечества, помня, что мы въ 1807-й году съ 70-тысячною арміею противостояли Наполеону, имѣвшему 150 тысячъ! При наступленіи лѣта и теперь не только занялся парниками, но и устройствомъ цвѣтника, который я хотя и передъ прежней своей избушкой имѣлъ, но самый маленький, а теперь получилъ возможность слѣдовать сей моей

стради въ лучшемъ уже видѣ. Любя цвѣты всякаго рода, я самъ ходилъ за ними, поливая и очищая оные, и симъ пріятнѣйшимъ занятіемъ имѣлъ весьма большое удовольствіе, видѣть цвѣты мои въ прекрасномъ видѣ. Но среди сихъ мирныхъ занятій въ исходѣ Іюня я пораженъ былъ извѣстіемъ о вторженіи арміи Наполеоновой въ предѣлы нашего отечества. Въ то же время наступили сильныя жары и необыкновенная засуха и появились черви, истребившіе совершенно всходы гречи и позднихъ овсовъ нашихъ. Среди сихъ домашнихъ и политическихъ бѣдствій распущены были слухи самые непріятные, положившіе начало тому плачевному предчувствію, которое оправдалось потерю Смоленска въ началѣ Августа. Въ то же время получилъ я воззваніе Царя, приглашавшее къ оружію всѣхъ дворянъ. Первое чувство мое было броситься къ оружію и летѣть на знакомыя поля браны, но для сего надо было имѣть деньги на обмундировку и другія необходимыя издержки, а я свои, не вѣдая о грозѣ страшившей наше отечество, всѣ протратилъ и остался безъ гроша. Занять было не у кого, ибо я ни съ кѣмъ знакомъ не былъ; оставалось одно средство—занять оные у богатаго брата,—и я прибылъ къ Алексѣю. Но сей недостойный сынъ отечества, не взирая на свой чинъ, собрался бѣжать въ Тамбовскую покойной матери нашей деревню, и для того собравъ свои деньги и вещи, укладывалъ ихъ въ экипажи тогда, когда я въ жару любви къ отечеству пріѣхалъ къ нему просить помощи для способствованія мнѣ къ защитѣ любезнаго моего отечества. Далекъ будучи сихъ благородныхъ чувствъ, онъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ 200 рубляхъ и не теряя времени пустился въ бѣгство, явно обнаружа тѣмъ слабость своего характера и величайшій эгоизмъ, столь пагубный въ общественной и частной жизни. Оставившись безъ денегъ и видя что намѣреніе мое сражаться никакимъ образомъ исполнено быть не можетъ, ибо бѣдственное состояніе полей нашихъ мало давало надежды и къ зимнему доходу, я въ половинѣ сентября собрался въ Подсосенки, гдѣ собирались уже всѣ мои родные, могшіе порядочно поувабить мнѣ тамъ принадлежавшее. Бѣхавши дорогой я видѣлъ совершенное переселеніе народовъ. Надо себѣ представить великое число скачущихъ экипажей, огромные тянувшіеся купеческіе обозы, Ѣдущій и идущій народъ, чтобы имѣть понятіе о тогдашнемъ всеобщемъ бѣгствѣ изъ Москвы, ея окрестностей и прикоcновенныхъ къ ней губерній; особенно ночь представляла величественное и какъ бы воинственное арѣлище отъ блеска разводимыхъ народомъ огней, уподобляя оные бивакамъ огромной арміи. Ругательства черни, живущей на большой дорогѣ, которыми осыпала она проѣзжавшихъ господъ, изумляли меня, приводили мысли мои къ ожиданію всеобщаго возмущенія сего многочисленнаго класса людей. Я ежеми-

нутно ожидаль, что сіи бѣгущія господчики будуть жертвою яости черни, но къ счастію, ея роть, дѣйствуя во всей силѣ, оставляль руки въ совершенномъ бездѣйствіи. Я совершенно увѣренъ, что одни партизаны, столь не нравившіеся Наполеону и всѣмъ французскимъ писателямъ о сей войнѣ, были одною изъ важнѣйшихъ причинъ восстанія народа въ Московской и Смоленской губерніи. Утлый мой экипажецъ, не обращая на себя вниманія черни, избавляль меня отъ ругательства, и я покойно пріѣхалъ въ Подсосенки; проживъ тамъ нѣсколько дней и видя, что и тамошніе помѣщики собралисьѣхать далѣе, опасаясь приближенія театра войны, и наскуча смотрѣть на глупыя предосторожности нашего генерала, я въ концѣ Сентября возвратилъ въ свое Красное, гдѣ и узналъ, что армія наша, порученная знаменитому и испытанному во браняхъ Кутузову, стоить въ крѣпкой позиціи при Тарутинѣ въ Калужской губерніи и что французы плохо.

Глава VI.

Раздѣлъ имѣнія 1813-го года; поѣздка въ Тамбовъ, продажа имѣнія, уплата долговъ. Тяжкая болѣзнь Алексія и несогласіе его съ сестрами. Поправка въ моемъ устройствѣ.

1813—1814 годы.

Наконецъ прошелъ ужасный для Россіи 1812-й годъ и съ наступленіемъ новаго 1813 года водворился у насъ миръ и спокойствіе, хотя война въ Европѣ и свирѣпствовала еще во всей силѣ. Въ семъ году приступили мы къ раздѣлу имѣнія оставшагося послѣ покойной нашей матери.—Дурное обращеніе Алексія съ сестрами, его развратное поведеніе внушило мнѣ сожалительное чувство, хотя и къ виновнымъ, но и весьма жалкимъ сестрамъ моимъ, и я убѣдилъ братьевъ: покойнаго Николая и здравствующихъ Ивана и Владимира, уступить имъ село Подсосенки частію здѣшняго имѣнія такъ, что у насъ братьевъ и сестеръ составлялись равныя части по 35 душъ, ибо село Колтырино въ 35 душахъ состоящее положили мы продать и сими деньгами заплатить долги покойныхъ нашихъ родителей до 10000 рублей простиравшіеся. Къ чести братьевъ моихъ надо сказать, что они устраивая судьбу сестеръ забыли даже о себѣ, ибо ни у меня, ни у братьевъ не было еще устроенныхъ усадьбъ, а у Владимира и никакой, а они уступили сестрамъ прекрасно устроенную усадьбу въ Подсосенкахъ съ большимъ домомъ, садомъ и со всѣмъ дорогимъ надворнымъ строеніемъ; однимъ словомъ, братья доказали свою любовь и участіе къ сестрамъ такое, которое приносить имъ честь незабвенную, и за которое

сестры имъ заплатили въ 1827 году ужасною неблагодарностію, какъ увидимъ впослѣдствіи.

По окончаніи раздѣла, отправились мы всѣ, но сообразно воспитанію и характеровъ своихъ, всѣ по разнымъ отдѣленіямъ въ Подсосенки, гдѣ запродаю Котырино за 10500 руб. госпожѣ Протасьевой, поѣхали въ Тамбовъ для совершенія купчей и полученія съ нея тамъ денегъ и здѣсь Алексѣй, по праву сильнаго, взялъ деньги къ себѣ, и мы по окончаніи всего дѣла выѣхали изъ Тамбова всякой въ свой домъ, благодаря Бога, что продавъ, хотя и дешево Котырино, но все же заплати долги, останемся покойны, владѣя всякой своимъ имѣніемъ, а главная радость моя была та, что сею продажею я избавлялся отъ тяжкой опеки Алексѣя, который, внеся свои деньги въ уплату долговъ покойныхъ нашихъ родителей, могъ все наше имѣніе прибрать въ свои руки и сдѣлать насть своими вассалами, что уже онъ привелъ въ дѣйствіе по Козельской нашей деревнѣ. По полученіи достальныхъ денегъ съ нашей покупщицы Алексѣемъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ исходѣ 1813-го года по зимнему пути въ Тулу, дабы быть свидѣтелемъ взноса всей суммы отъ Алексѣя въ тамошнее губернское правленіе; оконча и сіе послѣднее наше дѣло, я съ глубочайшою къ Богу благодарностію радостно возвратился въ смиренный мой домикъ. Наконецъ Божеское правосудіе коснулось Алексѣя за его оскорблениія матери и всѣхъ насть, и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь въ началѣ 1814-го года, которая, медленно приближая его ко гробу, положила конецъ его жизни въ 1827-мъ году, какъ увидимъ впослѣдствіи. Несогласіе его съ сестрами, страхъ смерти, непомѣрная скучность, видимое неудовольствіе всѣхъ его родныхъ за его наглое и презрительное съ ними обращеніе, все сіе совокупно дѣлало Алексѣя въ глазахъ моихъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ; онъ по всей справедливости болѣе заслуживалъ сожалѣніе нежели ненависть, ибо, истоща всѣ жизненные соки безпорядочною жизнью своей молодости, оставался теперь холоднымъ ко всему высокому и изящному. Подобный ему представляеть примѣръ и великий Фридрихъ король Пруссій, не могшій равнодушно видѣть счастіе другихъ людей и равнодушно взиравшій на бѣдствія онъхъ, что многими умными и опытными людьми приписывается развратной его молодости; вотъ живые примѣры, по которымъ всякой молодой человѣкъ, желающій окончить дни свои въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣми людьми долженъ строго устраниять себя отъ всѣхъ излишествъ, а паче вина и тѣмъ болѣе неумѣренного употребленія онаго, о чемъ и святый апостолъ Павелъ, великій наблюдатель человѣчества, написалъ сими словами: „Не упивайтесь виномъ, отъ кото-

раго бываетъ распутство“ (Къ Ефес., гл. V-я, стих. 18-й), а сie распутство, истощая физическія силы, потемняетъ память, истребляетъ чувство нѣжности, дѣлаетъ подозрительнымъ и неспособнымъ ни къ любви, ни къ дружбѣ; однимъ словомъ, истребляя всѣ чувства человѣческія, дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, ищущему только отличной пищи, которую мнить онъ напитать изнуренное тѣло свое и покоя физическаго, черезъ который думаетъ сей бѣднякъ укрѣпить себя. Но тщетны всѣ сіи усилія, ибо они еще болѣе ускоряютъ приближеніе смерти, тогда какъ сіи истощенные чѣмъ болѣе слабѣютъ, тѣмъ болѣе хотятъ жить, завидуя здоровымъ людямъ. Я былъ очевидцемъ молодости и преждевременной смерти, а, что еще тягостнѣе, страдательной жизни Алексія и пишу сіе наиболѣе для примѣра вашего, любезнѣйшія мои дѣти, дабы, видя живой примѣръ, вѣдали сколь опасно истощеніе скоро проходящей юности и заранѣе узнали цѣну сохраненія своего здоровья для проведенія мирной и счастливой и долгоденственной старости, о чёмъ величайшій нашъ Благодѣтель Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, повелѣвъ намъ: „бдите на всякое время и молитесь да сподобитесь избѣжать всѣхъ сихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго“, (Луки, гл. XXI-я, ст. 36-й.) Къ сохраненію себя отъ сего пагубнаго истощенія нѣть лучшаго руководителя, какъ святое Писаніе Библіи, въ ней на каждой страницѣ мы научаемся жить достойно человѣческаго назначенія, тамъ мы увидимъ увѣщеніе: „Трезвитесь и бодритеся“. (1-го посл. Петра V гл., стих. 8-й.). „Худыя общества развращаютъ добрые нравы“. (Къ Корине: 1-го посл. XV гл., ст. 33-й). „Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались обѣяденіемъ и піянствомъ“ (Луки, гл. XXI-я, ст. 34-й). „Со страхомъ проводите время странствованія вашего“. (Петра 1-го посл. гл. 1-я, ст. 17-й). „Испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы? самихъ себя изслѣдуйте“. (Къ Корине.: 2-го посл. гл. XII, ст. 5-й), и многія другія наставленія и предостереженія; итакъ возьмемъ себѣ за спасительное правило жить такъ, какъ повелѣлъ Единый Наставникъ и Учитель нашъ Іисусъ Христосъ, и мы увидимъ еще въ здѣшней жизни благія послѣдствія святѣйшаго ученія сего. Послѣ сего спасительного отступленія обратимся къ тогдашимъ современнымъ событиямъ моей жизни. По уплатѣ долговъ родителей моихъ и по полученіи мною въ наслѣдство отъ покойной моей матери 2 тицголь въ Красномъ, съ 3 или 4 десятинами въ каждомъ полѣ земли. Состояніе мое нѣсколько улучшилось, ибо я уже имѣлъ домъ и началъ устраивать и разное надворное строеніе, мазанное на малороссійскій манеръ, что дѣлало гораздо лучшій видъ и прочность чѣмъ плетни, доселѣ у меня бывшіе. Получа въ число переплоченныхъ мною прежде общей заплаты за долги родителей моихъ болѣе 400 рублей,

я въ началѣ 1814-го года купилъ въ Тулѣ хорошия на рессорахъ дрожки за 325 р. и, купя всю къ нимъ принадлежность, получилъ возможность выѣзжать порядочно, почему и началъ знакомиться въ семъ году съ сосѣдями своими: Марковымъ, Албучевымъ, Григоровыми и двоюродными моими братьями Леонтьевыми и симъ средствомъ началъ уже пріятнѣе проводить время. Въ сіе время годовой доходъ мой съ пансиономъ обыкновенно простирался до 1000 рублей, ибо хлѣбный расходъ, умножась на содержаніе дворовыхъ людей, которыхъ въ сіе время имѣлъ я уже 6 человѣкъ, не считая женщинъ, не позволялъ мнѣ дѣлать всей продажи хлѣба; къ тому содержаніе 2-хъ лошадей для своего выѣзда, и пріѣздъ гостей дѣлали расходы болѣе прежняго и потому я, хотя, имѣлъ всѣ жизненные выгоды, но денегъ у меня въ карманѣ было немного, ибо и изъ 1000 надо было много издерживать на покупку мебели, серебра столоваго, посуды и прочаго. Такимъ образомъ, я хотя и могъ уже считаться въ числѣ помѣщиковъ, но весьма небогатыхъ. Робость, свойственная недостатку, при видѣ житья богатыхъ моихъ сосѣдей, иногда дѣлала меня неловкимъ въ обращеніи, но я старался побѣдить сіе скорбное чувство величиемъ твердаго духа и иногда успѣвалъ въ семъ.

Глава VII.

Выборъ въ исправники 1815-го года, служеніе, знакомства, довѣренность дворянъ ко мнѣ; услуга знакомымъ, справедливость и беспристрастіе, любовь и уваженіе всего уѣзда; поправленіе домашнее, смерть брата Николая въ 1815-мъ году.

1815 годъ.

Наступленіе 1815-го года открыло у насъ выборы; братъ мой Алексѣй возжелалъ помѣстить меня въ исправники, и, отнесся о семъ къ Григорову, сильному по связямъ въ нашемъ уѣзду дворянину, и получилъ его согласіе. Не помышляя о таковомъ возвышеніи, ибо зналъ, что многіе извѣстнѣйшие меня дворяне желали занять сіе мѣсто, я весьма удивился и обрадовался, узнавъ, что уже всѣ дворяне предварительно положили избрать меня на сіе, лестное тогда, мѣсто. Я радовался не потому, что могъ обогатиться, но что могъ теперь быть полезнымъ обществу дворянъ и могъ еще болѣе сблизиться съ ними, чего всегда и желалъ я, потому что, живучи въ деревнѣ, я не могъ имѣть иной цѣли, не имѣя семейства и живучи въ совершенномъ одиночествѣ, сверхъ сего, видя, какъ прежніе исправники исполняли сію должность, я чувствуя себя способнымъ, хотѣлъ дать примѣръ истиннаго служенія, въ чемъ и успѣлъ впослѣдствіи при благословеніи Господа щедротъ.

Такимъ образомъ, брошенный прежде отъ всѣхъ людей и, неоднократно испытавъ величайшія превратности, я въ началѣ 1815-го года сталъ на чреду лучшихъ членовъ своего сословія, ибо при самомъ избраніи я имѣлъ удовольствіе слышать отъ многихъ умныхъ и лучшихъ дворянъ нашего уѣзда лестныя ихъ надежды на мое служеніе. По желанію моему мнѣ дали засѣдателей, Н. Е. Хрущова, моего теперешняго лучшаго пріятеля, съ которымъ я во время нашей службы сдѣлался пріятелемъ и другомъ, и Карочарова, хотя простого, но довольно изряднаго дворянина; съ сими то товарищами, въ исходѣ Января, я вступилъ я въ должность свою, имѣя предводителемъ умнаго, честнаго и кроткаго Ивана Ивановича Бибикова, мужа единственнаго по любви его къ общему благу: сей то рѣдкій человѣкъ былъ для меня примѣромъ на новомъ моемъ поприще, и навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Должность моя сблизила меня со всѣми дворянами нашего уѣзда, которые почти всѣ были люди просвѣщенаго ума, люди, что называется, большого свѣта и лучшаго тона. Изъ нихъ наименую я только нѣкоторыхъ, чтобы дать понятіе о томъ кругѣ, въ которой взошелъ я; первый изъ нихъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахлестышевъ, отецъ генерала сей фамиліи, потомъ Татищевъ, Измайлова, Власова, генералы Бибиковы, Писаревъ, Молчановъ, Игнатьевы, Шнейдеръ и Протопопова. При самомъ вступленіи своемъ на поприще своего служенія, я взялъ себѣ за правило быть неусыпнымъ и справедливымъ въ своемъ званіи и сколько можно чаще быть между сими просвѣщенными людьми. Это знакомство было для меня наукой новою и весьма полезною, ибо служа въ военной службѣ, что могъ я видѣть, кромѣ начальниковъ и подчиненныхъ, биваковъ и сраженій и другихъ подобныхъ сему предметовъ? Но теперь я вошелъ въ кругъ общества, замѣчая его обычай, страсти людей и, что называется, обжился съ ними, получа въ сіи два года болѣе познанія для меня нужнаго, нежели предшествовавшее теченіе моей жизни. Привыкнувши видѣть прежнихъ исправниковъ только при слѣдствіяхъ и въ судѣ, сіи почтенные дворяне съ удивленіемъ и удовольствиемъ видѣли, что я весьма часто былъ среди ихъ и, слѣдственно, не дѣлалъ ничего такого, чтобы заставляло меня отъ нихъ скрываться, но напротивъ, вида, что я всегда и вездѣ готовъ самъ начинать разговоръ о дѣлахъ моихъ и требовать въ иныхъ случаяхъ ихъ совѣта, они меня не только полюбили, но и начали уважать, узнавъ, что я совсѣмъ удаленъ отъ всякаго рода притѣсненій, взяточъ и другихъ мерзостей. Вслѣдствіе сего сіи почтенные люди при случившихся дѣлахъ своихъ безъ всякихъ бумажныхъ просьбъ избрали меня посредникомъ и чѣмъ я рѣшаль, такъ то и оставалось; къ числу сихъ случаевъ расскажу объ одномъ: Василій Фед. Молчановъ,

одинъ изъ старшихъ дворянъ нашихъ, имѣя общія полевыя дачи съ небогатымъ помѣщикомъ Жеребцовыемъ и считая, что сей завладѣль у него луга, взошелъ съ нимъ въ дѣло, но узнавъ меня, они оба просили меня, разобрать ихъ и развести, соглашалась заранѣе исполнить все то, что я сдѣлаю. Получа сіе довѣріе, я поѣхалъ на мѣсто спорнаго владѣнія, собралъ понятыхъ и съ помощью ихъ и собственнаго безпристрастія нашелъ, что не только Жеребцовъ, кото-раго ли не вѣдалъ, не завладѣль у Молчанова лугами, но что сей послѣдній много захватилъ его луговъ и потому, какъ я не ува-жаль Молчанова, но тутъ же отрѣзавъ отъ него неправильно при-своенное количество луговъ и возвратилъ Жеребцову, и о семъ извѣстить поѣхалъ самъ къ Молчанову; сей почтенный старецъ, который и теперь знакомъ хорошо съ нами, долженъ былъ согласиться самъ со мною, слыша мои доводы и ни мало симъ не оскорбился, хотя, быть можетъ, и по наружности. Сіе дѣло, по которому я осудилъ моего знакомаго и мною уважаемаго человѣка, а оправдалъ мало знакомаго и ничтожнаго помѣщика, вновь усилило ко мнѣ любовь и довѣріе всѣхъ дворянъ нашихъ. Такимъ образомъ, проходя мое служеніе обществу, я всегда имѣлъ въ сердцѣ, что Всемогущій Судья ничѣмъ столь не благоугож-дается какъ правою. Я помнилъ, что мы, христіане, обязаны дѣлать помощь всякому требующему оной и потому въ нуждѣ Игнатьева и Шнейдера, здѣшнихъ помѣщиковъ, найдя имъ первому четыре, а второму двѣ тысячи рублей, помогъ имъ столько, что они долго сіе помнили. Я никогда и ничѣмъ ни отъ кого не пользовался, полагая, что взять, и по окончаніи дѣла, есть преступленіе гнусное, довольствуясь, собственнымъ своимъ доходомъ, жаловашемъ и двумя тысячами рублей отъ откупщика; я жилъ очень хорошо и имѣлъ всегда открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ. прїезжавшихъ по дѣламъ своимъ въ городъ. Въ сіе времѣ отданній мною два года тому назадъ въ ученье поваръ вышелъ, оконча оное, и потому столъ у меня всегда бывалъ очень вкусный, и прїезжавшіе помѣщики очень были рады, находя у меня столъ, покой и скорое исполненіе своихъ просьбъ, что ни прежде, ни послѣ меня они ни отъ кого не имѣли, что неоднократно я самъ имѣлъ удовольствіе отъ нихъ слышать.

Глава VIII.

**Возвращеніе въ Красное, постоянное во ономъ жительство,
увеселенія, устройство экипажа и желаніе жениться.**

Въ 1817 году назначенъ былъ новый выборъ, дабы привести опять въ порядокъ трехлѣтіе, бывшимъ ополченіемъ противъ французовъ

разрушенное ибо предшествовавшаго мнѣ выбора дворянинъ прослужилъ 4 года за неимѣніемъ на смѣну новыхъ членовъ.

Будучи удостовѣренъ двухлѣтнимъ служеніемъ въ тягостномъ и трудномъ служеніи въ званіи исправника и нежелая болѣе быть зависимымъ отъ прихоти нибудь какого крюкотворца губернскаго правленія, я просилъ дворянъ о моемъ увольненіи, на что и получилъ согласіе, ибо Сафоновъ, искавшій въ прошлой выборѣ исправничества, но зачерненный тогда для меня, вновь своими поисками началъ искать онаго и нашелъ людей, разумѣется, подобной себѣ нравственности, которые желали его. Послѣдствія показали, что охотники по гражданской службѣ никуда не годятся, и сей господинъ Сафоновъ началъ не брать, а грабить, что особенно было для многихъ чувствительно, послѣ двухлѣтняго моего служенія, въ которое жители уѣзда начали забывать грабежъ моихъ предшественниковъ и научились тому, что прямое благородство состоить въ истинѣ и безпристрастіи. Несправедливость и алчность моего пріемника пролили новый свѣтъ на мое служеніе и тогда то отъ многихъ лучшихъ дворянъ и бѣдныхъ людей часто весьма часто удавалось мнѣ слышать: „нѣть, такого уже исправника намъ не имѣть, каковъ былъ прежній!“ и эта похвала была истинною наградою двухлѣтнихъ трудовъ моихъ при искорененіи разнаго рода злоупотребленій и притѣсненій. Здѣсь я долженъ замѣтить, что и человѣкъ, который лишенъ способа кривить, невольно уважаетъ того, кто былъ сему причиной, ибо самые приказные, которые многаго были лишены при мнѣ, всегда и вездѣ отзывались обо мнѣ съ уваженіемъ и удивленіемъ послѣ уже моего удаленія отъ службы. Итакъ правда всегда и всѣмъ любезна! и кажется, нѣть человѣка, который не отдалъ бы ей дани уваженія и любви.

Оставя обширный кругъ дѣятельности, я удалился въ мирный свой уголокъ и принялъ за любимое мое занятіе—садъ и чтеніе, размышляя на свободѣ о всѣхъ дарахъ, коими небесное Провидѣніе окружило, такъ сказать, человѣка, и который долженствовалъ бы въ мирѣ наслаждаться оними, я предпочиталъ мирное уединеніе блеску общаго уваженія.

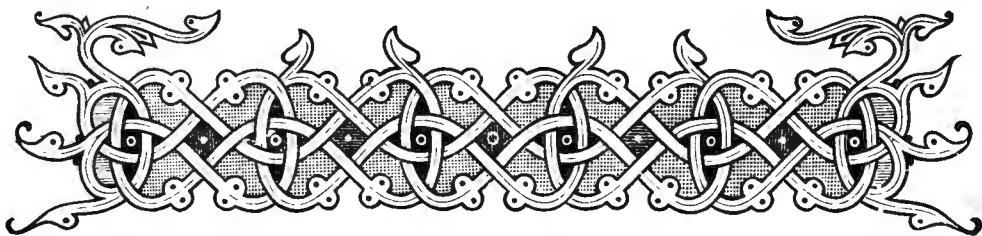
Поселясь въ своемъ Красномъ, будучи всѣми любимъ и видя состояніе мое улучшеннымъ черезъ доставшееся мнѣ имѣніе, я могъ жить весело, принимая у себя и выѣзжая въ свободное время по моимъ сосѣдямъ. Въ семъ году я началъ еще улучшать свое хозяйство, построивъ кухню, купивъ мебель и крытыя дрожки для спокойнѣйшихъ выѣздовъ.

Обзаведясь всѣмъ нужнымъ и для холостого даже съ изобилиемъ, я умножилъ свое знакомство офицерами пришедшаго къ намъ Астраханскаго grenадерскаго полка, изъ числа которыхъ баронъ Штейнвернъ, бывъ переведенъ въ гвардію, теперь въ хорошемъ ходу, имѣя уже и чинъ полковника; онъ былъ мною обласканъ и принять всегда очень

хорошо и, быть можетъ, со временемъ онъ мнѣ и пригодится для дѣтей моихъ, чего я тогда вовсе и въ предметѣ не имѣлъ. Такъ то часто случается съ нами, что человѣкъ, котораго мы менѣе всего ожидали видѣть въ чинахъ и почестяхъ, получаетъ оные и дѣлается предметомъ поченія иуваженія.

Разъѣзжая туда и сюда и, повидимому, наслаждаясь свободою, я начиналь скучать своимъ одиночествомъ; пусть, что хотять пишутъ на счетъ супружества, но человѣкъ съ тѣмъ сотворенъ, чтобы въ кругу одного своего семейства находить истинное счастіе; пусть вострять языки свои свѣтскія умницы на счетъ браковъ, но вседневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что только въ мирѣ семейства можно имѣть совершенное удовольствіе или, иначе,—его шѣтъ для человѣка въ семъ подлинномъ мірѣ. Очень естественны и съ истинною согласы положенія Жуи, когда онъ говоритъ: „семейство есть изъ всѣхъ обществъ самое естественное и самое древнѣйшее. въ немъ находили мы счастіе въ первые годы нашей юности; тамъ же должны искать его и въ престарѣлыхъ лѣтахъ“ *). Сего то источника утѣшенія сей бренной и бѣдами исполненной жизни нашей начиналь и я искать; я чувствовалъ, что я не рожденъ къ одиночеству; мысль быть однимъ въ теченіе всей жизни и не имѣть человѣка, который бы имѣлъ ближайшее ко мнѣ чувство всегда меня тяготила. Но какъ я могъ найти сіе существо, которое бы, чувствуя ко мнѣ истинную привязанность, рѣшилось бы быть мою подпорою и утѣшеніемъ? Гдѣ женщина, которая могла бы вполнѣ чувствовать обязанности жены и матери? небогатое мое состояніе. образъ мыслей, многихъ впрочемъ, любезныхъ дамъ, заставляли меня отчаиваться найти то, чего столь пламенно желалъ я. Чувствуя, что не въ силахъ моихъ обрѣсти неоцѣнное сокровище въ вѣрной и доброй женѣ. я въ истинной покорности и увѣренности на благость Руководителя рода человѣческаго. рѣшительно положился на Его неизсякаемое милосердіе, ожидая не благоволить ли сей Всемилосердный Господь и Исполнитель мой. благословить меня симъ даромъ по единой Его неописанной благости. Я не имѣлъ никакого дара ни внутренняго, ни наружняго. былъ брошенъ своими родителями среди мира, не бывъ ни къ чему способенъ по моему нравъству и необразованности, итакъ чего же я могъ надѣяться? только въ благости и милосердіи Отца сирыхъ обрѣль я толикое благословеніе, какого и многіе великие міра сего не всегда удостаиваются.

*) См. Французскіе нравы XIX столѣтія. Стр. 107. Жуи.

ПИСЬМО А. П. ЗОНТАГЪ¹⁾ КЪ А. П. КИРѢЕВСКОЙ.

6 марта, 1855 года.

Ну, что, друзья мои, какъ вы поживаете и что у васъ новень-
каго? Каково твое здоровье, моя Дуняша? Теперь осталась одна я, ко-
торая имѣю право называть тебя Дуняшою, сестра моя. Да! еще есть
другая съ этимъ правомъ: Анна Николаевна²⁾. Немного ужъ нась, ста-
рыхъ современницъ, доживающихъ вѣкъ! Всякому своя очередь повер-
тяться на сценѣ міра! Мнѣ хотѣлось бы дожить до конца трагедіи,
которая разыгрывается теперь, потому что, какъ уйдешь отсюда, ужъ
не будеть дѣла до того, что происходитъ на этомъ кровавомъ театрѣ:
si l' on y fait la paix, si l' on y fait la guerre, s'il est la des hÃ©ros,
des grands, des potentats, si le sort y ravi ou donne des Ã©tats.

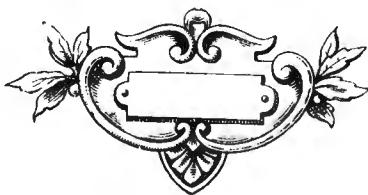
Мнѣ хотѣлось бы знать—кто этотъ Ростовцевъ, котораго такъ
любить Государь. Ростовцевыхъ нѣсколько братьевъ; я немного знала
одного изъ нихъ, и вотъ какимъ образомъ: въ 1828 году, во время
войны съ турками, когда Императрица была въ Одесскѣ, Егоръ Василь-
евичъ былъ инспекторъ карантина и начальникъ обоихъ портовъ ка-
рантиннаго и практическаго. Ему было пропасть дѣла потому, что ни
одинъ корабль не приходилъ и не уходилъ безъ него. Хотя Босфоръ,
по причинѣ войны, былъ запертъ и торговли виѣшней никакой не
было, но движеніе по Черному морю было превеликое. Множество
иностранныхъ купеческихъ кораблей остались запертыми въ Одесскѣ и
всѣ они были зафрактованы правительствомъ для перевоза войскъ и
продовольствія къ арміи, находившейся за Дунаемъ; слѣдственно, без-
престанно корабли то приходили, то отходили; при чемъ требовалось
личное присутствіе Егора Васильевича, такъ что онъ никогда не зналъ
ни часа своего обѣда, ни завтрака. Онъ любилъ, чтобы чай разливали
при немъ, и я тогда сама разливала чай въ угодность ему, хотя очень

1) Рожденной Юшковой.

2) Арбенева, кузина.

не люблю этой операци. Въ одно утро онъ ушелъ по должности, а я сидѣла въ столовой за самоваромъ, ожидая его къ завтраку; вдругъ услышала, что колокольчикъ въ сѣняхъ зазвенѣлъ, кто то взошелъ на лѣстницу, и отворилась дверь въ гостинную. Полагая, что это Егоръ Васильевичъ, я пошла на встрѣчу, не дожидаясь доклада. Вижу передъ собой молодого гвардейского офицера, совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ молча мнѣ поклонился. Я спросила: „Вы конечно, имѣете дѣло до Егора Васильевича?“ — „Точно такъ,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—я желалъ бы видѣть Егора Васильевича“. — „Теперь его нѣть дома, но онъ долженъ скоро прійти потому, что еще не завтракалъ. Не угодно ли Вамъ пожаловать ко мнѣ и выкушать чашку чая?“ Онъ опять поклонился и пошелъ за мной въ столовую. Сѣвши за столъ, онъ замѣялся, нѣсколько смущился и сказалъ: „позвольте мнѣ спросить: кто такой этотъ Егоръ Васильевичъ, къ которому я пришелъ?“ Можете себѣ вообразить какъ меня удивилъ такой вопросъ! Я сказала ему, что это мой мужъ и кто онъ такой, потомъ, въ свою очередь спросила, почему онъ пришелъ къ человѣку, о которомъ не имѣть никакого понятія? Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ—Ростовцевъ, по болѣзни былъ на кавказскихъ водахъ, когда началась война съ турками, и желая явиться въ полкъ, спрашивалъ у своего брата куда ему отправиться. Этотъ полкъ, егерскій гвардейскій, былъ уже за Дунаемъ. Брать совѣтовалъ емуѣхать въ Одессу, гдѣ всегда найдеть скорѣйшее средство явиться къ полку. Ростовцевъ прїѣхалъ въ ночь въ Одессу, какъ въ лѣсъ, не зная ни одной души. Поутру онъ пошелъ на бульварь, въ концѣ котораго домъ Воронцовыхъ, гдѣ жила Императрица, и почти въ серединѣ бульвара былъ нашъ домъ. Къ Императрицѣ гвардейскій офицеръ долженъ былъ явиться, но было еще слишкомъ рано, и Ростовцевъ расхаживалъ взадъ и впередъ по бульвару, почти безлюдному. Навстрѣчу ему—какой то грекъ. Ростовцевъ остановилъ его и спросилъ—не можетъ ли онъ сказать ему, къ кому онъ долженъ отнестись, чтобы отправиться къ арміи.—Грекъ отвѣчалъ: „а вотъ къ Егору Васильевичу, онъ очень хорошій человѣкъ, сдѣлаетъ все, что вамъ надобно, и вы стоите противъ его дома“. Грекъ не сказалъ ни фамиліи, ни должности того, къ кому посыпалъ пріѣзжаго; а Ростовцевъ вошелъ прямо въ нашъ домъ, куда очень хорошо былъ адресованъ. Скоро пришелъ Егоръ Васильевичъ, мы вмѣстѣ всѣ позавтракали и посмѣялись случившемуся. Ростовцевъ былъ у насъ еще разъ и очень скоро отправился. Но, бѣдный!—онъ въ одномъ дѣлѣ былъ тяжело раненъ, и раненый попался въ плѣнъ къ туркамъ вмѣстѣ съ Докторовымъ, который тогда былъ еще юнкеромъ, и 18-ю человѣками солдатъ. Всѣ они очень много страдали, будучи въ плѣну. Однажды ихъ

поставили на колѣни, за каждымъ изъ нихъ сталъ турокъ съ обнаженою саблею и имъ велѣли готовиться къ смерти. Но въ ту минуту, какъ хотѣли съ нихъ снять головы, вошелъ посланный съ приказаниемъ вести ихъ въ Константинополь. Тамъ водили ихъ на показъ по улицамъ; народъ бросалъ въ нихъ грязь, камни, плевали на нихъ и, наконецъ, засадили въ тюрьму. Возвратились они изъ плѣна уже въ 1830 году, осенью, по заключеніи мира. Ростовцевъ и Докторовъ бывали у насъ. Ростовцевъ былъ очень печаленъ, и когда они пришли съ Докторовымъ, въ первый разъ вышедъ изъ карантина, Егоръ Васильевичъ просилъ ихъ отобѣдать у насъ, но Ростовцевъ отвѣчалъ: „нынче никакъ это невозможно!—сегодня мы угощаемъ нашихъ друзей-товарищѣй, тѣхъ солдатъ, которые были въ плѣну вмѣстѣ съ нами и которые вырабатывали деньги, чтобы насъ кормить“. Докторовъ много рассказывалъ о своемъ плѣнѣ, а Ростовцевъ, кажется, не могъ говорить объ немъ и былъ очень печаленъ. Вотъ мои милые, за неимѣніемъ лучшаго, маленькое повѣствованіе. Интересно ли оно вамъ покажется? Если нѣть—извините и не читайте! Обнимаю всѣхъ васъ. Христосъ съ Вами! Поздравляю съ днемъ рожденія Василія Кирѣевскаго.

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1853 года я уже готовился сдавать экзаменъ на званіе чертежника архитектурныхъ плановъ, мечтая въ недалекомъ будущемъ сдѣлать для себя карьеру строителя городскихъ зданій,—какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, къ крыльцу нашего дома въ Москвѣ подкатила почтовая повозка и изъ нея выпрыгнула въ мохнатой папахѣ кавказскій офицеръ. Это, оказалось, былъ родной братъ моей матери, давно служившій на Кавказѣ и теперь пріѣхавшій къ намъ на короткое время въ отпускъ. Нечего и говорить, что пріѣздъ изъ далекаго края такого дорогого гостя, рѣдко посѣщавшаго Москву, внесъ въ семью нашу не мало радости, но для меня собственно онъ имѣлъ особо важное значеніе, такъ какъ онъ разрушилъ мое намѣреніе сдѣлаться впослѣдствіи архитекторомъ и черезъ какіе нибудь два мѣсяца, вместо циркуля, я получилъ въ руки солдатское ружье.

Сложилось это дѣло очень просто: прогостиивъ у насъ нѣсколько дней и присмотрѣвшись ко мнѣ, дядя, какъ то въ разговорѣ, предложилъ моей матушкѣ отпустить меня служить вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ. Не проча для меня военной карьеры, матушка сначала наотрѣзъ отказалась принять предложеніе своего брата, но настоятельная просьба его и совѣты родныхъ отпустили меня на Кавказъ поколебали ее, и въ концѣ концовъ, благословивъ меня на военное поприще, она со слѣдующаго же дня принялась снаряжать будущаго воина въ далекій путь. Хлопотъ у нея съ этимъ дѣломъ было, конечно, не мало, но какъ бы тамъ ни было, а ко дню нашего отѣзда всѣ сборы были окончены и 22 Июня мы, съ дядей, выѣхали изъ Москвы.

Въ то время, то есть болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, на Кавказѣ не существовало не только желѣзнодорожнаго пути, но и вездѣ по Руси проложены были и шоссейныя дороги, и потому весь путь отъ Москвы до первыхъ предгорій Кавказа намъ пришлось дѣлать почти цѣлый мѣсяцъ.

Томительно и скучно было тащиться изо дня въ день на почтовыхъ, просиживать нерѣдко по нѣсколько часовъ на станціяхъ въ ожиданіи очереди получить лошадей, а за тѣмъ трястись по проселочнымъ дорогамъ, погружаясь или въ страшную пыль, или вязнуть въ грязи, дѣлая иногда не болѣе трехъ, четырехъ верстъ въ часъ.

Но непріятное впечатлѣніе всѣхъ этихъ мытарствъ у меня почти совсѣмъ изгладилось, когда въ одинъ ясный день передъ нашими глазами показалась въ синеватой дали темная полоса высокаго кряжа кавказскихъ горъ, и, среди нихъ, почти прикрытый снѣжнымъ шатромъ, величественный Казбекъ. Я долго всматривался въ этихъ великановъ и мнѣ невольно грезились картины битвъ русскихъ съ черкесами въ тѣхъ яркихъ краскахъ, въ какихъ они воспроизведены напр. въ романѣ „Битва русскихъ съ кабардинцами, или очень трогательной повѣсти, гдѣ прекрасная магометанка умираетъ на гробѣ своего супруга“,—произведеніи хотя и довольно лубочнаго пошиба, но которымъ я увлекался до страсти, перечитывая его по нѣскольку разъ.

О юныя грезы, какъ далеки вы были отъ дѣйствительности!

Въ станицѣ Шелхозаводской, расположенной на рѣкѣ Терекѣ, оканчивался почтовый трактъ и отсюда дальнѣйшій путь къ укрѣплению Темиръ-ханъ-Шуръ,—штабу Дагестанской области,—совершался уже въ сопровожденіи оказіи*), съ которой и перевозились въ Прикаспійскій край всѣ письма и посылки. Здѣсь слѣдующіе къ Темиръ-ханъ-Шуръ должны были нанимать вольныхъ лошадей у казаковъ, которые, занимаясь извозомъ, брали отъ Шелковой до Шуры за пару лошадей въ простой повозкѣ отъ 50 до 60 рублей. И это за перегонъ всего ста съ небольшимъ верстъ!

Условившись съ однимъ изъ этихъ возчиковъ везти насъ за 50 руб. до укрѣпленія Темиръ-ханъ-Шуры, мы дождались слѣдовавшей туда оказіи и съ нею тронулись дальше. Дорога сначала идеть у под-

*.) Оказія—конвой изъ пѣхотной или кавалерійской части.

ножія невысокаго кряжа горъ и оть аула Кунтре-коле, сворачивая въ горы, пролегаетъ до самой Шуры зигзагами по руслу рѣчки Шуринки. Эта небольшая рѣченка береть начало въ горахъ, и въ сухое время года такъ ничтожна, что пѣшему легко ее перешагнуть не замочивъ даже ногъ; но надобно видѣть эту Шуринку послѣ сильнаго дождя въ горахъ.

Тогда въ короткое время она принимаетъ видъ бурнаго потока и переправа черезъ нее въ ту пору становится уже настолько трудною и опасною, что бывали случаи, когда въ ея бушующихъ стремнинахъ погибали даже троечныя повозки со всѣми людьми и лошадьми.

У аула Кунтре-коле вся оказія расположилась почевать на открытой полянѣ. Вечеръ выдался прекрасный и скоро изъ селенія къ намъ набѣжало множество маленькихъ татарченковъ, которые были уже на столько обрусьными, что почти совсѣмъ не дичились русскихъ и охотно показывали намъ свое искусство стрѣльбы въ цѣль изъ лука. Горцы съ ранняго возраста пріучаютъ своихъ сыновей къ стрѣльбѣ и потому наметка даже у мальчугановъ семи—восьми лѣтъ просто изумительна. Мы видѣли, какъ одинъ изъ такихъ малышей на разстояніи 25 шаговъ почти безъ промаха попадалъ стрѣлою въ ту точку, какая ему была указана на предметѣ, но, пріученный за свою мѣткую стрѣльбу получать награду, смѣло затѣмъ подходилъ къ кому нибудь изъ проѣзжающихъ и настойчиво требовалъ дать ему за это шауръ *).

На слѣдующій день мы съ оказіею добрались въ Темиръ-ханъ-Шуру и остановились тамъ на нѣсколько дней.

Нынѣ областной городъ, Темиръ-ханъ-Шура въ 1859 г. именовалась еще укрѣплениемъ. Обнесенное кругомъ одноэтажными казармами, съ пробитыми въ наружныхъ стѣнахъ бойницами, оно имѣло лишь нѣсколько пыльныхъ улицъ идущихъ въ лучеобразномъ направленіи отъ находящейся посреди площади къ окраинамъ и было такъ не велико, что его въ одинъ часъ можно было обойти кругомъ, и даже побывать на азіятскомъ базарѣ, который въ лѣтнюю пору всегда бываетъ загроможденъ грудами винограда, персиковъ, арбузовъ и цѣлыми горами сушеныхъ плодовъ.

---

*) Шауръ—пять коп. сереб.

Тутъ почти исключительно торгуютъ армяне и персы, которые, сидя на разостланныхъ по землѣ буркахъ, нараспѣвъ восхваляютъ достоинство своего товара и наперебой стараются привлечь къ себѣ покупателей.

Дешевизна всѣхъ этихъ предметовъ въ Шурѣ тогда была баснословная: такъ напр. самый лучшій виноградъ, который въ Москвѣ продавался 60 и 70 коп. за фунтъ, тутъ можно было купить по 5 или 6-ти коп. за око *), а арбузы и дыни отдавались чуть ли не 2 коп. за штуку. Помню, на первыхъ порахъ, я такъ набросился на всю эту снѣдь, что чуть было не поплатился за свою неумѣренность, и только благодаря во время принятымъ мѣрамъ, избѣжалъ весьма опасныхъ послѣдствій.

Въ Шурѣ мы пробыли всего лишь три дня и съ конякой оказіей отправились черезъ укрѣпленіе Евгеніевское въ штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который тогда расположенъ былъ въ укрѣпленіи Буртунаѣ.

Отъ Шуры до Евгеніевскаго считается около сорока верстъ. Путь сначала идетъ широкой долиной вплоть до, такъ называемыхъ, Волчихъ воротъ,—двухъ небольшихъ горныхъ возвышенностей, близко сошедшихся одна съ другою,—и отсюда, проходя холмистою возвышенностью, тянется верстъ около пятнадцати по солончаковой почвѣ, покрытой коѳ-гдѣ жалкимъ бурьянномъ, который однако составляется достаточною кормъ для невзыскательныхъ горскихъ барановъ, пасущихся здѣсь мелкими стадами круглый годъ.

Не доѣзжая версты полторы до укр. Евгеніевскаго, среди каменистыхъ холмовъ, начинаютъ показываться маленькия башни съ красными крышами, а затѣмъ вскорѣ открывается и все укрѣпленіе. Это небольшое укрѣпленіе построено въ 1841 году генераломъ Головинымъ послѣ взятія имъ Хубарскихъ высотъ и служило обезпеченіемъ укрѣпленія моста черезъ рѣку Сулакъ,—единственной переправѣ изъ Солотовія въ Шамхольство Торковское. Оно расположено было на правой сторонѣ Сулака, на противуположной сторонѣ котораго находился знаменитый въ прошломъ, но давно разоренный аулъ Черкей.

Окруженное со всѣхъ сторонъ крутыми высотами Евгеніевское, лежало въ глубокой котловинѣ, заполненной отъ сѣверныхъ вѣтровъ,

*) Око—три фунта.

почему климатъ тамъ настолько теплъ, что зима всегда проходить безъ снѣга, а въ лѣтнюю пору жара достигаетъ до 45 и даже болѣе градусовъ. Несмотря однако на высокую температуру, большое изобилие фруктовъ и употребленіе Сулакской воды, которая лѣтомъ, при таяніи снѣговъ въ горахъ, дѣлается очень мутной,—мѣстность эта настолько здоровая, что тамъ почти совсѣмъ не бываетъ болѣзней свойственныхъ жаркимъ странамъ. Съ окончаніемъ войны на Кавказѣ, укрѣленіе Евгеніевское было упразднено, и только остались двѣ маленькия башни по обѣимъ сторонамъ моста черезъ Сулакъ, гдѣ и размѣщается до сего времени небольшой караулъ.

Прямо отъ моста, по лѣвой сторонѣ рѣки, начинается крутой подъемъ, по которому дорога идетъ въ укрѣпл. Буртунай.

Туда изъ Евгеніевскаго, въ то время, оказія ходила одинъ разъ въ недѣлю и состояла уже изъ цѣлаго баталіона пѣхоты и взвода полевой артиллеріи.

Съ такою оказіею въ назначенный день мы и вышли рано утромъ изъ Евгеніевскаго. Погода была пасмурная и, хотя, довольно теплая, но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось свѣжѣе и свѣжѣе. Вскорѣ на всю окрестность налегъ густой туманъ и посыпалась мелкая изморось, пронизывавшая насквозь до костей. Огромный Черводарскій транспортъ съ боевыми снарядами, перекинутыми черезъ выручные сѣдла, медленно тянулся, звеня своими колокольчиками и безпрестанно заставляя простоянливаться всю оказію, которая и безъ того ползла чуть не черепашымъ шагомъ. Подъемъ на гору былъ очень труденъ, его приходилось дѣлать около двѣнадцати верстъ, чтобы подняться до перевала горы Ибрагимъ-Дада, которая возвышается надъ морскимъ уровнемъ болѣе чѣмъ на семь тысячъ фут.—Проклятая Дада!—такъ обзывали эту гору наши солдаты.

Много стоила она жертвъ! Года непроходило чтобы на ней кто нибудь бы не замерзъ или сильно не ознобилъ себѣ рукъ и ногъ. Выйдеть, бывало, оказія изъ Евгеніевскаго въ хорошую погоду, а поднимется на Ибагримъ-Дада,—смотрить на ней бушуетъ метель. Впрочемъ, пройти по вершинѣ этой горы нужно было всего лишь около двухъ верстъ, а затѣмъ начинался спускъ къ Теренгульскому оврагу, по другую сторону котораго и расположень быль штабъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Страшно глубокий Теренгульский оврагъ былъ своего рода достопримѣчательностю Салавгіи. До 1857 года,—то есть до взятія нашими войсками аула Нового Буртуная, лежащаго вѣстахъ въ четырехъ ниже Теренгульского оврага и Старого Буртуная,*)—оврагъ этотъ былъ сплошь покрытъ громаднымъ лѣсомъ. Шамиль, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ рубить даже сучья этого заповѣдного лѣса, и пройти оврагъ, не зная всѣхъ тропинокъ его, было положительно невозможно. Полагая себя обезпеченнѣмъ съ этой стороны отъ вторженія русскихъ въ Солотовію, Шамиль ограничился постановкою на Буртунаевской высотѣ одной сторожевой башни, гдѣ для наблюденія находилось всегда нѣсколько человѣкъ мюридовъ.

Когда предположено было занять Буртунай, какъ мѣсто весьма важное для насъ въ стратегическомъ отношеніи,—къ укр. Евгеніевскому былъ собранъ въ 1857 году значительный отрядъ, который лѣтомъ и двинулся къ Буртунаю. Пользуясь густымъ туманомъ, отрядъ незамѣченный горцами, пробрался по совершенно открытой впереди оврага мѣстности къ самому Теренгулу, и, имѣя при себѣ хорошаго проводника горца, перешелъ по незнакомымъ тропинкамъ на другую сторону, но такъ тихо и скрытно, что изъ сторожевой башни мюриды замѣтили движеніе русскихъ только тогда, когда часть отряда была уже на горѣ. Какъ водится башню раззорили, мюридовъ—сторожей перекололи и отрядъ занялъ высоты. Узнавъ объ этомъ, Шамиль быстро собралъ полчище въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ мюридовъ, привезъ свои орудія и, ставъ на позицію за глубокою балкою, началъ громить ядрами нашъ отрядъ. Однако вреда особеннаго онъ не причинилъ и, пострѣлявъ нѣсколько дней, удалился затѣмъ со своими мюрадами восвояси.

Взявъ Теренгульский оврагъ, можно было легко овладѣть и ауломъ Новый Буртунай, который въ томъ же году и былъ взятъ штурмомъ въ ночь на 5 Октября.

Такъ палъ ауль Новый Буртунай, а за тѣмъ погибъ и заповѣдный Теренгульский лѣсъ, вѣковыя чинары котораго пошли на постройку нового укрѣпленія Буртунай.

Буртунаевская высота лежитъ болѣе пяти тысячъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Отсюда открывается чудный видъ на лѣсные гор-

* Ауль Старый Буртунай былъ взятъ русскими еще въ 1845 году, но тогда войска наши здѣсь не утвердились и ограничились только лишь разореніемъ этого аула.

ные отроги, которые, понижаясь отъ Тавлинского хребта, отдѣляющаго Гумбеть отъ Салатаві, сливаются въ туманной синевѣ съ Кумыкскою плоскостію. Тамъ, въ ясный солнечный день, отчетливо видно съ высотъ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ—штабъ двухъ драгунскихъ полковъ: Сѣверскаго и Нижегородскаго,—а за нимъ далѣе, точно оазисъ, бѣлѣется на бесплодной равнинѣ Хасовъ-юртъ съ его бѣлою церковью и крѣпостными стѣнами,—это штабъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Самое укрѣпленіе Буртунай, тогда еще только строившееся, и примыкавшій къ нему форштотъ, расположены полукругомъ по склону горы и временно обнесены были землянымъ валомъ съ колючою изгородью.

Съ южной стороны, близь каваліеръ-батареи, протекаетъ по глубокому оврагу маленькая рѣчка, которая и снабжаетъ весь штабъ пре-восходною водою.

Ниже укрѣпленія, надъ мѣстною балкою, возвышается небольшой курганъ, получившій название „Кургана Шольца“ въ память разыгравшагося на немъ въ 1857 году кроваваго несчастья. Объ этомъ печальному случаю мнѣ рассказывали сами очевидцы и я, со словъ ихъ, теперь передамъ какъ произошло это дѣло.

Въ первое время по занятіи Буртуная, для обезпеченія на случай опасности, которая могла грозить болѣе всего со стороны лѣсистой балки, находящейся на западной сторонѣ,—туда ежедневно выставлялся дежной пикетъ, состоящій изъ полузвѣза солдатъ при офицерѣ. Упомянутый курганъ представляеть самое удобное мѣсто для пикета, потому что оттуда можно было видѣть не только всю балку, но и спускъ къ ней съ противоположной стороны.

И вотъ, въ одинъ изъ злополучныхъ дней, пикетъ рано утромъ, отправился обычнымъ порядкомъ на курганъ подъ командою Дагестанскаго полка штабъ-капитана Шольца. Заступая на этотъ пикетъ уже не въ первый разъ, и не предвидя никакой опасности, Шольцъ, по своей безпечности, не слишкомъ заботился о соблюденіи правилъ форпостной службы и, приближаясь къ мѣсту пикета, не выслалъ впередъ какъ бы слѣдовало, развѣдывающаго патруля. Горцы давно прими-тили, что команды русскихъ часто ходятъ на пикетъ, не принимая никакихъ предосторожностей и рѣшились воспользоваться такимъ слу-чаю, чтобы вырѣзать его.

Какъ и всегда пикетъ занялъ курганъ и составилъ ружья въ козлы; но едва лишь солдаты расположились по кучкамъ около ружей,—какъ горцы, бывши еще съ ночи въ засадѣ за курганомъ, съ гикомъ выскочили изъ оврага и, давъ залпъ изъ ружей, бросились въ шашки на пикетъ. Въ одинъ мигъ штабъ-капитанъ Шольцъ и все солдаты были изрублены въ куски и спасся лишь только одинъ рядовой, забившійся въ кустахъ, гдѣ, незамѣченный въ суматохѣ горцами, онъ и пролежалъ все время, пока они обирали вещи съ убитыхъ и, захвативъ солдатскія ружья, не скрылись все за курганомъ.

Надобно замѣтить, что все это произошло на глазахъ большого отряда, который стоялъ лагеремъ около крѣпости; но пока дежурная часть добѣжала до пикета на курганѣ,—тамъ все уже было кончено и не осталось никакого слѣда отъ горцевъ.

Штабъ-капитана Шольца нашли между солдатскими трупами совершенно обнаженного и до такой степени изуродованного, что его трудно было и узнать.

Съ того памятнаго дня курганъ этотъ и получилъ название „Шольцова кургана“. Штабъ-капитана Шольца и погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ солдатъ скоронили на томъ же курганѣ, а поставленный надъ ними бѣлый крестъ, вѣроятно, виденъ на томъ мѣстѣ и до нынѣ.

Нужно сказать что въ Буртунаѣ,—краѣ только что занятомъ русскими,—въ первое время было до того опасно, что невооруженнымъ людямъ нельзя было далеко отходить отъ укрѣпленія не подвергаясь опасности плѣна или быть подстрѣленнымъ изъ-за камня какиминибудь буйгушами рыскавшими постоянно вблизи крѣпости.

Смѣлость этихъ хищниковъ доходила до того, что однажды шайка въ нѣсколько человѣкъ захватила въ плѣнъ и угнала въ горы трехъ нашихъ фуршатовъ съ ихъ быками, на которыхъ они везли воду изъ рѣчки. И это опять произошло среди бѣлага дня, почти у самой каваліеръ-батареи, и даже на виду стоявшаго при орудіяхъ часоваго, который хотя и сдѣлалъ тревогу выстрѣломъ, но, пока выслана была погоня изъ укрѣпленія, разбойники съ плѣнными и быками успѣли такъ хорошо скрыться, что сколько не искали по оврагамъ и балкамъ этихъ головорѣзовъ, а найти не удалось даже и слѣдовъ ихъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одинъ изъ фуршатовъ выбѣжалъ къ намъ изъ горъ, но два другіе съ быками такъ и пропали безслѣдно.

Климатъ Буртуная чрезвычайно благодатный: тамъ не бываетъ ни сильныхъ жаровъ лѣтомъ, нѣть ни мухъ или другихъ насѣкомыхъ причиняющихъ въ низменныхъ мѣстахъ Кавказа много неудобствъ, а зимою бываютъ не рѣдко такие теплые дни, что можно свободно выходить на улицу въ легкой одеждѣ. Но при всемъ этомъ въ Буртунаѣ бывали случаи когда намъ приходилось видѣть и среди лѣта на улицахъ довольно глубокій снѣгъ, но, конечно, на очень короткое время. Я помню напримѣръ, какъ въ Іюлѣ 1861 года на Киркинской возвышенности, верстахъ въ пяти отъ Буртуная, разыгралась вдругъ страшная метель и захватила на ней нашу оказію, слѣдовавшую изъ горъ въ Буртунай. Метель разбушевалась тамъ съ такою силою, что вся оказія едва было не погибла въ снѣгу и спаслась благодаря опытности колонного начальника штабъ-капитана Фіалковскаго—старого кавказца,—который поспѣшилъ укрыть всю колонну въ глубокую балку, но потерялъ всетаки двухъ солдатъ и нѣсколько лошадей со выюками, свалившихся во время метели въ кручу, гдѣ ихъ трупы и были найдены на другой день окоченѣвшими въ снѣгу.

Въ первой половинѣ Августа мѣсяца въ главныя постройки въ Буртунаѣ были начерно закончены и передъ распускомъ отряда, собранного сюда еще съ весны для работы, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, рѣшилъ предпринять движение въ непокорное намъ Ауховское общество. Цѣлью этого движения было уничтожить готовые уже къ сбору хлѣбные посѣвы ауховцевъ и тѣмъ принудить ихъ къ выселенію въ болѣе отдаленные районы отъ Буртуная. Къ такой мѣрѣ прибѣгнуть командующаго войсками вынуждало крайне враждебное отношеніе къ русскимъ жителей окружающихъ ауловъ, которые, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, часто безнаказанно отгоняли скотъ у слободскихъ жителей и, какъ я говорилъ, захватывали даже вблизи крѣпости въ плѣнь одиночныхъ людей, въ расчетъ получить впослѣдствіи за нихъ выкупъ. Кромѣ этого признавалось необходимымъ расчистить просѣки начатыя еще въ прошломъ году и возстановить черезъ Солотовію прямое сообщеніе съвернаго Дагестана съ Кумыкскою плоскостію.

Приказъ о выступленіи отряда въ урочище Аухъ засталъ баталіонъ, къ которому я былъ прикомандированъ, на покосѣ. Въ то боевое время, эта весьма важная отрасль полковаго хозяйства производилась у насъ своеобразнымъ путемъ: такъ, чтобы заготовить необходимый запасъ сена для казенноподъемныхъ лошадей, которыхъ состояло тогда въ полку болѣе двухсотъ, назначался обыкновенно одинъ баталіонъ.

Занявъ намѣченныя заранѣе поляны, баталіонъ въ нѣсколько дней на-кашивалъ десять, пятнадцать тысячъ пудовъ сѣна и все это количество перевозилъ въ штабъ. А недостанетъ на зиму этого запаса—идутъ тогда два, три баталіона въ горы, навьючать лошадей непріятельскимъ сѣномъ, которое у горцевъ всегда остается въ огромномъ количествѣ на поляхъ, и полкъ, такимъ образомъ, опять обеспечить фуражемъ на долгое время. Правда, такого рода походы не всегда обходились намъ дешево, и случалось, что вмѣстѣ съ непріятельскимъ сѣномъ баталіоны привозили нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; но вѣдь на Кавказѣ тогда каждый шагъ стоилъ жертвъ, и съ этимъ войска давно уже свыклись.

18 Августа 1858 года состоялся приказъ по полку о зачисленіи меня въ списки Дагестанскаго полка унтеръ-офицеромъ изъ вольно-опредѣляющихся; въ тотъ же день я получилъ изъ ротнаго цейхгауза все обмундированіе, боевое снаряженіе состоящее изъ гладкоствольнаго ружья, сумы съ боевыми патронами и вмѣсто ранца, холщевый мѣшокъ для хлѣба и сухарей.

Туть я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе отъ разсказа, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о строевомъ образованіи, какое велось тогда въ нашемъ полку и о вооруженіи кавказскихъ войскъ того времени.

Начну съ того, что фронтовыя занятія, если и велись у насъ, то лишь урывками и очень рѣдко, а практическая стрѣльба и совсѣмъ почти не проходилась. Это, конечно, можетъ казаться весьма страннымъ даже и непосвященному въ военное дѣло, но надобно принять въ расчетъ, что кавказскія войска зиму и лѣто заняты были работами по укрѣпленіямъ и часто по нѣсколько мѣсяцевъ находились въ экспедиціяхъ при проложеніи въ лѣсахъ просекъ и разработкѣ дорогъ въ горахъ. Конечно, какъ во всѣхъ полкахъ, были и у насъ вся существующіе тогда уставы воинской службы; но во 1-хъ въ эти уставы никто никогда не заглядывалъ и они преспокойно хранились часто даже нераарѣзанными въ сундукахъ ротныхъ писарей, а во 2-хъ, не велика была и нужда въ этихъ книжныхъ пособіяхъ, когда всѣ требованія въ кавказской войнѣ сводились лишь къ тому, чтобы умѣть разсыпаться въ цѣпь примѣняясь къ мѣстности, давать при стрѣльбѣ дружные залпы и лихо брать въ штыки врага, будь онъ въ полѣ, въ лѣсу или за завалами. А всѣмъ этимъ эволюціямъ учила насъ сама война и опытъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ служакъ, подъ руководствомъ кото-

рыхъ прибывающіе молодые солдаты превосходно усваивали эту отрасль военной службы и дѣлались въ короткое время годными стать въ ряды своихъ боевыхъ таварищей.

О вооруженіи солдатъ и офицеровъ можно сказать тоже, что и о фронтовой службѣ. Оно находилось въ томъ же первобытномъ состояніи, въ какомъ была нѣсколько лѣтъ назадъ вся русская армія, выдержавшая не оружіемъ, а безпримѣрнымъ мужествомъ и стойкостію, восьмимѣсячную осаду на стѣнахъ многострадальнаго Севастополя. Такъ въ 1858 году кавказскія войска вооружены были еще ударными гладкоствольными ружьями, заряжавшимися съ дула, по старинному уставу на двѣнадцать темповъ; а Самурскій пѣхотный полкъ имѣлъ въ то время даже старыя кремневыя ружья, которыягодны были для боя скорѣе какъ холодное оружіе, но отнюдь не какъ огнестрѣльное. Патроны къ этимъ ружьямъ были съ круглыми пулями въ бумажныхъ гильзахъ, въ которыя порохъ насыпался не по опредѣленной мѣркѣ, а прямо на глазокъ, почему одни выстрѣлы раздавались точно какъ хлопушки, а другихъ, съ меньшимъ количествомъ пороха, даже не слышно было и вовсе. Такихъ патроновъ каждый солдатъ имѣлъ у себя 60 штукъ въ патронной сумѣ и, кромѣ того, еще 20 въ маленькомъ патронташѣ, пристегнутомъ тонкимъ ремешкомъ на груди.

Нечего и говорить, что поражаемость изъ этихъ ружей была самая ничтожная, и если при стрѣльбѣ изъ нихъ на 200 или 300 шаговъ,—въ мишень величиною чуть не въ большія ворота,—попадало изъ 100 пуль 15—20,—то это уже считалось весьма удовлетворительной стрѣльбой!!

И вотъ съ такимъ то вооруженіемъ велась наша полуѣковая война съ воинственными и несравненно лучше нась вооруженными народами Кавказа.—война, которая, однако, покрыла громкою славою кавказскія войска и донынѣ воспоминающія въ своихъ пѣсняхъ славныхъ героевъ и быlyя сраженія того, далеко отшедшаго отъ нась, времени.

Новое вооруженіе наѣзными ружьями, заряжающимися, однако, какъ и прежнія съ дула, Дагестанскій полкъ получилъ только къ началу 1858 года. Этими ружьями сначала были вооружены одинъ только стрѣлковыя роты, но и это одно уже дало большой перевѣсъ нашимъ войскамъ надъ горцами; и когда они замѣтили, что пули нашихъ ружей стали вдругъ поражать ихъ на 1000 и болѣе шаговъ,—

они только руками разводили и, покачивая головой съ недоумѣнiemъ говорили:—Шайтанъ урусь, большой шайтанъ!¹⁾ Убѣжденные, что русскіе водятся съ самимъ чертомъ, который относить ихъ пули на такое большое разстояніе, горцы съ теченіемъ времени замѣтили, что утрачивать свой воинственный пыль, и только въ густыхъ лѣсахъ еще рѣшились приближаться къ русскимъ отрядамъ, но и это проявлялось у нихъ далеко уже не съ тою отвагою, какъ бывало прежде.

Вооруженіе офицеровъ состояло изъ пистолета (револьверы тогда только что входили въ употребленіе и ихъ имѣли немногіе) и азіатской шашки, ножны которой у большинства были обдѣланы въ серебро съ чернію или золотою насѣчкою.

Вотъ и все, съ чѣмъ ходили тогда наши войска въ бой!

Но продолжаю разсказъ. И такъ 18 Августа я смѣнилъ свой сѣренѣкій сюртучекъ на военный мундиръ, а 19 числа у насъ получено было приказаніе: „войскамъ Салатовскаго отряда выступить на слѣдующій день въ урочище Дылымъ, гдѣ и приступить къ уничтоженію на поляхъ кукурузы²⁾ и другихъ хлѣбныхъ посѣвовъ. какъ находившихся у горцевъ на корню, такъ и собранныхъ въ скирды.

Походные сборы наши были не долги, и рано утромъ 20 Августа все было уже готово къ выступленію: палатки сняты и уложены во выюки, трехдневный провіантъ разданъ солдатамъ на руки и патронные сумы пополнены свѣжимъ комплектомъ боевыхъ патроновъ.

Послѣ напутственного молебна къ отряду прибылъ начальникъ дивизии баронъ Врангель, который проѣхалъ по полкамъ, поздравилъ всѣхъ съ походомъ, и отрядъ съ пѣсенниками впереди, заколыхался по извилиамъ старой дороги на аулъ Новый Буртунай.

Утро было ясное, обѣщавшее жаркій день. Солдаты еще передъ выступленіемъ сбросили съ себя мундиры приторочивъ ихъ къ сухарнымъ мѣшкамъ и весело переговаривались покуривая трубочки, которыхъ у иныхъ были обдѣланы въ серебрянную оправу и носились на шейной цѣпочкѣ.

Офицеры почти все были верхомъ. Это отступленіе отъ устава не только не преслѣдовалось въ походѣ начальствомъ, но, напротивъ,

¹⁾ Шайтанъ—нечистая сила.

²⁾ Въ Чечнѣ и Дагестанѣ кукуруза составляетъ самый главный предметъ продовольствія горцевъ.

даже вмѣнялось въ нѣкоторую обязанность имѣть офицеру свою лошадь, въ силу той необходимости, что на строевого офицера возлагались иногда такія порученія, которыя онъ не могъ бы выполнить, не имѣя у себя верхового коня. Для походнаго багажа многіе имѣли кромѣ того еще и вьючную лошадь, а у кого таковой не было, тотъ обыкновенно привязывалъ сзади своего сѣда переметныя сумы съ необходимыми вещами, кладъ на нихъ свернутую въ трубочку бурку и, такимъ образомъ, при офицерѣ находилось все его походное хозяйство съ необходимымъ запасомъ бѣлля и платя; причемъ бурка замѣняла постель, а подушка отъ сѣда обыкновенно шла подъ голову.

Къ Дылыму отряда нашъ подошелъ часовъ около трехъ пополудни и расположился лагеремъ на большой полянѣ, сплошь засѣянной непріятельской кукурузой. Тотчасъ приказано было косить поле и въ какой нибудь часъ времени вся кукуруза была уничтожена совершенно. По лагерю задымились костры и скоро вокругъ нихъ образовались цѣлые гирлянды солдатскихъ котелковъ, наполненныхъ спѣлой кукурузой, обѣщающая солдатамъ дать вкусную прибавку къ казенному ужину.

Избравъ операционнымъ базисомъ Дылымъ, баронъ Врангель въ первые дни приступилъ къ расчисткѣ старой просеки отъ Дылума къ Буртунаю. Горцы ни чѣмъ не тревожили нась, но довольно часто показывались небольшими группами гдѣ нибудь на опушкѣ лѣса, откуда видимо наблюдали за дѣйствіями отряда, стараясь однако держаться вдалекѣ отъ нашихъ аванпостовъ.

Но вотъ вечеромъ на 22 Августа по отряду было отдано приказаніе: выдѣливъ два баталіона Самурскаго полка для охраны бивака,— остальнымъ частямъ и артиллеріи выступить съ разсѣтомъ на развѣдку, которая будетъ произведена по направленію къ Кишень-Ауху. Движеніе предписывалось сдѣлать усиленнымъ маршемъ безъ палатокъ и тяжестей, имѣя съ собою продовольствія на два дня.

Стояла тихая и еще глубокая ночь, когда я услыхалъ изъ палатки шумъ поднимавшихся солдатъ и крики фельдфебелей „выходить людямъ къ ризгету“. Я быстро одѣлся и пошелъ по лагерю. Кое гдѣ догорали костры и около нихъ въ полной амуниціи стояли группами солдаты весело болтая между собою и, по обыкновенію, отпуская довольно двусмысленные остроты по адресу кого нибудь изъ присутствующихъ тутъ же своихъ товарищей.

Въ офицерскихъ палаткахъ свѣтились огоньки. Я заглянулъ въ раскрытую настежь полатку штабъ-капитана Кошинскаго, который, уже совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ въ бѣлой фуражкѣ на барабанѣ и допивалъ свой чай.

—А! сказалъ онъ увидя меня,—вы тоже съ нами, и даже готовы! Ну, должно быть мнѣ придется, юный мой, сегодня васъ поздравить.

—Съ чѣмъ это Димитрій Степанович? спросилъ я.

—Да съ обновленiemъ, мой другъ, съ обновленiemъ. Вѣдь придется же вамъ, какъ новичку, покланяться сегодня чеченскимъ пулямъ;—но вы однако не смущайтесь,—добавилъ капитанъ желая ободрить меня,—такъ вѣдь бывало на первыхъ порахъ со всѣми нами. Будьте только хладнокровны, не поддавайтесь сильно впечатлѣніямъ, если увидите убитыхъ или раненыхъ, и, главное, не думайте въ дѣлѣ о смерти.

У меня невольно екнуло сердце отъ предстоящаго мнѣ обновленія, но я храбрясь отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ трусить не буду.

—Ну, то то же—помните это. А теперь, кажется, пора идти и къ ротѣ,—сказалъ капитанъ взглянувъ на часы,—скоро будемъ выступать.

Проиграли горнисты сборъ и всѣ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ. Забѣжавъ въ свою палатку я усердно положилъ на востокъ три земныхъ поклона, поцѣловавъ свой маленький образокъ, надѣтый мнѣ на шею рукою матери при отправленіи на Кавказъ, и черезъ минуту уже былъ у своей роты.

—Справа по отдѣленіямъ, маршъ!—послышались команды ротныхъ командировъ, и роты по очереди стали вытягиваться изъ лагеря.

Кругомъ было тихо. Пріученные къ ночнымъ движеніямъ солдаты вполголоса лишь переговаривались между собою, но курить никто не смѣлъ. Такъ прошли мы около четырехъ верстъ, а о горцахъ ни слуху, ни духу,—точно будто они и не вѣдали о нашемъ движеніи.

Но вотъ стало свѣтать. Отрядъ разсыпалъ въ обѣ стороны сильные цѣпи и вскорѣ началъ втягиваться въ густой, мелкій лѣсъ.

Быть въ цѣпи при движеніи по лѣсу, гдѣ нѣть ни дорогъ ни тропинокъ и вдобавокъ къ тому сучья на каждомъ шагу хлещутъ по лицу, угрожая ежеминутно выколоть глаза—дѣло очень не легкое. Кроме того тутъ нужна и крайняя осторожность относительно непріятельскихъ засадъ, которыя горцы очень искусно умѣютъ устраивать въ лѣсахъ, возводя для того почти незамѣтные завалы.

Мнѣ не разъ случалось слышать разсказы старыхъ кавказцевъ, что въ густыхъ лѣсахъ Чечни горцы, сдѣлавъ засаду, вдругъ неожиданно нападали на цѣпь и рубили ее, захвативъ нѣсколько звеньевъ сразу. При той быстротѣ и ловкости, съ какою они всегда производили эти внезапныя нападенія, выручка рѣдко успѣвала оказать тутъ цѣпи какую нибудь помощь, и чаще ей приходилось только подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ или просто не найти нѣсколькихъ человѣкъ взятыхъ горцами въ плѣнъ.

Впрочемъ на этотъ разъ все обошлось благополучно. Горцы нигдѣ не показывались, и мы безъ выстрѣла подошли въ полдень къ маленькому укрѣплению Кишень-Ауху, расположившись бивакомъ на рѣчкѣ Ярыкъ-Су. По обыкновенію тотчасъ же задымились костры, солдаты заварили свое походное кушанье мамолыгу¹⁾, и бивакъ скоро принялъ обычный видъ. Устраиваться на ночлегъ приходилось, конечно, на открытомъ воздухѣ, но это еще небольшое неудобство для кавказскихъ офицеровъ и въ особенности для тѣхъ, кто имѣеть при себѣ бурку.

Завернувшись въ такую бурку спать превосходно, а главное вполнѣ безопасно отъ скorpionовъ и фалангъ, которые въ низменныхъ мѣстахъ водятся во множествѣ, но, очень боятся бараньей шерсти, почему никогда и не подползаютъ даже близко къ буркѣ²⁾.

Осмотрѣвъ подробно всю мѣстность отъ Дылыми до Кишель-Ауха, отрядъ на слѣдующій день тронулся обратно. Однако въ виду полученного свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что большое скопище горцевъ заняло тотъ самый лѣсъ, который мы проходили наканунѣ и ожидаетъ тамъ возращенія нашего отряда, баронъ Брангель рѣшилъ слѣдовать отъ Ки-

¹⁾ Толченые сухари сваренные съ саломъ.

²⁾ Бараны и овцы очень охотно ёдятъ этихъ гадовъ, ядъ которыхъ не приноситъ имъ никакого вреда.

шень-Ауха по другой дорогѣ, которая хотя и была нѣсколько кружнѣе первой, но пролегала по довольно открытой мѣстности и только вблизи Дылымы пересѣкала небольшой лѣсъ не занятый, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, непріятелемъ.

Въ этихъ соображеніяхъ, пройдя обратно около шести верстъ, баронъ Врангель приказалъ всей колоннѣ свернуть вправо, выслалъ къ авангарду полубатарею 21-й артиллерійской бригады и въ боевой готовности направился по новому пути.

Замѣтивъ этотъ маневръ, горцы большими толпами конныхъ и пѣшихъ бросились къ Дылымскому лѣсу и быстро заняли его; но ми-новать этотъ лѣсъ теперь намъ было уже нельзя, и движеніе продолжалось по намѣченному направлению.

Какъ и нужно было ожидать, едва авангардъ нашего отряда втянулся въ глубину лѣса, какъ тамъ тотчасъ же завязалась перестрѣлка. Горцы, имѣя обыкновеніе насыщать главнымъ образомъ на хвостъ русской колонны, въ первое время вели довольно слабый огонь; по мѣрѣ того, какъ арріергардъ колонны сталъ подвигаться къ выходу изъ лѣса они становились все смѣлѣе и смѣлѣе, пытаясь даже бросаться въ шашки на цѣль, и только при появлѣніи нашихъ резервовъ тотчасъ же скрывались, не рѣшаясь вступить съ ними въ рукопашный бой.

Тутъ невольно припоминается мнѣ одинъ случай, который можетъ прекрасно показать духъ кавказскихъ солдатъ того времени. Шагахъ въ трехъ отъ меня ранили въ цѣпи солдатика нашей роты Сушкина, которому чеченская пуля прострѣлила шею на вылетъ. Обмотавъ, тутъ же на походѣ, какою то тряпкою рану и скорчившись отъ боли, Сушкинъ однако продолжалъ идти въ свое звено, и на всѣ убѣженія товарищѣй отдать ружье другому и идти на перевязку къ доктору онъ ни за что не хотѣлъ оставить роту, отговариваясь, что рана его пустая, и онъ самъ, безъ помощи можетъ дойти до лагеря. Какъ ни упирался Сушкинъ, его однако вывели изъ цѣпи и отправили къ врачу, при которомъ находились носилки и запасные лошади.*.) Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ тогда на этого Сушкина и, говоря откровенно, позавидовалъ стойкости этого человѣка сознавая, что едва ли могъ бы

*) Лазаретныхъ фуръ въ то время въ кавказскихъ войскахъ еще не существовало.

самъ оказать въ подобномъ случаѣ такое же мужество. Впослѣдствіи, впрочемъ, рана Сушкина довольно хорошо затянулась, но этотъ бѣдный солдатъ такъ и остался навсегда со скривленіемъ шею, и, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ уволенъ по неспособности отъ военной службы, но, кажется, не получилъ никакой награды за своеувѣчье и свой самоотверженный поступокъ.

Междудѣмъ, авангардъ нашей колонны, выйдя изъ лѣса на большую поляну прошелъ еще около версты и, выставивъ къ сторонѣ противника свою полубатарею, расположился на привалъ. Горцы, продолжая преслѣдовать хвостъ колонны, кучками показались было на опушкѣ лѣса, но тутъ вдругъ грянула залпъ нашей батареи и черезъ нѣсколько секундъ четыре картечные гранаты съ трескомъ разорвались среди ихъ толпы. Ошеломленные горцы, не ожидавшіе что русскіе могутъ стрѣлять черезъ головы своихъ людей, бросились въ разсыпную и въ мигъ всѣ скрылись изъ опушки лѣса.

Въ это самое время въ лѣвой сторонѣ, шагахъ около тысячи отъ насъ, выѣхало изъ лѣса нѣсколько человѣкъ джигитовъ, которые сгруппировавшись въ кучку, и разсчитывая, вѣроятно, что за дальностью разстоянія они не могутъ служить мишенью для русскихъ пуль спокойно стали наблюдать за нашимъ отрядомъ. Это подзадорило командаира нашего баталіона и онъ приказалъ вызвать къ себѣ изъ стрѣлковой роты лучшаго стрѣлка.—Филипчуку! крикнулъ ротный командръ,—подай свое ружье.—Тотчасъ явился красивый молодой солдатикъ съ ружьемъ и сошками привязанными къ поясу.

—Сколько татарвы свалилъ?—спросилъ шутя баталіонный командръ Филипчука.

—Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Въ лѣсу трудно угадать—убилъ ли, или не убилъ.

—Ну, вотъ отличись братецъ. Покажи вонъ тѣмъ кавалерамъ, что около лѣса,—что, моль, видимъ ихъ.

—Попытаться можно, ваше высокоблагородіе, да только до нихъ далеко. Тутъ, пожалуй, будетъ болѣе тысячи шаговъ, говорилъ Филипчукъ разставляя сошки и въ тоже время мѣряя глазами разстояніе до горцевъ.

Поставивъ прицѣлъ на дистанцію, Филипчукъ положилъ ружье въ сошки, припалъ къ землѣ и сталъ выжидать, когда горцы тѣснѣе сойдутся.

Наконецъ раздался выстрѣлъ. Черезъ секунду горцы шарахнулись было въ стороны, но затѣмъ скоро опять съѣхались въ кучку. Очевидно было, что пуля пролетѣла надъ головами горцевъ не задѣла никого. Вторая пуля дала рикошетъ не долетѣвъ шаговъ двухсотъ до цѣли и, скользнувъ должно быть въ сторону, пронеслась также мимо. Горцы спокойно продолжали стоять на томъ же мѣстѣ и видимо даже интересовались нашей стрѣльбою.

Но вотъ свиснула въ воздухъ третья пуля и черезъ нѣсколько мгновеній мы замѣтили какъ горцы всѣ вдругъ засуетились около одного изъ всадниковъ, затѣмъ подхватили его и быстро исчезли съ нимъ въ лѣсу. Ясно было, что пуля Филипчука сразила на повалъ или тяжело ранила одного изъ этихъ джигитовъ и горцы поспѣшили унести его въ лѣсъ.

—Молодецъ Филипчукъ! похвалилъ баталіонный командиръ,— выбилъ призъ.—Онъ тутъ же далъ Филипчуку въ награду три рубля серебра, а за походъ представили его въ унтеръ-офицеры.

Слѣдующій день отрядъ исключительно былъ занятъ разчисткою просѣкъ къ Буртунаю и уничтоженiemъ непріятельскихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, а также не убранныхъ еще съ полей запасовъ льна; такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней Солатовскій отрядъ вполнѣ удачно выполнивъ возложенную на него задачу и даже успѣвъ намѣтить мѣста новыхъ просѣкъ, которыя предполагались произвести въ предстоящую зиму и лѣтомъ будущаго года.

Обратное движение отряда къ Буртунаю было назначено на 26 Августа. Горцы были на сторожѣ и едва колонны наши тронулись съ бивака, какъ пули ихъ засвистали справа и слѣва. Прикрываясь кучами хвороста и толстыми чинаровыми деревьями, сваленными здѣсь еще въ прошломъ году при рубкѣ лѣса, горцы преслѣдовали отрядъ выстрѣлами почти до аула Новый Буртунай; но изъ за большой ширины просѣкъ, заставившей ихъ держаться довольно далеко отъ нашихъ колоннъ, не причиняли отряду большого вреда, и всѣ потери его заключались тутъ только въ двухъ или трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и, кажется, одной лошади подстрѣленной въ артилераи.

Но вотъ показался Буртунаи. Отрядъ перестроился въ походную колонну, грянула музыка, раздались въ ротахъ пѣсни, и привѣтствуемые полковыми дамами, собравшимися для встречи насть на угловой батареи,—мы въ стройномъ порядкѣ вошли въ укрѣпленіе.

Спустя два дня Солатовскій отрядъ былъ распущенъ по своимъ штабъ квартирамъ, и нашимъ баталіонамъ, по недостатку зимнихъ помѣщеній, пришлось расположиться лагеремъ и захватить даже снѣгъ въ палаткахъ.

Такъ началось мое первое знакомство и со свистомъ непріятельскихъ пуль и съ боевою обстановкою, при которой проходила тогда почти вся служба военнаго на Кавказѣ.

II.

Надвигалась глубокая осень съ ея периодическими дождями, которые въ Буртунаѣ идутъ въ это время, какъ въ дни всемирного потопа, тоже что то около сорока дней и сорока ночей, размывая рыхлую черноземную почву до такой степени, что по улицамъ слободки не только ходить, но ъздить становится трудно. Волей-неволей приходилось тогда всѣмъ отсиживаться въ сырыхъ и душныхъ лежанкахъ,—что, конечно, было далеко не весело. Ни офицерскаго собранія, ни какойнибудь библіотеки, где можно было бы достать книгу или газету,—у насъ и въ поминѣ не было; и все досужее время офицерство убивало или за картами въ традиціонный штоссъ, или въ духанѣ толстаго армянина Карапета, у которого можно было найти все начиная съ шила, гвоздей, чая, баранины и кончая кахетинскимъ и кизлярскимъ виномъ. Тамъ почти ежедневно бывали сборища офицеровъ, тамъ и сообщались другъ другу новости собранныя въ полковой канцеляріи или привезенные кѣмъ нибудь съ оказіей изъ Шуры.

Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ держались подобнаго образа жизни. Были у насъ своего рода отшельники, которые рѣдко показывались гдѣ нибудь въ обществѣ и предпочитали вести жизнь болѣе уединенную. Помню я, напр., нашего капитана Шарыгина. Это былъ человѣкъ уже не молодой, но страстный поклонникъ Бахуса; онъ иногда не выходилъ по нѣсколько дней изъ своей квартиры предаваясь куражу, и обставлялъ его весьма своеобразною причудливостію, которая у насъ носила название „коронації“. Дѣло обыкновенно начиналось съ того, что устроивъ въ своей комнатѣ тронъ, для изображенія котораго Шарыгинъ ставилъ на столъ

единственный въ его мебели стуль, онъ вскарабкивался на него, и, какъ повелитель царства, приказывалъ денъщику собрать къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ. Давно пріученный къ причудамъ своего господина денъщикъ, тотчасъ же принимался исполнять его приказаніе и вскорѣ вокругъ сооруженного капитаномъ трона появлялась цѣлая шеренга бутылокъ съ водками, наливками и другими винами. Капитанъ милостиво привѣтствовалъ каждого изъ его подданныхъ и торжественно объявлялъ имъ, что приступаетъ къ своей коронаціи, почему требуетъ отъ нихъ дани, которую тутъ же и принималъ изъ рукъ денъщика въ видѣ наполненныхъ виномъ рюмокъ и стакановъ. Вся эта процедура заканчивалась тѣмъ, что, нагрузившись порядкомъ всякими зельями, капитанъ съ помощью этого же денъщика спускался съ трона, укладывался на походную кровать и, въ сознаніи своего величія успокаивался до утра.

На слѣдующій день коронованіе капитана повторялось въ томъ же неизмѣнномъ порядке и продолжалось иногда нѣсколько дней къ ряду.

А надобно было видѣть этого капитана въ стычкѣ съ горцами. Тамъ, впереди своей роты, онъ съ изумительнымъ хладнокровiemъ дѣлалъ свои распоряженія, никогда не теряясь въ рѣшительную минуту и всегда умѣя ускользнуть изъ опаснаго положенія. Рота вѣрила въ своего командира, любила его за простое обхожденіе и готова была,—какъ говорится,—итти за нимъ въ огонь и воду. Да и начальство, цѣня боевые заслуги Шарыгина не разъ оказанныя имъ въ серьезному бою, снисходительно относилось къ его слабостямъ и многое ему извиняло.

Да, было время, когда къ средѣ кавказцевъ не мало было и героевъ, подъ скромной оболочкой которыхъ таился духъ несокрушенной отваги. Они, какъ этотъ Шарыгинъ, шли въ бой точно на какой нибудь пиръ и своей храбростью не рѣдко обращали въ бѣгство втрое сильнѣйшаго врага, но не придавали особенной цѣны своимъ подвигамъ и даже не любили о нихъ много говорить.

А наша молодежь?!—ее въ полку тогда было очень много,—*), та проводила время больше въ ухаживаніи за дамами (дѣвицѣ у насъ

^{*}) Въ то время въ кавказскихъ полкахъ производство въ чины шло почти исключительно только за военные отличія и потому молодыхъ офицеровъ у насъ былъ болѣе чѣмъ двойной комплектъ.

не было ни одной) а ихъ во всемъ штабѣ можно было насчитать не много болѣе десяти, да и то если перечесть всѣхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ не удивительно, что каждая изъ нашихъ дамъ, не исключая и тѣхъ, которая давно перешли бальзаковской возрастъ, имѣли у себя по дюжинѣ поклонниковъ и ухаживанье шло напрещало, переходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже границы дозволенного.

Но пословица говорить: хорошо все то что хорошо кончается,— а у насъ были романы и съ трагической развязкой. Такъ я припоминаю печальную исторію нашего юнкера Герке, довольно красиваго юноши, который вдругъ воспыпалъ страстной любовью къ женѣ资料 his wife, L . . . . ,—женщинѣ хотя и довольно красивой, но уже не первой молодости. Не встрѣтивъ съ ея стороны взаимности, онъ пришелъ къ тому выводу, что ему ничего не остается какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. И вотъ, задумавъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе, онъ въ одно прекрасное утро написалъ г-жу L . . . . ой письмо полное нѣжныхъ признаній, и въ концѣ этого письма прибавилъ, что, не найдя силы побороть свою страсть къ ней, онъ покидаетъ сей міръ, унося съ собою въ могилу ея милый образъ и то святое чувство обожанія, какое онъ могъ питать только къ ней одной.

Отославъ такое посланіе къ предмету своего пламенного увлеченія, Герке отправился съ ружьемъ на курганъ Шольца и выждавъ, когда къ нему стали подбѣгать люди посланные мужемъ L . . . . ой,— чтобы удержать легкомысленнаго юнца отъ его сумасброднаго рѣшенія,— онъ на глазахъ ихъ спустилъ курокъ и упалъ съ прострѣленною головою.

Случай этотъ вызвалъ большую сенсацію среди всѣхъ Буртунаевцевъ, но на г-жу L . . . . ну онъ, кажется, не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, и только лишь исключилъ одного изъ ея обожателей.

О солдатскихъ семьяхъ, которыхъ въ штабѣ было также очень немного, распространяться нечего. Тамъ—тоже ухаживанье, но на болѣе дѣйствительной почвѣ, оплачиваемое вознагражденіями покровителей, что давало этимъ семьямъ возможность не только жить въполномъ достаткѣ, но и обзаводиться своими домиками.

Въ общемъ однако въ Буртунаѣ ощущалась во всемъ такая подавляющая скуча, что даже какое нибудь незначительное событие и то уже составляло для нась общій интересъ, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторое оживленіе въ обыденную жизнь полка. Объ одномъ изъ такихъ маленькихъ событий я, какъ очевидецъ, и хочу теперь разсказать.

Въ описываемое время въ Крѣпости содержалось нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ горцевъ. О размѣнѣ этихъ горцевъ на плѣнныхъ русскихъ томившихся въ горахъ давно уже велись переговоры съ Шамилемъ, и когда черезъ лазутчиковъ это дѣло наконецъ уладилось,—въ областномъ штабѣ сдѣлано было распоряженіе произвести съ горцами размѣнъ плѣнныхъ, выбравъ для этого мѣсто въ районѣ Буртуна. По условію съ нашей стороны нужно было выдать горцамъ двадцать человѣкъ плѣнныхъ, взамѣнъ которыхъ ими освобождали восемь русскихъ, захваченныхъ ими въ разное время и при разныхъ случаяхъ.

Размѣнъ плѣнныхъ рѣшено было сдѣлать на рѣчкѣ вблизи аула Новый Буртуна. И вотъ въ началѣ Ноября мѣсяца, два баталіона нашего полка со звездомъ артиллеріи, подъ командою подполковника Кощеева, отправились съ плѣнными къ назначенному мѣсту.

Мы выступили изъ укрѣпленія довольно рано и, недоходя полуверсты до аула Новый Буртуна, расположились вблизи рѣчки на большой полянѣ, выставили на позицію орудія и, въ ожиданіи прибытія горцевъ и плѣнныхъ, составили ружья въ козлы. На непріятельской сторонѣ не видно было еще никого, хотя по разсчету времени горцы съ своими плѣнными должны были бы уже прибыть. Было холодно; мы ежились, бѣгали по полянѣ стараясь согрѣться и проклинали горцевъ, которые заставляли нась ждать, но прошелъ часъ, потомъ другой, а они все еще не показывались. Полагая, что размѣна намъ въ этотъ день произвести неудастся, подполковникъ Кащеевъ хотѣлъ было уже вести отрядъ назадъ, какъ вдругъ изъ-за горы Мичика показался верховой тавлинецъ, во всю прыть скакавшій прямо къ намъ. Махая своей косматой папахой, чтобы мы въ него не стрѣляли, онъ быстро перѣхалъ рѣчку и во весь карьеръ понесся къ намъ на гору.

Къ величайшей досадѣ нашей оказалось, однако, что это былъ только посланный отъ Шамиля, который прискакалъ сообщить начальнику отряда, что плѣнные будто-бы очень утомились дорогою и заночевали въ аулѣ за горою Мичикъ, и что прибыть сюда они могутъ лишь только завтра и не ранѣе пополудня.

Хорошо понимая, что со стороны горцевъ это была не болѣе какъ одна уловка, чтобы подъ этимъ предлогомъ высмотрѣть численность и расположеніе нашего отряда, подполковникъ Кащеевъ, съ намѣреніемъ пришугнуть горца, объявилъ ему черезъ переводчика, что, за несдержанное слово имамомъ, онъ останется у насъ заложникомъ и отправится вмѣстѣ съ нами въ крѣпость. За тѣмъ, не входя въ дальнѣйшій разговоръ съ горцемъ, подполковникъ сѣлъ на коня и обратившись къ солдатамъ крикнулъ: „въ ружье“!

Не ожидая такого исхода и, видя бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ солдатъ къ ружьямъ, тавлинецъ вообразилъ, что его хотятъ стащить съ лошади и обезоружить; онъ выхватилъ было свою шашку приготовляясь защищаться, но дѣло для него скоро разяснилось и пристыженный горецъ, вложивъ шашку въ ножны, именемъ Аллаха сталь каяться и увѣрять, что завтра плѣнныхъ приведутъ сюда непремѣнно.

Припугнувъ тавлина, подполковникъ Кащеевъ приказалъ передать ему, что на этотъ разъ онъ отпускаетъ его, но съ условіемъ, что если завтра къ полудню плѣнные не прибудутъ сюда, то размѣна не будетъ вовсе.

На слѣдующій день къ 11 часамъ дня мы были опять на томъ же мѣстѣ, но на этотъ разъ намъ не пришлося ожидать горцевъ и едва лишь мы поставили ружья, какъ изъ Мичикольского ущелья показались со значками массы конныхъ мюридовъ, ограждая окрестность пѣніемъ своей національной пѣсни „Ляиллахи-алла“.

Остановившись на горѣ, противъ того мѣста гдѣ стояли наши баталіоны, горцы тотчасъ же выслали къ намъ вчерашиаго парламентера для заключенія условія размѣна, состоявшаго въ томъ, что какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны горцевъ, плѣнныхъ должны сопровождать къ рѣчкѣ не болѣе какъ только двадцать человѣкъ,— остальнымъ же съ мѣста не трогаться. Условіе это хотя и было принято нами, но опытный въ дѣлахъ съ горцами подполковникъ Кащеевъ отдалъ однако приказаніе баталіонамъ и артиллеріи быть готовыми ко всякой случайности и по первому знаку его открыть огонь по горцамъ.

Сойдясь на самой рѣчкѣ, обѣ партіи плѣнныхъ были сосчитаны противными сторонами и за тѣмъ переданы съ одного берега на другой.

Это была любопытная картина и въ особенности въ тотъ мигъ, когда русскіе плѣнники, вступивъ на нашу сторону и, боясь какъ нибудь попасть опять къ горцамъ, всѣ сразу вдругъ оставили конвой и опрометью бросились къ намъ на гору. Освобожденныхъ изъ плѣна было восемь человѣкъ, большою частію солдатъ, изъ которыхъ некоторые находились въ горахъ уже нѣсколько лѣтъ; тутъ же былъ и одинъ грузинскій священникъ, взятый въ плѣнъ еще въ 1854 году при вторженіи Шамиля въ Кахетію. Страшно истомленные и едва прикрытые какимъ то рубищемъ, всѣ плѣнники имѣли до чрезвычайности жалкій видъ, и до того измѣнили свой внѣшній обликъ, что въ нихъ съ трудомъ можно было признать русскихъ.

Какъ велика была радость этихъ людей можно судить потому, что добѣжавъ до отряда они всѣ бросились цѣловаться землю, обнимали солдатъ и со слезами на глазахъ не переставали все благодарить нась за свое освобожденіе, хотя въ данномъ случаѣ ихъ благодарность не могла принадлежать намъ, потому что мы были лишь исполнителями приказаній высшей власти.

Нужно добавлять, что въ этомъ процессѣ размѣна, несмотря на огромное скопище горцевъ, у нихъ сохранилась полнѣйшая тишина и порядокъ, при которыхъ мы могли спокойно наблюдать то горячес участіе, которое они оказали своимъ освобожденнымъ товарищамъ, которымъ предоставили даже верховыхъ лошадей, вѣроятно съ этой цѣлью и приведенныхъ ими съ собой.

По окончаніи размѣна мы въ томъ же порядкѣ тронулись обратно въ крѣпость, а горцы, затянувъ свое заунывное Ля-иллахи-алла, потянулись къ Мичикольскому ущелью.

Роспускомъ Салатовскаго отряда, послѣ движенія его въ ауховское общество, не закончились еще экспедиціи 1858 года и въ Декабрѣ мѣсяцѣ барономъ Врангелемъ снова былъ собранъ небольшой отрядъ въ уроцище Кастаны, куда въ первыхъ числахъ этого мѣсяца три баталіона наши и выступили изъ Буртуная.

Цѣль сбора этого отряда состояла въ томъ, чтобы отвлечь непріятельскія силы отъ Чеченского отряда, дѣйствовавшаго тогда въ Большой Чечнѣ, выжечь запасы сѣна чеченцевъ въ уроцищѣ Кастаны и кромѣ того, провести черезъ это уроцище новую просеку къ Кишенѣ-Ауху.

Походные движения зимою въ Чечнѣ имѣли ту выгоду, что давали возможность отрядамъ болѣе безпрепятственно проходить по лѣсамъ, которые безъ листвы дѣлаются настолько оголенными, что горцамъ спасовилось очень трудно скопляться въ нихъ большими силами; но за то съ другой стороны движения по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ лишали войска той подвижности, какая нужна при дѣйствіяхъ съ горцами, умѣющими быстро и хорошо скрываться въ одномъ мѣстѣ и появляться вновь тамъ, гдѣ представляется для нихъ къ тому болѣе выгодная условія.

Къ тому же переправы въ бродъ черезъ рѣки, часто по поясъ въ водѣ, также не мало затрудняли движение отрядовъ, не говоря уже о томъ вредѣ, какой приносила зимою такія купанья людямъ, принужденнымъ иногда долгое время оставаться въ мокрой одеждѣ. Впрочемъ въ лѣсной части Чечни хороший костеръ и выносливость русскаго человѣка часто многихъ спасали отъ тяжелыхъ заболѣваній, а баня, которую солдаты ухитрялись устраивать въ обыкновенной палаткѣ, нерѣдко исцѣляли даже и приключившійся недугъ. Такая баня устраивалась весьма простымъ способомъ: на разчищенную отъ снѣга площадку укладывалось нѣсколько крупныхъ камней, на которыхъ раскладывался большой костеръ; черезъ часть или два костера съ этого мѣста отбрасывался въ сторону и надъ раскаленными камнями разбивалась двойная солдатская палатка, которая тщательно окапывалась снизу, оставляя лишь небольшое отверстіе для стока воды. Затѣмъ внутри палатка устилалась рогожами или брезентами, туда же ставились ушаты съ горячей и холодной водой—и баня готова.

Поливая камни водою можно въ такой банѣ нагнать сильный жаръ, но при этомъ необходимо поливать спаружи и самую палатку—иначе она можетъ очень скоро истлѣть отъ жары и прийти въ совершенную негодность. Мнѣ случалось не разъ пользоваться такой баней даже зимой и я не чувствовалъ послѣ нея ни малѣйшей простоя.

День, при выступлѣніи баталіоновъ изъ Буртунай, выдался довольно морозный. Окрестныя горы, покрытыя толстымъ слоемъ снѣга, сверкали яркой бѣлизной. Мы шли цѣликомъ, безъ дороги, утопая по колѣни въ глубокихъ сугробахъ и только къ полудню лишь успѣли перевалить Хуборскія высоты, за которыми начинался длинный спускъ въ долину Кастаны. Переходъ былъ настолько трудный, что мы добрались къ мѣсту бивака только къ ночи и расположились въ небольшой ореховой рощице, разбивъ палатки прямо на снѣгу.

По обыкновенію солдаты тотчасъ же принялись сооружать костры и вскорѣ яркое пламя сухого орѣха запылало по веерѣ линіи бивака.

Люблю я нашего солдата, но не могу не поставить ему въ укоръ неумѣніе его цѣнить прекрасныхъ произведеній природы. Я видѣлъ какъ толстая орѣховая деревья этой чудной рощицы, дававшей горцамъ ежегодно обильный сборъ грецкихъ орѣховъ, валились подъ топорами нашихъ русскихъ вандаловъ, и это, къ сожалѣнію дѣжалось ими вблизи громаднаго чинароваго лѣса, который находился подъ рукою, не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ лагеря!—Да вѣдь за нимъ нужно идти,—говорили солдаты,—а тутъ и чеченскаго орѣха достаточно, чтобы намъ обсушиться и погрѣться у огня.—И, разсуждая такъ, волокли цѣлые бревна этого дорогого дерева на костеръ.

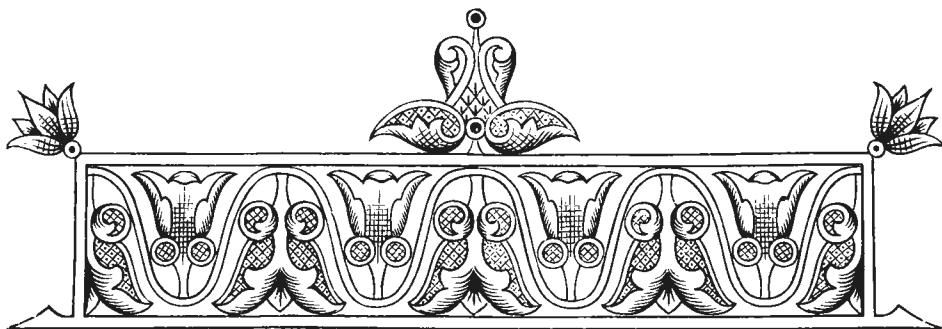
Впрочемъ баронъ Врангель, прибывъ къ отряду и замѣтивъ варварское истребленіе этихъ дорогихъ деревьевъ, приказалъ немедленно же прекратить ихъ рубку, но тѣмъ не менѣе доброй половины этой прекрасной рощицы—какъ не бывало.

Со слѣдующаго дня отрядъ приступилъ къ рубкѣ лѣса, начавъ ее отъ нашего бивака. Переходя за тѣмъ съ позиціи на позицію мы въ продолженіи десяти дней разчистили новый путь къ Кишень-Ауху. произвели въ разныхъ направленіяхъ нѣсколько рекогносцировокъ, со-жигая по пути запасы непріятельскаго сѣна, сложеннаго на поляхъ, и 18 Декабря уже были на походѣ къ Буртунаю.

Сѣжнай зима, оголенные лѣса и дѣйствія въ то время отряда генерала Евдокимова въ Большой Чечнѣ. куда главнымъ образомъ отвлечены были непріятельскія силы, дали возможность намъ очень удачно выполнить свою задачу, при чемъ всѣ потери наши состояли изъ нѣсколькихъ человѣкъ раненыхъ въ небольшой перестрѣлкѣ съ горцами и, кажется, трехъ или четырехъ солдатъ, ушибленныхъ деревьями при рубкѣ лѣса.

Движеніемъ зимию въ Ауховское общество и закончились дѣйствія Салатовскаго отряда въ 1858 году.

Теперь на очередь подступали болѣе важныя событія,—событія ознаменовавшія себя великимъ историческимъ явленіемъ: покореніе Чечни и Дагестана, а вмѣстѣ съ этимъ и окончаніе войны на восточномъ Кавказѣ.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительного Тайного Советника Сенатора И. В. Лопухина,
сочиненные имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный.
(Псал. 102., ст. 15.)

Книга первая.

Я родился 24-го Апрѣля 1756-го года. Младенчество мое было самое болѣзненное; воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайнѣй нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые и, бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи; но сами имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ. Русской грамотѣ учили меня домашній слуга, по французски учили Савояръ, незнавшій совсѣмъ правиль языка, по нѣмецки,—Берлинецъ, который ненавидѣлъ языкъ нѣмецкій и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и сколько умѣлъ, учили меня ему тихонько, пользуясь охотою мою къ чтенію; нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своею для одного виду: и я,—выучась только читать по нѣмецки,—разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученія,—научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17-мъ году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ, и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья, столько же какъ обыкновенное родительство, особенно въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не позволяли имъ рано отпустить меня на службу.—Я страстенъ быть къ военной: и сидя дома водилъ строй и давалъ бataliи по поизелору и фоларду. Компаниями армій нашихъ противъ турокъ, войны, начавшейся въ 1769-мъ году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ или операцияхъ. Нѣсколько почей беспокойно спалъ отъ ожиданья чѣмъ рѣшился компанія князя Голицына подъ Хотиномъ: и, хотя почти уже сорокъ лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь конечно помню почти всѣ ихъ числа.

Около сего времени лишился я матери: она умерла отъ болѣзни, нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отменно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи:—и вотъ какова была моя ребяческая молитва! Я помню, что, однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонъко и просилъ Бога очень усердно, чтобы онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ Гвардіи унтеръ-офицеромъ, и въ 1771-мъ году имѣннымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцовъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошие дни. Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка.—Это время, въ бурныя лѣта молодости, было для меня большою опытною школою терпѣнья и много послужило въ пользу охоты моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья, и случившійся при томъ вѣкоторый припадокъ, препятствовавшій верховойѣздѣ, принудили меня навѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностю собиралъ я всевозможныя по сей части свѣдѣнія и интересовался обстоятельствами и сужденіями

всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ; и по болѣзнямъ моимъ, въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобы не побывать въ тюрьмѣ, для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782-го года по просьбѣ моей за болѣзнями, отставленъ я изъ капитанъ-порутчиковъ гвардіи, къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытии по новымъ учрежденіямъ Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должностіи сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобы какъ невинной не быть никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія; но по чедовѣколюбію—сколько можно больше умѣренаго, неудаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ.

Я думаю что цѣлью наказаній должно быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій.—Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества, и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія, гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потеряю свободы.

Вѣроятно что никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжить такого рода казни; ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ обѣ ней. но ненаходящій еще въ такой степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ 20-ть, а не 50-ть ударовъ.

Весьма также опасался осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершенного изобличенія и признанія судимыхъ. Не-могно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько-бы они ясны и основательны не казались. Такого рода доказательства едва ли когда могутъ быть совершенныя и такія, чтобы исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ, и по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, приемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ не довольноаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь многое свойственное большей части людей, особенно тѣхъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытии виноватаго, весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только суды не будуть подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всемъ сердцемъ любя ее, а не для того чтобы ею прославиться, или которые во всякомъ ими судимомъ, сердечно видятъ прямо близняго своего.—Безъ сего расположенія, не можетъ быть истинно добрыхъ судей; а такие, понещастію очень рѣдкіе суды, и не послѣдуютъ конечно оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣ и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставить правосудію Всевидящаго. Иные мудрователи при семъ скажутъ: „Что же?—Итакъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу; и силь разума, отъ него же данныхыхъ, употреблять, стало, ненадобно?“ Нѣть, надобно ихъ употреблять наилучнѣйше; но тамъ гдѣ они недостаточны, съ кротостію признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ близняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго для того только, чтобы его наказать; и безъ совершенного увѣренія въ его винѣ—спѣшать осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оній совершенно бы возмутился и остановилось бы дѣйствіе, невидимо,—но всегда и вездѣ,—дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвениемъ нѣсколько грабителей и мздомицовъ, при чувствахъ, самый видъ доброго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка,

впадшаго и въ неважное преступлениe, и по какому нибудь, можетъ быть, особенно нещастному стечению обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманиемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько-жъ, по вліянію чрезъ примѣръ; и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Одинъ случай, относительно къ сему разположенію моему, въ бытность мою совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ, чтобы разказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы; Государыня приказала взять изъ палаты дѣло для предварительного разсмотрѣнія. Имянной о семъ Указъ объявилъ, бывшій тогда Оберъ Прокуроръ, князь Гагаринъ.—Но какъ, по узаконенію оберъ-прокуроры не имѣютъ права объявлять Имянныхъ Указовъ, то я несогласился отдавать дѣло изъ палаты и подалъ о томъ голосъ *). Дѣло доставлено было по большинству голосовъ; но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устрашиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ и даже на самое принужденіе, съ большию досадою, бывшаго тогда главнокомандующимъ, Графа Захара Григорьевича Чернышева.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста; а я остался, какъ старшій совѣтникъ, отправлять его должность, старался служить очень усердно; и какъ тогда, такъ и сначала вступленія моего въ палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинялъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо без-

*) Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты, 22-го ноября 1783-го года и послѣдовавшее о томъ, въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я быть одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Не охотники до меня, и столько жь, кажется, вообще до человѣчества тамъ гдѣ нѣтъ ихъ интересовъ, воліяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развозжу злодѣевъ и воровъ, однако, по щастью моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало, съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ называю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими предъ тѣмъ Московское правительство вѣсколько лѣтъ отличалось и о которомъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

Итакъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказанного мною расположенія; а Главнокомандующій графъ Захаръ Григорьевичъ подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне: онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я, за воровство, кражу и мошенничество, цѣною выше двадцати рублей, (ибо о наказаніяхъ затрудненія сего рода на меньшую цѣну, заработка, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобы наказанные могли отдаваться въ рекруты.—Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго; хотя оное на бумагѣ и не изъявлялось, потому что въ то время не вносились еще на разсмотреніе къ начальникамъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ неотступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ морскаго Устава, въ коей сказано:

„За первую, другую, и третью кражу наказывать,—что разъ, то жесточай, по разсмотрѣнію“. кн. V, гл. 17, ст. 127.

Чрезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобы преступленіе не оставалось безъ наказанія; но наказаніе бы, сколько можно, не нарушая законовъ, было умѣрено, и общественной пользѣ тѣмъ соответственно; и чтобы не оставались въ тягость селеніямъ, такимъ образомъ наказанные за преступленія, которыхъ между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особенно часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ и нынѣ существующія узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домомъ за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобы за преступленія, кои въ народѣ особливо часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многие дѣлалисьувѣчными и негодными въ рекрутъ; воровство же при всемъ томъ не уменьшалось,—какъ известно изъ опытовъ. Конечно въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобы цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія: ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и, которыя, когда они достовѣрно известны, могутъ быть единственno истиннымъ основаніемъ правильного опредѣленія мѣры наказаній—если судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ менѣе соблазнителенъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ виащѣй означается степень разврата въ преступникѣ.

Миценіе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно влияться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій; все же пре- восходящее сю мѣру, есть только бесплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распре- дѣлены, чтобы сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно менѣе изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сie есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, ко- его одинъ предметъ долженствуетъ быть—благо человѣчества на землѣ, и всевозможное приготовленіе его къ оному—въ вѣчности.

Такъ, конечно, цѣль наказаній и мѣра ихъ должны не иныя быть, какъ высказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны такъ же сообра- зоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣнія, соотвѣтственно раз- нымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Еслибы можно было всегда проникать въ побужденія къ пре- ступленіямъ, то и свойство и мѣра побужденій были бы конечно луч- шими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни;

и тогда многія дѣла, или извиняемыя, или и за преступленія несчитающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію, столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто непримѣчаемыя.

Напримѣръ: судья, которой не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ, и безъ совершенногоувѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осудить его на тяжкую казнь,—столько-жъ самъ ее заслуживаетъ, и столько-жъ преступникъ, если не болѣе, какъ неумышленной убийца, и даже такой, которой убилъ разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы Суда, и, хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни или въ угощденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно не меныше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности, и отъ того что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю что такъ же не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни; потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправление наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ; и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества, въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ, и въ здѣшней жизни сохраняя ихъ всегда на полезную для Государства работою службу, столько-же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не болѣе, какъ смертная казнь. Нерѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предававшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; такъ же и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбиемъ; но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобы не страшиться страданій и неволи.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышева не стало въ 1784-мъ году, лѣтомъ. Преемникъ его Главнокомандующій въ Москвѣ,* сначала очень обласкалъ меня; но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю, по привычкѣ его къ властолюбію, коей угоженіями дали въ немъ укорениться, и потому предубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга, и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покорится. Слабость такая въ немъ, была слишкомъ обыкновенна многимъ придворнымъ. О семь обстоятельствѣ скажу въ своеемъ мѣстѣ по приличности, теперь же обѣ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его, собственное противъ меня, было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать 50-ть ударовъ, какового числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобы перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему причины. Но когда онъ, не внимая имъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и настаивалъ уже, съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣеть права возвращать ихъ, а ежели онъ не согласенъ, и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представлѣніемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался господинъ Главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости; много только горячился и кричалъ: „Какъ, разбойникамъ, смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!“ — По скольку жъ бы ваше Сиятельство думали, — спросилъ я его. — „По скольку? — отвѣчалъ, — двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.“ — Да эдакъ будешь засѣкатъ до смерти. — „Чегожъ жалѣть? — говорилъ онъ; — и это же наказаніе вмѣсто смертной казни“. — Такъ, отвѣчалъ я, но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго юриспруденціи

* Графъ Брюсъ.

въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это быль бы законъ тиранскій и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большее преступленіе онаго закона милосердія.—

Графъ мой сталъ тише;— „Однакожъ—говорилъ мнѣ,—странно, что вы такъ разсуждаете: вѣдь можетъ многда случиться, что наказуемый умреть и отъ 10-ти ударовъ“.—Конечно,—я говорилъ,—это можетъ иногда случиться, по какимъ нибудь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны бевинно; но если я буду давать такія сотни ударовъ, то при явномъ тиранствѣ своемъ долженъ бытьувѣренъ, что люди и умиратъ будуть подъ кнутомъ непремѣнно.— „Но какъ же вы узнаете мѣру?“—спросилъ онъ меня уже самимъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ.—Смотря по лѣтамъ по сложенію, по состоянію здоровья и проч.,—отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: „Я вамъ очень благодаренъ, вы одолѣли меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видаль такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ вмѣсто смерти, такого разбора не надобно. Вы меняубѣдили. Соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ, и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить“.
Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы на конецъ противъ меня, неостанавливавъ ни одного приговора Палатского.

Я рассказалъ сіе происшествіе какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому согласившемуся; и тѣмъ больше,—чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужные истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ Государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими Губерніями. И конечно, не одинъ изъ нихъ Графъ Брюсь, бывалъ въ подобномъ заблужденіи; но немногіе, столь почтенно какъ онъ, и съ такою пользою, признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однакожъ, продолжалось, и, думаю, отъ того сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказаль я выше, не могъ сопротивляться, всевозможныя выискивалъ онъ къ тому средства; посадилъ въ Палату двухъ членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобы они всячески шли противъ меня. Но, несмотря на обѣщанныя имъ за то награды, и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласие со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою предсѣдателемъ въ Палатѣ, меня даже беспокоило. Часто пеяя я за него моимъ товарищамъ, говоря: для чего никогда они не спорятъ? неужель я никогда не ошибаюсь? А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны,—они всегда отвѣчали, что нельзя и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка.—Можетъ быть они пристрастны ко мнѣ были; но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядке, то истинно. Такъ же отзывались самому покровителю своему и два члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ручательствахъ.—И онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время въ Палатѣ производить то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ, по случаю несогласія моего принять Имянной Указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленный. Дѣло сie было очень пространное, и требовало еще пополнительного производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишеть, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и, особенно предсѣдателя,—въ медленности; чтобы оно непремѣнно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то предсѣдатель и члены отрѣшены будуть.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется, что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ Экстрактѣ своеемъ на 1000 листахъ, и еще производствомъ не совсѣмъ кончено; а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; и что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда генеральнымъ регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что наконецъ, исправность Палаты показывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и просьбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ; однакожъ не послалъ въ сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣтить ему: „чтобы онъ не оставилъ,

призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было пріемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ быть рѣшить я самъ; чтобы я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ, прежде его рѣшенія“.

Главнокомандующій на первой же почтѣ получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобы призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ оный указъ, съ исключенiemъ изъ него словъ: *отъ себя*, и съ прибавленiemъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ Присутствіи правленія дѣлалъ мнѣ губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣть въ Присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкій нарушитель закона, объявляя Имянной и подписанный указъ съ перемѣною словъ его, (ибо я уже зналъ тогда точныя слова реєкрипта), что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно не изволить столь торжественно отвергнуть никакого закона, особенно такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющей ему оставлять службу; но какъ Ей угодно было не исполнить мою просьбу, то она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему, объявить мнѣ только отъ себя: что впрочемъ повелѣніе сие пріемлю я знакомъ Высочайшей ко мнѣ довѣренности, и хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ палатѣ, въ которой между прочими рѣшилось чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особенному уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и наипаче относительно къ графу Захару Григорьевичу, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобы когда оно рѣшится, то ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣнiemъ своимъ противнымъ; но Государынѣ угодно было опредѣленіе палаты, съ коимъ согласно рѣшиль и Сенатъ по ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ палатѣ, графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя мою просьбу объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто Аттестата, всего происшествія, и съ повторенiemъ своей на меня жалобы: однако я уволенъ былъ съ награжденiemъ чина статскаго Совѣтника. Сие было въ Маѣ 1785-го года.

Книга вторая

Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы, 1785-го года, въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, въ ея не ночевавъ ни одной ночи.—На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду, отецъ мой, имѣвъ слишкомъ 80 лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы я проводилъ въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыхъ стали тогда моими любимыми *), въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность и много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ, и о коемъ много было и есть, странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же его называли потому, что въ то же время, какъ оно сдѣгалось здѣсь извѣстнымъ, *Мерсье*, въ своей картинѣ Парижа называлъ тамъ мартинистами нѣкоторое число людей, съ особымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно

*) Никогда не былъ я еще постояннымъ вольнодумцемъ, однако же, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религію, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусы моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу (*Système de la Nature*) съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ извлеченіе изъ сей книги подъ именемъ устава натуры („Code de Nature“) и перевѣль уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ.—Напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣживать его въ рукописяхъ.—Но только что донесли первую самимъ красивымъ письмомъ,—какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе,— не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ,—какъ бы въ очищеніе себѣ, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ напечатано помнится, въ 1780-мъ году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ—въ 1787-мъ году, съ котораго напечатана въ прошломъ 1809-мъ въ февральской книжкѣ ежемѣсячного изданія: „Другъ юношества“.

Сіе произошло года за два до вступленія моего въ общество. Первые же книги родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были извѣстная „О истинѣ“, и Арндта—„О истинномъ христіанствѣ“.

вышедшой известной книги „о заблуждениях и истинѣ“, которая тогда же у насъ была переведена и напечатана и которой сочинитель былъ нѣкто Ст. Мартенъ, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтями.

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности, истинно Евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая, особенно готовящимся на проповѣдь Слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства приобрѣтать знанія и качества, нужные къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше пятидесяти семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ Епархиальныхъ архіереевъ съ великою признательностью.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говорить Соломонъ въ книжѣ премудрости гл. 7, ст. 17—22.* Содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во все времена не сумнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отрицающій и здравый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе: мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшнымъ; но простолюдинская пословица: *вѣкъ живи вѣкъ учись*,—гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразумiemъ помышлитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія, и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоить въ томъ—*Единомъ*, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

*) „Сей бо дадѣ мнѣ о сущихъ познаніе неложное познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ возвратовъ перемѣны, и измѣненіе временъ, лѣтъ, круга и звѣздъ разположенія,—естество животныхъ и гиѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиление и помышленіе человѣковъ, различие лѣтораслѣмъ и сплы кореній.

Единое сие, заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка,—въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственной источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго,— но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна: какъ бы разслабленного больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляя ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродится. Тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовю къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной; заповѣди, которой смыслъ есть конечно тотъ, чтобы въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣваносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ любимъ по страстямъ своимъ, легко можетъ объяснять намъ возможность неограниченного терпѣнія и любви къ близкимъ и къ самимъ врагамъ своимъ, у людей, имѣющихъ сердца, очищенные божественною добродѣтелю.

Сие моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое должноствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской Церкви,—не можетъ конечно произойти безъ дѣйствія силы Всемогущей: но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческа», коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій, и особенно составляющей величіе человѣка. Самопознаніе должноствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываютъ человѣку связь его съ ними, и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самого себя, не можно имѣть премудрости: страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ живемъ. Всякой скажеть, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ, въ чёмъ

не можно конечно и сомневаться, не сомневаясь въ бытіи Божіемъ. Но ежелиъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ Очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ рождать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому, какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ, не для того, что боятся ихъ наказаній.—Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но и самыя наказанія Божіи, въ здѣшней жизни и по смерти, суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіе порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насть общества, и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разныя обѣ настъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрять вся кому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить добромъ.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее. Отвѣтъ на это легокъ: для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ лучшихъ людей, или публики, не только никогда не говорять, да и не можно говорить о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, и о томъ, какъ порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представить настъ подозрительными, и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ

образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя, при разныхъ переворотахъ и жизнь его окончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя, выдумывалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую, будто бы, связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же недопускалъ онъ и до розыска; вѣроятно для того, что не имѣлъ сердца жестокого, и при всей своей политической нещадности не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими; каковыя жертвы, подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя,—всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ, онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ Государствѣ происходитъ съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыни, то ей нечего опасаться: онъ все предупредить.

По сему расположенню удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденаго подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги. Нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. Н. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ Московскому Архіепископу, которой нашель его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ, чтобы было больше. Сими словами доносить Преосвященному Платону о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсь прѣѣхалъ начальствовать въ Москву, и коимъ особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По прїездѣ своемъ въ Москву, не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво; но дажеувѣрялъ, и, казалось, искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъявляя при томъ особливо ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣ-

сколько времени и послѣ расказанного мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говорить мнѣ наединѣ, что известно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что онъ,—хотя самъ бывалъ въ подобномъ, и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесеть онъ въ сердцѣ своеемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако, въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже нетристойно симъ заниматься. Если это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите, отвѣчалъ я ему, то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣть и чиновъ имѣть человѣкъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанью должностю, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣшаетъ, учить добродѣтели и заставлять исполнять ея правила.

Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ равнодушный.—Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобы я оставилъ общество и упражненія онаго и что это будетъ угодно Государынѣ.—Волю Ея о семъ что ли,—спросилъ я его,—объявляете вы мнѣ?—Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это.—Что жъ, отвѣчалъ я, неужели Государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли Ей известно мое имя и существованіе на свѣтѣ.—Да, сказалъ онъ, вы Ей слишкомъ известны, и Она требуетъ непремѣнно отъ васъ того, что вы отъ меня слышите.—Позвольте мнѣ усомниться, говорилъ я, чтобъ такой мутрой Государынѣ было не угодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете.—Да, Она не такъ думаетъ, отвѣчалъ онъ.—Можетъ быть потому, говорилъ я, что она ей не прямо известно; такъ стоитъ ей только объяснить, а обѣ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрноподданнаго объяснить Государямъ правду.—Ты поди объясняй Ей, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ; и очень съ сильнымъ требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Если жъ Она того желаетъ по противному обѣ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея, была бы слабость и чувство противное тому уваженію, которое имѣть естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такие то подлые угождатели

должны Ей больше всего быть не угодны.—Знайте-жъ,—сказалъ мнѣ граffъ мой, голосомъ дрожащимъ отъ досады,—что съ теперешней минуты буду я вамъ всякое зло дѣлать,—и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе палатѣ, о коемъ я описывалъ. И къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе идержанную имъ просьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ конечно, и съ оттѣнками еще своими и послѣднюю онуу между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать; а онъ къ ней писывалъ свободно.

Итакъ въ концѣ 1784-го года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества.

Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи;—третьи,—что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню; иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря при томъ существованію духовъ^{*)} и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько же неблагоразумно вѣрить, сколько не похвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо—и святые и бунтовщики и проказники и суевѣры и замысловатые обманщики,—всего этого, разсудя, нельзѧ связать хорошенъко.

У страха, говорять, глаза велики; вотъ отчего прямо родились и возрасли негодованія оныхъ и подозрѣнія. А сему содѣствовали: довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ доносить правду о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ нещастную къ нимъ довѣренность, а съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строить свою фортуна на беспокойствѣ жителей, вместо того, чтобы ей сохранять ихъ покой.

^{*)} Вѣруя что есть Богъ Всемогущій, Творецъ, Духъ Непостижимый и, конечно, Вездѣсущій,—весмы безразсудно думать, что строенія Его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ; а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобы они могли имѣть вліяніе на человѣковъ.—

Много также действовали предубѣжденія и ненависть, которыми съ невѣжествомъ, исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

Все сie усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789-мъ году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ философъ: только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества онія и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ нась недостаткѣ: а система наша,—что Христосъ начало и конецъ всякаго блага и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философіи система,—отвергать Христа, сомнѣваться въ бессмертіи души, и едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостю самолюбія; а обществъ оніхъ предметъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремлениемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бываютъ тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразумiemъ заключить, чтобы не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ причастіи; но что же изъ того заключить должно противъ причастія? Мистеріи древнихъ служить сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже мнѣ кажется на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя, и все свои соки испортить невоздержностью, и неосторожностью, не желая признаться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, еслибы разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушится.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ,—вотъ прямые и одни источники революціи. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства безъ истиннаго живаго духа вѣры—безъ духа Христова—безъ свѣта премудрости Божіей, суть, то дія тѣла политическаго,—что безъ кровоочистительныхъ лѣкарствъ пластири, могущіе залѣчивать наружныя болячки, для большаго, у кото-раго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя Правительства, подозрѣнія, скрытные присмотры полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались дѣлть семъ. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого: ни при Дворѣ, ни гдѣ.

Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться; а только при случаяхъ, простодушно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества,—но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ нисколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не беспокоился и, знаяши, писалъ всегда такъ, какъ бы говорилъ одинъ на одинъ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобы въ письмѣ къ моему пріятелю, кстати расположивъ, описать все существо и дѣйствія нашего общества, и такъ справедливо, что никакими бы слѣдствіями и розысками, оного не могло открыться, потому что Самъ Сердцевѣдѣцъ видѣлъ, что иного не было. И подлинно въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ничего, кромѣ очень доброго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества. Если же и были между нами частныя въ обществахъ ошибки, то они имѣли небольшое вліянія на общее спокойствіе Государства, какъ слабости и ошибки миллионовъ, составляющихъ его и подверженныхъ такимъ недостаткамъ,—въ человѣчествѣ.—Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу—что и Государи могутъ ошибаться; и что ежели Государыня, не имѣя прямаго понятія о какой нибудь доброй вещи, дурныхъ обѣ ней мыслей, то никакъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ ея заключеніемъ и угождать ему была бы величайшая подлость: измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели грѣхъ предъ Богомъ, и предъ Ею собственно истиннымъ величиемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобы они прочитали.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго катихизиса, употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвящ. Платона Митроп. Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего

общества, однажды разставались мы всегда приятелями. Однажды, разговаривая с нимъ, всѣ возраженія на его критику родили у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что прѣѣхалъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французской языкѣ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сие тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ приятелей.

Я помѣщу его здѣсь. Не знаю сходно ли это будетъ съ порядкомъ исторического сочиненія. Но я уже сказалъ, что я неученый, слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учепости извинительно, особливо въ сихъ запискахъ, которыя пишу только для приятелей и для любопытныхъ *), изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быль мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было и тетрадка та, можетъ быть, пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

Н Р А В О У Ч И Т Е Л Ь Н Й К А Т И Х И З И С Ъ .

Истинныхъ Ф-къ М-въ.

Аще сынъ вы свободите тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ Великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М?

Главная цѣль его та же, что и цѣль истиннаго христіанства.

4. Какой главной долгъ истиннаго Ф. М?

Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть Анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій (Рим. IX. 3.)

*) Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для преизвожденія времени и никогда бы они сочинены не были, еслибы мнѣ писать своею рукою.

5. Какое должно быть главное упражнение (работа) истинныхъ Ф. М?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣятельнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе своей воли въ исполненіи заповѣдей и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ: ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чмъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли Небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посредѣ сего міра, не прикасаясь сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. (1 Кор. VII. 20.)

8. Какіе суть самые вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9. На какой матери работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же изъ которой все сотворено.

10. Въ чмъ состоитъ ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію царства Его.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Эдемѣ.

12. Почему таинство Ордена не можетъ быть всякому известно?

Потому же, почему не всякой можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога Вездѣсущаго.

13. Чѣмъ приобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало и въ сердце человѣку не входило. Сие то Богъ чрезъ таинство открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ царствія Божія и правды его; и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, которой можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцовъ, со всѣмъ тѣмъ, могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ, жесточайшую боль,—и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобы былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства всего міра; и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника Свѣта, и, имѣя съ Иисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Ильею отверзать и затворять небо,—считалъ бы себя менѣе всѣхъ; и могъ бы склониться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, еслибъ оное потребно было для исполненія воли Небеснаго своего Владыки.

17. Какая должностъ истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ должны царя чтить и во всякомъ (страхѣ) дѣлѣ повиноваться ему, не только добруму и кроткому, но и строптивому. (I Петр. 11, 17, 18, Ефес. VI, .5. 7.)

18. Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покорень вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. (Рим. XIII, 1—5.)

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго, чemu надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе онъ долженъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду (уравненіе) и управлѣніе, оказывать имъ снисхожденіе и обходится съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у Котораго нѣтъ лицепріятія. (Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.)

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?—

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ блага, и вспомоществовать имъ, сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ быть расположены противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23. А противъ тѣхъ кой клянуть его?

Благословлять ихъ.

24. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25-е. А съ тѣми которые гонять его?

Молиться за нихъ.

26. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то, чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая*).

27. Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить принадлежалаго ему?

Если кто хочетъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и если кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то идти съ нимъ и двѣ. (Мат. V, 40, 41.)

*). Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ: также должны они молиться тайно, постыясь умашать главу свою и умывать лицо какъ сказано въ евангелии и сгѣдоватъ всѣмъ принятымъ въ обществѣ обычаямъ, какъ-то: въ нарядахъ, обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч. тому подобномъ, избѣгая и вида лицемѣрія. (Мат. V. 42. VI. 3, 6.)

28. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Если кто ударить его по одной щекѣ, то онъ долженъ обратить ему и другую.

29. Слѣдовательно онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтить Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?—

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ служать къ распространенію царствія Божія, или къ сопротивленію оному, имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобы онъ не дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда или благость Господня,— Котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать и любить (Ефес. VI. 1., 2.), но такою любовью, которая не препятствовала бы ему быть ученикомъ Иисуса Христа, рекшаго: „Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидить отца своего и матерь и жену и чадъ и братію и сестеръ, ежели же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ“. (Лук. XIV. 26.) То есть: не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовью къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ, не пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова и изъ ревности къ Нему не возненавидѣть, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32. Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу, и, отдѣля отъ него натуру („часть“) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. (Быт. 11.)

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: „лучше есть не жениться“. Онъ же рече имъ: „не всѣ вмѣщаются словеси сего („не всѣ могутъ не жениться“), но имъ же дано есть; и суть бо скопцы, иже изъ чрева матери родишася тако; и суть

скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себѣ, царствія ради небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣстить“. (Мат. XIV. 10. 11.)

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано о 144,000 искупленныхъ отъ земли: „сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣственники суть, сіи послѣдуютъ Агнцу, аможе аще пойдетъ; сіи суть куплены отъ людей первенцы Богу и Агнцу, и во устѣхъ ихъ не обретется лесть предъ престоломъ Божіимъ.—(Апок. XIV. 45.)

А святый Апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ говорить: „хощу бо, да вси человѣци будуть, якоже и азъ („въ безбрачіи и необщеніи плотскомъ съ женами“); но аще не удержаняться (еели похоти плотской воздержаться не могутъ),—да посягають: лучше бо есть женится, не жели разжигатися. (1 Кор. VII. 7., 9.)

33. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женой?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ церковь, беречь ее и содержать какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. (Ефес. V. 25., 26.)

34. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ царствіе Божіе, какъ говорить Христосъ. (Іоан. III. 5.)

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя только орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и къ прославленію Святаго Имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что Оному препятствуетъ, и посему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питія?

„Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушении пищи и питія“, (1 Кор., X. 31.). Употреблять оныя умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбію, но дабы только подкрепить тѣло, какъ храмину, которой подлежитъ быть яслими возрожденія и земною обителю истиннаго человѣка,—внутренняго,—духовнаго,—сътвореннаго по образу и по подобію Божескому. (1 Кор. 11., 14., 15.)

37. Какимъ образомъ истинный Ф. М. готовится къ смерти?—

Непрестанно стараясь умирать грѣху. (Рим. VI, 2.)

38. Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39. Когда она оканчивается?

Тогда какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40. Когда престанеть всякой трудъ и работа?

Когда не останется на землѣ ни единой воли, которая бы не совершенno предалась Богу, когда золотой вѣкъ, которой Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, разпространится вездѣ и явится виѣшне; и когда царство самой натуры освободится отъ проклятія и возвратится въ средоточіе Солнца.

Моїй вмѣстити да вмѣститъ.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанина, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ тоже почти время книгѣ подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней Церкви, единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и иѣбели*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798-мъ, а второй въ 1801-мъ году. Она переведена очень хорошо на Французской языкѣ; и сей переводъ такъ-же напечатанъ въ Санктпетербургѣ, а послѣ вышло онаго изданіе въ Парижѣ съ Аллегорическою картиною въ заглавіи моего же сочиненія, изображающей храмъ Натуры и благодати, съ моимъ же изъясненіемъ, которое на русскомъ, при картины оной, въ большомъ видѣ, выгравировано въ Москвѣ*). Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ.

Оный же катихизисъ точно въ томъ содѣржаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникъ извѣстной піесѣ, подъ именемъ: „Духовный рыцарь, или

*) Самый хороший переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ Г. Эwaldомъ и помѣщенъ въ его христіанскомъ, мѣсячномъ изданіи.

ищущій премудрости“, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ обѣ немъ мысль. Отобѣдавши, тотъ часъ пошелъ я прогуливаться: въ прогулкѣ составился весь планъ; и я съ Покровки дошелъ только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами вернулся домой и принялъся писать;—почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть и покончилъ сіе сочиненіе,—содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литтерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: „*Кто можетъ быть добрымъ iражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ*“, которая также переведена на французской ипущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый близкій другъ мой Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честячайшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знатчимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое о внутренней церкви, хотя напечатано уже въ то время когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много непріятелей.—Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашимъ утѣшениемъ, потому что ощутительная мнѣ помошь Божія въ сочиненіи семь, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однакожъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія г-мъ Эккартсгаузеномъ который называлъ книгу сію драгоцѣнною, истинною мудростію исполненною. Признаюсь такъ же откровенно, что удовольствію оному причиною сколько мое самолюбіе, которое весьма еще далеко отъ своей смерти—сей единственной совершительницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня и смиренію у него мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо; писалъ дней за 10-ть до своей смерти и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее жѣ, думаю, сочиненіе свое: о согласіи виѣшнихъ законовъ натуры съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Паставленіе Клоаса жреца натуры, Софроніуму*. Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужить мое одобрение, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе, я закраснѣлся при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе г. Эккартсгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ и въ прочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на русской языкѣ, помѣщено, въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ Александромъ Федоровичемъ Лабзинскимъ, который перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, способствующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностію всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго Сіонскаго Вѣстника должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу внутренней церкви сочинялъ я въ 1789-мъ году *), оправляясь послѣ жестокой болѣзни; и многое изъ нее написано мною карандашемъ въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, который тогда открыть былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни моей къ совершенному выздоровленію стоитъ того, чтобы описать его. Всѣ знающіе какъ дѣйство силы милосердія Божія, чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовію, разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ конечно прочту сіе описание.

Отъ простуды сдѣлалась у меня при беспрестанномъ почти кашлѣ боль въ груди и въ боку, и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка, (*Fievre Sente*) вѣрная предвѣстница чахотки,

^{*)} Я писалъ ее для употребленія въ бывшемъ обществѣ нашемъ; и она была въ иной формѣ, особенно первая ея глава. При изданіи же въ печати перемѣнилъ я ее въ нынѣшнюю форму.

которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокаивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ уже не самыхъ молодыхъ, могу я еще нѣсколько ихъ перекашлять.

Занемогъ я въ великой постѣ; на страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ Ѳздить въ церковь, и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься послѣ обѣдни.

Въ день причастья, долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели. Насилу всталъ;—между тѣмъ торопили меня идти къ отцу моему въ спальню слушать Правило. Все это тревожило нетерпѣніе,льному еще больше свойственное. Отслушавъ Правило, пришелъ я въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ неприготовилъ. Разсердился я до изступленія, ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія, по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему конечно были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру; можно себѣ представить, какая это была сцена!

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащаться и причастился подлинно.

Проводя священника легъ, я отдохнуть; уснуль съ часомъ и проснувшись почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ я проснулся здоровъ.

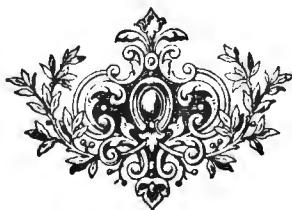
Скоро послѣ того прїхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: „Вы совсѣмъ здоровы,—говорилъ онъ мнѣ,—въ пульсѣ вашемъ не только уже нѣть нисколько лихорадки,—да онъ такой чистой и свѣжей, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я,—прибавилъ онъ,—что порошки мои вамъ такъ помогли,—однако скорость перемѣны необыкновенная.“

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней пе-

редъ тѣмъ, принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію цѣлительныхъ порошковъ его; но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ которой по пріязни меня всякой день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поють: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ,—но ежели можно осмѣлится сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ 1586 года.

Печатаемый нами документъ, живо рисующій намъ картину земельной тяжбы въ древней Руси, интересенъ также и для исторіи Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря, т. к. кромѣ данныхъ сообщаемыхъ имъ какъ документомъ имѣющимъ земельный интересъ, онъ указываетъ намъ цѣлый рядъ вкладчиковъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ князей Шуйскихъ, Щелкаловыхъ и др. Какъ известно, въ XVI ст. монастыри усердно стягивали въ свои руки земельныя богатства, являясь единственными кредиторами землевладѣльческаго класса. Только монастыри являлись обладателями капитала и, благодаря этому, накладывали свою тяжелую экономическую руку на все окружающее населеніе, которое шло къ нимъ не только за духовной пищей, но и за материальной помощью, неся къ нимъ не только свой личный трудъ, но и закладывая свои земли, переходившія съ момента заклада въ фактическое распоряженіе монастыря. Служилый человѣкъ XVI ст. несъ тяжелую службу государству, будучи обязанъ во всякую минуту выходить на его защиту не только лично, но и выводить своихъ людей, вооруженныхъ и снабженныхъ всемъ необходимымъ на его личный счетъ; результатомъ этого и являлась задолженность единственному въ то время капиталисту—монастырю, а затѣмъ и постепенный переходъ земель изъ рукъ вотчинниковъ во владѣніе монастырей. Печатаемый документъ принадлежитъ именно къ тому времени, когда особенно усилился этотъ переходъ, усилился настолько, что потребовалъ даже вмѣшательства самого государства, которому совершенно не улыбалось обѣдвѣніе служилаго класса. Но жизнь брала свое и распоряженія правительства не исполнялись на томъ простомъ основаніи, что оно само, не имѣя денежныхъ средствъ, не могло прйтти на по-

моць землевладѣнію и, издавая указы, стѣснявшіе земельныя операциі монастырей, должно было смотрѣть сквозь пальцы на все совершающееся. Какъ иллюстрацію того, на какія потребности закладывались деревни, мы подъ № II-мъ печатаемъ данную княгини Ульяны Гундоровой отъ того же времени, въ которой она говорить „была въ монастыре кабала мужа моего князя Силы Григорьевича въ тритцати въ пяти рубляхъ да князь же мой взялъ въ монастырѣ три кони да четыре доспехи да спорок бархатной за трицати рублей“ . . . . . „и язъ дала за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича селцо Онтилохово да деревну Борисково за долгъ“.

Правда въ этихъ данныхъ писалось, что дается это „въ наследіе благъ вѣчныхъ“, но нельзя не признать, что главнымъ образомъ разставаться съ родовыми вотчинами приходилось потому, что служилому человѣку требовались для него и для его людей и кони, и доспѣхи. Такова была тяжелая служба русского человѣка въ тѣ времена, когда складывалось великое Русское Государство, когда московскіе великие князья простирали во всѣ стороны свою руку и постепенно растягивали свои границы, присоединя къ своей державѣ одно царство за другимъ.

Л. М. Савеловъ.

I.

М. А. М. Ю. Коллегіи Экспомії Грамота № 83/11862.

Сіи суд судилъ государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси бояринъ и дворецкой Григорій Васил(ъ)евичъ Годуновъ. Быль чelомъ государю, царю и великому князю княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Телятевскому*) Ил(ъ)я Лабановъ въ государя своего во княжъ Ондрѣево мѣсто Спасского Еуѳимьевы монастыря, что въ Суздале на архимарита на Иева з брат(ъ)ею да подалъ чelобитную и въ чelобитной пишетъ: „Царю, государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси бьетъ чelомъ холопъ твой Ондрѣецъ Телятевской. Жалоба миѣ, государь, Спасского Еуѳимьевы монастыря изъ Суздаля на архимарита на Иева з брат(ъ)ею. Пожаловалъ еси, государь, мене, холопа своего, противъ моей Стародубской вотчинки села Сарчева з деревнями въ Суздалскомъ уѣзде въ Оболескомъ стану селцомъ Петровымъ Городищемъ з деревнями, и тотъ, государь, архимарит з брат(ъ)ею косить у меня твое

*) Андрей Петровичъ.

государева жалован(ъ)я мои вотчинки селца Петрова Городище луг, насилиствомъ перелѣчи за Нерль реку под то мое селцо Петрово, а ставитца, государь, на томъ лугу по пятисотъ копенъ съна, а то, государь, селцо Петрово городище преж сего было за помѣщики; а намъ, государь, твое государева жалованья то селцо досталось против нашей Стародубской вотчины села Сареева в вотчину же и были, государь, твои государевы писцы в Суздоле 86-м году князь Григорий Звенигородской*) да Василий Огалин с товарыщи, и мои, государь, людишки били челомъ твоимъ государевымъ писцомъ князь Григорию с товарищи и тово лугу на архимарите з брат(ъ)ею искали; и твои, государевы писцы моих людышекъ с архимаричи слугами на томъ лугу судили и с суда, государь, мои людишки слалис на многие старожилцы, которые тот луг истари знаютъ и князь Григорий, государь, с товарыщи, по архимаричю челобигью, судя на том лугу не обыскивали и старожилцов не спрашивали а обыскивали, государь, после того суда спустя три недѣли, от(ъ)хов от той нашей вотчины двадцат верстъ во княж Иванове вотчине Петровича Шлюйского в Лопатничех, а обыскивали, государь, тѣми людми, на которых архимаритъ слался, а норовечи, государь, архимариту, а на которых, государь, на сторинныхъ людей и на старожилцов мои людишки слалис, и князь Григорий, государь, с товарыщи тѣми людми про тот луг не обыкивал и старожилцов не спрашивал и после, государь, суда и обыску про тот луг намъ пути никакова не учинили, а архимарит, государь, з брат(ъ)ею тѣмъ лугомъ и по ся мѣсто владѣть одинацатой годъ. Милостивый царь, государь, покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, вели мнѣ дати свое(о) государева дозорщика на тот лугъ и вели, государь, обыскати сторонними людми и старожилцы про тот луг, оприч, государь, архимаричих друзей и зоговорщиков и вкладчиков. Государь, царь, смилуйся!“ И против челобитные Спаско(го) Еуѳимьевы монастыря в архимариче въ Ієвлево мѣсто з брат(ъ)ю старецъ Левкія отвечал, а в отвѣте сказал: „За рекою за Нерлью луг, которого ищет в государя своего во княж Ондрѣево мѣсто человѣкъ его Ил(ъ)я Лобанов, они владѣют, а тот луг монастырской села Стебачова, а не князь Ондрѣевы вотчины села Петрова Городище, да и наперед деи тог(о) княж Ондрѣев человѣкъ тот же Ил(ъ)я Лобанов тово лугу на них искал перед писцы передъ княземъ Григориемъ Звенигородским да перед Василиемъ Огалиным и писцы князь Григорий Звенигородской да Василий Огалин в том лугу по суду и по обыску архимарита з брат(ъ)ею оправили, а его, князь Ондрѣева человѣка Ил(ъ)ю обвинили и в кни-

*) Григорій Васильевичъ.

гах писма свое(о) тот луг написали за монастыремъ, а ныне тово лугу ищет и вдругие вклепываетца в нег(о) напрасно, да в том оба исца меж себя ищея княж Ондрѣевъ человѣкъ Ил(ь)я имался за крестьное целован(ь)я, а отвѣтчикъ старецъ Левкія имался за жеребей, а сверхъ крестног(о) целован(ь)я и жереб(ь)я ищея княж Ондрѣевъ человѣкъ Ил(ь)я подалъ ссыпочную памят, слался на старожилцовъ государевы волости Кубенскихъ деревень на крестьянина на Ивана на Букова да посопново села Довыдовскихъ деревень на Гаврила на Ил(ь)яна сына да на Федоровыхъ крестьян Забѣлина на Овдѣя на Оверкеева да на Булгака на Тверитиновског(о), да на Дмитреява крестьянина Ярышкина на Оксена ѡомина сына, да на княжъ Борисовыхъ крестьян Шеховскю на Нечая Еремина сына да на Луку Михайлова сына, да на княжъ Ивановыхъ крестьянъ Троекурова на ѡедора да на Ивана на Горшковскихъ да на Ил(ь)ю на Купреянова сына да на Шеметовыхъ крестьян Иванова на Сафона Еѳимова сына да на Бориса Борисова сына, да на Посниковыхъ крестьян Костяева на Митю на Крыжа, да на Матвѣева крестьянина Симанова на Первова на Пориноловскю да на Бурканя на Вызяновскаго, что тѣ крестьяне межю вѣдают. И отвѣтчикъ старецъ Левкія, высушев княж Ондрѣева человѣка Ил(ь)и Лобанова ссыпочные памяти на тѣхъ на всѣхъ людей слался в послушество, а сказалъ тѣ у него старожилцы покупные, а какъ на нихъ тот же Ил(ь)я тово лугу передъ писцы искалъ и тогда тѣхъ старожилцовъ передъ писцы не сказывалъ да слался в томъ на княж Григор(ь)ево судное дѣла и ихъ писма на книги. да сверхъ тово слался в слухъ и в обыскъ около села Стебачова на всѣ четыре стороны верстъ по пяти и по шти и по десяти и по пятнадцати и по двадцати и болши в томъ, что тот луг за рекою за Нерлью Спаского монастыря села Стебачова, а не княж Ондрѣевы вотчины села Петрова городища, и княж Ондрѣевъ человѣкъ Ил(ь)я сказалъ: писцы княз Григорей Звенигородской да Василий Огалин в томъ лугу судили да норовили в судѣ Спаскому архимариту и обыскивали не сряду выборомъ ихъ други, а на которыхъ людей слался онъ и писцы княз Григорей с товарыщи тѣми людми не обыскивали, да слался на княж Гриево судное дѣло и ихъ писма на книги в послушество, а в слухъ и въ обыскъ около села Стебачова верстъ по пяти и по шти слался, а дале тог(о) слался в послушество потомучто всѣ у монастыря удружены и вкладчики, да слался изъ виноватыхъ на писцовъ книги на старые писма Степана Отяева да Истомы Тумского в томъ, что тот луг въ тѣхъ въ обѣихъ книгахъ написанъ къ сему къ Петрову Городицу, а къ монастырскому селу къ Стебачову ненаписанъ, а кто имянемъ въ Суздалѣ у Спаса въ монастырѣ вкладчиковъ, тому подалъ память. А вкладчиковъ у Спаса въ монастырѣ

князь Василей Федоровичъ, да князь Иванъ Петровичъ Шуйские, да князь Василей, да князь Олександро, да князь Иванъ Ивановичи Шуйские, Василей Яковлевичъ Щелкаловъ, Федоръ Петровичъ, да Яковъ, да Елизарей, да Матвій Молваниновы всѣ родомъ, вкладчики жъ Еоімъ Вохромъевицъ, Смердъ да Юрья Ивановичи Плещеевы Василей да Петръ Волоховы, Нечай да Иванъ Булатовы конюхи Василей Симоновъ, Понсикъ Федоровъ сынъ Костяевъ, а братъ его Мартемьянъ у Спаса въ казначеяхъ монастыря Ивана Предотечи строитель Мартемьянъ Кубенской зъ братьею государю нашему недрузи въ земляномъ дѣлѣ, потомучто государя его вотчинная земля съ монастырскою землею сошлась, Василей Матусовъ у Спаса вкладчикъ же. И отвѣтчикъ старецъ Левкея, выслушавъ ищениыхъ княжъ Ондрѣевы человѣка Ильи Лобанова ссылки на писцовы книги Степана Стяева, слался изъ виноватыхъ, что ко князь Ондрѣевъ вотчинѣ къ селу Петрову Городищу тово лугу нѣть, а къ монастырскому селу къ Стебачову за рѣкою за Нерлью луги есть, а имянно тотъ лугъ не написанъ потому, что обѣ немъ спорника никого не бывало, а Истомы Тумского писца въ Суздалѣ не слыхалъ и того не вѣдаетъ какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ лугъ написано.

Да старецъ же Левкея биль челомъ, а сказалъ: было то сельцо Петрово Городище въ помѣстьѣ за Деменшинымъ да за Демидовымъ дѣломъ Черемисиновыхъ за Семеномъ да за отцомъ ихъ за Иваномъ, а владѣли они тѣмъ помѣстьемъ больше ста лѣтъ, а въ тотъ лугъ не вступалися, въ томъ слался на Демида да на Деменшу изъ виноватаго.—И князь Ондрѣевъ человѣкъ Илья на Деменшу да на Демида на Черемисиновыхъ слался въ послушество, а сказалъ: дѣдъ ихъ Семенъ и отецъ Иванъ тѣмъ лугомъ владѣли къ сему къ Петрову Городищу, а Спасскаго монастыря крестьяномъ давали на выпускъ по ихъ челобитью, а владѣти имъ тѣмъ лугомъ не давали.—И старецъ Левкея сказалъ: послѣ Семена да Ивана Черемисиновыхъ дано было то село Петрово Городище въ помѣстье князю Семену да князю Тимофѣю Вяземскимъ*) учили были они въ тотъ же лугъ вступатися. И Спасскаго монастыря архимаритъ биль челомъ государю да взялъ въ Сузdalъ на Яковлево имя Трофимова судимую грамату, что въ томъ лугу ихъ судити; и князь Семенъ да князь Тимоѳей, не ходя съ ними на судъ, добили челомъ и запись на себя дали; что имъ впередъ въ тотъ лугъ не вступатися, а та запись нынѣ въ монастырѣ, да положилъ зъ записи списокъ, а въ списокѣ зъ записи пишеть:

„Се яз княз Семенъ да яз княз Тимофѣй князи Ивановы дѣти Вяземскаго да яз Спасскаго Еоімъева монастыря архимарит Саватей, да

*) Ивановичи.

яз бывшой архимарит Михайло, да яз старец Феоѳилъ, да яз келар Исаиа, да яз казначей Варламъ Сущовъ и вся братья Спасского Еуфимьева монастыря, что биль челомъ государю, царю и великому князю слуга монастырской Матвѣй Нечаевъ сынъ Кунѣевъ на моихъ княжъ Семеновыхъ людей на Илюшю на Боломатова да на довотчика на Трофима и на крестьянъ на старосту на Смолка на Прокоѳьева сына да на Третьяка на Ѣедорова на Петровыхъ дѣтей Костромицкого да на Петелю да на Июду на Степановыхъ дѣтей Саулина, да на Малца на Оноѳреева сына да на Митю на Кирнѣевскаго и на всѣхъ крестьянъ моихъ въ лугу въ монастырскомъ Стебачовскаго села противъ Стебачова за рѣкою за Нерлью на Петровской сторонѣ, да въ сѣнѣ въ двустѣ въ семи копнахъ, да въ бою и въ грабежѣ во штинатцати рублехъ съ четью, и царь, государь меня архимарита зъ братьею пожаловалъ, далъ намъ грамату къ Якову къ Гавриловичу Наумову и велѣль нашего слугу въ ихъ грабежѣ и въ монастырскомъ дѣлѣ со княжъ Семеновыми людьми и со крестьяны въ томъ лугу и въ сѣнѣ и въ бою и въ грабежи судити; и яз князь Семенъ и князь Тимоѳѣй Вяземские да яз, архимарит Саватѣя зъ братьею не пущая людей своихъ и крестьянъ передъ Якова тягатися, да во всемъ въ томъ помирилися, что мнѣ, князю Семену и князю Тимоѳѣю въ тотъ лугъ монастырской не вступатися по старымъ межамъ, а межа тому лугу отъ реки отъ Нерли врагомъ да на Черную грязь да на Черемховой колодезь, да отъ Черемхового колодезя подъ Очetenское поле въ рѣку въ Нерль, да учну яз князь Семенъ или братъ мой князь Тимоѳѣй впередъ въ тотъ лугъ вступатися, перелѣчи за межу, и но на мнѣ на князь Семенъ и на моемъ братѣ взяти архимариту Саватѣю съ братьею по сей записи пятдесятъ рублевъ, а межа въ между по сей записи; а учнетъ нашъ монастырской слуга Матвѣй того дѣла на князь Семеновыхъ людѣхъ и на крестьянѣхъ искати и на мнѣ, на архимаритѣ зъ братьею по сей записи князю Семену и брату его князю Тимоѳѣю пятдесятъ рублевъ. А записи есмѧ рознесли промежъ себя по противнямъ. А на то послуси: Тимоѳѣй Петровичъ Молвяниновъ, да Юрий Андреевичъ Трегубовъ да Неустрої Сергѣевъ сынъ Косякинъ да Григорей Стافоновъ сынъ Лихонинъ. А запись писаль княжъ Семеновъ человѣкъ Ивановича Вяземскаго Олеша Боламытовъ. Лѣта (год) — 7074-го. А у записи пазади рука князя Семена Вяземскаго и въ брата своего мѣсто. — И княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья Лобановъ, выслушевъ мировые записи списка сказаль: князь Семенъ, господинъ, и князь Тимоѳѣй Вяземскіе умыслили съ ними за одинъ стакався да тотъ лугъ имъ продали и запись на собя такову дали, да слался на ту запись въ послушество, а тотъ ден лугъ изстари села Петрова Городища, а не монастырского села Стебачова. — И ста-

рецъ Левкія сказалъ: послѣ князя Семена да князя Тимофея тоже село Петрова Городища было въ помѣстьѣ за дѣтьми боярскими за Федоромъ за Щеколдинымъ да за Олексѣемъ за Шюмиловымъ да за Юрьемъ за Семеновымъ и дѣти боярскіе въ тотъ лугъ не вступалися, да въ томъ слался на тѣхъ дѣтей боярскихъ изъ виноватого.—И княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья Лобановъ на дѣтей боярскихъ на Федора на Щеколдина да на Олексѣя на Шумилова да на Юрья на Семенова слался въ послушество, а сказалъ тѣ деи дѣти боярскіе Федоръ Щеколдинъ съ товарыщи владѣлъ ли тѣмъ лугомъ или не владѣлъ, того онъ не вѣдѣтъ, а изстари тотъ лугъ села Петрова Городища, а Спасского монастыря архимаритъ съ братьемъ къ селу Стебачову тѣмъ лугомъ владѣютъ насилиствомъ, вклепався.—И старецъ Левкія биль челомъ, а сказалъ: сказываетъ княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья, что тотъ лугъ истари села Петрова Городища, а Спасского монастыря архимаритъ къ селу Стебачову тѣмъ лугомъ владѣютъ вклепався и тотъ лугъ истари села Стебачова потому было деи то село Петрова Городище истари починокъ государевыхъ дворцовыхъ сель да туто жъ были иные починки и тѣхъ починковъ крестьяне тотъ лугъ у нихъ покосили и учили были въ него вступатися, и Спасского монастыря строитель тово лугу на тѣхъ крестьянѣхъ передъ судьею передъ Остаѣемъ Сущовыми искаль, и въ тѣхъ лугѣхъ Спасской строитель отправленъ, а тѣ крестьяне обвинены и правую грамоту Остаѣй Сущовъ на тѣ луги даль, а нынѣ деи та грамота въ монастырѣ, да по даль чelobitnou да съ правой грамоты списокъ и въ чelobitnoi и съ правыя грамоты въ спискѣ пишеть: „Царю Государю великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьетъ чelomъ твоего государева богомолья изъ Суздаля Спасского Еуѳимьевы манастыря архимаритъ зъ братьемъ. Вступался, государь, у насть въ манастырской лугъ въ Сузdalскомъ уѣздѣ въ Оболскомъ стану за рѣкою за Нерлью противъ села Стебачова искаль, государь, на насть передъ твоими государевыми писцы передъ Сузdalскими передъ княземъ Григориемъ Васильевичемъ Зенинорожскимъ да передъ Васильемъ Огалинымъ съ товарищи княжъ Ондрѣевы Петровича Телятевского княгини Оксини да дѣтей еї князя Якова да князя Ондрѣя Ондрѣевича Телятевского человѣкъ ихъ Илья Лобановъ, а называлъ тотъ лугъ государей своихъ вотчины села Петрова Городища; и служка, государь, манастырской Матюшкѣ Губинѣ человѣку ихъ отвѣчалъ, что тотъ лугъ истари за рѣкою за Нерлью противъ села Стебачова Спасского Еуѳимьевы манастыря чудотворца Еуѳимия и на обыскъ, государь, слался и правую грамоту на тотъ лугъ передъ писцы клалъ, и твои, государевы писцы по суду и по обыску и по нашей правой грамотѣ присудили тотъ лугъ написати

своего письма въ книги къ монастырю и велѣли владѣти по старинѣ, а нынѣча, государь, тотъ Илья Лобановъ въ государей своихъ мѣсто вступаєтца и ищеть на нась тово жъ лугу вдругорядь. Милостивый царь и государь, покажи милость. вели про то дѣло съскати и вели то наше дѣло вершити, а въ томъ, государь, намъ волокиты и прѣстіи ставетца великие. Православный царь, государь, покажи милость, чтобы намъ нищимъ твоимъ богомольцомъ волокиты и убытковъ не было. Царь государь, смилуйся!“

—Списокъ съ правые грамоты:

„По государева грамотѣ великого князя Ивана Васильевича, ставъ на землѣ судья Остаѳей Сушовъ тегался строитель Спасской съ Казакомъ да съ Асѣйкомъ, да съ Макѣйкомъ, да съ Терехомъ да съ Овдакимкомъ да съ ихъ товарищи тако рекъ: Иевъ: жалоба мнѣ, государь, на того Казака да на его товарыщи, покасили, государь, у нась пожни монастырскіе противъ монастыря Стебачова за рѣкою за Нерлью, на которой стоишь, а то, господине наши пожни монастырские историны. И судья спросилъ Казака да его товарищевъ отвѣчайте. И Казакъ да его товарищи тако рѣли: то, господине, пожни великого князя, а косили есмѧ ихъ по грамотѣ по великого князя лѣтось, а велѣль намъ, господине, косити поселской великого князя Тулневъ, а грамота, господине, у нась великаго князя на Москву, а по грамотѣ, господине, велѣлся намъ садити государь нашъ великій князь отъ Красенеския дороги до Щатрищъ.—И судья спросилъ строителя Иева: „Почему же ты зовешь тѣ пожни спаскими изстари?“—Иевъ тако рекъ: „У меня, господине на тѣ пожни знахари, что тѣ пожни наши монастырские истарыны, а пережъ того, господине, у нась покосили тѣжъ пожни тѣ же крестьяне Казакъ съ своими товарыщи и мы, господине, били челомъ государю своему великому князю и князь великій, господине, послалъ князя Василья Бабича на тѣ пожни, и князь Василей, господине, намъ тѣ пожни отвель, а знахари, господине, у нась на тѣ пожни бояре: Григорей Молвянинъ, да братъ ево Павелъ, да Микиѳоръ Аксакъ, да Микита Морышкинъ да Юръи Микиѳоровъ сынъ Владыкинъ да Бирюй да крестьяне великого князя Олексѣйка да Грида, да Тимоня да Данилка, а коли, господине, намъ князь Василей отвель тѣ пожни, и но, господине, съ нимъ были на отводѣ тѣ крестьяне, которые, господине знаютъ тѣ пожни изстарыны.“ И судья спросилъ Казака и его товарищевъ. „А вы зовете тѣ пожни великого князя, кому у васъ вѣдомо, что то пожни великого князя?“—И Казакъ дей и его товарищи тако рѣли: „У нась, господине, на тѣ пожни знахарей нѣть, мы, господине, люди пришлые, а поженъ, господине, не знаемъ, а велѣль, господине, намъ косити поселской великого князя Тульневъ.“—

И судья велъль Иеву поставити передъ собою знахорей. И знахори передъ судьею стали: Григорей да братъ ево Павель Молвенины, да Микифоръ Акъсакъ, да Микита Морышкинъ, да Юръи Микифоровъ сынъ Владыкинъ, да Бирюй, да Олексѣйка да Гридя, да Тимона да Данилко, да Фетко. И судья спросилъ знахарей Григория Молвянина да брата его Павла да Микифора Акъсака и его товарищевъ: „Скажите вы, въ Божью правду, чьи то пожни?“

И Григорей и братъ его Павель да Микифоръ Акъсакъ съ своими товарыши тако ркли: „Мы, господине, помнимъ лѣтъ за пятдесятъ, что то, господине, пожни монастырские Спаские, а косять, господине, тѣ пожни къ Стебачову, а прежде того, господине, были покосили тѣ пожни тѣ же крестьяне и князь великий, господине, велъль тѣ пожни отвести князю *Василью Бабичю* и коли, господине, князь Василемъ отвелъ тѣ пожни, и мы господине были съ нимъ.“ И объ семъ судья рекъ дложити государя своего великого князя. А на судѣ были Бурка, да Климка, да Шея, да Митя Воронинъ. А назади у грамоты подписано: „По сему списку князь велики Иван Васильевич велъль судѣю Остаѣю Сущову строителя Спасского старца Иева Боту оправити, а Казака да Осѣйка да Макѣйка да Тереха да Овдокимка и ихъ товарыщев велъль обвинити и велъль дати Остаѣю судѣю грамоту правую розъѣзжую, потомучто тѣ крестьяне знахарей у себя на тѣ земли не сказали“. А притесь у грамоты великого князя діяка Василья.—И княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья Лобановъ, выслушавъ съ правыя грамотѣ списка, таковы онъ правые грамоты въ монастырѣ на тотъ лугъ не вѣдаетъ, велъль бы ему положити передъ собою подлинную правую грамоту.—И бояринъ и дворецкой Григорий Васильевичъ велъль даному приставу пѣвчemu діяку Василью Потапову обоихъ исцовъ подавати на поруки да обговору, а старцу Левкѣ велъль положити передъ собою князя Семена да князя Тимоѳея Вяземскихъ мировую подлинную запись да правую подлинную грамоту а срокъ ему данъ на двѣ недѣли сентября—числа сентября жъ по 25 число. *И 94-го году сентября въ 25 день боярину и дворецкому Григорию Васильевичу Годунову Спасского монастыря изъ Суздаля старецъ Левкѣ подалъ на спорной лугъ правую грамоту да князя Семена да князя Тимоѳея Вяземскихъ мировую запись. И бояринъ и дворецкой Григорий Васильевичъ, выслушавъ правыя грамоты и мировыхъ записей, велъль справити съ списками, каковы старецъ списки съ правыя граматы и съ записи положиль на судѣ, а подлинную правую грамату и записи отдати старцу Левкѣ да велъль послати въ Помѣстной приказъ память, велѣти спорной лугъ изъ писцовыхъ книгъ Степана Отцева да изъ другихъ книгъ князя Григория Звенигородскаго выписати,*

и правая грамота и мировыя записи старцу и отданы, а память въ Помѣстной приказъ послана такова: „Лѣта 37094-го октября въ 5 день. Память діакомъ Елизарю Вылугину да Якову Витоѳетову, велѣти имъ выписати изъ Суздольскихъ писцовыхъ книгъ писма Степана Отяева ик-го году, въ Сузdalскомъ уѣздѣ въ Оболскомъ стану село Петровское, что было помѣстное да Спаского Еуѳимьевы монастыря село Стебачова, что подъ тѣми селы сѣнныхъ луговъ и что отхожихъ луговъ порознь по имяному и по колку на которомъ лугу копенъ сѣна ставитца да имъ же велѣти выписати изъ писцовыхъ книгъ писма князя Григорья Звенигороцкою да Василья Огалина съ товарыщи ик-го (86) году да подъ тѣми же селы подъ селомъ подъ Петровскимъ да подъ селомъ подъ Стебачовымъ спорной лугъ, что тягался о лугу князя Ондрѣй Телятевской Спаского монастыря съ архимаритомъ съ братьемъ, какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ спорной лугъ написано, да та имъ выпись въ приказъ Большаго Дворца къ боярину дворецкому къ Григорью Васильевичу Годунову часа того за своими приписими.“—Октября въ 10 день изъ Помѣстного приказа память прислана, а въ памяти пишеть: „Октября въ 9 день Память боярину и дворецкому Григорию Васильевичу Годунову. Въ твоей памяти за приписью діака Гаврила Михѣева написано, вѣрно выписать и т. д. (повторяется вышеизложенная память изъ приказа Большого Дворца)... И выписано изъ Суздольскихъ писцовыхъ книгъ письма Степана Отяева лѣта (37052-го) году въ Ополскомъ стану село Петрово Городище на рѣкѣ на Нерли въ помѣстьѣ за Семеномъ за Васильевымъ сыномъ Черемисиновымъ, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ пашни восемьдесятъ чети въ полѣ, а въ дву по тому же, сѣна сто девяносто копенъ, а Спаского Еуѳимьевы монастыря села и деревни въ тѣхъ книгахъ не писаны. А въ Суздольскихъ же писцовыхъ книгахъ письма и мѣры князя Григория Звенигороцкого да Василья Огалина съ товарыщи лѣта 37052-го году въ Ополскомъ стану написано Спаского Еуѳимьевы монастыря села Стебачова на рѣкѣ на Нерли пашни и перелогу сто девяносто чети да церковные пашни осмннатцать чети добрые земли въ полѣ, а въ дву по тому же, луг по рѣкѣ по Нерли промеж пол и по заполью тринадцать десятин, сѣно косят двѣстѣ копенъ, да церковныхъ пожен двѣ десятины, сѣна косять сорокъ копенъ, того же села Стебачова за рѣкою за Нерлью противъ села Стебачова лугъ осмннатцать десятинъ, сѣна на немъ ставитца триста шездесятъ копенъ, а былъ тотъ лугъ въ спорѣ съ вотчинники съ княжѣ Ондрѣевою княгинею Петровича Телятевскому съ Оксиньею з детми со княземъ Яковомъ да со княземъ Ондрѣемъ къ ихъ вотчинѣ къ селу къ Петрову Городищу, а по суду и по обыску и по правой грамотѣ, какову по

ложилъ передъ писцы Спасского монастыря слуга, тотъ лугъ приписанъ Спасского Еуэимьева монастыря къ селу Стебачову. А межа тому лугу отъ рѣки отъ Нерли вверхъ врагомъ да на Черную грязь да на Чемховой колодезь да подлѣ Очепинское поле, да въ рѣку жъ въ Нерль; въ тѣхъ же книгахъ написано: за княжъ *Ондрѣевою княинею Петровича Телятевскому Оксинью* да за еї дѣтьми за княземъ Яковомъ да за княземъ *Ондрѣемъ* вотчина село Петрова Городище да къ селу припущенъ въ пашню пустошь Мишково пашни и перелогу девеносто чети, де церковные пашни осматрать чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, луговъ по рѣкѣ по Нерли и межъ полѣ и по заполищомъ двѣнатцать десятинъ, сѣна косять двѣстѣ копенъ, да тово жъ села Петрова Городища за рѣкою за Нерлью лугъ долгой да лугъ плоской семъ десятинъ съ полудесятиною, сѣна косять сто пятдесятъ копенъ по дватцати копенъ на десятинѣ". И бояринъ и дворецкой Григорей Васильевичъ Годуновъ, выслушавъ изъ Помѣстного приказу памяти велѣвъ въ Помѣстной приказъ послати другую память, сыскати писцовъ Степановыхъ книгъ вотчиннымъ монастырскимъ селамъ и деревнямъ, а, сыскавъ, Спасского Еуэимьева монастыря подъ селомъ подъ Стебачовымъ и пашню и луги выписати, а будетъ Степановыхъ книгъ не сышутъ и діякомъ отписати, Степанъ Отяевъ монастырскія вотчины писалъ ли или не писаль. И память въ Монастырскій приказъ послана такова: „Лѣта 7094 (1694) октября въ зи день. Память діякомъ Елизарью Вылуггину да Якову Витоѳетову. Въ нынѣшнемъ 94-мъ году Октября въ 5 день послана къ вамъ память, за приписью діяка Гаврила Михѣва велѣти выписати изъ Сузdalскихъ изъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева 52-го году, въ Сузdalскомъ уѣздѣ въ Опольскомъ стану село Петрово Городище, что было помѣстное, да Спасского Еуэимьева село Стебачово, что подъ тѣми селы луговъ и что отхожихъ луговъ порознь по имяному и по кольку на которомъ лугу копенъ сѣна ставитца, и отъ нась въ памяти, за приписью діяка Якова Витоѳетова въ приказъ Большаго Дворца, по писцовыми книгамъ Степана Отяева 52-го году подъ селомъ подъ Петровскимъ пашня и луги написаны, а Спасского Еуэимьева монастыря про село Стебачово не написано. И діякомъ Елизарью Вылуггину да Якову Витоѳетову велѣти писцовыхъ книгъ Степана Отяева сыскати вотчиннымъ монастырскимъ селамъ и деревнямъ, а сыскавъ тѣ Степанова книги велѣти Спасского монастыря подъ селомъ Стебачовымъ пашню и луги и отхожія пашни и луги выписати порознь по имяному, да ту выпись въ приказъ Большаго Дворца прислати; а будетъ писцовыхъ Степановыхъ книгъ монастыр. селамъ и деревнямъ не сышутъ, и діякомъ Елизарью да Якову въ приказъ Большаго Дворца отписати, Степанъ Отяевъ монастырскія села

и деревни писалъ ли или не писалъ.“ И 94-го году октября изъ Помѣстнаго приказа Память прислана, а въ памяти пишеть; „Лѣта 7094-го октября 20 дня. Память боярину и дворецкому Григорью Васильевичу Годунову.

Въ памяти твоей за приписью діяка Семейки Омельянова написано: и т. д. (приводится память изъ приказа Большаго Дворца отъ 17 октября 7094 года).

И въ сузdalскихъ писцовыхъ книгахъ письма Степана Отяева лѣта 7094-го году писаны помѣстныя и вотчинныя земли за бояры и за дворяны и за дѣтьми боярскими, а Спасского Еуеимьяна монастыря въ тѣхъ книгахъ не написаны, а опричь тѣхъ книгъ иныхъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева въ Помѣстномъ приказѣ нѣть.“ И лѣта 7094-го октября въ 29 день бояринъ и дворецкій Григорей Васильевичъ Годуновъ, сего дѣла слушавъ, приговорилъ отвѣтчика Спасского монастыря, что въ Суздалѣ старца Левкѣя въ архимандриче въ Иевлево мѣсто зъ братьею оправити, а ищею княжъ Ондрѣева человѣка Телятевскаго Илью Лобанова въ государя его во княжъ Ондрѣево мѣсто обвинити, потому искалъ княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья Лобановъ въ государя своего мѣсто Спасского монастыря въ архимариче въ Иевлево мѣсто зъ братьею на старцѣ на Левкѣѣ, а сказалъ въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Опольскомъ стану государя его княжъ Ондрѣева вотчина сельцо Петрово Городище зъ деревнями и Спасского да монастыря архимаритъ зъ братьею государя его княжъ Ондрѣевы вотчины села Петрова Городища косять лугъ насильствомъ перелѣзши черезъ рѣку Нерль, а ставитца на томъ лугу по пятисотъ копенъ сѣна, и дѣялось дей въ 86-мъ году были въ Суздалѣ писцы князь Григорей Звенигородской да Василий Огалинъ и государя дей его княжъ Ондрѣевы люди на архимарите зъ братьею передъ писцы передъ княземъ Григоремъ Звенигородскимъ да передъ Васильемъ того лугу искали и писцы въ томъ ихъ лугу судили, а поровили архимариту зъ братьею, а послѣ дей суда про тотъ лугъ никаково пути не учинили, и Спасского монастыря въ архимариче мѣсто зъ братьею старецъ Левкей сказаъ въ отвѣтъ: за рѣкою за Нерлю лугъ, которово на нихъ княжъ Ондрѣевъ человѣкъ Илья Лобановъ ищеть, они косять, а тотъ лугъ монастырской, а не княжъ Ондрѣевы вотчины село Петрова Городища, а князь Ондрѣй въ тотъ лугъ вступаєца напрасно и напередъ тово лугу тотъ же Илья Лобановъ передъ писцы передъ княземъ Григоремъ да передъ Васильемъ Огалинымъ на нихъ искалъ, и князь Григорей Звенигородской да Василий Огалинъ по суду и по сыску архимарита зъ братьею оправилъ, а князь Ондрѣева человѣка Илью обвинилъ и въ книгахъ письма своего тотъ лугъ написалъ за монастыремъ, да слался въ томъ

на книги и ищел Илья Лобановъ на княжъ *Ондрѣевы книти Звенигородскаго* съ товарыши слался въ послушество, а слался изъ виноватыхъ на писцовы книги Степана Отяева 52-го году, а сказалъ въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ тотъ лугъ написать къ государю его вотчины къ селу Петрову Городищу, а къ селу къ Стебачову не написано; и въ Помѣстной приказъ посыдана память, а велѣно изъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева выписать, что къ селу къ Петрову Городищу луговъ написано и по кольку на которомъ лугу копенъ сѣна ставитца, да выписати изъ писцовыхъ книгъ князя Григорья Звенигородскаго да Василья Огалина, какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ спорной лугъ написано; и въ памяти изъ Помѣстного приказу написано: въ Сузdalскихъ въ писцовыхъ книгахъ Степана Отяева лѣта 7086-го въ Опольскомъ стану село Петрово Городище на рѣкѣ на Нерли въ помѣстьѣ за Семеномъ за Васильевымъ сыномъ Черемисинова пашни 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 90 копенъ, а больше того къ селу Петрову Городищу луговъ не написано, и князь Ондрѣй на Спасскомъ архимаритѣ къ своему селу Петрову Городищу ищетъ сѣна 500 копенъ, больше писцовыхъ книгъ Степана Отяева, да и по тому въ суздальскихъ же въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры князя Григорья Звенигородскаго да Василья Огалина лѣта 7086-го год въ Опольскомъ стану написано Спасского Еуемьевы монастыря село Стебачова на рѣкѣ на Нерли лугъ по рѣкѣ по Нерли промежъ поля и заполья 13 десятинъ, сѣна косять 200 копенъ, да церковныхъ поженъ 2 десятины, сѣна косять 40 копенъ, тово жъ, села Стебачова за рѣкою за Нерлью лугъ противъ села Стебачова 18 десятинъ, сѣна ставитца 360 копенъ, быль тотъ лугъ въ спорѣ съ вотчинники со княжъ *Ондрѣевою княгинею Петровича Телятевскому* да съ ея дѣтьми со княземъ *Яковомъ* да со княземъ *Ондрѣемъ* къ ихъ вотчинѣ къ селу Петрову Городищу и по суду и по обыску и по правой грамотѣ какову положилъ передъ писцы Спасского монастыря слуга, тотъ лугъ приписалъ Спасского монастыря къ селу Стебачову, да за княжъ *Ондрѣевою княгинею Телятевскому* къ селу къ Петрову Городишу промежъ полѣ и заполью сѣна 200 копенъ да за рѣкою за Нерлью лугъ Долгой да лугъ Плоской, сѣна косять 150 копенъ. и ищя княжъ *Ондрѣевъ* человѣка Илья сказалъ писцы князь Григорей Звенигородской да Василей Огалинъ ихъ судили да въ томъ лугу имъ указу не учинили, а писцы ихъ въ томъ лугу судили да Спасского монастыря архимарита зъ братьею въ томъ лугу оправили, а его княжъ *Ондрѣева* человѣка Илью обвинили и въ книгахъ письма своего тотъ лугъ написали за монастыремъ къ селу Стебачову, а князь *Ондрѣй Телятевской* тогда въ томъ лугу на писцовъ судъ въ норовленыи не билъ челомъ, а молчалъ восмъ лѣтъ; да

и потому, сказалъ старецъ Левкія: напередъ князя Ондрѣя Телятевскаго въ тѣжъ луги вступалися изстари дворцовыхъ починокъ крестьяне, а то село Петрово Городище былъ починокъ ихъ же и тѣхъ они луговъ на дворцовыхъ крестьянъ искали, и въ тѣхъ лугахъ архимаритъ Спасского монастыря оправленъ, а тѣ крестьяне обвинены; да въ тотъ лугъ учали были вступатися помѣщики, напередъ же князя Ондрѣя, князь Семенъ да князь Тимофѣй Вяземскіе, и архимаритъ зъ братію на князя Семена да на князя Тимофѣя били челомъ да взяли грамоту судимую въ Суздалъ на Яковлево имя Наумова, и князь Семенъ да князь Тимоѳей, неходя на судъ, архимариту добили челомъ и записи на себя подавали да положилъ правую грамоту и мировыя записи; и ищелъ княжъ Ондрѣевъ чѣловѣкъ Илья, выслушавъ правыя грамоты и мировыя записи, сказалъ: правыя онъ грамоты въ монастырѣ на тѣ луги не вѣдѣтъ, а князь Семенъ да князь Тимофѣй Вяземскіе мировыя записи въ монастырѣ подавали, стаковся за одинъ, а тотъ лугъ изстари къ селу къ Петрову Городищу, а крѣпостей на тотъ лугъ никакихъ не положилъ, и князь Ондрѣй въ тотъ лугъ вступаетца, называетъ его своимъ къ селу Петрову Городищу, вклепався, невѣдомо почему, и велѣлъ Спасского монастыря архимариту за братію владѣти по старой правой грамотѣ и по писцовыми книгами князя Ондрѣя Звенигородскаго съ товарыши и правую грамату въ монастырѣ архимариту съ братію велѣлъ дати. Къ сей правой грамотѣ бояринъ и дворецкой Григорей Васильевичъ Годуновъ печать свою приложилъ.

Лѣта (7094) ~~34~~-го априля въ кк (22) день. А подписалъ государевъ царевъ и великого князя діакъ Гаврило Михѣевъ сынъ Станиславовъ.—

На оборотѣ: „Государев царевъ великого князя Федора Ивановича всеа Русіи діакъ Гаврило Михѣевъ сынъ Станиславовъ.—Правилъ подъячій Якушъ Демидовъ“.

II.

Милости ради Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Преподобного ради Еуѳимья чудотворца, се яз, кн҃еж Силини Григорьевича Гундоровца кнении Ульяна, дала есми Милосердому Спасу и Еуѳимию чудотворцу, что въ Суздале архимариту Иеву з братію или кто по немъ иный архимарит и братия въ томъ монастыре будутъ, дала есми отчину свою въ Володимерскомъ уѣздѣ въ Стародубе въ Раполовскомъ сельце Октилохово, а въ немъ храмъ Никола чудотворецъ да топлой храмъ Данилъ пророкъ да деревня Борисковъ. Осетровская по душамъ мужа своего князя Силы Григорьевича да деверя своего князя Никиты Григорьевича и за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича

за шестьдесят рублей за четыре рубля, что была въ монастыре кабала мужа моего князя Силы Григорьевича въ трицати в пяти рублях да княз же мой взял въ монастырѣ три кони, да четыре доспехи да спорок бархатной за трицат рублей, и мнѣ кненѣ Ульянѣ архиморит Иев з братиесу кабалу выдал безденежно, а за лошади и за доспехи и за спорок денег не взял жь, и яз дала за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича селцо Онтилохово *) да деревну Борисково за долгъ по душамъ с пашнями и слуги и с лесомъ и з бортнымъ ухожеемъ и с рыбною ловлею и со всякими угодьи, что к тому селцу и деревне истари потяглу выходил плуг и соха и коса и топор в наследие вечных благ в прок без выкупу. А та моя водчина ни продана ни заложена ни в иной монастырь по душамъ не отдана, а вылежай на ту мою отчину село Онтилохово да деревну Борисково Осетровская какая крепость ни буди, и мнѣ кненѣ Ульянѣ та очина очищати ото всяких крепостей, а к монастырю убытка никаково не привестъ, а роду моему и племяни до тое вотчины дела нѣть владети тою отчиною монастырю по сей даной дондеже святая обител стоят, а мужа моего князя Силу Григорьевича да деверя моего князя Никиту Григорьевича в сенаники написати в вечной и в литеиной и на памети их понади обедни соборомъ служити и кормъ по них на братию ставит. А на то послуси: Дмитрей Семенов сынъ Тумской да Иванъ Ивановъ сынъ Зловидовъ, да Тимоѳей Булгаков сынъ Нарбековъ да Митя Попспеловъ сынъ, да Оенонасей Тимоѳеев сынъ Скрабина да Улан Иванов сынъ Козловъ, да Оенонасей Иванов сынъ Беликовъ, да Иванъ Олександров сынъ Волоховъ А даную писаль. А даную писал княж Силины кнении человекъ кнениин Ульянин Федор Иванов сынъ Челищев. Лѣта 7083-го.—*На оборотъ:* „—К сей даной княже Силиной Григорьевича Гундорова княгини Ульчны в дочери своее духовные место Егорьевской поп Федор руку приложилъ.—Послух Улан Козловъ руку приложил.—Послух Иван Зловидов руку приложил.—Послух Дмитрей Семенов сынъ Тумской руку приложил.—Николы чудотворца села Антилохова поп Иван Васильевъ сынъ государыни своея мѣста кнении Ульяны к сей даной руку приложил.—Послух Тимоѳей Нарбеков руку приложил.—Послух Оенона руку приложил.—Послухъ Иванъ Волоховъ руку приложилъ.—Послух Митя руку приложил.

*) Это с-до Онтилохова отъ монастыря перешло къ князю Филиппу Шаховскому, отъ которого въ 1587 г. по указу Федора Ioанновича было отобрано: „князя Филиппа Шаховского и людей ис того селца Антилохова з деревнями выслат вон перед собою и вперед ему в том селце з деревнями жити не велѣл.“ Л. С.

LETTRE À SA MAJESTÉ IMPÉRATRICE ALEXANDRA THÉODOROVNA.

2/14 Октября.

*) J' ai eu un moment de bonheur véritable en recevant les lettres (que votre M. remplie de) que V. M. I. a eu la bonté de m'écrire. Je ne sais pas quel nom donner au sentiment qu' a perdu en moi la lecture de cette admirable lettre. Le mot reconnaissance est trop personnel, ce n'est pas à moi que j'ai le plus pensé après l'avoir lue, c'est à vous, c'est au caractère si simple que j'ai le bonheur d'apprécier, c'est à la sensibilité de votre âme, c'est à votre je ne sais quoi si noble, si élevé (si serein) si vrai dans tous les instants de la vie, si serein, dans les moments heureux, si (résigné dans) religieusement résigné dans les grandes épreuves. Tout cela s'est de nouveau présenté à mon âme et j'étais vraiment heureux en présence de cette apparition enchanteresse et qui m'est si connue. Quelques lignes de cette lettre sont pour moi sublimes, elles m'ont fait verser des larmes. Quelle perte irréparable pour moi de n'avoir pas vu ces jours si mélancholiquement beaux de votre couronnement! Comme je regrette de n'avoir pas pu être témoin de cette ardeur que le bon peuple de Moscou a montré pour votre fils, pour son enfant d'adoption!

J' ai été le poète de sa naissance—tout était prophétique dans ces moments, à jamais mémorables pour mon coeur; et ce que j'ai écrit alors d'inspiration pourra Lui servir de sommaire pour sa vie entière. Que la juste Providence accorde seulement un long règne à son auguste père: alors il aura le temps d'étudier pratiquement ses grands devoirs et vous léguerez avec lui un bonheur solide à la Russie organisée et ennoblie. Je crois à la prophétie de votre mère: c'est une bénédiction qui repose sur votre tête. Lorqu' on veut le bien avec abnégation de soi-même,

*) Орографія писемъ сохранена по подлиннику.

Письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ*)

2/14 Октября

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество меня удостоили, доставило мнѣ минуту истиннаго счастія. Затрудняюсь определить ощущеніе вызванное во мнѣ чтеніемъ этого милаго письма. Благодарность—чувство слишкомъ личное; читая его, я не столько думалъ о себѣ, сколько о Васъ, о прямотѣ этого характера, по счастію мною вполнѣ оцѣненнаго, о чувствительности Вашей души, объ этомъ нѣчто столь въ Васъ благородномъ, возвышенномъ, искреннемъ во всѣхъ случаяхъ жизни, столь ясно-спокойномъ въ счастливыя минуты, столь религіозно-покорномъ въ пору тяжелыхъ испытаній. Все это вновь воскресло въ моей душѣ, и, поглощенный этимъ вызваннымъ мною и мнѣ столь знакомымъ плѣнительнымъ видѣніемъ, я сознавалъ себя вполнѣ счастливымъ. Какъ чудно-хороши нѣкоторыя строки этого письма; онѣ заставили меня пролить нѣсколько слезъ. Какая невозградимая для меня потеря, что я не присутствовалъ при грустно-великихъ минутахъ Вашего коронованія. Какъ искренно скорблю, что не могъ быть свидѣтелемъ преданности, выказанной добрымъ московскимъ населеніемъ Вашему сыну, котораго Москва себѣ усыновила! я былъ пѣвцомъ его рожденія—все носило на себѣ какой-то пророческій отпечатокъ въ эту минуту, на вѣки незабвеннную для моего сердца! Все то, что вылилось въ то время изъ-подъ пера моего по вдохновенію, можетъ служить каѣть бы заглавнымъ листомъ всей его жизни. Лишьбы благое Пророчество даровало долгое царствованіе Его Августѣйшему Родителю! тогда онъ успѣетъ изучить на дѣлѣ свои высокія обязанности, и въ лицѣ его Вы оставите въ наслѣдіе преобразованной и возвеличенной Россіи прочное благоденствіе.

*) Это письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, относящееся къ 1817 году, хотя вовсе и въ „Полное собраніе сочиненій Жуковскаго“ изданія Сытина, но съ значительными сокращеніями, по условіямъ цензурнымъ, и поэтому считаемъ не лишеннымъ любопытности помѣщеніе какъ французскаго, такъ и русскаго текста полностью. Мѣста, означенныя скобками во французскомъ текстѣ, зачеркнуты.

lorqu' on le veut avec persévérence, on y parvient à la fin. L' Empereur a fait preuve du premier, le second est garanti par la fermeté de son caractère, qui ne faiblira pas devant les obstacles, et par son esprit juste, qui saura s'éclaircir par celui des autres.

Je dirai ici franchement: j'ai été un peu inquiet en pensant aux effets que produiraient les scènes magnifiques de Moscou sur l'esprit du grand duc, ces sortes d'impressions dans un âge aussi tendre, sont décisives pour le reste de la vie. (Entouré de ces hommages) Témoin de ces hommages publics, participant à quelques scènes presque comme acteur, il pouvait très-facilement se remplir de quelques idées précoce de grandeur, qui, étant semées avant le temps, peuvent nuire au développement de quelques qualités purement humaines—celles qui sont les plus précieuses, qui seuls constituent la grandeur humaine et doivent être conservées intactes. Son éducation doit le mettre au niveau de sa grandeur; mais ce n'est que lorsqu' il pourra comprendre que cette grandeur, pour ne pas être illusoire, doit être considérée non comme un privilège, mais comme un devoir, comme une religion sainte, comme un beau esclavage, qui attache l'homme comme un Promété à un rocher élevé, d'où il peut voir le ciel de plus près, mais où il y a aussi un vautour vengeur, qui déchire celui qui oserait envahir les droits célestes. Pardonnez, Madame, cette image un peu poétique, ma plume m'entraîne.

Mon inquiétude a été calmée par une autre idée: s'il a vu des scènes éblouissantes, il a vu aussi l'amour simple du peuple; cela aura laissé dans son âme vraiment sensible une trace profonde; il ne faut pas laisser s'effacer cette impression: c'est un canevas, sur lequel on peut broder beaucoup pour l'avenir. Une chose pourtant m'a fait une véritable peine: j'ai lu dans les gazettes la description d'une parade, où notre petit grand Duc a paru à cheval. Madame, c'est une épisode superflue dans le beau poème, auquel nous travaillons. Au nom de Dieu, que de scènes pareilles n'aient pas lieu à l'avenir. Certainement les spectateurs ont dû être enchantés de la charmante apparition du bel enfant. Mais lui! Quelle impression doit produire sur son esprit une scène pareille.

(Quels ravages) Ne le ferait-on pas par celà sortir avant le temps du cercle de son enfance. Ne le mettons-nous pas en danger de croire qu'il est déjà homme. C'est comme si on

Я твердо вѣрю въ предсказаніе Вашей Матери: на главѣ Вашей почтѣтъ благословеніе. Если желаешь добра съ готовностью полнаго самоожертвованія, если желаешь его съ настойчивымъ постоянствомъ, то всегда его можешь достичнуть. Первое—Государь уже проявилъ, второе—несомнѣнно при твердости его характера, неспособнаго къ колебанію въ виду препятствій, и при правдивомъ умѣ его, который сумѣеть освѣтить свой путь разумомъ другихъ людей. Сознаюсь здѣсь откровенно, что я былъ нѣсколько встревоженъ при мысли о томъ вліяніи, которое великолѣпныя московскія сцены могли имѣть на умѣ Великаго Князя. Подобныя впечатлѣнія въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ слушаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко бы могъ усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлые понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременные, могутъ вредить развитію свойствъ исключительно человѣческихъ, самыхъ драгоцѣпныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ истинное достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости. Воспитаніе должно возвысить его до предстоящаго ему величія; но это будетъ возможно лишь тогда, когда онъ будетъ въ состояніи понять, что это величіе, чтобы не быть призрачнымъ, должно казаться ему не правомъ его, а долгомъ, священною религіею, великими узами, приковывающими человѣка, идально Прометею, къ высокой скалѣ, откуда онъ можетъ ближе созерцать сводъ небесный, но гдѣ также существуетъ и коршунъ мститель, готовый растерзать того, кто дерзнетъ посягнуть на права небесныя!—Простите, Государыня, этотъ нѣсколько поэтическій образъ: перо мое увлеклось! Другая мысль успокоила мою тревогу: если онъ видѣлъ великолѣпныя картины, то онъ видѣлъ также и простую любовь народа; она оставила глубокій слѣдъ въ его душѣ, по истинѣ чувствительной; не слѣдуетъ давать этому впечатлѣнію возможность изгладиться! На оной основѣ можно многое создать въ будущемъ. Никакія правила, проповѣдуемые учителями въ классахъ, не могутъ уравняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни.

Однако одпо обстоятельство меня глубоко огорчило: Я читалъ въ газетахъ описаніе парада, гдѣ нашъ Великій Князь появился верхомъ. Государыня, это излишній эпизодъ въ прекрасной поэмѣ, падъ которой мы работаемъ. Ради Бога, не допускайте подобныхъ сценъ въ будущемъ. Безъ сомнѣія, зрители были въ восторгѣ отъ появленія красавца-ребенка. Но онъ? Какое впечатлѣніе должна произвести на него умъ подобная сцена? Не заставляютъ ли его такимъ образомъ

enseignait les artifices de la coquetterie à une fille de huit ans. Enfin doit-il par le plaisir que lui procureront tous ces joujoux militaires être gâté pour tout ce qui est sa vraie destination. Doit-il n'être qu'un militaire? n'exister que dans l'horizon resserré d'un général! Et quand aurons nous des législateurs? Quand respectera-t-on ce qui fait le vrai besoin des peuples: les loix, les lumières, les moeurs? Pardonnez, Madame, mes exclamations! mais ce goût du militaire ne fera que retrécir son âme, il s'accoutumera à ne voir dans le peuple qu'un régiment et dans sa patrie qu'une caserne! Nous en avons vu les effets; les armées ne font pas la puissance des pays, ni des souverains! Elles ne sont bonnes qu'à produire des 14 décembres, lorsqu'en régnant on ne pense qu'à l'organisation des armées. Ne croyez pas, Madame, que j'exagère en me récriant si fort contre un seul petit événement, si peu de chose en apparence.

Non, madame, je n'exagère pas. Aucun principe proclamé par les maîtres dans leurs classes, ne pourra être assez fort pour contrebancer les impulsions de la vie habituelle. L'éducation ne s'attache pas à la table d'étude; elle n'est rien, si elle n'est pas pour l'enfant toute sa vie. Notre unique maître est notre destinée; ce que dans l'âge mûr nous faisons nous-mêmes, en raisonnant sur ce qui nous arrive et en réduisant nos raisonnement en principe de conduite pour notre avenir; le maître le fait pour son élève en raisonnant avec lui sur ce qui peut lui arriver, et le tout doit être soutenu par l'expérience journalière.

Autrement l'un sera détruit par l'autre. Il faut donc ne jamais devier du principe fondamental une fois admis: de celui de laisser le grand Duc pendant tout le temps de son éducation, c'est à dire pendant la première et la seconde période dans le cercle qui Lui convient. Il n'est déjà que trop entouré de distractions inévitables; il ne faut pas lui en créer de nouvelles, qui peuvent s'emparer de ses idées, changer leur direction, lui ôter le calme nécessaire pour acquérir des connaissances solides et des bonnes habitudes.

Je reviens à moi. Je commence par supplier votre Majesté d'exprimer ma vive reconnaissance à S. M. l'Empereur pour la grâce qu'il a eu de se souvenir de moi dans l'époque de son couronnement. Sa Ma-

выйти преждевременно изъ его дѣтскаго круга. Не подвергаютъ ли его опасности вообразить, что онъ уже взрослый? Это все равно, что учить приемамъ кокетства восьмилѣтнюю дѣвочку. Наконецъ неужели возможно подобными военными игрушками отнимать у него вкусъ ко всему, что должно быть его истиннымъ назначениемъ? Развѣ ему предстоитъ быть только военнымъ? Не знать иныхъ горизонтовъ кромѣ ограниченаго круга генеральскихъ мировозрѣній? Когда же у насъ будутъ законодатели, когда станутъ оказывать уважение тому, что составляетъ истинную потребность народовъ: законамъ, просвѣщенію, нравамъ? Простите, Государыня, мои восклицанія! Но вкусъ къ военнымъ упражненіямъ съуживаетъ его душевный горизонтъ; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полки, а въ странѣ—казарму; когда государь царствуетъ, руководствуясь только подобными взглядами, они способны вызвать лишь 14 декабря. Не считайте, Государыня, что я преувеличиваю, придавая значение одному обстоятельству, столь маловажному на первый взглядъ. Нѣтъ, Государыня, я не преувеличиваю.

Воспитаніе не можетъ быть приковано къ учебному столу; оно не имѣть значенія, если оно не обнимаетъ всей жизни ребенка. Судьба—нашъ единственный наставникъ; то, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ совершается нами лично путемъ размышлений о всѣхъ случайностяхъ нашей жизни, съ приведеніемъ всѣхъ этихъ размышлений къ одной системѣ дѣйствій, то дѣлаетъ наставникъ для своего воспитанника, обсуждая съ нимъ то, что можетъ съ нимъ случиться, и все это должно быть подкрепляемо ежедневнымъ опытомъ. Иначе одно будетъ уничтожаться другимъ. И потому не слѣдуетъ никогда уклоняться отъ основного, однажды навсегда усвоенного правила: постоянно оставлять Великаго Князя, въ продолженіе всего его воспитанія, т.е., въ первый и второй періоды, въ той средѣ, которая ему сродна. Онъ и безъ того уже слишкомъ окружены неизбѣжными развлечениями; не слѣдуетъ создавать еще новые, способные овладѣть его мыслями, дать имъ другое направленіе и лишить его того спокойствія, которое необходимо для усвоенія добрыхъ привычекъ. Возвращаюсь теперь къ самому себѣ. Прежде всего умоляю Ваше Величество выразить мою живѣйшую благодарность Государю Императору за милостивую память обо мнѣ во время коронаціи. Его Величество, удостаивая меня своего Монаршаго

jesté en m'honorant (d'avance de sa confiance) de son auguste confiance, à laquelle je n'ai d'autre droit que par mon ardeur sincère de la mériter, s'est mise en quelque manière dans l'impossibilité de m'accorder à l'avenir quelque récompense. Mais il m'est doux de pouvoir me glorifier aux yeux de mes compatriotes de l'approbation de mon Souverain. Tâcher de m'en rendre digne et ne jamais la rechercher—tel sera mon principe.—

Je remercie Sa Majesté pour la permission qu' Elle a bien voulu m'accorder de rester cet hyver en Allemagne. Je tâcherai de bien profiter de ce séjour. Tous les moments qui ne seront pas employés à mon traitement seront consacrés à mes préparatifs.

Je suis maintenant à Dresden, où je compte passer tout l'hyver. Par bonheur j'ai trouvé ici mes amis Tourguenеffs, avec lesquels je loge; et il me semble n'avoir pas quitté Pétersbourg, tellement je suis entré dans mon genre de vie habituel. Grâce aux lettres que j'ai reçues de Mörder et de Gill mon esprit est complètement tranquille sur les études du grand Duc; mon absence ne nuira à rien. (On aura assez pour s'occuper avec Lui; moi je m'occuperai ici de Lui. Et vraiment je sens). Je pourrai donc ici travailler pour Lui sans interruption et sans inquiétude.

Ma situation est vraiment heureuse. Je n'ai qu'une seule idée, elle me suit partout, mais elle ne me tourmente pas, c'est une idée d'affection qui anime mon existence. Tous les matins je me réveille de bonne heure et je commence mon travail; il est en apparence très-sec, ce sont des tableaux d'histoire que je compare, mais il a pour moi tout le charme de mes anciens travaux poétiques.

Toute la journée lui est consacrée et je ne m'interromps que pour une agréable promenade. Je ne vois presque personne, et je ne veux voir personne. Je ne suis pas ici un voyageur; je dois être ici, comme à Pétersbourg tout à mon affaire. Que puis-je désirer de plus!

Pour le présent une occupation qui ne laisse aucun vide dans l'âme; pour l'avenir la perspective de continuer pendant plusieurs années cette même occupation, qui s'étendra et se diversifiera à mesure que j'avançerai dans mon chemin. Et quel but au terme de la route! Oui tout a cessé pour moi d'être personnel (Toutes les idées se présentent à moi) Chaque bonne idée qui se présente a un intérêt particulier. La

довѣрія, на которое даетъ мнѣ нѣкоторое право лишь одно искреннее стремленіе заслужить его, тѣмъ самыи какъ бы поставилъ себя въ невозможность пожаловать мнѣ еще какую-либо награду въ будущемъ; но мнѣ отрадно, что я могу гордиться передъ моими соотечественниками милостивымъ одобрениемъ моего Государя; сдѣлаться достойнымъ онаго, безъ всякаго искательства, будетъ служить мнѣ правиломъ на будущее время.

Приношу Его Величеству мою благодарность за доизволеніе провести зиму въ Германіи. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этимъ пребываніемъ. Всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, будуть посвящены моимъ приготовленіямъ.

Я нахожусь теперь въ Дреаденѣ, гдѣ намѣренъ провести всю зиму. Къ счастію, я нашелъ здѣсь моихъ друзей—Тургеневыхъ, съ которыми я и живу вмѣстѣ, и мнѣ кажется, будто я и не покидалъ Петербурга: въ такой степени я вернулся къ моему обычному образу жизни.

Благодаря письмамъ, полученнымъ мною отъ Мердера и Жилля, душа моя вполнѣ покойна на счетъ занятій Великаго Князя; мое отсутствіе не принесетъ ни малѣйшаго вреда, такъ что мнѣ можно будетъ трудиться здѣсь для него безъ всякаго затрудненія и препятствія.

Мое положеніе истинно счастливое. Я весь поглощенъ одною мыслью, она всюду слѣдуетъ за мною, но не тревожитъ меня: эта мысль, основанная на любви, оживляетъ мое существованіе. Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю къ своей работѣ, повидимому, она кажется суhoю—я составляю историческія таблицы; но она имѣеть для меня всю прелесть моихъ прежнихъ поэтическихъ работъ. Весь мой день ей посвященъ, и я прерываю ее только для пріятной прогулки. Я почти никого не вижу и не желаю видѣть. Я нахожусь здѣсь не въ качествѣ путешественника; я долженъ здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, всецѣло принадлежать моему труду. Чего я могу болѣе желать! Въ настоящемъ—занятіе, наполняющее душу; въ будущемъ продолженіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ того же занятія, которое будетъ расширяться и разнообразиться по мѣрѣ своего движенія впередъ. И какая цѣль въ концѣ всего пройденного пути! Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣеть свой особый интересъ.

Слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству, словомъ, все, что присуще духовной сторонѣ человѣка, уже не останавливается на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самаго, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти высокія мысли должны принести благо-дѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленія исторіи, люди, составившіе счастіе или несчастіе своего времени, не служатъ болѣе

gloire, le devoir, la religion, l'amour de la patrie, enfin tout ce qui appartient à l'homme moral, je n'y pense pas uniquement pour moi, mais tout autant par rapport à un quelqu'un, dans l'âme de qui ces grandes idées seront bienfaisantes pour l'humanité; les tableaux de l'histoire, les hommes, qui ont fait le bonheur ou le malheur de leur temps, ne sont plus pour moi de simples objets de curiosité, mais des leçons à donner, des modèles à proposer, des dangers à faire éviter (ce n'est plus pour moi chose vague) et l'étude a cessé pour moi d'être une occupation vague, elle est toujours et utilement applicable. J'aurais été complètement heureux, si l'idée de mon inexpérience ne venait souvent me tourmenter.

Cette inexpérience est un vrai mal, auquel il faudra absolument chercher un remède et peut-être le proposerai-je avec tems.

Je reste à Dresde tout le mois d' Octobre, Novembre et Décembre. Pour le Noël j'irai à Berlin, où je compte rester tout le mois de Janvier. Peut-être aurai-je le bonheur d'être présent au Weihnachtsabend du Louisen-palais. Le séjour de Berlin sera pour moi une relâche. A la fin de Janvier je reviens à Dresde pour y rester les mois de Février et de Mars. Mon séjour à Ems ne commencera que vers la moitié de Mai (avant ce temps il ne m'est pas permis de prendre les bains). Je profiterai du mois d' Avril pour voir Paris (dans quel but, je l'expliquerai plus bas à V. M. I.), et je demanderai à S. M. I. la permission de faire ce voyage. Le reste de mon temps sera réglé par la marche de mon traitement.

J'aurais pu choisir Berlin pour mon séjour d'hyver, mais à Berlin il m'aurait été impossible de mener le genre de vie que je mène à Dresde; j'y serais trop entouré de distractions; j'ai dû faire ce sacrifice aux intérêts de mon travail. D'ailleur à Dresde je me suis confié à Kreissig, qui a une expérience toute particulière dans le traitement de maladies pareilles à la mienne; et je suis ici un régime sévère, ce qui me serait beaucoup plus difficile (impossible) à Berlin. Mais l'idée d'y passer un mois entier me réjouit le coeur, à présent plus que jamais, car d'après la lettre de V. M. I. je présume que j'y trouverai M-me Wildermeth*). Jusqu'ici j'étais persuadé qu'elle était à Moscou ou en chemin pour s'y rendre. Je lui avais écrit pour concerter mon plan avec le sien.

J'ai reçu un petit billet de M-e Kleist si illisible que je n'ai pu que deviner qu'elle se trouve maintenant à Breslau et il paraît qu'elle n'est

*) Наслѣдница Государыня Императрица Александра Оеодоровна (П. Б. младшій.)

простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть преподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и занятія утратили для меня свой неопределенный характеръ; они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности меня не тревожила такъ часто. Эта неопытность— положительное зло, для котораго непремѣнно слѣдуетъ искать исхода и, быть-можеть, со временемъ я самъ укажу на него.

Я пробуду въ Дрезденѣ весь Октябрь, Ноябрь и Декабрь; къ Рождеству отправляюсь въ Берлинъ, гдѣ намѣренъ провести весь Январь мѣсяцъ. Быть можетъ, буду имѣть счастіе присутствовать на елкѣ въ Louisenpalast. Это пребываніе въ Берлинѣ послужить мнѣ отдохновеніемъ. Въ концѣ Января, я вернусь въ Дрезденъ, чтобы пробыть тамъ Февраль и Мартъ. Мое житѣе въ Эмсѣ начнется только въ концѣ Мая (до этого времени не позволяютъ принимать ваннъ). Я воспользуюсь апрѣлемъ мѣсяцемъ, чтобы увидѣть Парижъ (я объясню ниже Вашему Величеству съ какою цѣлью) и прошу дозволенія Государя Императора совершить эту поѣздку. Распределеніе остального времія будетъ зависѣть отъ хода моего лѣченія. Я бы могъ избрать Берлинъ мѣстомъ пребыванія на зиму; но въ Берлинѣ оказалось бы невозможнымъ вести тотъ образъ жизни, который я веду въ Дрезденѣ. Меня бы окружало слишкомъ много развлечений; я вынужденъ былъ принести эту жертву для пользы моихъ занятій. Къ тому же въ Дрезденѣ я передалъ себя въ руки Крейсиага, который славится особеною опытностью въ болѣзняхъ, подобныхъ моей, и я прохожу здѣсь весьма суровый курсъ лѣченія, что было бы для меня гораздо затруднительнѣе въ Берлинѣ; но мысль провести въ немъ цѣлый мѣсяцъ тѣшить мое сердце и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, потому что, по письму Вашего Императорскаго Величества, я разсчитываю застать тамъ г-жу Вильдерметъ. До сихъ поръ я былъ убѣжденъ, что она въ Москвѣ или на пути туда. Я въ скромъ времени напишу къ ней, чтобы согласовать мои предположенія съ ея намѣреніями. Я получилъ отъ г-жи Клейстъ записочку, столь нераазборчивую, что мнѣ остается только догадываться, что она теперь въ Бреславль и, повидимому, не слишкомъ довольна своимъ положеніемъ. Она приглашаетъ навѣстить ее; но мои занятія не позволяютъ мнѣ доставить себѣ это истинное счастіе. Беру смѣлость испросить согласіе Вашего Величества на одно предложеніе, выполненіе котораго могло бы принести великую пользу нашимъ занятіямъ. Слѣдовало бы воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Германіи, чтобы составить самое полное собраніе всѣхъ предметовъ, могущихъ быть

pas très-contente de sa situation. Elle m'invite de l'aller voir, mais ni mes occupations (ni mes finances) ne me permettent pas de me procurer ce véritable bonheur.

Je prends la liberté de soumettre à l'approbation de V. M. I. une proposition dont l'acceptation pourrait être d'une très-grande utilité à la marche de nos études. Il (serait très bien) faudrait profiter de mon séjour en Allemagne pour faire un recueil le plus complet de tous les objets qui peuvent être nécessaires pendant tout le cours de l'instruction de Monseigneur tant au maître qu'à l'élève, en fait de gravures, livres, plans, cartes etc. etc. Les librairies de Pétersbourg sont en général assez mal garnies. On reste tout à fait dépendant du libraire, on perd beaucoup de temps pour faire venir de l'étranger les objets qui manquent, et ce que l'on trouve coute toujours le triple. Etant au fait de ce qu'il nous faut à présent et de ce qui pourra être nécessaire après, je suis mieux que personne en état de faire ce recueil en l'adaptant strictement à notre plan d'études. J'aurais pu acheter les livres allemands à Leipzig et aller moi-même à Paris pour faire emplette de livres français et anglais, car ces derniers coutent en Allemagne le double de ce qu'ils coutent à Paris. De cette manière pour la même somme, que nous dépenserons en achat de différents objets à Pétersbourg, nous aurons le double ici. Il faut seulement assigner une somme assez considérable, au moins 2000 r. Cela (nous delierait tout à fait les mains, nous aurions eu tout ce qu'il nous faut et nous pourrions avancer sans interruption dans nos études) suffirait pour nous contenter pleinement pour dix ans.

Je distingue (les livres) tous ces objets nécessaires en III classe.
 1-rè: Livres d'étude nécessaires pour l'élève et les maîtres dans le courant de toute l'étude. 2-me: Livres de lecture. Choix d'ouvrages en tout genre qu'il devra bien connaître et dont la lecture progressivement complètera les leçons, reçues dans les classes. III-e: gravures et cartes, absolument nécessaires pour mieux graver dans l'esprit ce qui sera enseigné ou lu. (De tout cela il ne verra) De tous ces objets il ne verra que ceux qui sont absolument nécessaires pour le moment présent, le reste sera sous la clef, mais chaque objet paraîtra à mesure que l'instruction le rendra intéressant et reveillera la curiosité. Mais je répète, il faut avoir tous ces objets en masse, pour pouvoir sans perdre le temps les employer en cas de besoin. Je supplie votre Majesté de vouloir bien être sous ce rapport mon interprète devant Sa Majesté Impériale.

необходимыми въ теченіе всего воспитанія Его Величества, какъ для наставника, такъ и для ученика, относительно книгъ, гравюръ, картъ, плановъ и пр. Петербургскіе книжные магазины вообще снабжены довольно скучно. Находишься въ полной зависимости отъ книгопродавцевъ, теряешь прощать времени за выписываніемъ недостающихъ предметовъ изъ-за границы; а то, что имѣется подъ руками, стоить втрое дороже. Сознавая вполнѣ все то, что намъ теперь нужно и что можетъ быть необходимо впослѣдствіи, я лучше всякаго другого въ состояніи составить эту коллекцію, со строгимъ примѣненіемъ ея къ нашему учебному плану. Я бы могъ купить нѣмецкія картины въ Лейпцигѣ и отправиться самъ въ Парижъ для приобрѣтенія французскихъ и англійскихъ книгъ, которыхъ въ Германіи вдвое дороже, чѣмъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ за ту же сумму, которую мы истратили бы въ Петербургѣ, мы имѣли бы двойное количество и лучшаго разбора. Но слѣдуетъ только опредѣлить на этотъ предметъ довольно значительную сумму, не менѣе 2000 руб.; этого было бы достаточно для удовлетворенія нашихъ потребностей, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Я раздѣляю всѣ предметы на три. отдѣла: 1) учебныя книги, необходимыя, какъ для воспитанника, такъ и для учителей въ теченіе всего года; 2) книги для чтенія, выборъ всякаго рода произведеній, съ которыми ему слѣдуетъ ознакомиться и чтеніе которыхъ будетъ послѣдовательно дополнять уроки, преподаваемые въ классахъ; 3) гравюры и карты, положительно неизбѣжныя для того, чтобы запечатлѣть въ его умѣ все то, что будетъ имъ выучено и прочтено. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ онъ будетъ пользоваться только тѣмъ, что необходимо въ данную минуту; остальное должно оставаться подъ ключомъ; но всякий предметъ будетъ появляться по мѣрѣ того, какъ преподаваніе сдѣлается его занимательнымъ, возбудивъ любопытство. Но я повторяю, что всѣ эти научныя средства должны быть заготовлены, чтобы не теряя времени, воспользоваться ими въ случаѣ надобности. Умоляю Ваше Величество быть моимъ ходатаемъ передъ Государемъ Императоромъ. То, что я предлагаю, почитается мною дѣйствительно полезнымъ, и мнѣ было бы весьма желательно, для пользы нашихъ занятій, чтобы моя мысль удостоилась одобренія Его Величества. Не думаю, чтобы сумма, мною опредѣленная, была слишкомъ высока; въ сложности мы издержали бы болѣе того и при этомъ не имѣли бы всего, что намъ нужно, подвергаясь различнымъ затрудненіямъ. Повторяю, имѣть все подъ руками— облегчило бы чрезвычайно наши занятія и сократило бы много времени. Въ случаѣ, если Ваше Величество соблагоизволите изъявить согласіе на мое предложеніе, то я просилъ бы безъ замедленія сдѣлать нужныя распоряженія относительно высылки денегъ,

Ce que je propose me pourrait être d'une utilité réelle, et je desire bien pour l'avantage de nos occupations, que Sa Maj. deigne approuver mon idée.

Je ne crois pas que la somme que j'ai indiquée soit trop forte; nous dépenserons beaucoup plus à la longue et nous n'aurons jamais tout ce qu' il nous faut et souvent nous serons dans l'embarras.

Je le répète: avoir tout à la fois faciliterait extrêmement nos occupations et nous économiserait beaucoup de tems. En cas que Sa Majesté deignera consentir à ce que je propose, je prie de faire sans delai les arrangements nécessaires par rapport à l'envoi de l'argent pour que je puisse à temps terminer tout à Leipzic avant mon départ pour Paris et pour qu' à Paris rien ne m'arrête.

A présent j'ose adresser à Votre Majesté deux prières. La première me regarde personnellement. Votre M. a déjà eu la bonté à s'interesser à moi par rapport à mon logement au palais. Mes chambres m'ont été désignées, Mr. Narichkine en a connaissance, et je suis très content du choix. Il s'agit seulement de me faire entrer en possession. C'est sur cela que je supplie V. M. de deigner dire un mot à Narichkine. M-me Voyeykoff changeant de logement, tous mes effets doivent rester sans abri; et je serais tiré d'un grand embarras, si on remettait toutes mes pauvres richesses au palais et les remettait a la garde de quelque истопникъ fidèle. Mr. Narichkine les prendra sous sa protection, s'il voit que V. M. deigne s'interesser au sort du voyageur malade. Je supplie V. M. de me pardonner de l'importuner de ces bagatelles; je m'adressa hardiment à votre bonté indulgeante, ayant en vous ma constante protectrice.

Ma seconde prière regarde mon compagnon de voyage, le dessinateur Klara. Il s'agit d'accomplir le bienfait que sa Majesté a bien voulu deigner lui rendre en lui accordant la permission de me suivre. Klare a un vrai talent pour le dessin; il peut devenir un exellent peintre. Jusqu' ici il n'a eu aucun moyen de se perfectionner; il n'a jamais étudié la nature; il n'a fait que la deviner. L'emp. Alexandre a eu la bonté de le placer comme graveur à l' Ermitage. Revenu à Pétersbourg il ne verrait pas les beaux cites qu' il rencoentre ici à chaque pas; il se rouillera dans sa routine, et son grand talent n'arrivera jamais à son développement. Ce que je demande, c'est de lui procurer la permission de sa M. I. de rester à l'étranger encore trois ans en lui conservant ses gages. Il pourra alors voir l' Italie et retourner en Russie à dater du

чтобы я во-время могъ покончить въ Лейпцигѣ до моего отъѣзда въ Парижъ, и чтобы въ Парижѣ ничто меня не стѣсняло. Теперь осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Величеству съ двумя просьбами. Первая относится лично до меня.

Вашему Величеству уже угодно было принять во мнѣ участіе по вопросу о моей квартирѣ во дворцѣ. Мое помѣщеніе мнѣ было отведено, это известно г-ну Нарышкину, и я очень доволенъ этимъ выборомъ. Нынѣ дѣло въ томъ, чтобы ввести меня во владѣніе, и насчетъ этого я умоляю Ваше Величество милостиво сказать нѣсколько словъ Нарышкину. Такъ какъ г-жа Воейкова мѣняетъ квартиру, то всѣ мои вещи остаются безъ пристанища, и я быль бы выведенъ изъ большого затрудненія, если бы оказалось возможнымъ пріютить мои скучныя богатства во дворцѣ и ввѣрить ихъ надзору какого-нибудь честнаго истопника. Г. Нарышкинъ приметь ихъ подъ свое покровительство, если онъ увидитъ, что Ваше Величество удостаиваете вашего вниманія больного странника. Прошу убѣдительно Ваше Величество простить мнѣ, что я осмѣливаюсь утруждать Васъ такими пустяками; я смѣло обращаюсь къ Вашей снисходительной благосклонности, видя въ Васъ мою постоянную покровительницу. Вторая моя просьба касается моего товарища, живописца Клары. Вопросъ въ томъ, чтобы довершить благодѣяніе, которое Его Величество ему оказалъ, дозволивъ ему сопровождать меня.

Клара одаренъ истиннымъ талантомъ въ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ совершенствованію: онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ.

Оставаясь въ Петербургѣ, онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагу; онъ заглохнетъ въ своей рутинѣ и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія. Моя просьба заключается въ томъ, чтобы исходатайствовать ему соизволеніе Его Императорскаго Величества пробыть еще три года за границею съ сохраненіемъ содержанія (считая съ 1 Янв. 1827 г.).

Тогда онъ увидитъ Италію и вернется въ Россію, усовершенствовавъ свои дарованія, хорошимъ художникомъ и счастливымъ на всю жизнь. Присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было весьма для него трудно, потому что его талантъ доставлялъ ему до сихъ поръ очень скучныя средства.

Я видаюсь здѣсь изрѣдка съ художникомъ Фридрихомъ. Въ его мастерской не имѣется ничего особенно замѣчательнаго по части

janvier 1827: perfectionné dans son art, bon peintre et heureux pour la vie. J'ajoute ici qu'il est complètement pauvre et qu'il doit nourrir une vieille mère ce qui lui était jusqu'ici très difficile des moyens que son talent lui procurait.

Je vois de temps en temps le peintre Friedrich. Il n'y a rien de très-admirable dans son atelier en fait de peinture. Il a seulement commencé un grand paysage, qui sera charmant, si l'exécution répond à l'idée. Une grande porte de fer qui mène à un cimetière, est ouverte; on voit près de cette porte appuyés à un des pilliers et cachés par son ombre un homme et une femme; ce sont deux époux qui viennent d'enferrer leur enfant et qui visitent dans la nuit sa tombe. Ce qu'on distingue dans l'intérieur du cimetière ce n'est qu'une petite colline de gazon, près de laquelle on voit encore la pelle; (c'est le tombeau de l'enfant nouvellement fait, près de) non loin de lui se trouve un autre surmonté d'une urne: les cendres des (ses parents, de son père) aïeux de l'enfant y reposent.

(Il fait nuit) Le cimetière est couvert de sapins; (on distingue plus) il fait nuit; on ne voit pas la lune, mais elle doit être quelque part; un brouillard (à demi transparent s'étend sur) mouvant répose sur le cimetière; il (couvre) dérobe (à demi aux) les (rameaux) troncs d'arbres qui paraissent comme détachés de la terre; à travers son voile on distingue vaguement les autres tombeaux; et surtout un monument (due forme) rustique qui paraît comme un fantôme grisâtre. Tout cela forme un charmant paysage.

Mais le peintre a voulu faire plus: il a voulu nous faire penser à un autre monde. Les pauvres parents se sont arrêtés aux portes du cimetière (ils regardent attentivement); leurs yeux fixés sur la tombe de leur enfant sont frappés de quelque apparition mystérieuse. En effet de ce le brouillard mouvant qui s'entrouvre se forme une apparition animée. Il leur (paraît) semble voir que l'enfant s'élève de sa tombe, (et) que les anges de paix avec une branche d'olivier voltigent au-dessus d'eux et les réunis. Aucune de ces formes aériennes n'est distincte: on ne voit rien qu'un brouillard, mais l'imagination complète l'indication du peintre et l'apparition sans rien ajouter au simple paysage (ne fait que) prête à son effet naturel (simple du paysage sans y ajouter rien d'étranger, qui aurait pu lui nuire).

Il possède encore sept dessins en sépia, dont l'idée est vraiment (si charmane) belle. Le sujet en est (les quatre parties): die Vorzeit, die

живописи онъ только что началъ большой пейзажъ, который будетъ прелестенъ, если выполнение будетъ соответствовать идеѣ.

Большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, отпerta; вблизи отъ этой двери виднѣются въ тѣни ея, опершись на одинъ изъ ея столбовъ, мужчина и женщина. Это супруги, только что склонившіе свое дитя; они видятъ среди ночного мрака его могилу, которую можно различить въ глубинѣ кладбища; это просто холмикъ изъ дерна съ лежащимъ подлѣ лопатою, недалеко отъ этой могилы замѣтна другая съ возвышающейся надъ нею урною; здѣсь покоятся прахъ предковъ ребенка.

Кладбище наполнено соснами; ночь, луны не видно, но она гдѣ-то свѣтить. Колеблющаяся мгла почietъ на кладбищѣ; она скрываетъ отъ глазъ корни сосенъ, которые представляются какъ бы отставшими отъ земли; сквозь эту завѣсу весьма смутно различаются остальные могилы и въ особенности ихъ сельскіе, простые памятники; длинный камень, утвержденный стоймѧ, представляется какимъ-то сѣроватымъ призракомъ: все это вмѣстѣ образуетъ прелестный пейзажъ, но художникъ имѣлъ въ виду высшую цѣль; онъ хотѣлъ обратить наши мысли къ будущей жизни. Несчастные родители остановились въ дверяхъ кладбища. Ихъ взоръ, обращенный къ могилѣ ихъ ребенка, пораженъ какимъ-то таинственнымъ видѣniемъ. И: точно колеблющейся туманъ, ее окружающiй, кажется оживленнымъ; имъ представляется, что ихъ дитя возстаетъ изъ могилы, что тѣни его предковъ направляются къ нему, простирая свои объятія, и что ангелы мира съ масленичною вѣтвью витаютъ надъ ними и соединяютъ ихъ. Ни одинъ изъ этихъ воздушныхъ образовъ не выдѣляется ясно, виднѣется одинъ туманъ; но воображеніе дополняетъ намекъ художника, и это видѣніе, не добавляя ничего къ этому простому пейзажу, только придаетъ естественность явленію...

У него есть еще семь рисунковъ сепіей, идея которыхъ прекрасна. Ихъ сюжетъ: *die Vorzeit*—давно прошедшее; *die Zeit*—текущее; *die Nachzeit*—будущее. Они представляютъ одновременно различные эпохи существованія міра, а также четыре времени дня и четыре возраста человѣка и его судьбу послѣ смерти. Несмотря на такое разнообразіе сюжета, исполненіе проникнуто единствомъ идеи.

Первый рисунокъ—*die Vorzeit*. Необъятная водная поверхность; земля скрыта подъ бездонной; еще ничего нельзя разобрать; волны широкія; чувствуется, что онѣ покрываютъ бездонную глубину; небо безоб-

Zeit, die Nachzeit. En même temps ils représentent les différentes époques de la nature, aussi que les quatre parties du jour, les quatre âges de l'homme et sa destination après la mort. Malgré cette diversité d'aspects il régne une parfaite unité dans l'exécution. Le premier dessin, Vorzeit. Une immense surface d'eau, la terre est sous l'abîme; rien ne paraît pas encore; les vagues sont larges, on sent qu' elles couvrent une profondeur immense; le ciel est sans nuages, il n'est pas encore éclairé, mais le soleil s'annonce déjà par ses rayons, dont quelques uns rasant la surface de cet abîme, qui a précédé les siècles, et d'autres atteignent déjà la hauteur du ciel, et formant avec leurs reflets sur l'eau un cercle complet, précédent en quelque manière l'empleur de ce qui va commencer, puis venir à sa maturité et finir. Les formes mouvantes et passagères des vagues sont (en quelque manière l'emblème) l'image de ce qui va exister et passer: le clel immobile et sans nuage présente l'éternité immobile. Un seul endroit indique quelque chose qui doit avoir déjà une forme: on voit (dans les) quelques vagues s'élever en écume: il semble qu' elle se heurtent et se brisent comme quelque chose (qui se cache encore dans leur sein) d'invisible. La terre n'est pas loin: bientôt les (vagues) ondes s'accoucheront (et le monde et) et l'univers sortira de son enveloppe et la vie commencera. 2-e, 3, 4-e, 5 dessin. Die Zeit. 2. Enfance de l'univers et de l'homme, matin: Le ciel est sans nuage (la lumière arrive. La lumière dans) le jour a commencé. Tout fleurit; le premier plan est couvert de ces fleurs qui viennent les premières au printemps; au milieu des (plantes se) herbes serpente un ruisseau, on voit des collines vertes et (des) quelques oiseaux à peine sortis de leur nid; il n'y a pas encore d'arbres (mais) il n'y a que des arbris-seaux, les premiers que fleurissent au printemps. Au milieu des fleurs on voit un couple d'enfants qui sont éclairés par les rayons du matin; ils regardent voliger deux papillons; (qui sont à pei) nouvellement (sortis) échappés de leur enveloppe: image de l'âme humaine, qui commence son existence terrestre. Tout annonce (la jeunesse) l'enfance de la terre, du jour et de l'homme. Les couleurs sont fraîches et brillantes; les rayons du soleil sont encore vierges: le ciel n'a pas de nuage, comme l'enfance qui ne connaît pas encore les soucis; et (la perspective) l'horizon est retréci: les objets qui entourent les enfants sont petits et proches, comme leurs jouissances qui sont toutes dans le (avenir) présent, et qui ne se mêlent pas encore d'espérance...—3 dessein, Jeunesse de l'univers et de l'homme. Midi. La lumière vient d'en face. Le ciel est encore pur, mais de légers nuages s'y promènent. L'horizon est étendu, (on voit un long vallon qui se perd dans le lointain); les collines sont devenues montagnes (couvertes de gazon); le ruisseau—rivière et

лачное; оно еще не освѣщено, но солнце уже возвѣщаетъ о себѣ лучами, изъ которыхъ нѣкоторые скользятъ по этому хаосу, предшествующему вѣкамъ, а другіе уже разливаются по небу, и образуя съ своими отраженіями на волнахъ почти полный кругъ, представляютъ нѣкоторымъ образомъ символъ того, что должно начаться, достигнуть полнаго развитія и кончиться. Подвижныя очертанія волнъ—образъ того, что будетъ существовать и исчезнетъ; неподвижное и безоблачное небо олицетворяетъ непрходящую вѣчность. Въ одномъ только мѣстѣ обрисовывается нѣчто, что должно имѣть форму: нѣсколько волнъ поднимаются, пѣняясь; они какъ будто бьются и рвутся о чѣ-то несказанное. Земля недалеко; скоро волны склынутъ; вселенная выйдетъ изъ окружающей ее оболочки, и жизнь начнется.

2, 3, 4, 5 рисунки. *Die Zeit*—текущее.

2. *Дѣтство вселенной и человѣка.* Небо безоблачное, день занялся, первый планъ покрытъ первыми весенними цвѣтами; среди травъ извивается ручеекъ, видны зеленые холмы, нѣсколько птицъ, только что вылетѣвшихъ изъ гнѣздъ; деревьевъ еще нѣть, есть только кусты, цвѣтущиѣ весной, среди цвѣтовъ видно двое дѣтей, освѣщеныхъ лучами утренняго солнца; они слѣдятъ за двумя порхающими бабочками, только что вылупившимися изъ своей оболочки: это эмблема души, начинающей свое земное существованіе. Все возвѣщаетъ дѣтство земли, дня и человѣка. Краски свѣжи и ярки; лучи солнца еще не затемнены ничѣмъ; на небѣ ни облачка, какъ на челѣ ребенка, еще не знающаго заботъ; и горизонтъ не обширенъ. Предметы, окружающіе дѣтей малы и близки, подобно ихъ забавамъ, ограничивающимся настоящимъ и не знающимъ еще надежды.

Третій рисунокъ; Молодость вселенной и человѣка. Свѣтъ ударяетъ спереди. Небо еще чисто, но легкія облака уже проносятся по нему. Горизонтъ обширный; сводъ неба теряется въ дали; холмы превратились въ горы; ручей—въ рѣку, а деревья въ лѣса, среди дере-

les arbrisseaux—arbres; mais tout—air et terre (est gracieux et) est riant; on voit au milieu des arbres quelques habitations éparses; on voit un sentier et des haies: les réunions, les communications humaines et la propriété ont déjà commencé. (Sous les arbres) A l'ombre d'un arbre on voit un jeune homme et une jeune fille se tenant par la main et tout près un couple de colombes.

La nature est arrivée à son point le plus brillant. Les couleurs sont éclatantes (tout brille), mais l'ombre se mêle déjà à la lumière. L'étendue de la perspective annonce (déjà) que l'esprit a pris déjà son essor et que l'âme humaine (est sortie de son calme) remuée par les dessins vagues et l'inconnu (qui la remuent), est sortie de son calme.

4-me—La maturité de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de côté contraire. Le ciel est tourmenté de nuages, dont quelques uns sont orageux. Mais par ci par là à travers ces nuages on voit briller l'azur. Tout a pris un caractère de couleur un peu sevère et grand. Les arbres sont vigoureux.

Les montagnes escarpées et boisées (sont couvertes) sont surmontées d'énormes rochers nus, entrecoupés de précipices. La rivière est devenue un large fleuve, qui porte des bâteaux chargés des produits de l'industrie (humaine); dans l'éloignement on voit une ville magnifique. La nature et la société humaine sont parvenus à leur complet développement. Deux aigles (planent), image de la force et (du cour) de l'activité courageuse, planent au haut du ciel.

Sur le premier plan, près d'une pente rapide on voit (encore le même) le couple précédent, déjà homme et femme. L'homme est armé; il montre la ville—théâtre de son activité mâle: la femme montre un sentier, qui serpente parmi des rochers et mène à leur cime surmontée d'une croix: image de la patience et de la religion, destination (particulière) paisible de la femme. A côté du sentier qui descend vers la ville, on voit un superbe monument funéraire: il indique que l'activité utile couronnée de gloire par la postérité reconnaissante est inséparable du danger et demande le sacrifice de soi-même.

5-e Vieillesse de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de nouveau d'en face, mais ce n'est plus déjà la même lumière: le soleil a disparu (la terre est éclairée), il est remplacé par (les minces) les tendres rayons de la lune. (Tout le ciel est couvert d'un

въевъ видно нѣсколько жилищъ, тропинки и изгороди: совмѣстное жительство и сообщенія завязываются и собственность уже появилась. Въ тѣни дерева, видень юноша и молодая дѣвушка, держащи другъ друга за руки, а вблизи пара голубей. Природа достигла своего наиболѣе блестящаго развитія. Краски ослѣпительныя, но тѣнь уже примѣшиваются къ свѣту. Ширина перспективы возвѣщаетъ, что мысль уже развивается и что душа человѣческая, полная непредѣленныхъ стремлений и думъ о будущемъ, вышла изъ своего спокойствія.

Зрѣлость природы и человѣка. Свѣтъ падаетъ съ противоположной стороны. Тучи заволокли небо, изъ нихъ нѣкоторыя грозныя; но мѣстами черезъ эти тучи видна синева неба; все приняло характеръ строгій и величественный. Кругомъ горы, усыпаны огромными скалами, перерѣзаны пропастями; рѣка сдѣлалась широка; она несетъ огромныя суда, нагруженныя произведеніями промышленности, вдали виденъ великолѣпный городъ. Природа и человѣкъ достигли своего полнаго развитія. Два орла—эмблемы силы и мужественной дѣятельности парятъ въ высотѣ. Близъ крутого ската видна та же пара—уже мужчина и женщина. Мужчина вооруженъ, онъ указываетъ рукой на городъ, арену его мужской дѣятельности; женщина указываетъ на тропинку, извиающуюся среди скалъ и ведущую на ихъ вершину, увѣнчанную крестомъ, эмблемою терпѣнія, религіи, мирнаго назначенія женщины. На краю тропинки, спускающейся къ городу, виденъ великолѣпный надгробный памятникъ. Онъ указываетъ, что полезная дѣятельность, увѣнчанная благодарнымъ потомствомъ, неразлучна съ опасностью и требуетъ самопожертвованія съ нашей стороны.

5. Старость природы и человѣка. Свѣтъ льется снова съ передняго плана, но это уже не прежній свѣтъ; солнце изчезло, его замѣнила луна (все небо покрыто сплошнымъ облакомъ за исключеніемъ маленькаго пространства на краю горизонта, представляющаго безбрежное море, безъ пустыннаго берега, гдѣ небо сливалось бы съ волнами). На песчаномъ безплодномъ берегу видны

nuage uniforme (et continu, il ne reste qu' un petit espace au bord de l'horizon, qui n'est autre chose qu' une mer sans bornes). Sur un rivage désert, battu par cette mer, où le ciel se réunit à une mer sans bornes on voit un rivage sablonneux et aride. Les arbres sont dépouillés et quelques uns même brisés. (Sur ce bord prèsde la mer) Près de ce rivage sablonneux ou voit les ruines d'une église, entourée de tombeaux, aussi en ruines; et le temple consacré, et ceux qui jadis y ont adoré Dieu—tout a péri; les arbres qui entourent cette enceinte sont defeuillés (et se brisent, sont rompus), et brisés! Le ciel est couvert d'un nuage nébuleux et uniforme; (it n'en reste qu' un petit espace) mais les bords de ce nuage sont éclairés par la lune qui brille sur l'horizon en (éclairant par ci par là) projettant ses rayons sur la surface de la mer (très rembrunie par le nuage) noircie par les nuages. Parmi les anciens tombeaux on voit une fosse nouvellement creusée.

Un vieillard avec sa vieille compagne sont assis près d'elle; le vieillard s'appuie encore sur un bâton; celui de la vieille est rompu et tombe dans la fosse. Tout ici meurt: et la nature et l'homme; mais (cette lumière d'un astre qui) les rayons de cet astre de la nuit qui emprunte sa lumière de celui qui répand le jour, éclairent l'homme à travers les ruines qui l'environnent et pénètre même dans la fosse (qui lui est préparée) qui va l'engloutir.

6-me. Nachzeit (la nature abandonnée par l'homme)
 L'activité de l'âme sur la terre est fiie. L'homme a disparu, toute activité meurt et cesse, (il ne reste... mais le mouvement physique dure encore). On voit à l'entrée d'une grotte de stalactites, encombrée de ruines de rochers, deux squelettes, unique monument de la vie humaine qui a cessé pour toujours. Ils sont éclairés par la lune (La lune qui est vue par des nuages, vaporeux: mais des nuages s'amorcèlent pour voiler cette lune: quelques gouttes tombant à travers les rochers brillent à ses rayons et annoncent un reste de mouvement). Il n'y a de nouveau que dans les nuages, qui s'amorcèlent pour dévorer la lune et dans quelques gouttes qui tombent en brillant à travers les rochers pour former une nouvelle couronne de stalactites.

7. Nachzeit. L'homme après avoir quitté la terre. Rien ne rappelle la terre qu' un amas de nuages qu' elle produit, aus dessus desquels brille une lumière céleste, éclatante et pure. Le bas de ces nuages est sombre, mais plus ils s'approchent de la lumière, plus ils deviennent brillants. Les plus élevés sont eux-mêmes comme une lu-

развалины церкви, окруженной могилами. И храмъ посвященный Божеству и тѣ, кто никогда наклонялись здѣсь своему Богу—все погибло. Деревья, окружающіе эту ограду, стоятъ безъ листьевъ и изломаны; небо покрыто однообразнымъ сѣрымъ облакомъ, но края этого облака озарены луною, которая свѣтить на горизонтѣ, бросая свои лучи на поверхность моря, затемненную тучами. Среди древнихъ гробницъ видна только что вырытая могила, у края ея сидитъ старикъ съ своей старой подругой. Старикъ еще опирается на свою палку, но палка старухи уже сломана и упала въ могилу. Все умираетъ и природа и люди, но лучи ночного свѣтила, заимствующаго свой свѣтъ отъ дневного, освѣщають человѣка черезъ развалины его окружающіе и даже проникаютъ въ могилу, готовую его поглотить.

6. *Nachzeit.* Будущее. У входа въ сталактитовую пещеру, окруженную обломками скаль, лежатъ два скелета: они освѣщены луной. Это единственный памятникъ человѣческой жизни, которая прекратилась навсегда. Кругомъ все вымерло. Движеніе видно только въ облакахъ, которые скучиваются, чтобы поглотить луну, и въ нѣсколькихъ капляхъ, падающихъ сверкая透过 скалу, образуя новые колонны сталактитовъ.

7. *Nachzeit.* Человѣкъ покинувшій землю. Ничто не напоминаетъ земли, за исключеніемъ скопленія облаковъ, производимыхъ ею. Надъ ними сверкаетъ небесный свѣтъ, ослѣпительный и чистый. Нижній край этихъ облаковъ теменъ, но по мѣрѣ приближенія къ свѣту они становятся прозрачнѣе, самые высокія сами какъ свѣтъ. На этихъ облакахъ, передъ этимъ таинственнымъ свѣтомъ видны два ангела. Одинъ погруженъ въ спокойное созерцаніе—это мужчина. Онъ какъ будто говоритъ: „Я вижу то, чему вѣрилъ“. Другой склонился и проливаетъ слезы—это женщина. Она какъ бы говоритъ: „Я покланяюсь на небѣ тому, что любила на землѣ“.

Я увлекся удовольствіемъ описать Вашему Императорскому Величеству новыя произведенія геніаль-

mière. Sur ces nuages devant cette lumière mystérieuse qu' ils dérobent au spectateur, se trouvent deux anges: l'un contemple dans un ravissement calme! C'est l'homme. Il semble dire: „Je sais ce que j'ai vu“. L'autre (couvre les yeux en adorant) s'incline et parait verser des larmes. C'est la femme. Elle semble dire: „J'adore au ciel ce que j'ai aimé sur la terr.“

Je me suis laissé entraîner au plaisir de décrire à votre Majesté ces nouvelles production du génial Friederich. Ce ne sont que de légers dessins au soepia. Je suis certain qu' ils sont superbes executés en grand à l'huile. J'ai demandé à Friederich s'il se proposait d'entreprendre ce grand travail (et s'il consentirait à le faire) au cas qu' on le lui proposait. Il m'a répondu négativement, disant qu' il lui était impossible de s'assugettir pour quelques ans à un seul travail, que s'occupant exclusivement d'un seul objet il devrait lui sacrifier toutes les idées qui pourraient lui venir d'aut la tête et que n'étant pas libre il travaillerait sans jouissance. Cette réponse est d'un vrai artiste. Mais j'avoue que j'aurais bien désiré que votre Majesté possédât de pareils tableaux. Si vous ordonnez, je ferai la proposition à Friederich. Peut-être consentira-t-il de fournir un tableau par an. Si non, je voudrais au moins m'emparer pour vous des dessins; ils sont très-légèrement fait. Le sujet n'a pu être qu' indiqué, mais ils sont jolis. (J'en ai demandé le prix. Friederich m'a répondu qu' il ne pouvait pas le fixer, qui ces dessins n'ont d'autre prix que celui de l'idée; qu' ordinairement il se faisait payer de pareils dessins à 3 louis la pièce, mais qu' ici il devait s'en rapporter au sentement de l'amateur). Il possède encore une quarantaine de dessins à l'aquarelle, faits d'après nature dans l'île de Ruguen; c'est une collection unique.

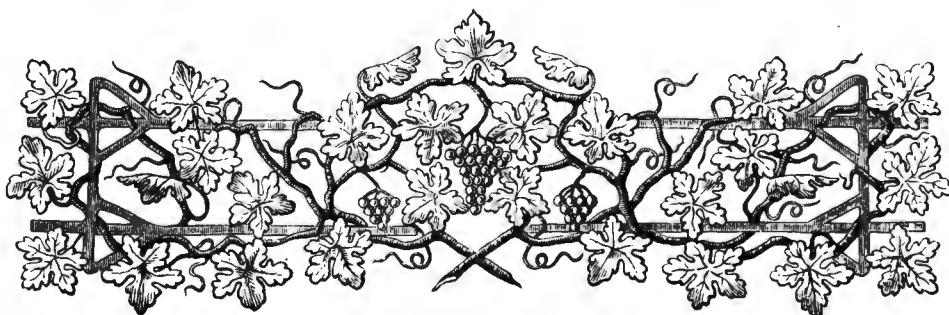
Ma lettre est énorme. Je demande très humblement pardon à votre Majesté I. Je finis en mettant aux pieds de V. M. les expressions d'un attachement inviolable et d'une profonde reconnaissance qui ne finira qu' avec ma vie.

наго Фридриха; это не болѣе какъ легкія наброски сепіей; я увѣренъ, что они будутъ великолѣпны, исполненные въ большомъ размѣрѣ масляными красками. Я спросилъ у Фридриха, намѣревается ли онъ предпринять эту большую работу, если бы ему предложили. Онъ мнѣ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что ему невозможно отдать себя на нѣсколько лѣтъ этой единственной работѣ, что занимаясь исключительно однимъ предметомъ, онъ долженъ будетъ принести ему въ жертву всѣ идеи, которыя могли бы зародиться въ его умѣ, и сталъ бы работать безъ удовольствія. Это отвѣтъ истиннаго художника. Но признаюсь, мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы Ваше Величество имѣло въ своемъ обладаніи подобная картины. Если Вы пожелаете—сдѣлаю предложеніе Фридриху, можетъ быть онъ согласится писать по одной картинѣ въ годъ: если же нѣтъ, я желалъ бы захватить для Васъ этюды; это легкіе наброски, сюжетъ только намѣченъ, но они очень красивы. (Я спросилъ цѣну у Фридриха, онъ мнѣ отвѣтилъ, что картина неоконченная не имѣетъ другой цѣны, кроме ея замысла; что обыкновенно платятъ за нихъ потри луидора, но онъ предоставляетъ это усмотренію любителя). Онъ имѣетъ около сорока рисунковъ акварелью, сдѣланныхъ съ натуры на островѣ Рюгенѣ; это коллекція единственная.

Мое письмо необъятно! Прошу прощенія у Вашего Императорскаго Величества и повергаю къ стопамъ Вашего Величества выраженіе безконечной привязанности и благодарности, которая умреть только вмѣстѣ со мною. .

ИЗЪ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ДЕРБЕТА

(Астраханскій Архивъ)

На мало извѣстную исторію начальниковъ Б. Дербета проливаетъ свѣтъ слѣдующее дѣло изъ Астраханскаго Архива. Приводимъ его въ важнѣйшихъ извлеченіяхъ: „Его высокопресходительство господинъ м-ръ внутр. дѣлъ прошлаго 1835 г., Іюля 25 числа, на основаніи Высочайше утвержденного, въ 24 день Ноября 1834 г. штата обѣ управлениі калмыцкимъ народомъ, который находился подъ высшимъ управлениемъ Вашего Превосходительства, назначилъ меня¹⁾ на службу въ оной; согласно воли господина министра, департаментъ полиціи исполнительной отправилъ меня въ августѣ мѣсяца въ Астрахань и велѣлъ явиться къ Вашему превосходительству, куда я прибылъ 23 ноября, назначилъ меня къ исправленію временно должности пристава большедербетовскаго улуса, въ который я прибылъ 31-го генваря сего года и вступиль поверхности въ Управлениѣ Дѣлами, да коль коллегскій регистраторъ Дидакторовъ не сдаеть мнѣ свою обязанность на законномъ основаніи. Минувшаго марта сего 26 числа за № 90, имѣль я счастье въходить²⁾ съ представленіемъ къ Вашему Превосходительству оувольненіи меня по разнымъ стѣсненнымъ обстоятельствамъ, какъ по службѣ, такъ и по домашнимъ, но не удостоился получить отъ Ваш. Превосх. разрѣшенія. Почему нынѣ осмѣливаюсь вторитѣльно прибѣгнуть къ высокой особѣ ваш. превосх. съ нижайшею просьбою, какъ къ начальнику и отцу подчиненныхъ, окажите ваше человѣколюбіе и милосердіе мнѣ несчастному, увольте меня отъ сей обязанности, ибо я не въ силахъ продолжать болѣе службы по нижеизложеннымъ причинамъ: 1. нахожусь въ преклонныхъ лѣтахъ и въ продолженіе 34 лѣтней дѣйствительной службы моей лишился отъ письменныхъ дѣлъ

¹⁾ Дубасовъ.

²⁾ Орѳографія сохранена, какъ въ оригиналѣ.

зрѣнья глазъ, а отъ бывшей костоѣдной боли на большемъ пальцѣ правой руки, съ трудомъ могу писать*). 2-е. Былъ комиссіонеромъ 18 лѣтъ, развозилъ денежную сумму въ комиссіи и комиссаріатства провіантскія и комиссаріатскія, такъ же разными лицами коей доставилъ: ассигнаціями безъ малаго 38 миллионовъ: золотомъ 576 т. червонныхъ и серебромъ 581 т. рублей, съ коею объѣздилъ 170 тыс. в. отъ чего потерялъ здоровье. 3-е. Должность пристава Больше Дербетовскаго улуса весьма обширна, которую я исполняю съ большимъ трудомъ одинъ безъ писаря и наконецъ, 4-е. Да бы безъ винно не подпасть подъ ответственность за упущеніе должности, что крайне вынуждаетъ меня оставить службу.

Ваше Превосходительство, Всемилостивѣйшій Государь, позвольте еще предъ Вашею особою объясниться, можноль служить безъ силь, не имѣвъ совершенно зрѣнія глазъ и чувствуя душевную болѣзнь. Хотя я и посвящалъ себя на службу въ калмыцкой штатъ, но не могу предвидѣть, что займу должность не соотвѣтствующую моимъ лѣтамъ, и бывъ въ чинѣ штабъ-офицера, сдѣлаться писцомъ.—За великое благодѣяніе и счастье почель бы себѣ служить подъ высокимъ начальствомъ вашимъ, но никакъ не могу, на что имѣю честь ожидать отъ Вашего превосходительства милостиваго разрѣшенія“ (19 Мая 1836 г.).

Этому удивительному прошенію, въ которомъ самъ чиновникъ признаетъ себя негоднымъ, что большая рѣдкость среди чиновничества особенно того времени, ибо,—какъ самому отказаться отъ возможности получать жалованіе и признавать твою непригодность,—наконецъ, вняли, и тогдашній губернаторъ Тимирязевъ сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи Дубасова со службы.

Пока шла по этому поводу канцелярская волокита, отъ Дубасова, черезъ мѣсяцъ послѣ подачи только что цитированного прошенія, получилось еще болѣе удивительное заявленіе. Дубасовъ писалъ: „Болѣзнь, имѣвшаяся по продолженной службѣ полученная, пользованіями медицинскихъ чиновниковъ, совершенно окончилась къ пользѣ моей, и лудчemu здоровью на будущее, а самая должность мною несомая по усердному старанію и неусыпному попеченію о устройствѣ общаго спокойствія въ улусѣ мнѣ подвѣдомомъ приведена гораздо въ лучшее противъ прежняго существованіе, отклоняя дѣйствіемъ своимъ раздоры несогласія между калмыцкими племенами, продолжавшіеся до вступленія моего въ обязанность несомую“.

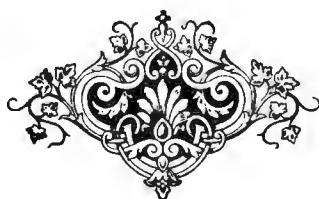
* Все прошеніе написано имъ собственноручно очень четкимъ почеркомъ.

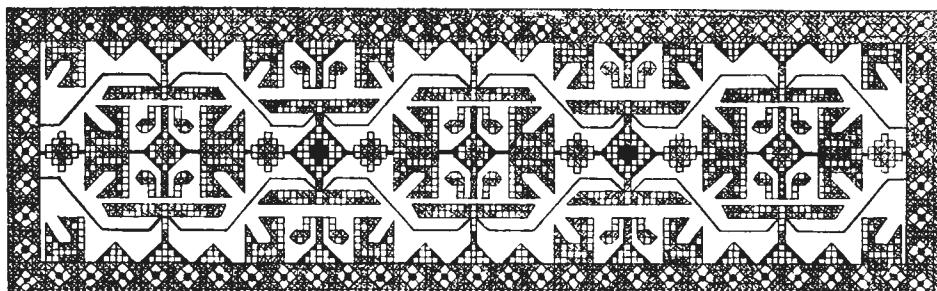
Итакъ въ мѣсяцъ никуда негодный чиновникъ, самъ въ томъ признавшійся, обращается и въ зрячаго и сильнаго и съ обширными способностями. Было чему удивляться даже въ мірѣ чиновничества.....

Далѣе Дубасовъ просить его оставить въ должностіи. Начальство уважаетъ и эту просьбу и 16 іюня посылаетъ ему извѣщеніе объ этомъ.

Едва успѣлъ получить Дубасовъ это извѣщеніе, какъ черезъ недѣлю, очевидно испугавшійся того, что наговорилъ о себѣ во второмъ своемъ прошеніи, шлетъ 3-го іюля третье прошеніе и уже окончательно просить уволить его. Начальство назначаетъ на его мѣсто штабсъ-капитана Жеребцова.

С. Фарфоровскій.

Къ вопросу, о положениі духовенства въ царствованіе Екатерины II-й

Въ первые годы царствованія Екатерины Второй положеніе духовенства было далеко не завиднымъ. Правительственная политика въ отношеніи къ духовенству въ это время направлялась къ ослабленію значенія духовенства, къ лишенію его того вліянія, которымъ оно пользовалось въ царствованіе Елизаветы Петровны. Эта политика особенно тяжело отражалась на положеніи правящаго, монашествующаго духовенства. Но и бѣлому духовенству ею причинялось немало непріятнаго. Такая политика увеличила число угнетателей бѣлага духовенства, въ роли которыхъ теперь стали выступать разные „свѣтскія персоны“. Послѣдняя очень хорошо понимали духъ времени и въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству вообще, и къ приходскому въ особенности, совсѣмъ перестали быть сдержанными. Приходскій священно-церковно-служитель въ глазахъ „свѣтской персоны“ того времени ничѣмъ не отличался отъ его крѣпостного, надъ которымъ онъ могъ безнаказанно издѣваться и обращаться съ нимъ, какъ ему вздумается.

Въ этомъ отношеніи довольно интереснымъ представляется найденное нами въ Сенатскомъ Архивѣ дѣло „о изслѣдованіи Воронежскому Губернатору Маслову причиненныхъ священно-церковно-служителямъ отъ разныхъ свѣтскихъ людей обидъ“. Это дѣло относится къ 1773 году и рисуетъ предъ нами яркую картину гнета приходского духовенства со стороны этихъ „свѣтскихъ персонъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ это же дѣло заключаетъ въ себѣ любопытныя указанія на то, какъ относилась къ такому ненормальному положенію вещей власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, и какія мѣры принимались ею къ устраненію этого печальнаго явленія. Наконецъ, это же дѣло содержитъ въ себѣ много бытового материала, на основаніи котораго можно вполнѣ опредѣленно су-

дить о томъ, какъ вообще низко стоялъ въ то время авторитетъ пастыря, что было особенно печально именно для того времени, когда мистическое и рационалистическое сектантство широкой волной стало разливаться среди крестьянского населенія южной и средней полосы Россіи.

Интересъ, который представляеть это дѣло, даетъ намъ основаніе предложить подробное изложеніе его.

11-го Ноября 1771 года священикъ села Тормосова, Ефремовскаго уѣзда, Иоаннъ Васильевъ подалъ въ Ефремовское Духовное Правленіе доношеніе, въ которомъ сообщалъ о слѣдующемъ печальному для него происшествіи.

Наканунѣ т. е. 10-го Ноября, онъ, о. Васильевъ, былъ приглашенъ однодворцемъ того же села Тормосова Саввой Чуриловымъ, къ нему въ домъ, для совершения молебна. По окончаніи молебна, по звѣденному обычаю, хозяиномъ дома была предложена трапеза. Къ этому же времени въ домъ Чурилова явился мѣстный помѣщикъ Борисъ Семеновичъ Засѣкинъ и съ нимъ вмѣстѣ помѣщица села Козья, Елецкаго уѣзда, Наталья Ивановна Лосинская. „Почетные“ гости, опоздавши къ молебну, не отказались однакожъ принять участіе въ приготовленной трапезѣ. И вотъ, во время „угощенія“, совершенно неожиданно, „незнаемо съ какого виду“, помѣщикъ Засѣкинъ вдругъ началъ „лежащими на столѣ тарелками и блюдами шибать“ въ него, священника, а затѣмъ, не удовольствовавшись этимъ, схватилъ іеря за волосы и стала бить „смертнымъ боемъ успѣтками“, при чемъ разбилъ ему голову и лицо до крови и окровянилъ бывшіе при немъ крестъ и епитрахиль; причиненные о. Васильеву пораненія оказались настолько серьезными, что онъ еле могъ двигаться.

Донося объ этомъ, о. Иоаннъ просилъ Духовное Правленіе осмотрѣть и описать нанесенные ему „боевые знаки“, а также освидѣтельствовать окровавленные крестъ и епитрахиль, а затѣмъ уже обо всемъ этомъ представить, куда надлежитъ, для привлеченія помѣщика Засѣкина къ законной отвѣтственности.

Духовное Правленіе, удовлетворяя ходатайство избитаго іеря, озабочилось прежде всего освидѣтельствованіемъ „боевыхъ знаковъ“ его. Въ присутствіи діакона села Буреломъ, Якова Семенова, и однодворца деревни Залѣсской, Родиона Вшербина, вѣроятно, случившихся въ это

время въ Духовномъ Правленіи по своимъ дѣламъ, былъ произведенъ формальный осмотръ о. Васильева. По осмотрѣ оказалось, что „голова его въ двухъ мѣстахъ пробита сквозь, лицо разбито до крови, на спинѣ и по ногамъ видно синево и багрово, епитрахиль и крестъ во многихъ мѣстахъ въ крови“. Все это было занесено въ протоколь осмотра, подписанный указанными выше лицами.

Послѣ этого протоколъ осмотра былъ пріобщенъ къ доношенію о. Васильева, а затѣмъ, все это вмѣстѣ было препровождено изъ Духовнаго Правленія въ Воронежскую Духовную Консисторію „на разсмотрѣніе“.

Спустя послѣ этого мѣсяцъ, именно 13 Декабря, тотъ же священникъ подалъ новое доношеніе въ Ефремовское Духовное Правленіе на того же помѣщика Засѣкина. На этотъ разъ дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

4-го Декабря, въ день воскресный, о. Васильевъ служилъ божественную литургию. За обѣдней присутствовалъ и князь Борисъ Семеновичъ Засѣкинъ. Послѣ за-амвонной молитвы, „какъ приспѣло время читать Псаломъ 33-й: *Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка*“, священникъ Васильевъ, въ качествѣ поученія, сталъ читать изъ Пролога, подъ 10-мъ марта, слово Иоанна Златоустаго: *како читити священническій чинъ*. Князю Засѣкину это, повидимому, почему то не понравилось, и онъ неоднократно позволялъ себѣ во время чтенія слова громко выкрикивать: „что, попъ, врешь“; а затѣмъ началъ стоявшій въ церкви народъ высыпать вонъ изъ храма, и когда храмъ опустѣлъ, князь сталъ бранить его, о. Васильева, всякими словами и похваляться, что еще болѣе прежняго будетъ бить его, гдѣ онъ ни попадется ему: „ты-де и въ домѣ своемъ отъ меня не уйдешь“, кричалъ князь. Такая угроза Засѣкина заставила его, о. Васильева имѣть немалое опасеніе, какъ бы дѣйствительно онъ не привелъ ее въ исполненіе. Кромѣ того, онъ же, Засѣкинъ, вѣроятно, по той же злобѣ, неоднократно присыпалъ къ нему, о. Васильеву, въ домѣ людей съ требованіемъ очистить его для пріѣзжающихъ на карантинъ лицъ, что уже было явнымъ самоуправствомъ. А посему о. Васильевъ просилъ Ефремовское Духовное Правленіе, „дабы соблаговолено было сіе доношеніе принять, и, записавъ, пріобщить къ преждеподанному имъ доношенію, отъ 11 Ноября 1771 года, и обо всемъ томъ, куда надлежитъ, представить.“

Въ Духовномъ Правленіи на этомъ доношеніи о. Васильева была положена такая резолюція: „Записавъ, отдать въ повытъ, а на него,

князя Засѣкина, представить по командѣ⁴. Повидимому, Правленіе на этотъ разъ предполагало самостоятельно, въ предѣлахъ предоставленнаго ему права, принять мѣры противъ безчинства кн. Засѣкина, безъ сношенія съ Воронежской Консисторіей. Почему обѣ отсылкѣ этого доношенія въ Консисторію въ гезолюціи и не говорилось. Но такъ какъ о. Васильевъ просилъ пріобщить это доношеніе къ доношенію, ранѣе поданному имъ, а это послѣднее уже было отправлено въ Консисторію, то и его также пришлось препроводить туда же.

Какія мѣры приняла Воронежская Духовная Консисторія по содержанію этихъ двухъ доношеній о. Васильева,—мы не знаемъ. Несомнѣнно только одно, что она не положила ихъ „подъ сукно“, а потребовала удовлетворенія отъ гражданской власти. Но послѣдняя не только не спѣшила давать „сatisfакцію“, но, повидимому, вообще не считала даже и нужнымъ дѣлать это. Она смотрѣла на такія явленія, какъ на дѣло небольшой важности. Это былъ ея общій взглядъ, который, конечно, былъ примѣненъ и въ данномъ случаѣ. Словомъ, доношеніямъ о. Васильева, повидимому, угрожала обычная участъ.

Между тѣмъ, все чаще и чаще стали обнаруживаться новые факты дурного отношенія къ бѣлому духовенству со стороны помѣщиковъ. Такъ, въ слѣдующемъ же 1772 году, Воронежской Епархиальной власти были поданы два доношенія по поводу подобныхъ же ненормальныхъ явленій. Одно на имя преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, отъ Деркульского Духовнаго Правленія, а другое на имя Воронежской Консисторіи отъ Ефремовскаго Духовнаго Правленія.

Деркульское Правленіе, въ доношеніи отъ 3-го февраля, сообщало о слѣдующемъ проишествіи съ священникомъ слободы Колязовки, Василиемъ Ефимовымъ.

О. Ефимовъ имѣлъ большое хозяйство. Между прочимъ, у него было 32 лошади. Обычно этотъ табунъ при его косякѣ, пасся лѣтомъ, вмѣстѣ съ лошадьми другихъ лицъ, на Козедовской степи. Лѣтомъ 1771 года изъ этого табуна, неизвѣстно какимъ образомъ, въ ночное время, пропали всѣ его лошади. Начались, конечно, розыски. Вскорѣ же обнаружилось, что часть пропавшихъ лошадей находится на хуторѣ подполковника Константина Николаевича Юзбаша между его лошадьми. Когда обѣ этомъ о. Ефимовымъ было заявлено г. Юзбашу, то послѣдній безъ промедленія приказалъ возвратить ему опознанныхъ имъ своихъ лошадей. Приказаніе было исполнено и о. Ефимовъ угналъ своихъ

лошадей къ себѣ домой. Всѣхъ опознанныхъ имъ лошадей оказалось 9 штукъ, изъ нихъ 8 было имъ пригнано домой, а девятая-кобылица, „за непоиманиемъ“ осталась на хutorѣ г. Юзбаша. Пригнавши лошадей, о. Ефимовъ немедленно отправилъ въ Деркульское Правленіе доношеніе съ сообщеніемъ о постигшемъ его несчастіи и съ просьбой какъ-либо воздѣйствовать на подполковника Юзбаша съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ о. Ефимову и остальныхъ 24 лошади. По этому доношенію, отъ Управителя Духовнаго Правленія, Константина Грекова, къ подполковнику Юзбашу было писано партікулярное письмо, на которое послѣдній отвѣтилъ, что, если лошади отыщутся, то онъ и отдастъ ихъ о. Ефимову. Съ своей стороны, и о. Ефимовъ писалъ Юзбашу партікулярное письмо съ тою же просьбой, на каковое письмо послѣдовалъ отвѣтъ отъ сына Юзбаша поручика Александра, что его отца въ данное время нѣтъ дома, а будетъ-де онъ въ ближайшую субботу или воскресенье, когда и можно будетъ видѣть его и получить желаемое. Воспользовался-ли этимъ приглашеніемъ о. Ефимовъ или нѣтъ, изъ доношенія Правленія не видно. Но только лошади ему не возвратились. Такъ продолжалось до января 1772 года. Терпѣніе о. Ефимова стало истощаться. И вотъ онъ написалъ новое доношеніе въ Духовное Правленіе, въ которомъ просилъ его отправить къ подполковнику Юзбашу „съ обстоятельнымъ“ нарочнымъ вторичное понудительное сообщеніе объ отдачѣ ему лошадей, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволить ему лично сопровождать этого нарочнаго, для опознанія своихъ лошадей. Духовное Правленіе удовлетворило просьбу о. Ефимова и командиро-вало къ полковнику состоящаго на писарской должности студента Феодора Назаревскаго. Вмѣстѣ съ Назаревскимъ отправился и о. Ефи-мовъ. Пріѣхавъ и явившись къ полковнику, Назаревскій подалъ ему привезенное имъ сообщеніе Духовнаго Правленія. Полковникъ прочи-талъ его и сталъ разговаривать съ Назаревскимъ по содержанію этого сообщенія. Затѣмъ спросилъ о священникѣ Ефимовѣ, гдѣ онъ; и когда узналъ, что онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Назаревскимъ, приказалъ позвать его къ себѣ. О. Ефимовъ явился. Подполковникъ сталъ разговаривать съ нимъ и распрашивать, какимъ образомъ пропали лошади и какъ обнаружилась эта пропажа. Когда шелъ разговоръ, подполковникъ Юзбашъ вдругъ „незнамо за что“ началъ бить его „курящимъ табакомъ трубкою по головѣ“, рвать волосы и бороду его и топтать ногами; разгорячившись, велѣлъ было принести плетей, но потомъ при-казалъ посадить о. Ефимова подъ караулъ, забить въ колодку и оста-вить его въ своей караульнѣ. Расправившись къ іереемъ, подполков-никъ написалъ затѣмъ сообщеніе въ Духовное Правленіе и передалъ его Назаревскому, приказавши ему немедленно отправиться въ путь.

Назаревскій не замедлилъ доставить въ Правленіе запечатанный пакетъ подполковника. По вскрытии въ Правленіи пакета оказалось, что въ своемъ сообщеніи подполковникъ „изъясняетъ, будто бы онъ, іерей Василій, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подполковникъ, жительство имѣть, дѣлалъ непорядочные поступки“, а о томъ, что онъ „былъ священника и содржать его подъ карауломъ, въ томъ своемъ присланномъ извѣстіи сему Правленію знать не далъ“.

Въ заключеніе доношенія Духовное Правленіе просило преосвященнаго Тихона учинить милостивую резолюцію, дабы означенный священникъ не пришелъ въ наивящее подъ карауломъ изнуреніе, и дабы не послѣдовала для него крайняя бѣдность, по причинѣ пропажи лошадей, а также дабы и впредь свѣтская команда священнослужителей обижать не отваживалась.

О болѣе возмутительномъ происшествіи сообщало въ Воронежскую Духовную Консисторію Ефремовское Духовное Правленіе. Въ доношении, поданномъ 23 іюня, оно писало:

„Сего іюня 8 дня 1772-го году, во ономъ Духовномъ Ефремовскаго уѣзду, села Остропять, Дмитріевской церкви священникъ Стефанъ Петровъ доношеніемъ объявиль: сего-де іюня, 4 дня, то есть: въ день Сопшествія Святаго Духа, по отслуженіи имъ, священникомъ, Божественной Литургіи, имѣлся онъ быть по зову оного жъ села приходскихъ людей, для служенія въ полі со святыми иконами молебнаго пѣнія; и усмотрѣль: приходу-де ево помѣщикъ Яковъ Петровъ сынъ Сахаровъ со крестьянами своими нагластно рубить ево церковный лѣсь; къ кому онъ, пришедъ, сталаъ говорить, почему онъ такое озорничество чинить; которой помѣщикъ, поимавъ ево, священника, и, отнявъ, у него палку изъ рукъ, билъ ево оною палкою немилостиво; а потомъ, какъ ево, священника, такъ и попадью ево, Татіану, приказалъ своимъ крестьянамъ бить обухами смертно; почему, увидя, приходскія люди, что онъ, помѣщикъ бьетъ ево смертно, стали ево отъ того озорничества разговаривать; которой-де помѣщикъ и оныхъ приходскихъ людей многихъ былъ немилостиво; и нарубленной лѣсь приказалъ, семь возовъ, крестьяномъ своимъ въ домъ свой отвѣсть; и не удовольствуясь-де тѣмъ, паки со оными крестьянами прїѣхалъ въ вышеписанный лѣсь, и нарубя оного еще лѣсу пять возовъ, и пришедъ со всѣми крестьянами въ домъ оного священника. учелъ ево священника, и попадью ево бить кольями и обухами, и, содравъ съ попадью рубаху, былъ самъ изъ своихъ рукъ нагую обухами жъ, гдѣ онъ, священникъ,

едва въ памятствѣ своемъ кричалъ разбой, но только изъ приходскихъ людей на тотъ крикъ по ево такому озарничеству опасаясь, никто не пошелъ; а онай попадья ево въ то время была беременна, которая на другую ночь отъ того бою младенца выкинула; и рубиль-де онай лѣсъ во весь день; которые онай священникъ и попадья ево—сего жъ іюня дня сыномъ ево малолѣтнимъ привезены были во оное Правленіе едва живые. И тѣмъ доношеніемъ просилъ, дабы на немъ, священникъ Стефанъ, и попадь ево, Татіанъ, боевые знаки осмотрѣть и описать, и за такое ево, Сахарова, озарничество, куда надлежитъ, представить по командѣ; которой священникъ и попадья ево Татіана во ономъ Правленіи при стороннихъ людѣхъ осматриваны; а по осмотру явилось: на священникѣ Стефанѣ спина во многихъ мѣстахъ избита, гдѣ значутъ большія синева, также по рукамъ и по ногамъ во многихъ мѣстахъ большія синева жъ и багрова: на попады ево Татіанѣ голова въ трехъ мѣстахъ сквозь проломлена, глазъ лѣвой подбитъ, гдѣ значитъ синево большое, лѣвая нога въ трости переломлена на-двое, на правой ногѣ синево и багрово спина и бока все избито смертно. въ руки большой палецъ разрубленъ; и движенія она никакого не имѣть. Того ради въ Ефремовскомъ Духовномъ Правленіи опредѣлено: оное доношеніе, поданное отъ него, священника, принять, а въ Воронежскую Духовную Консисторію, съ прописаніемъ всего, на разсмотрѣніе представить. О чемъ оное Духовное Правленіе симъ вѣкопокориѣшее и представляетъ.

На Воронежской каѳедрѣ въ это время былъ преосвященный Тихонъ (Якубовскій). Это былъ не совсѣмъ обычный для того времени іерархъ. Съ изящною виѣшностью и свѣтскими манерами онъ соединялъ и внутреннее благородство души. Хорошо образованный и знакомый съ западно-европейской культурой, которую онъ успѣлъ узнать въ бытность настоятелемъ русской миссіи въ только-что завоеванномъ тогда Кенигсбергѣ, преосвященный Тихонъ отличался чрезвычайно ровнымъ и спокойнымъ характеромъ, дѣлавшимъ его способнымъ объективно и безпристрастно относиться ко всякому явлению. Благородный въ душѣ, преосвященный Тихонъ былъ чуждъ политики, не закрывалъ глазъ на то печальное положеніе, въ которомъ находилось тогда духовенство, и боролся съ этимъ ненормальнымъ явленіемъ безъ шума и безъ истерическихъ выступленій.

Приведенные нами факты дали ему основанія обратиться въ Святейшій Синодъ съ представленіями о необходимости принять мѣры къ прекращенію самоуправства помѣщиковъ въ отношеніи священно-церковно-служителей ввѣренной ему епархіи. Онъ дважды дѣлалъ эти

представленія. Первое доношеніе въ Синодъ было имъ отослано, когда ему сдѣлались известными первые три указанныхъ нами факта, а второе—послѣ того, какъ до его свѣдѣнія довели о послѣднемъ изъ нихъ.

Первое доношеніе еп. Тихона было получено въ Синодъ 26 іюня, а второе—21 іюля. Въ теченіе этого срока, т. е. въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца Св. Синодъ не предпринималъ никакихъ мѣръ по содержанію первого доношенія еп. Тихона. Чѣмъ объяснить такую медлительность со стороны Синода—сказать трудно. Но это обстоятельство повидимому было понято еп. Тихономъ такъ, что будто бы и Синодъ склоненъ замалчивать подобные факты и не возбуждать изъ-за нихъ „шума“. А потому во второмъ своемъ доношеніи еп. Тихонъ поставилъ этотъ вопросъ нѣсколько шире. Прежде чѣмъ отослать въ Синодъ второе доношеніе, онъ далъ предписаніе Воронежской Консисторіи составить вѣдомость, въ которой надлежало показать сколько со времени прибытія его на Воронежскую каѳедру было случаевъ обидъ со стороны свѣтскихъ персонъ лицамъ духовнаго званія, кому именно и отъ кого, и что учинено было во всѣхъ этихъ случаяхъ со стороны свѣтской власти. Духовная Консисторія не замедлила исполнить приказаніе преосвященнаго, и вскорѣ ему была представлена довольно большая выписка съ подробными свѣдѣніями о каждомъ отдѣльномъ случаѣ, каковую выписку еп. Тихонъ приложилъ къ своему доношенію и препроводилъ въ Синодъ.

Вотъ эта выписка, заключающая въ себѣ интересный бытовой материалъ.

Выписка, учиненная въ Духовной Преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, Консисторіи, по резолюціи Его Преосвященства, сколько съ прибытія Его Преосвященства сего 1772-го года марта по 27-е число, учинено священно-церковно-служителямъ свѣтскими персонами и другими людьми обидъ, и какія кому именно, и куда о томъ представлено, и что на оное въ отвѣтъ получено, о томъ значить ниже сего.

Прошлаго 1769-го году по слѣдственному дѣлу оказался жительствующей въ городѣ Усмани, въ приходѣ Николаевской церкви, священника Матея Филипова, Елецкой купецъ Иванъ Поликарповъ сынъ Смыковъ въ боя реченнаго священника Филипа, которой того году, апрѣля 22-го дня, то есть, на Святой недѣли, былъ у него, Смыкова, со святыми иконы; и по консисторскому приговору, апробованному

Его Преосвященствомъ, велѣно о учиненіи оному купцу Смыкову достойнаго по законамъ наказанія сообщить, и сообщено, въ Воронежской Губернской Магистратъ 771-го года, генваря 27; а марта 8-го числа того жъ году промеморію изъ оного Магистрата указомъ велѣно оное наказаніе учинить по законамъ безъ всякаго упущенія въ самой скорости Елецкому Магистрату: токмо учинено-ль, въ Консисторії неизвѣстно.

Того же 1769-го году, марта 20-го дня, поданнымъ Его Преосвященству Битюцкаго уѣзду, села Коршева, попъ Алексѣй доношеніемъ объявилъ, что того жъ году, генваря 8-го дня, имѣлся онъ съ Честнымъ Крестомъ и освященною Богоявленской водою въ приходѣ; и какъ-де того жъ села дворцовые крестьяне: Петръ Ивановъ з дѣтми и со многолюдствомъ стали имѣвшагося при немъ, попъ, сына ево Мирона тащить для увозя незнаемо куда, то при защищениіи имъ помъ того сына своего оные люди, не смотря на Честный Крестъ и освященную воду, ругались имъ попомъ и называли всякими скверными и непотребными словами; по которому доношенію, и по резолюціи Его Преосвященства того жъ году, маія 26-го дня, сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію, съ тѣмъ, чтобы благоволила онымъ людямъ обиды реченному попу з дѣтми чинить запретить и скоро рѣшеніе учинить: токмо какое опредѣленіе во оной Губернской Канцеляріи послѣдовало, въ Консисторії неизвѣстно.

Того жъ 1769-го года, августа 10 дня, присланнымъ въ Консисторію изъ Елецкаго Духовнаго Правленія, по поданному въ то Правленіе города Ельца совокупленной при соборѣ Архангельской Церкви, что въ нутри города, священника Якова Афоніева сына Казмина доношенню, доношеніемъ объявлено, что того жъ города Ельца, Стрѣлецкой слободы однодворческой выборной Василей Бородинъ, староста Афанасій Колчевъ, однодворцы: Тулуневъ, онъ же Панковъ, Александръ, Никита, Козма Оборотовы, Иванъ, Дмитрей Минековы, Архипъ, Игнатъ Ишковы. Михайла, Тимофей Бородины. Степанъ Семенихинъ, Василей Голубевъ, Логинъ, Иванъ, Анисимъ Холезевы, Иванъ Богомоловъ, Гаврила, Евстрать Калчевы, Назаръ Лопыхинъ, Ефимъ Лотаревъ, онаго священника Якова, Ѹдушаго изъ своего сѣнокосу, у рѣки Сосны, близъ мосту, били смертно и немилостиво, таскали за волосы и топтали успетки, и егда бъ не прилучились сторонніе люди, то бъ они однодворцы, будучи въ злодѣйствѣ, едва бъ живаго оставили, и при томъ грабежемъ брали у него трехъ лошадей, изъ коихъ одна съ упрежью, шапку вишневую, кожу говяжью, платокъ, шесть косъ, два топора,

складной малинкой перочинной ножикъ; и потомъ, связавъ ему руки назадъ, привели въ тое слободу, гдѣ держали много время, и паки били въ лицо немилостиво, и положа на ево роспуски, связанного привезли въ Елецкую Провинціальную Канцелярію, въ коей іюля съ 6-го по 16-е число содержался подъ карауломъ въ превеликомъ утѣшненіи, гдѣ на немъ, по челобитью ево, и боевые знаки осматриваны и описаны, и по оному доношенію Консисторію опредѣлено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію сообщить промеморію требовать, дабы благоволила о показанномъ, реченнаго священника Якова, однодворцами боѣ, города Воронежа Воскресенской церкви при священникѣ Яковѣ Ешковѣ изслѣдовавъ, съ винными учинить по законамъ, и что учинено будетъ, Консисторію уведомить; точію что съ вышеописанными однодворцами въ той Губернской Канцеляріи учинено, въ Консисторію по нынѣ известія не прислано.

Того жъ 769 и 770 годовъ по поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка Николаевской церкви отъ попа Тимофея Михайлова, въ приходѣ къ нему въ домъ, города Коротояка питейного дому прaporщикомъ Леонтьемъ Житковымъ и цѣловальники и въ чиненіи ими оному попу побой и въ грабежъ церковныхъ дешегъ и якобы въ вынетіи у него, попа, въ домѣ съ корчепнымъ виномъ боченка, доношеніемъ а по резолюціямъ Его Преосвященства сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію промеморіями, по которымъ въ той Губернской Канцеляріи, какъ прислано изъ оной промеморію объявлено, опредѣлено о томъ слѣдовать Коротояцкой Воеводской Канцеляріи, токмо то слѣдствіе произведено-ль и рѣшеніе какое учинено-ль, въ Консисторіи неизвѣстно.

1770-го года, маія 3 дня, по поданному Его Преосвященству Битюцкаго уѣзду, села Тишанки, отъ священника Іеремія Яковлева, во взятьѣ ево, попа, съ сыномъ и з дворовымъ человѣкомъ, за то, что якобы тотъ ево, попа, дворовой человѣкъ захваченъ въ питейномъ мѣстѣ въ питьѣ, безъ вѣдома ихъ (?), вина, и въ отвозѣ ихъ скованыхъ въ слободу Бобровскую къ повѣренному Воронежскому купцу Ивану Мигунову, и въ держаніи имъ, Мигуновымъ, ихъ въ цѣпѣ и желѣзахъ, и въ грабежѣ у нево, попа, денегъ, лошадей, рясы и протчаго, а реченнаго дворового человѣка въ отдачѣ имъ, Мигуновымъ, Битюцкихъ сель Стряпчemu Дугину, и во взятьѣ за него отъ него, Дугина, имъ Мигуновымъ денегъ, доношенію; а по резолюціи Его Преосвященства сообщено къ господину бывшему Генералъ-Мaiору (что нынѣ-Поручикъ) и здѣшнему Губернатору Маслову съ тѣмъ,

чтобъ благоволилъ приказать вышеписаннымъ: Дугину—объявленнаго дворового человѣка отпустить къ попу въ домъ по-прежнему, а Мигунову—взятая лошадь, рясу и протчая забранное отдать неудержно, съ нимъ же, Мигуновымъ, за держаніе ево, попа, въ цѣпѣ и желѣзахъ учинить по законамъ, и что учинено будетъ Его Преосвященство увѣдомить, токмо такового увѣдомленія не прислано.

Того жъ 770 году, маія 13 дня, поданнымъ Его Преосвященству села Неляки Николаевской церкви пономарь Никита Макаровъ доношеніемъ объявя, что здѣшней плаць-маіоръ Селявинъ, якобы за брань имъ, пономaremъ, сержанта, билъ кошками; и по резолюціи Его Преосвященства сообщено къ господину Генераль-Маіору и здѣшнему команданту Гречесу съ тѣмъ, чтобы оного Селявина, поступокъ безъ разсмотрѣнія, а пономаря за бой безъ удовољствія не оставить, а присланымъ отъ оного Господина Каменданта сообщеніемъ объявлено, что о не шрафованіи впредь ни за какія вины церковно-служителей, о томъ ему, господину плаць-маіору, ордеромъ предложено, а о удовољствіи пономоря ничего не объявлено.

Того жъ 1770-го года, іюня 10 дня, поданнымъ Его Преосвященству Усердскаго уѣзду, села Веретенникова, Петропавловской церкви, отъ священника Ивана Анисимова доношеніемъ объявлено, что дѣлавшій во ону церковь иконостасъ рѣщикъ Усердскаго уѣзду, вотчинной слободы Алексѣевки, подданной черкашенинъ Степанъ Шка-доновъ съ работникомъ своимъ, незнамо какимъ человѣкомъ, за выговоръ имъ, попомъ, у осмотрѣнной въ иконостасѣ неисправности, таскали за волоса и ободрали голову; и по резолюціи Его Преосвященства велѣно, куда надлежить, о изслѣдованіи сообщить; почему о учinenіи того слѣдствія въ Усердскую Воеводскую Канцелярію указъ посланъ іюня 21-го дня, того жъ году; токмо оное слѣдствіе произведено-ль и какое рѣшеніе учинено-ль, въ Консисторіи извѣстія не имѣется.

Того жъ 770-го года, сентября 16 дня, поданнымъ Его Преосвященству Елецкаго уѣзду, Засосенскаго стану, села Ревца, Покровской церкви, пономарь Григорей Ильинъ доношеніемъ объявилъ, что тогожъ села помѣщикъ Осинъ Ивановъ сынъ Кожинъ, призвавъ, въ домъ своеемъ предъ палатами билъ ево пономаря своими людми въ двѣ палки, и волочили по землѣ за волосы немилосердно, отъ котораго на спинѣ немалые боевые знаки значатся, и при томъ у лѣвой руки, между пальцами пясть перервали на двое, что и по осмотру Конси-

сторскому оказалось, и о томъ боѣ о изслѣдованіи и о учиненіи по законамъ отъ Его Преосвященства сообщено къ здѣшнему Господину Губернатору Маслову; на которое сообщеніе отъ него Господина Губернатора присланнымъ сообщеніемъ объявлено, о разсмотрѣніи—гдѣ и о поступлениі по законамъ, о боѣ означенаго пономаря Ильина показаннымъ помѣщикомъ Кожинымъ, предложено отъ него въ Елецкую Провинціальную Канцелярію съ тѣмъ, что учинено будетъ, о томъ къ нему Господину Губернатору и къ Его Преосвященству рапортовать; точію еще нерепортовано.

1771-го года, апрѣля 29 дня, поданнымъ Его Преосвященству, Ефремовскаго уѣзду, села Полевыхъ Лакотцовъ, священникъ Пахомій Михайловъ доношеніемъ объяви, онаго жъ де села помѣщица маіорша Бегичева, по чинимому, противъ поданныхъ отъ него попа Пахомія и отъ товарища ево, попа Никиты, доношеніевъ, слѣдствію, въ завладѣніи ею помѣщицею церковной ихъ земли и въ порубкѣ лѣсу, винною хотя-де и нашлась, и дабы она впередъ того землею не владѣла и лѣсъ не рубила, изъ Консисторіи къ ней помѣщицѣ указъ, а въ Губернскую Канцелярію промеморія и посланы, точію-де оная, не взирая на то, какъ лѣсъ вырубила, такъ и землею владѣть, а ста-роста ее Никифоръ, собравшись со всѣми оной Бегичевой крестьяны, вышеописанного 771 года, марта 27 дня, то есть, на Святую Пасху, въ домъ къ однодворцу Леону Шляпину, у коего оной попъ Пахомій служилъ молебень, напалъ на него попа Пахомія, ухватя за волосы, таскали и били дублемъ немилостиво, и разбили руку до крови, отъ котораго-де бою тою рукою и не владѣлъ болѣе недѣли, да и нынѣ владѣть съ великою нуждою,—просилъ о защищенніи; и по резолюціи Его Преосвященства велѣно сообщить вторично съ требованіемъ резолюціи и сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію тогожъ года, іюля 18 дня; токмо что по той промеморіи учинено въ Консисторію изъ оной Губернской Канцеляріи знать не дано.

Того жъ 1771 года, іюня 24 дня, поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка умершаго діакона Семена Сидорова жена, вдова Настасья Аввакумова доношеніемъ объявила, что сына ее Семена Коротоцкой Воеводской Канцеляріи копеистъ Петръ Останковъ дверною запорку билъ маія 3, а 11 числа тотъ ее сынъ Семенъ умре; и по резолюціи Его Преосвященства, посланнымъ въ Коротояцкую Воеводскую Канцелярію указомъ велѣно слѣдовать; а въ той Канцеляріи (какъ присланнымъ октября 7-го дня того жъ году рапортомъ объявлено), опредѣлено, за силу прописанныхъ въ томъ рапортѣ указовъ,

оной вдовѣ съ тѣмъ копеистомъ въ боѣ сына ее вѣдаться судомъ; что оной вдовѣ въ той Канцеляріи и объявлено.

Того жъ 1771-го года, сентября 27 дня, поданнымъ Его Преосвященству Усмонского уѣзду, села Алховки, Покровской церкви отъ попа Архипа Герасимова доношеніемъ объявлено, что живущей того жъ уѣзду въ селѣ Красномъ помѣщикъ Иванъ Петровъ сынъ Кутлунинъ з двомя человѣки таскалъ ево, попа, за волоса и билъ пинками и палачьемъ, и при томъ отбилъ собранныхъ имъ, попомъ, на здѣшнюю Соборную церковь денегъ семь рублевъ тритцать пять копѣекъ, да собственные ево, попа, деньги жъ и три кафтана и прочее; и по резолюціи Его Преосвященства того жъ году, октября 4-го дня, сообщено къ здѣшнему господину Губернатору Маслову съ тѣмъ, чтобы обѣ ономъ изслѣдовать, и если оной Кутлунинъ въ ономъ окажется виновнымъ, то церковныя денги, взыскавъ, прислать къ Его Преосвященству, а съ нимъ Кутлунинъ за онай ево поступокъ, обиженному удовольствіе учинить по законамъ, и какое опредѣленіе послѣдуетъ, Его Преосвященству уведомить; и увѣдомлено присланнымъ отъ господина Губернатора, ноября 5-го дня, сообщеніемъ, что о томъ слѣдовать опредѣлено Усмонской Воеводской Канцеляріи; токмо что въ той Канцеляріи учинено, въ Консисторіи извѣстія не имѣется.

Минувшаго генваря, 19-го дня, 1772-го года, присланнымъ къ Его Преосвященству Павловское Духовное Правлеіе доношеніемъ представило, что дворцовой Лосевой слободы Управитель Камисаръ Андрей Мамотхулинъ, будучи той слободы, въ Успенской церкви въ обѣдни, и, вышелъ изъ онай, дождавшись той церкви священниковъ: Алексея Тихонова, Максима Емельянова, Елисея Никитина, близъ паперти, изъ нихъ означенного Алексея ругалъ превсепародно, при бывшихъ въ то время людяхъ, человѣкъ до сту, называлъ ево каналиею, шельмою и всякими скверными словами, а потомъ и всѣхъ ихъ священниковъ называлъ церковными ворами, и, бросаясь, ухватилъ означенного попа Алексея (кой въ тотъ день служилъ литургію) за бороду, рвалъ немилосердно, отъ котораго бою едва могли ево вы свободить обыватели; по которому доношенію, а по Консисторскому приговору, апробованному Его Преосвященствомъ, о учиненіи съ реченнымъ Управителемъ за ругательство вышеписанныхъ священниковъ, а одного изъ нихъ Алексея, и за бой по законамъ сообщено къ здѣшнему господину Губернатору Маслову и въ главную Дворцовую Канцелярію; токмо на онай сообщенія въ отвѣтъ ничего не получено.

Того жъ 1772-го года, марта 9 дня, поданнымъ Его Преосвященству города Орлова приходской Богоявленской церкви діаконъ Матея Ефремовъ доношениемъ объявя, что де ево, діакона Матея, отставной прaporщикъ Андроникъ Андрониковъ сынъ Паренаго биль того жъ марта 4-го во оной Богоявленской церкви, по отпѣнїи первого часа; и по резолюціи Его Преосвященства, къ Его Превосходительству господину Генералъ-порутчику, кавалеру и Воронежской губерніи Губернатору Алексѣю Михайловичу Маслову о изслѣдовавіи о вышеписанномъ, кому должно, того жъ марта 13-го отъ Его Превосвященства сообщено, на которое сообщеніе того жъ марта 24 числа къ Его Преосвященству отъ Его Превосходительства сообщеніемъ объявлено, что-де Орловской Воеводской Канцеляріи отъ Его Превосходительства предложено съ отставнымъ прaporщикомъ Андроникомъ Пареновымъ въ боѣ, города Орлова Богоявленской церкви діакона, Матфея Ефремова изслѣдовавъ учинить по законамъ рѣшеніе безъ продолженія и каково послѣдуетъ, къ Его Превосходительству прислать рапортъ.

Того жъ 1772-го года, марта 20-го дня, поданнымъ въ Консисторію Ливенского уѣзду, Затруцкаго стану, села Ровнца, Георгіевской церкви, діаконъ Александръ Автамоновъ доношениемъ, между прочаго, объявилъ, что-де прошлаго 1771-го года, октября 3-го дня, оного ихъ села однодворца Гаврилы Глушкова сынъ Савва, будучи того жъ стану въ селѣ Рѣчицы, въ коемъ онъ, діаконъ, имѣлся для своей нужды, и шель по проулку въ домъ священника Евстратія, усмотря ево, діакона, что имѣющеся съ помянутымъ отцомъ ево Гаврилою за взяте въ домъ ево діаконовъ съ хлѣба оного Гаврила коровъ злобѣ, собравъ находящихся въ томъ селѣ помѣщика Александра Васильева сына Демидова крестьянъ, человѣкъ до десяти и болѣе, били ево немилосердо, а по томъ и сверхъ того чинены ему діакону онымъ Гаврилою обиды и озлобленій, по которому доношенню Консисторію опредѣлено Ливинской Воеводской Канцеляріи за бой и озлобленіи вышеписанного діакона Александра съ показанными однодворцами Гаврилою и Савою Глушковыми поступить по законамъ и о томъ съ приложеніемъ съ вышеобъявленного поданного отъ оного діакона доношения въ ту Ливинскую Канцелярію послать и послалъ указъ, а въ Воронежскую Губернскую Канцелярію сообщить промеморію и требовать, дабы благоволила о скрѣйшемъ съ вышереченными однодворцами по законамъ поступленіи и о томъ о присылкѣ въ Консисторію репорта означенной Ливенской Канцеляріи подтвердить, и когда подтверждено будетъ Консисторію уведомить; о чемъ въ ту Губернскую Канцелярію и сообщено.

Того жъ 1772-го года, генваря 31-го дня, по поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка Дмитріевской церкви отъ священника Сергія, да отъ діакона Андрея Сергѣева въ построеніи на ста-ринномъ оной церкви церковномъ мѣстѣ Коротояцкой Воеводской Канцелярії канцеляристомъ Петромъ Леонтьевымъ, двора, и въ бой имъ канцеляристомъ реченнаго священника и въ ругательствѣ, доношеніемъ; а по резолюціямъ Его Преосвященства марта 13 дня сообщено отъ Его Преосвященства къ господину Губернатору съ тѣмъ чтобы со онымъ канцеляристомъ за бой священника и за обруганіе священства поступить по законамъ, а хоромное строеніе церковнаго мѣста снести, и о томъ бы, куда надлежить, предложить, и когда предложено будетъ, Его Преосвященство уведомить; токмо таково уведомленія еще не прислано, и что учинено извѣстія въ Консисторіи не имѣется.

Синодъ, получивши это второе доношеніе еп. Тихона, почелъ себя вынужденнымъ дать дѣлу дальнѣйшее движение. Отмалчиваться было уже невозможно: такъ ярка была картина, нарисованная еп. Тихономъ. 23 сентября 1772 года Святѣйшій Синодъ препроводилъ въ Сенатъ *вѣдѣніе*, въ которомъ, изложивъ полученный имъ доношенія епископа Тихона, сообщалъ Сенату состоявшееся по сему случаю опредѣленіе Синода, слѣдующаго содержанія. „Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: въ Правительствующій Сенатъ со оныхъ преложеній сообщить при вѣдѣніи копіи (и сообщаются при семъ), съ тѣмъ, чтобы благоволено было, какъ о причиненныхъ свѣтскими духовнаго чина людемъ обидахъ приказать, на основаніи прежняго Правительствующаго Сената опредѣленія, изслѣдовать и обиженнымъ въ справедливости доставить удовольствіе, такъ и о томъ, для чего сообщеніи Воронежской Консисторіи въ свѣтскихъ командахъ остаются безъ всякаго производства и тѣмъ дѣлается поводъ къ продолженію утѣсненій къ духовнымъ, учинить разсмотрѣніе“.

Получивъ это „вѣдѣніе“, Сенатъ не счелъ нужнымъ спѣшить съ его разсмотрѣніемъ. Онъ заслушалъ его только 10 декабря. Состоявшееся по этому поводу опредѣленіе Сената было уже подписано. Но приведеніе въ исполненіе этого опредѣленія было задержано по протесту генераль-прокурора кн. Вяземскаго. 9-го января 1773 года въ засѣданіи Сената онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе:

„По подписанному приговору, въ слѣдствіе данной въ 10-й день декабря 1772 года резолюціи, кою велѣно, чтобы господинъ Воронеж-

скій Губернаторъ впредъ по соображеніямъ изъ тамошней Духовной Консисторіи о слушающихъ до защищенія духовныхъ персонъ слѣдствіи производилъ безъ продолженія времени. Но какъ легко статся можетъ, что и такія случаи встрѣтятся могутъ, что не будуть заслушивать уваженія, по оныхъ входить въ слѣдствіи; и для того, не соизволить-ли Правительствующій Сенатъ приказать въ томъ опредѣленіи пополнить: чтобы господинъ Губернаторъ сперва разсмотривалъ приносимыя ему жалобы, и смотря по важности оныхъ приступалъ бы къ начатію слѣдствій, а при томъ и Правительствующему Сенату давалъ бы о томъ увѣдомленіе. Приказали: быть по предложенію господина генераль-прокурора и кавалера⁴.

Какъ видно изъ приведенного предложенія г. генераль-прокурора, первоначально Сенатъ безъ всякихъ оговорокъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ Синода. Но кн. Вяземскій въ такомъ опредѣленіи Сената усмотрѣлъ опасность установленія нѣкоторой зависимости мѣстной свѣтской власти отъ власти духовной. Это шло въ разрѣзъ съ тѣмъ взглядомъ, который устанавливался въ это время на взаимныя отношенія власти свѣтской и духовной. А потому онъ и внесъ выше названное опредѣленіе, устанавливающее совершенно обратное взаимоотношеніе власти свѣтской къ духовной.

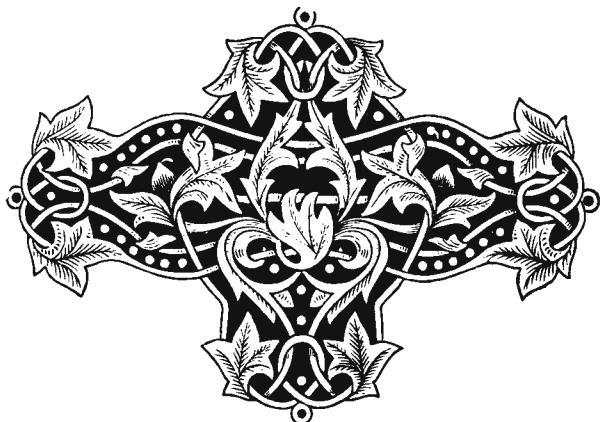
Въ соотвѣтствіе съ принятаго предложенія было составлено слѣдующее опредѣленіе: „со всѣхъ тѣхъ приложеній отослать копіи къ Воронежскому Губернатору генераль-поручику и кавалеру Маслову при указѣ съ тѣмъ, чтобы онъ, губернаторъ, о показанныхъ причиненныхъ священно-церковно-служителямъ отъ разныхъ свѣтскихъ людей обидахъ, во-первыхъ, разобравъ приносимыя о томъ жалобы, и смотря по важности оныхъ въ силу Правительствующаго Сената 1744 октября 10 и 1769 годовъ апрѣля 15 чисель указовъ приказалъ, чрезъ кого надлежитъ, безъ замедленія изслѣдовать и потомъ доставилъ бы обиженнымъ въ силѣ законовъ безъ волокитное удовольствіе, и въ тоже время въ Сенатъ рапортовать. О чѣмъ и Святѣйшему Синоду дать знать вѣдѣніемъ. А по прежде учиненному о томъ же 1772 года декабря 10 дня и подписанному опредѣленію исполненія не чинить и хранить его у протопопа“.

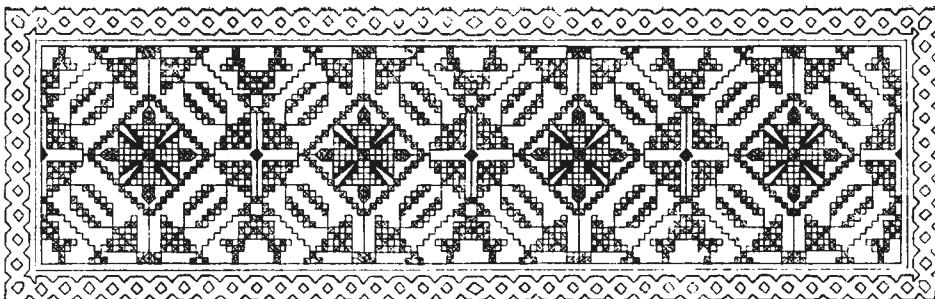
Это опредѣленіе Сената было исполнено въ точности. 21 января былъ посланъ соотвѣтствующій указъ г. Воронежскому Генераль-Губернатору, тогда же было отправлено и вѣдѣніе Синоду.

Указъ Сената Воронежскій Губернаторъ получилъ 5-го февраля, о чёмъ извѣстіль въ Сенатъ 7 февраля.

Но что сдѣлалъ онъ во исполненіе этого указа—изъ дѣла не видно.

Н. Г. Высоцкій.

КРИСТИНЪ

1815-й годъ.

Москва, Среда 21 Апрѣля.

Мнѣ было грустно читать ваше № 15, дорогая княжна, видя, какъ Васъ опечалило извѣстіе о бѣдной т-те Эверсъ. И я еще болѣе раскаиваюсь въ томъ, что передалъ Вамъ ея слова о 1-мъ Апрѣля, объясненіе которыхъ нахожу въ Вашемъ письмѣ къ ней. Почему Вы не обратились ко мнѣ относительно этой третной уплаты; съ удовольствиемъ выдалъ бы сумму впередъ отъ Вашего имени, и бѣдняжка повѣрила бы мнѣ. Я зналъ, что Вы оплачиваете половину квартиры и жалованія прислугѣ, но не зналъ о уплатѣ по третямъ. Но будьте увѣрены, что она не терпѣла недостатка въ уходѣ и ни въ чёмъ иномъ. У мужа ея всегда бывали деньги, но Ваше обѣщаніе оставаться для него тѣмъ же, чѣмъ Вы были для жены, послужило бы утѣшеніемъ для бѣдной умирающей, до послѣдней минуты не перестававшей просить меня, чтобы я не оставилъ достойнаго старика. Она унесла въ лучшій мірь твердую увѣренность, что его не оставлять: я это обѣщалъ ей отъ Вашего имени и отъ себя.

Вчера утромъ,---во вторникъ въ полдень---я по обыкновенію ввѣстилъ ее; у нея руки похолодѣли, и на лбу выступилъ холодный поть. Я пригласилъ доктора, который успокоилъ меня, говоря, что она проживеть по крайней мѣрѣ еще сутки. Я оставался у нея долго. Она была въ полной памяти, но говорила съ трудомъ. Я спросилъ ее, не желаетъ ли она чего-нибудь? Она отвѣтила, что чувствуетъ близость смерти, благословляетъ меня и проситъ передать Вамъ, что очень любить Васъ, поручаетъ Вамъ мужа и молится за Васъ и за

меня. Я далъ ей выпить вина и съѣсть желе, чтобы подкрѣпить ее; она проглотила, чтобы не огорчить меня, и пожала мнѣ руку. Я ушелъ, пообѣщавъ зайти послѣ обѣда; но не успѣлъ дойти до воротъ, какъ она скончалась безъ судорогъ и страданій.

Шесть часовъ спустя пришло Ваше письмо, и мужъ, заливаясь слезами, прочелъ его у гроба этой прекрасной женщины. Онъ очень достойный человѣкъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ. Бѣдный старикъ не можетъ писать въ данную минуту; сегодня утромъ его лихорадило, и сомнѣваюсь, что онъ на долго пережилъ жену. Эти три безсонные недѣли, вмѣстѣ съ тревогой, истощили остатокъ его силъ.

10 дней тому назадъ г-жа Эверсъ сказала мнѣ, что завѣщала мнѣ золотой ящичекъ. Я отвѣтилъ тогда то, что можно было сказать въ такомъ случаѣ; и думая, что я отказываюсь, она умоляла принять его изъ ея же рукъ. Я видѣлъ, что обижу ее отказомъ и взялъ; а сегодня утромъ передалъ ящичекъ отъ имени умершой доктору Лонэ, которой въ продолженіе 3 мѣсяцевъ послѣ отѣзда Оберга и лѣчила ее и перевязывала ей руки съ величайшимъ вниманіемъ. Однако я при передачѣ спросилъ мнѣнія и согласія г. Эверса, которому выплачу стоимость шкатулки. Я далъ награду служанкѣ, очень хорошо державшей себя, и вообще сдѣлалъ все, что надо было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Увѣряю Васъ, что благодаренъ Вамъ за знакомство съ этими прекрасными людьми, примѣръ которыхъ долженъ служить руководствомъ въ жизни, а смерть достойна подражанія. Какую прекрасную душу имѣла эта женщина, и съ какимъ спокойствiemъ и вѣрой предала ее Богу; какая невинность, какая простота, какое великое и трогательное зрелище такая кончина праведника, не мучимаго никакими воспоминаніями! Оно утѣшаетъ и поддерживаетъ. Я буду заботиться о старикѣ; не думайте только, чтобы я приписывалъ себѣ заслугу этого намѣренія. Во первыхъ, я люблю этого человѣка, во вторыхъ, чувствую, что стану ухаживать за нимъ изъ эгоизма: чтобы заслужить чью нибудь заботу, когда придется моя очередь, ибо величайшее опасеніе моей жизни—состариться въ одиночествѣ, покинутымъ всѣми. Я уже не молодъ; я иностранецъ, одинокій, безъ родныхъ въ этой странѣ. Пока у меня есть ноги, чтобы отыскивать знакомыхъ, ихъ находится сколько угодно; но если случиться стать калѣкой.... Кто вспомнить обо мнѣ уже черезъ шесть недѣль? Занимавшие слуги, какая нибудь добрая христіанская душа—вотъ все, на что я могу надѣяться, и эта перспектива заставляетъ меня заботиться о тѣхъ, кто находится въ

моемъ положеніи. Какъ видите, заслуга съ моей стороны не велика. Пишу Вамъ сегодня вечеромъ потому, что завтра утромъ надо отдать послѣдній долгъ т-те Эверстъ. У мужа нѣть силъ для всѣхъ хлопотъ.

Я уже не жду ничего хорошаго отъ Франціи, не разсчитываю ни на какое либо усиленіе роялистовъ, ни на гражданскую войну; но возлагаю большія надежды на вѣнчанія силы, если державы будутъ продолжать дѣйствовать согласно. Между тѣмъ—какого результата можно ждать, если тѣ же неспособные или коварные совѣтники, подготавливавшіе эту послѣднюю революцію, опять станутъ управлять общественными дѣлами!

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 19 Апрѣля.

Генералъ-адъютантъ князь Волконскій пишетъ сюда Вязьмитинову, что весь югъ Франціи стоитъ за короля, что роялистовъ уже собрались до 150 тысячъ человѣкъ, что герцогъ Ангулемскій идетъ форсированнымъ маршемъ на Гренобль и Ліонъ. Въ другихъ письмахъ изъ Вѣны, отправленныхъ послѣ этого, написанаго 5 Апрѣля стараго стиля, даже говорится о взятіи этого города. Герцогъ Ангулемскій командуется центромъ, Сенъ-Сиръ и Дама—двумя фланговыми корпусами.

Массена разстрѣлянъ 25, только не знаю, кѣмъ; но фактъ, что его нѣть на свѣтѣ. Онъ можетъ послужить примѣромъ прочимъ маршаламъ-измѣнникамъ. Есть также очень интересныя подробности о герцогинѣ Ангулемской, державшей себя какъ героиня. 80 тысячъ испанцевъ вступили во Францію и больше всего прочаго повліали на нерѣшительныхъ.

Такимъ образомъ, храбрая испанская нація еще разъ дала толчекъ поддержкѣ праваго дѣла. Въ Гренобль существуютъ три рѣзко разграниченныя партіи, отличающіяся кокардами бѣлой и трехцвѣтной, и красными колпаками. Во главѣ послѣдней стоитъ генералъ Груши. Бонапартъ показывается мало и почти не покидаетъ Тюилери; аресты продолжаются; всѣ тюрьмы полны, отданъ приказъ, запрещающій приближаться ближе чѣмъ на 30 лье къ Парижу всѣмъ, служившимъ королю. Если бы королю пришла счастливая мысль принять подобную мѣру противъ всѣхъ известныхъ агентовъ Бонапарта, можетъ быть, дѣло не дошло бы до настоящаго положенія вещей.

Появился австрійскій манифестъ противъ Мюрата; въ немъ перечислены всѣ его вины; не понимаю, почему съ его стороны ожидали иного поведенія? Дерутся въ Тосканѣ и на По. Разсказываютъ, что Веллингтонъ, прощаюсь съ Государемъ, говорилъ, что не знаетъ, будеть ли имѣть успѣхъ въ наступательной войнѣ, но убѣжденъ, что Бонапарту не удастся его вытѣснить изъ Голландіи раньше трехъ лѣтъ. Срокъ нѣсколько отдаленный, но слова успокоительныя въ устахъ такого человѣка, какъ Веллингтонъ. Герцогъ Ришелье, находящійся въ Вѣнѣ, будеть сопровождать Государя. Этими и исчерпываются мои новости.

Кристинъ.

Москва, 26 Апрѣля.

Какъ жаль, дорогая княжна, что я не могу довѣрять извѣстіямъ, сообщаемымъ княземъ Волконскимъ г-ну Вязмитинову! Онъ могли бы порадовать и обнадежить меня, но, увы, эти новости не подтверждаются письмами изъ Вѣны отъ 8/20 Апрѣля, прибывшими съ курьеромъ. Онъ даже опровергаются, и наиболѣе освѣдомленные люди увѣряли, что весь югъ Франціи покорился игу чудовища, и что герцогъ и герцогиня Ангулемскіе принуждены были сѣсть на корабль. Лично я вѣрю всему этому гораздо больше, чѣмъ энергическімъ усиливамъ націи утомленной и неподвижной, зависящей отъ каприза арміи и лично неспособной ни на какое доблестное дѣло. Я жду хорошихъ результатовъ только отъ союзныхъ армій; нуженъ крестовый походъ, чтобы обуздатъ этихъ разбойниковъ и вождей. хорошо понимающіхъ, что для нихъ одно спасеніе—побѣда, и готовыхъ биться или умереть. Однако при сохраненіи всеобщаго согласія можно будетъ справиться съ этой Франціей, и, надѣюсь, теперь потребуютъ другихъ залоговъ въ ея спокойствіи, чѣмъ тѣ, какими пытались удовольствоваться въ 1814 г. Но, повѣрьте, первымъ и наиболѣе важнымъ изъ этихъ залоговъ будетъ скіпетръ въ рукахъ законнаго короля. На этомъ основаніи покоится наследственность всѣхъ престоловъ въ царствующихъ династіяхъ.

Такъ какъ графъ Марковъ не можетъ Ѳхать въ Ниццу, онъ везеть дочь въ Баденъ близъ Вѣны, гдѣ она будетъ пользоваться vantами, и они Ѳдутъ немедленно. Скажите мнѣ, выступить ли гвардія. да или нѣтъ; это вопросъ занимающей здѣсь всѣхъ на основаніи получаемыхъ извѣстій.

Прадель и г. Апраксинъ прервали меня, чтобы сообщить хорошія вѣсти Волконскаго, которымъ я не вѣрю, но которая полиція печатаетъ и раздаетъ въ видѣ бюллетеиней.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 20 Апрѣля.

Не писала Вамъ на прошедшій недѣлѣ, такъ какъ не могла сообщить ничего особеннаго. Раздумавъ хорошенько, я не хочу писать вамъ больше слуховъ, которые ходятъ здѣсь, потому что все пустяки; нѣтъ ни слова правды во всѣхъ прекрасныхъ вещахъ, сообщенныхыхъ Вязмитинову и полученныхыхъ въ Пасхальную ночь. Вы, напротивъ, знаете все, что случилось съ герцогомъ Ангулемскимъ, и что во Франціи не осталось ни одного Бурбона. Людовикъ XVIII видѣлъ сонъ, да и то не изъ особенно пріятныхъ. Послѣдній нумеръ Монитета очень любопытенъ; вы прочтете тамъ рапортъ Коленкура и еще другую замѣтку, очевидно разъясняющіе договоръ, заключенный въ Фонтенебло между союзниками и Бонапарте.

Объ отказѣ аббату здѣсь сообщилъ Сенъ-При; онъ передалъ извѣстіе госпожѣ Гурьевой, не называя васъ, и г-жѣ Тутолминой у княгини Voldemar, говоря, что графъ былъ очень недоволенъ имъ; что онъ ихъ не разлучалъ, но что г. Кристинъ добился этого отказа во время своего путешествія въ Подольскую губернію. Я его прервала, чтобы не продолжать разговора, и на томъ все кончилось.

Вы, однако, напрасно заподозрили бы г. С.-При въ желаніи повредить вамъ; вовсе нѣтъ: онъ сказалъ это такъ, мимоходомъ, и мнѣ кажется, г-жа де Нуазевиль преувеличила вину. Что я говорю вамъ— чистѣйшая правда: на слѣдующее утро я заговорила объ томъ съ г. С.-При, и его отзовы о васъ вовсе не враждебны, и поэтому прошу васъ мысленно примириться съ нимъ. Пока же скажу вамъ, что ни я, ни г-жа де Нуазевиль, ни княгиня Борисъ не говорила объ этой исторіи во всеуслышаніе; только мы трое посвящены въ Летичевскую исторію.

Въ прошедшій понедѣльникъ я обѣдала у г-жи Новосильцевой, гдѣ встрѣтила г-жу Тутолмину, которая, взявъ меня подъ руку, стала спрашивать объ отказѣ аббату; она замѣтила, что я оборвала разговоръ съ С.-При, когда онъ повелъ его на эту тему. Я отвѣтила, что г. Марковъ давно жаловался на аббата, но что мнѣ не извѣстно, какъ они разстались. Она, въ свою очередь, сказала, что были исторіи, о которыхъ я должна знать. „Правда, я кое-что слышала,—вразила я,—но не могу удовлетворить вашему любопытству,

потому что не желаю компрометировать лицъ, съ которыми близка". Мой отвѣтъ былъ настолько опредѣленнымъ, что г-жа Тутолмина прекратила свои вопросы, но повторила, что всегда была хорошаго мнѣнія объ аббатѣ, и это составляло предметъ споровъ между нею и ея сестрой, графиней Паниной, которая терпѣть его не могла.—И вѣроятно, не безъ причины?—„Можетъ быть,—отвѣтила она,—моя *belle soeur* никогда мнѣ объ этомъ не говорила, но, дѣйствительно, она не можетъ слышать его имени“. Нашъ разговоръ не пошелъ дальше. Но вчера я очень удивилась, когда г-жа Гурьевы сообщила мнѣ, что получила длинное письмо отъ графа Маркова, сообщающаго ей объ отказѣ аббату и о причинахъ вызвавшихъ разрывъ. Не знаю, коснулся ли графъ нѣкоторыхъ подробностей, но могу сказать одно, что г-жа Гурьевы назвала Николая, возмущалась поведеніемъ аббата и, какъ всегда склонная къ крайностямъ, выпалила, что всѣхъ іезуитовъ и аббатовъ слѣдуетъ перевѣшать. Я дала ей высказаться и, пользуясь случаемъ, замѣтила: „Разъ вы относитесь къ этому дѣлу такъ, то мнѣ жаль, что вы не могли лично судить о поведеніи Кристина. Я увѣрена, что все ваше предубѣжденіе, если вы еще имѣете его, исчезло бы. Онъ держалъ себя какъ истинный другъ Маркова и побѣжалъ въ Подолію только, чтобы доставить удовольствіе графу, потому что желанія отправляться туда у него было не больше, чѣмъ у меня“. Я увѣрена, что мои рѣчи не пропали даромъ; но больше не было сказано ничего, такъ какъ подошелъ г. Гурьевъ.

Кристинъ.

Москва, 6 Мая.

Вы видѣли изъ моего послѣдниго письма къ мадамъ де Нуазевиль, что я зналъ о письмѣ графа къ г-жѣ Гурьевой. Я не счелъ нужнымъ скрывать этого отъ г-жи де Нуазевиль, такъ какъ мнѣ кажется, что она поступила вполнѣ добросовѣстно и честно. Я увѣренъ, что она ничего не сообщаетъ княгинѣ Борисъ о сумасбродствахъ ея сына; но я считаю долгомъ доказать, что этотъ сынъ лжетъ, говоря, что онъ помирился съ г-номъ Марковымъ, и для доказательства посылаю собственноручныя письма съ просьбой, чтобы они не шли дальше рукъ г-жи де Нуазевиль и вашихъ и вернулись ко мнѣ. Изъ посылаемаго сегодня вы увидите, въ какихъ отношеніяхъ графъ былъ къ Николаю, когда онъ болѣлъ въ Каменцѣ, и убѣдитесь въ лживости увѣренія молодого человѣка, что онъ примирился. Надо судить о людяхъ по поступкамъ, а не по словамъ. Вы увидите также изъ отвѣта графа

Маркова на нѣсколько писемъ аббата, до какихъ безумствъ доходилъ несчастный, когда увидалъ, что его лицемѣріе обнаружено. Прошу Вась сохранить эту копію, чтобы воспользоваться ею, какъ и когда Вамъ заблагоразсудится. Въ письмѣ не упоминается о Николаѣ; если оно могло бы компрометировать кого нибудь, кромѣ аббата, то, конечно, меня—въ виду заключающагося въ немъ обвиненія; но я не боюсь этого. Вѣроятно негодованіе графа достигло высшаго предѣла, если онъ написалъ это письмо. За 20 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ я знаю его и слѣдилъ за нимъ въ его общественной и личной жизни, онъ ни разу не выражался подобнымъ языкомъ и не позволилъ себѣ высказать такого презрѣнія къ кому бы то ни было. Вы видите, что графъ не отворачивается отъ меня, какъ думала мадамъ де Наузевиль; его письмо къ ней доказываетъ то же, и я предполагаю, что она уже прочла Вамъ его.

Благодарю Вась за Ваши старанія обо мнѣ у г-жи Гурьевой и желаю Вамъ полнаго успѣха; но признаюсь, что не особенно дорожу ея мнѣніемъ, потому что оно не основано ни на чёмъ, и это не даетъ мнѣ хорошаго понятія о положительности ея образа мыслей. Напротивъ, я очень тронутъ справедливостью, которую Вы мнѣ оказываете и которой я заслуживаю. Будьте увѣрены, что будущее покажетъ что такое Николай; у него голова не въ порядкѣ, это несомнѣнно; въ рукахъ фанатика онъ могъ бы превратиться въ послушное орудіе; при случавъ изъ него можно бы выработать второго Жака Клеманть. Надѣюсь, что теперь все сказано по этому вопросу. Напишите мнѣ, Ѳдѣть ли онъ съ своимъ полкомъ; графъ мнѣ ничего не сообщаетъ объ этомъ.

Вы скоро увидите молодыхъ съ отцомъ и матерью, такъ какъ г-жа Толстая тоже Ѳдѣть съ ними; но вотъ уже недѣля, какъ они все выѣзжаютъ черезъ недѣлю, и, можетъ быть, останутся здѣсь дольше чѣмъ думають. Я довольно часто видалъ Гурьева, и онъ мнѣ нравится, но въ пѣкоторыхъ кружкахъ принято называть его педантомъ; я не раздѣляю этого мнѣнія, увѣряю Вась. У него много здраваго смысла, и онъ прямъ; это, безъ сомнѣнія, первыя качества въ мужчинѣ; при томъ онъ уменъ и если выражается не особенно легко, то это еще не доказательство, что онъ не сообразителенъ; далеко нѣтъ. Не знаю, правильно ли мое сужденіе о немъ. Не сомнѣваюсь, что Eudoxie будетъ очень счастлива съ нимъ; она уже любить его, и со времени выхода замужъ совершенно измѣнила свой тонъ. Я вчера обѣдалъ у нея за-просто; графиня вошла съ сияющимъ лицомъ и изъ дверей гостинной

крикнула мнѣ: „Ахъ, милый Кристинъ, еслибъ вы знали, какое счастье обѣдать у дочерї“. Ни одна свадьба не была такъ пріятна роднымъ. Вамъ бы слѣдовало посовѣтовать графу Толстому прямо отправиться въ главную квартиру, и для него и для дѣла это было бы самое лучшее; но ему не хочется, и лѣнъ влечетъ его въ сады Троицкаго больше, чѣмъ въ среду придворныхъ волненій.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 4 Мая.

Я почти рѣшилась не передавать Вамъ никакихъ новостей, но дѣла въ Италіи идутъ великолѣпно, и обѣ этомъ есть официальное извѣстіе. Мюратъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; генералы Фримонъ и Біанки отбросили неаполитанцевъ къ Анконѣ, и вся Папская область, а также герцогство Тосканское, свободны.

Г. Литта поднялъ голову и начинаетъ надѣяться; говорили, что Мюратъ былъ принужденъ сѣсть на корабль; что сицилійцы вступили въ Неаполь; но это еще не достовѣрно. Что же касается полнаго пораженія Мюрата, это совершенная правда: Императрица сообщила намъ вчера обѣ этомъ на своемъ вечерѣ. Что происходит въ Парижѣ, обѣ этомъ никто ничего не знаетъ: сношеніе съ этимъ городомъ, повидимому, прервано; говорятъ, что Люсъенъ вернулся въ Швейцарію; не знаю, правда ли это; но будетъ ли онъ жить въ Швейцаріи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, онъ останется мошенникомъ, за которымъ надо зорко слѣдить.

Я два раза ѻздила на Каменный Островъ; все начинаетъ зеленѣть за городомъ; я люблю берега Невы и всегда выношу изъ поѣздки туда спокойное удовольствіе, которое очень цѣню. Вчера былъ великолѣпный день, г-жа Гурьевъ возила меня на лодкѣ къ себѣ на дачу; я отвезла Catherine къ Свистунову, гдѣ предполагаю жить. Мы выбрали себѣ комнаты, и если ничто не нарушитъ наши планы, мы, думаю, проведемъ пріятное лѣто. Гурьевы ждутъ съ нетерпѣніемъ свою невѣстку; я отъ души желаю, чтобы она имъ понравилась; ей отдаются прелестную квартиру къ зимѣ; а пока она поселится на Камennomъ Островѣ, и у нея закружится голова, когда она очутится въ большомъ свѣтѣ. Боюсь, что ея горе отъ разлуки съ мужемъ скоро разсвѣтится.

Кристинъ.

Москва, 24 Мая.

Вполнѣ раздѣляю Ваше огорченіе по поводу выступленія гвардіи, лишающаго Васъ помѣщенія на Каменномъ островѣ; вотъ Бонарпартъ затронулъ и Васъ лично; нѣтъ ни одного человѣка во всей Европѣ, котораго этотъ разбойникъ не обезшоколъ бы такъ или иначе. „Повѣсить его! Повѣсить!“—вотъ общее требованіе. Но увидите, что его не повѣсятъ. Однако, не огорчайтесь, найдете, гдѣ пристроиться, и г-жа Гурьева будетъ очень рада имѣть Васъ у себя въ домѣ для дебюта *Eudoxie*, если только ея деревенскій домъ не окажется дѣйствительно слишкомъ тѣснымъ, чтобы помѣстить васъ и сестру. Вѣроятно не знали о выступленіи гвардіи, когда княгиня Boris выѣхала; иначе я посовѣтовалъ бы Вамъ четырехмѣсячное пребываніе въ Симѣ: прекрасная погода, большая экономія, многочисленное общество; а въ Сентябрѣ—возвращеніе во дворецъ и городское общество на осень и зиму. Теперь уже поздно, но, повторяю Вамъ, Вы устроитесь, и даже, думаю, что уже устроились. Г-жа де Литта, г-жа Юсупова или г-жа Гурьева—кто нибудь отзовется. Послѣдняя мнѣ не улыбается; я помню дрова прошлой осени. Но ея сестра Литта, такая богачка, должна быть въ восторгѣ.

Графъ Марковъ пишетъ мнѣ въ двухъ письмахъ, что открытые имъ неблаговидные поступки со стороны Николая заставляютъ его со жалѣть о его снискожденії. Ложь, тайный развратъ, фанатизмъ, а временамъ и пьянство—вотъ главныя свойства молодого князя.

Мнѣ интересно знать, какой успѣхъ имѣла молодая въ своей новой семье. Вы, конечно, можете быть ей чрезвычайно полезны своими совѣтами. Совѣтъ не прыгать черезъ стулья, чтобы найти свое мѣсто, тоже не лишний здѣсь: это съ ней случалось и послѣ замужества, въ минуты веселости.

У насъ положительно голодъ на новости; но онъ будетъ продолжаться не долго, и скоро мы узнаемъ, что первое столкновеніе произошло. Дай Богъ, чтобы результатъ соотвѣтствовалъ моему желанію: если между союзниками сохранился согласіе, то думаю, что мошенника скоро припрутъ къ стѣнѣ. Надѣюсь, что его уже не отправлять на Эльбу и не станутъ считать вождемъ этого разбойника за Баярдовъ, Тюренновъ, Кондэ, съ которыми можно договариваться и слову которыхъ можно

върить. Не подумали о людяхъ и ихъ принципахъ и оказали почетъ такимъ лицамъ, которыхъ слѣдовало уничтожить, потому что честными людьми они никогда не могли быть. Повторяю тоже о революционерахъ, составляющихъ кабинетъ, и никогда не соглашусь, что интересы короля въ хорошихъ рукахъ, когда онъ поручаетъ ихъ Таллейрану, извѣстному только своей глубокой безнравственностью,—человѣку, начавшему въроотступничествомъ, измѣнной королю и порядку, при которомъ родился.

Кристинъ.

Москва, 29 Мая.

Передайте, прошу Васъ, вмѣстѣ съ моимъ почтеньемъ, графинѣ Толстой, что дѣти ея вполнѣ здоровы; но они положительно невидимы: я четыре раза заходилъ къ нимъ и не видалъ ихъ. Одинъ разъ мадемуазель Куэнко отвезла ихъ въ Узкое, другой разъ они гуляли, третій разъ уже спали въ 9 часовъ, а потомъ были въ гостяхъ. Кто подумалъ бы, что мадемуазель такая подвижная? Впрочемъ, она поступаетъ правильно: погода великолѣпная, и для дѣтей это передвиженіе полезно. Вмѣсто нихъ я видѣлъ калмычку. Эта калмычка одна изъ моихъ пріятельницъ. Она смеется при каждой встречѣ со мной. Она увѣряетъ, что все у графини въполномъ порядке. Надѣюсь, что также обстоитъ и съ тою частью семьи, которая уѣхала въ Петербургъ, и что разлука съ зятемъ, какъ она ни тяжела столь скоро послѣ свадьбы, не стала причиной ничьей смерти. Говорю Вамъ это потому, что у насъ на Тверской одна дама—забылъ ея фамилію,—отравилась изъ за измѣны мужа. Она умерла, а передъ смертью сказала духовнику, что вовсе не жалѣть о своемъ поступкѣ, разъ мужъ оказался способенъ искать развлечений подобного рода. У несчастной осталось шестеро маленькихъ дѣтей и мужъ въ отчаянії. Увѣряють, что наканунѣ катастрофы жена застала его въ подозрительной близости съ горничной, но говорятъ, что онъ въ первый разъ позволилъ себѣ подобное развлеченіе. Если пойдетъ мода вѣшаться изъ за подобныхъ приключеній, не мало у насъ окажется вдовцовъ.

Надо Вамъ разсказать чудесную новость, занимающую здѣсь всѣхъ. Одна дѣвица заболѣла этой весной весьма странной болѣзнью; она смеялась, плакала, пѣла, кувыркалась, прыгала черезъ стулья, какъ будто сошла съ ума, но оставалась, между тѣмъ, вполнѣ здоровой. Кончилось все горячкой, перешедшей въ родъ летаргіи. Больная потеряла способность видѣть и глотать. Три дня нельзѧ было заставить

ее проглотить что-нибудь, и считали, что ея конецъ близокъ. Доктора окончательно приговорили ее къ смерти. Одной горничной пришло въ голову потереть ей желудокъ *мятными каплями*; и вдругъ дѣвица не говорившая и лежавшая впродолженіи трехъ дней, воскликнула: „Ахъ, какъ хорошо! Дай еще!—Чего дать?—Этой мятыной воды.—Вы ее не пили.—Нѣть пила“! Хотѣли ей дать проглотить нѣсколько капель, но не было возможности: спазма въ горлѣ мѣшала глотать. Потерли еще желудокъ, и больная снова была въ восхищенніи отъ подкрѣпляющаго лѣкарства, которое она „пьетъ.“ — „Не хотите ли покушать?—Умираю съ голоду“. Подали бульона; та же невозможность проглотить; обмокнули въ бульонъ салфетку и приложили на желудокъ, спрашивая, что она кушаетъ.—„Отличный бульонъ“,—отвѣтила она. На слѣдующій день ей приложили котлету, и больная восхищалась вкусомъ телятины. Такимъ образомъ ее скоро подкрѣпили, прикладывая ей къ желудку все, что ей слѣдовало глотать. Она указываетъ также лѣкарства, которыхъ надо употреблять такимъ образомъ; глаза ея не открываются. Она видѣть желудкомъ. Однимъ словомъ, это случай полнаго магнетизма, и все это совершенная правда: это мнѣ разсказывалъ Николай Сергеевичъ Всеволожскій, начальникъ медицинской коллегіи, а всѣ знаютъ что Всеволожскій никогда не лжетъ. Можно бы пожелать, чтобы подобная манера питаться распространилась, особенно среди бѣдняковъ; одной котлеты было бы достаточно для цѣлой семьи по крайней мѣрѣ на недѣлю; можно было бы одолжать сосѣдямъ, не рискуя отнимать кусокъ изо рта у своей семьи.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 28 мая.

Пріѣздъ графини Толстой и нездоровье Татьяны заставили меня бѣгать отъ одной къ другой; кромѣ того г. Рибопьеръ все боленъ и безконечно тревожить меня. Онъ боленъ уже шесть недѣль: сначала была перемежающаяся лихорадка, продолжавшаяся 15 дней. Онъ выѣхалъ, чтобы проститься съ княгиней Воріс, и вернувшись, заболѣлъ другой формой лихорадки: у него нѣть озноба, но изнурительный жаръ съ потомъ, ослабляющимъ его каждый разъ до такой степени, что послѣ припадка онъ еле шевелить языками. Притомъ онъ до крайности мнителенъ: тровожится самъ и пугаетъ всѣхъ; каждый день его навѣщають два врача-англичанина, изъ которыхъ одинъ—Крейтонъ, и обѣщають быстрое выздоровленіе; онъ имъ не вѣритъ ни на волосъ и постоянно повторяетъ, что они сами не знаютъ, что говорятъ. Я ежедневно навѣщаю его утромъ и послѣ обѣда или вечеромъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 13 Мая.

Мы вчера обѣдали у Потемкина, и мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ княгиней Мишель. Она старалась изо всѣхъ силъ занимать меня, и начиная съ горячаго до третьей перемѣны я находила ее забавной; но послѣ шпината и спаржи она уже стала утомлять меня, за дессертомъ и мороженымъ мнѣ уже сдѣлалось не втерпежъ, и голова пошла кругомъ. Нѣтъ, она непріятная собесѣдница, она только забавна по временамъ, но пріятности въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, въ ней нѣть, увѣряю васъ. Вообще я не люблю теперь блестящаго разговора; я предпочитаю тихую, спокойную бесѣду, разумную, безъ волненій, безъ особенныхъ остротъ и остроумія; единственное, что нравится мнѣ—это остроуміе Вальполя: оно, не дѣйствуетъ на мой же-лудокъ: что же касается всего прочаго—для меня все кончено.

Изъ послѣднихъ извѣстій отъ графини Толстой заключаю, что она пріѣдетъ черезъ недѣлю: ёду сегодня въ домъ Остермана, чтобы ей подготовили помѣщеніе. Квартира Eudoxie уже готова у ея новыхъ родственниковъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ее. Я жду ее съ нѣкоторой боязнью, которую не могу скрыть отъ васъ. До смерти боюсь, чтобы она не сказала какой глупости; если мнѣ удастся поймать ее на минуту, я ее отчитаю. Хорошо, что мать пріѣхала съ ней: надѣюсь, она направить ея первые шаги; впослѣдствіи я предвижу не мало возни, потому что г-жа Гурьева постоянно повторяетъ: „Милая княжна, вы другъ ея родителей, знаете ее съ дѣтства; остановите ее, если понадобится: окажите мнѣ эту дружескую услугу; мнѣ кажется, лучше будетъ, если совѣтъ ей подадите вы, чѣмъ кто либо изъ семьи; не надо ее возстановлять, озлоблять и т. п. „Однимъ словомъ, повидимому, желаю превратить меня въ ея гувернантку. Съ удовольствіемъ возьму на себя эту обязанность, если она станетъ слушаться меня, иначе роль сдѣлается слишкомъ трудной, и въ концѣ концовъ Eudoxie можетъ меня возненавидѣть. Я раздѣляю Ваше мнѣніе о ея мужѣ: это вполнѣ порядочный молодой человѣкъ, одаренный хорошей головой.

Eudoxie родилась въ сорочкѣ въ этомъ отношеніи. Дай Богъ только, чтобы она сумѣла оцѣнить его, какъ онъ того достоинъ. Сестрѣ ея Софѣ можетъ попасться мужъ болѣе элегантный, но лучшій—никогда.

Кристинъ.

Москва, 17 Мая.

Мой слуга три часа бѣгаєть по городу, отыскивая мѣстожительство кривой княгини Трубецкой, у которой должна остановиться княгиня Грузинская. Оказывается, что кривой княгинѣ пришла мысль поселиться около острога, въ ужасной мѣстности, гдѣ никто не бываетъ и никто никого не знаетъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія посланного, чтобы получить ваши письма и записочку г-жи де Нуазевиль; но еще пріѣхала-ли старая княгиня?

Толстые и Гурьевы уѣхали вчера вечеромъ при ужасной погодѣ; дождь лиль шесть часовъ не переставая, а г-жа Толстая едва оправилась отъ довольно серьезной болѣзни, повторяющейся чаще, чѣмъ слѣдовало бы; боюсь, какъ бы путешествіе не повредило ей.

Eudoxie немного всплакнула, прощаюсь съ братьями и сестрами. Мнѣ кажется, что она любить своего мужа; но родители все же еще стоять на первомъ планѣ, и по моему это дѣлаетъ честь ея сердцу, потому что, если нѣть страсти (которая заглушаетъ все), нельзя любить новое лицо такъ же, какъ тѣхъ, съ кѣмъ провелъ жизнь.

Это вполнѣ разумный бракъ со стороны мужа, который все разсчиталъ, и не было ни малѣйшаго увлеченія ни съ одной, ни съ другой стороны. Первое время, которое англичане называютъ *медовымъ мѣсяцемъ*, не будетъ такъ пріятно, какъ при бракахъ по склонности, но союзъ можетъ быть тѣмъ счастливѣе въ будущемъ: ни тотъ ни другой не испытываютъ разочарованія, и повязка не спадетъ съ глазъ.

Кривая княгиня сообщаетъ, что княгиню Грузинскую ждутъ на днѣхъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 17 Мая.

Извѣстіе о выступленіи гвардіи разсѣяло всѣ наши прекрасные планы о лѣтѣ у г-жи Потемкиной; такъ какъ мужъ ея уѣзжаетъ, то она побѣдетъ черезъ двѣ недѣли къ матери въ Симу; но отвезеть ее мужъ, такъ какъ, состоя адъютантомъ при баронѣ Розенѣ, онъ имѣеть въ своемъ распоряженіи два мѣсяца, которыми воспользуется, чтобы

отвезти Татіану къ родителямъ, пробыть нѣсколько дній съ нею и отправиться въ Ковно.

Въ Петербургѣ суетня, гвардіей запружены всѣ улицы; всѣ дѣлаются приготовленія къ выступленію; скоро городъ опустѣтъ. Не могу безъ содроганія подумать о томъ, что придется лѣто прожить во дворцѣ; въ жары тамъ задыхаешься. становится просто невыносимо. И къ тому еще ни малѣйшаго развлеченія; всѣ въ деревнѣ, а чтобы провести иногда вечеръ на Камennомъ Островѣ, надо имѣть экипажъ, котораго у насъ нѣть. Конечно, будь я одна, я бы нашла, гдѣ помѣститься, хотя бы у г-жи Литта, но съ сестрой и двумя горничными—это становится затруднительнымъ, невозможнымъ. и Богъ знаетъ, что съ нами будетъ; но,увѣряю Васъ, что мысль объ этомъ мнѣ не-пріятнѣе, чѣмъ слѣдовало бы; это оттого, что Catherine, хотя и поправляется, все же требуетъ ухода: воздухъ и движеніе ей необходимы. Что она будетъ дѣлать въ городѣ, гдѣ о прогулкѣ и думать нечего? Однимъ словомъ, я въ большомъ затрудненіи, и не знаю какъ изъ него выйду, если небо не поможетъ. Мы получили извѣстіе о смерти княгини Голицыной, матери Феодора; ея сестры. Литта и Юсупова очень огорчены, особенно послѣдняя; я вижусь съ ними каждый день послѣ полученія извѣстія о ихъ потерѣ.

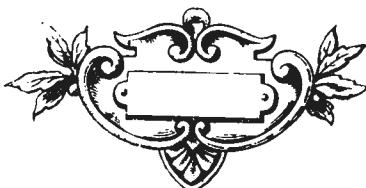
Феодоръ разсказываетъ о смерти матери, дѣйствительно какъ будто роковой, какъ то неопределенно.

Что касается Татіаны, она патворила глупостей, отъ которыхъ чуть не выкинула. Въ тотъ день, когда ожидали Eudoxie она отира-вилась разыскивать ее, нарядившись и даже безъ манто, чтобы не измять новаго капота: погода была въ этотъ день холодная и отврати-тельная; Eudoxie еще не прїѣхала, и Татіана вернулась съ мучитель-ной болью въ пояснице. Мужъ ея запиской просилъ меня прїѣхать къ ней; я застала ее въ постели, обложенной горячими салфетками; бѣд-няжка плакала, воображая, что выкидыши неминуемъ, но къ счастью его предотвратили; однако ей пришлось недѣлю пролежать на спинѣ. Мы съ Catherine поочередно дежурили около нея. Также мы станемъ дежурить и при Eudoxie, которая была въ восторгѣ, заставъ насъ въ день прїѣзда у сверкови. Она была такъ смущена, что едва поднимала глаза. Г-жа Толстая, никогда не думающая о первомъ впечатлѣніи, не дала себѣ труда нѣсколько позаботиться о туалетѣ дочери, такъ что Eudoxie появилась въ гостиной грязная, въ какомъ то старомъ ночномъ чепцѣ, пизматой шляпѣ, безъ корсета—однимъ словомъ въ самомъ

ужасномъ видѣ. Но г-жу Толстую, какъ всегда, вывело счастье. Eudoxie нашли хорошенъкой, отецъ мать, сестры—всѣ восхищались ею. Я мысленно благодарила Бога, что Онъ очаровалъ глаза всѣхъ и, конечно, какъ можете догадаться, поддерживала благопріятное впечатлѣніе. Eudoxie осыпали ласками. Послѣ обѣда ей показали ея комнаты, которыми она очень довольна. Я пробыла съ ней до двѣнадцати часовъ ночи. У горничныхъ Eudoxie сломался экипажъ въ Ижорѣ, и онѣ тамъ остались въ ожиданіи починки, такъ что она очутилась безъ бѣлья и не могла лѣчь спать, такъ какъ не хотѣла, чтобы ее раздѣлъ ктонибудь изъ домашней прислуги. Мне пришлось послать за моей длинной, которая знакома Eudoxie не менше ея собственныхъ горничныхъ, и она переодѣла ее на ночь въ мое бѣлье. На слѣдующее утро Eudoxie была хорошо причесана, хорошо одѣта: корсетъ пришелся впору, и ея появленіе въ гостиной произвело еще лучшее впечатлѣніе, чѣмъ наканунѣ. Однимъ словомъ, она правится всѣмъ и, повторяю, г-жа Толстая счастлива, какъ рѣдкая мать. Надѣюсь, что избранное общество, среди которого Eudoxie постоянно придется вращаться, сгладить нѣкоторую рѣзкость и тривіальность, пріобрѣтенные въ обществѣ г-жи Смирновой, и что благоразуміе и серьезность Гурьева повліяютъ и на ея умъ. Ея характеръ—совершенно непонятная смѣсь ума и наивности; напримѣръ она говорила мнѣ, заливаясь слезами: „Княжна, если мужъ мой отправится на войну и не вернется? Боже какое несчастье! Я люблю его больше папы, больше мамы, больше всѣхъ; иѣть я умру съ горя, или уйду въ монастырь, стану служить Богу; да, непремѣнно“.—„Вы съ ума сошли,—отвѣтила я ей,—зачѣмъ воображать себѣ подобное несчастье; молитесь, просите Бога хранить дни вашего мужа и не говорите всѣхъ этихъ лишнихъ вещей“. Пока я ее успокоивала, она продолжала плакать, а потомъ вдругъ вытерла глаза и начала болтать о вышивкахъ и шляпахъ съ такимъ изумительнымъ увлечениемъ, что я только смотрѣла на нее, не говоря ни слова. Вообще въ ней много странностей. Она призналась мнѣ, что вечера свекрови очень скучны, и молодыя дамы, которыхъ она тамъ встрѣчаетъ, для нея слишкомъ умны. Молодая княгиня Долгорукая, жена Базиля, прелестна, также какъ Катиша Гагарина; притомъ же онѣ вращаются въ обществѣ пять или шесть лѣтъ; онѣ пріобрѣли манеры и привлекательность, дѣлающія ихъ обаятельными. Eudoxie, хотя немного моложе ихъ, по своему воспитанію, а особенно, благодаря обществу, въ которомъ вращалась у матери, очень отстала отъ своихъ лѣтъ. Но надѣюсь, все исправится. Когда г-жа Толстая уѣдетъ, и мужа ея не будетъ, ей волей-неволей, придется справляться одной. Гурьевъ кажется очень счастливъ; онъ ухаживаетъ за женой и почтителенъ съ родителями.

Графиня Толстая весь день мечется: дѣлаетъ визиты, ужинаетъ у своей тетки, жены Владимира, обѣдаетъ то у однихъ, то у другихъ: она вѣчно спѣшить, и право не понимаю, какъ ее хватаетъ на такой образъ жизни. Мне кажется, они пробудутъ здѣсь дольше, чѣмъ предполагали. Графъ долженъ написать Императору, чтобы получить приказаніе, куда ему отправиться; я сначала совѣтовалаѣхать въ главную квартиру: но думаю, что онъ сдѣлаетъ лучше, поступивъ, какъ намѣренъ. Государь велѣлъ ему быть въ Петербургѣ къ Его пріѣзду, не предвидя новой войны; онъ пріѣхалъ, и не заставилъ Его Величества, долженъ, само собой разумѣется, написать Ему, чтобы знать, какъ распорядиться съ собой. Я думаю, что ему слѣдуетъ дождаться отвѣта здѣсь. Мне кажется, что ему хочется служить. Софи Толстая въ восторгѣ, что ее привезли сюда; ея лицико доставляетъ ей большой успѣхъ: она была на вечерѣ у г-жи Гурьевой, и ее нашли очень хорошенькой; но по моему совѣту, ее туда больше не повезутъ: она еще слишкомъ молода, чтобы выѣзжать; она будетъ проводить вечера у маленькихъ Строгоновыхъ, что гораздо болѣе подходитъ для нея.

Мы получили изъ Италии прекрасныя вѣсти: все тамъ идетъ великолѣпно. Въ Германіи вооруженный корпусъ Саксена уже значительно подвигнулся впередъ; дивизія Воронцова находится въ Нюренбергѣ. Что же касается происходящаго въ Парижѣ, совѣту Вамъ обратиться къ газетамъ.

Съ 1914 года
въ Москвѣ издается новый журналъ
для дѣтей средняго возраста

ПРОТАЛИНКА.

Въ журналь участвуютъ: Л. Авилова, Н. Асѣевъ, К. Афанасьевъ, В. Ахрамовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Булгаковъ, В. Вахтеровъ, С. Дурылинъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Мѣшковъ, М. Пришинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергеева, Н. Телешовъ, И. Шмелевъ и др.

Подписчики журнала получать въ теченіи года:

- 12 кн. журнала, въ объемѣ 4—5 листовъ больш. формата.
- 12 кн. приложений, въ объемѣ 3—5 листовъ меньш. формата.
- 12 худож. репродукцій съ картинъ соврем. и старинныхъ мастеровъ съ папкой для нихъ.
- Отд. прилож.—большая повѣсть „Трюгге и его мать“ въ объемѣ 6 печ. листовъ.

Январская книжка вышла и высыпается для ознакомленія по требованію.

Содержаніе январской книжки: Веселая ночь. А. Серафимовича.—Архипъ-
пасѣчникъ. Е. Сергеевой.—Питомцы шкута „Эсмеральда“. Д. Нюландера.—
Рождественскій гостинецъ. Съ англ.—Георгъ Гендель. Очеркъ съ прилож-
ноть.—Стихотворенія Н. Асѣева, Е. Волчанецкой, С. Раевскаго.—„Хлѣбъ.“
Игра съ пѣніемъ.—„Ворона и лисица“. Веселыя картички.

Приложение къ 1-ому № 1). Исторія одной скрипки. Повѣсть З. Н. 2)
Устинно колечко. Сказка Н. Крашенинникова. 3) „Поклоненіе пастуховъ“—карт.
на мѣл. бум. и папка.

Подписная цѣна—4 руб. въ годъ и 2 руб. $\frac{1}{2}$ года съ дост. и перес.
Безъ дост. въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія Линіи) 3 р. 50 к.
Подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжн.
магазинахъ.

Ред.-издательница Е. С. Чоловская.

Ред. А. П. Печковскій.

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Кн. Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Пер. А. Дмитріевой. Редакція и вступит. ст. А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р.

О цѣнности исторической этихъ мемуаровъ едва ли надо распространяться. Выдающаяся личность кн. Адама Чарторижского, его близость къ Александру I уже сами по себѣ придаютъ мемуарамъ «первостепенное значеніе» . . . . .

. . . . . сами по себѣ воспоминанія столь интересны и столь цѣнны, что появленіе ихъ на русскомъ языкѣ можно только въ концѣ концовъ привѣтствовать. Кто возьметъ эту книгу, тотъ, навѣрное, ее прочитаетъ.

«Русск. Вѣд.» № 286. 12 дек. 1912 г.

Недавно появился въ печати первый томъ мемуаровъ кн. Адама Чарторижского. Значеніе этой книги, какъ исторического источника, такъ велико, что среди мемуарной литературы Александровской эпохи она сразу выдвигается на одно изъ первыхъ мѣсть.

«Утро Россіи». 9 октября 1912 г.

Въ рецензируемомъ нами первомъ томѣ описаніе событий Чарторижскимъ доведено до Аустерлицкаго сраженія, и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ читатель будетъ ждать появленія второго тома, что мемуары польского патріота и по своему серьезному и большей частью беспристрастному тону, и по своему содержанію рѣзко отличаются отъ обычныхъ записокъ современниковъ, въ которыхъ подлинное съ вымыщленнымъ, объективное съ субъективнымъ тѣсно переплетаются между собой, затемняя точную картину эпохи и оставляя въ тѣни самое существенное. Отъ всѣхъ этихъ отрицательныхъ качествъ мемуары князя Адама Чарторижского избавлены, и только въ нѣсколькихъ случаяхъ его характеристики дѣйствующихъ лицъ эпохи, не то что не вѣрны, но представлены съ легкимъ налетомъ субъективной оцѣнки. Все же это не умаляетъ достоинства ихъ, какъ первокласснаго исторического источника.

«Рѣчъ» № 297. 29 окт. 1912 г.

. . . . . Все это заставляетъ признать за мемуарами князя Чарторижского значеніе большого исторического источника, заключающаго въ себѣ часто единственные по автентичности материалы.

Русскій переводъ мемуаровъ вполнѣ хороши, языкъ отличается легкостью и даже изяществомъ. Редактированіе и краткая вводная статья біографическаго характера принадлежитъ проф. А. Кизеветтеру.

М. В.

«Прав. Вѣст.» № 236. 28 окт. 1912 г.

Открыта подписка на 1914 г. на журналъ:

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи

— Годъ изданія — ВТОРОЙ. —

Выходитъ 8 разъ, книжками около 3 печатныхъ листовъ каждая.

(По мѣрѣ надобности помѣщаются иллюстраціи и карты).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и доклады по изученію края преимущественно въ отношеніи историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ, а также по выясненію условій его всесторонняго развитія; научные вопросы, связанные съ изученіемъ края въ указаныхъ отношеніяхъ. Текущая дѣятельность Общества изученія Олонецкой губерніи. Хроника правительской, общественной и частной инициативы въ дѣлѣ изученія губерніи, развитія ея производительныхъ силъ и условій жизни населенія. Отдѣльныя статьи, замѣтки и сообщенія о жизни края и его изученіи. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Указатель литературы по всѣмъ вопросамъ, касающимся края. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Отвѣты редакціи. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА. съ доставкой и пересылкой:

На годъ:	На 1/2 года:	На 1/4 года:	На 1 мѣс.:
для членовъ О-ва: 8 кн.—2 р.	4 кн.—1 р.—к.	2 кн.—50 к.	1 кн.—25 к.
для прочихъ под- писчиковъ: „ —3 р.	„ —1 р. 50 к.	„ —75 к.	„ —50 к.

Съ пересылкой за границу 4 руб. въ годъ.

Періодич. изданія и объявл. о нихъ окотно принимаются въ обмѣнъ.

Всякаго рода запросы должны снабжаться почтовыми марками или открытками для отвѣта.

Подписка и объявленія въ Петрозаводскѣ принимаются: у г.г. членовъ-учредителей О-ва; въ Губ. Типографіи, къ книжномъ маг. Мазилова, въ Гостищномъ дворѣ.

Гг. иногородніе подписчики и публикаторы благоволять обращаться по адресу:

Петрозаводскъ, Правленіе Общества Изученія Олонецкой губ. (По редакціи).

Доставляемыя въ редакцію статьи должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи безъ обозначенія условій считаются бесплатными и могутъ быть оплачены по усмотрѣнію редакціи.

Пробные №№ высылаются за 5 семикоп. марокъ, которые при подписке засчитываются въ уплату. За перемѣнную адреса просимъ высылать 4 семикоп. марки.

Отв. издатель:

Предсѣд. Правленія О-ва изученія Олонецкой губ.
А. Ф. Шидловскій.

Редакторы: { И. И. Благовѣщенскій.
Горн. Инж. Б. Н. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

Подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго.

(2-й годъ изданія).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

I. Научные статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологии.	IV. Историческая беллетристика.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	V. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
III. Различные материалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VI. Критика и библиографія.
	VII. Новости русской и иностранной науки.
	VIII. Хроника, біографіи, некрологи русскихъ и иностранныхъ деятелей.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлого и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1914 года.

Въ 1913 году въ «ГОЛОСЪ МИНУВШАГО» приняли фактическое участіе:

Арсеньевъ К. Е., Аваліані С. Л., Адарюковъ В. Я., Ашенбреннеръ М. Ю., Батюшковъ Ф. Д., Безобразовъ Н. В., Бирюковъ П. И., Боборыкинъ П. Д., Богучарскій В. Я., Боровой А. А., Бродскій Н. Л., Бѣлоконскій И. И., Василенко Н. И., Васютинскій А. М., Веселовскій Б. Б., Веселовскій Ю. А., Винницецъ М., Вѣтринскій Ч., Гернетъ М. И., Гершензонъ М. О., Горянинъ С. М., Готье Ю. В., Грузинскій А. Е., Дживелеговъ А. К., Дьяконовъ М. А., Евгеньевъ В. М., Егоровъ Д. Н., Игнатовичъ И. И., Игнатовъ И. Н., Іорданскій И. М., Калашъ В. В., Карсавинъ П. И., Карбевъ И. И., Клизеветтеръ А. А., Ковалевскій М. М., Коваленскій М. И., Козловскій Л. С., Колосовъ Е. А., Кони А. О., Корфъ С. А., Коршъ Ф. Е., Кузьминскій К. С., Лаппо-Данилевскій А. С., Лазурскій В. Ф., Лернеръ Н. О., Лучицкій И. В., Максимовъ А. Н., Мельгуновъ С. П., Мендельсонъ Н. М., Мокіевскій П. В., Морозовъ И. А., Новорусскій М. В., Ольнемъ В. Н., Пантелеевъ Л. О., Нерцевъ В. Н., Нетлюра С. В., Пичета В. И., Илехановъ Г. В., Нокровскій М. М., Нокровскій М. Н., Полнеръ Т. И., Полянскій Н. Н., Попельницкій А. З., Поповъ И. И., Пругавинъ А. С., Розановъ М. Н., Розенбергъ В. А., Романовъ И. И., Русановъ Н. С., Рѣзановъ В. И., Рѣпинъ И. Е., Рябининъ И. С., Савинъ А. И., Сакулинъ П. Н., Сватиковъ С. Г., Семевскій В. И., Сидоровъ Н. И., Стекловъ Ю. М., Сыромятниковъ Б. И., Тараковъ Е. И., Тарле Е. В., Успенскій К. Н., Флингеръ В. Н., Фриче В. М., Хижняковъ В. М., Чайковскій И. В., Чебышевъ А. А., Черткова А. К., Чертковъ В. А., Чубинскій М. И., кн. Шаховской Д. И., Щеголевъ П. Е., Щепкинъ В. Н., Щепкинъ Е. И., Шрейдеръ И. И., Яковлевъ А. И., и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на 1/2 года 4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб., за границу 10 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по 2 руб.

Въ отдаленной продажѣ книга журнала 1 руб.

Перемѣна адреса 20 коп.

ПОДПИСНЫЕ ДЕНЬГИ на 1914 годъ должны направляться въ редакцію журнала (Москва, Гранатный пер., домъ 2, кв. 31, тел. 1-78-28) или въ новую контору журнала (Складъ книгоиздательства „ЗАДРУГА“, Москва. Нижняя Кисловка, д. 1, кв. 4, тел. 1-36-27).

Годъ
изд. 4.

Еженедѣльная православно-народная газета
выходитъ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ и праздникамъ

Годъ
изд. 4.

„ЦЕРКОВНОСТЬ“

стоитъ за вѣру Божію, открываетъ правду христіанскую, борется съ СЕКТАНТСТВОМЪ, безвѣріемъ, маловѣріемъ, пьянствомъ и распутствомъ.

Открыта подписка на 1914 г.

Подписная цѣна: на годъ — 1 р. — к.
на $\frac{1}{2}$ года — „ 50 „
на мѣсяцъ — „ 10 „   За границу вдвое.

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Каретный рядъ, Лиховъ
пер., Епархіальный Домъ.

Издатель протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

„Церковность“—единственная въ Россіи народная православная противосектантская газета. Въ „Церковности“ сотрудничаютъ лучшія місіонерскія силы. „Церковность“ внимательно слѣдитъ за жизнью русскаго сектантства и обличаетъ его.

Московская Синодальная типографія. 1913.

Память Владимира Андреевича Грингмута нарочито дорога мнѣ, какъ бывшему вскормленнику Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая. Будучи директоромъ этого, въ оны дни столь славнаго, учебнаго заведенія, онъ немало потрудился надъ его преуспѣяніемъ и искорененіемъ нѣкоторыхъ недостатковъ.

П. Б. (младшій)

Проф. И. М. ПОКРОВСКІЙ.
Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытие, составъ и предѣлы. (Опытъ церковно-исторического, статистического и географического изслѣдованія. Томъ второй. XVIII-й вѣкъ. Казань, 1913.

Первый томъ этого важнаго и цѣннаго труда вышелъ въ 1897 г. Второй томъ говорить о русскихъ епархіяхъ въ теченіе XVIII в., ихъ границахъ въ разные годы этого вѣка, числѣ находившихся въ нихъ церквей и монастырей, успѣхахъ миссіонерскаго дѣла и т. п. Материалы для первого тома не блистали обилиемъ и ясностью; для второго тома авторъ располагалъ, между прочимъ, богатствами архива при Свят. Синодѣ, благоустроеннаго и за XVIII в. отчасти описанаго, и потому говорить гораздо обстоятельнѣе и точнѣе, чѣмъ прежде. Сверхъ свѣдѣній объ епархіяхъ въ трудахъ проф. Покровскаго разбросаны разнообразныя данныя по исторіи Россіи XVIII в. вообще. Карта, приложенная къ второму тому, объясняетъ движение епархиального раздѣленія Россіи за XVIII в. Авторъ обѣщаетъ издать третій томъ своего труда и къ нему приложить указатели ко всѣмъ тремъ томамъ.

С.

Свящ. Л. И. КРЫЛОВЪ. Г. Красный Холмъ и его соборы.
Къ 200-лѣтнему (1713—1913) юбилею Преображенскаго собора. Исторический очеркъ. Издание Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Тв. 1913.

Исторія Краснаго Холма не богата событиями, и интересъ книжки о. Крылова сосредоточивается на его соборѣ при трехъ старостахъ—двухъ Бородавкиныхъ и И. И. Камкивѣ. Приложенные документы начинаются съ полов. XVII в., но относятся по большей части къ XIX в.

Александро-Невская Лавра 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи С. Г. РУНКЕВИЧА. Спб. 1913.

Книга г. Р-ча, въ тысячу страницъ слишкомъ, посвящена главнымъ образомъ исторіи Лавры за XVIII в., о послѣдующемъ времени она говоритъ болѣе чѣмъ кратко. Авторъ воспользовался огромнымъ архивнымъ материаломъ, но не съумѣлъ придать интереса своему подробному разсказу. Сомнѣваемся, чтобы нашелся читатель имѣющій силу прочесть этотъ разсказъ... Изъ снимковъ наиболѣе цѣнны тѣ, которые изображаютъ разныя части Лавры въ настоящее время.

С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
РУССКИЙ АРХИВ
издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за **две́надцать выпусковъ** съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **две́надцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русского Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русского Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ . . . . . 12 рублей.

Отдельные №№ за 1913 г., по цѣнѣ . . . . . 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница . . . . . 100 р.

1/2 стр. . . . . 50 р.

1/4 стр. . . . . 25 р.

Позади текста, страница . . . . . 80 р.

1/2 стр. . . . . 40 р.

1/4 стр. . . . . 20 р.

Лицамъ печатающимъ объявленія многократно контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартеневъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

РУССКИЙ АРХИВЪ

1913.

12

стр.

755. Мои воспоминания или события въ моей жизни. Записки М. Леонтьева.
Часть III.
779. Всеподданѣйший докладъ Н. Х. Бунге. Сообщено С. Новицкимъ.
781. Записки Сенатора И. В. Лопухина.
825. Великий Шейхъ Мансуръ. Статья С. Фарфоровского.
832. Изъ переписки Графа Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ (О «Войнѣ и Мирѣ»).
836. Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.
872. Опечатки.
873. Указатель.

Внутри обложки. О книгахъ: Сборникъ въ честь Дмитрия Александровича Корсакова. По поводу сорока лѣтія его ученого-литературной деятельности; Дѣятвія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Томъ XV въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ; т. XVI, II. Новгородъ 1913.; Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, подъ редакціей Предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича. № 50; Симферополь, 1913 годъ.

Открыта подпишка на 1914 годъ.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913.

**Сборникъ статей въ честь
Дмитрія Александровича Кор-
сакова.** По поводу сорокалѣтія его
ученой и пятидесятилѣтія ученого-ли-
тературной дѣятельности. Казань,
1913. Ц. 3 р. 90 коп.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 35.
статей разныхъ авторовъ, по исторіи,
исторіи литературы, искусству, фи-
лософіи и педагогикѣ, изъ которыхъ
отмѣтимъ лишь немногія. Это статьи—
Завитневича „Особенности поэтическа-
го творчества А. С. Хомякова“; Чи-
саревскаго „Путешествіе Цесаревича
Константина Павл. по Германіи въ
1825 г.“; Л. Ильинскаго „Русскій на
Западѣ въ 1659 г.“; Харламповича
„Аєнгенъ Крыжановскій; изъ исто-
рии культурнаго вліянія Зап. Руси
на восточную въ XVII в.“; Огород-
никова „Иванъ III и зарубежные
евреи“; С. Шестакова „Византійскій
посоль на Русь Мануилъ Комнинъ“; Миндалева „Повѣсть о Меркуріи Смо-
ленскомъ и былевой эпосъ“; П. Архан-
гельскаго „Къ вопросу о происхожде-
ніи русской общинѣ“.

Сверхъ того, мы находимъ въ
сборникѣ списокъ трудовъ Д. А. Кор-
сакова и его портретъ (фототипія).

А.

**Дѣйствія Нижегородской
Ученой Архивной Комиссії.—
Сборники. Томъ XV-й въ па-
мять 300-лѣтія Царствованія
Дома Романовыхъ; Томъ
XVI-й. Н. Новгородъ. 1913.**

XV-й томъ сего сборника содер-
житъ материалы по исторіи Нижегород-
ского края 7154—1646 гг.—Нижняго
Новгорода приходная книга окладнымъ
и неокладнымъ денежнымъ доходамъ.—
Списокъ съ нижегородскихъ платеж-
ницъ 154-го года. Материалы изданы
подъ редакціей А. Я. Садовскаго.

Въ XVI-мъ томѣ помѣщены любо-
вныи „материалы къ исторіи Ниже-
городской Ярмарки“ Н. И. Драницына,
кои заключаютъ въ себѣ: 1) Къ исто-
рии построенія ярмарочнаго Гостиннаго
двора (материаломъ послужило дѣло
изъ Сенатскаго Архива Департамента
М-ва Юстиціи, отд. I, ст. 3, по архиву
1478 и хранящееся въ историческ.
Архивѣ Нижег. Ученой Архивной
Комиссіи); 2) Ярмарка наканунѣ
своего первого открытия въ II. Но-
вгородѣ въ 1817 г.; 3) Ярмарка въ
предпослѣдній 1815 годѣ у Старого
Макарія и вопросъ объ учрежденіи въ
ярмаркѣ Коммерческаго суда; 4) Мо-
нополія на торговлю обоями въ Ниже-
городской Макарьевской ярмаркѣ во
второй половинѣ XVIII-го столѣтія.

Кромѣ того въ семъ же томѣ
имѣются: статья М. И. Смирнова,
Нижегородские казенные кабаки и
кружечные дворы XVII-го столѣтія, съ
приложеніемъ „Книги Нижегородскаго
Кружечнаго Двора 166-го году“;
Н. И. Драницынъ: Опись дѣлъ Се-
натскаго Архива за 1821—1822 г.
(продолженіе); сообщенные членомъ
Нижегородской Ученой Архивной
Комиссіи И. И. Матюнинымъ списки
съ грамотъ отъ Царя Михаила Феодо-
ровича и Царя Алексія Михайловича.
Грамоты сіи хранятся въ городѣ Ар-
замасѣ, Нижегородской губ., въ Воскре-
сенскомъ Соборѣ и представляютъ
интересъ для изслѣдованія исторіи
землевладѣнія въ Арзамасскомъ краѣ
въ XVII-мъ вѣкѣ.

**Ізвѣстія Таврической Уче-
ной Архивной Комиссіи
№ 50,** подъ редакціей Предсѣдателя
Комиссіи А. И. Маркевича; Симфе-
рополь, 1913 годъ.

Изъ обширныхъ материаловъ по

Мои воспоминания или события въ моей жизни

Часть III-я.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! творяй чудеса.

Глава IX.

Невѣсты и сватовство 1819-го года и послѣдующихъ годовъ.

Живя довольно открыто, къ чему необыкновенная дорожизна сельскихъ нашихъ продуктовъ давала всѣ средства, ибо я въ Москвѣ продавалъ муку по 1 р. 80 к. и по 2 р. пудъ, крупу по 20 р. и болѣе четверть, овѣсъ по 8 р. и по 10 р., а макъ по 35-ти р. четверть. Усиливая количество въ продажу хлѣба, я нанималъ много земли и отъ сего получалъ по 2500 р. ежегодно дохода съ своего имѣнія, чего очень и очень было достаточно для одного меня. Сей то, весьма хороший доходъ, получаемый мною съ 1817-го года и проживалъ я весь, живя безвыѣздно въ своемъ Красномъ. Молодыя дамы, какъ то: жена пріятеля моего Хрущова и ея сестры, щутя назывались ко мнѣ часто въ гости; я желая повеселить ихъ приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣды, а для нихъ—и многихъ другихъ почтенныхъ дамъ нашего уѣзда, и тогда выходило у меня многолюдное собраніе. Сіи прїѣзы породили желаніе въ нѣкоторыхъ дамахъ и мушинахъ женить меня; изъ нихъ первый Писаревъ предлагалъ мнѣ жениться на роднѣ его, дѣвицѣ Огаревой, но какъ оная мнѣ не нравилась, то я рѣшительно и отказался отъ нея; вторую невѣstu предлагала мнѣ, покойная теперь, А. А. Игнатьева: княжну Софью Вадольскую, чего и братьямъ сей княжны очень хотѣ-

лось; третью предлагалъ мнѣ Н. С. Григоровъ и сія есть жена моя. Всматриваясь пристально въ княжну Вадьбельскую, я видѣлъ, что ей самой хотѣлось быть за мнѣй, и я начиналъ думать, что она будетъ моей женой, какъ неожиданно для меня Н. С. Григоровъ зимой 1819-го года присыпаетъ ко мнѣ звать меня къ себѣ, приписывая въ запискѣ, что у него гости, съ которыми я можетъ захочу покороче познакомиться. Я пріѣзжаю и нахожу у него теперешнюю жену мою, которая мнѣ съ первого взгляда очень понравилась, и я крайне удивился сходству ея лица съ тѣмъ, которое я видѣлъ во снѣ за нѣсколько предъ тѣмъ дней.

Проведя сей вечеръ съ большою пріятностью, я возвратился домой, положивъ въ мысляхъ искать руки ея, но какъ я былъ очень застѣнчивъ, то и молчалъ о семъ. Надежда Ильинична Хрущова, видя невольное, почти, мое сближеніе съ Вадьбельской въ зиму 1820-го года, рѣшилась сама вновь предложить мнѣ Александру Федоровну; я, поблагодаря ее, сказалъ: „но гдѣ я ее увижу?“ Ловкая сія дама, будучи родня женѣ моей, сказала на сіе, что она вскорѣ у нихъ будетъ и тѣмъ вновь возродила во мнѣ мысль жениться на ней. Это было на балу у Морсочникова, гдѣ особенно старались свести меня съ княжной, и Надежда Ильинична взявъ меня за руку сказала: „не забудьте же Александры Федоровны!“ Сие предложеніе заставило меня нѣсколько отдалиться отъ Вадьбельской, ибо, бывъ пріятелемъ Хрущова, мнѣ хотѣлось еще болѣе укрѣпить сей узелъ, женясь на роднѣ его. Такимъ образомъ, рѣшась на бракъ съ теперешней женой, я отдалился отъ Вадьбельской, чему большая пружина была—Хрущова, о которой послѣ говорили, что она отдаила меня съ тѣмъ, чтобы женить на княжнѣ брата своего. Но какъ бы то ни было, а я очень счастливъ, что отдалился отъ Вадьбельской, ибо она, вышедъ послѣ моей жинитьбы за Глѣбовскаго, богатаго человѣка, вскорѣ разошлась съ нимъ, и тѣмъ если справедливы были слухи о намѣреніи Хрущовой и ея хитрости.—не получила никакого успѣха.

Глава X.

Свиданіе, путешествіе, сговоръ, займы денегъ, свадьба.

Въ Іюнь 1821-го года, въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, когда ищешь, но не находишь нигдѣ прохлады, пріѣзжаетъ ко мнѣ Н. Е. Хрущовъ; радуясь пріятельскому пріѣзду, но и удивляясь, что онъ въ столь жаркое время рѣшился на выѣздъ, я провелъ весь день съ

нимъ въ разныхъ вовсе постороннихъ разговорахъ, ни мало не подозрѣвая, что сей прїездъ его будетъ имѣть большое вліяніе на всю будущую жизнь мою. Собираясь къ отъѣзду. Хрущовъ началъ звать меня на завтрашній день къ дядѣ своему Николаю Сергеевичу Григорову, въ домѣ котораго онъ всегда жилъ какъ его воспитанникъ и наслѣдникъ; я отговаривался тѣмъ и другимъ, но долженъ былъ согласиться на его убѣженія и на другой день, 19-го числа, пойхаль къ нимъ обѣдать и тутъ встрѣчаю, вовсе для меня неожиданно, теперешнюю жену мою.

Проведя съ нею сей день вмѣстѣ, я былъ очень симъ доволенъ и, возвратясь домой съ мыслями развлечеными, я не могъ соединить ихъ и дать себѣ отчетъ въ оныхъ. 24-го того же Іюня по случаю назначенаго собранія, ѿхавъ въ Елифани я заѣжалъ опять къ Григорову, гдѣ еще провелъ нѣсколько времени съ Александрой Федоровной, и Хрущовъ, ѿхавшій оттуда до Епифаніи въ моемъ экипажѣ, дорогою предлагалъ мнѣ вновь на ней жениться, на что я и согласился; Хрущовъ совѣтовалъ мнѣ сказать о семъ Григорову, какъ ея двоюродному дядѣ, что я и положилъ при удобномъ случаѣ исполнить. Я долженъ сказать при семъ, что сильнѣйшимъ побужденіемъ къ женитьбѣ моей было слѣдующее обстоятельство: 19-го Іюля, слѣдственно черезъ мѣсяцъ послѣ первого свиданія моего съ моей Сашей, я прїезжаю къ Григорову съ тѣмъ, чтобы проститься съ Хрущовымъ, ѿхавшимъ тогда въ Москву; говоря о разныхъ предметахъ, жена его попросила итти съ нею въ садъ и тамъ, проведя къ акаціевой бесѣдкѣ, показала вырѣзанные женою мою крестъ и вазлъ она га ея вензель слѣдующимъ образомъ: у+А.; таковыя благочестивыя чувствованія молодой дѣвушкѣ меня поразили! Я видѣлъ сто разъ, какъ при подобныхъ памятникахъ они вырѣзываютъ любовные стишкі, басенки и тому подобный вздоръ,—но мыслей сопряженныхъ съ истинною религіею я нигдѣ писанныхъ ими не видалъ и даже рѣдко, или лучше никогда не слыхалъ говорящихъ ихъ о вѣчныхъ христіанскихъ истинахъ. Итакъ сіе новое и невиданное мною явленіе чрезвычайно меня тронуло, ибо я, сверхъ души нѣжной и возвышенной, видѣлъ въ семъ изображеніи и то, что она несчастлива, потому что счастливцы міра сего не любятъ приближаться къ кресту Христову. Мысль имѣть же-ною столь преданную истиной вѣрѣ дѣвушку и быть ея утѣшителемъ меня воспламенила, и я не смѣлъ почти дышать при видѣ сихъ вѣчныхъ символовъ кротости и благочестія (все это была выдумка Н. И. Хрущовой). Будучи отъ бывшихъ со мною встрѣчъ въ сей жизни подозрительнымъ, я присоединилъ вскорѣ къ симъ восхититель-

нымъ мыслямъ, мысль: не притворство ли это? И не лицемѣре ли начертало сей священный знакъ? Но одумавъ нашель, что подозрѣнія мои ложны, ибо есть-ли надобность лицемѣрить, когда Александра Федоровна не могла и подумать, чтобы я ею интересовался, потому что и виду на сie ей мною не подано и еще почему знать ей образъ моихъ мыслей! Одумавши сie я предался сладостнымъ мыслямъ, что есть еще на землѣ люди преданные искренно и сердечно Спасителю нашему, и что я нашель то, чего ищу—благочестье и кротость; будучи исполненъ сихъ мыслей и волниумъ то сладостною надеждою, то опечаливаясь моимъ недостоинствомъ, я возвратился изъ саду и вскорѣ уѣхалъ домой.

20-го числа, то есть на другой день я написалъ письмо къ Хрущовымъ, въ которымъ, изложа желаніе мое жениться на Александрѣ Федоровнѣ, просилъ ихъ во время своего къ ней заѣзда отобрать отъ нея по сему предмету ея мысли и получа на сie удовлетворительный отвѣтъ, рѣшился объяснить мое желаніе и Григорову, какъ близкому ея родственнику, что и исполнилъ 28-го числа. Сие первое объясненіе было для меня очень трудно; во первыхъ потому, что тутъ дѣло шло о рѣшеніи моей участіи, а во вторыхъ и потому, что я былъ очень застѣнчивъ при одной мысли жениться, внѣдренной въ меня моей матерью. Григоровъ принялъ мое предложеніе съ пріятностью, обѣщалъ мнѣ свое ходатайство и увѣрилъ, что въ моемъ намѣреніи препятствія не будетъ; это меня очень порадовало, и я возвратился домой въ пріятномъ расположениі духа, предавъ все желаніе и судьбу мою во Всемилосердую Волю нашего Искупителя. Наконецъ 8-го Августа я получилъ письмо отъ Хрущовыхъ, которымъ она увѣдомляетъ меня, что Александра Федоровна и всѣ ея родные согласны на мое предложеніе и просятъ меня прїѣхать къ нимъ къ 22 того же Августа. Съ играющей душой прочтя сie радостное для меня письмо, я въ нетерпѣніи, не ожидая назначенаго времени 10-го числа пустился въ Дворяниново, взявъ съ собой 600 рублей денегъ весьма кстати мною за нѣсколько дней полученныхыхъ отъ купившаго у меня, весьма дурного человѣка Степку. При самомъ началѣ сватовства моего является уже особенный Промыселъ Божій, ибо надлежало же въ сie самое время Хрущовымъ ѻхать въ Москву, черезъ что я получилъ первое и необходимое для успѣха моего намѣренія свѣдѣніе.

Надо же было продаться и человѣку моему къ сему времени, чѣмъ я огражденъ въ необходимой при такихъ случаяхъ надобности въ деньгахъ; да и самому Григорову, имѣющему ужасный видъ и харак-

терь, надлежало же при моемъ объясненіи принять самую обязательную вѣжливость и тѣмъ окуражить меня; однимъ словомъ, я, при семъ важнѣйшемъ періодѣ жизни моей, подобно ребенку водимъ быть на помочахъ Нѣжнѣйшимъ всѣхъ Отцемъ, Который надъ всѣми есть! И послѣ сего, падая предъ симъ благимъ Богомъ изъ вины въ вину, гдѣ я могу искать помилованія и пощады, какъ не въ сей же пучинѣ непостижимой благости и милосердія? „Господи не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!“

Путешествіе мое продолжалось два дня до Соломенного Завода, что на большой московской дорогѣ, гдѣ я остановился, чтобы собраться съ мыслями, передѣться иѣхать въ Дворяниново въ 5 verstахъ оттуда лежащее, гдѣ живутъ Болотовы, а въ домѣ ихъ моя невѣста. Труденъ былъ для меня шагъ явиться среди людей вовсе для меня неизвѣстныхъ и къ самой невѣстѣ, которую я видѣлъ только два раза и то, можно сказать, мимоходомъ, но предавъ себя единожды въ волю и распоряженіе міровъ Правителя, съ искреннею надеждою на Его помоць я рѣшился пуститься въ путь мнѣ предлежащій! Выѣхавъ 12-го Августа изъ Завода такъ, чтобы къ 5 часамъ пополудни прїѣхать въ Дворяниново, я съ половины дороги сбился. Въ сie же время нашла туча съ сильнымъ дождемъ и громомъ и мочила меня почти до самаго Дворянинова. но побѣждала или гегенося всѣ сіи препятствія, я къ означенному времени прїѣхалъ къ цѣли своего, похожаго на Язованово, путешествія и былъ принять весьма ласково дѣдушкoi Андреемъ Тимофеевичемъ Болотовымъ, встрѣтившимъ меня въ лакейской; посидѣвъ немного съ нимъ, я увидѣлъ, входящаго, небольшого роста, неважной наружности старичка, и это былъ любезный и почтенный Павель Андреевичъ другъ и благодѣтель мой! Сей рѣдкій человѣкъ съ первого раза привлекъ къ себѣ мое бѣдное дотолѣ въ наслажденіяхъ любви сердце и своимъ особеннымъ обращеніемъ столь меня очаровалъ, что и видя его въ первый разъ, черезъ нѣсколько часовъ почиталъ уже своимъ другомъ, своимъ наставникомъ, своимъ благодѣтелемъ, чѣмъ дѣйствительно онъ и сдѣлался, почувствовавъ, какъ самъ послѣ сказывалъ, при первомъ свиданіи со мною, нѣкоторое особенное ко мнѣ влеченіе. Вскорѣ прїѣхали и дамы изъ гостей и среди нихъ моя невѣста, къ которой я и подошелъ, хотя и неловко, но довольно сносно; тутъ представленъ я былъ Павломъ Андреевичемъ бабушкѣ, его женѣ Марье Федоровнѣ и его дочери покойной уже Еленѣ Павловнѣ. доброй и любви достойной дѣвшкѣ. Такимъ образомъ бывть принять и обласканъ всѣми, я провелъ первый день весьма пріятно въ кругу сихъ истинно добрыхъ и благочестивыхъ людей, которымъ ни прежде, ни теперь не

вижу еще подобныхъ. Теперь надо сказать нѣсколько словъ о моей наружности; экипажъ мой былъ очень хороший, состоящій въ прекрасныхъ, крытыхъ дрожкахъ, запряженныхъ четырьмя очень хорошими лошадями въ наборныхъ хомутахъ, а самъ я нѣсколько приiformился на заводѣ и имѣя полный карманъ золота и серебра, былъ съ сей стороны похожъ на жениха.

Я проводилъ въ Дворяниновѣ время очень пріятно, и въ сіе время познакомился и съ старшимъ сыномъ Павла Андреевича, Алексѣемъ, пріѣзжавшимъ къ нему на нѣсколько дней, и видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ ихъ знакомыхъ изъ Москвы пріѣзжавшихъ и принадлежавшихъ къ обществу масоновъ, куда и меня уговаривали присоединиться; всѣ эти лица сошли уже со сцены здѣшняго міра, какъ и многие изъ сосѣдей, тогда видѣнныхъ мною у дѣдушки. Видя къ себѣ доброе расположение всѣхъ меня окружающихъ, я рѣшился наконецъ 18-го Августа поутру сдѣлать Павлу Андреевичу, а потомъ и дѣдушкѣ, мое предложение насчетъ Александры Федоровны. Павелъ Андреевичъ принялъ на себя переговорить о семъ съ невѣстой и черезъ нѣсколько времени я былъ помолвень; моя невѣста и я очень были рады, когда сблизясь законнымъ образомъ, мы могли ласкать другъ друга. Я провелъ еще у нихъ нѣсколько дней и былъ представленъ многимъ ихъ сосѣдямъ какъ женихъ внучки хозяевъ; изъ всѣхъ видѣнныхъ мною сосѣдей болѣе всѣхъ интересовала меня добрая княгиня Марья Осиповна Несвицкая, выхвалявшая очень много мой выборъ. Наконецъ побывалъ на глупомъ пиру у сосѣда Лодыженского, гдѣ наглый его знакомый богачъ, котораго и фамилію я забылъ уже, желая по злому своему характеру вывести меня на сцену, началъ бранить всѣхъ вообще исправниковъ, зная, что и я служилъ онимъ, но я рѣшился молчать, видя себя въ весьма невыгодномъ положеніи для какой нибудь исторіи; будь это въ другомъ мѣстѣ и при другомъ случаѣ, то сей наглецъ былъ бы мною проученъ, а теперь я молчаль берегши себя для тихой моей невѣсты, не знавшей еще всѣхъ свѣтскихъ слушаевъ; сей наглецъ вскорѣ, какъ я слышалъ послѣ, сошелъ съ ума и умеръ бѣдственно.

Въ сладостное и пріятное для меня время, въ которое я но-силь званіе жениха и о которомъ люблю вспоминать, я болѣе и болѣе сближался съ мою женою и получилъ всѣ знаки ея любви ко мнѣ въ присутствіи всѣхъ родныхъ ея. Наконецъ, получа отъ нея въ знакъ памяти кольцо. 21-го числа я выѣхалъ домой для приготовленія къ свадьбѣ и оставилъ новыхъ родныхъ моихъ съ растерзаннымъ серд-цемъ. Тоскуя и скучая и только находя утѣшеніе въ пріятномъ воспо-

минаніи пролетѣвшаго времени, въ которое я впервые еще видѣлъ человѣка меня любившаго въ особѣ моей невѣсты, и только съ сего времени считая бытіе мое, я пріѣхалъ домой поутру 23-го и тотчась началъ мыслить, гдѣ бы мнѣ достать необходимо нужные мнѣ 1000 рублей денегъ? Покойный братъ мой Алексѣй былъ человѣкъ надменный и скупой и просить у него помочи значило пускать на вѣтеръ слова; съ горестью убѣждаясь въ сей истинѣ всею прошедшему моему жизнью и всѣмъ его бытіемъ въ семъ мірѣ, мнѣ совершенно извѣстнымъ. я остановилъ мысль мою на сосѣдѣ моемъ Албучевѣ, который, когда видѣлъ меня не имѣющимъ нужды, весьма часто предлагалъ мнѣ свои услуги. Зная, что у него всегда есть деньги, послалъ я къ нему письмо, убѣдительно прося его одолжить мнѣ 1000 рублей на заемное письмо и получилъ чистый отказъ. хотя онъ и зналъ, что у меня 45 душъ и на нихъ долгъ ни копейки. Зная людей я симъ не огорчился, но у меня стѣснилось сердце при одной мысли, что если я никогда не найду нужныхъ мнѣ денегъ—чрезъ то потеряю добрую и хорошую мою невѣstu. Я имѣлъ свои деньги, но оныя были въ долгахъ и, считая у себя только 400 рублей, ибо 200 я подарила Сашѣ, приходилъ въ отчаяніе, но опомнясь я вновь возложилъ все мое упованіе и всѣ мои надежды на Единаго и Всемочнаго Покровителя моего Господа и Исполнителя и сія надежда не посрамила меня. Сей случай вновь удостовѣрилъ меня въ истинѣ: „Призови Мя въ день скорби твоей изму тя и прославиша Мя“ (псаломъ 40-й ст. 15-й); „Не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ.“ (Іоан. гл. XIV ст. 18-й). Такъ Господи! прославлю милосердіе Твое, что Ты не оставилъ сироты всѣми брошенного! 24-го числа рѣшился ѻхать просить Алексѣя о займе денегъ; ѻхавъ дорогой я просилъ Господа благословить мое намѣреніе и приклонить ко мнѣ сердце брата моего. По пріѣздѣ я началъ тѣмъ, что рассказалъ о сватовствѣ сестрамъ моимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ недавно изъ Тамбовской своей деревни и намекнулъ имъ о нуждѣ своей, на что Наталья отрѣзала словомъ „нѣть!“ Въ это время взошоль покойный Алексѣй и я, продолжая разговоръ съ трепетомъ рассказалъ ему все и потомъ съ сожалѣніемъ повторилъ: „Я было братецъ пріѣхалъ къ тебѣ просить денегъ, но сестра сказала, что у тебя нѣть“,—на сіе онъ сказалъ: „что нѣть? много ли тебѣ надо?“ Я въ радости готовъ былъ упасть ему въ ноги, и сказалъ: „1000 рублей“. — „Хорошо“, отвѣчалъ онъ мнѣ и принесъ деньги. Что это была единая милость Божія, подвигшая жестокое его сердце къ чувству милосердія, а не его прирожденная любовь къ человѣчеству, тому доказательствомъ служить то, что онъ, какъ бы раскаиваясь въ семъ добрѣ далъ въ 1822 году заемное письмо въ 70000 рублей Натальѣ съ тѣмъ, чтобы мнѣ послѣ него ничего не

осталось, ибо чувствовалъ болѣзнь свою и потомъ, при полученіи денегъ отъ меня взялъ лишнихъ 64 рубля.

Получая такимъ, для меня вовсе неожиданнымъ, образомъ нужныя мнѣ деньги, я былъ въ восхищеніи, ибо теперь могъ положить навѣрное, что наконецъ скучное мое одиночество прекратится, что я буду имѣть вѣрнаго друга въ благочестиво-воспитанной женѣ моей и что наконецъ я стану въ рядъ съ полезными отечеству своему гражданами; меня восхищала мысль, что я буду имѣть дѣтей, воспитаю ихъ, доставлю имъ все лучшее, что только могу и, такимъ образомъ, снишу людей, которые быть можетъ оросять нѣкогда прахъ мой слезами любви и благодарности. Вознеся изъ глубины души моей благоговѣйную благодарность къ благословляющему меня Господу, я черезъ нѣсколько дней, исправясь покупкою лошадей и взявъ у пріятеля моего Хрущова двумѣстную карету для будущей моей свадьбы необходимую, пустился въ путь свой въ Дворяниново, убѣдя покойнаго теперь брата моего Алексѣя пріѣхать ко мнѣ на свадьбу и занять мѣсто отца, что онъ великодушно и исполнилъ.

Пройзжая Тулу и закупя въ ней великолѣпный, какъ водится для свадебнаго стола десертъ и купивъ обручальные золотыя кольца и два хорошихъ хомута, недостававшие у меня къ шести лошадямъ, я не имѣть терпѣнія, а не денегъ спѣти что либо себѣ къ свадьбѣ отъ пламенного желанія видѣть скорое окончаніе одного. и, можно сказать, единственнаго желанія моего быть женату, страшась ужаснаго и ведущаго ко многимъ порокамъ холостого состоянія столь мнѣ постылаго. Итакъ, съ большимъ нетерпѣніемъ и считая всякую минуту, я въ послѣднихъ числахъ Августа пріѣхалъ въ Дворяниново вовсе неожиданно для всѣхъ моихъ новыхъ родныхъ и знакомыхъ. Вскорѣ за мной пріѣхалъ и покойный братъ Алексѣй, котораго, какъ дѣдушка, такъ и Павелъ Андреевичъ встрѣтили самыми обязательнымъ образомъ. Къ сему времени, то есть въ 1-у Сентябрю съѣхались и родные жены моей Пестовой, равно и многіе знакомые и свадьбѣ положено было быть 4 го Сентября. Наканунѣ, то есть 3-го числа подписаю мною и свидѣтелями моими, братомъ моимъ Алексѣемъ, надворнымъ совѣтникомъ Галактионовымъ и Павломъ Андреевичемъ обыскъ, а послѣ быль пріѣздъ многихъ сосѣдей. Наконецъ наступило достопамятное и нетерпѣливо мною ожиданное 4-е число, въ которое и совершионъ бракъ мой въ церкви села Русатина, приходѣ дѣдушки, при стеченіи большого числа дворянъ. По прошествіи уже девяти лѣтъ я благословляю сей священный и незабвенный для меня день, въ который я сдѣлался bla-

женихшимъ изъ людей! Сей день введя меня въ цѣпь рода человѣческаго, уничтожилъ тщетное мое существованіе и слѣдственно есть начало всему добру, всѣмъ радостямъ, всему довольству, всему устройству, которымъ теперь наслаждаемся я и окружающее меня мое семейство! Благословляю Тебя Отецъ щедротъ. яко Совершителя моего и семейства моего счастія! Буди имя Твое благословленно въ родѣ моемъ во вѣки и вѣки!

Церемоніальный кортежъ или поѣздъ нашъ къ церкви, былъ въ 4-хъ каретахъ цугами, а возвращеніе въ домъ дѣдушки было при звукахъ музыки и при встрѣчѣ нась почтеннѣйшими старцами, у коихъ воспитывалась жена моя, и которую они щедро одарили, давъ ей на приданое 2000 рублей и брильянтовъ на 100 рублей же, ибо болѣе дать и не могли и не были обязаны, наградя мать ея имѣніемъ, которое ровно какъ и веци прожилъ отецъ моей Саши. На другой день былъ пышный обѣдъ и балъ. на которыхъ было болѣе 45 человѣкъ гостей: послѣ сего дня мы съ женой въ привезенной мною каретѣ дѣлали визиты и пробыть болѣе недѣли въ Дворяниновѣ, къ половинѣ Сентября прїѣхали въ свое Красное. весьма плохо тогда отстроенное. въ домъ имѣвшій только 7 комнатъ, плохо внутри отдѣланныхъ. Привыкнувъ жить въ огромныхъ комнатахъ, сіе нѣсколько смущило жену мою. но къ чести ея сказать надо. что сіе смущеніе было мгновенное. Мы вскорѣ приступили къ украшенію нашихъ приемныхъ комнатъ. къ чему привезенные моей Сашей картины и гардины очень много послужили. и мы въ исходѣ Сентября и именно въ мои именини дали порядочный обѣдъ для своихъ обоюдныхъ родныхъ. Согласіе, терпѣніе и расчетъ. а паче благословеніе Божіе, по времени дало намъ возможность преобразить не только внутреннее убранство комнатъ. но и наружный видъ нашего дома и сверхъ сего измѣнить неопрятный и дурной видъ мазанокъ и гнилого строенія. на прекрасное каменное, и соломенные крыши—на тесовыя. Справедлива русская пословица: „гдѣ у мужа съ женою ладъ—тамъ и кладъ“. Проводя съ доброй женой моей время непримѣтнымъ для нась образомъ въ семейственныхъ занятіяхъ, выѣздахъ и приемахъ у себя гостей. мы вначалѣ зимы поѣхали къ почтенному нашему дѣдушкѣ Андрею Тимофеевичу и проведя у сего любви достойнаго и рѣдкаго старца болѣе двухъ недѣль, поѣхали въ Калугу къ родной теткѣ жены моей Аннѣ Ивановнѣ Албычевой: разставаясь съ симъ ангеломъ. а не человѣкомъ. я не могъ не плакать. И теперь благоговѣю предъ симъ идеаломъ добра и истинной философіи 92-лѣтнимъ уже слѣпымъ старцемъ, сердечно сожалѣю, что семейственные наше занятія и хозяйство препятствуютъ мнѣ чаще его видѣть и

слышать поучительные его бесѣды. Путешествіе наше къ покойной уже генеральне Аннѣ Ивановнѣ Албачевой было весьма пріятно, ибо въ сіе время забѣжали мы къ сестрамъ жены моей по одному отцу, гдѣ я и познакомился съ ними; они жили тогда у дяди своего Карабанова, Смоленской губерніи въ селѣ Восцахъ, которое показывается на всѣхъ картахъ.

Приемъ учиненный намъ отъ Анны Ивановны былъ достоинъ того ума, которымъ обладала сія любезная дама. Мы у нея пріостили ровно мѣсяцъ, и я былъ чрезвычайно обязанъ ея ласкою. а Сашу она осыпала своими благодѣяніями, подаря ей 500 рублей сверхъ 2000 р. должныхъ ей отцомъ ея, которые она простила намъ, обязавъ такимъ образомъ насть и будущее наше потомство. вѣчною къ себѣ благодарностію. Во время нашего у неї пребыванія она давала нѣсколько обѣдовъ, знакомя насть съ своими сосѣдями и стараясь доставить намъ всевозможныя удовольствія; и сей почтенной и пріятной дамы нѣть ужъ въ здѣшнемъ мірѣ! Злоба и неблагодарность унаследованной ею себѣ племянницы подлой Корзыковой сократила жизнь ея. Миръ праху твоему добрая женщина и нѣжная родственница!

Возвратясь домой уже въ 1822 году съ беременной женой, и привезя съ собой сестру ея Любовь Федоровну, мы всю сію зиму проводили весьма пріятно, заведясь и хорошимъ зимнимъ экипажемъ, купленнымъ нами передъ нашимъ вояжемъ за Калугу и, такимъ образомъ, разѣзжали въ хорошей кибиточкѣ заплаченной нами 450 рублей. Въ маѣ 1822-го года посѣтили насть многіе родные жены моей. какъ то Пестовы со всѣмъ семействомъ и Кисленскіе со всей семьей своей, которыхъ мы и угощали отлично и для нихъ изумительно, давая имъ прекрасные столы: особенно Кисленскія, московскія жительницы были, видимо, изумлены образомъ нашей жизни. слыша, что я небогатъ и видя во всемъ вкусъ и порядокъ. потому что я и холостой любилъ давать хорошия столы, имѣя всегда и десертъ прекрасный, живя отлично, весело. Наконецъ я видѣлъ приближающимся то время, въ которое долженъ я быть впервые получить священное званіе отца. Въ іюнѣ того 1822-го года. свояченица моя отправилась домой, а я съ женой въ началѣ Августа поѣхалъ въ Тулу для родинъ ея, сердечно желая употребить всѣ пособія искусства для первыхъ родовъ ея, не щадя никакихъ издержекъ. а прося Господа силъ благословить меня благополучнымъ разрѣшеніемъ сей любви достойной жены моей.

Послѣ многихъ лѣтъ, я вновь приступаю къ повѣстованию важнѣйшихъ событий въ моей жизни уже въ Сентябрѣ 1834 года. Итакъ, я принялъ отъ Господа благословеніе рожденіемъ мнѣ сына Павла 18-го

Августа, пополудни въ 9-мъ часу. Едва ли я былъ когда столько счастливъ, какъ въ ту минуту, когда милая жена подарила меня первый плодомъ взаимной и счастливой любви нашей: плакать и прыгать отъ радости,—но первымъ моимъ чувствомъ было при постели жены повергнуться на колѣни и благодарить Отца щедротъ! Съ такими же чувствами я принималъ рожденье и Оленьки 1823-го года 4 Августа, Миши 1825-го года Февраля 5-го, и Саши 1830-го года января 7-го, бывъ всегда при женѣ моей безъ отдыха во все время мукъ ея. Послѣ рожденія Саши я, какъ бы по предчувствію, что она будетъ послѣднею отраслью моего семейства, велѣлъ служить благодарное Господу Богу молебствіе. въ самыя первыя минуты появленія ея въ міръ сей!

Глава XI.

Намѣреніе къ собранію денегъ для дѣтей, улучшеніе нашего хозяйства, смерть брата Алексія. Строеніе, разведеніе садовъ, заведеніе скота, экипажа. Периодъ отъ 1822-го до 1831-го года.

Рожденіе Паши и беременность жены моей Ольгой, породили во мнѣ мысль о будущемъ воспитаніи дѣтей. Состояніе наше было весьма умѣренное и доходъ нашъ не превышалъ 3000 рублей, слѣдственно, онаго было бы недостаточно къ издержкамъ на наемъ учителей, плату въ пансіоны и на свое содержаніе. Это обстоятельство дало мнѣ мысль положить себѣ правиломъ проживать по 150 руб. въ мѣсяцъ, а достаточной доходъ весь прятать, ибо я хотѣлъ воспитывать дѣтей на свое, а не на общественное изживеніе, полагая что въ этомъ-то и есть обязанность родителей; сверхъ сего собственный опытъ мнѣ указывалъ, что гражданская служба выгоднѣе и покойнѣе военной, послѣ которой, почти всегда, потерявъ здоровье возвращаются восвояси, тогда какъ гражданскій чиновникъ, служа на одномъ мѣстѣ въ лучшемъ обществѣ, не только получаетъ большое жалованье, но прослужа даже 35 лѣтъ, идетъ въ отставку здоровый и съ большимъ пансіономъ. А какъ образованіе въ гражданскую службу гораздо многосложнѣе, а слѣдственно и дороже, то и требуетъ болѣе денегъ. Будучи самъ прегадко воспитанъ, я не хотѣлъ подвергнуть подобной несчастной участіи дѣтей моихъ. Богъ и прилежное чтеніе, а равно и знакомство съ людьми учеными, открыли мнѣ потребность въ книжкахъ. Итакъ могъ ли я не желать образовать дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ. Къ чести жены моей сказать надо, что она въ семъ была со мною согласна, хотя по слабости женской иногда и досадовала на недостатокъ въ деньгахъ, а слѣдовательно и въ гардеробѣ, но я умѣлъ все уладить и шелъ къ своей цѣли постоянно и неутомимо. презирая людскіе толки, зависть родного брата Алексія и его желаніе

даже возбудить неудовольствие въ женѣ моей за сіи сбереженія. Эта твердость характера моего произвела спасительный слѣдствія такъ, что у насъ къ 1831 году составился капиталъ въ 2000 рублей, который я и отдавалъ въ проценты своимъ сосѣдямъ. Въ то же время мы съ женой, стараясь улучшить свое хозяйство, общими силами достигли того, что домашнее устройство ткачей, плетеніе кружевъ, вышиваніе и прочее, дало намъ хорошія средства къ житью, ибо въ теченіе сихъ 8 лѣтъ были года неурожайные на хлѣбъ и низкія цѣны оного уменьшали годъ отъ году наши доходы. Вся домашняя экономія была слѣдствіемъ заботъ незабвенной жены моей: впрочемъ не надо полагать, что сія откладка денегъ не давала средства намъ жить порядочно, напротивъ, жена моя была всегда одѣта хорошо, къ намъѣзжали гости лучшіе въ нашемъ сосѣдствѣ, и мы купили въ 1828-мъ году прекрасную четверомѣстную карету, стоющую 1550 рублей, а до сего мы имѣли двумѣстную, за которую я заплатилъ 750 рублей. О моемъ гардеробѣ ни слова! Три фрака въ 9 лѣтъ и болѣе ничего. Стыдно отцу семейства думать о ничтожныхъ вещахъ.

Наконецъ въ 1827 году послѣ 14-лѣтней и истощительной болѣзни, вслѣдствіе развратной молодости, а можетъ и проклятія матери, братъ мой Алексѣй умеръ несчастно, никѣмъ неоплаченный. Вотъ примѣръ молодымъ людямъ! Истощеніе соковъ имѣло пагубное вліяніе на его характеръ: грубый, холодный, непріязненный, скупой, сварливый и завистливый. Ахъ, сохранимъ себя отъ пьянства и сладострастія! Когда пишу сіе и другой примѣръ является намъ въ триесущемся, слабомъ и ни къ чему неспособномъ другомъ моемъ братѣ, къ несчастію отцѣ 12 дѣтей! Но святой законъ болѣе долженъ дѣйствовать на васъ любезные мои дѣти, нежели всѣ слова мои: помните Завѣтъ Спасителя не обѣдаться и не упиваться, дабы не быть постигнутыми бѣдствіями и дабы могли мы стать предъ Сыномъ Человѣческимъ.

По смерти брата Алексѣя открылось, что онъ все свое и чужое имѣніе отдалъ сестрамъ. Я презрѣлъ сіе, но Владіміръ, вступя въ тяжбу съ сестрой, ничего не выигралъ кромѣ того, что осрамилъ себя. Смерть Алексѣя сблизила насъ родныхъ, которыхъ гнусный его характеръ всегда разъединялъ. Теперь, видя, что намъ некому препятствовать, мы съ женой, вымѣнявъ у сосѣдей и присоединя изъ общихъ луговъ землю подъ гумно, начали разводить сады себѣ, которыми къ 1830 году мы и заняли десятины полторы, насадя болѣе 500 яблокъ, въ томъ предположеніи, чтобы современемъ усилить свои доходы; въ сіе же время я началъ строить все надворное строеніе ка-

менное и крыть его дранью, дабы не имѣть впослѣдствіи издержекъ на строеніе, когда надо будетъ посвятить себя одному великому предмету—воспитанію дѣтей; сверхъ сего соломенная крыша по моему расчету много лишала нась удобренія земель: всѣ сіи зданія, прочно и красиво мною построенные съ 1828-го по лѣто 1832-го года вклю-чительно, которыя стоять мнѣ болѣе 4000 рублей. Я сказалъ, что по смерти Алексія намъ некому было мѣшать въ разведеніи садовъ, а поэтому надо объяснить, что Алексій никогда не согласился бы про-мѣнять намъ клочка своего въ лугу у сада нашего лежавшаго, ибо былъ прежадный и пренегодный сосѣдъ, да я лучше бы стала каменья ворочать, чѣмъ просить о чемъ этого ужаснаго человѣка;—одинъ разъ и то не безъ особеннаго Бож്�яго укрѣщенія просилъ я у него денегъ передъ мою свадьбою. Въ доказательство того могу сказать, что я не заикался даже просить его о раздѣлѣ 15 десятинъ кустовъ, которыми онъ владѣлъ силою одинъ, и которыя мы по его смерти въ тотъ же годъ раздѣли и отъ которыхъ я на свою часть получила три десятины, а съ ними ежегоднаго дохода по 300 рублей; къ гнусной же чертѣ его характера принадлежитъ то, что онъ всегда говорилъ: на что мы собираемъ деньги, ибо де отъ меня все вамъ достанется, а самъ давно уже сдѣлалъ духовную въ пользу сестерь. Но забудемъ сего человѣка и порадуемся, что подобные весьма между нами рѣдки.

Такимъ образомъ съ сего времени, то есть съ 1828-го года, бла-гословеніе Божіе полилось на нась рѣкою, какъбы въ возмездіе обиды, которую хотѣлъ намъ сдѣлать человѣкъ, ибо въ сіе же время мы начали разводить коровъ, которыя и стали вестись благополучно; симъ мы достигли лучшаго и множайшаго удобренія земель, а слѣдственно и лучшаго урожая хлѣбовъ, къ чему крыша дранью дала намъ обильное средство.

Итакъ теперешнее благостояніе если сравнить съ бывшемъ ровно за 20 лѣтъ или въ 1811-мъ году, то какое представится изумительное разстояніе. Не ясно ли видимъ перстъ Божій, вопреки злковарству людей, выведшій судьбу мою на стезю спокойствія душевнаго и тѣлеснаго? Такъ Господи, Тебѣ Единому подобаетъ хвала, честь и благодареніе! Мирное счастіе, семейственная радость, знатное знакомство, прекрас-нѣйшее строеніе, большиe и прелестные сады, славныя сажалки, во всемъ изобиліе—явилось тамъ, куда люди бросили человѣка въ бѣшен-ствѣ своея страсти, дабы погрузить его въ тинъ болота, и въ плетне-выхъ сараяхъ погребсти его тѣло, а можетъ и душу, ибо долго ли до-вести до отчаянія! Но тамъ, гдѣ ожидалось счастіе, водворился плачъ. вонъ болѣзни, зависти и презрѣнія, вмѣсто довольства и извѣстности!

Отцовскія строенія пали, сады исчезли, прудъ изсохъ и во всемъ явился недостатокъ такъ, что у бѣднаго и презрѣннаго прежде Михайлы богатая и захватившая все въ свои руки Наталья стала занимать по полторы тысячи рублей, и сей прежній бѣднякъ не бралъ даже съ нея процентовъ! Господи, въ Твоей обожаемой славѣ жребій мой! Ты поднявъ меня возставилъ! О, да изсякнетъ сердце мое въ благодарности къ Тебѣ! 12 лѣтъ я наслаждался рѣдкимъ въ мірѣ счастіемъ, имѣя супругу кроткую, пришло время и Ты возвзвалъ ее! Прости ропотъ слабости и не отринь меня во время старости моей. Удостой исполнить обѣть сердца моего, достойно воспитать мнѣ дѣтей моихъ, мнѣ Тобою же данныхыхъ! Утверди сердце мое на камени заповѣдей Твоихъ и постави мя на чутъ миренья! Благослови! Ахъ, благослови дѣтей моихъ, единое мое въ семъ мірѣ счастіе! Удѣли имъ отъ моего благословенія лучшую часть, устрой имъ все на полезное! Пусть они закроютъ глаза мои, пусть я воскликну въ послѣдній день мой: „Благъ еси Ты Господи и благо сотворилъ рабу Твоему“!

Глава XII.

Наемъ учительницъ, холера Морбусъ, неожиданный подарокъ. Наслѣдство, продажа лѣса, поѣзда въ Москву, распространеніе нашей усадьбы и сада, отдача Паши въ пансионъ. Периодъ отъ Марта 1830-го до Февраля 1833-го года.

Вожделѣнное время мною съ толикимъ нетерпѣніемъ ожидаемое наконецъ наступило. Пашъ наступилъ 8-й, Ольгѣ 7-й годъ, и мы начали для ученія ихъ по французски и нѣмецки, географіи и прочему, воспитывавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ благородную дѣвушку Теплову за 800 рублей ассигнаціями въ годъ и помѣстили ее съ сестрою въ пристроенный для сего къ дому флигель. Можетъ быть я поторопился началомъ ученія по лѣтамъ дѣтей моихъ, но собственное невѣжество страшило меня; виновная безпечность моего отца всегдашимъ мнѣ служила ужасомъ, и я боялся пропустить время драгоцѣнѣйшее самой жизни. Ученіе дѣтей шло прекрасно до самаго Октября. Въ сіе время появилась въ Москвѣ холера и ужасъ поразилъ сердца всѣхъ! Всѣ спѣшили соединиться на смерть со своими родными, и прекрасная наша мамзель уѣхала къ своей матери въ Каширу. Потомки не возмогутъ представить себѣ того ужаса, который распространила стουстая молва, подкрѣпляемая и глупѣйшими распоряженіями тогдашниго министра внутреннихъ дѣлъ Закревского; онъ вызвалъ все дворянство на службу, какъ бы при нашествіи непріятеля, раздѣлилъ всѣ

губерніи на части и оцѣнилъ всѣ селенія другъ оть друга. Сіе неслыханное глупое распоряженіе естественнымъ образомъ лишило Москву и всѣ губернскіе и уѣздные города продовольствія, что и заставляло бросить сіи пагубныя предосторожности, имѣвшія слѣдствіемъ бунты. Въ сіе время выпускались столь глупые слухи, что безъ досады нельзя ихъ было слушать; говорили, что будто злонамѣренные люди отравляли пруды и колодцы, отчего и происходит болѣзнь; чернь говорила, что господа нарочно выдумали болѣзнь, чтобы живыхъ людей варить въ котлахъ, относя къ сemu приготовляемые на случай появленія болѣзни чаны для ваннъ. Такія и тому подобныя вѣсти въ теченіе 4 мѣсяцевъ утомляли слухъ нашъ, сверхъ сего лѣкаріи совѣтовали запастись одинъ такимъ, другой такимъ лѣкарствомъ, и мы наполняли ими цѣлые шкафы; нѣкоторые даже бросились въ библію и отыскавъ тамъ слова Иисуса Сирахова касательно азіатской холеры, которая у нихъ была слѣдствіемъ объядѣнія, пустились толковать, что будто Господь послалъ сію болѣзнь въ наказаніе нашего пресыщенія. Но событія опровергли сіи гаданія, ибо умирали сею болѣзнью самобѣднѣшіе люди, но однако неоспоримо, что сія ужаснѣйшая эпидемія похищала наиболѣе пьяницъ и любодѣевъ. Наконецъ ужасъ, какъ не могущій продолжаться долго, прошелъ, но мамзель наша не являлась, и мы въ началѣ 1831-го года наняли швейцарку Гизендерферъ за ту же цѣну и тому же учить дѣтей нашихъ. Итакъ ученье пошло опять не только тѣмъ же, но и лучшимъ порядкомъ. Въ исходѣ Іюля того 1831-го года, знакомый намъ старичокъ и двоюродный дядя жены моей Николай Сергѣевичъ Григоровъ, бывавшій у насъ восприемникомъ дѣтей нашихъ и любившій насть, получилъ неожиданно ударъ, лишившій его употребленія языка, руки и ноги; получа о семъ извѣстіе, мы поспѣшили къ нему на помощь, и я успѣль возвратить его къ жизни, вопреки звѣронравного его племянника и наслѣдника Хрущова, желавшаго тотчасъ уморить его. Старикъ сей первымъ своимъ дѣйствиемъ подарилъ намъ 3000 руб. ассигнаціями. Здѣсь я долженъ замѣтить, что сей старичокъ умеръ 9-го мая 1832-го года, а племянникъ и злодѣй его Хрущовъ 15-го или 18-го того же мѣсяца! Здѣсь ясно правосудіе Божіе покарало преступника. Въ томъ же 1831-мъ году 25-го Декабря, ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ кончины моей матери и въ самый день оной, умеръ братъ мой Иванъ, жившій возлѣ насть, гдѣ теперь у насъ садъ у скотнаго двора. Опустимъ завѣсу на жизнь сего человѣка. Кончина его была мучительна. Послѣ него, мы съ братомъ Владиміромъ, прїѣхавшимъ для сего изъ Херсона, гдѣ онъ служилъ въ гарнизонѣ, подѣлили имѣніе; мнѣ досталось по 7 десятинъ земли въ полѣ пахотной господской и 20 душъ въ разныхъ мѣстахъ

и на нихъ долга 2500 рублей ассигнаціями, половину котораго я заплатилъ на другой годъ.

Такъ вовсе неожиданно капиталъ нашъ возросъ въ 12000 и доходъ выросъился такъ, что мы въ 1835 году получили онаго 5600 рублей, сумму доселъ небывалую. Къ 1832 году, по случаю отпуска мадамы, я ъездилъ въ Москву, гдѣ и нанимъ, послѣднюю у насъ доселъ жившую, мерзавку Зекъ за 1200 рублей ассигн., которую въ декабрѣ того же года и выгнали какъ воровку и отправительницу. Въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ бывъ на выборѣ я ъездилъ въ Порѣчье село Одоевскаго уѣзда и продалъ тамъ лѣсъ за 2400 рублей и вотъ капиталъ нашъ возросъ и въ 14000 рублей, изъ которыхъ я далъ сосьду Протопопову 700, родному дядѣ по женѣ Болотову 5000, свояченицѣ моей Зміевой 2000 ассигнаціями. По упомянутому мною раздѣлу, усадьба наша увеличилась, и я вновь распространилъ садъ, посадя тамъ 180 яблонь, и такимъ образомъ теперь у насъ въ садахъ болѣе 800 плодовитыхъ деревьевъ, тамъ гдѣ не было прежде ни хлыстика.

Мерзость характера и подлость образа мыслей иностранокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность найти русскаго учителя или учительницу, заставили меня и жену мою рѣшиться отдать Пашу въ пансионъ Тульскій. Выдержавъ жестокую болѣзнь, называвшуюся гриппъ, которую страдала не только вся Россія, но и вся Европа, и которую приписывали летавшимъ метеорамъ или, какъ въ простонародіи называютъ падающимъ звѣздамъ, которыхъ въ исходѣ Ноября помнится упадало безчисленное множество, да и воздухъ сею зимою былъ отмѣнно густъ и туманенъ, хотя и бывали жестокіе морозы; все сіе дѣлало чрезвычайное вліяніе на людей, и дорогой на многихъ обозахъ видѣлъ я лежавшихъ болѣнныхъ людей, чего прежде никогда не бывало. Вообще 1831-й и 1832-й года были очень тяжелы и много народа померло: лѣкаря и попы набрали себѣ большія деньги.

Итакъ получа естественное, а не отъ искусства лѣкарей, которыеничкали насъ и сами не вѣдали свойства болѣзни, облегченіе, я поѣхалъ съ сыновьями 20-го Декабря въ Тулу гдѣ была уже больная жена моя съ Оленькой, а Сашу оставилъ дома. Этотъ милый ребенокъ въ сіе тяжкое для меня время часто оставался на рукахъ негодной няньки и только особенному покровительству Провидѣнія обязанъ я сохраненіемъ ея. Тамъ въ началѣ Января, отдавъ Пашу въ пансионъ для ученья языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, исторіи, географіи, математикѣ, танцевать и музыкѣ, а равно Закону Божьему и рисова-

нию съ платою по 900 руб. ассигнациями или по курсу 1026 руб. въ годъ и пробывъ тамъ недѣли три пріѣхалъ къ Сашѣ; потомъ я въ исходѣ Января вновь побѣжалъ въ Тулу и привезъ отчаянную жену мою въ деревню, куда она сама пламенно желала ѿхать. Теперь я приступаю къ описанію самого горестнаго для меня события, въ одной только вѣрѣ ища себѣ подкрѣпленія и утѣшенія! Надлежало мнѣ потерять вѣрнаго друга! Боже, укрѣпи меня и утѣши! 14-го Октября 1834-го года.

Глава XIII.

Бользнь и смерть жены моей Александры Федоровны.

Бывши всегда слабаго здоровья, покойная жена моя послѣ разговѣнья на святой недѣлѣ 1832-го года, бывшей тогда въ половинѣ Апрѣля, почувствовала тошноту, съѣвши приготовленный мерзавкой Зекъ, учившей дѣтей нашихъ, пирогъ, но запивши квасомъ она ничего болѣе не чувствовала. Въ Маѣ у ней остановились регулы и началась сильная жажда такъ, что она выпивала въ день по нѣсколько бутылокъ квасу и воды; призвана была Епифанская весыма искусная акушерка, которая по осмотрѣ объявила, что она беременна и что жажда въ беременности иногда бываетъ; успокоенный симъ увѣренiemъ опытной бабки я побѣжалъ на бывшиѣ тогдѣ въ Тулѣ выборы и возвратясь оттуда послѣ 20-го Мая я нашелъ ее въ хорошемъ состояніи здоровья, но все съ тою же жаждою. Прекрасное лѣто было проведено нами по обыкновенію радостно, и мы выѣзжали въ гости и принимали у себя, но въ началѣ Октября она вдругъ почувствовала себя дурно; призванъ былъ Бого-родскій лѣкарь, который, желая точнѣе удостовѣриться въ беременности, призвалъ другую бабку и нашелъ, что беременности нѣтъ, а что она больна, но по, жестокому ихъ обыкновенію, не сказалъ чѣмъ. Съ сихъ поръ началось лѣченіе, и оба лѣкаря городовой и полковой не сдѣлали ей большой пользы. Въ исходѣ Ноября я самъ легъ въ постель отъ посѣтившаго всю Европу гриппа. Въ началѣ Декабря она пожелала ѿхать въ Тулу, и я, едва могшій ходить, собралъ ее, далъ ей 300 р. ас. денегъ и, выпрося у любезнаго сосѣда Протопопова зимнюю карету, отправилъ ее туда съ Оленькой, чтобы не было ей скучно; при семъ просилъ ее и писалъ къ сестрамъ, чтобы по пріѣздѣ ея въ Тулу сдѣлать консилиумъ и кто съ онаго возьметъ лѣчить ее, тотъ пусть и лѣчитъ. Но вышло все не такъ. Пріѣхавши въ Тулу покойная взяла прямо доктора Морица, который сначала и помогъ ей, но давши ей рвотное и продолжая давать лѣкарство во время открывшихся было у ней регуловъ, поставилъ ее на край гроба. Едва таскаясь, я велѣлъ

себя посадить въ кибитку и съ сыновьями около 20-го Декабря поѣхалъ въ Тулу, оставя милую Сашу дома. Тамъ я нашелъ жену свою въ худомъ состояніи и пробылъ съ ней до 10-го Января; злодѣй Морицъ увѣрилъ меня, что онъ ее черезъ двѣ недѣли вылѣчить, и я ему повѣрилъ, оставя еще 200 рублей, я поспѣшилъ домой къ своей малюткѣ, ибо жена моя осталась на рукахъ сестеръ моихъ. Я не зналъ, что Наталья Фурія, которая все мнѣ лѣстила, а сама поступала какъ лютая змѣя, о чёмъ кроткая жена моя ни пол слова мнѣ не сказала, но о чёмъ я узналъ поздно уже отъ своей негодной невѣстки. Во время моего отѣзда умерла сестра моя Александра, что и понудило жену мою перѣѣхать къ невѣсткѣ; узнавъ о семъ я поскакалъ на подставныхъ въ Тулу и нашелъ жену свою въ отчаянномъ состояніи, сколько отъ чудовища Морица, столько отъ дѣйствія смерти сестры моей Александры, можно сказать внезапной, еще отъ холодныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣстила ее мерзавка моя невѣстка. Всѣ сіи обстоятельства меня сразили, на перемѣну доктора и лѣченіе въ Тулѣ и наемъ квартиры она не согласилась, а непремѣнно хотѣла ѿхать въ деревню, что я и долженъ быть исполнить, опасаясь раздражить ее. Мощонъ и покой дома видимо укрѣпили было ея здоровье, но поѣздка на свадьбу къ сестрѣ ея разстроила вновь, однако она ходила и видимо въ ней не было ничего опаснаго, такъ что она гуляла въ Апрѣль при прекрасной погодѣ по саду и сидѣла въ рябиновой бесѣдкѣ, гдѣ я вырѣзалъ ея вензель. Въ исходѣ Апрѣля погода перемѣнилась на дурную и это такъ подействовало на ея слабое здоровье, что она легла въ постель не жалуясь однако ни на что, а только говорила иногда, какъ ей грустна мысль разстаться съ нами; я утѣшалъ ее, и сама она сбиралась ѿхать въ Москву проводить Ольгу и такъ была спокойна, что угощала прїѣхавшую сестру мою и бывшихъ у насъ сосѣдей, но 1-го Мая прекрасная душа ея отлетѣла на лоно Отца всѣхъ; послѣднее ея дѣйствіе было пожать мою руку, обратя на меня полные слезъ глаза свои—я повергся у одра ея!..

Облитую не только моими, но многочисленныхъ, обязанныхъ ей излѣченіемъ и пособіемъ, людей и всѣхъ ея подданныхъ, слезами, мы погребли ее 3-го Мая въ селѣ Богдановѣ, при чёмъ сами попы рыдали, а нашъ священникъ Иванъ Дмитріевичъ, говорившій надгробное слово и выхвалявшій кротость и милосердіе покойной, отъ рыданія вѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. Что я тогда чувствовалъ, не знаю! Тѣло ея положили въ могилу 7-го Мая въ принадлежавшемъ намъ селѣ Порѣчье возлѣ церкви съ лѣвой стороны алтаря и надъ нею поставленъ гранитный памятникъ съ надписью, что тамъ покоится

нѣжнѣйшая жена, чадолюбивая мать и попечительная госпожа. Съ тѣхъ поръ надъ ея останками служатся еженедѣльно обѣдни и панихиды. за что и плачу по 60 руб. въ годъ, а въ первый заплачено 120 руб., ибо служили по двѣ обѣдни въ недѣлю и по двѣ панихиды. Я съ намѣреніемъ велѣль служить послѣ обѣдни панихиду надъ могилой, дабы и самыи прахъ ея былъ уважаемъ, а какъ попы наши не такъ богаты и даже бѣдны, то я имѣю въ виду и то, чтобы и самыи прахъ ея благодѣтельствовалъ бѣднымъ, какъ она въ жизни всегда спѣшила на помощь къ нимъ. Что попы за это весьма благодарны, тому служитъ доказательствомъ ихъ письма ко мнѣ при получениіи денегъ. Достойно замѣчанія, что у покойной послѣ отпѣванія нашъ попъ цѣловалъ руки и что отъ нея не было ни малѣйшаго запаха до самой могилы въ теченіе семи дней; она была подобна спящей и прекрасна какъ живая; всѣ добродѣтели сіяли въ лицѣ ея, и сосѣди удивлялись красотѣ смертныхъ остатковъ ея: блаженны умирающіе о Господѣ! Ей, глаголеть духъ, да почтеть отъ трудовъ своихъ! Изъ золотой парчи, коею она была покрыта, сдѣланы ризы съ бархатными голубыми оплечьями для попа и дьякона и отданы въ церковь Порѣчинскую.

Глава XIV.

Поездка въ Москву 1833-го года, хороший доходъ на 1834-й годъ, умноженіе капитала и запасныхъ денегъ. Взятіе Паши изъ пансіона; причины этого. Намѣреніе учить сыновей въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ и жить тамъ для надзора за ними.

Послѣ горестной моей потери, я удвоилъ мои попеченія о дѣтяхъ и не видя средства хорошо образовать Олењку дома, рѣшился отдать ее въ училище ордена св. Екатерины на своеемъ иждивеніи, о чемъ еще въ Мартѣ просилъ Императрицу; по полученіи Ея соизволенія, взялъ обоихъ сыновей съ собой, а Сашу оставилъ дома, поѣхалъ въ Москву, гдѣ и отдалъ Олењку въ то училище 11-го Мая. Заведеніе это прекрасное, и состоя подъ покровительствомъ Императрицы, пользуется особыми преимуществами: я плачу туда 700 руб. ассигн., что по курсу стоитъ 798 рублей въ годъ.

Всеобщій голодъ 1833-го года во всей почти имперіи, исключая нашу одну губернію, возвысилъ неимовѣрныя цѣны на хлѣбъ такъ, что я въ Москвѣ продавалъ муку по 2 р. 70 к. пудъ, пшеницу 27 руб.

четверть, овесъ 11 рублей, а гречу на мѣстѣ по 11 р. и 14 р. четверть. Здѣсь и на мѣстѣ муку я продавалъ весной 2 р. 30 к., а овесъ по 7 руб. четверть. Сія чрезвычайно высокая цѣна хлѣбу въ зиму 1833-го и 1834-го года дала мнѣ необыкновенный доходъ, а именно 7400 рублей.

Пользуясь симъ необыкновеннымъ случаемъ, я отложилъ въ капиталъ 2000 руб. ассигн. и составилъ запасную сумму въ 1240 руб. ассигн. и монетой 55 рублей, а всего въ сей годъ сберегъ я на монету 3748 руб. 60 к. Многіе изъ моихъ сосѣдей получили двойной доходъ, но я полуторный, оттого, что имѣлъ небольшой запасъ хлѣба, да пожалѣлъ мужиковъ, послать въ 3-ій обозъ въ Москву. 1833-й годъ будетъ однимъ изъ бѣдственныхъ въ нашей исторіи, ибо поправились 100 человѣкъ, а раззорились миллионы. Въ исходѣ Іюня я по обыкновеніюѣздилъ въ Тулу и взялъ Пашу на вакацію домой. Въ самый же Петровъ день, когда мы пировали у одного нашего сосѣда, сгорѣла большая и лучшая часть Тулы и съ ружейнымъ заводомъ. Это происшествіе, а болѣе то, что при всемъ моемъ дѣятельномъ убѣжденіи директора училищъ Евграфа Воронова о лучшемъ присмотрѣ за пансіономъ и наблюденіи, чтобы всѣ учителя ходили въ свои часы, я не могъ сего достигнуть, рѣшился оставить у себя Пашу до зими. Платить почти даромъ 1026 рублей обидно, а видѣть пропадающимъ время и еще опасаться на счетъ нравственности для сына своего прискорбно, и я весьма доволенъ, что Богъ вложилъ въ меня сю спасительную мысль, ибо науки онъ проходить съ помощью книгъ подъ моимъ надзоромъ, а нравственными моими съ нимъ бесѣдами онъ запасется на будущее время его общественной жизни.

Полагая по слуху директора училищъ Тульской губерніи Евграфа Воронцова за хорошаго человѣка и желая наклонить его, какъ сказано выше, къ ревностному исполненію его священной должности, вниманію къ воспитанію благороднаго юношества, я познакомился съ нимъ и бывалъ у него часто безъ визитовъ и что же я увидѣлъ?—Человѣка лѣниваго, ни къ чему не способнаго, революціонера марающаго всякаго кто выше его, подлѣйшаго скупца и самаго негоднѣйшаго чиновника, презирающаго свою присягу, которою обязался онъ служить ревностно и не дѣлать ничего вреднаго для государя, когда онъ старается составить заговоръ противъ него, наклоняя къ сему Бобринскаго, Ботвиньева, Сафонова, Голицына, Артемьеву и многихъ другихъ, мною у него видѣнныхъ. Но кажется труды его будутъ тщетны, ибо говоря словами знаменитаго, Дмитріева:

„Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ.
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій.
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій.“

Сей Воронцовъ принадлежитъ къ сектѣ масоновъ, какъ самъ мнѣ о себѣ сказалъ, и, судя по нему, эта секта прикрывается только религіей, а внутри она политическая, какъ и давно я полагалъ это; теперь сія секта есть въ глазахъ моихъ презрѣннѣйшее скопище людей самыхъ негодныхъ и лицемѣровъ. Сама природа произведя сего Воронцова косымъ, положила на немъ какъ на Мира бо печать отверженія. Сіи обстоятельства возродили во мнѣ мысль везти сыновей въ Москву и тамъ искать лучшаго ученія и бдительнѣйшаго надзора за дѣтьми. Мысль, что въ столицѣ вѣрно строже наблюдаютъ за ученіемъ юношества, подтверждается прїездомъ туда именно для сего предмета знаменитаго нашего ministра просвѣщенія Уварова; полагаю записать дѣтей въ дворянскій институтъ, если тамъ хорошо или въ извѣстный пансионъ Голушки; въ обоихъ случаяхъ я для сохраненія нравственности дѣтей намѣренъ жить въ Москвѣ и отъѣзжать только на 5 мѣсяцевъ для необходимаго хозяйства въ деревню, изыскивая средства, дабы и въ сіе кратковременное мое отсутствіе они были подъ надзоромъ людей благомыслящихъ.

Заключеніе.

Если пройти мысленно всю цѣль моей жизни, то какое представится сцѣпленіе событий странныхъ, отвратительныхъ и поучительныхъ.

Изувѣченный младенецъ, тащимый въ глубокую осень на 1000 верстъ, живъ! А сколько въ это время ненаглядныхъ и береженыхъ дѣтей, къ истинной скорби своихъ нѣжныхъ родителей, изчезло съ лица земли?!

Брошенный, необразованный и даже невѣжественный юноша достигаетъ чина офицера гвардіи, когда достойнѣйшіе—его не могли достигнуть!

Невинный сынъ непощаженный своею матерью, попадаю пулею враговъ!

Изгнанный хитростю близкихъ, водворяется могущественною десницею, возводящею его постепенно отъ лучшаго въ лучшее и дающею насладиться первѣйшимъ благомъ въ мірѣ: счастливѣйшимъ и благословеннѣйшимъ супружествомъ!

Почитаемый, за отребіе, за соръ земной, дѣлается попечительнымъ отцемъ прекрасныхъ дѣтей! И гдѣ враги мои? Мимо идохъ—и се, не бѣ ихъ!

„Алчущаго исполнилъ благъ, а богатящихся отпустилъ ни съ чѣмъ!“ (Луки гл. 1-я ст. 53-й). Такъ, Господи! Не мнѣ, но Тебѣ Единому да будетъ слава и благодареніе за всѣ блага на насъ изліянныя!

1811-го года пустырь болотный, гадкій обратился по манію Божію въ прекрасно устроенный и обработанный уголокъ 1834-го года! 1000 плодовитыхъ деревьевъ, великолѣпные кусты розъ и другіе цвѣты красуются и благоухаютъ тамъ, гдѣ 23 года тому назадъ росли репей и крапива; три прекрасныя сажалки съ большимъ количествомъ рыбы явились на мѣстѣ прежнихъ воюющихъ болотъ; хороший домикъ окруженный прекраснымъ каменнымъ обширнымъ строеніемъ стоять на мѣстѣ пустыря и дѣлаютъ видъ городка, а не деревни; вмѣсто подошедшаго скота, выгнанного среди суровой зимы на чистый снѣгъ чадолюбивой матерью, явилось стадо, которое по милости Божіей столь многочисленно, что въ пять разъ превосходитъ то, которое истребили: отъ сего удобреніе земли доведено до 5 десятинъ ежегодно и будетъ еще умножаться при разведеніи скота въ множайшемъ еще количествѣ, а сіе удобреніе уже теперь значительно увеличивало урожаи хлѣбовъ, а по времени оныя дойдутъ до множайшаго изобилія, тогда какъ у брата моего, нѣкогда щедро надѣленнаго всѣмъ, теперь нѣтъ ничего, а у сестры, при всемъ ея богатствѣ, доходы ея и до половины не равняются съ нашими.

Изобиліе и красота экипажей, все заведеніе фарфора, хрусталя, мѣди и серебра въ довольною количествѣ и запасныхъ денегъ близъ 1500 рублей весьма ясно свидѣтельствуютъ наше домашнее устройство, а 16000 рублей капитала обеспечиваютъ состояніе того, кто 23 года тому назадъ не смѣлъ и помыслить о столь огромной суммѣ, какой ни дѣль, ни отецъ мой, будучи богатѣе меня, никогда не имѣли. Скажемъ еще и о ткачахъ, приносящихъ хороший доходъ, и о прекраснѣмъ строеніи, гдѣ они помѣщаются, и тогда получимъ вѣрный взглядъ на благосостояніе того, кого нѣкогда люди завистливые и сребролюбивые пожратъ хотѣли и въ мнимой своей премудрости считали за профана.

Устрои все хозяйство свое наилучшимъ образомъ и надѣясь, что доходъ нашъ и въ дешевые годы не будетъ менѣе отъ улучшенія полей, продажи при благополучномъ состояніи завода, воловъ и масла и по приходѣ садовъ въ надлежащей возрастъ, что послѣдуетъ черезъ два года, теперь я обращаю всѣ мысли мои и всѣ способы на воспитаніе дѣтей, какъ на никогда негибнувшее достояніе, какъ на важнѣй-

шій предметъ моей обязанности и, однимъ словомъ, какъ на истинное мое симъ служеніе Богу и отечеству. Итакъ, устроя образованіе Олењки наилучшии образомъ и помѣстя ее въ первое учебное заведеніе въ нашемъ государствѣ, я хочу обеспечить также и сыновей моихъ съ сей важнѣйшей для нихъ стороны. Что значитъ вещественное богатство? Ничто! Не часто ли видимъ, какъ именно оно дѣлаетъ многихъ тунеядцами, лишая въ нихъ отечество полезныхъ гражданъ и сверхъ сего, сіе богатство, дѣлая празднымъ своего обладателя, рождаетъ въ немъ многіе пороки. А революція? Наше время чревато важными происшествіями, какъ сказалъ нѣкогда знаменитый Архентольцъ, и эта истина не можетъ быть оспариваема. Только одинъ глупецъ не видитъ того, что мы ближе къ грозѣ, чѣмъ къ покою; но положимъ, что все пойдетъ попрежнему: не всегда ли однако мы видимъ, что умъ просвѣщенный науками стоитъ гораздо выше необразованного богача? не видимъ ли какъ Гречъ, Булгаринъ, Полевой и Загоскинъ однимъ просвѣщеннымъ умомъ достигли славы и сдѣлали себѣ славныя состоянія. Это ясно, а почему бы мнѣ, вида прекрасныя дарованія въ своихъ сыновьяхъ, не надѣяться видѣть въ нихъ знаменитыхъ ученыхъ, писателей? Счастіе состоить въ просвѣщеніи, ибо посредствомъ его человѣкъ не только достигаетъ званій, въ которыхъ можетъ приносить большую пользу отечеству, но имѣть еще и ту неоцѣненную выгоду, что остается среди общества людей образованныхъ; невѣжество во многихъ случаяхъ пагубно.

Итакъ для истиннаго счастія дѣтей моихъ для блага отечества и пользы его, я поставилъ себѣ священною цѣлью образовать дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ, не щадя для сего ни собственныхъ трудовъ, ни издержекъ. И самое состояніе наше указываетъ дѣтямъ моимъ по-прище службы, ибо со всемъ ожидаемымъ наслѣдствомъ у насъ не будетъ болѣе 200 душъ, съ которыхъ по моему опыту въ самый лучшій годъ нельзя получить болѣе 10000 дохода; раздѣлите его на четыре части, что достанется?

„Милая посредственность“! восклицаютъ молодые люди! Нѣть, эта философія хороша въ человѣкѣ 60 лѣтъ, но въ юношѣ лѣнъ и болѣе ничего! Пора русскому дворянству вновь занять свое важное мѣсто на службѣ государственной. Пора отбросить поповичей и нѣмцевъ, а къ этому науки необходимы. Воспитавъ дѣтей, я потребую отъ нихъ исполненія моего обѣта—доставить въ нихъ отечеству просвѣщенныхъ гражданъ, защитниковъ утѣсненныхъ, карателей злыхъ и лихоимцевъ: къ этому они будутъ имѣть средства: жалованье по чину, доходъ съ имѣнья. Истинная философія въ умѣ и христіанское самоотверженіе

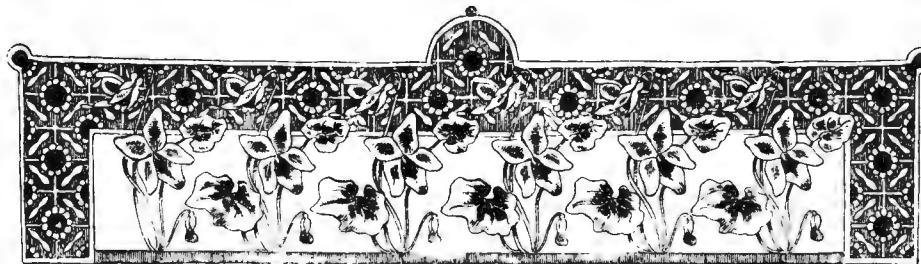
и въра въ сердцѣ проявлять имъ ихъ святую обязанность лучше, чѣмъ всякия размалеванныя фразы. Итакъ, станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ на стражѣ храненія невинныхъ сердецъ дѣтей моихъ и будемъ внимать, что Господу угодно будетъ повелѣвать мнѣ.

Было время устройства имѣнія, было время на обезпеченіе состоянія сборомъ денегъ, и свидѣтель тому Богъ и моя совѣсть, что я не пропустилъ ни одного честнаго средства къ исполненію своей тогдашней обязанности. Теперь настало время бдѣнія другого и гораздо важнѣйшаго служенія; теперь не имѣнія, не умноженія денегъ, но прочнаго образованія дѣтей подъ моимъ родительскимъ надзоромъ. требуютъ Богъ и отечество.

Я буду жить въ Москвѣ 7 мѣсяцевъ, въ которые буду лично наблюдать дѣтей и болѣе читать, дабы еще умножить мои бѣдныя свѣдѣнія, столь необходимыя при образованіи дѣтей моихъ. а весной будуѣздить для приготовленія деревенскими занятіями денегъ. нужныхъ для достиженія благословенной моей цѣли. Дождуся ли я или нѣтъ плода моихъ сердечныхъ заботъ и помышленій—видѣть въ любезныхъ дѣтяхъ моихъ добродѣтели людей зрѣлаго возраста, или могила прежде приметъ ничтожные остатки того, который теперь мыслить и соображаетъ,—о томъ вѣдаетъ Единый міровъ Правитель; мое дѣло трудиться и жить мыслью благородною—оставить добрыхъ гражданъ своему отечеству и вѣрныхъ слугъ Богу и Государю. Жизнь безъ цѣли тяжкое бремя; а жизнь только физическая,—скотская и презрѣнная. Такъ думали всѣ мудрые люди древности и временъ новѣйшихъ, такъ мыслю и я. Блаженны будутъ мои дѣти руководствуясь высокою сею мыслю. мыслю которая ведеть родъ человѣческій къ совершенству, и которая не терпитъ жалкой посредственности столь гибельной для общества. Блаженъ буду и я въ вѣчности, если память моя благословится дѣяніями дѣтей моихъ. Тамъ, соединясь съ духомъ вѣрнаго друга, передамъ ему все, что я сдѣлалъ и что старался сдѣлать для общихъ намъ дѣтей нашихъ, надъ которыми и ихъ потомствомъ да будетъ мое благословеніе.

1834-го года, Октября 19-го дня, въ сельцѣ Красномъ, Тульской губерніи, Епифанского уѣзда.

ВСЕПОДДАННЬЙШІЙ ДОКЛАДЪ Н. Х. БУНГЕ.

Долгомъ считаю испрашивать указанія Вашего Величества относительно проэтиированной Графомъ Гейденомъ кодификації основныхъ законовъ Финляндіи.

Ваше Величество изволили предполагать созвать у Себя совѣщаніе по полученіи доклада министра Статьи-Секретаря Финляндіи. Докладъ этотъ полученъ мною отъ Вашего Величества въ началѣ Марта.

Если Ваше Величество не соблаговолите поручить разсмотрѣніе проэекта кодификації Главноуправляющему Кодификаціонному Отдѣлому Государственного Совѣта, какъ я о семъ просилъ, то дозвольте мнѣ высказать по этому предмету свое мнѣніе.

Мнѣ кажется, что кодификація основныхъ законовъ Финляндіи не остановить, какъ повидимому надѣется графъ Гейденъ, стремленія патріотовъ къ возможному обособленію Княжества.—Напротивъ, одни изъ нихъ будутъ видѣть въ ней нарушеніе данныхъ обѣщаній, а другие будутъ дѣлать произвольные выводы въ пользу своихъ взглядовъ.

Въ настоящемъ случаѣ, при всемъ уваженіи къ дарованнымъ Финляндіи правамъ, важно, чтобы государственная власть въ своихъ дѣйствіяхъ опиралась не на юридическую, филологическую или иныя толкованія историческихъ актовъ, а на существующія практическія потребности, и принимала мѣры, клонящіяся ко благу всего государства. Подобно тому, какъ проведены въ царствованіе Вашего Величества известныя мѣры въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, надо дѣйствовать и въ Финляндіи, принимая конечно во вниманіе различіе между объемами частами Имперіи. Что было бы достигнуто въ Прибалтійскомъ краѣ, если бы, вместо упомянутыхъ мѣръ, Правительство занялось бы ко-

дификацію общихъ началь, заимствованныхъ изъ стаинныхъ привилегій, актовъ и пр.?

Главная задача Правительства въ Финляндіи должна состоять въ сближеніи княжества съ остальной Россіею. Для этого необходимо нѣкоторое распространеніе русскаго языка въ Финляндіи, объединеніе ея промышленныхъ и торговыхъ интересовъ съ общерусскими (сюда относится упраздненіе таможенной черты), и наконецъ преобразованія, касающіяся мѣстнаго войска.

Для принятія этихъ мѣръ нѣть необходимости въ кодификаціи основныхъ законовъ, достаточно чтобы каждая мѣра была обсужденa надлежащими учрежденіями, какія для сего будуть указаны при участіи представителей власти въ Финляндіи и вызванныхъ оттуда экспертовъ.

Само собою разумѣется, что при изданіи новыхъ постановленій слѣдуетъ принимать во вниманіе мѣстныя особенности страны и весь строй сложившійся въ ней жизни, такъ какъ желательно, чтобы и въ Финляндіи разумная часть населенія сочувствовала совершаемымъ преобразованіямъ и видѣла въ нихъ не ограниченіе правъ, а залогъ для преуспѣянія своей родины.

Весь приведенный докладъ писанъ собственноручно Н. Х. Бунге и на немъ имѣется его же надпись.

„Высочайше повелѣно созвать совѣщеніе въ концѣ Апрѣля или въ Маѣ, или же въ началѣ осени.

С.-Петербургъ 11 апрѣля 1892 г.“

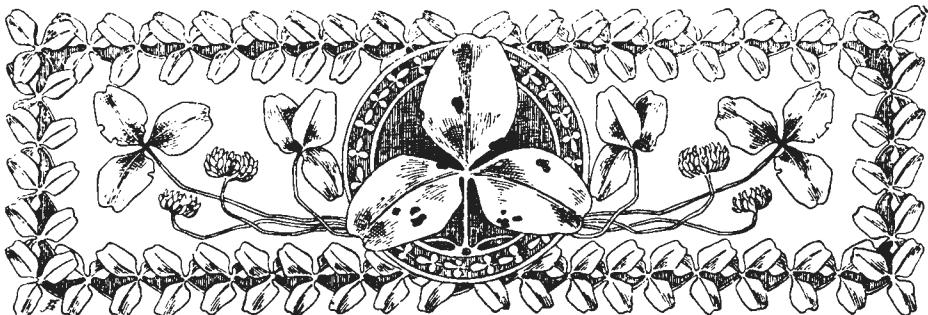
О „Запискахъ И. В. Лопухина“.

Любопытныя „Записки“ Ивана Владимировича Лопухина, известного масона, продиктованныя имъ, какъ онъ самъ указалъ, въ 1810 году, уже не разъ появлялись въ печати. Впервые онъ были напечатаны въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей (1860 г., кн. 2, стр. 1—82 и кн. 3, стр. 83—173). Въ томъ же году вышло изданіе ихъ, съ предисловіемъ А. И. Герцена (Лондонъ, 1860 г.), но со многими неточностями и ошибками. Затѣмъ, спустя почти четверть вѣка, незабвенный редакторъ Русскаго Архива—Петръ Ивановичъ Бартеневъ далъ въ своемъ журнальѣ эти „Записки“ съ интересными примѣчаніями и портретомъ автора (1884 г., кн. 1).

Такимъ образомъ, нынѣшнее изданіе тѣхъ же „Записокъ“ (Русскій Архивъ 1913 г., кн. 11 и 12), предпринятое П. Ю. Бартеневымъ (младшимъ), оказывается четвертымъ по счету и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ исправнымъ, такъ какъ напечатано по тексту подлинной рукописи.

М.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительного Тайного Советника Сенатора И. В. Лопухина,
сочиненные имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, дніс его яко цвѣтъ сельный.

[Псал. 102., ст. 15.]

Книга третя.

Обратимся къ такъ называемой Исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли до вступленія въ управлениѣ оною столицею князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина. который былъ человѣкъ разумный, богообразливый и самыхъ честныхъ правилъ. а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать. исполняя порученіе.

Портрета князя Прозоровскаго писать я не буду. для того чтобъ не давать какъ нибудь пищи своему пристрастію, ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что можно прощать врага своего. а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ. видѣть я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ, и конечно не воображалъ, чтобъ я могъ когда нибудь ихъ читать.

Напрасно, однажды, думаютъ, чтобъ князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнейшихъ при дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣшиали въ планъ упрочиванія и большаго современемъ возвышенія своей фортуны: а князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли,— какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни: обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ее раздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій; и даже, какъ я слышалъ отъ людей весьма вѣроятнія достойныхъ, навлекаю въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая, тутъ и типографію, которая нѣкогда была подъ моимъ именемъ, и тогда уже давно не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ небезопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостынѣ; странно, что очень многіе противъ не умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству конечно нужно и должно стараться, чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако,— такими средствами устройства, чтобъ во первыхъ не было ихъ, если то можно: и наконецъ, чтобъ ихъ переводя, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, то-есть, чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи?— Какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ онъ пропьетъ?— А ежели отъ сдѣланнаго посему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу, то каково это должно быть душѣ того, кто откажеть, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

И мнѣ случалось иногда отказывать, и съ нѣкоторою досадою, потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ во-

ротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря въ себѣ въ мысляхъ: что, развѣ ты самъ не приступалъ никогда предъловъ трезвости, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случится лишнее выпить.

Впрочемъ я въ себѣ расположение къ милостынѣ, никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя: будучи еще ребенкомъ я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня были, и любовался его о томъ радостію.

Но съ того времени, какъ я почастію узналъ, въ чёмъ состоить истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія, для угощенія источнику любви, который повелѣлъ просящему давать. Помощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія, и для Бога, особенно воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣущаго Духа Божія, готовая соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоить все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, еслибъ она и не нужна была тому, кому подается; какъ напротивъ благодѣяніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, нисколько не приносить благословенія благодѣтелю и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣкѣ.

Но князь Прозоровскій отмѣнныій былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостины казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ нась расположенія; но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791-го года, князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву, съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ, для того, чтобы произвести надъ нами слѣдствіе.—

съ указомъ о томъ князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ кн. Безбородкѣ. Однако онъ, подлинно погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая и не отдавъ указа князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на князя Безбородку.

Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкостердію своему и, можетъ быть, по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворянскимъ. Впрочемъ онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ, почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною, (въ 1794-мъ году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что сіе дѣло не соотвѣтственно Ея славѣ.

Но не могъ онъ или не имѣлъ довольно твердости не исполнить сдѣланного ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его, и такую, которая на нѣсколько мѣсяцівъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я скрѣгъ бумаги и что чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я расскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчанія, и съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сие особенно полезно для вниманія судей въ дѣлахъ Уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новыя комнаты, хотѣлъ я очистить свое бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, дралъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сие дѣжалось мѣсяца за три до прїѣзда кн. Безбородки, и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особенно обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ. Шпіонство, окружавшее насть, донесло. Кн. Прозоровскій принялъ это по своему; а Безбородко узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ и совсѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того,—и вотъ какъ сперва свѣдалъ: чрезъ нѣсколько времени послѣ отѣзда кн. Безбородки, разговаривая на-

единъ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично-великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоится отъ напрасныхъ на него подозрѣній; что самый обыкновенный, только опытный взоръ полицейскій увидѣть можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нимъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей: стоитъ только изслѣдоватъ образъ мыслей, который мы старались имъ велить. Мы издали много книгъ—конечно на каждой страницѣ, если не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ, найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ Него постановленнымъ, и тому подобное; что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ ихъ охуждать, но несгодно съ разсудкомъ,—внушающіхъ такія правила, подозрѣвать въ замыслахъ мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами,—но таѣ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ,—было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя. Что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество.—Увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно узнать, нечаянно схватя наши бумаги?—

При семъ-то графъ, который меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ, большей близости своей тогдашней къ Двору, многое зналъ и во многомъ открыто участвовалъ и при семъ дѣлѣ, сказалъ мнѣ: „Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сжегъ?—Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ?—Да ты первой, отвѣчай онъ мнѣ, сжегъ передъ прѣздомъ сюда Безбородки съ Архиповымъ“.

Я истинно даже и забылъ, что сжегъ бумаги, какъ описывалъ выше—и долго увѣрялъ его, что этого не бывало. Но онъ рассказывалъ мнѣ даже почти часы и положеніе мѣста. Я вспомнилъ, и рассказалъ ему такъ, какъ подлинно было; и что совсѣмъ напротивъ я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако

онъ при всей любви ко мнѣ и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ какъ откровенность—коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего не значущее дѣйствіе—важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ въ Апрѣлѣ 1792-го года рѣшилось, много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое, пораженіе нашего общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова; и дома его наполнили солдатами; а онъ изъ Подмосковной взять быль подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями, и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлостъ всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ Графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій князю Прозоровскому, который ему рассказывалъ о важности ареста Новикова, и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ. „Вотъ расхвастался,—какъ городъ взялъ: старичонку скроченного гемороидами взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго или бутошника заnimъ послать, такъ-бы и притащилъ его“.

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и Тихвинъ. Приставу отъ князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора Алексія Петровича Мельгунова, котораго и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣмъ своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не быль; а известный Шишковскій ъездилъ доопрашивать его въ Шлиссельбургъ. Месяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило; и вдругъ князь Прозоровскій получилъ секретный имянный Указъ, чтобы князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева, и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житѣе въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мы отправилися.

Тургенева не было тогда въ Москвѣ. Послѣ очень скораго окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровскій меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ онъ призывъ, и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его генералъ адъютантомъ, который, крайне удивляясь моему спокойству, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невиновности. Спокойство мое не заслуживало удивленія, ибо оно подлинно при невинности естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжелѣ. При чувствахъ совѣсти, вина, конечно, тяжелѣ казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ, или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, который тогда имѣлъ уже около 90 лѣтъ, и лишенный зрѣнія былъ въ крайней слабости тѣла, кроме головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Кн. Прозоровскій приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣллю Его Сиятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственного, и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему и позволено было, еслибы открылось, что нибудь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои вѣрно было отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предубѣженіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобы мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ ласкалась, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости, кн. Прозоровскій призвалъ къ себѣ въ Петропавловскій подъѣздный дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, оберъ-полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ князь объ оберъ-полицмейстерѣ, который въ ожиданіи приказа просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣтчи: забыли или не смѣли ихъ внести къ нему; а это дѣжалось уже въ Августѣ; князь, противъ чаянія своего, не нашедъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній оберъ-полицмейстеръ, признался, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно

пересказывать, отпустиль онъ въ потемкахъ намъ съ княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестоко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣеть отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то я думаю ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній трудъ для него будетъ; прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣтить. Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня: самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать секретаря,—и весьма уже смягчился. Я бы желалъ самъ писать, если—можно, сказалъ я. Но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ мнѣ онъ; ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши вчернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся,—и подлинно ему такъ предписано было.

Все сie происходило у насъ съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей, приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очищенными перьями.—Онъ даваль мнѣ на особыхъ листахъ списанные, пунктъ за пунктомъ, такъ, чтобы отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго.—Всѣхъ пунктовъ было, помнится осьмнадцать, а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ двадцать листовъ, безъ одной помарки, въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе; сего конечно, при всемъ самолюбіи нельзѧ мнѣ приписать моему искусству или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминала выше; прочее жъ было, такъ сказать, подобрано для расширѣнія завѣсы.

Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ начиналась эта матерія; и князь Прозоровскій отдавая мнѣ его дрожащею правда немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: „Посмотрю, что вы на это скажете?“—О, на это отвѣтить всего легче!—сказалъ я; и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сie конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровскій прочиталъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Что жъ. развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?“—Да какъ же быть-то? Не было—холодно отвѣчалъ я ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій затѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая, отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, я не могу слышать, говорилъ про себя: „Не такъ бы съ ними надобно!—подходя ближе ко мнѣ говорить будто про себя; однако такъ, чтобы я слышалъ:—теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ свести“.—Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня. Не для того, чтобы я боялся очной ставки съ Новиковымъ, который конечно также виновенъ, какъ и я. Но представилъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ тайной экспедиціи изнуренного, обросшаго бородою, можетъ быть окованного; прискорбно было ожидать такого тутъ свиданія съ человѣкомъ, которого я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ сперателемъ, К. Прозоровскій, подошелъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говорить мнѣ: „Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался.“—Не сомнѣваюсь отвѣчалъ я ему: я думаю, что Новиковъ такъ же виноватъ; а если въ чемъ виноватъ, то конечно признался, а онъ не дуракъ и боится Бога.

„Однако,—говорилъ мнѣ Кн. Прозоровскій,—съ французами вы имѣли переписку?“—Кто? спросилъ я. „Вы, и именно вы, сиръ ты.“ Имѣль, я отвѣчалъ. Обрадовался мой князь; и съ веселымъ тономъ продолжалъ: „Это хорошо, что вы чистосердечны; да и дѣло уже известное, скажи пожалуй, о чѣмъ же и когда вы писывали?“—Неупомнимъ, отвѣчалъ я, всего, о чѣмъ и когда. Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобы прислатъ табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.—„Вы шутите,—осердясь говорилъ мнѣ князь:—къ какимъ же французамъ вы списывали это? къ лавочникамъ здѣшнимъ?—А то къ какимъ же?—„Нѣть, вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.“—А ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ? „Можетъ ли это быть, чтобы я съ ними переписывался?“—говорилъ онъ.—Такъ знайте-жъ, сказалъ я ему, сидя и гораздо не утивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству, я никакъ вамъ не уступлю; и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ.

Князь очень сбивши своего жару, говорилъ мнѣ: „что жъ эдакъ на меня нападаешь? Вѣдь не я,—Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ.“—Гдѣ жъ этотъ вопросъ?—„Вотъ будетъ.“—А я буду отвѣчать.—„Что-жъ отвѣчать будешь, скажи пожалуй?“ Тогда увидите.—„Лучше скажи пожалуй, прежде, такъ можетъ быть мы и посовѣтуемся,“—и очень

прилежно уговаривалъ меня расказать ему напередъ этотъ отвѣтъ.— Скажу вамъ только, отвѣчалъ я, что ежели Государыня меня обѣ этомъ спрашиваетъ, то я конечно въ отвѣтѣ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.

Я продолжалъ писать отвѣты и ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ много доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесеть ему конечно никогда славы; „Да, говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣть такого вопроса; но мнѣ поручено спрашивать о чѣмъ я разсужу, еслибъ того и небыло въ тѣхъ пунктахъ.“— Такъ ваше Сиятельство очень несправедливо разсудить изволили, отвѣчалъ я ему; и еще вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни вамъ, ни кому; а образъ спрашиванія вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство.— Замолчалъ, однако, князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною кн. Прозоровскаго, всѣ же описывать было бы слишкомъ пространно, и не весьма интересно. Но описываю то что было, и самъ онъ,— конечно признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ вѣроятно страдемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная.*)

Одно еще обстоятельство, отмѣнно характерическое съ его стороны при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная христіанству и властямъ. Незнющіе смысливали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правиль: и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякого прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время вопроса Кн. Прозоровскій говорилъ мнѣ, что мы иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, но мы ихъ не-пріятели, и зная всю вредность этой секты, поставили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чemu и планъ, за нѣсколько лѣтъ тому

*) 1-го Генваря 1869-го года.

назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему хотя сейчасъ черной, писанный моей рукой.—„Очень хорошо, сказалъ онъ, завтра привезите.“ Привезъ я завтра.—это было въ другой день моей съ нимъ до-просной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, князь мнѣ возвращаетъ ее, говоря, что она ничего не значить.—Она только значить, что мы не иллюминаты, отвѣчалъ я, такъ прошу принять ее въ правосудіе.—„Пусть вы не они, говорилъ мнѣ Прозоровскій, да все тоже.“—Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не иллюминаты, какими насы считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насы; слѣдовательно оправдывается,—говорилъ я,—но если бъ это мнѣ казалось и оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобы было намѣреніе только винить насы.—„Не приму,“ отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ, продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобы я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ наистрожайшей казни за скрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровскій не принялъ отъ меня той бумаги, потому, что онъ съ расположениемъ своимъ могъ бы ее принять особо и утаить; а то я подумалъ про себя, принужу тебя князь принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже нельзя будетъ тебѣ скрыть ее. Замолчавъ обѣ ней, спрашивалъ я его, какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги; ихъ со мною нѣть, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реэстра въ скромъ времени сдѣлать не могу. „Да это не нужно,—говорить онъ мнѣ,—а вы ихъ привезите послѣ, только всѣ и за вашею печатью.“

На другой день по утру привезъ я ихъ къ нему безъ разбора запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту неугодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. „Я уже вамъ сказалъ, что не приму ее,—отвѣчалъ онъ мнѣ—и никакъ отнюдь не приму.“ и оборотясь къ случившемуся тутъ потомууже дѣлу князю Н. Н. Трубецкому говорилъ ему:—„помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?“ Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ, упрямство, говорилъ князю Прозоровскому: За что такъ особливо не-нравится эта бумага вашему Сіятельству?—„Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ее“. отвѣчалъ онъ мнѣ.—Такъ позвольте-жъ сказать, продолжалъ я. вы должны ее принять, какая бъ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять.

Одумался князь; и съ нѣкоторою торопостью принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: „Извольте, я ее приму, если то вамъ непремѣнно надобно.“ — Когда онъ принялъ, то я просилъ его дозволить мнѣ въ отвѣтъ моихъ прибавить, что я въ исполненіе требованія отдалъ ему всѣ бумаги. „Зачѣмъ же, говорилъ онъ, Государыня мнѣ и безъ того вѣрить.“ — Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я, но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку; пожалуйте, позвольте. Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги и въ какой формѣ. О врученіи ему спорчай оной, описалъ особо, представя обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дня, въ которые отдыху мнѣ было только, что въ первый юздила ночевать домой, а на другой обѣдалъ у князя Прозоровскаго; но обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ княгини хозяїки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяїскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ его находились. Ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и со лбу на лобъ съ кн. Прозоровскимъ мы бесѣдовали въ немъ по крайней мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною, ближайшею къ престолу особою; и еще поважнѣе два пункта: 1-й, для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? — 2-ой, для чего имѣли мы сношеніе съ берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что, хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейгскому, но известно мнѣ, что оные ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ по обрядамъ известнаго Масонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ: а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я обѣ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики, но

когда узнали мы о холодности между дворами, то всякая съ ними переписка пресъклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованиемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ быль.

Спрашивали напримѣръ: гдѣ собирались, для чего скрыто отъ помощи, обѣ обрядахъ, о числѣ ложь, о составлявшихъ оныя, и тому подобное.

На все отвѣтствовалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя ни общество. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и управлений. Что жъ касается до скрытности отъ полиції, то писалъ я, что неможно правосудно почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка, въ разѣзы и проч.

Заключалъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни, въ слѣдующихъ словахъ:

„Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не скрылъ“, и проч.

„Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ иѣжнѣйшею къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалася въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь царей, Господь Богъ мой, Спаситель Надежда, и Утѣшеніе.

Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня, ибо я не дерзаю усомниться въ правосудії Твоемъ; и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая либо на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все исчезнеть отъ единаго воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣданіе. Итакъ не сле-

зами страха и ропота печатлѣю его; но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощащающаго невинность свою и любящаго,—смѣю сказать, Добродѣтель.

Твой
Вѣрный по гробъ подданный
И. Лопухинъ.“

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ что могъ записать ихъ оть слова до слова, но я столько усталъ оть упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того, приняться за перо, была самая тяжкая для меня работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что никогда я не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно пла-каль, обливался, можно сказать, слезами—и точно оть причинъ въ немъ изображенныхъ. Кн. Прозоровскій, любитель и любимецъ жестоко-сердой Белонны, не короткое кажется имѣя знакомство съ такими слезами, не видавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался что я наконецъ струсила и началь меня успокоивать: „Укрѣпitezъ чего вы робѣете?“—Нѣть, отвѣчалъ я, робость очень далеко оть меня; и я плачу не оть нея—, Отъ чего же?“—Увидите изъ того, что я пишу.

Окончивъ, подалъ я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: „буде существуетъ какая на меня клевета“,—то, измѣнясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: „Ежели вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.“—Нѣть, ваше Сия-тельство,—отвѣчалъ я.—писавши это, я истинно на васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидалъ, что возьмете вы на это свой счетъ. Сие точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размяг-ченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

„Почему жь ожидали вы того?“ спрашивалъ онъ меня.—Какъ чи-стосердечно увѣряю,—отвѣчалъ—я, что не цѣлилъ я на васъ, писавши о клеветѣ,—такъ же признаюсь, что считаю васъ большимъ мнѣ не-пріятелемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.—Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ оть себя выду-мывалъ вопросы, какъ старался меня запутать и проч.

Сія сцена была, послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и кн. Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для

объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною. кн. Прозоровскій объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшилось все общее дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія и показавъ намъ подпись на немъ Государыни; всего же содержанія не читаль. мнѣ случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ; и признаюсь, что читаль съ великимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и тѣни во мнѣ не было. Можно поистинѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для разспрещенія покрова обвиненія невинности.

Кн. Прозоровскій по снисхожденію къ товарищу моему кн. Трубецкому, и потому, что находился онъ тогда при должности въ казначействѣ, о сдачѣ, коеи ничего предписано не было при указѣ о ссылкѣ, который шелъ по тайной экспедиції, далъ ему десять дней времія на прожитье здѣсь для распоряженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправляетъ съ нашими отвѣтами, и притомъ спроситься о смѣнѣ кн. Трубецкого. А мнѣ сказалъ: „вы вѣдь не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.“—Очень бы скоро могъ и выѣхаль,—отвѣчаль я,—если бы не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ, одинадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надо. —Кн. Прозоровскій позволилъ и мнѣ пробыть въ Москвѣ 10-ть же дней.

Я бы скорѣе выѣхаль.—Но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ по какому то неизъяснимому предчувствію что Государыня прочитавъ ихъ перемѣнить свои мысли; хотя она рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались, ибо осужденіе уже было сдѣлано.—Надеждою перемѣнѣ сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобы не ѻхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно: не ставилъ ее себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи; и въ иныя минуты даже радовался ею. какъ отыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подъисковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцомъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтою этой отмѣны. и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленаго съ на-

шили отвѣтами, располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ тотчасъ по прочтеніи отвѣтовъ, или никогда. Кн. Прозоровскій, посыпая отвѣты мои и князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посыаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ, (это были точныя его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеуручномъ его письмѣ) что князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія, а я все скрываю, и упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня, подлинно, еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя по пріязни графы Орловы (Алексѣй и Федоръ); я хотѣлъ, чтобы объявление то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая перемѣны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, говорилъ мнѣ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думалъ онъ, на этомъ пункѣ. Можно ли, чтобы Государыня отмѣнила указъ, ею подписанный и объявленный? Этого не дѣлала она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. Я коротко ее знаю,—говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ 11-й по объявлению указа, и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращался. Кн. Прозоровскій торопилъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпионстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они прѣѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что я думаю не мучительнѣе были бы онѣ для меня на эшафотѣ.—При всей беспредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отѣзду у меня было уже готово: подорожная взята. ввечеру привели почтовыхъ, съ тѣмъ, чтобы назавтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12-мъ пополудни прислали за мною кн. Прозоровскій и объявилъ полученный мнѣ Имянный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты. и вслѣдствіе того повелѣваетъ: о князѣ Трубецкомъ исполнить точно, по данному прежде обѣ нась указу, должностъ же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василія Степановича Попова, который читалъ ихъ предъ нею такъ же

въ слезахъ.—Тогда не зналъ онъ меня еще и въ лицо, а гораздо послѣ познакомясь, рассказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ противъ меня отъ нѣкоторыхъ ополченіяхъ и злыхъ и смѣшныхъ, коихъ не хочу я описывать, чтобы не черниться юдостю. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: „помню, какъ я плакалъ, читавши ваши отвѣты предъ разстроганною Императрицею“.

Государыня съ такими чувствами принялъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе, и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ какъ извѣстно особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно можетъ быть, во все Ея царствованіе однажды случившейся, отмѣнѣ ея указа,—предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя Она знала о его состояніи и подписывала указъ о моей ссылкѣ: и гораздо прежде—въ нѣсколько лѣтъ Ея противъ меня предубѣженія, я очень ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшало отца моего, и меня для него. Онъ конечно-бы и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило, еслибъ курьеръ, который отвозилъ наши отвѣты, сутки двои лишнихъ не былъдержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ и тѣмъ больше,—говорилъ,—что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, что я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная—невинность, и одинъ вѣрный я покровитель.

Итакъ, я остался въ Москвѣ. Ки. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житѣе въ деревнї. Новиковъ заключенъ былъ на 15-ть лѣтъ въ шлюсельбургскую крѣпость. Студенты Колокольниковъ и Невзоровъ*) оставлены также подъ тайною стражею. Домы

*) Ониѣѣдили въ чужie края на моемъ изжиденіи обучаться медицинѣ; и когда, кончивъ ученіе и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то по подозрѣнію на общество наше взяты были въ Ригѣ, а по тайной экспедиціи привезены въ Невскій монастырь; оттуда переведены въ Петровавловскую крѣпость и наконецъ въ секретную больницу, где Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ императоромъ Павломъ I-мъ съ милостью; нынѣ служить онъ въ Московскому уни-

Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено, и все почти изчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами типографической компаніи, напесло оное крайнєе убытки и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ,—но я не жалѣю потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ всѣ русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись въ продажѣ у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796-го года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ и любимымъ своимъ

верситетѣ надворнымъ совѣтникомъ, и особливо извѣстенъ по изданію преполезнаго журнала, подъ именемъ „Друга Юношества,“ который издаѣтъ онъ единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Мак. Ив. Невзорова съ извѣстнымъ покойнымъ Степаномъ Ивановичемъ Шишковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того чтобы его расказать. Невзоровъ былъ боленъ и не могъ отвѣтить, да и нечего было, а Шишковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное.—„Знаешь ли, гдѣ ты?“—говорилъ ему Шишковскій.

Н. Не знаю!

III. Не знаешь? Ты въ тайной.

Н. Я не знаю, что такое тайная. Пожалуй схватя и въ лѣсъ завезутъ въ какой нибудь станъ, да скажутъ, что это тайная—и допрашививать станутъ.

Ш. Государыня приказала тебя бить четвертымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣтать.

Н. Не вѣрю, что это приказала Государыня, которая написала наказъ комиссіи о сочиненіи уложенія.—

Шишковскій, вышелъ съ досадою и послѣ принести записку руки Государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣтить. Я не знаю—говорилъ Невзоровъ,—руки Ея Величества: можетъ быть вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыни.

III. Да знаешь ли кто я.

Н. И того незнаю.

III. Я Шишковской.—

Н. Слыхалъ я про Шишковскаго: а вы ли онъ, не знаю; да вирочемъ мнѣ съ Шишковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу университету, и по его уставу долженъ отвѣтить не иначе, какъ при депутатѣ университетскомъ, и проч.

Наконецъ принуждены были отвести Невзорова для допросу къ самому первому куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣтить, какъ не о чёмъ было и спрашивать.

ченіемъ,*) знакомствомъ съ малымъ числомъ людей и прогулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ содержанію здоровья, и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ я уже выше сказалъ, небездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ (и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ), убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность хотя и безвинно. Я имъ смылся отвѣчалъ, что не оставлю и по причинѣ самой основательной. Нѣть, никто изъ смертныхъ,—говорилъ я,—не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, что вѣроятно и не случится, а ежели я раззнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скорѣе убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ кн. Прозоровскій, я все окружены были подсмотрами, только спасибо, онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобы я не могъ обѣ нихъ и догадываться; а я не хотѣль обѣ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не беспокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ, изъ-за любопытства только, поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать. Но въ ту же минуту жалѣя, что я ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе и совсѣмъ забыть его, не только приказывалъ, но просилъ.

Итакъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла, ссылкою въ деревни моихъ товарищѣй кн. Трубецкого и Тургенева и оставленіемъ меня въ Москвѣ, правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію кн. Прозоровскаго, который тогда, однако,ѣздилъ по губерніи, и возвратясьувѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему или въ мнимое, далѣе—не знаю.

---

* Упражнялся и такъ же по охотѣ моей въ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашель было на меня духъ поэзіи, и я, совсѣмъ не зная ея правиль, и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая сіе на внутреннюю жизнь обновленіи души, которые напечатаны подъ именемъ: „Подражаніе иѣ-которымъ иѣснамъ Давыдовымъ.“ Естли бъ нечто не отвлекло меня тогда—отъ чего пітической духъ этотъ во мнѣ скрылся—то бы, думаю, переложилъ я всю псалтырь въ иѣ-сколько дней,—такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ уже не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова, нашли одинъ реестръ мною под-писаныи, коимъ требовалъ я по оставшемуся мнѣ кредиту при расчетѣ съ бывшею у насъ типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ, на семь съ копѣйками, запрещен-ныхъ. Сие случилось слѣдующимъ образомъ.

Былъ въ Орлѣ священникъ Иоаннъ, который и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличногоуваженія по его примѣрной благодѣтель-ности. Стараніями христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и учи-лище.

Между прочими къ тому средствами, желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, который отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сие дѣжалось нѣсколько лѣтъ, и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я не читая его подпишу: „отпу-стить по сему реестру на столько то рублей книгъ на мой счетъ“. Не имѣлъ никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцомъ, а покупцемъ книгъ, совсѣмъ не обязаный знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявлено не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами, въ наряженное надѣ книги продавцами собраніе суда, которое составлено было изъ уѣзднаго, надворнаго и магистрата. Вдругъ—мнѣ повѣстка, чтобы я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792-мъ году, 14-го Сентября; день былъ прекрасный, и я очень спо-койно отправился туда пѣшкомъ,—забочился только, какъ бы успѣть возвратиться домой къ батюшкѣ, который тотъ день пускалъ кровь: при семъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами не рады своей комиссіи, и едва могли выговорить при-чину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ; и несмотря на то, что у нихъ никакой надлежащей формы поставлено не было, взять перо и тутъ же написать прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Начальъ уже тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ пред-ставляется случай публично оправдать наши дѣла.—И подлинно при-вязавшись къ этому обстоятельству говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ въ продажѣ и печатаніи книгъ

и проч. Словомъ о всѣхъ виѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду, оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его говорили: „Что жъ дѣлать?—онъ уже все рѣшилъ самъ.“

Однако въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ, съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то стану жаловаться ей на такое притѣсненіе, описавъ его наглость.

На другой или третій день послѣ того кн. Прозоровскій, возвратясь въ Москву 22-го числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу.—Послѣ обѣда изъявляетъ онъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него беспокоили.—И что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія такую путаницу, какъ говориль онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперь радъ быль случаю публично написать то, что я писалъ, но ежели еще хотя мало коснуться до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и показалъ ему, заготовленное вчера. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше нималаго беспокойства я не потерплю.

Межу тѣмъ, дѣло производилось хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда по обыкновенному порядку пришло на ревизію Уголовной Палаты, то кн. Прозоровскій настаивалъ, чтобы не премѣнно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинять меня никакъ не должно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенные книги, въ чемъ по законамъ виноваты тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны не продавать ихъ; а не тотъ кто требовалъ, и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что наконецъ никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился кн. Прозоровскій, выгналъ судью, однако, послѣ велѣль оставить ревизію,—чтобы покрайней мѣрѣ не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и предсѣдателемъ Уголовной Палаты и подъ судомъ ея.—Быть подъ судомъ тайной экспедиціи и всѣ дѣла ее имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей неизѣнѣнѣ, о томъ опишу я въ слѣдующей книгѣ.

Книга четвертая

6-го Ноября 1796-го года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь въ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для Нее пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала Она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скіпетра самодержавія; при которой, однако, въ превосходної степени умѣла Она воздержать поданныхъ въ страхѣ къ Ней безъ робости, и въ одобрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякий однако мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣллю имѣли благоустройство, и на человѣколябіи были основаны. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей человѣчеству. Она первая отринула сіи звѣрства, паче лютость тиранствомъ изобрѣтеннюю, и къ стыду просвѣщенными слывущихъ Государствъ, столь многіе вѣки бесплодно терзашю въ нихъ человѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ, гнѣвъ иногда наклоняль вѣсы правосудія *) то сіе дѣйствіе не безгрѣшности, общѣй и царямъ со всѣми

*) Прошу читателя не подумать, что сіе относилось къ описанному въ третьей книжѣ сихъ записокъ суду, по тайной экспедиціи надо мною и надъ бывшимъ обществомъ нашимъ.—Нѣтъ! свидѣтель тому Сердцевѣдецъ, равно какъ искренность сѣдѣющей мнѣнія.

Мы конечно невинны были; но Государыня считала нась очень виноватыми по вселѣнному въ нея предубѣжденію, отъ которого кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ? И какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ царскихъ очей истина—Всевидящему одному всегда извѣстная! Итакъ разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные,—по справедливости должно признать, что судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивый, а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойнаго.

Я слыхать отъ самого князя Прозоровскаго, что Государыня не сколько разъ говорила ему, для чего не арестуетъ онъ Новикова?—„Тотчасъ, если только приказать изволите“, отвѣчаль всегда князь.—*Надоено прежде найти причину,*—всегда же отзывалась Самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ.

смертными, въ высочайшей степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденiemъ и умѣренностю въ судопроизводствахъ публичныхъ; и всегда пользовалася Она прелестнейшимъ Государей правомъ, укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ Екатерина была примѣръ великихъ Государей, царство Ея было самое благотворительное для Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбія, особливо въ войнахъ, коихъ навсегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи и еще кромѣ нѣкоего попущенія роскоши, которое почитала Она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархического, хотя роскошь кажется есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно разслабляющая его вообще и всю части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня черезъ три послѣ первого въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего Сергея Ивановича Плещеева, письмо, которымъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной—и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ при недосугахъ его, и въ концѣ своею рукою только приписалъ: „Если вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданійшему вашему другу Плещееву“.

Предложеніе его несказанно смутило меня. Мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось. Успокаивался я нѣсколько тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ я увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступить безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобы не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу. но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, еслибъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминанія.—Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного

Кто же былъ Новиковъ?—Содержатель типографіи, поручикъ отставной, котораго Она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобного состоянія. Но напримѣръ въ дѣлѣ по тайной экспедиціи о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита Арсенія въ 1767-мъ и въ началѣ 1768-го года, видно до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

знакомаго случая; а курьеровъ тогда по нѣсколько изъ Москвы скакало всякий день. Я просилъ, чтобы матерю о службѣ моей оставить по крайнѣй мѣрѣ до личнаго свиданія въ Москвѣ во время Коронаціи.

Междудѣмъ, сообщаю я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности, мысли мои о разныхъ предметахъ Государственного правленія и о многихъ, столь быстро дѣланыхъ перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я въ самомъ пламенномъ усердіи къ Нему и отечеству—много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковыемъ же, и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма; но по счастью времени и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы безъ пользы и могло навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеніе и сильнѣе еще я собирался писать съ отправлявшимся въ Петербургъ по Государеву повелѣнію тогданимъ, Церкви Ioanna Воина въ Москвѣ священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архиепископъ Михаилъ. Сей, поистинѣ великій въ званіи своемъ мужъ,—коего сочиненія весьма известныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви иуваженія, между твореніями учителей Россійской церкви, могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, первого Епископа Воронежскаго,—былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія—и дружбу его 25 лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25-го Ноября поутру; но наканунѣ поздно ввечеру, между прочими съ почты письмами, получилъ я въ письмѣ Григорія Кушелева, бывшаго тогда генералъ адъютантомъ. Имянное повелѣніе, вѣхать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Кушелева дня два пролежало на почтѣ потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дома нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходитъ, а ходили за письмами деревенскими изъ Оrlа, и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ семъ городѣ, съ которыми и Кушелева письмо принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобы никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе друзья мои Сергій

Иванович Плещеевъ и кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго такъ же въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни имѣлъ я щастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣриое благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева, извѣстны всѣмъ знаяшимъ его безпристрастно. Что же касается до князя Репнина, то онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели, и почтенія къ истинному геройству, съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Еслибъ мои правила позволили мнѣ давать волю самолюбію, то не просилъ бы я другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *онъ другъ былъ Репнина.*

Чрезъ нѣсколько уже дней по отправлениію ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по французски: „Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ И. В. скоро сюда будетъ; я послалъ за нимъ“. Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ княземъ Репниннымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливой довѣренности, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ престола, и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удалѣнное отъ всякихъ политическихъ видовъ,—но она то была наиболѣе причиной отмѣненнаго на меня устремленія, при происшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 мѣсяце году, которое однакожъ тѣмъ чудеснѣе, такъ легко въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Троцкому, который тогда былъ Статсъ Секретаремъ, отписать ко мнѣ съ курьеромъ, чтобы яскорѣе прїѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству. При чемъ угодно было Государю приказать написать ко мнѣ, „что отъ него самого узнаю о томъ употребленіи, къ коему Онъ меня назначать изволить, и отмѣнномъ Его ко мнѣ благоволеніи по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ“.

Чрезъ пять дней послѣ полученія первого указа, отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ. который тогда уже не вставалъ съ постели, и почти ежечасно требовалъ моей помощи. сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только ра-

довался моей, такъ называемой, фортуны, но сначала досадовалъ на меня, подумавъ что я самъ ее проискивалъ. Я успокоилъ его, лаская надеждою скораго возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого двора.

4-го Декабря 1796-го года, предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергій Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ Его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ, при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе, однако я всегда смѣль былъ передъ Нимъ, и никогда нисколько Его не робъль, даже во время самой холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своеемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная,—являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно.—Пылкость гнѣва Его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремлениемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предубѣжденіемъ; сильное впечатлѣніе въ иправъ Его сдѣлало конечно то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ; и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствиемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступили онъ на престоль.—Яувѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше какъ при Павлѣ I-мъ можно было бы сдѣлать добра для Государства, еслибы окружавшиЕ Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти.

Первый разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ, на котораго онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ по Его призыву, не только отмѣнилъ милостивому, но можно, сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ Нему прїѣхать,—и представлять противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ, знаковъ орденовъ кавалерскихъ.—При семъ Государь спрашивалъ у меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьї.—Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія. конечно не-приличны;—но пріемля правленіе церкви вынѣ больше учрежденіемъ

политическимъ, не бесполезно, по мнѣнію моему, употребляться могутъ такія отличія, для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными. „L' habit ne fait pas le moine“ (платье монаховъ не дѣлаетъ), прибавилъ я. „Правда твоя“, сказалъ Государь.

Я старался оправдать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ видомъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ щастіе много помочь къ умилостивленію Государя; кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: „Ну, видно ты прямо любишь Платона, и если такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ“.

Тотъ же день писалъ я все это къ митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще возвратился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по Государеву же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода, указъ о коемъ опредѣленіи члены подписывали въ день воскресный, праздничный, въ алтарѣ придворной Церкви, въ самое время совершенія литургіи. Отъ сего онъ занемогъ, и не смѣлъ уже ѻхать; увѣдомляя меня о томъ, благодарили онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіямъ своими мужу, и пастырю рѣдкимъ благоразумiemъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ Гавріломъ, сказалъ ему: „Пожалуйте оставьте Платона въ покой и безъ меня не касайтесь до него; мы и такъ пересолили“.

5-го Декабря выносили въ Петропавловскій Соборъ тѣло Императора Петра III-го и представившейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ повелѣніемъ находиться при немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись статьи секретари.

Ввечеру того же дня Государь призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатъ Генералъ Прокурору волю Его объ освобож-

деніи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ сколько можно ихъ покойти. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему, и сколько возможно, спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, давшаго сіе повелѣніе—точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, сколько же и самою справедливостію: ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя, для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, для удержанія пріемъромъ симъ другихъ отъ преступленій подобного рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнетать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждены на заключеніе подъ стражу тайную,—было бы единственное презрѣніе человѣчества, или месть, нетерпимая не только правилами христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность Государева ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простидалось, что Онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ по моей должности, только послѣбѣдніе часы, для того, что по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело рано было поутру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ пріѣздовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыхъ 10,000 душъ выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при дворахъ бываетъ. Всего больше непріятнымъ для нѣкоторыхъ, меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобы извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по тайной экспедиціи, чтобы всегда открыть мнѣ былъ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи; и чтобы я могъ—когда злагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генераль Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и мою дружбою съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня

отказаться отъ оной должности.—Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой просьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ случаяхъ, надобно бы ему радоваться товарищамъ. Неужели, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость.

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при дворѣ, успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая.

Государь приказываетъ мнѣ сѣзжать къ Трощинскому разсмотрѣть, конфирмованный уже имъ докладъ Сената, о нѣкоторыхъ по дѣлу обѣ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императорицы, остановить исполненіе, и найти способъ оправдать или гораздо облегчить участіе одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя забылъ. Меня обѣ немъ просилъ сынъ Александръ Павловичъ, сказалъ Государь, а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣща арестантовъ, по должности Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семъ дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими, и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ спрашивался, посланъ уже былъ указъ ко второму Военному Губернатору о исполненії.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію, равныхъ преступниковъ, одного исключить или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше, казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣмъ, равно съ онимъ иностранцемъ приговореннымъ, на содержаніе въ смирительномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, чтобы покрайней мѣрѣ сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю; онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наследникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ

Безбородкою. Скоро вышелъ въ Секретарскую нашу комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ и подошедъ ко мнѣ спрашивалъ тихонько, что я сдѣлалъ—Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. „Какъ-же, сказалъ Государь,—всѣхъ? Они виноваты!“ Да и онъ виноватъ, отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ, и такъ же говорилъ съ нимъ тихо.—Я остался у своего Секретарского стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, оборотясь ко мнѣ изволилъ что-то сказать: я подошелъ,—Государь продолжалъ;— „Вотъ и Александръ Андреевичъ говорить, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого мастерства) на житѣе въ бывшій городъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будеть для отдѣлки Монастыря“. — А прочихъ-то докладывалъ я,—съ коими онъ равно виноватъ, куда же?— „Въ ссылку по приговору“, отвѣчалъ Государь.—Воля ваша. сказалъ я, только это несходно будеть съ правдою и порядкомъ.— „Да онъ же почти и невиноватъ“, выговорилъ при томъ кн. Безбородко.—Какъ же, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь подписать дали?—На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ:— „Полно братецъ, перестань“. Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь поговоря опять тихонько съ Безбородкою подошелъ ко мнѣ, и уже милостиво спрашивалъ: „Ну что жъ думаешь ты сдѣлать?“—Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказатъ изволите: а думаю, что несравнѣнѣе наказаніе будеть несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушіемъ.— „Нѣтъ, сказалъ Государь, этакъ нельзя—я прикажу Архарову“.

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я при дворѣ. Однако послѣ же Государь нѣсколько еще не отмѣнилъ милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательно, при семъ надобно сказать: въ комнатѣ гдѣ это происходило, были только Императоръ, наслѣдникъ, кн. Безбородко, человѣка два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первый Государевъ камердинеръ, стоять у дверей. Не больше конечно какъ чрезъ полчаса послѣ оной сцены, я поѣхалъ домой, а завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говорить мнѣ: „что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчера сказываютъ? Вѣдь бѣда будетъ!“ Отъ кого онъ это слышалъ, спрашивалъ я.—Отъ бывшаго за мной лакея.—А онъ отъ кого?—Отъ придворнаго.

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ кн. Репининымъ и Плещеевымъ; и тѣмъ больше, что основанію ея пред-

полагали они правила столько же твердые, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представлению приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ Захаромъ Яковлевичемъ Корнѣевымъ, человѣкомъ исполненнымъ честности, и рѣдкихъ въ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ вице-губернаторомъ, то заключеніе оное подтвердилось, и на языкѣ чисто при дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію.—Но у меня, истинно, того никогда и въ мысляхъ не было; во всю бытность мою при дворѣ, одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ гдѣ только мнѣ представится случай соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще; и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно Единому Источнику милости непреложной.

Вотъ что при посылкѣ за Корнѣевымъ случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще не думалъ представить обѣ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ Его всякий день меня спрашивалъ, послали-ль за Корнѣевымъ, не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Чрезъ нѣсколько дней послѣ такихъ вопросовъ, этотъ самый любимецъ, сидя съ мною на каналѣ предъ Государевымъ кабинетомъ фамиліарнымъ, и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, просить меня еще въ откровенности сказать ему: послали-ль за Корнѣевымъ?—Я увѣряю что нѣть, развѣ безъ меня, что нельзѧ и глупо было бы мнѣ таить это, что ежели чрезъ меня призываться будеть Корнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили мы этотъ разговоръ, Государь, не помню зачѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ.—И я тутъ имѣлъ случай доложить о Корнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ весьма полезна быть можетъ. „Пошли жь за нимъ,“ сказалъ Государь. Выshedъ изъ кабинета написалъ я къ Генералу Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о прїездѣ Корнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда однако не считалъ я за полезное быть Корнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливымъ секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляю-

щихъ частями или министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большой части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно.—Такой перевѣсь весьма бы конечно былъ полезенъ. Особливо по дѣламъ Сената, кого большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генераль Прокурора.—„Согласенъ съ предложеніемъ Его Пре-восходительства, или Сиятельства или Свѣтлости“—только почти слышется и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Корнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ.—Все уже противъ него настроено было. Одинъ самый близкій при Государѣ комнатный человѣкъ, мнѣ рѣшительно сказалъ, что никакъ его не допустить оставаться при дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день; и Корнѣевъ первый разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими, уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскѣ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которое опредѣленіе послѣдовало по моему старанію чтобъ по крайней мѣрѣ не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человѣка доказываетъ сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперь не знаю, признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная что я съ своей стороны не подавалъ никакой. Вообще кажется можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ. и которые ему больше надобны не жели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобы одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ порученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ говорить со мною. Чувствуя что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его—былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворного дѣла осуждали мое равнодушіе и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда весель былъ, какъ бы отъ предчувствія того что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него,

не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ доброжелавшіе, и которые больше знали нравъ Государевъ, не совѣтовали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что никакъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ: и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ двора.

Тотъ же самый близкій комнатный человѣкъ, о которомъ сказаль я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить и себѣ многаго; что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе—и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался.—„Вы философъ,—говорилъ онъ мнѣ,—а двора, позвольте сказать, не знаете; теперь вамъ случай, я вѣрно знаю. Такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента-ли вамъ надобна—Государь тотчасъ ее надѣнетъ на васъ, чиѣ—также получите: если-жъ вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь по подачѣ письма вашего, вынести вамъ на то указъ, и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню“.

Нѣть, отвѣчалъ я ему, я не соглашаюсь на ваше предложеніе, хотя и увѣренъ въ его успѣхѣ; я не философъ, но правда, что люблю держаться правиль философскихъ. Двора я подлинно не знаю и никогда я думаю очень знакомъ съ нимъ быть не могу: только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, придворныя обстоятельства вижу я тонѣе вашего. Я не искалъ быть при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня, и принять съ отличною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ, возвратится милость Его ко мнѣ,—я буду очень радъ. Продолжится гнѣвъ Его—все я не виноватъ буду. Уволить меня отъ себя съ милостью—я буду счастливъ; а съ немилостью,—несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и наградъ отъ Него, не заслужа ихъ, то и оправдаю гнѣвъ Его; и тогда то если не удастся мнѣ. потеряю я то, чего уже конечно никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.

Въ такомъ расположени продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его во гнѣвѣ или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался снискивать хороший случай удалиться отъ двора. Вѣрный другъ мой Сергій Ивановичъ Плещеевъ помогалъ мнѣ въ томъ: хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Го-

сударя. Однажды воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говорить ему обо мнѣ и просить уволить меня, если я Ему не угоденъ, съ милостію. Государь отказалъ, сказавъ, „Полно, дайте время, мы съ нимъ уживемся“. Но вотъ что надобно при семъ разсказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статья Секретаря, былъ при мнѣ коллежскій соѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю.—А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать опредѣлить ко мнѣ.—„Такъ-то, отвѣчалъ Государь съ жаромъ; хорошъ же ты другъ Ивану то Володимировичу! Его прочь для того, чтобы Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда“—и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнить свое обращеніе со мною на прежнее; однако оно никакъ не перемѣнилось; странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною Императрицы Екатерины II-й, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ или послушниковъ монастырскихъ, который предсказалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время какъ она случилась.

При освобожденіи всѣхъ по тайной экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита Гавриила. Въ одинъ вечеръ Государь переговоря въ своемъ кабинетѣ съ митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвавъ къ себѣ Сергія Ивановича Плещеева, и отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ и истребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное ему; только съ тѣмъ, чтобы Сергій Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смысль мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе сіе весьма воз-

можно отъ сіянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣрной лѣстницѣ свѣта, и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякий предсказатель правды, самымъ лучемъ открываемой, есть всегда святой просвященный. И сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько же неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе, и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудническому уединенію монашескому, то всего лучше определить его въ какой нибудь выгодный монастырь, и къ такому настоятелю, который бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, Онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ; сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности; только не имѣю я, говорилъ, довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при Особѣ Его. Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственno я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобы я подалъ записку о томъ чего хочу. Плещеевъ зная меня, увѣрялъ что я никакъ то не сдѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ повѣря Плещееву, что я доволенъ буду сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня тайнымъ совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сie происходило поутру 20-го Генваря 1797-го года; только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписанного уже обо мнѣ указа, присланного отъ моихъ товарищѣй, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною; однако такъ же непріятно имъ было и такое скорое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же близній комнатный о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ; „хоть съ ангелами ликуй“. Однако желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда, что Государь теперь возвратился, съ вахтпараада, очень не веселъ а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что непремѣнно изво-

литъ то сдѣлать, и съ милостью,—только въ лучшій часть. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему что никакъ я о себѣ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя впрочемъ онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. Нѣть, отвѣчалъ онъ повѣрьте что будетъ такъ, какъ я говорю, я съ вами обѣ какомъ угодно закладѣ ударюсь: только пріѣзжайте послѣ обѣда.—Проблемъ сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно онъ только отворяя двери называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ; или вошедши въ него, ту же минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевої. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ дожидавшемуся у двери кабинета, и съ улыбкою сперва тихонько мнѣ сказалъ: „вы правы“, а потомъ вслухъ при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: „Государь извиняется, что не можемъ васъ принять въ кабинетѣ; онъ теперь занятъ письмомъ, а тотчасъ сюда выйдетъ.“

Чрезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ.—Въ дверяхъ онъ громко кашлянулъ; и когда я ставъ на колѣно, поцѣловавъ у него руку, то онъ поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: „vous m'avez fait tousser. Я отъ тебя закашлялся.“ Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время; и никто изъ очень знатныхъ покойнаго Государя, не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое; и въ самое короткое время,—въ часы почти—испыталъ я всѣ соблазны придворной жизни, и такъ называемаго счастія временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной?—Картина ея весьма извѣстна—и всегда та же, только съ нѣкоторою перемѣнною въ тѣняхъ. Корысть—идоль и душа всѣхъ ея дѣйствій; угодничество и притворство, составляютъ въ ней весь разумъ, а остroe словцо—въ толчокъ ближнему *верхъ его*.

Книга пятая

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ. и поконился продолженіемъ попечений моихъ обѣ немъ, лежавши уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ, скончался онъ въ рукахъ моихъ: и

хотя онъ былъ 92-лѣтъ въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ было я опредѣленъ въ 5-ый Департаментъ, что нынѣ 6-й уголовный, въ которомъ и тогда производились по большей части тѣ же уголовныя и слѣдственныя дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить сенаторомъ въ Москвѣ или Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генераль Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?—Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ правиламъ, по которымъ служилъ и въ Уголовной Палатѣ. Большого труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣженія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судь самый строгій. Товарищей было у меня много—собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь, и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣнныхъ въ то время генераль.губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики, и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ—и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостію, что мнѣ очень известно, что Онъ желаетъ только правосудія—и что яувѣренъ, что Ему пріятно будетъ всякое возможное съ законами только соображенное, облегченіе участіи судимыхъ.

Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищѣ моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь, при увольненіи меня отъ себя;—многіе, и изъ самыхъ прозирателей въ дворскую политику, думали, что довѣренность Его ко мнѣ, еще продолжается,—что не тайное ли око Его я въ Московскому Сенатѣ—и, судя по нраву Государеву, заключили, что я могу скоро къ Нему возвратиться—и въ большую еще милость.— Такое ложное заключеніе послужило однакожъ къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три,—а тамъ уже трудно было и несогласится: разное рѣшеніе законами запрещается.

Итакъ во все царствование Павла I-го во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ дворянинъ, пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. И по всемъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Всѣ доклады сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три только, помнится, отмѣнилъ Онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно было видѣть, по склонности ли строгъ былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его, нѣкто изъ разумнѣйшихъ сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ уже теперь,—рассказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбiemъ принужденъ онъ былъ назначить кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомца своего—да и безвинному почти. Для чего-жъ, спросилъ я?—„Боялись иначе“—отвѣчалъ онъ.—Что, говорилъ я, такъ—именно было приказано, или Государь особенно интересовался этимъ дѣломъ?—„Нѣтъ, продолжалъ онъ, да мы по всемъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему.“—Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: мы далекіе отъ двора, Московскіе сенаторы простѣ живемъ; и не отвѣдалъ бы конечно знакомецъ твой кнута, если бъ случилось дѣлу его быть въ 5-мъ Департаментѣ.

Въ Мартѣ прїѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребываніе Его въ сей столицѣ было мѣсяца 2. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкѣ иногда знатнѣйшіе меня подвергались.—Однако же говорилъ со мною ни слова; я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему „чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.“

Впрочемъ у Государя въ сердцѣ противъ меня конечно ничего не было; а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ, которые Ему нужнѣ,—или пріятнѣе меня казались, поставила препятствію изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство разскажу я между прочими одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ пожаловалъ и меня кавалеромъ Ордена Св. Анны 1-го класса, то я пославъ, по обычаю давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ

того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку очень любезному, и который въ бытность свою при Государѣ безынтересно любя меня, очень меня обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травами.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда уже въ большой у Государя милости, въ первый праздникъ, пришелъ къ нему въ кафтанѣ сшитомъ изъ моего бархату. Государь былъ очень веселъ. „Ты заставиши и меня К. носить французскіе кафтаны.—Что это за прелестный бархатъ?—Откуда у тебя?“ К. сказалъ.—„Такъ стало И. В. любить тебя? Смотри-же заслуживай любовь его, это тебѣ и у меня аттестовать“, изволилъ сказать Государь;—и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ разсказывалъ самъ К. .

Въ началѣ 1800-го года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ Губерній, и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

Осмотры такіе конечно весьма полезны и хороши для сохраненія порядка и обузданія злоупотребленій, хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ; а необходимо иногда исправлять ихъ, и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо менѣе строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣрности къ ревизорамъ.—Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сie особливо въ разсужденіи взяточъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ болѣтій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется справедливо сказать должно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взяточъ. Надобно сдѣлать прежде, если можно, чтобы въ людяхъ лакомства не было—чтобы они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобы наконецъ боялись Бога, какъ Свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду,—что безъ любви къ Небесному ея Источнику невозможно или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи, помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писанаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803-мъ году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше конечно простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ Священной,—и простите еще сыновне искренней свободности моей,—къ Любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоцѣнному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настоящее до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

Итакъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ вачальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правлениія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ преходимую большою частію отъ людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобы или совсѣмъ не за что, или сколько можно меныше было за что давать взятки. Когда главные начальники будуть хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, если и хотѣли. Таковыемъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или по крайнѣй мѣрѣ сколь можно умѣрить, пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны и, какъ давно известно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица.

Немалымъ способомъ къ обнаруженію зла сего послужить бы могла и отмѣна того закона, который равному подвергаетъ навазанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему, строгости тончайшей нравственности, самой высокой добродѣтели, коє правила заставляютъ безъ изъятія жертвовать собственностью во всемъ общей пользѣ и чести истинной, и которой столько же неестественно быть между миллионами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностю, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею. Объ отмѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ первого осмотра Губерній дерзаль я представлять еще въ Бозѣ опочившему Государю Императору родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ Государ-

ственныхъ узаконеній статью, Правительствующему Сенату, коего я имѣю честь быть соченомъ, имѣвшимъ счастіе въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать по крайней мѣрѣ желаніе быть достойнымъ онаго званія.

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю: всѣ наши представленія были уважены и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы; а мы съ товарищемъ получили командорственные кресты Ордена Св. Иоанна Иерусалимскаго, въ числѣ обозрѣвшихъ Губерніи Сенаторовъ, кои за отличныя при томъ труды, всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Послѣднее очень трудно, всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно— и какъ же попасть именно, на тѣ, которые не хорошо произведены, особливо съ умысломъ: такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, напримѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной, приказываю я предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшеныхъ дѣлъ. Какое, спрашивалъ онъ.— Какое попадется, говорилъ я, только прикажите подать скорѣ. Что жъ? Предсѣдатель принесъ дѣло и такъ безпорядочно произведенное и беззаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго; при всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однакожъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главныя черты осмотра нашего, любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетрадкѣ подъ лавсаніемъ: выписка наставлений и приказаний данныхъ Г. Г. Сенаторами при осмотрѣ Вятской Губерніи въ Мартѣ 1800-го года. Сія книжка удостоилась одобрѣнія многихъ знатоковъ; и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра Губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нее не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ печатныхъ уже порознѣ въ вятской типографіи предписаній оныхъ въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя присутственныя мѣста и уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобы показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской Губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть на-

ставления, замѣчанія, исправленія; но ничего нѣтъ такого почему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣжалось вслѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской Губерніи, о которой при ономъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что она „золотое дно, изъ которого ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами“. Конечно—вслѣдствіе нашего донесенія, писанаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобы можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую Губернію, спѣшили мы по причинѣ наставшей уже тогда распутицы въ Казань. При отѣзданіи изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложа для усмотрѣнія образа осмотра нашего онуя напечатанную нынѣ выписку, и притомъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи имѣющія связь въ ея Губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особое уваженіе заслужило.

Въ то же время, донеся Государю объ отѣзданіи нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нее донесеніи по сдѣланіи вышесказанного соображенія писали мы, что „осмотрѣвъ Вятскую Губернію, возможное подданной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впредь устройству въ чемъ нужно. Предписали наставления по жалобамъ, доносамъ, и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить, что важнѣйшія злоупотребленія примѣщаются особенно по волостнымъ правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе и онѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ, что наконецъ, обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ Престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобы какое нибудь присутственное мѣсто, или чиновникъ въ Губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особливое благоволеніе Государево.—А что принадлежить до гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тютчева, то сей въ честности состарѣвшійся чиновникъ (ему было лѣтъ 80 по крайней мѣрѣ), истощаетъ послѣднія свои силы къ наиболѣшему исполненію своей честности; и голосъ всей Губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи.“

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь прочитавъ сіе донесеніе, тот-

часть далъ два указа: однимъ приказалъ Губернатора за старостію уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованіемъ за усердную службу; а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской Губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ—и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе въ дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро однакожъ, и на тѣхъ же почти дняхъ,—успѣли близкіе при Государѣ исходатайствовать снискожденіе милости Его, и дозволеніе прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ сенатѣ наши бумаги, и сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально,—только недодѣлали.

Сенатъ разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ настѣ, и по содержанію коей никого отрѣшить по справедливости не слѣдовало. положилъ однако отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный казначей присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такие, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты; о прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднеся ему докладъ конфирмовать: а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря при томъ,—что донесеніе наше, (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостію—но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что если однакожъ неожидаемо и было оно поводомъ тому, что произошло въ первомъ движениі гнѣва Государева,—то послѣ когда дѣло уже было въ ихъ рукахъ, и Государь соизволилъ на ограниченіе своего Указа,—очень могли бы они, вместо такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленного ими отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ о всѣхъ чиновникахъ. подобно тому, какъ о большемъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сътovanіе обращалось потому, что известно было, что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумный, долговременною въ службѣ опытностію отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій,—мало однако входилъ въ производство осмотра нашего, и по какой то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сие самое послѣдніе, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому неизвестному мнѣ отношенію, совершило лишило меня пріязни сего почтенного товарища, съ которымъ во все время вояжа нашего по Губерніямъ, около 8 мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ одинѣхъ квартирахъ, и даже косо другъ на друга не поглядѣли.

Кромѣ онаго происшествія съ Вяткою, ничего особливаго, заслуживающаго описанія при осмотрѣ нашемъ Губерній, не нахожу я.

Надобно только разсказать еще Анекдотъ въ той-же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной и достойной вниманія по отношенію къ нравамъ народнымъ.

Въ Городѣ Вяткѣ, который, тогда по крайней мѣрѣ, похожъ былъ болѣе на богатое село, нежели на Губернскій городъ,—обычай у поселенскихъ дѣвокъ торговаться калачами, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидѣть всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыхъ тамъ называются балаганами и ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ у нихъ калачи или булки, давая имъ всегда по нѣсколько лишнихъ копѣекъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ 18-ти, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разсторжку пяти-рублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась: 5-ть рублей калачницѣ капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ—мужикъ въ слезахъ мнѣ въ ноги: „Пожалуй батюшка, спаси дочь мою; ты погубилъ ее—она хочетъ удавиться или въ Вятку (рѣку) броситься. Вчера ты пожаловалъ ей 5-ть рублей, такъ всѣ дѣвки товарки ее, дѣлый день ей житъ не давали: ты была у Сенатора, да и только; за

что жъ-бы ему пожаловать 5 рублей. Дочь моя воеть, въ удавку лѣзть; не можемъ уговорить ее мать отъ нея не отходитъ.

Смѣшно правда мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ; однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе.—Неужели ты этому вѣришь,—говорилъ я ему—да еслибъ дочь твоя была у меня. такъ я бы ей 5 рублей или больше даль у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.—„Родимой,—говорить мнѣ мужикъ,—да кто этому повѣрить! Мы знаемъ что неправда—да прокляты то завистницы ее съ ума сводятъ, а она дѣвчонка молодая, глупая.—Помилуй батюшка!“ кричить мой мужикъ. валяясь въ ногахъ.

Даю ему деньги—не береть, даваль ему ужъ столько. что по состоянію его дочери могло бы составить изрядную часть ей приданаго— мужикъ все не береть, а только кричить: „Помилуй, спаси дочь мою, не быть ей живой; она удавится, не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хоть и сидѣть, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали.“

—Что жъ мнѣ дѣлать,—говорю я ему,—не жениться жъ, я подарилъ ей отъ доброй души—а ужъ это несчастье. что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать, авось какъ нибудь поправимъ; приди ко мнѣ завтра — и на силу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя хотя невинного однако причиною сему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ и не знать чѣмъ то поправить. Денегъ не пожалѣть бы я и много; да цѣломудренной калачницѣ съ отцомъ ея ничего было нена-добно.—Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло исправило.

Послали я въ казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнить на пяти рублевыя, и пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на расторжку же. Отецъ отчаянной калачницы, пришелъ ко мнѣ на другой день не съ тѣмъ уже. чтобы толковать какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. „Богъ тебя надоумилъ, родимой мой,—говорилъ онъ мнѣ, однако съ слезами радости,—теперь ужъ ее не дразнить, всѣ дѣвки веселы, и съ нею ватажутся, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ; а всякъ говорить что ты это жалуешь только изъ милости.“

Признаться что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я однако отдать мужику то, что прежде даваль я ему на приданое дочери его. такой

честной дѣвушкѣ. Но онъ никакъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: „Помилуй, батюшка, уволь: вѣдь опять тоже баить (говорить) станутъ“.

Въ концѣ Августа 1800-го года возвратился я, обозрѣвъ Губерніи въ Москву, и безвыѣздно изъ нея, присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I-го.

Въ Сентябрѣ того же года случилась отставка многимъ Сенаторамъ, сверхъ всякого ихъ чаянія; и осталось наасъ тогда по департаментамъ очень не побольшому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь) человѣкъ почтенный, остроумный и много служившій, который обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ—но по дѣламъ, его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибить перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опускаться и не привыкши ни для кого поджиматься—велъ себя съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною и часто для того, чтобы безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было идти противъ него; тогда уже онъ всякий разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь дѣломъ своего знакомаго, говорить онъ оберъ Секретарю, чтобы доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ, и подлинно я былъ противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное, тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ томъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человѣкъ честный и шутливый, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорить съ улыбкою: „Не лучше ли доложить безъ его Высокопр-ва?“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, доложите, только пожалуйте въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркій. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ, я будто уставши спорить, и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были—согласился съ нимъ: ну, говорю, мастеру и книги въ руки. Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и

на другой день подпись резолюцію отнять деревню или землю, теперь не помню. у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, чрезъ нѣсколько дней узнавъ это, пріѣзжаетъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ—не можетъ это быть, говорить ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавши въ Сенатъ спрашивается у секретарей, какъ рѣшено это дѣло?—Докладываютъ ему какъ оно рѣшено. Возможно ли, говорить онъ, чтобы я согласился рѣшить? Да вы де изволили и резолюцію давать и журналъ уже подписать; вотъ и опредѣленіе къ подписанію подано. Посмотрѣль журналъ, покраснѣль, осердился—и подпись опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть невозвратно, что при одномъ особливомъ случаѣ, не догадался я употребить добронамѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою окончили. Вотъ о чёмъ говорю я. Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію вместо смертной казни и къ ссылкѣ на каторгу. не только безъ собственнаго признанія, безъ довольныхъ доказательствъ, но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивый манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочие, бывшіе тутъ товарищи слушаютъ, стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашивается, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ?—Его можно, говорю я, съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому манифесту,—а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходнѣе кажется мнѣ предать суду Божію по недостатку доказательствъ.—Не лучше ли, говорить онъ, по манифесту? Или какъ вы послѣднее полагаете?—И то очень хорошо. Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ секретарю своему резолюцію и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ г.г. сенаторовъ, и къ первому подошелъ моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько секретаря, что сказалъ И. В.?—Предать суду Божію, отвѣчалъ Секретарь.—А я утверждаю рѣшеніе Палаты, сказалъ Его Высокопр. и продолжалъ разсказывать

товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насыпью, которая была ему свойственна, и которая по крайней мѣрѣ тогда некстати была для осужденныхъ Палатою.

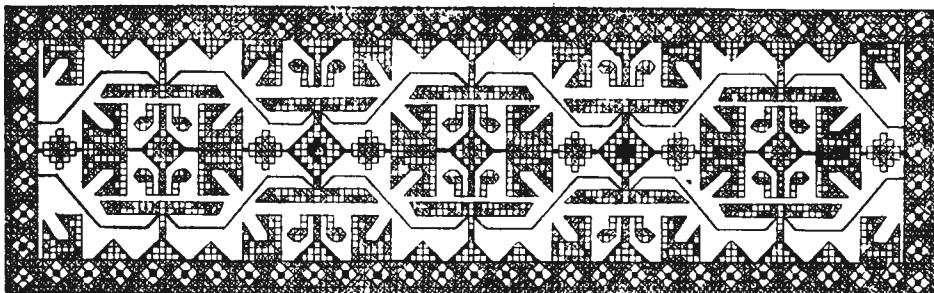
Пошло дѣло на голоса. Нашлись такие, которые и къ нему пристали. Вошло въ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ, въ нихъ такъ же согласно не рѣшилось: тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ общаго собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее же С. П. Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю; а можетъ быть утвердили рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитѣ духа безъщадной строгости на иныхъ Г. Г. Сенаторовъ, особенно, когда око юстиціи, всегда здраво зрящее въ плоти прокурорской, не ясно разглядѣть мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скучныхъ благости земли.

Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмахъ и кандалахъ просидѣли,—только потому, что Его Высокопр. рѣшился ошибать мнѣ перья? Случай сей описалъ я больше для того, чтобы показать какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребиемъ жизни человѣческой. Судить такъ, не все ли равно, что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго, просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой—состояніе какого-нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращенного пьянствомъ,—который заворовавшись укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобы чрезъ нихъ не быть пойманнѣмъ и сосланнѣмъ въ каторгу, или повѣшеннѣмъ—то нетрудно отгадать, которое перетянетъ.

Конецъ 1-ї части.

ВЕЛИКІЙ ШЕЙХЪ МАНСУРЪ.

(изъ исторіи кавказскихъ волненій).

Вѣковая борьба, которую вели съ русскими горцы Восточн. Кавказа съ виѣшней стороны носила характеръ чисто религіозный. Фанатизмъ горцевъ, слишкомъ рельефно выступавшій въ этой борьбѣ, совершенно заслонилъ настоящіе мотивы ея и давалъ поводъ думать до сихъ поръ, что горцами руководили не любовь къ свободѣ, не желаніе отстоять свою независимость, а вліяніе фанатиковъ мулль, прикрывавшихъ свои личныя цѣли знаменемъ религіи. Между тѣмъ болѣе основательное изученіе событий, относящихся къ эпохѣ Кавказ. волненій, ясно показываетъ, что настоящимъ двигателемъ горцевъ въ этой борьбѣ была любовь къ свободѣ, переходившая въ отчаяніе при появленіи враговъ въ ихъ краяхъ. Рядомъ съ этимъ шла и горячая проповѣдь мулль, призывающихъ правовѣрныхъ во имя ислама поднять оружіе и угрожавшихъ за неслушаніе гнѣвомъ Аллаха. Прошлое кавказскихъ горцевъ наполнено непрерывными войнами другъ съ другомъ и между отдѣльными племенами.

Слабыя народности уступали первенство болѣе сильному племени и пріучились сносить игу завоевателей. Независимыя, народности Кавказа, въ силу ихъ превосходства надъ другими, знали что значитъ „vae vis-tis“. Любовь къ свободѣ, купленной дорогою цѣною вполнѣ была объяснима.

Борьба между народностями изъ-за родовыхъ несогласій окончилась, всѣ народности соединяются для борьбы съ Россіей. Этимъ любопытнымъ психологическимъ моментомъ пользуются имамы. Потребность въ объединеніи—создаетъ ихъ. Они впервые на Кавказѣ провозглашаютъ

идею национальности и поднимают зеленое знамя священного пророка какъ символъ объединенія всѣхъ горцевъ, доселъ враждебныхъ другъ другу.

Стоя по умственному развитію цѣлой головой выше народа и въ то же время живя его жизнью, эти единственные представители умственной жизни горцевъ, первые поняли причину слабости право-вѣрныхъ и всю угрожающую имъ опасность. Хотя любовь къ свободѣ была присуща всѣмъ этимъ народностямъ, но идеи свободы было слишкомъ недостаточно чтобы во имя ея сплотить эти враждебныя другъ другу народности и заставить забыть ихъ вѣковую вражду. При крайнемъ ихъ примитивизмѣ, при той разобщенности, которая была вслѣдствіе ихъ географического положенія и, наконецъ, при отсутствіи общаго языка и одного идеала, они не могли сплотиться. въ одно цѣлое. Такой порядокъ вещей указалъ мулламъ, что единственнымъ связующимъ звеномъ можетъ быть религія.

У чеченцевъ есть поговорка, что „если народъ рѣшился возстать, то палка замѣняетъ ему имама“. Истиной этой воспользовались Шейхъ Мансуръ, Кази Мулла, Гамзатъ Бекъ, Шамиль и др. Исходя изъ этого, нельзя этимъ имамамъ придавать того преувеличенного значенія, какъ это дѣлаютъ теперь. Нельзя все дѣло борьбы горцевъ за независимость приписывать дѣятельности имамовъ. Въ исторіи волненій имамамъ принадлежала лишь виѣшняя сторона борьбы, изысканіе средствъ для нея. Тѣ имамы, которые отказывались отъ этого, погибали.

Всю исторію борьбы горцевъ Вост. Кавк. можно раздѣлить на три периода, съ характернымъ отпечаткомъ въ каждомъ изъ нихъ.

Первый периодъ охватываетъ эпоху съ половины XVIII в. второй до 40-хъ гг. XIX в., а третій до 60-хъ гг.

Въ первомъ періодѣ самымъ характернымъ лицомъ является Шейхъ Мансуръ.

Театромъ военныхъ дѣйствій служить Чечня и отчасти Кабарда: во второмъ періодѣ Кази Мулла—въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Въ третьемъ періодѣ дѣйствуютъ Гамзатъ Бекъ и Шамиль въ этихъ же краяхъ. О послѣднемъ періодѣ много известно русской исторіографіи, тогда какъ первые два періода мало изучены и свѣдѣнія о нихъ невѣры.

Въ 1785 г. въ Алдинскимъ аулѣ, на р. Сунжѣ верстахъ въ 7 отъ нынѣшняго Грознаго, появился имамъ Шейхъ Мансуръ. Въ этомъ же году противъ него былъ посланъ 3000-й отрядъ подъ начальствомъ полковн. Пиеррія. Послѣдній, мало зная условія войны, забрался, въ лѣсныя дебри, оставивъ открытымъ свой тылъ. Поэтому онъ былъ совершенно разбитъ горцами, причемъ самъ былъ убитъ. Только незначительной горсти отряда удалось спастись, съ большимъ трудомъ отбивъ набѣгъ враговъ.

О числѣ потерь неизвѣстно до сихъ поръ, хотя народное преданіе, сохранившееся и слышанное нами, говорить что „изъ кольевъ, которыми былъ огороженъ ауль и на которыхъ были выставлены головы убитыхъ, осталось безъ того ужаснаго украшенія только два: вся Сунжа была покрыта фуражками солдатъ“. Это, понятно, звучить сильнымъ преувеличеніемъ пылкой фантазіи горцевъ. Побѣда это для горцевъ имѣла слѣдующія послѣдствія. Во 1-хъ, она породило въ чеченцахъ самоувѣренность: они стали считать себя непобѣдимыми. Во 2-хъ, эта побѣда дала имъ славу и значеніе среди другихъ народовъ и первенство въ борьбѣ съ русскими. Въ 3-хъ, возрасло значеніе Шейхъ Мансура. Послѣ Алдинского сраженія шесть лѣтъ продолжалась дѣятельность Шейхъ. Мансура, причемъ онъ терпѣлъ и неудачи. Въ 1791 г. онъ потерпѣлъ пораженіе и охотно принялъ предложеніе турецкаго правительства возмутить противъ Россіи Черкесовъ. Съ этой цѣлью онъ дѣйствовалъ въ Кабардѣ. При взятіи Анапы онъ былъ плененъ и отправленъ умирать на Соловецкіе острова.

Во время расцвѣта своей дѣятельности Шейхъ пользовался такимъ вліяніемъ среди Чечни, что доселѣ о немъ сохранилось много разсказовъ.

Въ концѣ XVII в. чеченцы выселяются съ горъ на плоскость, оставленную русскими. Съ этого же времени среди нихъ распространяется исламъ. Чеченцы тогда вели пастушеское хозяйство и были мало воинственными. Поселившись на Сунжѣ, они начинаютъ беспокоить частыми набѣгами русскія владѣнія; особенно отъ нихъ терпятъ калмыки и ногайцы.

При такомъ измѣненіи характера они не имѣли хорошихъ вождей, и организаторовъ.

Шейхъ Мансуръ былъ такимъ хорошимъ военнымъ организаторомъ.

Въ этомъ—ключъ къ пониманію значенія его дѣятельности среди чеченцевъ.

С. Фарфоровскій.

Изъ переписки Графа Л. Н. Толстого съ П. И. Бартеневымъ (о „Войнѣ и Мирѣ“).

(31 Марта 1867).

Уважаемый Петръ Ивановичъ!

Посылаю Вамъ письмо Павла къ моему дѣду Николаю Сергеевичу Волконскому, которое давно у меня валяется. Пожалуй оно для Васъ будетъ имѣть какой нибудь интересъ.

Статью для Архива я непремѣнно напишу, но не теперь. Теперь я ничего не могу дѣлать кромѣ окончанія моего романа. Но за намѣреніе мое, или просто за то что Вы любезный человѣкъ сдѣлайте мнѣ одолженіе. Напишите мнѣ, ежели это не составить для Васъ большого труда, материалы для исторіи Павла Имп. (sic!) Не стѣсняйтесь тѣмъ что Вы не всю знаете. Я ничего не знаю. кромѣ того что есть въ Архивѣ. Но то что есть въ Архивѣ привело меня въ восторгъ. Я нашелъ своего исторического героя. И ежели бы Богъ далъ жизни, досуга и силъ, я бы попробовалъ написать его исторію.

Желаю Вамъ всего лучшаго.

Сотрудникъ Вашъ Гр. Л. Толстой.

31 Марта.

Письмо Павла не посыпаю потому что на немъ печать очень толста, а на дняхъ пришли съ людьми къ йдуть въ Москву.

(30 Июня 1867)

Посылаю Вамъ первую половину части—листовъ девять печатныхъ, считая съ тѣмъ что я отдалъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ корректуръ и удивляюсь почему до сихъ порть мнѣ ихъ еще не присыпали. Такжे обѣщанныя бандероли съ

адресами Рисъ не принесъ мнѣ. ни Берсу котораго я просилъ переслать мнѣ ихъ ни присыпалъ мнѣ ихъ.

Вторую половину первой части печатное я отошлю завтра. Работа моя идетъ успешно и я увѣренъ, что со своей стороны не задержу печатанія и не буду платить штрафа, только бы пересылка шла правильно.—Посылаю теперь рукопись на Ваше имя, такъ какъ не имѣю адреса Риса. Получите отъ него расписку и погоните его печатаніемъ и присылкой мнѣ адресовъ и корректуръ.—

Объ Англичанѣ для Васъ жду отвѣта на посланное въ Англію письмо. Какъ получу извѣщу Васъ.

Л. Толстой.

30 Июня.

(получ. Авг. 9. 1867).

Я очень много сдалъ рукописи и корректуръ, такъ что дѣло никакъ не за мной, а за ними. Пожалуйста погоняйте ихъ. Во многихъ мѣстахъ я ставлю черточки—безъ № Главы, пожалуйста оставляйте ихъ и корректорамъ въ типографіи велите на нихъ обратить вниманіе.

Такъ какъ по новому распределенію 1-й томъ—въ особенности первая часть его будетъ очень велика, то въ этой части постарайтесь какъ можно болѣе сжимать и избѣгать *абзацовъ* и напротивъ какъ можно болѣе ихъ дѣлать во второй части и вообще во всемъ 2-мъ томѣ, который будетъ малъ.

Изъ первой (напечатанной) части я вѣдѣлъ присыпать къ себѣ корректуры всего, исключая тѣхъ листовъ которые я означаю черточкой.

Л. Толстой.

(10 Августа 1867).

Петръ Ивановичъ!

Я корректуры возвращаю теперь очень скоро, и потому желаю и прошу, чтобы мнѣ присыпали всѣ корректуры 1-й части. Я много сокращаю въ 1-й части отчего выигрываетъ сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Отпечатанные листы—одинъ экземпляръ прошу отсыпать по городской почтѣ Княжнѣ Еленѣ Сергеевнѣ Горчаковой, на Пятницкой въ 3-й Гимназіи (женской).

Л. Толстой.

10 Августа.

(9 октября 1867).

Какъ ни несоразмѣрны I и II томы надо ихъ оставить такъ какъ они есть. То что прислано мнѣ было изъ 3-го отправляю и удивляюсь что не получаю дальше. Пожалуйста подгоняйте ихъ. Надѣюсь что теперь за мной дѣло не станетъ.

Какъ ни тяжело мнѣ было все это время, я не пересталъ дѣлать свое дѣло и кажется не задержалъ.

Изъ Москвы я уѣхалъ по письму жены извѣщавшей о болѣзни дочери. Едва эта оправилась какъ заболѣла жена и выкинула и довольно опасно. Я пятый день сижу надъ ней.

Вы семьянинъ и все это понимаете и вѣрно сочувствуете.—

Объ обѣщанномъ отрывкѣ повторяю то же—пришлю ежели могу раньше, но навѣрное тогда когда дойду до него, что будетъ очень скоро.

Гр. Л. Толстой.

9 октября.

(1 Ноября 1867 года).

Посылаю корректуры. Рукопись третьяго тома готова наконецъ. Я говорю наконецъ потому что конецъ 3-го тома было самое трудное мѣсто и узелъ всего романа. Кромѣ того я на дняхъ только поднимаясь послѣ грудного воспаленія и теперь еще боленъ. Я рукопись посылаю завтра съ Дьяковымъ. Я для отсылки ждалъ его. Четвертый томъ въ началѣ Ноября доставлю вамъ. 4-й томъ не можетъ задержать.

Я думаю продавать 3 тома съ подпиской на печатающійся 4-й. Какъ вы думаете?

Въ послѣднихъ корректурахъ, которыя я вамъ присыдаль въ томъ мѣстѣ гдѣ Н. Ростовъ пріѣзжаетъ изъ арміи, сказано что на предпослѣдней Станціи онъ избилъ ямщика а на послѣдней далъ 3 р. на водку. Это вымарайте.

Л. Толстой.

1 Ноября.

Не могу безъ предисловій, но мнѣ кажется я такъ надобѣль вамъ что такъ и хочется подпустить и милый и любезный и дорогой Петъ Иваны(чъ).

Вчера я послалъ конецъ III-го тома и писалъ вамъ. Но нынче вспомнилъ необходимую поправку, которую и прошу васъ сдѣлать. Въ томъ мѣстѣ гдѣ Наташа у гр. Безуховой, въ диванной встрѣчается съ Анатолемъ сказано: *Онъ напидался къ ней какъ будто хотѣлъ ее поцѣловать* и потомъ нѣсколько точекъ и потомъ было написано: *Эленъ вышла откуда-то и съ Наташой вмѣсть вернулась въ залу* и это я вымаралъ. А это самое послѣ многоточія надо оставить. О чемъ я и прошу васъ.

Другое. Въ IV томѣ послѣ описанія поѣздки Балашева къ Наполеону и до прїѣзда кн. Андрея въ армію, есть сцена кн. Андрея въ деревнѣ и описание его состоянія. Это мѣсто не вѣрить набирать и возвратить мнѣ, потому что по (?) немъ будетъ очень много помарокъ.

Я очень доволенъ выборомъ обѣда Багратіона.

Откуда явилась статейка въ Ивалидѣ?

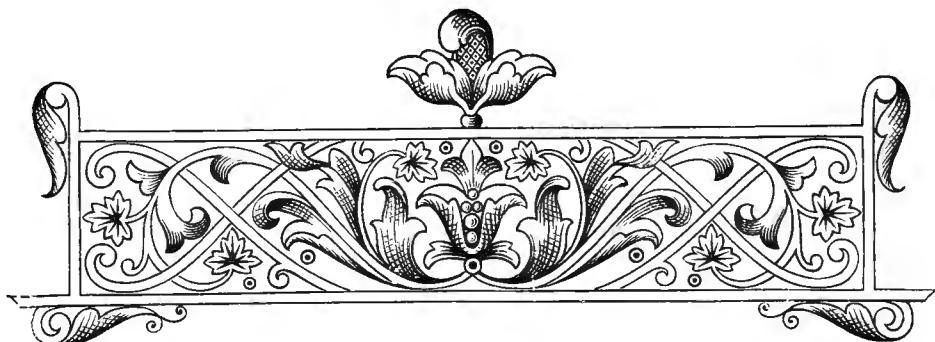
Насчетъ цѣны согласны л(ъ) вы.

27 Ноября.

Левъ Толстой.

Посылаю еще рукопись 4-го тома.

Разсказы изъ архива

„ПРОДЕРЗОСТНЫЙ МИТРОПОЛИТЬ“

Въ половинѣ XVIII столѣтія каѳедру Ростовскую занималъ Митрополитъ Арсеній, о столкновеніи котораго съ св. Синодомъ въ синодальномъ архивѣ сохранилось два дѣла, одно въ числѣ общихъ дѣлъ. другое въ отдѣленіи секретномъ. Оба дѣла имѣютъ непосредственную связь, и второе является результатомъ первого.

Ярославская провинціальная канцелярія, на основаніи указа Сената отъ 23 Іюля 1742 года о пріемѣ въ монастыри, для исправленія „поврежденныхъ въ умѣ колодниковъ“, отправила кѣкоего Ивана Крылова въ Спасоярославскій монастырь, состоявшій въ вѣдѣніи ростовской митрополіи.

Можно представить—какую обузу доставляло монастырямъ содержаніе въ своихъ обителяхъ „колодниковъ, поврежденныхъ умомъ“. Что бы избавить Спасоярославскій монастырь отъ колодника Крылова, Митрополитъ Арсеній воспретилъ настоятелю монастыря принять этого колодника въ обитель, и отъ своего имени послалъ въ провинціальную канцелярію, приславшую въ Спасоярославскій монастырь колодника Крылова, очень выразительную и основательную „промеморію“, въ которой писалъ, что „монастыри устроены и снабдены награжденіемъ для богоугоднаго пребыванія честныхъ, беспорочныхъ и неподозрительныхъ лицъ, вѣчнаго спасенія желающихъ, и суть потому мѣста святыхъ и освященныхъ на всегдашнюю службу Богу, а не для содержанія сумасбродовъ, воровъ и смертныхъ убийцъ—колодниковъ, для которыхъ довольно есть устроенныхъ по ихъ заслугамъ“.

остроговъ, тюремъ и арестантскихъ избъ, для содержанія и храненія ихъ въ свѣтской командѣ“.

Дѣйствія и „промеморію“ Митрополита Арсенія тайная канцелярія обжаловала въ Сенатъ, а Сенатъ Синоду, который послалъ указы: Митрополиту Ростовскому о пріемѣ Крылова въ одинъ изъ монастырей Ростовской епархіи, по его усмотрѣнію, и о содержаніи его тамъ до совершенного въ умѣ исправленія, и остальнымъ преосвященнымъ—о принятіи въ монастыри сумасбродовъ, по предписаніямъ тайной канцеляріи, которой, видимо, такъ напугался святѣйшій Синодъ. Нестолькимъ и раболѣпнымъ оказался преосвященный Митрополит Арсентій, который въ 'отвѣтъ на указъ св. Синода прислалъ очень обширное и интересное донесеніе, приложивъ копіи къ нему съ объясненіемъ колодника Крылова, что онъ находится въ совершенномъ здравіи—и съ донесеніемъ Ярославской провинціональной канцеляріи о томъ, что Крыловъ содержался въ ней по дѣлу объ убійствѣ имъ своей жены, совершенномъ имъ, по его словамъ, въ состояніи „безпамятной болѣзни“, которая съ нимъ бываетъ, по свидѣтельству знатныхъ его лицъ, по суткамъ и болѣе каждый мѣсяцъ, и что другие колодники бѣгаютъ отъ Крылова, „опасаясь всякаго дурна“ отъ его бѣснованій, и, по этой причинѣ, колодникъ Крыловъ вторично не принялъ въ монастырь, и, по распоряженію митрополита Арсенія, (колодникъ Крыловъ) вновь возвращенъ былъ въ провинціальную канцелярію, какъ „находившійся въ совершенномъ умѣ“. Донося объ этомъ своемъ распоряженіи св. Синоду, преосвященный Арсентій писалъ, между прочимъ, „хотя бы и не былъ помянутый Крыловъ смертоубійца, но самый прямой сумасбродъ и въ умѣ поврежденъ, то однако ненадлежало его мнѣ принимать и въ монастырь опредѣлять, не токмо по указу блаженныхъ и вѣчнодостойныхъ памяти Государя Императора Петра великаго, состоявшемуся въ 723 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, но и по приведеннымъ мнѣ отъ вашего святѣйшества именнымъ указамъ, состоявшимся блаженныхъ и вѣчнодостойныхъ памяти Государыни Императрицы Анны Ioannovны въ 1735 и Екатерины Алексѣевны въ 1725 годѣхъ Сентября 6 чиселъ, понеже сила помянутыхъ указовъ отъ вашего святителества точно тако прописана, по силѣ де Именныхъ указовъ повелѣно было посыпаемыхъ изъ тайной канцеляріи престарѣлыхъ и въ умѣ поврежденныхъ колодниковъ для исправленія принимать въ монастыри по прежнему, а онъ; Крыловъ, по усмотрѣнію нашему, не престарѣлый, но еще имѣетъ лѣтъ себѣ отъ рожденія менѣе сорока. По вѣдѣнію же Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по опредѣленіи Правительствующаго Сената въ пополненіе

прежняго опредѣленія велѣно такихъ колодниковъ, кои изъ тайной канцеляріи въ посылку въ монастыри будуть опредѣлены, оныхъ въ который именно монастырь послать, требовать опредѣленія Святѣйшаго Синода. А воеводская Ярославская канцелярія, безъ вѣдома и опредѣленія вашего святѣйшества, по единому тайной канцеляріи опредѣленію онаго сумасбродца Крылова прислала прямо въ Спасо ярославскій монастырь для содержанія и при своей промеморіи. Что же нынѣшнее опредѣленіе вашего святѣйшества гласитъ: ежели гдѣ въ епархіяхъ по секретнымъ тайной канцеляріи дѣламъ впредь случаться быть въ сумасбродствѣ жъ, и опредѣленіями той тайной канцеляріи назначаться для содержанія въ монастыри жъ, и таковыхъ въ монастыри, въ которыя преосвященные архіереи по своему усмотрѣнію позволять, впредь до указа принимать же и содержать ихъ такъ. какъ отъ оной тайной канцеляріи будетъ опредѣлено не отмѣнно, таковаго вашего святѣйшества опредѣленія впредь мнѣ исполнять сумнительно и очень опасно, понеже не безызвѣстно вашему святѣйшеству, что по указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императора Петра Великаго 1723 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ состоявшемуся, сумасбродовъ, въ монастыри посыпать отрѣшено; а по указу жъ нынѣ благополучно царствующія Всепресвѣтлѣйшія и Самодержавиѣйшія Великія благочестія защитницы Государыни Императрицы Елизаветѣ Петровны, состоявшемуся въ 1741 году Декабря 13 дня и въ народъ публикованному, повелѣно всѣ Ея Иператорскаго Величества дражайшаго родителя указы и регламенты наикрѣпчайше содержать и по нимъ неотмѣнно поступать во всемъ и во всѣхъ правительствахъ Государства Россійскаго, яко коллегіяхъ—духовной и въ прочихъ мѣстахъ, какого бъ онаго званія гдѣ ни были, а хотя при концѣ помянутаго своего Монаршаго указа нынѣ благополучно государствующая Всемилостивѣйшая Государыня наша какъ дражайшія родительницы своея, такъ и по ней престоломъ россійскимъ владѣющихъ,—указовъ не отрѣшаетъ, однако не въ такой силѣ повелѣваетъ исполнять; въ какой дражайшаго родителя своего блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, но съ разборомъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ, сирѣчь и по написанномъ тамо, изъемля тѣ, которые состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. Приведенные же отъ вашего святѣйшества о сумасбродствахъ указы, состоявшіеся въ 1727 Марта 15 и въ 1735 годѣхъ Сентября 6 числь, по моему мнѣнію, нынѣшнимъ временемъ сходства отнюдь не имѣютъ, понеже помянутый именной указъ Государя Императора Петра Великаго о сумасбродахъ и помянутое твердое исполненіе Его Императорскаго Величества указовъ нынѣ благополучно государствующія Все-

милостивѣйшія Государыни нашея повелѣніе совѣтъ опровергаетъ. Каковымъ же образомъ къ пользѣ Государственной, какъ вашего святѣйшества нынѣшнее о сумасбродствахъ опредѣленіе, тако и показанные указы въ помянутыхъ 1727 и 1735 годѣхъ состоявшіеся могутъ быти благопотребны, отнюдь я скудоуміемъ моимъ не могу разсудить и извѣститься, и прошу въ томъ покорно отъ вашего святѣйшества наставлениѧ; а по моему мнѣнію, благочестиваго нашего государства Всероссійскаго первѣйшая къ пользѣ потребность—благочестіе, ежели же въ монастыри и обители святыя сумасбродовъ или паче воровъ, убійцъ подъ видомъ сумасбродовъ, какъ то нынѣшній Крыловъ, отъ свѣтской команды присыпаемыхъ принимать, каково будетъ созданіе нашему благочестію“.

Возражая святѣйшему синоду по поводу его распоряженія о принятіи колодника Крылова въ монастырь, сопоставивъ всѣ Высочайшия по этому предмету указы и повелѣнія, Митрополитъ Арсеній называетъ распоряженіе св. синода „не осмотрительнымъ“ и „продерзостнымъ.“ „По моему скудоумію, нынѣшнее вашего святѣйшества о сумасбродахъ определеніе зѣло не осмотрительное и продерзостное, ежели безъ лицемѣрія, правымъ и простодушнымъ сердцемъ сказать!“ писалъ смѣло Митрополитъ Арсеній св. Синоду!

Дѣло о „сумасбрадахъ“ настолько обострилось, приняло характеръ чрезвычайной важности и доложено было Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, при чемъ прогнѣванный св. Синодъ „во гнѣвѣ враждовалъ“ противъ Митрополита Арсенія и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ характеризовалъ Арсенія такъ: „весьма не собрався съ совѣтію, что, якобы онъ, митрополитъ, опасается Монаршаго гнѣва и чтобъ ему не быть преступникомъ и нарушителемъ указовъ, написаль, ибо другаго такого, какъ онъ, архіерей, преступника и нарушителя Высоко Монаршихъ указовъ, не точію изъ подобно чинныхъ ему, но и изъ низкихъ (чего и нынѣ и впредь никогда не дай Боже) духовныхъ властей Синодъ не обрѣтаетъ“.

На этотъ плачевный Синодскій докладъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе „объявить Митрополиту Арсенію жестокій выговоръ, за его продерзостное и уразительное донесеніе“.

Объявленіе „жестокаго выговора“ Митрополиту Арсенію составляеть вторую часть дѣла о скудоумныхъ колодникахъ и находится въ числѣ секретныхъ дѣлъ Синодальнаго архива.

„Жестокій выговоръ“ митрополиту—по Высочайшему повелѣнію и самъ по себѣ интересенъ процедурою его объявленія, которую и приводимъ—по секретному дѣлу о Митрополитѣ Ростовскомъ Арсеніи.

Съ нарочнымъ курьеромъ изъ св. Синода посланъ былъ указъ въ Московскую синодальную контору о томъ, что Митрополиту Ростовскому Арсенію предписано особымъ указомъ „наскоро прибыть“ въ Московскую синодальную контору, и „когда въ тое контору позванъ будетъ, и для того сообщенное при семъ оной же конторѣ, въ особомъ пакетѣ запечатанное, о нѣкоемъ важномъ дѣлѣ вѣдѣніе въ той конторѣ до пріѣзду его, Ростовского архіерея, въ Москву и по то время, какъ онъ по вызову въ оной конторѣ явится, содержать, конечно, не распечатывая. А по пріѣздѣ онаго, призвавъ въ тое синодальную контору первѣе нѣсколько человѣкъ архимандритовъ и Большаго Успенскаго собора соборянъ, а потомъ и его, архіерея, и не давая ему стула, какъ при засѣдающихъ въ той конторѣ, такъ и при прочихъ упомянутыхъ духовныхъ лицахъ оный отъ коемъ важномъ дѣлѣ пакетъ распечатать и при томъ учинить, какъ въ имѣющимся въ томъ пакетѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода вѣдѣніи показано во всемъ непремѣнно того жъ часа,—и Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода конторѣ о томъ вѣдать и чинить по Ея Императорскаго Величества указу. Августа 19 дня 1743 года.

Во исполненіе этаго указа, 3-го сентября 1743-го года, въ субботу, въ Московскую контору св. синода, въ 10 часу, прибыли: Синодальный членъ преосвященный Іосифъ Архіепископъ Московскій и Владімірскій и съ нимъ 22 духовныхъ лица бѣлаго и чернаго духовенства, даже протодіаконы и діаконы.

„А пополудни—въ первомъ часу, преосвященный Арсеній митрополитъ Ростовскій и Ярославскій въ контору Св. Пр. Синода вступилъ“, при чемъ пакетъ былъ распечатанъ, и въ этомъ роковомъ пакетѣ содержался выговоръ владыкѣ Арсенію, который и былъ ему объявленъ при такой торжественной обстановкѣ.

Не трудно понять, какое чувство переживалъ Митрополитъ Арсеній, безспорно, по уму, пониманію дѣла и образованію, стоявшій выше всѣхъ духовныхъ лицъ и его судившихъ и объявлявшихъ ему „жестокій выговоръ“.

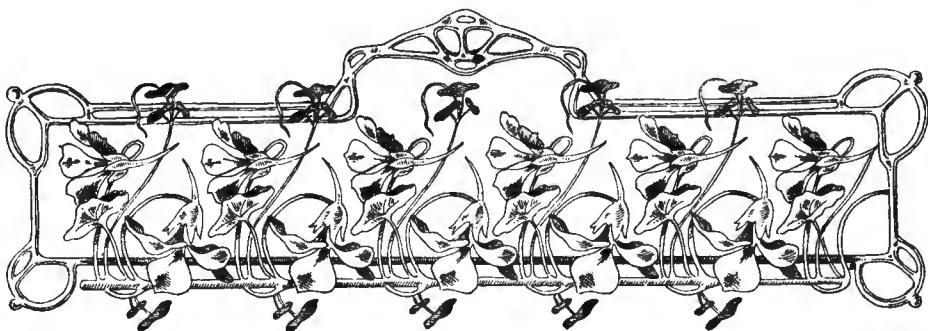
Составъ Св. Синода за это время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Амвросія Архіепископа Новгородскаго, Стефана Епискова Псковскаго,

Варлаама Архимандрита Чудовского, Платона Архимандрита Рождественского, Феофилакта—Архимандрита Игнатьевского и протопопа Благовещенского собора Петра Григорьева.

Съ этимъ составомъ синода митрополиту Арсенію, волею судьбы, и суждено было вести борьбу изъ за колодника Крылова и получить „жестокій выговоръ“ и наименование „продерзостнаго“.

Н. И. Соловьевъ.

КРИСТИНЪ

1815-й годъ

Москва 3 іюня, 1815 г.

Меня очень интересуетъ здоровье г. Рибопьера, потому что вы назвали его своимъ другомъ, чего онъ достоинъ по своему уму и сердцу. Кромѣ того, вѣдь Швейцарія ему не вполнѣ чужая, я знаю одну его тетушку (мадамъ де Ровереа), очень милую особу, и хотя эти точки соприкосновенія связаны съ очень отдаленными воспоминаніями, все же это нѣкоторое сближеніе.

Вы меня удивляете и огорчаете тѣмъ, что сообщаете о Eudoxie. Знаете, что меня больше всего опечаливаетъ въ вашемъ разсказѣ? Это ея слезы, когда она говоритъ съ вами о мужѣ. Это ни на что не похоже и я совершенно отказываюсь понимать ее. Я скажу вамъ кое-что, прошу васъ на вѣки сохранить въ своей памяти.

Съ первыхъ дней, какъ Eudoxie сдѣлалась невѣстой, она сообщала всѣмъ безъ разбора, а особенно же мадемуазель Апраксиной, что терпѣть не можетъ своего жениха и что ее выдаютъ замужъ противъ воли; но она повинуется, такъ какъ ея родители увѣряютъ, что эта партия для нея выгодная и вполнѣ подходящая. Когда женихъ подходилъ къ ней, она обращалась къ сосѣдкѣ, говоря: „Ахъ чудовище. онъ поцѣлууетъ у меня руку; я его ненавижу“ и т. п.

Слухи обѣ этомъ ходили по городу, но Eudoxie находила во мнѣ самаго усерднаго защитника. Во первыхъ, я не вѣриль и половинѣ того, что мнѣ говорили, а во вторыхъ—приписывалъ все ея невоспитанности, и слишкомъ большой наивности, отъ которой никогда не

пытались ее отлучить. Я лично не видалъ ничего подобнаго и тѣмъ, кто передавалъ мнѣ это, приводилъ нѣсколько очень разумныхъ словъ, слышанныхъ отъ нея. Затѣмъ я убѣждалъ себя, что разъ выйдя замужъ, она измѣнить тонъ и способъ выраженія; что пойметъ цѣну вещей, необходимость благоразумія, и что совѣты мужа помогутъ ей пріобрѣсти болѣе достоинства въ манерахъ, необходимаго замужней женщины. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что она болтала нелѣпѣшишъ образомъ о событияхъ свадьбы и дѣлалась общимъ посмѣшищемъ. Это глубоко опечалило меня, и мнѣ хотѣлось, чтобы она уѣхала поскорѣе изъ Москвы, чтобы иная среда заставила ее измѣнить языкъ и манеры. Но мое удивленіе было такъ же велико, какъ огорченіе, когда я узналъ, что въ десять минутъ разговора за завтракомъ дорогой, она нашла возможность сказать княжnamъ Голицынымъ, дочерямъ княгини Борисъ, что ее выдали противъ воли, что ее объявили невѣстой, когда она вернулась съ бала, гдѣ видѣла прелестнаго молодого человѣка, въ котораго влюбилась; что она ненавидѣла мужа; что нѣть ничего скучнѣе какъ путешествія съ нимъ и для избѣженія скучнаго *tѣle à tѣte* она спить всю дорогу. Когда я узналъ, что сестра ея Софія прибавляеть ко всему этому вовсе неприличныя подробности, я началъ серьезно опасаться, чтобы молодая женщина не погубила себя безвозвратно въ Петербургѣ какой нибудь смѣшной выходкой, и старался сообщить все это вамъ, чтобы дать вамъ возможность предупредить всѣ неудобства и опасность. Когда я писалъ послѣднее письмо, я не былъ достаточно спокойенъ. Теперь она заливается слезами, рассказывая вамъ о своей привязанности къ мужу, котораго любить больше отца съ матерью.

Меня все это еще болѣе огорчаетъ потому, что я вижу симптомы самой опасной непослѣдовательности. Все что я вамъ говорю, милая княжна, не болтовня, и хотя мнѣ не слѣдовало бы вмѣшиваться въ вещи, меня не касающіяся, однако я слишкомъ привязанъ къ графинѣ и особенно къ графу Толстому, чтобы не желать искренне для нихъ избавленія отъ всякихъ огорченій, какія они могли бы имѣть съ этой стороны. Мною руководить желаніе предупредить васъ, чтобы вы могли быть полезны этой молодой женщинѣ; но, умоляю васъ, не показывайте виду, что я васъ предупредилъ. Вы умны,держаны и благоразумны, поступайте, какъ вамъ подсказываютъ эти качества, и пусть на вашу долю достанется вся честь за добро, которое вамъ придется сдѣлать; еслибы вы хотѣли, чтобы доля этой части пришлась на меня, то получился бы эффектъ совершенно противуположный: такова ужас моя участъ; я могу избѣгнуть ее, только держась совершенно въ сторонѣ.

Но сообщайте мнѣ о успѣхахъ Eudoxie и воспользуйтесь лѣтомъ, чтобы предупредить ее противъ болтовни, которая можетъ такъ вредить ей будущей зимою, если она не научится сдерживаться. Ну, довольно; я точно педагогъ или старый холостякъ, проповѣдующій молодежи; я вовсе не желаю принимать на себя подобной роли: сейчасъ сдѣлаешься скучнымъ и обратишь слушателей въ бѣгство.

Мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждемъ послѣднихъ новостей о войнѣ и возобновлениіи военныхъ дѣйствій. Я увѣренъ, что все пойдетъ хорошо, но желаю чтобы это случилось скорѣе, и чтобы Государь могъ наконецъ вернуться въ свое государство. Пребываніе Монарха въ его столицѣ такъ необходимо на мой взглядъ, что я не могу примириться съ дальнѣйшимъ отсутствіемъ нашего Императора. Между тѣмъ несомнѣнно, что Его присутствіе въ арміи необходимо впродолженіи войны, и это заставляетъ меня вдвойнѣ желать заключенія окончательного и прочнаго мира, который вернулъ бы къ намъ нашего Государя и позволилъ бы Ему обратить свою отеческую заботливость на внутреннія дѣла, всѣ отрасли которыхъ, болѣе или менѣе, требуютъ хозяйствскаго глаза.

Княжна Туркестанова.

С-Петербургъ, 4 іюня 1815 г.

Вы спрашиваете у меня подробностей о Eudoxie; я уже сообщила вамъ большую часть ихъ; она вполнѣ счастлива, и ея новыя родственники чрезвычайно внимательны къ ней; особенно г-жа Гурьева очень довольна ея послушаніемъ: Eudoxie ее слушается, какъ никогда не слушалась графини. Многое надо исправить, но нѣть ничего дурного; это просто признаки запрещенного воспитанія, но нѣть ничего порочнаго, и даже внушающаго беспокойство. У Eudoxie доброе сердце, и ея обожаніе мужа будетъ могущественнымъ средствомъ, которое поможетъ ей отвыкнуть отъ тысячи мелочей, на которыхъ ей указываютъ какъ на причины, способныя ослабить его нѣжность къ ней. Она поработаетъ надъ собой, чтобы нравиться ему. Свекровь сдержитъ ее, будьте увѣрены. Она уже поселилась на Камennomъ Островѣ; деревня, извѣстная свобода, которой она пользуется, хорошенъкое, чистенькое, красиво убранное помѣщеніе, вообще новое мѣсто—все это смягчило выраженіе ея горя: она уже не плачетъ такъ часто, но каждый день аккуратно пишетъ мужу.

Софі Толстая буквально на седьмомъ небѣ: она все бѣгаєтъ; графиня Строгонова страшно привязалась къ ней: ее возять на дачу, въ

театръ, на прогулки; у нея оттого кружится голова, и когда я вспоминаю, что послѣ всего этого ее ждѣть Троицкое, мнѣ становится жаль ее.

Алексѣй скоро ѳдетъ въ Москву съ Жилле. Что же касается графа Толстого, то онъ будетъ ждать приказаній отъ Государя также въ Москвѣ.

Онъ писалъ, прося ихъ, и скоро мы узнаемъ, какое ему дадутъ назначеніе.

Я думаю, что онъ поступилъ умнѣе написавъ, чѣмъ бросившись самъ въ штабъ-квартиру. Остерманъ отправился туда, но не могъ удержаться, и говорить, будто при отъѣздѣ изъ Вѣны сказалъ, что уѣзжаетъ, чтобы никогда не вернуться, и что онъ намѣренъ подставить грудь подъ пулю. Подобныя слова заставляютъ сомнѣваться въ его полномъ выздоровлѣніи.

Я обѣдала вчера у моего любезнаго лорда Вальполя вмѣсть съ персидскимъ посломъ, котораго сначала нашла ужаснымъ и который потомъ мнѣ понравился. Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, онъ находился въ другой комнатѣ, гдѣ не было женщинъ; но послѣ обѣда перешелъ въ гостинную съ нами; вѣроятно во времяя обѣда онъ успѣлъ привыкнуть къ нашимъ лицамъ. Онъ сказалъ хорошенъкій комплиментъ Лизѣ Куракиной, которая упомянула въ разговорѣ съ нимъ о 500 женахъ его повелителя, и возмущалась этимъ. Нашъ любезный Персъ отвѣтилъ ей: „Если бы среди нихъ была одна, похожая на вась, я увѣренъ, что онъ отоспалъ бы остальныхъ 499“. Шатобрианъ не могъ бы сказать лучше. Мнѣ не нравится его вчерашній костюмъ; на немъ не было доломана; онъ былъ въ кафтанѣ изъ штофной матеріи розового цвѣта, перетянутомъ въ талии и съ узкими рукавами: но его темлякъ былъ великколѣпенъ: онъ весь изъ огромнаго жемчуга съ подвѣсками изъ изумрудовъ. Великолѣпно и, вѣроятно, очень дорого. Но на головѣ у него высокая, остроконечная черная баранья шапка, которая вовсе не идетъ къ нему. Шевалье Оуслей и его жена были тоже въ числѣ гостей; персъ очень много разговаривалъ съ Оуслеемъ, который, въ свою очередь не скучится на комплименты, онъ увѣряетъ, что персъ очень уменъ и чрезвычайно ученъ. Очень рада за него; не научившись его языку (бывшему, однако, языкомъ моихъ предковъ), я не могла уѣдиться въ этомъ. Если Государь замедлитъ возвращеніемъ, бѣдняга здѣсь успѣеть сильно соскучиться. Вальполь сообщилъ

намъ извѣстія изъ Италіи; тамъ все кончено; Неапольское королевство капитулировало, король Фердинандъ Сицилійскій долженъ непремѣнно вернуться. Что касается Мюрата, никто не знаетъ, гдѣ онъ; мнѣ кажется, что для него самое лучшее—вернуться во Францію. Этотъ господинъ нѣсколько поторопился: ему не слѣдовало ссориться съ тестемъ. Извѣстно, что движеніе на Югъ и въ Вандеѣ продолжается; въ Парижѣ постоянно различныя общества являются подъ окна Тюильери; ораторствуютъ, требуютъ, чтобы показался Бонапартъ. И ему приходится появляться, слушать, отвѣтчиа; якобинцы поднимаютъ голову; вооруженія силы Наполеона не превышаютъ 200 тысячъ человѣкъ. Ожидаютъ начала враждебныхъ дѣйствій; наша гвардія выступаетъ. Къ 15 Мая уже здѣсь никого не остается.

Кристинъ.

Москва, 10 іюня 1815 г.

Конечно освобожденіе Италіи очень важный пунктъ, но я жду съ нетерпѣніемъ возобновленія враждебныхъ дѣйствій на Рейнѣ. Безъ сомнѣнія, первое столкновеніе уже произошло, и мы скоро узнаемъ, какъ повернуть дѣла. Надѣюсь, что въ случаѣ прибытія курьера, вы меня извѣстите о подробностяхъ и не подумаете, что такъ всѣ пишутъ, то я долженъ уже знать все. Всѣ—это существо созданное въ этомъ случаѣ для потворства всеобщей лѣни.

Я въ восторгѣ отъ любви Eudoxie къ мужу; вѣроятно она почувствовала эту любовь видя, что домъ свекра будетъ получше дома въ Леонтьевскомъ переулкѣ, такъ какъ здѣсь она выказывала совершенно иныхъ чувства, также какъ дорогой, о чёмъ я уже писалъ вамъ. Лишь бы это настроеніе удержалось; прошлое легкомысліе скоро забудется. Иногда я воображаю себѣ, что вы принимаете меня за публику и говорите мнѣ то, что должно быть сказано, а не то, что есть.

Въ этомъ случаѣ я поддержу васъ: стану утверждать, что Eudoxie безъ ума отъ своего Александра, и не спасую передъ тѣмъ, кто мнѣ смѣется въ глаза. Лишь бы она опять не измѣнилась, и я не остался въ дуракахъ. Прошу васъ слѣдите за ней неослабно и зорко.

Вы мнѣ ничего не пишите о здоровыи г. Рибопьер; это заставляетъ меня предполагать, что ему лучше, и я васъ поздравляю съ этимъ еще больше, чѣмъ съ выздоровленіемъ княжны Екатерины. Не

посылайте ее путешествовать, ежели не хотите, чтобы она впала въ прежнюю меланхолію; постараитесь устроить ее въ Петербургѣ, гдѣ развлечениія разнообразнѣе, чѣмъ здѣсь, и пусть она забудетъ Германію, разъ она не нѣмка.

Если тотъ сумашедшій непремѣнно хочетъ подставить лобъ подъ пулю, пусть его себѣ, у каждого есть свои странности, и какъ ни нѣжна къ нему жена, вы увидите, что она утѣшится скорбѣ, чѣмъ думаютъ. Я знаю подобныхъ лицъ, у которыхъ все основано на беспокойствѣ и ревности: тутъ больше эгоизма, тщеславія и самолюбія, чѣмъ настоящей нѣжности. Что съ г. Сенъ-При?

Въ вашихъ онъ еще сторонахъ или уѣхалъ въ Подолію? Я получилъ изъ Каменца отъ этого повѣстіи Николая, еще письмо болѣе сумашедшее, чѣмъ первое. Моимъ первымъ движеніемъ, когда я узналъ почеркъ и печать, было не распечатывать письма, но ночью мнѣ пришла глупая мысль, что онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ можетъ возобновить переписку только чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И я такъ поддался этой мысли, что на слѣдующее утро распечаталъ письмо и убѣдился, что въ такихъ случаяхъ первое движеніе самое вѣрное, и что есть личности, отъ которыхъ нечего ждать исправленія. Онъ безвозвратно погибъ. Я ему не стану отвѣтчать; онъ не заслуживаетъ ничего, кроме глубочайшаго молчанія и презрѣнія.

Я еще не имѣю извѣстій отъ путешественника съ тѣхъ поръ, какъ онъ перѣхалъ границу; онъ, вѣроятно въ Вѣнѣ уже съ недѣлю, и теперь переписка съ нимъ будетъ медленна и затруднительна. Не понимаю, зачѣмъ люди, которыхъ любишь, уѣзжаютъ изъ страны, гдѣ хорошо живется! Мнѣ кажется что съ годами я становлюсь все менѣе космополитомъ; мнѣ хотѣлось бы имѣть всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ вокругъ себя.

Курица, собирающая въ ясный солнечный день всѣхъ своихъ цыплятъ подъ крылья, кажется мнѣ олицетвореніемъ полнаго благополучія, она любить, любима, все, къ чему она привязана—окружаетъ ее; кружокъ небольшой, но тѣсный и пріятный.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 10 іюня 1815.

Мы на дачѣ съ третьаго дня и совершенно устроились въ самомъ прелестномъ помѣщеніи Каменного Острова; но теперь дача воняетъ

масляной краской до невозможности; объщають прогнать этотъ запахъ какимъ то обмываніемъ изъ уксуса. У насть съ сестрой три очень хорошенъкія комнаты. Наши окна выходять на Неву; мы живемъ на одной линіи съ г-жей Гурьевой, напротивъ княгини Долгорукой. Нижній этажъ, гдѣ помѣщается Татіана, очарователенъ: только недостаетъ цветовъ; Потемкинъ обѣщаетъ, что они будутъ, но, можетъ быть, и не исполнить обѣщанія.

Знаете ли—мнѣ иногда приходитъ въ голову, что онъ современемъ можетъ сдѣлаться слишкомъ экономнымъ, чтобы не сказать—скупымъ. Я замѣчаю нѣкоторые очень тревожные признаки въ этомъ отношеніи; хочу какъ нибудь поговорить съ мадамъ де Нуазевиль; увидимъ, раздѣляетъ ли она мое мнѣніе. Да, безъ сомнѣнія, княгиня Борисъ возвращается къ намъ, и я увѣрена, что она въ восторгѣ; не смотря на ея привязанность къ Симѣ, которую она высказываетъ на словахъ, не думаю, чтобы она могла выдержать тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Она слишкомъ праздна, чтобы любить пребываніе въ деревнѣ и рѣшительно ни чѣмъ не занимается; въ земледѣліи и садоводствѣ не понимаетъ ничего, также какъ въ фабрикахъ, устроенныхъ въ ея имѣніяхъ; однимъ словомъ, ей ни до чего нѣть дѣла; ей необходимо пребываніе въ столицѣ, освѣщенная гостиная, лордъ Вальполъ съ своими оригинальностями, г. де Най и десятокъ ежедневныхъ посѣтителей. Увѣряю васъ, что она совершенно забываетъ о Симѣ, какъ о своихъ тринацдцати тысячахъ крестьянъ, а также обѣ участіи, которое они, по ея словамъ, внушаютъ ей. Впрочемъ, эта нелюбовь къ деревенской жизни не приносить вреда никому, и если бы отъ того не страдалъ кошелекъ милой княгини, я бы ее держала здѣсь въ плѣну. У нея домъ очень пріятный, гдѣ я чувствую себя какъ у себя, но увѣренность, что ея петербургскій образъ жизни ее разоряетъ, часто заставляетъ меня желать, чтобы она поселилась гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я писала ей, чтобы она прїезжала налегкѣ, только съ Софи, но не знаю, будеть ли выслушанъ мой совѣтъ; меня не удивить, если она пріѣдетъ со свитой въ пять или шесть экипажей.

Теперь когда г-жа Толстая узнала, что такое домъ Гурьевыхъ, она можетъ уѣхать съ спокойнымъ сердцемъ. Endoxie попала какъ въ обѣтованную землю: ее обожаютъ; особенно свекоръ окружаетъ ее действительно трогательнымъ вниманіемъ, всѣ ея желанія предупреждаются, всѣ на перерывѣ стараются доставлять ей удовольствіе, и

увѣряю вѣсль, замужество пошло ей на пользу; оно развило въ ней такое деликатное и глубокое чувство, что я не могу надивиться. Недавно, когда она получила письмо отъ мужа, у нея вырвалось нѣсколько милыхъ словъ, показывающихъ самое утонченное чувство.

Любовь придаетъ ума дѣвицамъ, надо сознаться въ этомъ, потому что вѣдь не отъ m-lle Кую она могла слышать все, что говорила мнѣ въ тотъ день.

Сестра ея, Софи, имѣеть большой успѣхъ. Но, знаете, что я обѣ этомъ думаю? Она будеть особой очень самостоятельной, увидите; у нея характеръ и на четверть не такъ хороши, какъ у сестры, та выказываетъ благодарность, когда ей дѣлаютъ замѣчаніе и не только не избѣгаетъ совѣтовъ, но напротивъ, просить ихъ: пріѣхавши сюда Eudoxie умоляла меня не терять ее изъ виду, журить ее, когда къ тому представится причина, и не оставлять ее. Согласитесь, что это доказываетъ прекрасное сердце. И, повторяю вамъ, я ее очень полюбила. Что касается Алексиса, то по моему онъ глупъ, и разсуждаетъ вкрай и вкось, а отецъ съ матерью слушаютъ, не проронивъ ни слова, и это меня изумляетъ.

Кристинъ.

Москва 21 июня 1815 г.

Вы пугаете меня, говоря о наклонности, которую подозрѣваете въ Потемкинѣ; впрочемъ у него есть, отъ кого ее унаслѣдовать, но онъ слишкомъ еще молодъ, чтобы отдаться склонности, скорѣе составляющей принадлежность зрѣлаго возраста и старости. Будеть большими несчастьями, если онъ поддастся этой страсти, до послѣдней степени изсушающей сердце и умаляющей умъ. Женѣ, можетъ быть, удастся его исправить, если она примется за это ловко и во время. Вотъ она не видала ничего подобнаго при своемъ воспитаніи; это двѣ крайности. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что княгиня Борисъ не любить Симу, тѣмъ болѣе, что она теперь тамъ какъ на угольяхъ, потому что князь Николай сообщаетъ ей, что скоро пріѣдетъ и по дорогѣ образумить меня. Г-жа де Нуазевиль лишилась сна, а я смѣюсь надъ ней. Сынъ, сообщающій матери о подобномъ намѣреніи, не имѣетъ большой склонности выполнить его—вы это поймете. Несчастный молодой человѣкъ!

Все, что я слышу отъ вѣсль о Eudoxie очень меня радуетъ, но, повторяю вамъ, мнѣ кажется, вы относитесь ко мнѣ отчасти какъ къ

публикѣ, которой говорять, что должно было бы быть, а не то, что есть. Какъ это она такъ внезапно воспылала подобной любовью, между тѣмъ какъ дорогой заявляла, что терпѣть не можетъ того, кого теперь обожаетъ? Объясните мнѣ эту загадку.

Должно быть свекоръ завоевалъ ея сердце для мужа. Что касается Софи, то вы правы, она кажется довольно рѣшительной для своихъ лѣтъ. Вообще всѣ дѣти плохо воспитаны, или, лучше сказать, вовсе не воспитаны. Алексѣй говорить отцу и матери въ лицо вещи, за которыхъ я бы ему далъ пощечину, если бы онъ былъ мой сынъ.

Никакихъ политическихъ новостей! Питаемся письмомъ г-жи Балашовой, сообщающей, что Брюхеръ разбилъ французовъ, но этоничѣмъ не подтверждается. Поѣхалъ въ англійскій клубъ прежде, чѣмъ запечаталъ письмо; хотѣлъ узнать, не получено ли какихъ нибудь извѣстій съ сегодняшней почтой. Въ клубѣ—ни души и ни одной новой газеты, такъ что я остаюсь въ невѣденіи. Публика похожа на партеръ въ театрѣ. Она теряетъ терпѣніе, когда занавѣсь слишкомъ долго не поднимается. Что касается меня, то мнѣ кажется, что актеры этой великой трагедіи хорошо знаютъ, что дѣлаютъ, и мы должны ждать результата спокойно, въ надеждѣ, что небольшая ошибка 1814 г. покажеть, какой дорогой итти въ 1815.

Если бы оставили моду конституцій, мои надежды были бъ еще сильнѣе, но есть конституціонная secta, одна обладающая секретомъ цѣли, къ которой стремится; она сильно хлопочетъ, какъ думаю, чтобы замаскировать ошибку, сдѣланную 15 мѣсяцевъ тому назадъ и чтобы постараться вовлечь въ ту же ошибку подъ новой формой.

30 лѣтъ тому назадъ жилое хорошо; почему не вернуться къ этому *хорошему?* Но къ нему не вернутся, также какъ регентство Маріи Медичи не вернулось къ Сюлли для спасенія финансовъ, приведенныхыхъ этимъ великимъ человѣкомъ въ такое блестящее состояніе. Они погибли при интриганахъ, какъ бы старавшихся возстановить ихъ и употреблявшихъ для того всѣ средства, кромѣ единственного, которое было нужно. Сюлли 34 года служилъ Генриху IV; онъ видѣлъ, какъ все рушилось кругомъ него, и никто не обратился къ нему за совѣтомъ. И здѣсь можетъ быть то же самое.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ 17 іюня 1815.

Какъ вы меня удивляете рассказами о всѣхъ глупостяхъ Eudoxie! Если бы это рассказалъ мнѣ кто другой, я бы не повѣрила; но вы—

другое дѣло. Я положительно не понимаю откровенничанья съ дѣвицами Апраксиными; что же касается разговора дорогой съ дочерьми княгини Борисъ, то у меня рождается, подозрѣніе, не вымысль ли это; особенно Александрина способна на это, чтобы выставить двоюродную сестру въ смѣшномъ свѣтѣ. Я не поклонница мадемуазель Александрины, и если Eudoxie болтаетъ по глупости, то та часто болтаетъ кокетничая, а иногда и злословя. Если Eudoxie увѣряла, что ее выдали замужъ противъ воли, и выражала свое неудовольствіе мужемъ, то не понимаю, какимъ образомъ она полюбила его сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Я присутствовала при ея вступленіи въ домъ и сообщала вамъ о произведенномъ ею изумительномъ впечатлѣніи. Послѣ обѣда я пошла съ ней въ ея комнату, и она сказала, что счастливѣе ея нѣть никого на свѣтѣ, что выборъ ея родителей вполнѣ сооствѣвалъ желанию ея сердца, а пріемъ отца и матери довершилъ ея радость. Впродолженіи недѣли, которую мужъ провелъ здѣсь съ ней, я видѣла, что она относилась къ нему очень хорошо; она ласкала его, обнимала, цѣловала ему руки въ моемъ присутствіи; наканунѣ разлуки, она десять разъ повторила мнѣ, что со времени ея замужества все ея бывшія привязанности отошли на второй планъ, и въ ней живеть одно только чувство, вполнѣ покоряющее ее любви къ Александру. Оно выражалось такъ деликатно и чувствительно, что, вернувшись домой, я съ удивленіемъ сказала Cattrine: „Откуда это у Eudoxie взялась такая утонченная чувствительность? Давно ли она стала такой благоразумной?“ Со времени отѣзда Гурьева, она еще больше занята имъ: она то и дѣло пишетъ ему и получаетъ отъ него цѣлые томы въ отвѣтъ, которые поглощаетъ и никому не показываетъ: она носитъ письма на сердцѣ.

Какъ только она получаетъ письмо, она кладетъ его на мѣсто предыдущаго.

Вы изъ этого видите, что это такъ же романтично, какъ если бы она всю свою жизнь провела за чтенiemъ „Календаря вѣрности“. Какъ согласить все это съ признаніями, сдѣянными Александриной? Повторяю вамъ: я не знаю; Eudoxie иногда случается сказать наивность, но до сихъ поръ она еще не сдѣала ни одной неловкости. Находятъ, что она очень мила, и на дняхъ въ Павловскѣ, гдѣ ее представили Императрицѣ-матери, она держала себя прекрасно, какъ мнѣ говорила княгиня Долгорукая, видѣвшая ее тамъ въ первый разъ. Всѣ изящные молодые женщины, бывающія у Гурьевыхъ, за нее и такъ опредѣленно, что я, какъ говорить г-жа де Севинье, „сложила

лапки“, такъ какъ мнѣ ничего другого не остается дѣлать. Вотъ вамъ истина безъ прикрасъ.

Когда г-жа Толстая уѣдетъ, постараемся исправить всѣ дурныя привычки, пріобрѣтеныя ею вслѣдствіе дурнаго воспитанія; въ ней выработается стиль, и дѣло пойдетъ прекрасно, тѣмъ болѣе, что новые родители полюбили ее. Она очень жалѣеть обѣ отъѣздѣ сестры, и третьяго дня онѣ вдоволь наплакались вдвоемъ. Свекровь встревожилась было этими слезами, но я была совершенно спокойна, увѣренная, что отсутствіе Софи не будеть стоить многихъ слезъ.

Г-жѣ Толстой хочется поскорѣе уѣхать; насколько я могла замѣтить, гостинная Гурьевыхъ не въ ея духѣ. Вы можете быть засмѣетесь, когда я вамъ скажу, что она заржалѣла въ Москвѣ. Ну, что же, смѣйтесь сколько вамъ угодно, но это—фактъ. Да, она заржалѣла, и общество Наталіи Абрамовны, графини Шереметевой и толстой Смирновой не приминуло оказать своего обычнаго вліянія. Хотя она всегда любила послушать разсказы, однако и сама говорила хорошо; теперь совсѣмъ другое: теперь лишь бы ей разсказывали, а личность рассказчика для нея довольно безразлична; всякий встрѣчный хороши, если у него большой запасъ новостей.

Очень любезно съ вашей стороны интересоваться Рибопьеромъ; да, конечно, онъ мой другъ, и сталъ бы вашимъ, если бы вы были знакомы съ нимъ. Желаю, чтобы мнѣ суждено было нѣкогда сблизить двѣ души, созданныя для того, чтобы сочувствовать другъ другу во многихъ отношеніяхъ. Онъ опять боленъ уже нѣсколько дней; я провела у него вчерашній день, а сегодня еще не имѣю извѣстія отъ него. Я видѣла у него четырехъ швейцарскихъ горцевъ изъ кантона Глоруса, прибывшихъ недавно въ Россію съ намѣреніемъ дѣлать сыръ. Рибопьеръ взялъ двухъ для своего смоленскаго имѣнія; двумъ другимъ я пословѣтовала обратиться къ вамъ въ Москвѣ; господинъ, рекомендующій ихъ, хороший знакомый Файо и можетъ вамъ быстро уладить это дѣло.

Вы еще занимаетесь сыромъ? Гларускіе швейцарцы—по ихъ словамъ—приготовляютъ превосходные. Сыръ напомнилъ мнѣ князя Невшательскаго; какъ вы находите его смерть? Броситься изъ четвертаго этажа! Морозъ по кожѣ подираетъ; просто не опомниться. Я думала, что это сказка; но всѣ газеты это подтверждаютъ. Думаю, что скоро получимъ очень интересныя новости.

Кристинъ.

Москва, 24 іюня 1815 г.

Ахъ, Боже мой, дорогая княжна, я лучше чѣмъ кто-либо понимаю, что въ Москвѣ ржавѣютъ, даже не пребывая въ обществѣ Наталии Абрамовны, двоюродной сестры Шереметевой и шутихи-Смирновой. Все способствуетъ тому, безъ исключенія, и проводи Теодоръ въ такой обстановкѣ три года, онъ отвыкъ бы отъ своихъ свѣтскихъ манеръ. Мнѣ кажется, этимъ все сказано. Я вчера подумалъ о васъ, проводя вечеръ у Долгорукаго, прозваннаго балкономъ. Были имянини его жены, и онъ участвовалъ въ спектаклѣ. Онъ былъ бы пріятный человѣкъ, если бы не жилъ здѣсь сто лѣтъ; у него есть сценическій талантъ. Но на допотопныя фигуры, составляющія его общество, стоило взглянуть, и много бы далъ, чтобы имѣть возможность наблюдать ихъ съ вами. До спектакля всѣ дамы были въ одной комнатѣ, а кавалеры—въ другой. Дамы были разряжены, и такъ какъ я не знаю фамилій ни одной изъ нихъ, то осмѣливаюсь думать, что, ихъ туалеты происхожденія кавказскаго, симбирскаго, или, въ крайнемъ случаѣ,—воронежскаго.

Туники, порделю, медици—все доведенное до крайности, вездѣ буферы, оборки, такъ что мнѣ, ничего не понимающему въ этомъ, становилось совсѣмъ за нихъ, и я подумалъ, что имъ очень нужна бы была ваша длинная мѣль де Моденъ, чтобы научить ихъ, какъ одѣваться. Мнѣ вспомнился при томъ одинъ туалетъ, сдѣланный изъ бѣлаго платка, который я однажды въ воскресенье видѣлъ на васъ. Какъ къ вамъ шла эта шаль при прелестной прическѣ!

Когда я думаю объ этомъ и вспоминаю вашъ разговоръ, ваши простыя и изящныя манеры, не могу увѣрить себя, что вы соотечественница дамъ, бывшихъ на вчерашнемъ вечерѣ.

Играли „Une heure de mariage“, довольно хорошенкую піеску, когда она хорошо сыграна; затѣмъ слѣдовала „Комета“—руssская пьеса, переведенная съ нѣмецкаго. Признаюсь вамъ, что я послѣ французской пьесы тихонько выбрался изъ залы и поѣхалъ ужинать къ Виржини, что бы утѣшить ее въ томъ, что здоровье не позволило ей присутствовать на этомъ вечерѣ. Она пѣть кумысъ, который приносить ей нѣкоторое облегченіе, и я надѣюсь, что она поправится.

Повторяю вамъ, не знаю, что и думать о Еудохіе; откровенности съ дѣвицами Апраксиними, повторявшіяся не разъ—фактъ, и это меня заставляетъ отчасти вѣрить въ болтовню дорогой. потому что тутъ слово въ слово повторяется то-же.

Но какъ бы то ни было, принятый ею теперь образъ дѣйствія—правильный: и остается только похвалить ее, поддержать и постараться, чтобы все уже такъ и осталось.

Охотно вѣрю, что мамаша чувствовать себя не ловко въ гостиной г-жи Гурьевой.

Она будеть себя чувствовать свободно только тамъ, гдѣ она первая, т. е. у себя дома, въ своемъ креслѣ, окруженная... не найду подходящаго слова—хочется сказать: кумушками или подлипалами. Впрочемъ, первое выраженіе мнѣ кажется болѣе подходящимъ.

Какъ меня удивило, когда я прочелъ фамилію Файо въ вашемъ письмѣ. Какими судьбами вы знаете этого Файо? Я, его соотечественникъ, едва рѣшаюсь признаться, что онъ мнѣ извѣстенъ. Я его знаю, и знаю такъ хорошо, что даже не ожидая вашего письма, просилъ его прислать мнѣ двухъ швейцарцевъ, о которыхъ онъ говорилъ мнѣ раньше васъ. Г-жа де Броли беретъ одного изъ нихъ, а г-жа Корсакова другого. Я же, хотя и швейцарецъ, держу у себя лифляндца для молочнаго хозяйства, и такъ какъ доволенъ имъ, то не стану мѣнять; я благодаря ему, получаю двѣ тысячи рублей за сыры; онъ ихъ дѣлаеть и продаетъ за свой счетъ и ничѣмъ не умаляетъ прочие расходы съ имѣнія. Желаю, чтобы ему это дѣло было такъ же выгодно, какъ мнѣ, такъ какъ покупка стада и стоимость построекъ скотнаго двора обошлись всего въ шесть тысячи рублей. Стадо даетъ удобреніе моимъ полямъ, у меня родится прекрасный овесь и картофель, а въ будущемъ году у меня будетъ также ячмень. Я сдѣлался сельскимъ хозяиномъ, даже не видавъ своего имѣнія; однако жду первого жаркаго дня, чтобы проѣхаться туда; но мы буквально замерзаемъ въ Ивановъ день, хотя правда, что ванны, принимаемыя мною и принимающія мнѣ столько пользы, дѣлаютъ меня такимъ зябкимъ, что я не могу выходить по вечерамъ иначе, какъ въ ватной шинели.

Единственное извѣстіе, полученное здѣсь—это подробности о комедіи на майскомъ парадѣ, гдѣ комедіантъ Наполеонъ и его братья комедіанты парадировали въ римскихъ пурпуровыхъ туникахъ.

Увидите, что прежде чѣмъ выгонять этихъ разбойниковъ, ихъ единственной заботой будетъ грабить Францію. Увидите, что всѣ сокровища и произведенія искусства, не взятые назадъ великодушными монархами-побѣдителями, перекочуютъ въ Америку. Они не станутъ терять времени, чтобы набить себѣ кошелекъ: и эти молодцы американцы, любящіе золото даже превыше свободы, примутъ развѣянныхъ крезовъ со всѣмъ радушіемъ и предупредительностью, но съ которыми привыкли относиться къ богатству. Но Бонапарте будутъ умирать со скуки въ Филадельфіи, а между тѣмъ они попадутъ туда, если ихъ не перебьютъ, такъ какъ они вторично не попадутся въ плѣнъ—на это не похоже.

Я получилъ отъ Да-Мэзонфоръ, заболѣвшаго въ Лондонѣ, очень интересное письмо: онъ провелъ въ Тюильери послѣдніе двѣ недѣли царствованія Людовика XVIII и видѣлъ какъ постепенно распадалась на куски—по его выраженію—эта чудная монархія. „Никогда еще измѣна не проникала такъ повсюду. Предательство достигло совершенства, и до послѣдней минуты эти чудовища проливали слезы; держа въ карманѣ договоръ съ тираномъ, они цѣловали руку королю, пожимали намъ руки, вынимали шпагу и клялись еще громче на ней“. Далѣе онъ говоритъ: „Европа не исправилась; я не вижу ничего хорошаго; будуть выигрывать битвы и станутъ дѣлать одни глупости: мы стоимъ между побѣдой и либеральными идеями, погубившими нась. Король вернется въ Парижъ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ управлять народомъ, такъ низко павшимъ.“

Слѣдовало было бы, чтобы среди его находилось сто тысячъ русскихъ и имъ управляла дубинка Петра Великаго: этотъ низкій народъ презираетъ все, что не заставляетъ его дрожать; подумайте же, какое дѣйствіе имѣть сострадательное отношеніе потомка Генриха Четвертаго. Въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ всѣ питаютъ самыя блестящія надежды: побѣда сама собой разумѣется; но затѣмъ я не предвижу ни мира, ни спокойствія.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 21 июня 1815.

Здоровье сестры переноситъ прекрасно сырость и холодъ, которые стоять у нась. Она весела и разговорчива: еще сегодня вечеромъ собирается обѣдать у нашей двоюродной сестры, княгини Салтыковой.

Я, конечно, не противлюсь, чтобы не вобуждать ея опасений относительно здоровья; напротивъ, я уговариваю ее выѣзжать, чтобы доказать ей, что она выздоровѣла, и сама начинаю надѣяться на это; думаю, что она проживет осень и зиму, не стремясь въ Германію, о которой почти не говорить съ тѣхъ поръ, какъ чувствуетъ себя хорошо. Не знаю, какъ благодарить Бога. Вы правы, говоря, что Провидѣніе, особенно заботится обо мнѣ.

Я это вполнѣ чувствую, и все мое существо проникнуто этимъ сознаніемъ. Еслибы вы знали всѣ подробности моей жизни, вы могли бы повторить это еще съ большей справедливостью. Если я когда либо получу возможность говорить о себѣ, какъ о постороннемъ лицѣ; если, рассказывая о многихъ обстоятельствахъ, близко касающихся меня, я въ состояніи буду внести въ разсказъ хладнокровіе, которого мнѣ еще не хватаетъ, я вамъ наглядно покажу, какъ Провидѣніе особенно занялось мною.

Увѣряю васъ, что сообщая о Eudoxie, я вовсе не говорю, какъ съ посторонними; я рассказываю вамъ обо всемъ, что вижу, и вовсе не съ намѣреніемъ, чтобы вы передавали кому бы то ни было. Со времени ея прїѣзда въ Петербургъ она высказывала къ мужу самыя нѣжныя чувства. Зачѣмъ ей понадобилось болтать всѣ эти глупости Александринъ? Положительно не понимаю. Можетъ быть она считала постыднымъ признаться въ томъ, что любить мужа, не бывъ предварительно героиней романа. Можетъ быть она вообразила, что будетъ казаться интереснѣе своей кузинѣ, рассказывая ей всѣ глупости, пришедшія ей въ голову—балъ, гдѣ она встрѣтила молодого человѣка, свое отвращеніе къ Гурьеву и т. д. Все это мнѣ кажется плодомъ фантазіи; а дѣйствительного нѣть ничего. Возможно, что встрѣть она здѣсь кого-нибудь, съ кѣмъ могла бы говорить такимъ же тономъ, она это сдѣлала бы, что могло бы имѣть большія неудобства.

Но такъ какъ у свекрови она не видѣть ничего романтическаго, а ея золовкѣ Нессельродѣ и намъ, всѣмъ прочимъ подобныя мысли и въ голову не могутъ притти, то Eudoxie волей неволей придется образумиться, и это войдетъ у нея въ привычку. Кромѣ того всѣ молодыя женщины, которыхъ она встрѣчаетъ у г-жи Гурьевой,—всѣ пользующіяся набольшимъ успѣхомъ въ обществѣ,—любятъ своихъ мужей или, по крайней мѣрѣ, показываютъ видъ, что любятъ. Ей, стало быть, даже человѣко было бы выдѣляться. И повторю вамъ, если она въ самомъ дѣлѣ не любить своего мужа, то полюбить его, потому что такъ дѣлается у другихъ; но мнѣ кажется, что она дѣйствительно къ нему привязана.

Г-жа Толстая говорить, что скучает здѣсь и съ нетерпѣніемъ ждетъ отѣзда. Преклоняюсь передъ мужествомъ, съ которымъ она обрекаетъ себя на московское общество. Я не способна была бы на это не изъ самолюбія—я не считаю себя пріятнѣе всѣхъ этихъ дамъ.—но просто нахожу, что мы не подходимъ другъ къ другу и только утомляли бы другъ друга. Ихъ неумолкаемая болтовня казалась бы мнѣ сплетнями, а мою лѣнью говорить онъ могли бы счесть за холодность и высокомѣріе. Что касается г-жи Толстой, то ей лишь бы рассказывали—ей больше ничего не надо.

У меня довольно большая переписка, а съ нѣкотораго времени она еще увеличилась перепиской съ барономъ Шеппингомъ, живущимъ въ Курляндіи. Я часто встречала его въ обществѣ и всегда съ удовольствіемъ, онъ чувствовалъ дружбу ко мнѣ и любилъ одну изъ моихъ знакомыхъ. Эта любовь, встрѣтившая нѣкоторыя препятствія, побудила его вступить во владѣніе его маюратомъ, поселиться въ имѣніи и заняться управлѣніемъ своихъ земель.

Уѣзжая онъ очень просилъ меня писать ему, и въ минуту умиленія я ему дала обѣщаніе, рабой котораго сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 24 июня 1815.

Г. Савельевъ, двоюродный братъ Гурьева, выѣхалъ сегодня ночью въ Москву и везеть газету, полученную нами съ курьеромъ изъ Кенигберга. Если вы были у графа Толстого, вы тамъ все узнали, и мое письмо не имѣть значенія, но, все равно, я вамъ обѣщала держать васъ въ курсѣ событий, и было бы несправедливо обойти молчаниемъ первое удачное дѣло.

Бонапарте разбитъ герцогомъ Веллингтономъ и Блюхеромъ: письмо послѣдняго сообщаетъ объ этомъ генералу Калькрейту въ Берлинѣ. Онъ говоритъ, что Наполеонъ былъ аттакованъ на дорогѣ въ Брюссель, въ мѣстности называемой Бель Алліансъ. Онъ намѣревался отрѣзать англійскую армію отъ арміи Блюхера; но это ему не удалось: арміи уже сошлись, когда началась битва; аттака Бонапарте была быстро отбита, центръ его прорванъ, правое крыло подъ начальствомъ Вандамма совершенно уничтожено, а лѣвое сильно пострадало. Бонапарте бѣжитъ къ Авену, а англичане его преслѣдуютъ. Блюхеръ сообщаетъ только это, оставляя подробности до другого времени; но онъ прибав-

ляетъ, что побѣда несомнѣнна. Курьеръ, приведшій намъ эту газету, разсказываетъ о 192 пушкахъ, массѣ боевыхъ запасовъ и провіанта, отбитыхъ у непріятеля; онъ говоритъ, что видѣлъ письма изъ Берлина, сообщающія эти подробности. Мы узнаемъ все черезъ нѣсколько дней. Мой маленький лордъ Вальполь сіяеть, что англичано такъ хорошо начали. Всѣ радуются первымъ извѣстіямъ, предвѣщающимъ хорошее. Военный министръ послалъ эту газету Государынѣ, теперь надо ждать подтвержденія извѣстій черезъ Императорскаго курьера.

Дурная погода смѣнилась вчера хорошей. Мы до безумія обрадовались солнцу; только что открывъ глаза, мы поспѣшили кто-куда; въ семь часовъ утра я была уже въ церкви, откуда пришла пѣшкомъ, потому что уже просохло. Потомъ я приглашала Татіану покататься въ ландо; мы побывали у мадамъ де Литта, живущей на Англійской фермѣ близъ строгоновскаго сада; потомъ у г-жи Свѣчиной, пріѣхавшей на нѣсколько дней къ сестрѣ Гагариной; затѣмъ вернулись, переодѣлись и обѣдали у г-жи Литта. Вечеромъ я была у всенощной, продолжавшейся дольше двухъ часовъ и вернувшись застала г. де Ноайя и Бориса Куракина за чаемъ у круглого стола. Мы поболтали, и я рано легла спать, потому что устала. Завтра вечеромъ ѿду въ городъ, навѣщать Рибопьера, а потомъ исповѣдаюсь. Переночую во дворцѣ, чтобы причаститься въ субботу въ придворной церкви, и вернусь сюда днемъ.

Сестра также въ восторгѣ отъ Каменнаго Острова; она посѣщаетъ сосѣдей, то г-жу Гурьеву, то Катишъ Салтыкову. Сегодня вечеромъ она отправляется къ княгинѣ Долгорукой, гдѣ играютъ шарады. Среди исполнителей—москвичи Бордо, голландскій министръ, человѣкъ очень любезный и хорошаго круга; онъ обѣщался доставить еще двухъ исполнителей, такъ что каждый четвергъ можно будетъ устраивать спектакли, и это развлечениѣ дасть занятіе многимъ членамъ здѣшняго общества. Не могу скрыть отъ васъ, что все это устроивается у Долгорукой съ цѣлью привлечь богатую наслѣдницу Шаховскую, которую она давно намѣтила для своего сына Николая. Была бы очень рада, если бы ей удалось устроить это дѣло: сынъ славный молодой человѣкъ, но, говорятъ, онъ не нравится наслѣдницѣ, у которой, какъ вы можете себѣ представить, нѣть недостатка въ поклонникахъ.

Кристинъ.

Москва, 1 іюля 1815 г.

Вотъ, стало быть, пруссаки и англичане одержали побѣду даже безъ помощи австрійцевъ и безъ болѣе важной поддержки русскихъ!

Чего это не обѣщаетъ въ будущемъ! Умоляю васъ держать меня въ курсѣ дѣла; вспомните, что прикованный къ креслу и лишенный газетъ Англійского клуба, я имѣю только одинъ ресурсъ—„Conservateur“, а такъ какъ „Conservateur“, прибываетъ съ тяжелой почтой, то онъ проводить 10 дней въ пути; можете судить, какъ свѣжи извѣстія! Очень радъ, что Каменный Островъ оживляется и становится пріятнымъ, благодаря спектаклемъ; отъ всего сердца желаю, чтобы душа всего этого достигла своей цѣли. Плохой будетъ въ такомъ случаѣ тестъ у Николая Долгорукаго; я былъ хорошо знакомъ съ нимъ, когда онъ былъ женатъ, и особенно, когда овдовѣлъ. Боже мой, что это былъ за странный человѣкъ, чтобы не сказать больше! Я ужасно страдаю; моя подагра вотъ уже сутки страшно сердится. Я не смыкаю глазъ, а что есть на свѣтѣ можетъ быть изнурительнѣе недостатка сна. Я не сержусь, пе выхожу изъ терпѣнія, хорошо зная, что это не повело бы ни къ чему; но живо чувствую, какое ужасное страданіе физическая боль. Голова у меня въ туманѣ отъ бессонницы, и я почти не въ состояніи читать что-нибудь серьезное. Я взялъ Мольера; это самое подходящее чтеніе для меня; Сози вызываетъ мой смѣхъ такъ же какъ „Ученые женщины“, но Мизантропъ слишкомъ силенъ для меня; посудите по этому, въ какомъ состояніи моя голова. Нарышкинъ Ѳдетъ сегодня въ имѣніе; онъ сообщилъ мнѣ, что графъ Толстой поѣтъ меня до отъѣзда въ Троицкое, чему я буду очень радъ. Алексѣй чуть не утонулъ по своей глупости. Онъ купался съ однимъ изъ маленькихъ Бахметьевыхъ и г. Прадель; послѣдній умолялъ Алексѣя не уходить далеко, не умѣя плавать; но Алексѣй не обращалъ вниманія на его слова и со смѣхомъ шелъ все дальше; онъ попалъ въ омутъ и исчезъ; маленький Бахметьевъ бросился къ нему на помощь и тоже изчезъ; Прадель хотѣлъ ихъ спасти; молодые люди схватились за его ноги и увлекли также и его. Къ счастью молодой крѣпкій слуга бросился какъ былъ, въ платьѣ, и подплывъ къ нимъ, спасъ всѣхъ троихъ. Маленький Бахметьевъ былъ уже безъ памяти, а Алексѣй очень боленъ: изъ него вылилось много воды.

Гдѣ король въ то время, какъ бываютъ при Гентѣ? Стало быть графъ Артуа и герцогъ Беррійскій не состоять ни при какой армії! Мы это страшно прискорбно. Неужели эти сыновья Генриха IV забыли доблестные дни при Кутра, Аркѣ, Иvrѣ, Омалѣ и Фонтенѣ Франсезъ? Если ихъ нѣтъ, желаю имъ получить подагру, она имъ будетъ такъ же пріятна, какъ мнѣ. Французы будутъ любить ихъ, если они покажутся на полѣ битвы: это случай пріобрѣсти репутацію и славу.

Видите, какъ я пишу; нога такъ болить, что я не могу управлять рукою по желанію.

Графъ Толстой только-что былъ у меня. Онъ пріѣхалъ, чтобы подтвердить хорошую вѣсть, а съ другой стороны графъ Панинъ пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ деревни въ городъ и остановился у меня. Ужъ ради этого я желала бы не болѣть подагрой; я плохой собесѣдникъ, когда страдаю.

Княжна Туркестанова.

Каменныи Островъ, 1 іюля 1815 г.

Все кончено во Франціи; Бонапартъ снова отказался отъ престола, и такъ какъ на этотъ разъ это поступокъ добровольный, то надо думать, что конецъ этой сказочной исторіи не далекъ. Послѣ ужасной битвы 18-го онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ тотчасъ собралъ пѣровъ и, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, счелъ нужнымъ сказать имъ правду, признавшись въ потеряхъ, понесенныхъ какъ людьми, такъ и орудіями. Онъ свалилъ всю вину на корпусныхъ генераловъ, говоря, что его плохо поддерживали, что они тормозили всѣ его намѣренія, и что даже въ солдатахъ онъ не узналъ побѣдителей Маренго и Аустерлица. Онъ прибавилъ, что эти обстоятельства заставляютъ его сложить корону, и что онъ предлагаетъ имъ вмѣсто себя Римскаго короля подъ регентствомъ Маріи-Луизы, Евгенія Богарне и герцога Орлеанскаго. Это предложеніе не было принято: потребовали временнаго правительства. Тогда онъ назвалъ Карно, Фуше и Камбасереса; послѣднія отвергли единогласно; онъ предложилъ Коленкура: но и его не пожелали, и засѣданіе было закрыто. Вслѣдствіе отреченія генералъ Моранъ отправился въ главную штабъ-квартиру къ Гнейзенау, чтобы просить перемирія и сообщить о происшедшемъ. Прусскій генералъ потребовалъ сдачи всѣхъ крѣпостей и выдачи Бонапарта; онъ послѣдній сообщилъ Блюмеру, но прибавивъ, что онъ не дипломатъ, приказалъ своимъ войскамъ идти впередъ, такъ что когда онъ послалъ свой официальный рапортъ, его аванпосты были всего въ десяти лье отъ Парижа. Французская армія, стоявшая на Рейнѣ, отступила, чтобы не сражаться, такъ что теперь все, вѣроятно, кончено. Мы узнали эти подробности третьего дня вечеромъ изъ Гамбургской газеты отъ 30, привезенной англійскимъ пакетботомъ лорду Вальполю. Послѣдній, несмотря на ужасную погоду и проливной дождь, пріѣхалъ въ полночь на дачу г-жи Гурьевой, чтобы сообщить намъ извѣстія. Можете себѣ представить, какъ его приняли и какой переполохъ произошелъ въ гостиной.

Г-жа Гурьева взволновалась до крайности; бостонъ былъ оставленъ, всѣ столпились около круглого стола; мой граппасіансъ смѣшался; маленькаго лорда окружили, стѣснили, засыпали, вопросами такъ, что прежде чѣмъ отвѣтить, ему пришлось успокаивать то одного, то другого изъ настѣ. Наконецъ онъ сообщилъ намъ, что я вамъ передаю. Я, по общей просьбѣ, написала нѣсколько летучекъ для сосѣдей, изъ которыхъ нѣкоторые уже спали. Ихъ разбудили. Все это настѣ очень забавило. Мы обязаны всѣмъ этимъ герцогу Веллингтону,—это несомнѣнно. Онъ вѣръ себѣ какъ герой; и онъ безусловно герой资料 of our hero.

Вчера курьеръ, прибывшій изъ Берлина, привезъ подтвержденіе всѣхъ этихъ извѣстій и извѣстія о арестѣ Наполеона маршалами Удино и Макдональдомъ, именемъ короля. Сынъ Удино былъ отправленъ къ Людовику XVIII, чтобы испросить для отца и Макдональда разрѣшеніе сопровождать его въ Парижъ; пока же они стали во главѣ правительства. Этимъ объясняется поведеніе Макдональда, оставшагося во Франції, чтобы работать для короля, а также слова послѣдняго, сказавшаго про маршала: „онъ послужить мнѣ лучше всего тамъ, где находится, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ“. Не находите ли вы, что личность герцога Орлеанскаго нѣкоторымъ образомъ скомпрометирована этимъ предложеніемъ Бонапарта поставить его на свое мѣсто? Мени это огорчаетъ, потому что онъ единственный французскій принцъ, которымъ я интересуюсь, другіе мнѣ ровно ничего не внушаютъ: они всѣ какой-то кисель; ни слѣда энергіи—ни дать ни взять моего де Бріанъ или шевалье де ла Кудрэ; эти принцы только и годны, чтобы разъѣзжать въ каретахъ, а ужъ куда имъ стоять во главѣ арміи. Я на ихъ мѣстѣ умерла бы со стыда, видя, что въ этомъ дѣлѣ все сдѣлано иностранцами. Герцогъ Брауншвейгскій убить, принцъ Оранскій раненъ, герцогъ Веймарскій, принцъ Налау-Велльбуругъ и столько другихъ, подвергли свою жизнь опасности ради этого дѣла, между тѣмъ какъ они, чья это обязанность, довольствуются ролью зрителей. Нѣть, мой другъ, это настоящая куклы, ради которыхъ я не сломала бы булавки. Король по своей полнотѣ не могъ єздить верхомъ, но принцы могли и должны были это сдѣлать. Что станется съ Бонапартомъ? Это вопросъ, который я предлагаю каждому. Будутъ ли его судить? Повѣсять ли его? Оставять ли въ живыхъ? Интересно бы узнать, какъ о немъ будетъ отзываться исторія? Несомнѣнно судьба этого человѣка необычная. Немногого терпѣнія, и мы узнаемъ.

Я вѣмъ не писала въ прошедшій вторникъ, потому что была занята. Я пріѣхала въ городъ, чтобы видѣть нѣкую г-жу Каменскую, которая должна мнѣ и не платить.

Мнѣ страшно не хотѣлось отправиться къ ней, но дѣлать было нечего. На возвратномъ пути я заѣхала къ Рибопьеру, а затѣмъ вернулась на дачу. Такимъ образомъ у меня не оказалось ни минуты свободной для васъ. Я была рада побывать во дворцѣ совсѣмъ одна, обстоятельство, которое меня привело сюда такого рода, что мнѣ хотѣлось одиночества.

Я оставалась у себя пятницу и все утро въ субботу; погода испортилась такъ, что и гулять не хотѣлось. Кроме того это денежное дѣло, желаніе увидать Рибопьера—все побудило меня четыре дня остаться въ городѣ. Я начинаю терять всякую надежду на то, что погода поправится; то и дѣло лѣтъ дождь; сегодня выдался сѣренѣкѣй, довольно пріятный денекъ. У насъ четвергъ, слѣдовательно вечеръ у Долгорукой; сестра намѣревается отправиться туда; про себя не знаю, что буду дѣлать; говорить, прошедшій разъ шарада очень удалась. Сегодня спектакля не будетъ, но чай у Николая съ роговой музыкой оркестра Дмитрія Нарышкина. Вотъ чѣмъ развлекаются. Въ нашемъ сосѣствѣ скоро поселится флорентійскій посланникъ, нанявший дачу рядомъ. Срокъ найма его городского дома окончился: и онъ, повидимому, не знаетъ, куда дѣваться. Мнѣ кажется, что онъ все еще имѣеть виды на особнякъ, который занималъ Коленкуръ, но еще вопросъ, отдадутъ ли ему его, *Altri tempi!* Пока же онъ будетъ нашимъ сосѣдомъ и мы будемъ видать частенько. Между нами—этотъ Нульесь полное ничтожество; онъ не стоить и мизинца моего маленькаго лорда Вальполя, очень милаго,увѣряю васъ. Не знаю, продолжаетъ ли походъ гвардія; очень возможно, что и вернутъ, и тогда Потемкинъ не уѣдетъ, и княгиня Борисъ останется въ Симѣ, что будетъ очень полезно для ея финансовъ.

Кристинъ.

Москва, 8 июля 1815.

Для изученія человѣческаго сердца долженъ вамъ сообщить, что вернувшись, Софи Толстая держится совершенно такого же тона, какъ до отѣзда и дорогой. Она продолжаетъ увѣрять своихъ двоюродныхъ сестеръ Апраксиныхъ, что *Eudoxie* его не выносить. И если хотите слышать отъ меня правду, то она кое что знаетъ. Какъ это васъ не посвятили въ секретъ? Конечно, ее можно только похвалить, что она по мѣрѣ возможности скрываетъ это несчастье, но что Софи разыгрываетъ комедію, показывая противуположное чувство—это какъ-то слишкомъ сильно для ея возраста.

Надѣюсь, что Государь въ Парижѣ съ войскомъ, по крайней мѣрѣ въ 56 тысячъ человѣкъ, чтобы занять нѣкоторыя укрѣпленія, и нѣсколько пограничныхъ провинцій, однимъ словомъ, чтобы имѣть какой нибудь залогъ будущаго спокойствія со стороны этой беспокойной націи. Я буду очень радъ, что Людовикъ XVIII снова вступить на престолъ, но онъ слишкомъ доказалъ, что конституціонный король во Франціи только игрушка партій, оспаривающихъ другъ у друга власть. Чтобы царствовать во Франціи, надо держать въ своихъ рукахъ всѣ нити, заставляющія двигаться машину, и держать ихъ твердо. Я сомнѣваюсь, чтобы его допустили быть инымъ, чѣмъ конституціоннымъ монархомъ, и это заставляетъ меня думать, что ему понадобится помочь союзныхъ государей противъ Якобинцевъ; да и имъ необходимо будетъ обезпечить себя ради собственного спокойствія, чтобы эти самые Якобинцы не имѣли возможности снова натворить безразсудствъ, подобныхъ тѣмъ, который въ нѣсколько дней стоили 80 тысячъ человѣкъ. Это все становится и слишкомъ дорого и безчеловѣчно.

Я дописывалъ эти слова, когда мнѣ принесли ваше письмо № 27 отъ 1 Іюля. Тысячу разъ благодарю васъ, дорогая книжна. Стало быть онъ арестованъ, и, надѣюсь, для него все кончено: не упустить же его вторично. Благословляю Бога за конецъ столь быстрый и счастливый. Полученная вчера съ курьеромъ вѣсть о его перевозкѣ въ Магдебургъ можетъ быть справедлива, въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго тому, что вы мнѣ сообщаете. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе относительно принцевъ: позорно, что все это произошло безъ ихъ участія. Не думаю, чтобъ послѣднія события доставили этой династіи возможность спокойно править. Что касается герцога Орлеанскаго, то на его долю выпадаетъ оригинальная задача въ теченіи 25 лѣтъ принимать участіе во всѣхъ революціяхъ. Онъ подавалъ голосъ противъ Людовика XVI; онъ сражался подъ начальствомъ Дюмурье. Не думаю, чтобы можно было очиститься послѣ подобныхъ выступленій. На немъ всегда останется слѣдъ краснаго колпака, который онъ носить. Онъ примирился съ королемъ? Но когда? Когда соумышленники угнали его изъ Франціи, когда ему негдѣ было приклонить головы и когда понадобилось войти въ милость къ главѣ династіи и пріобщиться къ благодѣяніямъ, оказываемымъ Англіей его семье. Безъ сомнѣнія Веллингтонъ герой нашего вѣка, но надо отвѣсти мѣстечко и Блюхеру—онъ того заслужилъ. Боже мой, какъ интересно знать, что будетъ! Лишь бы не было ошибокъ; онъ такъ давно въ порядкѣ вещей. Кажется, нашъ вѣкъ богаче полководцами, чѣмъ государственными людьми, а именно теперь въ нихъ большая нужда. Если бы могли

отказаться отъ либеральныхъ идей и отъ манії конституцій, я бы еще могъ надѣяться... Но если, не выйдуть изъ этого закодованного круга, всего можно бояться. Вашъ любимецъ лордъ поднялъ бы крикъ, если бы прочелъ, что тутъ написано; но тѣмъ не менѣе остается правдой, что конституція, поддерживаемая въ Англіи при тысячахъ злоупотребленій, не годится для другой страны. Франція прекрасно существовала четырнадцать вѣковъ съ своимъ старымъ правительствомъ, и силою вещей ей или придется вернуться къ нему, или дратиться, пока ее не раздѣлять, чтобы научить, какъ управлять собой. Въ сущности это такая презрѣнная и отвратительная нація, что отъ нея нечего ожидать ни въ какой войнѣ. Я смѣялся, когда слышалъ людей, полагавшихъ, что эта война превратится въ национальную, какъ въ Испаніи или Россіи; это народъ, лишенный энергіи и огрубѣвшій отъ эгоизма, всецѣло охватившаго его.

Г-жа Толстая рассказала вамъ сказку, говоря, что передала деньги Софи; она ее все кормила завтраками и уѣхала, не сдѣлавъ ничего. Деньги ея слабая струна: она заказала портретъ, дочери Софи и не могла заплатить за него, такъ что художникъ, уѣзжая изъ Москвы, увезъ портретъ съ собой. Я заговорилъ объ этомъ потому, что вы меня спросили, и прошу васъ забыть впредь объ этихъ пустякахъ.

Собираясь ѿхать въ Троицкое, графъ Толстой получилъ собственноручное письмо отъ Государя, заключающее слова: „Жду васъ съ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ“. Онъ ко мнѣ прислалъ Сашу, чтобы разсказать все это, прося меня немедленно пріѣхать къ нему. Къ несчастью это невозможно: нога слишкомъ болитъ; но я написалъ ему, что хороший знакъ, когда могущество призываетъ на помощь немощи. Замѣтьте, что это письмо написано послѣ битвы, и что въ графѣ, вѣроятно, больше нуждаются, какъ въ совѣтникеѣ, чѣмъ какъ въ военноначальникѣ. Я очень радъ этому. Графъ прервалъ мое письмо; онъ прочелъ мнѣ письмо Государя, и разрѣшилъ мнѣ сообщить вамъ, но просить не распространять дальше о милостивыхъ словахъ, чтобы не дать пищи завистникамъ. Онъ ѿдетъ завтра, но сегодня вечеромъ еще заглянетъ ко мнѣ, и съ будущей почтой я сообщу вамъ, что думаю объ этомъ призываѣ, сдѣланномъ, повидимому, не безъ намѣренія.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 7 іюля 1815 г.

Послѣ моего послѣдняго письма прошелъ слухъ, что Бонапарте разстрѣлянъ въ Венсентѣ; нѣсколько торговыхъ домовъ получили это

извѣстіе изъ Берлина. Левъ Нарышкинъ, прибывшій изъ Лейпцига, говоритъ, что слышалъ тамъ тоже. Этого было достаточно, чтобы взволновать весь городъ. Не прошло шести часовъ, какъ весь Петербургъ говорилъ объ этомъ; лордъ Вальполъ, авторитетъ въ моихъ глазахъ, пріѣхалъ съ этой вѣстью къ г-жѣ Гурьевой; я сообщала г-жѣ Литта, барону Строгонову и, однимъ словомъ, всѣ довольны и ждали подробностей, но до сихъ нѣть никакого подтвержденія. Напротивъ, вотъ недѣля, что нѣть курьера отъ Государя, и ничего, что могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ. И такъ какъ нѣть недостатка въ людяхъ волнующихъ умы, то плохія вѣсти скоро замѣнили хорошія. Кто говоритъ, что Бонапартѣ бѣжалъ, другіе доходятъ до того, что сообщаютъ, будто Блюхеръ разбитъ подъ Парижемъ; однимъ словомъ такъ какъ во что бы то ни стало хочется говорить, то болтаютъ всякой вздоръ. Де Ноай получилъ письма съ французской границы какъ разъ въ то время какъ говорили о корсиканскомъ разстрѣлѣ; онъ прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ. Ему сообщали, что маршалъ Макдональдъ сталъ во главѣ правительства объявивъ себя намѣстникомъ короля; что въ силу власти, которой онъ располагаетъ, онъ вѣрѣлъ ожидать Наполеона и нѣсколькихъ членовъ обѣихъ палатъ, среди которыхъ называются Карно, Фута, Коленкура и Рено дю С. Жанъ д' Анжели; иные, якобы, заключены въ Венсенъ, другіе въ Бисетръ, гдѣ они находятся подъ строгимъ надзоромъ. Такъ какъ письмо г. де Ноаля было отъ 27-го Іюня, то мы разчитали, что извѣстіе о разстрѣлѣ можетъ быть, вѣрно, такъ какъ это казалось въ естественномъ ходѣ событий. Но послѣдующее молчаніе заставляетъ меня усомниться въ вѣрности всѣхъ этихъ мѣръ строгости. Мезонфоръ справедливо говоритъ, что королю трудно будетъ управлять этой шайкой разбойниковъ; еслиъ возможно было очистить землю отъ нихъ, было бы очень хорошо, но не думаю, чтобы это было возможно, если небесный огонь не сожжетъ эту страну, какъ нѣкогда сжегъ Содомъ и Гоморру. Я считаю Францію погибшей для всего, что есть добро. Деморализація проникла тамъ во всѣ слои общества. Не понимаю, какимъ образомъ Мезонфоръ при его умѣ (онъ не Блака) могъ вѣрить въ нѣкоторую прочность положенія вещей. Онъ видѣлъ нападеніе монархіи, и паденіе партіи, свергнутой другою. Миѣ начинаетъ думаться, что счастье очутиться въ Парижѣ и быть чѣмънибудь всѣхъ ослѣпило, и вашъ другъ видѣлъ не больше другихъ. Желаю отъ всего сердца, чтобы король возвратился, потому что того требуетъ порядокъ, которому я придаю много значенія; что же касается его лично и членовъ его семьи, то—да проститъ меня Господь!—они не винуютъ мнѣ никакого участія.

Знаети ли, дорогой Кристинъ, что я стала какъ г-жа де Нуазевиль; выходки Николая Голицына пугаютъ меня до смерти. Увѣрю вѣсъ, что я считаю его способнымъ на все. Мнѣ было бы очень не-пріятно узнать, что онъ отправляется въ Москву; онъ въ состояніи сдѣлать вамъ ужасную сцену, что вовсе было бы непріятно. Этого бѣсоватаго слѣдовало бы посадить въ сумашедшій домъ или въ монастырь, какъ молодого Разумовскаго. Жаль мнѣ его бѣдной матери; она такъ ослѣплена имъ, что ничто не въ состояніи разубѣдить ее. Она считаетъ его за святого, а по моему это своего рода Жакъ Клеманть, или способный стать имъ.

Eudoxie сообщила мнѣ о прибытіи ея родителей, и я вижу здѣсь г-жу Толстую со всѣмъ ея скучнымъ обществомъ; если есть возможность ручаться за то, что сдѣлается или чего не сдѣлается, то, увѣрю вѣсъ, меня не скоро увидятъ у нея; у меня морозъ пробѣгаєтъ по кожѣ при воспоминаніи о моемъ послѣднемъ пребываніи въ Москвѣ. Зачѣмъ вы тамъ такъ крѣпко прижались? Зачѣмъ Виржини, ваше имѣніе, ваши сыры не въ Петербургѣ или его окрестностяхъ?

Какъ бы это хорошо для меня! Конечно, я знаю Файо и знаю его черезъ вѣсъ; развѣ вы не говорили о немъ во время его заключенія въ Макари? Кромѣ того, я не имѣю о немъ никакого понятія; мнѣ недавно называлъ его фамилію знакомый, доставляющій сыроваровъ. Я не знала, что у васъ есть лифляндецъ, и вотъ почему думала снабдить васъ этими уроженцами Гларуге. Г. Рибопьеръ отправилъ двухъ въ свое Смоленское имѣніе; они тамъ прекрасно устроются. Кстати о Лифляндіи: она напомнила мнѣ моего курляндскаго корреспондента; я, кажется, уже называла вамъ его—это баронъ Шеппингъ, молодой человѣкъ 32 лѣтъ, мой давнишній знакомый, котораго я часто встрѣчала у Рибопьера и у Гурьевыхъ, гдѣ онъ бывалъ почти ежедневно. Я вамъ писала, что его заставила уѣхать изъ Петербурга любовь, встрѣтившая препятствія. Конечно, это интересно, и я вамъ призналась, что мнѣ грустно было разстаться съ нимъ, и въ минуту умиленія я обѣщала ему писать, но только не часто, не нанося ущерба московскому корреспонденту. Если бы вы познакомились съ барономъ Шеппингомъ, вы бы полюбили его, я въ томъ увѣрена, потому что онъ уменъ, пріятелъ и добрый малый.

Я давно знаю этого князя Долгорукаго, прозваннаго „балкономъ“ за его огромную губу.

Что это ему вздумалось разыгрывать комедіанта въ 40 лѣтъ. У него было столько несчастій въ жизни, что я на его мѣстѣ сидѣла

бы тихонько въ своемъ углу и не вздумала бы забавлять всѣхъ этихъ маніаковъ, наполняющихъ его гостиную. Вижу, что онъ одинъ изъ людей, старѣющихъ только лицомъ.

Кристинъ.

Москва, 15 іюля 1815 г.

Вы уже знаете объ отъѣздѣ графа Толстого, вызваннаго экстренно письмомъ государя изъ Спира 16 (28 Іюня), слѣдовательно, черезъ десять дней послѣ большой побѣды. Я заключаю изъ этого, что его вызвали не для того, чтобы воевать, но, вѣроятно, во Франціи на нѣсколько лѣтъ останется русскій корпусъ, и графъ будетъ одновременно и посломъ и командующимъ этого корпуса, что служить въ отношеніи къ нему проявленіемъ большой милости, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ему очень пріятно. Онъ часто навѣщалъ меня и заѣхалъ даже въ послѣднюю минуту, за что я ему очень благодаренъ. И жена его была у меня въ воскресенье, чтобы проститься передъ отѣѣздомъ въ Троицкое. Я смотрю на этотъ визитъ какъ на нѣчто необычайное, такъ какъ она рисковала встрѣтить Виржини, и это поставило бы меня въ затруднительное положеніе. Во всякомъ случаѣ я благодаренъ ей за эту любезность, которой обязанъ своей подагрѣ. Это письмо пойдетъ съ медленной оказіей, а подателя, его г. Лентци я особенно поручаю вашему вниманію. Ему можно со спокойной совѣстью оказать услугу, такъ какъ онъ самъ чрезвычайно обязательный и услужливый человѣкъ. Онъ уже не разъ доказалъ это. Судьба его странная. Онъ состоялъ при Государѣ, когда Онъ былъ великимъ княземъ; государь и обѣ Императрицы ему открыто покровительствовали; и графъ Румянцевъ назначилъ его по особой рекомендациіи Государя 14 лѣтъ тому назадъ начальникомъ таможенъ. Въ то время какъ онъ занималъ эту должность, онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ; княгиня Борисъ съ семьей прогостила у него цѣлую недѣлю въ Волочинскѣ, гдѣ его домъ былъ по истинѣ храмомъ гостепріимства. Графъ Марковъ не разъ отзывался о немъ съ величайшей похвалой, а я лично и тѣмъ болѣе. Когда г. Гурьевъ вступилъ въ министерство, все сдѣланное его предшественникомъ, было измѣнено, и онъ всюду помѣстилъ своихъ ставленниковъ: Лентци очутился на улицѣ съ многочисленной семьей и, надо сказать къ его чести, оказался бѣднякомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и въ отсутствіе Государя, просилъ покровительства Государыни матери. Она приказала запросить ministra, почему Лентци лишенъ мѣста, и министръ, чтобы выпутаться, довольно необдуманно заявилъ, что онъ былъ запутанъ въ темные дѣла, и на томъ все кончилось.

Ленци, который уменъ и тактиченъ, понялъ, что, поднявъ крикъ, онъ уподобится глиняному котлу, борющемуся противъ чугуннаго. Онъ занялся собираниемъ фактовъ, самымъ неопровергимымъ образомъ доказывающихъ честность его управлениа. Вооружившись этими доказательствами онъ вернулся въ Петербургъ въ прошедшемъ году и просилъ приема у министра, чтобы убѣдить его въ своей невиновности. Г. Гурьевъ уже былъ хорошо освѣдомленъ, но сказанное имъ Императрицѣ стѣсняло его; онъ не зналъ, какъ выпутаться, и чтобы избѣжать затрудненій упорно отказывался принять Лентци. Графъ Марковъ, напрасно употребляя всѣ усилия и признался Лентци, что ошибка сдѣланная министромъ, вредить ему, Лентци, больше вскихъ винъ, если бы онѣ за нимъ были. Однако Марковъ добился рода возмездія, и министръ назначилъ Лентци вице-губернаторомъ, но, продолжая отказывать ему въ приемѣ. Гурьевъ предоставилъ ему мѣсто тарнопольскаго вице-губернатора. Вы знаете, что это округъ Галиціи, уступленный Австріей Россіи по миру 1819 г.; но можетъ быть вамъ неизвѣстно, что Государь отправился въ Австрію мѣсяцъ тому назадъ, и что такимъ образомъ Лентци снова выдвинулся впередъ, даже еще не получивъ мѣста. Онъ пріѣхалъ на мѣсяцъ въ Москву за деньгами, которыя ему должны, и я пріютилъ его; онъ просилъ меня дать ему рекомендацио къ вамъ, моя добрая, милая княжна, и я это сдѣлалъ съ условіемъ, что онъ никогда не сдѣлается назойливымъ (въ этомъ ручательство—его тактъ). Онъ отвезетъ вамъ мое письмо на Каменный Островъ, и только представится, а когда посѣтить васъ во дворцѣ, то попросить у васъ разрѣшенія разсказать вамъ о своемъ дѣлѣ и посовѣтovаться съ вами, такъ какъ стараясь добиться приема у Гурьева, онъ тѣмъ не менѣе сознаетъ, что можетъ быть такое стеченіе обстоятельство, при которыхъ лучше подождать. Онъ человѣкъ надежный и осторожный, слѣдовательно съ нимъ можно повидаться, а кромѣ того онъ будетъ говорить съ вами на такомъ чистомъ тосканскомъ нарѣчіи какъ въ Сиенѣ.

Князь Борисъ проѣхалъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова. Я очень радъ этому, потому что г-жа де Нуазевиль предупредила меня, что не хочетъ никого слушать. Его любезнѣйшій сынъ не появляется: увидимъ, что онъ станеть дѣлать, говоря по правдѣ, я увѣренъ, что онъ не покажется мнѣ, и это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать. Весь скандалъ, конечно, обрушился бы на него, и можетъ быть, у него хватаетъ здраваго смысла сознавать это. Впрочемъ, будьте спокойны, не произойдетъ ничего непріятнаго ни въ какомъ случаѣ, и я съумѣю образумить его, не выходя изъ границъ. Когда маменьки

сообщаютъ о подобномъ намѣреніи, очевидно не собираются провести его въ исполненіе.

Княжна Туркестанова.

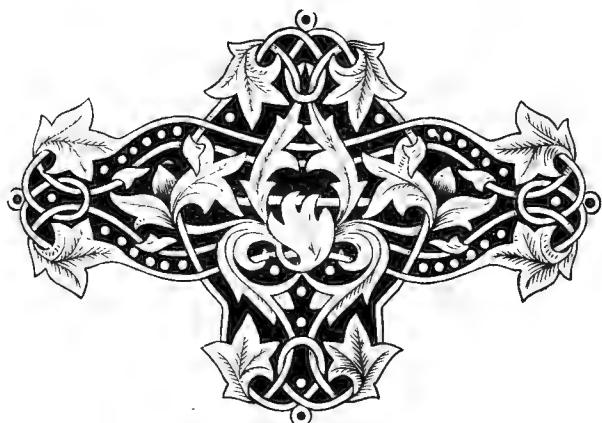
Каменный Островъ, 12 іюля, 1815 г.

Иностранныя газеты, прибывшія вчера, сообщаютъ, что капитуляція Парижа подписана Даву, и во время переговоровъ трехцвѣтный флагъ развѣвался надъ Тюилери. О королѣ ни слуху ни духу; правда, также ничего не говорять о Бонапарте, по словамъ предыдущихъ газетъ проживающемъ въ Мальмезонѣ. Все это довольно странно и туманно. Г. де Ноай освѣдомленъ не больше газетъ, но очень доволенъ капитуляціей Парижа, куда онъ боялся вторженія вооруженной силой. Такъ какъ его жена и дѣти тамъ, то его опасенія весьма естественны. Вчера все разяснилось. Прибыль курьеръ отъ Государя изъ главной квартиры въ Нанси, выѣхавшій 23 Іюня стараго стиля. Капитуляція Парижа подписана Даву, оставшимся военнымъ министромъ и стоявшимъ во главѣ вооруженной силы. Капитуляція чисто военная, и еще нѣть и рѣчи о какомъ либо измѣненіи во внутреннемъ управлениі. Еще не говорять о Наполеонѣ, и неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Король послалъ г. де Блака, прибывшаго въ Лондонъ; говорятъ также, что Таллейранъ добровольно отрекся отъ своихъ обязанностей. Это послѣднее извѣстіе есть также въ газетахъ. Повторяю вамъ его, чтобы сидя въ своемъ креслѣ, вы имѣли возможность размышлять о всѣхъ этихъ событияхъ. Вы очень добры, что читаете правоученія сыновьямъ Генриха IV; мнѣ кажется, что дни при Иври и Кутра живѣе въ вашей и моей памяти, чѣмъ въ ихъ воспоминаніяхъ. Они, должно быть, думаютъ, что то были сказочная времена. Король пытается извинить ихъ бездѣйствіе, мотивируя его; но не скоро имъ придется примириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Какой герой молодой принцъ Оранскій! Будь я принцессой Уэльской, я бы непремѣнно отправилась къ нему, чтобы онъ женился на мнѣ и сидѣлъ по полугоду въ Голландіи. Спектакль у княгини Долгорукой былъ очень миль; ея дочь играетъ чудесно; она красива, граціозна, очаровательна; дикція у нея прекрасная; единственный недостатокъ—что она немного вдается въ драматическій тонъ. Если вы знаете любовника, автора и слугу, вы найдете, что любя Оранжа, Люсинда едва осмѣливается признаться въ такомъ странномъ чувствѣ. Она его очень отличаетъ, но онъ продолжаетъ оставаться въ ея глазахъ слугой. Мнѣ кажется, что эта роль требуетъ больше достоинства чѣмъ нѣжности, а княгиня Салтыкова проявляетъ послѣдней больше, чѣмъ слѣдуетъ. Впрочемъ, ансамбль былъ очень хороши; Николай Долгорукій прекрасно исполнилъ роль

влюбленного; еще лучше игралъ въ пословицѣ. Невѣстка, молодая княгиня Долгорукая, сестра Гагарина, пикантная Мизетта, а мосье Бордо, игравшій Мондора въ комедіи и отца въ пословицѣ, настоящій актеръ. Видно, что онъ часто игралъ, потому что держитъ себя на сценѣ вполнѣ свободно. Сцена не имѣеть кулисъ, ихъ замѣняли ширмы съ массой цветовъ; лампы за цветами и у рампы давали прелестный свѣтъ. Насъ собралось человѣкъ шестьдесятъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ было довольно жарко, но всѣ сидѣли прекрасно. Послѣ спектакля танцевали, и я уѣхала до ужина, чтобы не сидѣть поздно ночью. Г-жа Нессельроде пишетъ изъ Вѣны, что она видѣлась тамъ съ г. Марковымъ. Онъ вполнѣ здоровъ, очень веселъ и любезенъ; говоря о его настроеніи, она подчеркиваетъ слова: я вполнѣ довольна имъ, онъ ни озлобленъ, ни мраченъ, хороши, вполнѣ хороши. Тѣмъ лучше, мнѣ грустно было бы слышать иное. Думаю что онъ проведетъ зиму въ Италіи. Гдѣ вы ее проведете, и гдѣ я? Гдѣ Богу будетъ угодно, милый Кристина и увидимся мы съ вами также, когда Ему будетъ угодно.

Вотъ маленькое прибавленіе 19 Іюля, изъ котораго вы узнаете положительныя новости, полученные черезъ г. Блума. Дрались передъ сдачей Парижа, и даже сильно. 1 и 3 были кровавыя дѣла въ Версалѣ, Сенъ Клу, Мальмезонѣ; послѣднія мѣстечки сильно пострадали. Высоты Бельвиля и Монмартра были заняты Груни, но искусственнымъ маневромъ Цитера позиціи были взяты, и тогда заговорили о капитулациі. Даву, командовавшій всей арміей, послалъ З депеші, З-го условия были выработаны и 4 подписаны Даву. Французскія войска отступаютъ за Луару, но съ воинскими почестями и со всѣми боевыми запасами. Перемиріе касается только этой арміи, въ него не включены находящаяся на Югѣ Франціи, и здѣсь непріязненные дѣйствія будутъ продолжаться, хотя союзники и вступятъ въ Парижъ. Бонашарте думалъ было принять титулъ генерала арміи Груни, имѣвшій некоторыя преимущества, но ему было отказано. Говорятъ, что онъ уѣхалъ изъ Мальмезона съ двѣнадцатью хорошо нагруженными повозками и направился на Шартръ. Его сопровождаютъ Савари, Бертранъ и Лабедойеръ. Пока шли битвы 1 и 2 Іюля король находился въ Санли. Онъ долженъ быть вернуться въ Парижъ 8. Союзныхъ государей также ожидаютъ; увѣряютъ, что они не желаютъ вмѣшиваться въ дѣла правительства, предоставляютъ все на волю Людовика XVIII. Увидимъ, что онъ станетъ дѣлать! Отставка Таллейрана—не правда; отставка Блака подтверждается. Герцогиня Ангулемская снова въ Бордо. Принцы слѣдуютъ за королемъ. Не права ли я была, говоря, что имъ бы только

разъѣзжать въ придворныхъ каретахъ. Фуше объявилъ себя роялистомъ и сталъ во главѣ партіи. Муниципальная жандармерія и національная гвардія—единственные войска, остающіяся въ Парижѣ, подъ начальствомъ Удино. Все, что говорили о Макдональдѣ—неправда; одна изъ палатъ предлагала его въ генералиссимусы, но предложеніе было отвергнуто. Вотъ что я вамъ скажу въ заключеніе: изъ Гавра вышелъ американскій фрегатъ, за которымъ гнались два англійскихъ, но не могли настигнуть изъ за тумана. Что было на этомъ фрегатѣ? Не знаю. А какъ вы думаете?

Важнѣйшія опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>должно быть</i>
”	159	” 11 снизу	одинцовыя
”	—	” 3 снизу	одна
”	161	” 9 сверху	Шигъ-Амеву
”	166	” 12 снизу	позже. . . .
”	345	” 6 снизу	оставшіяся
”	347	” 20 сверху	Мариліса
”	349	” 10 сверху	Марилісомъ
”	—	” 19 снизу	Стемъковскій
”	350	” 19 сверху	къ себѣ
”	351	” 1 снизу	Марю Ильинишу
”	352	” 1 сверху	остроить
”	354	” 14 снизу	Анеисы
”	358	” 12 сверху	мы уже упоминали о немъ
”	358	” 7 снизу	осъченіе
”	—	” 4 снизу	впервые
”	364	” 13 снизу	Украиной
”	489	” 3 сверху	не проженное
”	490	” 9 снизу	малолѣтнею
”	497	” 17 сверху	Предестинація
”	695	” 4 снизу	1817 годъ
”	702	” 1 снизу	наслѣдница воспитательница

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВЪ“ 1913 ГОДА.

Абадіо I, 741. Абаза I, 95. Аббасъ шахъ I, 158. Абель корнетъ I, 261. Абентротъ ген. I, 336. Аврамовъ полковн. II, 274. Аврамовъ поруч. II, 275. Ададуровъ полковн. I, 264. Адашевъ II, 170. Адлербергъ гр. I, 345; II, 175, 176, 179, 180. Адлеркрайцъ ген.-II, 551. Айвазовскій И. К. I, 347. Аксамовъ И. С. I, 93—111, 102, 281—291, 400; II, 48. Акуловъ лейт. II, 277. Алчева А. И. II, 763, 764. Александра Павловна Великая Княжна I, 116, 120. Александра Петровна Великая Княгиня II, 183. Александра Федоровна Императрица I, 353, II, 445, 695—717. Александръ I, I, I, 226, 361, 733; 6, 118, 122—125, 129, 130, 135, 262, 265, 272—274, 298, 299, 303, 314, 316, 317, 323, 332, 334, 375, 376, 496—500, 508, 513, 716—718, 795; II, 707, 300, 303, 304, 308—311, 318—335, 428, 459, 481, 507—564, 809. Александръ II. I, 344, 348, 349; II, 358. Александръ III. I, 8, 47, 52, 90, 329, 336.	Александръ Александровичъ Цесаревичъ. I, 399. Алексѣевъ А. С. I, 11, 13, 18, 20. Алексѣевъ Г. И. гофмарш. I, 399. Алексѣевъ К. I, 250. Алексѣевъ проф. I, 15, 30—34. Алексѣй Александровичъ Великій Князь I, 96; II, 160, 351. Алексѣй Михайловичъ Царь I, 171, 194, 196, 201, 455, 457—460, 590, 623, 646, 660, 662; II, 158, 345—361, 370, 489, 490, 495, 498. Алексѣй Петровичъ Царевичъ I, 460, 356, 493—500. Алексинъ А. И. I, 190. Алексинъ I, 107. Али Ага II, 214. Алиасовъ Аитесь мурза I, 160, 161. Алмазовъ С. Е. II, 399. Алферовъ И. I, 253, 254. Альбрехтъ II, I, 630. Амбразанцевъ I, 493. Амвросій Архієп. Новгородскій II, 840. Анастасія Царица. I, 169, 176; II, 171, 173, 352. Ангальть принцъ II, 534. Ангелина инок. I, 735. Андерсъ II, 430. Андреевская г-жа I, 506. Андреевский К. II, 213. Андрѣевичъ подпоруч. II, 272. Андрѣевъ подпоруч. II, 278. Андронникова кн-ня II, 222. Андронниковъ—князь II, 209, 222. Аненковъ поруч. II, 276.

- д' Анинскій герц. I, 419.
 Аничковъ Н. М. I, 37.
 Анна Іоанновна Императрица. I, 6,
     568; II, 837.
 Анна Михайловна Царевна II, 165,
     345, 350, 352, 353, 354.
 Анна Феодоровна Великая Княгиня
     I, 305.
 Анненкова А. И. I, 510.
 Анненковъ И. И. подп. I, 558.
 Анненковъ I, 511.
 Антиповъ А. I, 252.
 Антонинъ архимандритъ 614, I, 587,
     605, 610.
 Анучинъ Д. Г. ген.-лейт. II, 21, 22.
 Анучинъ I, 39, 40.
 Апостолъ Д. полк. II, 488, 485.
 Апраксина М. М. II, 359, 496.
 Апраксина г-жа I, 208, 228, 418, 422,
     549, 551, 552, 845; II, 109, 281,
     290, 842.
 Апраксинъ И. А. графъ II, 305, 265,
     297.
 Апраксинъ С. Ф. ген. фельдм. II, 569,
     574, 576.
 Апраксинъ I, 324, 496; II, 741.
 Апраксины II, 851, 854, 862.
 Апрѣлевъ П. С. I, 314, 318.
 Аранчеевъ графъ. I, 718, 486, I, 258,
     259, 719; II, 7—16, 562, 294,
     296, 310, 311, 314, 317, 487, 510.
 Арапетовъ I, 493.
 Арбенева А. Н. II, 618.
 Арбузовъ В. II, 567.
 Арбузовъ лейт. II, 272.
 Аргамановъ ад. II, 320—322.
 Аргутинскій II, 185.
 Аристовъ Ф. Ф. I. 279—291, 378—
     410, 666—706; II, 143, 447, 448.
 Арсений Мит. Ростовскій II, 803, 836—
     841.
 Арсеньева А. Д. I, 707, 715.
 Арсеньева Е. I, 707.
 Арсеньева Д. И. I, 708, 710.
- Арсеньева I, 418, 422, 536, 537.
 Арсеньевъ А. В. I, 715.
 Арсеньевъ А. Д. I, 715.
 Арсеньевъ В. В. I, 707, 708, 719.
 Арсеньевъ В. Д. I, 715.
 Арсеньевъ В. Е. I, 707, 708, 710.
 Арсеньевъ В. С. I, 700.
 Арсеньевъ Д. В. I, 707, 708, 714.
 Арсеньевъ Е. Я. I, 710.
 Арсеньевъ Н. И. I, 716, 717.
 Артемьевъ II, 774.
 Артуа графъ I, 119, 123, 127, 138,
     146; II, 859.
 Архарова В. И. I, 776.
 Архаровъ Н. П. II, 783.
 Архаровъ ген. I, 268.
 Архаровъ I, 318, 319.
 Архиповъ И. П. I, 37, 776, 785.
 Астафьевъ А. Н. I, 715.
 Астафьевъ Н. А. I, 715.
 Астонъ графъ I, 649.
 Астрянинъ I, 82.
 Аткинсонъ подпоруч. II, 218.
 Афросимовъ I, 262.
 Ахамашуковъ-Черкасскій В. П. кн. I,
     638, 639.
 Ахлестышенъ II, 614.
 Ахтырка II, 260.
 Ашеръ А. В. I, 345, 346.
 Ашеръ Е. А. I, 345, 346.
 Ашеръ С. А. I, 346.
 Аeanасьевъ I, 364.

*

- Багаевъ кап. II, 268.
 Баговутъ ген. II, 189.
 Багратионъ II. И. кн. II, 114; II, 509,
     516 525, 526, 563, 564, 835,
 Багряцовъ I, 82.
 Баженовъ П. И. I, 315.
 Базиловичъ I, 385.
 Базинъ I, 309, 489; II. 220.
 Байковъ II, 115, 117, 118, 270, 280,
     287, 288, 411.

- Байронъ Г. I, 545.
 Бакунина г-жа I, 337.
 Бакунины I, 356.
 Балабинъ флиг-ад. I, 487.
 Балашева II, 850.
 Балашовъ II, 835.
 Балжихаевъ I, 115.
 Балкъ I, 231.
 Бантышъ-Каменскій I, 509.
 Банчуковскій I, 313.
 Бараповичъ Л. II, 390.
 Бараповскій Л. II, 375.
 Бараповъ А. А. I, 740, 749, 750, 740,
     741, 752, 753.
 Барасъ I, 269, 273.
 Баратынскій I, 323.
 Барвинскій А. I, 292.
 Барерь (Баррерь) I; 586, 588, 589,
     600, 604—608, 615, 616, 809, 810,
     812, 815, 816.
 Барклай-де-Толли мин. I, 113, 114,
     363, 367, 373; II, 528, 564.
 Барсовъ I, 100.
 Барсуковъ А. I, 147, 629, 657, 658,
     662—664.
 Бартеневъ II. И. I, 5—7; II, 832—
     835.
 Баршевъ О. П. I, 572.
 Баршевъ С. I, 572.
 Барщовъ г.-м. II, 581.
 Барышевскій подпоруч. I, 114.
 Барышевъ И. I, 246.
 Барятинскій А. В. кн. II, 446.
 Барятинскій А. И. кн. II, 413, 414,
     415, 416.
 Барятинскій И. кн. II, 145—155.
 Барятинскій кн. I, 372, 418; II, 113, 186,
     188, 193, 206, 208, 272, 430.
 Басаргинъ поруч. II, 275.
 Басовъ I, 750.
 Бассано герц. II, 125.
 Баташевъ Р. I, 477.
 Батенковъ подполк. II, 275.
 Баторій С. II, 227.
 Батуринъ I, 487.
 Батюшковъ II. Н. I, 185, 186.
 Баумгартъ О. А. I, 182.
 Бахметьевъ Г. М. 581.
 Бахметевъ подполков. I, 264.
 Бахметьевъ II, 859.
 Бахтаровъ-Ростовскій В. И. кн. I, 174.
 Бачмановъ ротм. I, 261.
 Башіевъ А. Ф. I, 322.
 Башинскій губ. сек. I. 486.
 Баянъ полк. II, 260.
 Баяшковъ И. Р. I, 581.
 Бебутовъ кн. II, 204—226, 406, 408—
     416, 186, 189—197, 201—203.
 Безбородко кн. I, 270, 272, 307, 316,
     464; II, 783—785, 810.
 Безбрязговъ М. I, 474.
 Безобразовъ прив.-доцен. I, 53, 55, 58.
 Безобразовъ корн. I, 261.
 Безсоновъ М. ѡ. I, 511.
 Безсоновъ П. А. I, 461.
 Безсоновы I, 511.
 Безухова гр. II; 835.
 Бейнингсөнъ (Беннигсенъ) бар. II, 311,
     320, 324, 327, I, 718.
 Беклешовъ ген. I, 297, 324.
 Бековичъ кн. А. I, 555, 556, 557,
     558, 560—562, 563, 564, 565, 566,
     568, 569.
 Бенигсенъ ген. 212, 370, 373, 496;
     II, 511, 514, 515, 516, 525, 526.
 Бенкендорфъ II, 122, 283.
 Беннетъ кап. I, 740.
 Бентонъ врачъ II, 339.
 Берви I, 736.
 Бергъ II, 181.
 Бердяевъ I, 51.
 Берингъ кап. I, 750.
 Беркгеймъ бар. I, 333, 339.
 Бернадоттъ I, 217, 363, 367, 368.
 де Берри герц. I, 429.
 Берстель подполк. II, 274.
 Бертранъ ген. I, 414; II, 294.
 Бестужевъ А. шт. кап. II, 272.

- Бестужевъ М. шт. кап. II, 272.
 Бестужевъ Н. II, 272.
 Бестужевъ П. мичм. II, 275.
 Бестужевъ I, 737.
 Бестужевъ-Рюминъ подпоруч. II, 271.
 Бестужевы-Рюмины I, 231.
 Бечасновъ II, 272.
 Беэръ М. В. II, 145.
 Біанки ген. II, 745.
 Бибиковъ И. И. II, 421, 614.
 Биконсфильдъ I, 104, 105.
 Билинская Э. Л. I, 313.
 Бильфингеръ II, 501.
 Бисмаркъ I, 104, 117.
 Блаватская В. Я. I, 498.
 Бланжіевскій полк. II, 267—269.
 Бланкеннахель маіоръ II, 584.
 де-Блакъ II, 869.
 Бломъ I, 214, 216.
 Блоръ архит. I, 331.
 Блохинъ А. И. II, 569—577.
 Блюммеръ Э. В. II, 408.
 Блюммеръ II, 860.
 Блюмъ II, 870.
 Блюхеръ I, 145, 209, 361, 363, 267,
     368—373; II, 289, 857, 863.
 Бобринская С. кн. I, 131, 134.
 Бобринскій гр. I, 131, 444, 453, 774.
 Бобрищевъ-Пушкинъ поруч. II, 275.
 Бобровъ А. А. проф. I, 10, 54, 55.
 Богдановичъ I, 81.
 Богдановъ А. II. I, 19.
 Богданъ Ф. гетм. II, 42.
 Боголѣпова Е. А. I, 11, 60.
 Боголѣпова М. I, 22.
 Боголѣповъ Н. II. проф. I, 8—86.
 Богунъ II, 236.
 Богушевичъ I, 97.
 Богушевский I, 94.
 Боде М. А. бар-са I, 330.
 Бодиско вице-адм. II, 563.
 Бодиско лейт. II, 276.
 Бодиско мичм. II, 277.
 Болдыринъ I, 153.
- Бологовской I, 263.
 Болтинъ II, 156.
 Болтовъ А. Т. I, 711; II, 759, 770.
 Бонопартъ I, 123, 138, 144, 146, 210,
     214, 218, 220, 224, 229, 272, 413—
     415, 489, 518, 523, 536, 542—544;
     II, 285, 288—294, 332, 514, 561,
     741, 742, 746, 857, 860, 861, 864,
     869.
 Бордо II, 858.
 Бордоло ген. I, 382.
 Боре I, 600.
 Борисиковичъ И. И., 135.
 Борисовъ С. I, 248.
 Борисовъ подпоруч. II, 271.
 Борисъ Годуновъ I, 151, 170, 171; II,
     343.
 Борисъ кн.-ня I, 145, 522, 548, 846,
     851, 854; II, 118, 119, 282, 742,
     748, 843, 848, 849, 851, 867,
     868.
 Борисъ княж. II, 115, 287.
 Борисъ кн. I, 413, 543; II, 287, 862.
 Боровокъ II. I, 254, 257.
 Боровскій II. II, 159.
 Бородинъ Н. I, 560.
 Борщовъ г.-м. I, 263. 264.
 Ворятинская М. В. кн. I, 337.
 Ботвињевъ II, 774.
 Боткинъ С. II. I, 344.
 Боткинъ врачъ II, 175.
 Бохинъ А. I, 246, 247, 248.
 Бравины I, 511.
 Бравскій II, 218.
 Бражниковъ И. Г. капит. I, 252.
 Бралевскій ген. II, 225.
 Браммеръ II, 203.
 Браневскій II. Н. II, 223.
 Браневскій II, 192, 213, 410, 429.
 Браницкая гр. I, 355.
 Браницкій гр. I, 227, 413, 526.
 Бревернъ Л. С. I, 314.
 Бревернъ I, 493.
 Бренинъ архит. I, 315.

- де Брианъ г-нъ I, 544.
Бригенъ II, 203, 276.
Бриммеръ ген. II, 189, 191, 213, 218, 220.
Бринкъ Ф., I, 266—276.
Бровчинскій К. II, 518.
Брольи герц. I, 513, 543.
дѣ-Брольи г-жа I, 855; II, 111.
Брольи гр. I, 129, 130.
дѣ-Брольи II, 854.
Броммеръ II, 198.
Броневскій ген.-губ. I, 267, 276.
Бронскій И. I, 265, 294, 326, 513, 761; II, 16.
Брылла I, 278.
Брюловъ I, 361, 362.
Брюсъ Я. В. гр. I, 231, 253, II, 655—658, 663, 664, 667.
Бугаевъ Н. В. I, 13.
Бугровъ И. I, 91, 92.
Будбергъ бар. I, 116—135.
Будбергъ ген. I, 121.
Будиловичъ А. С. проф. I, 399, 689.
Будиловичъ Е. А. I, 290.
Будовецъ В. I, 635.
Бузулуковъ-Нарчовъ мурза I, 161.
Буколтовъ I, 652.
Буксгевденъ гр. II, 532, 515, 516, 533, 550, 559.
Буксгевденъ поруч. I, 263.
Булатовъ ген. II, 542—544, 552, 562.
Булатовъ маіоръ II, 532, 535, 537—541.
Булгаковъ I, 418.
Булгари Н. гр. II, 276.
Булгаринъ II, 777.
Булыгинскій А. И. проф. I, 10.
Булыгинъ I, 487; II, 13.
Бунге минист. I, 182, II, 779, 780.
Бунинъ Л. I, 460.
Буржуа I, 127.
Бурлій II, 260,
Бусе Ф. I, 211.
Бутримъ полк. II, 260.
- Бутурлинъ гр. I, 211, 519.
Бутурлины I, 511.
Быковскій археп. I, 59.
Быстрицкій И. II, 387, 392.
Бычковъ I, 94, 97.
Бьерклундъ А. В. II, 84.
Бьерклундъ I, 781.
Бѣгичевъ С. Н. II, 47.
Бѣлозеровъ В. I, 374, 475.
Бѣлоусовъ I, 274.
Бѣлявскій ген. II, 188.
Бѣляевъ К. С. I, 106.
Бѣляевъ II, 275.
Бюловъ I, 363, 366.
- *
- Вадковскій полк. II, 320.
Вадковскій II, 273,
Вадъольская С. княж. II, 755.
Ваксель А. И. I, 509; II, 15, 16.
Ваксель А. С. I, 486, 493; II, 7—9.
Ваксель Е. С. I, 299, 508.
Ваксель Н. С. II, 8.
Ваксель С. С. I, 509, 511.
Валерга Цатріархъ Латинскій I, 592.
Валуа Генрихъ король II, 37.
Валуева I, 217.
Валуевъ гр. I, 172.
Вальмоденъ I, 363.
фонъ-Валь I, 57.
Вальполь гр. II, 281.
Вальполь лордъ I, 853, 855, II, 845, 858, 860, 862, 848, 865.
Варгинъ II, 442.
Варлаамъ архим. Чудовскій II, 841.
Василевскій I, 608.
Василій I, II, 168.
Василій III, II, 159, 161, 495.
Василій Іоанновичъ в. кн. 178.
Васильевъ Е. I, 244, 249.
Васильевъ К. I, 239, 242, 245, 249.
Васильевъ С. I, 246, 252.
Васильевъ Т. I, 623, 624.
Васильевъ бар. I, 322.

- Васильковский** подп. I, 319.
Васильчикова г-жа I, 533.
Васильчиковъ ген. I, 209, 262.
Васильчиковъ I, 434.
Васмундъ ген. II, 213.
Веберъ В. I, 89, 90.
Вединяпинъ подпоруч. II, 273.
фонъ деръ-Вейденъ полк. I, 569.
Велингтонъ I, 214; II, 289, 293, 741, 857, 861, 863.
Вельмонтъ I, 464.
Вельяминовъ И. А. полк. II, 318, 335.
Венгерской I, 261.
Венiamиновъ архиеп. I, 500.
Вердеревский полк. I, 560.
Верзилинъ I, 159.
Вернадский I, 43.
Вернеръ I, 124, 128.
Вигель I, 119, 120, 330, 466.
Винче-Лебренъ г-жа I, 464.
Визингъ А. А. I, 346.
фонъ-Визинъ Г.-М. II, 274.
фонъ-Визинъ I, 52.
Викторовъ I, 460.
Викторъ-Эммануэль II, 431, 438.
Виле лейб.-мед. II, 512.
Виллень С. I, 660.
Вильдерметъ II, 703.
Вильямсъ полк. II, 199, 201, 202, 217.
Виніусъ А. Д. I, 643.
Виноградовъ проф. I, 32, 35.
Виноградовъ I, 12, 16, 22, 23, 30, 45.
Винценгероде ген. II, 511.
Виржини II, 110, 111, 121, 844, 851, 853, 866, 867.
Витгенштейнъ I, 145, 209, 360—374.
Витть гр. I, 337, 338.
Вихляевъ И. А. I, 471.
Вишневецкий Д. кн. II, 27, 30, 32—34.
Вишневский лейт. II, 277.
Вишневский прап. I, 263.
- Владимировъ** проф. I, 19, 25, 28, 45, 46.
Владиславъ IV II, 253—254.
Власова А. Е. I, 238, 239.
Власова Е. 241.
Власовъ А. I, 239—242.
Власовъ С. I, 239.
Власовъ ад. II, 316, 320.
Власовъ II, 614.
Власьевъ I, 712.
Водковский полк. II, 318.
де-Водрейль I, 846.
Воейкова II, 707.
Воейковъ I, 93—98, 103—110, 185, 187, 190, 191, 196.
Войтовский В. М. I, 286.
Войтовичъ II, 236.
Войцеховичъ А. А. I, 299.
Войцеховичъ В. О. I, 299, 311, 313, 499.
Войцеховичъ II. А. I, 299.
Волкова г-жа I, 551.
Волковъ кап. II, 320.
Волковъ полковн. II, 567, 570, 576.
Волковъ II, 193.
Волконский кн. Н. С. II, 832.
Волконский Н. М. кн. II, 306, 415.
Волконский С. кн. II, 272.
Волконский кн. I, 112; II, 323, 329, 334, 527, 740, 741.
Волынская бояр. I, 456.
Волынский А. Н. I, 463, 560, 562.
Волынский М. I, 448.
Вольдемарь кн-ня II, 742.
Вольтеръ I, 431, 438; II, 335.
Вольфъ Н. Н. II, 193, 201, 274.
Вонлярлярский Н. М. 313.
Ворожбыть сотникъ. II, 260.
Воронинъ И. I, 560.
Воронковъ Г. И. II, 315.
Воронковъ кап. II, 325.
Вороновъ Е. II, 774.
Воронцовъ М. С. гр. I, 331, 335, 336, 355, 356.

- Воронцовъ гр. I, 126, 227, 316, 331; II, 481, 524.
 Воронцовъ кн. I, 340, 355; II, 195.
 Воронцовъ I, 94, 109, 110, 181; II, 186, 775.
 Воротынскій И. А. кн. I, 451.
 Воротынскій И. М. кн. I, 154.
 Воротынскій I, 230.
 Врабель М. А. I, 292.
 Врангель бар. II, 629, 633, 644, 646.
 Враницкій полк. II, 273.
 Вранкенъ А. II, 196, 416, 418, 422, 424, 427, 432, 434, 440, 446.
 Врашевскій ген. II, 218.
 Вреде бар. II, 524.
 Всеволожскій Н. С. II, 748.
 Всеволожская Е. II, 158.
 Всеволожскій В. А. I, 467.
 Всеволожскій М. В. I, 467.
 Вуичъ полк. II, 562, 563.
 Выгодовскій II, 274.
 Вырынаевскій А. свящ. II, 107.
 Высоцкій Н. Г. I, 769; II, 265, 578, 737.
 Вышеславцевъ ротм. I, 261.
 Вышеславцовъ полк. II, 554.
 Вышковъ А. II, 585.
 Вѣлинкинъ Н. М. I, 712.
 Вяземскій А. А. кн. II, 592.
 Вяземскій П. А. кн. I, 205, 206, 465.
 Вяземскій I, 94, 97, 191, 261; II, 736.
 Вязмитиновъ С. К. ген. II, 585, 595, 596.
 Вязмитиновъ ген. отъ инф. I, 265.
 Вязмитиновъ II, 740, 741.
- *
- Габріелли II, 289.
 Габуновъ есаулъ I, 115.
 Гавріль Мит. Новгородскій II, 807, 814.
 Гавrilovъ Н. I, 572.
 Гаганецъ I. I, 279. 405.
- Гагарина А. Н. I, 307; II, 305.
 Гагарина В., кн. I, 211.
 Гагарина В. О. княж. I, 465.
 Гагарина Е. II, 752.
 Гагарина кн. I, 436.
 Гагарина княж. II, 312, 213.
 Гагарина II, 858.
 Гагаринъ А. И. кн. II, 213.
 Гагаринъ кн. I, 419; II, 651.
 Гагаринъ I, 853.
 Гагемайстеръ Л. А. кап.—лейт. I, 736, 742, 748, 749.
 Гаденъ Д. док. II, 360.
 Гакельшмитъ I, 527, 528.
 Галактіоновъ II, 762.
 Галаховъ подп. I, 261.
 Галле I, 361.
 Гамбаровъ Ю. С. проф. I, 9, 11, 13, 41, 60.
 Гамильтонъ гр. I, 649.
 Гамовъ корн. I, 261.
 Гандыринъ И. I, 482, 483,
 Ганзенъ ген. II, 219.
 Ганка В. В. I, 379.
 Гапфельдъ кн-ня I, 376.
 Гарденбергъ мин. I, 717.
 Гарднеръ II, 203.
 Гарелинъ И. I, 483.
 Гарибальди II, 445.
 Гарнеръ II, 448.
 Гарновскій Х. А. I, 264.
 Гарунъ есаулъ II, 260.
 Гасъ корнетъ I, 261.
 Гедеонъ (Балабанъ) еп. Львовскій II, 230.
 Гейденъ гр. II, 779.
 Гейдеровскій полк. II, 260.
 Гейкингъ I, 486.
 Генрихъ IV, 10, I, 132, 444; II, 850, 859, 869.
 Георгіевскій I, 191.
 Георгій Александровичъ В. Кн. I, 57.
 Герберій М. протоіер, I, 289.
 Герберовы I, 276.

- Герберъ Д. I, 276, 278.
 Герке П, 641.
 Гермогенъ еп. Полоцкій I, 172, 173; II, 230, 231.
 Гернштенцвейгъ г-нъ II, 417, 420.
 Геровская А. А. I, 688.
 Геровскій Ю. М. I, 407, 688.
 Гессе I, 318.
 Гибонъ I, 322.
 Гильфердингъ А. I, 629.
 Гирей кн. I, 160.
 Глинка М. И. I, 174.
 Глинка кан. I, 311.
 Глинская Е. В. II, 159, 161, 170.
 Глотовъ I, 750.
 Глуховецъ Я. II, 386.
 Глѣбовскій II, 756.
 Глѣбовъ П. Н. I, 713.
 Глѣбовъ II, 278.
 Глядковъ Я. I, 157.
 Глянскій II, 260.
 Гнѣвшевъ Е. II, 570.
 Говоровъ Г. А. II, 457.
 Гогенцоллернъ К. пр. I, 349.
 Годунова И. Ф. II, 162.
 Годунова К. II, 165.
 Годуновъ Б. Ц. II, 173.
 Годуновъ Г. В. II, 692.
 Годуновъ Д. И. II, 164.
 Годуновы I, 174.
 Голенищивы-Кутузовы I, 511.
 Голиковъ I, 753.
 Голицына А. С. кн. I, 329, 333—339.
 Голицына В. кн. I, 120.
 Голицына В. В. кн. I, 756.
 Голицына Л. княж. I, 415, 538.
 Голицына Л. В. кн. I, 470.
 Голицына Т. I, 530.
 Голицына Т. В. кн. I, 468.
 Голицына кн. I, 552; II, 751.
 Голицына княж. I, 756; II, 843.
 Голицынъ А. В. кн. I, 178, 179; II, 391, 403.
 Голицынъ А. И. кн. I, 328, 329.
- Голицынъ Б. А. кн. II, 367, 372.
 Голицынъ В. кн. II, 266—269, 275.
 Голицынъ В. В. кн. I, 172; II, 354, 358, 359, 362, 364—372, 376—406.
 Голицынъ Д. М. кн. I, 623; II, 264.
 Голицынъ К. А. II, 599.
 Голицынъ Н. I, 844; II, 866.
 Голицынъ П. А. кн. I, 511.
 Голицынъ С. кн. I, 120.
 Голицынъ Ф. кн. I, 436, 514.
 Голицынъ I, 227, 246, 263, 413, 532, 538, 554, 555, 759, 847, 848; II, 113, 115, 265, 280, 373—375, 383, 648, 774.
 Голицыны I, 208, 218.
 Головачевъ Н. Т. лейт. II, 467, 478.
 Головачевъ I, 80.
 Головацкій И. Ф. I, 283.
 Головацкій Я. Ф. I, 279, 280, 292.
 Головина М. В. II, 493.
 Головина г-жа II; 113.
 Головинъ И. И. I, 712.
 Головинъ П. I, 160—162.
 Головинъ П. Н. воев. I, 158, 159, 166, 167.
 Головинъ О. И. лейт. I, 712.
 Головищевъ М. I, 248—250.
 Головкинъ I, 231.
 Гололобова А. Я. II, 54.
 Гололобова Л. II, 55, 56, 58.
 Гололобовъ А. В. II, 55.
 Гололобовъ В. В. II, 55.
 Гололобовы II, 54.
 Голохеастова О. I, 105.
 Головастовъ Н. Д. I, 93—110, 181—204.
 фонъ-Голстейнъ (Голштинская) пр-сса I, 270.
 Голтяева-Кошкина М. О. I, 452.
 Голубевъ II, 607.
 Голуховскій гр. I, 380.
 Гольдбахъ II, 501, 502.
 Гольцевъ В. А. I, 25.

- Гомичковъ Н. Ю. свящ. I, 399.
 Гонть архит. I, 331.
 Горайно I, 81.
 Горбатовъ пор. I, 261.
 Горбачевскій подпоруч. II, 271.
 Гордонъ гр. I, 649.
 Горихвостовъ Д. Ш. II, 335.
 Горленко Е. I, 313.
 Горленко М. И. I, 313.
 Горнеръ И. И. II, 467.
 Горсній А. В. I, 762—768.
 Горскій II, 277.
 Горчакова Е. С. княж. II, 833.
 Горчакова кн-ни I, 551.
 Горчаковъ А. кн. I, 260; II, 303.
 Горчаковъ кн. I, 369, 538, 544, 585,
     586; II, 216.
 Горячинъ I, 79.
 Грабарь О. А. I, 408.
 Грандиссонъ I, 545, 546.
 Грачовъ Е. I, 483.
 Грачовъ И. I, 482, 483.
 Грэвсъ г.-м. II, 731.
 Грейгъ А. С. I, 727.
 Грековичъ А. II, 249.
 Грековъ Н. II, 46—51.
 Грелль Л. I, 661.
 Гречишкa Г. I, 257.
 Гречъ II, 777.
 Грибоедовъ А. С. II, 47.
 Григоровичъ Д. В. I, 781.
 Григоровъ Н. С. II, 756, 757, 769.
 Григоровъ II, 758.
 Григорьева Е. I, 91, 92.
 Григорьевъ Н. сек. II, 591, 593, 595;
 Григоровъ Н. В. II, 340.
 Григорьевъ Я. I, 242.
 Григоровъ подпоруч. II, 539.
 Григорьевъ II, 303.
 Гrimmъ проф. I, 349.
 Грицько гетм., II, 251.
 Грозный И. В. Ц. I, 230.
 Громницкий поруч. II, 272.
 Гrottъ Н. Я. I, 10.
- Гrottъ проф. I, 18.
 Гrottъ I, 21, 23, 183.
 Грувель I, 216.
 Грузиновъ Е. О. I, 261.
 Грузинская кн. II, 750.
 Грузинскій кн. I, 518.
 Груши ген. II, 740.
 Губастовъ I, 610.
 Губинъ-Левковичъ II, 195.
 Гувюнъ-Сенъ-Сиръ I, 367.
 Гудовичъ I, 319.
 Гулакъ М. II, 262.
 Гулевичъ-Воютинскій С. II, 254.
 Гумбольтъ I, 747.
 Гуня Л. II, 257.
 Гуріель кн. II, 416.
 Гурко Г. В. ген. ад. I, 580, 581.
 Гурко Г.-М. II, 323.
 Гурьевъ г-жа I, 146, 218, 220, 279,
     281, 287, 419, 431, 436, 438, 514,
     519, 522, 524, 530, 544, 546, 846;
     II, 742—746, 749, 752, 753, 844,
     848, 854, 856, 860, 861, 865.
 Гурьевъ А. II, 121, 281.
 Гурьевъ I, 433, 438, 439, 530, 844;
     II, 122, 280, 283, 287, 288, 752,
     851, 856—858, 867, 868.
 Гурьевы I, 522, 524; II, 288, 866.
 Гусаковъ I, 60.
 Гуссъ I, 120, 139—142.
 Густавъ III, II, 307.
 Густавъ IV, 116, 120; II, 308, 548,
     560—565.
 Гутчинсонъ ген. II, 523.
 Гюго В. II, 47.
- *
- Даву II, 289, 869, 870.
 Давыдова г-жа I, 469.
 Давыдовъ В. Л. полк. II, 272.
 Давыдовъ Н. I, 459.
 Давыдовъ Н. Я. I, 469.
 Давыдовъ мичм. II, 479.
 Давыдовъ I, 261; 558; II, 117.

- Дампьеръ Г. гр. I, 634.
 Даневскій В. II. I, 11, 17.
 Даневскій проф. I, 25.
 Данилевскій I, 94, 97.
 Даниловъ К. I, 443.
 Даниловъ М. В. I, 464.
 Даниловъ I, 571.
 Дашикова Д. И. кн. I, 457.
 Дашиковичъ О. II, 26, 27, 30—32.
 Дашиковъ бояр. I, 457.
 Дебальменъ гр. II, 524.
 Деблянскій маюргъ I, 113.
 Деброссъ I, 526.
 Девлетъ-Гирей-ханъ I, 151.
 Дедешинъ А. I, 477.
 фонъ-Дезинъ II, 303.
 Деларомани ген. II, 525.
 Делаторъ Ю. II, 161.
 Делиль академ. I, 526; II, 502.
 Дельвигъ I, 205.
 Деляновъ гр. I, 40, 44, 50, 54, 181,
     187, 188, 191.
 Деменковъ II. С. II, 146—155.
 Демидова М. Н. I, 812.
 Демидова г-жа I, 543.
 Демидовъ Н. I, 253, 256.
 Демидовъ I, 257, 261, 263.
 Деминъ И. I, 91.
 Демушкинъ I, 564.
 Денисовъ II, 303.
 Депрерадовичъ Л. И. II, 335, 336.
 Депрерадовичъ ген. II, 315, 316, 318,
     320.
 фонъ-Дервицъ II, 303.
 Державинъ Г. II, 586.
 Державинъ И., 303.
 Деронъ пор. I, 263.
 Дерфельденъ ген.-отъ кав. I, 262.
 Дерь подп. I, 261.
 Десницкій М. М. II, 804.
 Дехтеревъ подполков. I, 268.
 Джрафъ-ага маюргъ II, 217.
 Діана гр-ня I, 144.
 Дивовъ А. I, 848.
- Дивовъ г-ня I, 417; II, 275.
 Діомидій капит. I, 115.
 Діонісій архим. I, 172.
 Діонісій (Збируйський) еп. Холмскій
     II, 230.
 Дмитріевичъ I, 107.
 Дмитріевъ А. I, 252, 254.
 Дмитріевъ И. I, 252, 254, 775.
 Дмитрій Самозванецъ I, 178.
 Дмитрій царев. I, 152, 155, 171; II,
     343, 355, 360, 489.
 Добровъ С. В. I, 41.
 Добровъ I, 58, 81, 82.
 Доброхотовъ I, 299.
 Добрянскіе I, 377.
 Добрянскій-Сачуровъ А. И. I, 290, 377—
     411, 665—706.
 Довнаръ-Запольскій М. В. проф. I, 449.
 Донторовъ II, 620.
 Долгоноговъ А. I, 482.
 Долгорукая Н. Б. кн. I, 46.
 Долгорукая кн. I, 211, 519, 530; II,
     752, 851, 858, 869, 870.
 Долгорукій Н. I, 533; II, 859, 869.
 Долгорукій Ю. А. кн. I, 646.
 Долгорукій кн. I, 318, 319; II, 853,
     866.
 Долгорукова М. II, 345.
 Долгорукова кн. I, 339; II, 848.
 Долгоруковъ А. Г. II, 503.
 Долгоруковъ А. С. кн. II, 486.
 Долгоруковъ И. кн. I, 758.
 Долгоруковъ Ю. В. кн. I, 466.
 Долгоруковъ кн. I, 260; II, 524.
 Долгоруковы II, 501—503.
 Домашевъ I, 736.
 Домогацкій В. Н. капит. I, 252, 254—
     257.
 Донауровъ М. И. I, 502.
 Дондуковъ-Корсаковъ I, 509.
 Дорнеръ I, 270.
 Дорогулинъ I, 809, 810.
 Дорошенко М. гетм. II, 251.
 Дорошенко П. гетм. II, 251.

Дохтуровъ ген. II, 527.
 Древинскій Л. II, 254.
 Древинскій II, 245.
 Дриневичъ I, 82.
 Друге г-нъ I, 415.
 Дубельтъ полк. I, 505.
 Дубенскій Д. Ф. I, 800.
 Дудыневичъ В. О. I, 706.
 Дунаевскій II, 260.
 Дундуковъ-Корсановъ кн. I, 400.
 Дунинъ ген. I, 297, 324.
 Дункеръ подполк. II, 535.
 Дурново полк. I, 246.
 Духновичъ А. В. I, 276—292.
 Духновичъ В. Д. I, 276.
 Духновичъ М. И. I, 276.
 Духовскій М. В. I, 11, 12.
 Духовскій I, 38, 39, 41.
 Дьяконовъ II, 834.
 Дѣдицкій Б. А. I, 283, 288.
 Дюбуръ г-нъ I, 420.
 Дюгуръ I, 266.
 Дюльбуръ г-нъ I, 419.
 Дюмурье II, 863.
 Дюпати А. II, 596, 597.
 Дюро-де-ла-Маль, I, 526.
 Дюшезнуа г-жа I, 423.

*

Евдокія Алексєєвна Царев. II, 489, 494, 495, 500.
 Евдокія Лук'яновна Ц-да I, 177, 662; II, 170, 171.
 Евдокія Федоровна Ц. II, 495, 497.
 Еверсь г-жа I, 211, 216, 221, 418.
 Егоровъ ротм. I, 261.
 Екатерина I, I, 460.
 Екатерина II, I, 6, 116, 119, 120, 149, 267, 297, 299, 307, 314, 316, 321, 348, 361, 461, 500, 562, 799; II, 305, 311, 318, 328, 329, 335, 371, 480, 487, 489, 495, 497, 500, 501, 503, 532, 534, 588, 591, 596, 597, 721—737, 802, 803, 814, 837.

II, 55

Екатерина В. Княж. I, 538.
 Екатерина Михайловна В. Кн. II, 425.
 Екатерина Павловна В. Кн, I, 511.
 Елагинъ Н. А. II, 145.
 Елена инок. II, 494.
 Елена Павловна В. Кн. I, 338, 339, 716; II, 177, 180.
 Елеонскій Н. А. I, 31.
 Елизавета Алексєєвна Им-ца I, 500; 776; II, 319, 332.
 Елизавета Петровна Им-ца I, 6, 237, 466; II, 486, 487, 531, 721, 838, 839.
 Елизавета Им-ца I, 368, 369, 516, 710; II, 282, 488, 497.
 Елизавета Михайловна В. Княж. II, 434.
 Елисєєвъ Е. Ч, 495.
 Емельяновъ I, 252.
 Ераклій еп. Волинскій II, 230.
 Ергольскій Г. Л. I, 243, 248—252.
 Ергольскій I, 244—248.
 Ермоловъ ген. I, 337.
 Ермоловы I, 511.
 Еропкинъ Н. Д. II, 781.
 Еропкинъ II, 331.
 Ефремъ еп. I, 450
 Ефремъ Казанскій мит. I, 175, 201.

*

Ждановъ С. I, 253.
 Ждановъ сек. II, 338.
 Желябовъ I, 200.
 Жераръ г-жа I, 329, 331, 543.
 Жеребцовъ Н. А. II, 433.
 Живаго С. И. I, 11.
 Жигимонтъ III, I, 178.
 Жизневскій кан. I, 263.
 Жицкій II. гетм. II, 246.
 Жокмаръ г-жа I, 337, 344.
 Жолкевскій гетм. II, 236, 238, 244.
 Жоме I, 268, 269.
 Жуковскій I, 206; 695—716.

«Русский Архивъ» 1913 г.

Заборовскій I, 664; II, 541.
 Забѣлинъ И. Е. I, 444; II, 157.
 Забѣлинъ I, 149, 450, 456, 460.
 Завадовскій II, 182.
 Завалишинъ лейт. II, 274.
 Загаринъ П. I, 235.
 Загнѣбіда хорунж. II, 260.
 Загорецкій поруч. II, 275.
 Загосчинъ I, 102, 106; II, 771.
 Загреба II, 260.
 Загурскій М. іером. II, 263—265.
 Заїна I, 94, 97.
 Заїкинъ подпоруч. II, 275.
 Заїковскій I, 576.
 Заклинскій А. свящ. II, 135.
 Закревскій мин. II, 768.
 Замойская Г. княж. II, 262.
 Запалый полк. II, 260.
 Заруцкій А. II, 375, 389, 390.
 Заруцкій И. I, 154—168.
 Заславскій А. кн. II, 248, 250.
 Засоевъ В. I, 478.
 Заточникъ Д. I, 445, 447.
 Захаровъ А. А. II, 458.
 Захаровъ маіоръ II, 553, 554.
 Захарьевъ-Юрьевъ II, 170.
 Захарьина-Кошкина У. Ф. II, 168.
 Захарьинъ Р. Ю. бояр. I, 169.
 Звегинцевъ I, 261.
 Звенигородскій Г. В. кн. II, 681.
 Звѣревъ Н..А. I, 11—25, 34—37, 43,
     49, 51—54.
 Звягина А. В. I, 780; II, 82.
 Звягинъ I, 781.
 Зиновьевъ М. II. I, 360.
 Зиновьевъ И. I, 246, 248.
 Зичій Ф. гр. I, 381.
 Злобина Н. II. II, 98.
 Злобинъ П. Л. II, 98.
 Злобины II, 99.
 Зміева II, 770.
 Зографъ I, 41.
 Золотухинъ кар. II, 553, 549, 555.
 Зонтагъ А. II. II, 618—620.

Зотовъ I, 259.
 Зотовы I, 258.
 Зубовъ В. гр. II, 311, 312, 320, 326.
 Зубовъ Н. гр. I, 270, 272, 317; II,
     311, 312, 320, 326.
 Зубовъ II. кн. I, 259, 260, 267, 268,
     270, 271, 318, 509; II, 309—312,
     320, 323, 326.
 Зубовы I, 271, 322—324.
 Зубрицкій Д. И. I, 404.
 Зуевъ А. I, 90.
 Зюдерманландскій герц. II. 307.
 Зюминъ Н. I, 660.

*

Ибнъ-Фодланъ I, 443.
 Ивановъ Г. I, 256.
 Ивановъ Е. I, 240.
 Ивановъ И. прив. доц. I, 55, 56.
 Ивановъ О. I, 254.
 Ивановъ Т. 252.
 Ивановъ шт.-канц. II, 553.
 Ивановъ I, 80, 594, 598; II, 273, 303.
 Ивашевъ II, 274.
 Ивашкевичъ С. Д. I, 717.
 Ивашкинъ Д. II, 315, 323.
 Игнатьева гр. I, 107.
 Игнатьевъ А. А. II, 755.
 Игнатьевъ Н. II. I, 582—622, 811,
     816.
 Игнатьевъ ген. I, 809; II, 614, 615.
 Игнатьевъ гр. I, 97—109, 181—191;
     II, 22—24.
 Игнатьевъ I, 93—97, 110, 193.
 Ижевскій А. свящ. II, 107.
 Измайлова II, 614.
 Изяславъ В. Кн. I, 444.
 Иконниковъ А. II, 173, 371, 503.
 Иконниковъ В. С. II, 500, 503.
 Ильинскій шт.-ротм. I, 261.
 Индреніусъ Б. Э. II, 409.
 Индреніусъ II, 184—189, 206, 208,
     218.

Иннонентій (Борковскій) еп. Черниговский и Остерскій II, 230. Иннонентій (Гуттало) еп. Подольскій II, 230. Ипатій (Подѣл) еп. Владиміро-Волынскій II, 230. Иреневъ ротм. I, 261. Ирина Михайловна Ц-да I, 457, 629, 643, 656, 658—660; II, 157, 164, 345—352, 490. Исаакій (Борисковичъ) еп. II, 250, 251. Исаевъ проф. I, 468. Исакова А. В. I, 781. Исаковичъ I, 378. Исаковъ В. В. II, 84. Исаковъ В. С. II, 81. Исаковъ II. В. II, 83. Исаковы II, 84, 88. Истоминъ I, 56, 57. Иштерекъ кн. I, 155, 165. * Іановъ архим. I, 596. Іоакимъ патр. II, 353, 364. Іоаннъ (Гоголь.) еп. Пинскій и Туровскій II, 250. Іоаннъ (Свіверскій) еп. Леокайскій II, 230. Іоаннъ Царъ. I, 150, 169; II, 33, 162, 165, 247, 352—367, 369, 374—405, 486, 490—498. Іовъ (Борецкій) мит. II, 250, 251. Іосафатъ (Кунцевичъ) еп. II, 249. Іосифъ, архіеп. Московскій II, 840. Іосифъ-Вельяминъ (Рутскій) мит. II, 249. Іосифъ мит. I, 678. * Кавелинъ К. II, 145. Кавуръ I, 117; II, 430, 431. Кадураль Ж. I, 123, 128, 132. Казановская В. I, 164.	Казариновъ капит. II, 303. Казнакова I, 313. Казначеевъ А. И. губ. I, 347. Казначеевъ губ. 330. Кайсаровъ проф. I, 6. Калакутскій I, 263. Каллерманъ Г. I, 659. Калмыковъ I, 425. де-Калонъ I, 118, 119. Калькрейтъ ген. II, 520, 857. Калькрейтъ гр. II, 514. Камаровская Е. Е. гр. I, 713. Камаровскій Е. Ф. I, 713, 714, 716. Камаровскій гр. I, 9. 13, 15—17. Камбасересь I, 541. Камбиль Г. Д. II, 168. Камбулатовъ К. мурза I, 167. Камбулатовъ Ш. мурза I, 167. Каменская II, 861. Каменскій Н. гр. II, 519, 520, 522, 523, 525, 554—558, 561—563. Камперле ад. I, 266. Камчадаль Н. II, 455. де-Канези г-жа I, 523. Канеровъ I, 25. Канклычева М. княж. I, 150. Канклычевъ Д. Т. кн. I, 150. Канклычевъ И. Б. кн. I, 150. Канклычевъ К. А. кн. I, 150. Канклычевъ К. К. мурза I, 150. Канклычевъ М. А. кн. I, 150. Канклычевъ О. кн. I, 150. Канклычевъ Т. А. кн. I, 150, 151. Канкринъ В. гр. II, 178. Канкринъ гр. II, 175. Канкринъ мин. II, 178; Канунниковъ А. I, 248. Канырева Т. О. II, 352. Каплеръ Г. I, 635. Капністъ П. А. гр. I, 11. Капністъ гр. I, 12, 15—17, 22, 27, 35, 37, 43, 50—57, 61. Каподистрія I, 851.

- Капустинъ I, 57.
 Капцевичъ П. М. I, 314.
 Капцевичъ I; 296, 318.
 Карабулатовъ кн. I, 160, 161.
 Караджичъ В. С. II, 138.
 Карадини прапор. II, 200.
 Караклинъ II, 215.
 Каракулинъ полк. I, 261, 462.
 Карамзинъ I, 205, 448; II, 168.
 Караполова А. I, 499.
 Караполовъ И. Е. I, 498.
 Караполинъ худож. I, 313.
 Карагоффъ ген. II, 200.
 Карль II I, 440.
 Карль VI, I, 6.
 Карль X I, 119.
 Карль XIII, II, 565.
 Карондѣевъ А. Ф. II, 380.
 Карповъ А. губ. II, 584.
 Карцова Е. С. I, 812.
 Карцовъ А. Н. I, 582—622, 809—816.
 Карцовъ С. Н. I, 812.
 Карцовъ контр-адм. I, 729.
 Кастельреа лордъ I, 141.
 Кастро I, 227.
 Каткова I, 105.
 Катиковъ М. Н. I, 182—189, 400.
 Катиковъ I, 101, 102, 105, 191, 200—203.
 Катыревъ-Ростовскій И. М. кн. I, 458.
 Каховскій поруч. II, 272.
 Каченовскій полковн. II, 486.
 Качковскій М. А. II, 132, 133.
 Кашнаревъ С. II, 587, 588.
 Кашкаровъ В. I, 359.
 Кашкаровъ В. М. I, 631—664, 753.
 Кашиковъ II, 208.
 Кащеевъ подполк. II, 643.
 Кёлеръ ген. I, 544.
 Келлеръ гр. I, 346, 362, 370—373.
 Кеппенъ П. И. I, 346, 347.
 Кеппенъ академ. I, 328, 346.
 Кеппенъ I, 347.
- Кибальчичъ I, 852.
 Кизимъ Я. II, 238.
 Кизимъ полк. II, 260.
 Кининъ I, 366.
 Кириллъ старецъ I, 201.
 Кириллъ (Терлецкій) еп. II, 230.
 Кириллъ патр. I, 589, 599, 601, 605, 610.
 Кирѣевская А. II. II, 618—620.
 Кирѣевскій В. II, 620.
 Кирѣевъ II, 272.
 Киселевскій И. Г. I, 321.
 Кисленскіе II, 764.
 Кишинскій ген. II, 189, 210.
 Классенъ Е. А. I, 352.
 Классенъ I, 350, 351.
 Клейнмихель II, 408.
 Клейнъ докт. I, 528.
 Клейстъ А. А. б-сса II, 174.
 Клейстъ Е. б-сса II, 226, 446.
 Клейстъ I, 212; 361, 362; II, 703.
 Клингпорнъ марш. II, 539.
 Клингспорнъ гр. II, 556, 558, 561, 562.
 Ключевскій В. О. I, 8, 9, 343, 344, 468.
 Ключевскій I, 13, 26, 52.
 Нобелевъ II. II. I, 248.
 Кобыла А. И. II, 168.
 Новалевскій г.-л. II, 206.
 Новальскій В. II, 135.
 Новальскій В. Д. I, 407.
 Кожевниковъ А. Я. проф. I, 9.
 Кожевниковъ I, 23, 612, 616; II, 277.
 Кожинъ А. поруч. I, 556, 557, 558, 560.
 Кожинъ II. поруч. II, 316.
 Кожинъ поруч. I, 558; II, 320.
 Козадавлевъ I, 497.
 Козельскій I, 230.
 Козловскій П. Т. полк. II, 524.
 Козловскій ген. II, 195.
 Козьминъ В. I, 239, 240, 242.
 Кокошкинъ Ф. Ф. I; 467, 775.

Колеминъ И. О. I, 795.	Корибутъ-Вешневецкій I. кн. II, 261.
Колеминъ П. П. I, 798.	Корниловичъ шт.-кап. II, 275.
Коленкуръ гр. I, 273, 414, 541, 544, 548; II, 742, 860, 862.	Корниловъ И. П. I, 399.
Колимина А. О. I, 778.	Корниловъ докт. I, 41.
Колларъ Я. I, 700.	Корнѣевъ З. Я. II, 811.
Колларъ II, 138.	Корнѣевъ губ. II, 531.
Коллинсъ I, 532.	Коротковъ И. I, 253.
Кологривовъ А. С. I, 495.	Корсакова М. И. II, 114.
Кологривовъ ген. II, 318.	Корсакова I, 420; II, 854.
Кологривовъ ген.-лейт. II, 330.	Корсаковъ А. И. I, 501, 509; II, 8, 11.
Кологривовъ г.-м. I, 260, 262.	Корсаковъ С. I, 23, 24.
Кологривовъ I, 261.	Корсаковъ ген. II, 508.
Колоноловъ Г. Е. I, 11.	Корсаковъ полк. II, 218.
Колокольниковъ II, 797.	Корсаковъ I, 509.
Колонольцевъ I, 464.	Корсаковы I, 511.
Колтовская А. II, 172.	Косинскій О. 228.
Колычевъ И. О. I, 178.	Косинскій II, 232, 235.
Комаровскій Е. Ф. гр. I, 712.	Косой В. Ю. Кн. I, 452,
Комаровскій кап. I, 263.	Костомаровъ И. И. I, 176.
Комбъ м-ль I, 845.	Костомаровъ I, 460.
Конашевичъ-Сагайдачный II. II, 240— 247, 251.	Кохановскій С. И. II, 263—265.
Кондаковъ Н. П. I; 446.	Коцебу А. II, 309, 315.
Конде принцъ II, 300.	Коцебу I, 370.
Конецпольскій гетм. II, 251, 253, 256.	Кочетова г-жа I, 846.
Кони А. О. I, 579.	Коченевъ В. I, 105.
Кони О. А. II, 46—51.	Коченевъ-Любимовъ I, 185.
Конисскій истор. II, 39.	Кочневъ I, 200.
Коноваловъ I, 43.	Кочубей В. гетм. II, 401.
Коновница́нъ II. II. ген. I, 501.	Кочубей гр. II, 581, 582.
Коновница́нъ гр. II, 277.	Кочубей I, 370.
Константи́недесъ I, 605.	Кочубинскій Л. I, 629.
Константи́н Константи́новичъ В. Кн. I, 52.	Кочубинскій I, 632, 633; 634.
Константи́н Николаевичъ В. Кн. I, 328, 353—355; II, 57, 425.	Кошелевъ Д. И. II, 449, 467, 469.
Константи́н Павловичъ В. Кн. I, 262, 309, 317, 500; II, 307, 351.	Кошелевъ г.-м. II, 459, 460, 479.
Константи́н В. Кн. I, 264, 432, 436, II, 326, 331.	Кошелевъ поруч. II, 470.
Корженевскій II, 138.	Кошенышниковъ Ф. И. II, 467.
Корзыкова II, 764.	Кошинскій шт.-кап. II, 634.
Кореневъ Д. I, 716.	Кошка О. Р. II, 168.
	Кошкинъ З. И. бояр. I, 452.
	Кошкины б-ре I, 169.
	Кралицкий А. И. 290, 291.
	Красильниковъ I, 740.
	Красниковъ II, 184.

- Краснокутскій М. Н. II, 433.
 Краснокутскій II, 273.
 Крейтонъ I, 850, 853.
 Кривцовъ подпоруч. II, 276.
 Кримъ бар. I, 269, 270.
 Криницкій М. свящ. I, 380;
 Кристинъ Ф. I, 116—146, 207—229,
     412—440 513—551, 844—856; II,
     103—122, 279—295, 738—753,
     842—871.
 Кровковъ М. О. I, 458.
 Кронштетъ гр. II, 535, 562.
 Кругловъ И. I, 474.
 Круzenштернъ И. Ф. адм. I, 752; II,
     467.
 Круzenштернъ I, 726.
 Кruzъ А. И. I, 729,
 Крупскій, маіоръ II, 455.
 Крыжановскій В. I, 876, 734, II, 25.
 Крыловъ О. II, I, 572.
 Крюденеръ б-са I, 328, 329, 332—
     334, 345, 420.
 Крюковъ кап. II, 510.
 Крюковъ поруч. II, 273, 274.
 Кудиновъ Н. С. I, 467.
 ла-Нудрэ II, 861.
 Кудрявцевъ I, 80.
 Кузнецовъ Н. пор. I, 265.
 Кузнецовъ II, 470.
 Кузьминъ I, 45, 72.
 Куколевскій О. М. II, 221.
 Куколевскій ген. II, 221.
 Куколевскій г.-м. II, 212.
 Кулачковскій Д. М. I, 407.
 Кулешевъ ген. лейт., I, 264.
 Кулешевъ I, 253.
 Куличкинъ I, 721.
 Кумыцкій кн. I, 160.
 Купріяновъ полков. I, 264.
 Куракина Л. I, 214, 853; II, 118, 119,
     845.
 Куракина кн. I, 143, 207, 219, 416,
     530.
- Куракинъ А. кн. I, 846.
 Куракинъ А. Б. кн. I, 272, 315, 321,
     486.
 Куракинъ Б. II, 858.
 Куракинъ I, 145, 214, 318, 853; II,
     330, 331.
 Куракины II, 118.
 Курочкинъ I, 55, 81.
 Кустодіевъ К. протоіерей I, 290.
 Кутайсовъ И. П. I, 322, 485, 486,
     II, 14.
 Кутайсовъ гр. I, 270, 271, 324.
 Кутайсовъ гр. I, 294, 316, 417, 484,
     486, 493; II, 303, 305, 313.
 Кутайсовы гр. I, 271.
 Кутлубицкая А. Н. I, 299.
 Кртлубицкая Ю. Н. I, 299.
 Кутлубицкій А. Н. I, 313.
 Кутлубицкій I. I, 295, 301, 322.
 Кутлубицкій I. Г. I, 311, 313.
 Кутлубицкій I. П. I, 314.
 Кутлубицкій Н. I, 313.
 Кутлубицкій Н. Н. I, 299, 312.
 Кутлубицкій Н. О. г.-ад. I, 258—265,
     294—326, 484—513, 754—761; II,
     7—16.
 Кутлубицкій Н. Н. I, 299, 498.
 Кутлубицкій ген.-лейт. II, 309, 310.
 Кутузовъ ген. II, 508, 509.
 Кутузовъ губ. I, 272, 273.
 Кутузовъ кап. I, 263, 264.
 Кутузовъ I, 225, 847; II, 329, 510,
     511, 515, 525, 528.
 Кутыркинъ И. II, 583.
 Куша I, 80.
 Кушелевъ-Безбородко гр. I, 334.
 Кушелевъ Г. II, 804.
 Кушелевъ ген.-лейт. I, 263.
 Кушка Д. гетм. II, 242.
 Кушъ I, 84.
 Кузно I, 527, II, 747, 849,
 Кюхельбенеръ лейт. II, 273, 277.

Лабзинъ А. Ф. II, 676. Лабоденскій А. Е. I, 243, 248—252. Лабоденскій I, 244—248. Лаваль г-жа I, 429. Лавровскій II, 138. Лагарпъ ген. I, 124, 125, 415—418, 425, 432. Лаговскій I, 814. Лагоріо кап. II, 189. Лазаревичъ подпоруч. I, 263. Лазаревъ К. I, 246. Лазаревъ М. Н. I, 736, 737, 740. Лазаревъ I, 738. Лалаевъ II, 211. Ламалинъ II, 455. Ламбертъ гр-ня II, 412. Ламбертъ ад. II, 178. Ламбертъ гр-ья. II, 192. Ламоттъ гр-ня I, 330. Лампорисвери II, 178. Ламуссели гр. I, 544. Ланддорфъ док. II, 470. Ланжеронъ I, 543. Ланская г-жа II, 119. Ланской, I, 262, 263. Лаппа подпоруч. II, 278. Лаптовъ г.-м. II, 521. Ларіоновъ Ф. сек.-маіоръ I, 257. Ларистонъ I, 374. Ларошнакеленъ I, 132. Латуръ-Мобуръ I, 374. Лафонъ I, 589. Лачиновъ II, 119. Лебедевъ I, 558. Левашева I, 129. Левдинъ II. Ф. I, 671. Левеширнъ лейт. II, 447. Левицкій В. I, 292. Легонинъ В. А. I, 13, 14. Легонинъ I, 15, 17, 19, 20. Лелонгъ А. К. II, 52—103, 778—808. Леманъ I, 125. Лентцъ II, 867, 868.	Леонтій (Пельчицкій) еп. Пинскій II, 230. Леонтьева Н. II, 598—605. Леонтьевъ А. II, 598—617. Леонтьевъ В. II, 610. Леонтьевъ И. II, 610. Леонтьевъ М. II, 297, 298, 301, 504, 598, 755—778. Леонтьевъ Н. II, 610, 613. Леонтьевъ Н. В. II, 319. Леонтьевъ П. М. II, 297. Леонтьевъ кап. II, 553, 555. Лермонтовъ Е. II, 375. Лермонтовъ I, 468. Лесли гр. I, 649. Лестокъ ген. II, 514, 517. Лефебръ марш. II, 525. Лефортъ II, 502. Лешковъ О. П. I, 572. Ливенъ Н. А. кн. I, 38. Ливенъ К. А. гр. II, 307. Ливенъ III. К. кн-ня II, 301. Ливенъ гр. I, 258, 259; II, 176. Лимпфенъ ген. II, 511. Лисаневичъ ротм. I, 261. Лисовскій I, 628; II, 274. Литвиновичъ С. I, 279. Лита гр-ня I, 422, 516, 533, 534; II, 113, 285, 289, 745, 746, 751, 858, 865. Лихачевъ Н. II. I, 443. Лихачевъ Т. Т. I, 646, 650, 654; II, 329. Лихтенштейнъ кн. I, 635. Лобановъ А. кн. I, 117. Лобановъ I, 607. Лобановъ-Ростовскій I, 96, 300, 302. Лобачевъ II, 539, 540, 543. Лобода полк. II, 232, 235, 237, 238. Ловчиковъ И. Б. II, 398. Лодыженскій II, 760. Лодэ бар. I, 345, 346. Ломоносовъ М. I, 293, 446, 461; II, 302.

- Лонгиновъ I, 324.
 Лонэ док. II, 739.
 Лопатинъ К. I, 41.
 Лопатинъ I, 23, 24, 38.
 Лопухина А. I, 302.
 Лопухина А. II. I, 485, 509.
 Лопухина Е. II, 366, 498, 499.
 Лопухинъ А. А. II, 582, 583.
 Лопухинъ И. В. II, 647—678, 781—828.
 Лопухинъ П. II. кн. I, 300—302, 307.
 Лолухинъ кн. I, 297, 302, 303, 305.
 Лопухинъ I, 254.
 Лопухины I, 230, 302, 485.
 Лореръ маюръ II, 273.
 Лористонъ I, 372; II, 205, 211, 215.
 Лорисъ-Меликовъ I, 183; II, 205, 212, 216.
 Лузановъ подполк. II, 218.
 Лукарисъ К. II, 241.
 Лукинъ М. подполк. II, 274.
 Лукичъ В. I, 292.
 Лунина I, 543.
 Луцевинъ Ф. I, 257.
 Лызловъ А. И. II, 402, 403.
 Лыковъ Н. А. I, 247.
 Львова А. В. кн. I, 469.
 Львова княж. I, 465.
 Львовъ А. кн. I, 640.
 Львовъ А. Л. I, 320.
 Львовъ С. свящ. II, 105, 107.
 Львовъ губ. I, 322.
 Лѣнивцевъ А. А. II, 814.
 Любимовъ Н. А. I, 37.
 Любимовъ I, 105, 200.
 Люблинскій II, 272.
 Любомирскій Ю. кн. II, 135, 137.
 Людовикъ IX, I, 443.
 Людовикъ XVI, I, 118, 119, 133, 415, 511, 849; II, 863.
 Людовикъ XVII, 440; II, 294.
 Людовикъ XVIII, I, 119, 133, 146, 220 226, 269, 270, 274, 413, 415, 416, 420, 429, 523, 541, 716; I 294, 300, 742, 855, 861, 863.
 Люсьенъ II, 745.
 Лянцкоронскій гетм. II, 27, 30.
 Ляпинъ Т. I, 91.
 Ляпуновъ II. воев. I, 154, 172, 628.
 *
- Мазепа И. гетм. II, 372—375, 385—406.
 Мазепа Ф. II, 238.
 Мазовецкій К. кн. I, 824.
 Майдель г.-м. II, 206.
 Майковъ Л. II, 357.
 Майновъ П. М. I, 296.
 Манарай патр. II, 490.
 Макаровъ виц.-адм. I, 727.
 Макаровъ кап.-лейт. I, 737.
 Макдональдъ марш. II, 865.
 Макнаръ аб. II, 284, 288.
 Макніавелли I, 771.
 Макнъ ген. II, 509.
 Маклаковъ А. Н. I, 23, 24.
 Максимовичъ С. И. I, 322.
 Максимовичъ I, 311.
 Маленький М. А. I, 292.
 Малинскій Д. II, 254.
 Малишъ ад. II, 135.
 Малышниковъ А. I, 91.
 Малютинъ П. Ф. I, 495.
 Малютинъ полк. I, 263, 264.
 Мамонтова г-жа I, 469.
 Мамонтовъ I, 58.
 Манахтинъ полк. II, 511.
 Мансурадзе II, 410.
 Мансуровъ Я. I, 236, 240; 242.
 Мансфельдъ гр. I, 634, 635.
 Мантейфель I, 373.
 Манштейнъ ад. II, 501, 502.
 Маргарита икон. II, 492, 493, 494, 495.
 Маргарита царев. II, 497.
 Мардфельдъ послан. I, 237.
 Mare I, 414.

Марилисъ П. II, 347. Марина М. II, 488. Маринъ поруч. II, 322. Марія Александровна Им. I, 344, 348, 350. Марія Алексеевна Царёв. II, 354, 489, 492—496. Марія-Антуанета Им. I, 119, 330. Марія Ильиниша Ц. II, 370, 490. Марія Николаевна В. Кн. II, 440. Марія Федоровна Им. I, 116, 130, 131, 272—274, 299, 317, 349, 396, 398, 500; 502, 757, 758, 776; II, 308. Мармонъ I, 372. Марселинъ I, 652, 655, 659, 660. Мартось И. П. худ. I, 175. Марказовъ II, 211. Маркевичъ Н. II, 26, 35, 40, 231, 249, 257, 261. Марковскій бар. II, 524, 527. Маркова Е. О. I, 803. Маркова I, 851. Марковичъ А. М. II, 485. Марковичъ I, 322. Марковъ гр. I, 120—122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 414. Марковъ гр. I, 417, 419, 424, 426, 428, 430, 433; 434, 437—440, II, 117, 279, 285, 286, 741, 742—744, 746, 867, 868. Марковъ I, 210, 228, 423, 852; II, 115, 121, 282, 284, 870. Мареа инокиня I, 171, 173, 174, 178, 456; II, 164, 351, 352—354, 489—491. Маслова Е. О. I, 782; II, 78. Маслова I, 808. Масловъ А. М. губ. II, 721, 730, 732, 733, 734. Матвеевъ бояр. I, 456. Матвеевъ II, 359, 360, 371. Мауреръ Г. Я. I, 334. Мауреръ Е. Я. I, 332—334.	Мауреръ I, 332, 333, 358. Мауссъ архитект. I, 611, 612, 622, 809. Мауссъ I, 815, 816. Маховъ С. С. I, 248. Машинъ лейт. II, 479. Медвѣдевъ С. II, 363, 364, 367. Медичи М. II, 850. Мезенцовъ I, 18. Мезецкій I, 230. ла-Мезонфоръ I, 544. ла-Мезонфоръ I, 541, 542, 544, 546; II, 865. Мейеръ I, 339. Мейльянъ II, 111. Мелендорфъ фельдм. II, 514. Мелессино II. И. I, 295, 315. Мелиссино ген. I, 259. Мелетій мит. I, 585. Мельгуновъ А. П. ген.-губ. II, 786. Мельгуновъ И. И. II, 64. Мельгуновы II, 57, 64, 80. Мельниковъ II, 108. фонъ-Менгденъ А. I, 659. Мензбиръ М. А. проф. I, 31. де-Ментенонъ г-жа I, 141. Меньшиковъ А. Д. кн. I, 461. Меньшиковъ кн. II, 531. Меньшиковъ поруч. II, 541. Меньшиковъ II, 500—502. Меньщиковъ II, 191. Меркуловъ I, 263. де-Местръ гр. I, 531, 532, 548; II, 118, 280. Метемъ Г. И. I, 719. Мещерская А. Б. кн. I, 339. Мещерская кн. II, 5. Мещовскій I, 230. Мигай подп. I, 319. Миклашевская А. П. I, 313. 321. Миклашевскій П. I, 314. Миллеръ В. I, 19. Миллеръ академ. I, 553, 555, 561, 564, 565,

- Миллеръ** ген. II, 511.
Миллеръ I, 45; II, 210.
Миловановъ И. подполков. I, 265.
Милоглядовы II, 56, 80.
Милорадовичъ кап. I, 262, 264.
Милославская Д. П. I, 456.
Милославская М. И. II, 161, 355.
Милославскіе I, 230; II, 360, 490.
Милославскій И. Б. I, 456.
Мильгаузенъ I, 572.
Милюковъ А. П. I, 776.
Милюковъ П. Н. I, 10, 12.
Милюковъ прив.-доц. I, 46, 53, 55.
Милюковъ I, 14, 43, 58, 59.
Милютина I, 105.
Минаевъ I, 45, 83.
Мининъ К. I, 175, 625—628.
Минихъ II, 501.
Минкина Н. II, 16.
Мирабо II, 775.
Мирбо I, 375.
Мировичъ II, 260.
Мироновъ II, 523.
Митропольскій I, 10, 21—23, 35—38,
41, 43.
Митрофанія игум. I, 511.
Митрофанъ іером. I, 653.
Мит'ковъ полк. II, 274.
Михаилъ архіеп. Черніговск. и Нѣжинскій I, 759; II, 804.
Михаиль (Копистенскій) еп. Пере-
мышльскій II, 230.
Михаиль (Рогоза) мит. II, 231.
Михаиль Павловичъ В. Кп. I, 498; 758,
II, 177—180.
Михаиль Федоровичъ Царь 147—149,
541, 546, 559, 560, 563, 566, 567,
569, 571, 573, 574, 594, 596, 598,
600, 606, 640, 642, 645—647, 654—
656, 658, 662, 663; II, 173, 251,
345, 346, 352, 483.
Михаиль Царь I, 175—177, 625—628.
Михайловъ А. I, 242.
Михайловъ II, 322, 323.
- Михельсонъ** ген. I, 297, 324.
Мишель кн-ня I, 211, 522, 523, 538;
II, 119, 749.
Мишель пр-са I, 220.
Мищенко полк. II, 187.
Мнишень М. I, 154, 155, 157—159,
161, 163, 164, 166.
Могилянскій II, 260.
де-Моденъ II, 853.
Модерахъ К. Ф. I, 501.
де-Модрейль I, 376.
Мозавскій ген. II, 314.
Мозгалевскій подпоруч. II, 273.
Мозганъ подпоруч. II, 273.
ла-Мозонфоръ I, 535.
Моклеръ корн. I, 261.
Молевъ I, 752.
Молчановъ ген. II, 614.
Молчановъ I, 263.
Мольверъ I, 223, 775, II, 859.
Монастырскій А. И. I, 571.
Монигетти архит. I, 348.
Монморъ гр. I, 261.
Монсь А. I, 230.
Мончаловскій О. А. II, 141, 143.
Моранъ ген. II, 860.
Мордвинова I, 511.
Мордвиновъ Д. М. кап. II, 315.
Мордвиновъ Н. С. гр. I, 337, 497,
749, 754, 755.
Мордвиновъ кап. II, 320, 323.
Моринъ поруч. II, 315.
Морицъ док. II, 771.
Моркова I, 535.
Морковъ гр. I, 514, 515, 519, 521,
522, 525, 527—529, 533, 536, 539—
541, 547.
Моркововъ полк. II, 195.
Моро Ф. I, 128.
Моро I, 217, 736.
Морозова З. Г. I, 469.
Морозовъ А. I, 240.
Морозовъ Б. II, 658.
Морошкинъ О. И. I, 572.

Морсочниковъ II, 756. Мортъе ген. II, 509. Мосальскій I, 230. Мошинскій серж. I, 321. Мстиславскій О. И., бояр. I, 173, 175. Муловской кап. I, 726. Муравьевъ-Амурскій гр. II, 430. Муравьевъ-Апостолъ М. подполк. II, 271. Муравьевъ А. полк. II, 272, 273, 276. Муравьевъ М. I, 757. Муравьевъ Н. кап. II, 271. Муравьевъ Н. Н. II, 205, 223, 406. Муравьевъ ген. I, 335. Муравьевъ полк. I, 260. Муравьевъ I, 191; II, 193, 199. Муратъ султ. I, 151. Муринъ Г. II, 143. Муромцевъ I, 426, 519, 523, 528. Мусинъ-Пушкинъ гр. I, 316; II, 264, 265, 277. Мутье марк. I, 809. Мутье I, 600—602, 604, 605, 607, 611, 614. Мухановъ полк. I, 261. Мухановъ шт.-кап. II, 274. Мюратъ I, 415; II, 289, 509, 745, 846. Мягкій I, 275. Мясново В. Д. II, 396. Мясоѣдовъ I, 191. Мятилева г-жа I, 543, 546—548. * Набоковъ I, 191. Наводчиковъ I, 750. Надеждинъ Н. II, 569. Назаровъ ген. II, 207. Назаимовъ шт. кап. II, 278. Накрачеевъ-Кораганъ Б. I, 158. Наливайко Д. II, 234, 247. Наливайко П. II, 234. Наливайко гетм. II, 240, 247. Наливайко II, 235—237.	Налышниковъ А. I, 92. Налѣвкинъ I, 82. Напетти г-жа II, 195. Наполеонъ I, 6, 117, 138, 141, 144, 209, 214, 217, 335, 361, 362, 364, 368—372, 404, 412, 415, 498, 544, 586, 599, 606, 607, 796; II, 102, 123, 125, 280, 290, 425, 428, 430, 431, 436—739, 445, 508—517, 526, 527, 560, 565, 610, 835, 846, 854, 857, 869. Нарышкина Л. И. I, 719. Нарышкина А. Н. I, 469. Нарышкина Л. II, 119. Нарышкина М. И. I, 321. Нарышкина Н. II, 158. Нарышкина I, 331. Нарышкинъ А. А. I, 717, 719. Нарышкинъ А. Л. I, 495; II, 308, 309. Нарышкинъ В. I, 425. Нарышкинъ В. С. ген.-маіоръ I, 719. Нарышкинъ Д. II, 862. Нарышкинъ И. В. I, 717. Нарышкинъ Л. II, 492, 865. Нарышкинъ Л. А. I, 315, 321. Нарышкинъ Н. А. I, 712. Нарышкинъ С. М. ген. II, 574. Нарышкинъ полк. II, 276. Нарышкинъ I, 484, 518, 718; II, 313, 314, 331, 707, 859. Нарышкины I, 230, 231; II, 359, 360, 366, 371, 490. Наталья Алекseyvna Царев. II, 493, 494, 496—503. Наталья Кириловна Ц. II, 351—360, 366, 371, 490. Наталья Петровна Царев. I, 460. Наумовичъ И. Г. свящ. I, 669, 670; II, 126—143. Наумовъ II, 9. Нахимовъ I, 737. Неверовская М. И. II, 178. Неверовскіе II, 174.

Неверовский А. А. II, 174—226, 406—446. Невзоровъ М. И. II, 797, 798. Недругайло полк. II, 260. Ней марш. II, 289, 525. Нейдгарть А. А. I, 110. Нейдгарть I, 182. Нейпергъ ген. I, 365. Неккеръ I, 118. Неклюдова М. Н. I, 465. Некрасовъ I, 12—22, 40, 50, 56, 59. Нелединский Ю. А. I, 486. Нелидова II, 193. Нелидовъ маюръ I, 318, 319. Нельсонъ лордъ I, 729, 733. Немоевский С. I, 179. Немчиновъ И. I, 463. Неплюевъ Л. Р. II, 380, 383, 384, 400, 401. Неплюевъ I, 323; II, 373. Несвицкая М. О. кн. II, 760. Нессельроде г-жа I, 146. Нессельроде I, 522; II, 856, 870. Нечаевъ I, 184, 200. Нечай есаулъ II, 37. Нивелерь I, 417. Никитинъ Е. I, 239, 242. Никитинъ II, 516. Николаевъ Р. лек. II, 385. Николаевъ I, 482; II, 303. Николай еп. I. 406. Николай Александровичъ Цесар. I, 462. Николай Михайловичъ В. Кн. I, 295. Николай Николаевичъ В. Кн. II, 440. Николай Павловичъ Им. I, 7, 59, 262, 267, 299, 275, 309, 324, 335, 336, 353, 495, 498; II, 57, 57, 102. Николь аб. I, 542. Никонъ патр. I, 459; II, 489, 490. Никулинъ М. II, 570—576. Ниродъ гр. II, 203, 212, 223. де-Ноаль г-нъ I, 544, 548, 853; II, 858, 865, 869. Новиковъ Н. Н. II, 663.	Новиковъ I, 96, 591, II, 786, 789, 798, 800, 802. Новицкий I, цолк. II, 394, 405. Новосильцева II, 742. Новосильцевъ I. воев. I, 151. Новосильцевъ В. Г. I, 736; II, 512. Норова А. В. I, 756. Норовъ А. С. I, 811, 812. Норовъ полк. II, 274. де-Нузевиль г-жа I, 139, 142, 144—146, 207, 210—219, 226, 227, 413, 418, 419, 422, 433, 438, 517, 524, 529, 535, 539, 541, 543—546, 846, 847—854; II, 110, 118, 279, 283—285, 288, 742, 743, 849, 866, 868. Нульесь II, 862. * Обергъ I, 137, 139, 216, 526; II, 739. Оболенская А. кн. I, 454. Оболенский Е. кн. II, 271. Оболенский Ф. Т. кн. I, 645. Оболенский I, 230. Оболонские I, 311. Обольяниновъ II. Х. I, 495. Обольяниновъ II, 303. Обресновы I, 511. Обуховъ подполк. II, 532, 562. Огарева II, 755. Огневъ проф. I, 36—41. Одинцовъ I, 728. Одоевская Е. О. кн. I, 147. Одоевский И. Н. кн. I, 163, 165, 166. Одоевский Н. И. кн. I, 147. Одоевский кн. I, 230; II, 273. Озерецковский проф. II, 335. Окуловичъ II, 260. Олешницкий М. I, 178. Олсуфьевъ I, 96, 182, 261, 264. Ольшевский ген. II, 213. Омаръ I, 608. Омерь-Пата II, 409. Орбельянъ Г. Д. II, 206. Орбельянъ кн. II, 185—189.

- Ордынъ-Нащокинъ II, 358.
 Оржицкій шт.-ротм. II, 277.
 Орнидосоновъ Г. I, 115.
 Орлицкій I, 80.
 Орлова А. гр. II, 6.
 Орловскій II. I, 81.
 Орловскій I, 84.
 Орловъ А. гр. I, 855.
 Орловъ А. Г. гр. II, 796, 797.
 Орловъ Ф. гр. II, 796.
 Орловъ маіоръ II, 224.
 Орловъ II, 179.
 Орловъ-Чесменскій гр. II, 331, 785.
 Осиповичъ К. II, 410.
 Осиповъ проф. I, 81, 85.
 Османъ II. султ. II, 244.
 Остреманъ г-жа, I, 214, 423, 533—
     536, 539.
 Остреманъ И. II, 585.
 Остреманъ гр, I, 138, 143, 146, 208,
     216, 225, 316, 363, 366, 367, 528,
     530, 532; II, 501, 502, 845.
 Остраницкій С. гетм. II, 257, 258,
     260.
 Островскій М. Н. мин. I, 182, 184,
     186, 187, 188.
 Островскій I, 98, 109—111, 181, 182,
     191.
 Остроглазовъ док. I, 769.
 Острожскіе кн. II, 248.
 Острожскій А. II, 248.
 Острожскій К. кн. II, 27, 37, 241.
 Острожскій А. К. кн. II, 247.
 Острожскій К. К. II, 234, 247, 248.
 Острожскій Я. II, 248.
 Остроумовъ А. А. I, 9, 10.
 Остроумовъ I, 12, 13, 36—39.
 Ость-Готландскій герц. II, 307.
 Ошандо-де-ла-Бандъ гр. I, 328, 329.
- *
- Павалишинъ А. I, 466.
 Павель Им. I, 6, 121, 258, 265, 269,
     270, 294—325, 474, 785, 487,
     493—500; 509—513, 723, 725,
     727, 729, 732, 734, 757, 759, 795,
     796, 799; II, 7, 14, 297—326, 764,
     797, 806, 818, 826, 832.
 Павленной поруч. II, 539.
 Павловичъ А. И. I, 291, 405.
 Павловъ А. Н. проф. I, 23.
 Павловъ А. С. I, 12, 31, 44.
 Павлюкъ гетм. II, 255, 256, 257.
 Пазухинъ подпоруч. II, 449.
 Пакье I, 375; II, 123.
 фонъ-деръ-Паленъ И. А. бар. I, 485;
     II, 307, 313, 320.
 Паленъ I, 261, 272, 294, 307, 485,
     486, 494, 495; II, 311, 321, 322,
     326, 327.
 Палеологъ С. II, 161, 166.
 Палицынъ А. келарь I, 172, 174.
 Палицынъ I, 322.
 Пальмина Н. И. II, 9, 12.
 Пальфи I, 227.
 Панаевъ II.. 49.
 Панафидинъ З. И. I, 736.
 Панина А. А. I, 465.
 Панина гр. II, 743.
 Панинъ Н. II, 590.
 Панинъ гр. II, 320, 324, 327, 860.
 Пановъ Е. М. I, 247.
 Пантовъ I, 576.
 Паншинъ В. I, 246.
 Панютина Л. И. I, 498.
 Панютина Н. И. I, 313.
 Пасбиргъ О. I, 660.
 Паскевичъ кн. I, 381; II, 441.
 Пассекъ г.-м. II, 532.
 Патрикѣевъ И. И. I, 642, 648.
 Пашковъ В. А. об.-гофм. I, 511.
 Донъ-Педро Им. I, 349.
 Пемкюевъ I, 115.
 Перебыйносъ К. полк. II, 44.
 Перевощиковъ Д. I, 572.
 Переяславскій Я. Ф. В. I, 446.
 Перхуровъ В. Ф. полк. II, 379.

- Пестель полк. II, 271.
 Пестовъ подпоруч. II, 272.
 Пестовы II, 762, 764.
 Петковичъ I, 603.
 Петровскій С. А. I, 18.
 Петровскій I, 81.
 Петровъ II. I, 256.
 Петровъ Я. I, 239, 241, 242.
Петръ I, 5, 6, 147, 153, 231, 278, 315, 318, 460, 461, 553—556, 568, 569, 768, 789; II, 264, 305, 317, 329, 350, 352—361, 366—371, 374, 379, 383, 387, 389, 391, 396, 398, 399, 402—405, 480, 485, 486, 490—500, 529, 559, 838, 855,
Петръ II, 171, I, II, 496; 500, 501, 503.
Петръ III, I, 321; II, 807,
 Пеутлинъ А. А. ген. II, 582, 585.
 Пеутлинъ поруч. II, 595.
 Пій II, I, 630.
 Пій VII, I, 128.
 Писаревъ ген. II, 614.
 Писаревъ II, 755.
 Питиримъ архим. II, 265.
 Пишегрю I, 123, 128, 132,
 Піэтри ин. II, 439.
 Платоновъ С. Ф. проф. I, 152, 625.
 Платоновъ I, 371.
 Платонъ, архим. II, 841.
 Платонъ мит. Московскій II. 333, 663, 667, 806, 807.
 Плеве I, 94, 97.
 Пленковичъ И. I, 442.
 Плехановъ поруч. II, 534.
 Плещеевъ С. И. II, 803—817.
 Плещеевъ ген. I, 318.
 Плещеевъ I, 486.
 Площанскій В. М. II, 143.
 Плѣхановъ маюр. I, 113.
 Плюшаръ I, 143, 226.
 Побѣдоносцевъ К. II. I, 399.
- Побѣдоносцевъ I, 98, 109—111, 181, 182, 184, 187, 188, 191.
 Повало-Швейковскій П. Ф. I, 736.
 Повало-Швейковскій полк. II, 272.
 Погодинъ М. II. II, 139.
 Погожевъ Д. С. I, 166, 167.
 Поджіо подполк. II, 272.
 Поджіо шт. кап. II, 274.
 Подобай есаулъ II, 260.
 Пожарскій Д. кн. I, 163, 625—627.
 Пожарскій Д. М. кн. I, 172, 175.
 Пожарскій кн. I, 165, 175.
 Полжицъ Г. I, 635.
 Полевой II, 777.
 Поливановъ И. П. I, 467.
 Поливановъ полк. II, 275.
 Полиньянкъ I, 119, 144, 542.
 Половцевъ I, 96.
 Полоцкій С. II, 354, 356, 357, 363, 371, 490.
 Полочаниновы I, 511.
 Полторацкій К. поруч. II, 315.
 Полторацкій поруч. II, 320; 323, 325.
 Полуботко Л. полк. II, 374, 386, 396, 397.
 Поль I, 844, 851, 856.
 Польнова Е. Д. I, 469.
 Полякъ А. I, 256.
 Понятовскій гр. I, 337, 372.
 Попко И. Д. I, 553, 562, 567.
 Поповичъ В. I, 278, 283, 290.
 Поповъ В. С. II, 796.
 Поповъ Н. А. I, 292.
 Поспѣловъ проф. I, 54.
 Постниковъ Ф. I, 664.
 Постыличъ есаулъ II, 260.
 Потаповъ I, 94.
 Потемкина Т. Б. гр. I, 340.
 Потемкина Т. II, 119.
 Потемкина II, 750.
 Потемкинъ кн. I, 509, 521.
 Потемкинъ I, 428, 530, 543, 545, 549, 550, 799; II, 118, 749, 862.
 Потоцкій II. I, 489.

- Потоцкій гетм. II, 256, 257, 258.
 Потоцкій гр. I, 337, 348, 349.
 Потоцкій II, 238.
 Потурай II, 260.
 Похвисневъ II, 101.
 Поццо-ди-Борго I, 438, 521, 523, 544.
 Поцѣлуевъ Н. I, 474.
 Прадель г-нъ I, 539, 540; II, 859.
 Пребышевскій ген. II, 511.
 Пржевальскій В. В. I, 22.
 Прибыловъ I, 750, 752.
 Прованскій гр. I, 119.
 Прозерневичъ корнетъ, 261.
 Прозрителевъ Г. Н. I, 112.
 Прозоровскій кн. II, 781—802.
 Прокудина М. А. I, 756.
 Протасова гр. I, 425, 534.
 Протасовъ I, 539.
 Протопоповъ I, 25; II, 614, 770.
 Прохоркинъ В. I, 92.
 Протестевъ С. М. I, 642, 648.
 Пугачевъ I, 224.
 де-Пуле I, 768.
 Путятинъ II, 12.
 Путятинъ А. А. кн. II, 589.
 Пушкина Е. I, 543, 548.
 Пушкина Н. А. II, 111, 112.
 Пушкина г-жа I, 551.
 Пушкинъ А. С. I, 205, 206.
 Пушкинъ II, 138, 441.
 Пущинъ кап. II, 276.
 Пыпина А. II, 490.
 Пяткинъ В. Г. г.-м. II, 367, 368.
 Пяткинъ ген. II, 269.
- *
- Радецкій II, 185, 198, 206.
 Раевскій Л. I, 644, 653.
 Раевскій г.-л. II, 547, 548, 550, 552—554, 556.
 Разумовскій А. гр. I, 851.
 Разумовскій А. К. гр. I, 476.
 Разумовскій К. Г. гр. I, 316; II, 786.
 Разумовскій гр. I, 128; II, 676.
- Разумовскій I, 845; II, 866.
 Райгъ Д. II, 382, 383.
 Раковскій И. И. I, 283, 286
 Раменскій А. И. I, 762.
 Рапатель I, 210, 217.
 Растиныкъ I, 210.
 Растопчинъ Ф. В. гр. II, 585.
 Растопчинъ I, 308, 318, 324.
 Растрелли гр. II, 487.
 Ратмановъ кап. I, 738.
 Ратцовъ М. I, 159.
 Ратчъ ген. I, 311, 317.
 Реадъ II, 188.
 Ребель I, 269.
 Ребиндеръ полк. II, 267, 268.
 Ревелюти ген. I, 348.
 Резановъ Н. П. камерг. II, 459, 460, 479, 481.
 Рейгъ полк. II, 373, 383.
 Рейнъ-Гартъ I, 268.
 Рейсъ кн. I, 270.
 Рейтергольмъ бар. I, 120.
 Рембовъ ген. II, 521, 522.
 Рентель I, 558.
 Ренье I, 372.
 Репнинъ Н. В. кн. II, 805, 808, 810.
 Реуттъ ген. II, 224.
 Рибопьеръ I, 846, 853; II, 110, 283, 748, 842, 846, 852, 858, 862, 866.
 Ридигеръ ген. I, 381.
 Ридигеръ гр. I, 381.
 Рихтеръ Ф. Ф. архит. I, 170, 174.
 Ришелье герц. I, 542—544.
 Ровинскій I, 93, 100, 107, 182, 183.
 Рошинскій Е. гетм. II, 27—31.
 Розенбергъ ген. I, 297.
 Розенбенгъ I, 324.
 Розенъ Д. Г. I, 511.
 Розенъ бар. II, 278, 750.
 Ролланъ II, 216.
 Романовичъ П. II, 388.
 Романовскій I, 576; II, 206; 213; 215, 219, 410—413.

- Романова А. II, 167, 168.
 Романова У. Ф. II, 160.
 Романовъ И. I, 91, 92.
 Романовъ М. Р. I, 99, 100.
 Романовъ М. Ф. бояр. I, 173, 175.
 Романовъ Н. бояр. I, 169, 176.
 Романовъ О. Н. бояр. I, 172.
 Романовъ лек. II, 374.
 Романовы Ц. I, 169—177; II, 156—
     173, 345—371, 489—503.
Ромодановскій О. Ю. II, 368, 492,
     493.
 Ронвюаръ I, 142.
 Рославцева А. Н. I, 314.
 Россіевъ Н. I, 777.
 Ростовцевъ Я. И. II, 429.
 Ростовцевъ II, 620.
 Ростовъ Н. II, 834.
 Ростовъ II, 268.
 Ростопчина г-жа I, 847, 849; II, 113.
 Ростопчинъ гр. I, 540, 544, 546; II,
     13, 15.
 Ротмановъ лейт. II, 478.
 Ротъ I, 368, 370.
 Ртищевъ г.-л. I, 112, 113.
 Ртищевъ II, 358.
 Ртищевы I, 230.
 де-Рубрукъ В. I, 443, 445.
 Рубрукъ I, 453.
 Рудневъ А. В. II, 67.
 Рудневы II, 54.
 Ружинскій I, 628.
Румянцевъ-Задунайскій Н. А. гр. I,
     296, 297, 301, 310, 313, 315, 316,
     319; II, 486, 487.
 Румянцевъ фельдм. I, 296, 297.
 Румянцевъ гр. I, 300, 313, 314, 323;
     II, 867.
 Румянцевъ I, 317, 320; II, 510.
 Руничъ Д. II, I, 316.
 Руничъ II, 115, 117.
 Рыжовъ I, 554.
 Рыльевъ подиоруч. II, 271.
 Рындичъ полк. II, 260.
- Рѣзановъ Д. И. I, 501.
 Рѣпинъ шт. кап. II, 273.
 Рѣпнинъ кн. I, 263, 264.
Рюрикъ Ростиславичъ В. Кн. I, 450.
- *
- Сабининъ Б. I, 174.
 Саблуковъ Н. А. I, 306, 307.
 Саблуковъ I, 309, 319.
 Сабо Л. С. I, 252.
 Сабовъ Е. I, 292.
 Сабурова С. II, 159.
 Савалтовичъ гетм. II, 261.
 Саварѣ I, 414, 541.
 Савеловъ Л. М. II, 680.
 Савельевъ II, 867.
 Савинъ М. I, 248.
 Савинъ воев. I, 251.
 Сазоновъ Т. I, 245, 249.
 Сакенъ ген. I, 218; II, 526.
 Саксенъ Кобургской пр. I, 263.
 Салтыкова Н. Ф. II, 496.
 Салтыкова К. II, 858.
 Салтыкова гр. I, 436.
 Салтыкова кн. II, 855, 869.
 Салтыковъ А. кн. II, 285.
 Салтыковъ А. Н. I, 715.
 Салтыковъ М. Ш. маіоръ I, 253.
 Салтыковъ Н. И. гр. I, 323, 324.
 Салтыковъ Н. И. кн. II, 308.
 Салтыковъ Н. С. I, 460; II, 264.
 Салтыковъ ген.-фельдм. I, 325.
 Салтыковъ гр. I, 297, 316; II, 331.
 Салтыковъ кн. I, 506.
 Салтыковъ I, 254.
 Салтыковы кн. I, 511, 548.
 Самановъ кн. I, 564, 566, 567.
 Самарина В. Ф. I, 470.
 Самаринъ Д. Ф. I, 99—103, 106, 182,
     190.
 Самойлова С. гр. I, 131.
 Самойловичъ гетм. II, 364, 365, 372,
     384, 485.

Самойловъ А. Н. гр. II, 308, 595, 596.	Сердюковъ В. И. 349.
Самойловъ М. И. 715.	Серебряковъ И. 87.
Самойловъ гр. 326, 341, 593.	Серра-Капріоли герц. ., 516.
Самоквасовъ Д. Я. I, 15.	Сибирскій А. В. кн. II, 554, 558.
де-Сангленъ Я. И. 302, 303, 305, 306, 307.	Сиверсъ К. Е. I, 322.
Сантга Л. кн. II, 135.	Сиверсъ гр. II, 513, 516.
Сантга I, 628.	Сигизмундъ I II, 27, 28, 32, 227.
Сарачевъ маіоръ II, 15.	Сигизмундъ II II, 34, 36, 37.
Сафоновъ II, 774.	Сигизмундъ III II, 227, 228, 235, 253, 254.
Свищуновъ I, 846, 853; II, 276, 745.	Синкель г.-м. II, 419.
Свѣнцицкій И. С. I, 290, 291.	Синорская А. Э. II, 84.
Свѣтчина г-жа I, 418—420, 427.	Сильвестръ (Яворскій) еп. Переяслав- скій II, 157, 170—172.
Свѣчина г-жа II, 110, 858.	Симеонъ (Шашинскій) протоіер. Нов- городскій II, 230.
Свѣчінь П, 222, 223, 224, 226.	Ситманъ полк. II, 315, 320.
Свѣчины I, 511.	Сицкій кн. I, 661.
Северинъ г.-м. I, 486.	Скавронскіе гр. I, 511.
де-Севинье г-жа I. 420; II, 851.	Скобелевъ полк. I, 93, 95, 98; II, 194.
Селеховъ Д. А. I, 713.	Скопинъ М. кн. I, 172.
Селиванова Л. II. I, 778.	Скопинъ-Шуйскій II, 165.
Селивановъ А. В. I, 467, II, 84.	Скоропадскій И. гетм. II, 485.
Селивановъ В. В. I, 782; II, 82, 96.	Скрыпицынъ В. В. II, 433.
Селивановъ В. П. I, 781; II, 80, 96.	Сюодери I, 143.
Селивановъ К. II, 568, 569, 576.	Слизовъ А. Г. кап.-лейт. II, 532.
Селивановъ Л. Ю. I, 789.	Слюнинъ I, 51.
Селивановъ Н. П. I, 778, 783; II, 58.	Смагинъ В. I, 165, 166.
Селивановъ Н. Н. II, 90.	Смагинъ II. бояр. I, 160.
Силивановы II, 80, 90, 96, 97, 100, 102.	Смирнова II, 752, 852, 853.
Селимъ султ. I, 151.	Смирновъ И. I, 243:
Селяниновъ кап.-пор. I, 263.	Смирновъ С. Т. I, 247.
Семеновъ А. I, 246.	Собакина М. II, 158, 172.
Сенъ-При гр-ня I, 527, 528, 534, 537, 539, 541, 852.	Собанская гр. I, 337, 338.
Сенъ-При гр, I, 533, 536, 544, 547, 852, II, 120, 742, 847.	Собезъ г-нъ I, 342.
Сенъ-При Э. I, 543.	Собанинъ I, 60.
Сепешгазій В. I, 277.	Соболевскій А. I, 627, 628.
Сербинъ кап. II, 553.	Соболевъ И. I, 256.
Сергій Александровичъ В. Кн. I, 9. 52, 56.	Созанскій И. I, 292.
Сергій схим. I, 735.	Соймоновъ Т. С. I, 564, 567, 570.
Сергѣевичъ I, 105.	Соймоновъ I, 553.
	Сокольскій II, 260.
	Соковнинъ II. А. I, 558.

- Соковнины** I, 230.
Соколовъ Е. II, 223.
Соколовъ II, 213, 222, 224, 226.
Солововъ И. С. I, 778.
Солововъ К. И. 778.
Соловьевъ С. М. I, 155, 172, 175, 177, 400.
Соловьевъ Н. И. II, 841.
Соловьевъ I, 82, II, 171, 349.
Соловцовы I, 511.
Соломорецкая И. II, 254.
Солонина К. полк. II, 395.
Солтыковъ А. кн. II, 109.
де-ла-Сомалія II, 289.
Сорохтины I, 511.
Соснинъ кап. II, 539, 541.
Софья Алексеевна Царев. I, 278, 457; II, 352—374, 383—391, 396, 402—405, 489—493, 497.
Софоновъ полк. I, 263.
Соханский I, 576.
Спафарьевъ I, 737.
Сперанский I, 274; II, 17, 20.
Спиридовъ маюоръ II, 271.
Спиридоновъ М. Г. II, 819.
Сталь г-жа I, 118, 125, 532, 536.
Станиславъ-Августъ Кор. II, 300.
Станкевичъ I, 299.
Стародубскій полк. II, 380.
Стемпковскій II, 349.
Степановъ И. I, 248.
Степановъ К. II. I, 457.
Степановъ С. I, 250.
Степнякъ I, 18.
Стерниковъ З. I, 90.
Стефанъ сп. Исковскій II, 840.
Столыпина М. В. I, 356.
Столыпинъ I, 468.
Столѣтовъ I, 37—41.
Стофэ I, 132.
Страховъ I, 100, 182.
Стремоуховъ П. Н. I, 600, 603, 604, 608, 612, 809, 813—835.
Стрижевскій А. .I. II, 183.
Стрижевскій Е. Л. II, 183.
Строганова гр. I, 213, 216, 219, 223, 225, 228, 418, 423, 428, 436, 541, 542; II, 109, 110, 121, 281.
Строгановъ А. С. гр. II, 308.
Строгановъ бар. I, 524, 530, 548; II, 865.
Строгановъ гр. I, 109, 175, 209, 213, 228; II, 331.
Строгановы гр. II, 121, 753.
Строилова А. И. II, 82.
Стромиловъ Н. С. II, 491, 494.
Струве Н. Б. I, 468.
де-Струве I, 270.
Стрѣшнева Е. .I. боярышня I, 640, II, 160, 345.
Стрѣшневъ В. И. I, 645.
Стрѣшневъ I, 659.
Студинскій I, 292.
Стуковъ I, 83.
Суворинъ I, 182, 183, 185.
Суворовъ I, 113, 260, 305; II, 302, 312, 326, 329, 510.
Суворовъ-Рымникскій II, 329.
Судерманскій герц. I, 120.
Сукинъ В. Б. I, 178.
Сульть I, 214.
Сульфъ II, 288.
Сумарокова А. В. I, 238.
Сумароковъ И. В. I, 238, 239, 241, 242.
Сумароковъ I, 240.
Сумбатовъ И. Г. 321.
Супыга есаулъ II, 260.
Сусанина А. I, 174.
Сусанинъ И. I, 174.
Сусловъ ген. II, 207.
Суплофъ поруч. II, 273.
Сутыга II, 236.
Сухтеленъ гр. I, 356.
Сучевскій полк. II, 260.
Сученковъ I, 616.
Сырейщикова Н. А. I, 790.
Сѣченовъ И. М. проф. I, 10.

Сѣченовъ I, 30, 32, 37.

Сю Е. I, 722.

Сю г-жа I, 207.

Сюрмэнъ Ш. I, 120.

*

Таганцевъ I, 11.

Талебъ I, 608.

Талейранъ I, 126, 226, 376, 412, 432,
440, 586; II, 869, 870.

Тальцинъ ген.-лейт. II, 320.

Талыренъ II, 221.

Тальма I, 423.

Тарасовъ И. Т. проф. I, 11.

Тарасовъ I, 22.

Тарбѣевъ В. Н. II, 383.

Тарновичъ еп. I, 278.

Тарсонъ кап.-лейт. II, 275.

Тарусскій I, 230.

Татищевъ I, 293, 454; II, 156, 614.

Татьяна Михайловна Царев. II, 345, 350,
352—354, 490—493.

Телейневъ В. Г. I, 178, 180.

Телѣбиковъ Л. Н. 253—257.

Темный В. В. кн. I, 454.

Темрюкова М. II, 172.

Телятевскіе кн. II, 679—692.

Тепловъ ген.-губ. I, 271.

Терлецкій В. I, 292.

Терлецкій В. док. 288.

Терновскій II. I, 572.

Терци г-да I, 538.

Тизенгаузенъ полк. II, 273.

Тильманъ I, 371.

Тимириязевъ I, 58.

Тимириязевъ I, 13, 36.

Тимофеевъ Е. I, 246, 248.

Тимофеевъ Ф. I, 245, 249, 252.

Тиньковъ И. кап. II. 567.

Тисъ К. I, 409.

Титовъ I, 208, 211, 212, 214—217,
223, 224, 228, 413, 425, 426, 518,
523, 551, 552, 855, 856; II, 294,
295.

Титушкинъ I, 340.

Тихомировъ А. I, 41.

Тихомировъ А. А. I, 30.

Тихонравовъ I, 28.

Тихонъ преосвящ. (Якубовскій) II,
727, 728, 735.

Тишковскій В. I, 322.

Ткачева О. С. I, 790.

Ткачевъ Г. А. I, 560, 562, 564, 567, 571.

Товтъ Н. еп. I, 405.

Толстая Е. I, 521.

Толстая М. А. гр. I, 854.

Толстая С. II, 753, 844, 862.

Толстая гр. I, 124, 138, 214, 215, 228,
369, 424, 425, 433, 438, 439, 528,
534, 536, 539, 540, 646, 547, 844,
850—852, 855; II, 111, 112, 121,
283, 744, 747—753, 848, 852, 857,
864.

Толстой А. I, 531.

Толстой И. И. I, 105.

Толстой Л. Н. гр. I, 698, 699, 701,
703; II 832—835.

Толстой П. гр. I, 719; II, 119.

Толстой П. А. I, 450.

Толстой гр. I, 107, 189, 190, 191, 208,
211, 212, 219, 228, 421, 425, 430,
433, 518, 521, 523, 527—529, 849,
852, 854; II, 121, 122, 278, 283,
295, 460, 843, 845, 859, 860, 864,
867.

Томавовъ И. I, 474.

Тоннеръ Ф. I, 348.

Тончи г-жа I, 543.

Торбеева Н. В. II. 340.

Тормасова г-жа I, 850.

Тормасовъ ген. I, 538, 544.

Торонскій I, 291.

Трасыло Т. полк. II, 251, 253.

Траханіотовъ Д. И. I, 663.

де-Трацъ г-жа I, 218, 221—223, 228.

Трегубовъ ген. II, 204, 207, 222.

Треповъ I, 190, 191.

Трескинъ губ. I, 274,

- Третьяковъ П. дьякъ I, 168.
 Троокуровъ И. Б. II, 368, 369.
 Трофимовъ К. I, 239, 242.
 Трошинскій Д. II. II, 805, 809.
 Трубецкая Д. А. кн. II, 301.
 Трубецкая I. I, 521, 530; II, 119.
 Трубецкая Н. Б. кн. I, 360.
 Трубецкая С. I, 530.
 Трубецкая кн. II, 750.
 Трубецкой Д. кн. I, 625, 626.
 Трубецкой Д. Т. кн. I, 175.
 Трубецкой Н. Н. кн. II, 786, 887, 791,
     794, 795, 796, 797, 799.
 Трубецкой кн. I, 22, 129, 428, 518;
     II, 271.
 Трубчаниновъ II, 336.
 Трусовъ В. I, 643.
 Тряпицынъ кап. II, 554.
 Туганъ-Барановскій проф. I, 468.
 Тумановъ I, 322.
 Тургеневъ А. I, 206.
 Тургеневъ И. II, 675, 786, 797, 799.
 Тургеневъ Н. II, 278.
 Тургеневъ С. I, 206.
 Туринъ II, 438.
 Туркестанова княж. I, 116—146, 207—
     228, 414—437, 514—552; 845—857;
     II, 109—122, 281—292, 738—
     753, 842—871.
 Туркестанова княж. I, 845—857; II,
     281—292.
 Турнъ И. гр. I, 633, 634.
 Турчаниновъ А. А. II, 575.
 Турчаниновъ полк. II, 551.
 ла-Туръ I, 218, 220.
 Тутолмина II, 287, 288, 742, 743.
 Тутолминъ Н. Н. I, 713.
 Тучковъ ген.-лейт. II, 535, 536, 538.
 Тучковъ I, 420; II, 262, 542, 547—549.
 Тучковы I, 511.
 Тѣнинъ О. И. I, 248.
 Тэнъ I, 105.
 Тютчевъ кап. II, 272.
 Тютчевъ II, 822.
- Убриль г-нъ I, 126; II, 512.
 Уварова П. П. С. гр. I, 476.
 Уваровъ С. II, 110.
 Уваровъ ген.-ад. II, 306, 320.
 Уваровъ ген.-лейт. II, 331.
 Уваровъ мин. II, 775.
 Уваровы гр. I, 476.
 Угримовъ I, 103.
 Ульрихъ I, 222.
 Умовъ Н. А. I, 14, 23, 24.
 Ундовольскій В. М. I, 279.
 Уньковскій С. Я. I, 735, 737, 741, 749.
 Устиновъ И. II, 519.
 Ушаковъ I, 664; II, 554—556.
- *
- де-Фаврасъ марк. I, 119.
 Фавръ г-нъ, I, 531.
 де-Фавръ марк. I, 138.
 Фаге II, 470, 471.
 Фадѣевъ I, 109.
 Файо II, 854.
 Фаленбергъ подполк. II, 273.
 Фарфаровскій С. I, 115, 180, 376, 774;
     II, 125, 720, 831.
 Фельдъ анъ I, 334.
 Фердинандъ II, I, 631, 633, 634.
 Фердинандъ III, I, 663.
 Фердинандъ XII, I, 429.
 Ферстеръ ген.-лейт. II, 337.
 де-ла-Фертъ марк. I, 541.
 де-Ферци маркизъ I, 226, 227.
 Фетисовъ II, 222.
 Филаретъ игум. I, 713.
 Филаретъ мит. Московскій I, 211, 765.
 Филаретъ патр. I, 177.
 Филаретъ старецъ I, 171.
 Филиберъ I, 182.
 Филимоновъ I, 214, 216.
 Филиппова З. П. II, 434.
 Философовъ И. I, 625—628.
 Флоровъ полк. II, 551.
 Фонъ подпоруч. II, 278.
 Форгачъ гр. I, 384.

Фотій архим. II, 5, 6. Фотій патріархъ II, 233. Фохтъ шт. кап. II, 276. Франкъ Е. Л. I, 339. Францъ Іосифъ I, 286, 287, 380, 382. Фредерици Г. К. II, 467, 469, 470, 471. Фридманъ ген. I, 368. Фридрихъ I, I, 636. Фридрихъ II, I, 635; 510, 514, 515. Фридрихъ III, I, 318, 630, II, 514. Фримонъ ген. II, 745. Фроловъ С. I, 243—248. Фроловъ подпоруч. II, 273. Фронхенбергъ К. маіоръ I, 557, 565, 566. Фурманъ кан. II, 273. Фурсманъ I, 576. Фуртовъ К. I, 463. * Хадзько О. И. II, 225. Халчинскій прист. I, 113. Ханенко А. I, 310. Ханенко А. И. I, 298, 302, 495, 499, 508. Ханенко В. А. I, 298. Ханенко I, 299, 305, 318, 484, 485; II, 14. Ханыковъ I, 726. Харкевичъ есауль II, 260. Хворостининъ И. Д. кн. I, 157, 159. Хвостовъ лейт. II, 479. Хвостовъ I, 60. Хитрово С. А. I, 715. Хитрово I, 230. Хлопова М. II, 158. Хлѣбниковъ К. Т. I, 749, 750. Хмельницкій Б. I; 817—843; II, 26—45, 227—262. Хмѣльницкій I, 311; II, 262. Хованская А. А. княж. I, 716. Хованская А. И. княж. I, 458. Хованская П. А. бояр. I, 457, 458.	Хованскіе кн. I, 458. Хованскій В. А. кн. I, 466. Хованскій И. А. кн. II, 361, 362. Хованскій П. И. кн. I, 458; II, 376. Ховень I, 486. Ходкевичъ А. II, 248. Ходкевичъ II, 246. Ходзько II, 413. Хортелу док. II, 417. Хотетовская И. Л. княж. I, 712. Хохловъ А. I, 236. Хохловъ В. I, 153, 162—166. Хохловъ И. I, 157. Хращатицкій поло. II, 207. Хребтовъ А. I, 553, 567. Христіанъ IV, I, 656, 660; II, 349. Хрущова Н. И. II, 756. Хрущовъ Н. Е. II, 614, 756. Хрущовъ II, 755, 757, 858, 762, 769. Юсъ г-жа I, 522; II, 118, 120, 279, 287. * Цвѣтаевъ Д. I, 629, 641, 657, 660, 662, 664. Цвѣтаевъ И. В. I, 19. Цвѣтковъ И. Е. I, 18, Цвѣтковъ I, 19. Цебриковъ II, 273. Циммерманъ II, 175, 181, 184, 185. Цурикова Е. Д. I, 712, 713. Цуриковъ Е. Л. 713, 714. Цуркановичъ И. Ю. I, 706. Цзыревъ I, 576. * Чавчавадзе кн-ня. II, 206. Чавчавадзе кн. II, 217. Чавчавадзе полк. II, 208. Чаплыгина А. Н. II, 100. Чаплыгинъ II, 101, 524. Чарнецкій II, 262. Чарторижскій кн. II, 119. Чичеринъ II, 320.

- Чебышевъ А. П. 236.
 Чебышевъ С. И., 234, 235, 236.
 Чебышевъ И., 236.
 Челокаевъ кн. I, 261.
 Чемезовъ I, 263.
 Черевинъ I, 188.
 Чериновъ П. М. проф. I, 9, 11.
 Чериновъ I, 11.
 Черкасовъ И. А. бар. I, 477.
 Черкасовъ бар. II, 276.
 Черкасская В. А. княж. I, 147.
 Черкасская И. Б. княж. I, 147, 149.
 Черкасская М. Н. II, 173.
 Черкасские I, 278.
 Черкасский А. А. кн. I, 715.
 Черкасский А. М. кн. I, 147, 461, 462,
     466.
 Черкасский И. Б. кн. I, 147, 175.
 Черкасский кн. I, 237.
 Черкудиновъ ротм. I, 261.
 Чернышевскій Г. И. свящ. II, 107.
 Чернышевскій I. II, 107.
 Чернышевскій Н. Г., II, 107.
 Чернышевъ А. И. гр. II, 268.
 Чернышевъ-Кругликовъ И. И. гр. I, 459.
 Чернышевъ З. Г. гр. II, 651, 652, 655.
 Чернышевъ I, 227, 316, 372, 726; II,
     278, 367, 368.
 Чернышевы I, 281.
 Чертковъ Н. I, 92.
 Чертковъ I, 188; II, 224.
 Чертовиковъ А. I, 474, 475.
 Чертыгинъ С. А. I, 248.
 Чесменскій гр. II, 331.
 Четвертинскіе кн. II, 254.
 Чигиринъ II, 236.
 Чижовъ лейт. II, 278.
 Чихачевъ директ. I, 607.
 Чичаговъ П. В. I, 727, 729, 730, 733.
 Чичаговъ контръ адм. I, 734.
 Чичаговъ I, 360.
 Чичеринъ В. I, 814, 815.
 Чичеринъ II, 311.
 Чичерина I, 230.
- Чулкова А. И. II; 81.
 Чулковъ В. И. II, 82, 85.
 Чулковъ I, 156; II, 13, 83, 86.
 Чумаковъ кор. I, 261.
 Чупровъ А. И. I, 10.
 Чупровъ проф. I, 31.
 Чупровъ I, 13, 41.
 Чурай есауль II, 260.
 Чуриловъ поруч. II, 555.
- *
- Шабанъ I, 227.
 Шадурскій Н. П. I, 843; II, 45, 262.
 Шакловитый щ. Л. II, 362.
 Шакловитый II, 354, 365—367, 498.
 Шаликова кн. II, 210.
 Шалиновъ В. Н. I, 98.
 Шамиль I, 770—774; II, 206, 221,
     626, 642, 644.
 Шамшевъ I, 263.
 Шараповъ I, 98, 107.
 Шаретто I, 132.
 Шарлота кронпр. I, 497, 500.
 Шарнгарные адм: I, 341.
 Шарнгорстъ ген. I, 361.
 Шарыгинъ кал. II, 639, 640.
 Шателино I. 132.
 Шатиловъ I. Н. I, 99.
 Шатиловъ I, 93.
 Шатобранъ I, 226.
 Шахировъ поруч. II, 274.
 Шаховская кн. I, 107; II, 858.
 Шаховской Л. I, 182, 188.
 Шаховской Ф. кн. II, 274.
 Шаховской кн. I, 105, 323.
 Шахъ есауль II, 43.
 Шашкевичъ Г. I, 279.
 Шевичъ ген. I, 373.
 Шевченко I, 292; II, 138.
 Шелгуновъ I, 84.
 Шелиховъ Г. И. I, 750—753.
 Шенбери щ. I, 379.
 Шепелевъ Д. А. ген. I, 238, 239,
     241, 242.

- Шепелевы I, 231.
 Шеппингъ бар. II, 857, 866.
 Шептуковъ Казы-Мурза I, 160, 161,
     167.
 Шереметева А. С. I, 464, 465.
 Шереметева В. А. гр. I, 461.
 Шереметева М. В. бояр. I, 658.
 Шереметева У. И. II, 489.
 Шереметева гр. I, 852; II, 852, 853.
 Шереметевъ А. В. I, 462, 465.
 Шереметевъ В. В. I, 461.
 Шереметевъ В. П. бояр. I, 149, 658.
 Шереметевъ Н. В. I, 479, 481.
 Шереметевъ Н. И. бояр. I, 663.
 Шереметевъ Н. И. гр. I, 463, 474.
 Шереметевъ П. Б. гр. I, 147, 148, 462,
     473, 479.
 Шереметевъ П. В. бояр. I, 663; II,
     380.
 Шереметевъ П. С. гр. I, 443—471,
     473—483.
 Шереметевъ С. гр. I, 149, 343, 344,
     465, 624.
 Шереметевъ Ф. И. I, бояр. 147,—149,
     174, 623, 624, 652, 658, 663; II,
     348.
 Шереметевъ I, 149, 473—475, 479,
     483; II, 308, 331, 379.
 Шереметевы бояр. I, 658.
 Шереметевы гр. I, 476.
 Шестунова (Шестова) Ф. И. I, 170.
 Шетнева Е. Н. I, 307.
 Шеффъ док. I, 739, 740.
 Шеховичъ С. Г. I, 283.
 Шеховцевъ ад. II, 559.
 Шидловскій в.-губ. I, 271.
 Шидловскій I, 261.
 Шильдеръ Н. К. I, 302, 485.
 Шильдеръ I, 316.
 Шимковъ подпоруч. II, 273.
 Шимонъ I, 444.
 Шишкова II, 13.
 Шишковскій С. И. II, 798.
 Шлезвигъ-Голштинскій В. гр. II, 346.
- Шликъ И. ген. I, 630, 631, 635.
 Шликъ I.—А. I, 632—636.
 Шликъ К. I, 630.
 Шликъ М. гр. I, 638, 639, 651, 657,
     664.
 Шликъ Ю. I, 632.
 Шликъ Я.—А. I, 633.
 Шликъ Матиасъ—Сигизмундъ гр. I,
     719—664.
 Шликъ ген. I, 380.
 Шликъ гр. I, 379.
 Шликъ гр-фы I, 632.
 Шлюттеръ бар-сса II, 175.
 Шляковскій Л. А. кн. I, 643, 653,
     655, 657, 661.
 Шляпкинъ И. А. II, 498, 499.
 Шнейдеръ В. П. I, 466.
 Шнейдеръ ген. II, 614, 615.
 Шольцъ шт.-кап. II, 627, 628.
 Штедингъ бар. II, 307.
 Штейнвернъ бар. II, 616.
 Штейнгель бар. I, 720, 734; II, 275.
 Штейгеръ I, 607.
 Штиглицъ бар. I, 470.
 Штофъ шт.-лек. II, 320.
 Штрандманъ Г. Г. ген. II, 593, 594.
 Шуазель г-жа II, 281.
 Шуазель гр. I, 356.
 Шуваловъ Б. I, 109.
 Шуваловъ И. И. I, 293; 798.
 Шуваловъ гр. I, 190, 318, 414, 416,
     544, 754; II, 564.
 Шуваловы I, 231.
 Шуйскій В. И. Царь I, 153, 154, 163,
     171, 172.
 Шуйскіе кн. II, 679.
 Шулеповъ II, 282.
 Шульманъ II, 516.
 Шумахеръ II, 502.
 Шутаревъ Х. I, 91, 92.
- *
- Щелкаловы II, 679.
 Щепинъ-Ростовскій кн. II, 272.

- Щербатовъ ген. II, 520.
 Щербатовъ кн. I, 505.
 Щербатовъ II, 156.
 Щербатовы I, 530.
 Щербачевъ Ю. Н. I, 629, 640, 641,
     655.
     *
- Эверсъ г-жа 137, 139, 514, 540, 850;
     II, 739.
- Эккартсгаузенъ г-нъ II, 675, 676.
- Эмме ген. II, 310, 314.
- д'Энтрегъ I, 124.
- Эпингерь I; 610—612, 614, 615, 622,
     809, 810, 814—816.
- Эрисманъ I, 12, 13, 16, 19, 23, 32.
- Эссенъ ген. II, 515, 516.
- Этенгеймъ I, 128.
- Эшлиманъ А. К. I, 358.
- Эшлиманъ Е. К. I, 350.
- Эшлиманъ К. И. I, 327, 328, 348,
     358.
- Эшлиманъ К. К. I, 227—359.
- Эшлиманъ М. К. I, 358.
- Эшлиманъ Э. К. I, 358.
- *
- Юдинъ П. I, 92, 168, 571; II, 108,
     269, 582.
- Юзевовичъ г-нъ I, 584.
- Юнгъ-Шиллингъ I, 351.
- Юрьева А. Р. Ц. I, 455.
- Юсупова кн. I, 416, 423, 429, 521,
     524, 530, 846, II, 110, 118, 746,
     751.
- Юсуповъ Н. Б. кн. I, 467.
- Юсуповъ кн. I, 435, 464, 530, 544;
     II, 308, 331.
- Юсуповы кн. I, 623.
- Юшвиль кн. II, 320, 324.
- Юшневскій ген. II, 272.
- Яблоновскій С. II, 386.
- Яблочковъ I, 358.
- Языковъ II, 48.
- Яковлевъ С. В. I, 250.
- Яковлевъ I, 321, 322, 571.
- Якубовичъ кап. II, 273.
- Якушкинъ кап. II; 274.
- Янгалычевъ С. мурза I, 150—168.
- Янжуль И. И. I, 18, 19, 26, 45, 46,
     72, 85.
- Янковичъ г.-м. I, 6; 548—552.
- Яновскій С. И. I, 735—737, 742, 749.
- Янтальцовъ полк. II, 274.
- Ярмолинская И. II, 254.
- Ясинскій I, 317.
- Яхимовичъ бар. I, 288.
- Яхимовичъ Г. мит. I, 380; II, 129.
- Яцемирскій I, 81.
- Ячменевъ М. II, 590.
- *
- Федоровъ И. I, 459; II, 447—482.
- Федотовъ Ф. I, 254.
- Феодоритъ Рязанскій архіеп. I, 174.
- Федоръ Алексѣевичъ Царь II, 353—
     263, 376, 496.
- Феодоръ Ивановичъ Царь I, 170, 176.
- Феодоръ Царь I, 150, 153, 170, 171,
     194, 196; II, 490.
- Феодосій архіеп. I, 156.
- Феодосій еп. II, 578.
- Феодосія Алексѣевна царев. II; 489,
     493—496.
- Феоктистовъ I, 191.
- Феоктистъ еп. Галицкій II, 230.
- Феофанъ (Прокоповичъ) еп. II, 163—
     265.
- Феофилактъ архим. Игнатьевскій II,
     841.
- Фоминъ И. I, 664.

Вышла изъ печати новая книга:

Владимір Андреевич Грингмутъ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, двумя факсимиле, ПОРТРЕТОМЪ-ГРАВЮРОЙ и видомъ памятника (въ двухъ краскахъ) на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна 1 руб., роскошное изданіе на мѣловой бумагѣ 2 рубля.

Складъ изданія: Москва, Зубовскій бульваръ, д. 29, кв. 15, у Е. И. Матасовой.

Здѣсь же можно получить **СОБРАНИЕ СТАТЕЙ В. А. ГРИНГМУТА** въ 4-хъ томахъ за 4 рубля.

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

ХVII-Й ГОДЪ
ИЗДАНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

ХVII-Й ГОДЪ
ИЗДАНИЯ.

ИЗВѢСТИЯ по ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛIOГРАФIИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОБХОДИМЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ.

КАЖДЫЙ НУМЕРЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБЪ:

1. Иллюстр. статьи по вопросамъ литературы, науки и библиографии.	8. Хроника литературного мѣра въ Россіи.
2. Литературныя воспоминанія и біографіи, съ портретами, автографами и пр.	9. Русскія книжныя новости.
3. Критические очерки о новыхъ книгахъ и новыхъ теченіяхъ въ литерат. въ Россіи и за границею.	10. Вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ.
4. Историко - литературныя изслѣдованія.	11. Россіка (свѣдѣнія о переводахъ по иностран. яз.)
5. Статьи по техникѣ чтенія.	12. Новости по библіот. дѣлу и библіогр.
6. Обзоръ текущей литературы русской и иностранной.	13. Отзывы и рецензіи о новыхъ книгахъ.
7. Иллюстраціи: снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библіотечные знаки, карикатуры и пр. и пр.	14. Справки, касающіяся книгъ.
	15. Ежемѣсячные каталоги новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣм., англ.
	16. Библіографическая извѣстія.

ПРИЛОЖЕНИЯ: Систематические каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и специальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 Р. Годовая подш. цѣна „Извѣстій по Литературѣ“
и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес.
Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка). **1 Р.**

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербурѣ урѣгѣ: 1) Гост. дѣ., 18 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындина (противъ университета).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала «З. Сл.» для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

БОЛЬШАЯ СТЪННАЯ КАРТИНА „ЦАРЕВИЧЪ УЧИТСЯ“, исполненная по оригиналу худ. И. Лебедева хромолитографіей въ краскахъ.

12 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работы, рукодѣлій и т. п. для вырезыванія и склеиванія, въ видѣ раскрашенныхъ и черныхъ листовъ, а именно:

КЛОУНЪ БИЛЬБОКЕ. КАРУСЕЛЬ. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. ПОЛКА ДЛЯ ЦВѢТОВЪ. КУКОЛКИНЪ ЗОНТИКЪ. ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ. ВЕРТИЩІЙСЯ ПАЯЦЪ. ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА. МАЛЕНЬКИЙ КОЛОДЕЦЪ. БУМАЖНАЯ КРЪПОСТЬ. ВСЯ КУХНЯ. НАША ДЕРЕВНЯ.

6 ТАБЛИЦЪ „ТЕАТРЪ. ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“, въ краскахъ, съ текстомъ В. Мазуркевича.

6 ВЫП. „БОЛЬШОЙ КОРОЛЬ“. Но-вѣсть-сказка Л. А. Чарской, съ иллюстр. И. Гурьева.

4 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ СЧЕТЧИКЪ“, съ многими рис., составили Н. Анненский и И. Гурвичъ.

8 ВЫП. „НОВЫЙ МУРЗИЛКА“. Приключения лѣсн. человѣчка (Новая серія), съ рис. П. Конса.

6 ВЫП. „МОЙ КИНЕМАТОГРАФЪ“, 100 картинъ. видовъ, сценъ и пр., съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ.

4 КАРТИНКИ ДЛЯ РАСКРАШИ-ВАНІЯ, для маленькихъ дѣтей съ образцами.

12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ“. Составилъ С. Ф. Литвинцевъ, съ мног. рис.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ СКАЗОКЪ, пьеска съ декораціями, фигурами и пр. для вырезыванія и склеиванія.

6 ТЕТРАДЕЙ „ЗАЙМИСЬ, ДРУ-ЖОКЪ“. Занятія для дѣтей младшаго возраста.

6 КНИЖЕКЪ „ВЕСЕЛЫЙ МІРОКЪ“. Рисунки Бенжамена Рабье, текстъ В. Мазуркевича.

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ, для выклады-вания и вышиванія.

ШКОЛА НАЧИНАЮЩАГО РИСО-ВАЛЬЩИКА.

ПОДВИВИЖНОЙ КАЛЕНДА-РИКЪ СЪ БУМ. ЛЕНТАМИ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будуть высылаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ» и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПІТАНІЕ».

Подписная цѣна каждого изданія «Задушевного Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,— за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНОГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гостиная, Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

12 ТАБЛИЦЪ „ГРИБНОЕ ЦАРСТВО“ хромолитogr. альбомъ, съ объяснительнымъ текстомъ.

12 ВЫП. „ПИСЕМСКІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“. Собрание избр. соч. знам. писат. подъ ред. Н. Лернера, съ илл. (Новая серія).

2 ВЫП. „АЛЬБОМЪ СОБИРАТЕЛЯ РѢДКИХЪ МАРОКЪ“, съ объяснительнымъ текстомъ.

8 ВЫП. „ВЕЛИКІЕ МІРА“ Галерея историческихъ лицъ, въ повѣствовательныхъ очеркахъ М. А. Лятского. Съ портретами, снимками съ картинъ и пр. (Новая серія).

12 ТАБЛИЦЪ въ краскахъ „ЧТО НАДО ЗНАТЬ КАЖДОМУ“. Первая помощь въ нечастныхъ случаяхъ, съ текстомъ проф. Бернarda Мейора.

6 ВЫП. „КНИГА НОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“, Л. А. Чарской, съ иллюстр.

12 №№ „ЗАДУШЕВОЕ ЭХО“. Листокъ кружка корреспондентовъ и корреспондентокъ „Задуш. Слова“.

4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКІ СПОРТА“, игры для юношества, а именно: ФУТБОЛЬ. КАТАНЬЕ НА КОНЬКАХЪ. СКАУТИНГЪ. ДОМИНО.

8 ВЫП. „ИСТОРІЯ КНИГИ ВЪ РОССІї“, со врем. Петра Великаго, сост. С. Ф. Либровичъ, съ мног. илл.

10 ВЫП. „ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ“. Біограф. очерки и разсказы Виктора Русакова, съ портр.

3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ ЛЕГКІХЪ РУКОДѢЛІЙ“, съ объяснительнымъ текстомъ.

10 НОВЫХЪ ИГРЪ И РАБОТЪ, для вырезыванія, скленівания и пр. для мальчиковъ и дѣвочечекъ старш. возр.

4 КНИЖКИ „БІБЛІОТЕКІ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“, для юношества, съ илл., а именно: КІНЕМАТОГРАФЪ. ТЕРРАРІУМЪ. ЖЕЛЪЗНІЯ ДОРОГИ. ГЕРБАРІУМЪ.

10 ВЫП. „ТРЕТЬЯ КНИГА ЧУДЕСЪ“. Наталия Готорна съ илл. Гранвиля и др. худ.

СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1914-15 уч. годъ въ изящн. коленк. перепл. и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться „ДѢТСКІЯ МОДЫ“ и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПІТАНІЕ.“

Подписная цѣна каждого изданія „Задушевного слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы **ЗАДУШЕВНОГО СЛОВА**, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГъ:

1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧНА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ (7-ОЙ) ГОДЪ ИЗДАНИЯ

сентябрь 1913—сентябрь 1914 г.

ЕЖЕМЬСЯЧНОГО ЖУРНАЛА

,СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ“.

(Органъ реформы школьного и семейного воспитанія и образованія.)

Подъ редакціей И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

„Свободное Воспитание“ имѣть своею цѣлью разработку вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ труде, какъ не-обходимой основе жизни.

Въ свяли съ основной задачей журнала стоять слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условий воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплоатации.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственного, нравственного, физического, школьнаго и семѣнаго воспитанія, образованія и самообразованія.—2) Статьи о семѣнной, школьнай и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія.—3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни.—4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплоатации.—5) Статьи о свободнообразовательныхъ начинаніяхъ.—6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому и т. д.).—7) Очерки и статьи по природовѣданію, устройству экскурсій и т. д.—8) Очерки по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества. 9) «Изъ книги и жизни». Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія.—10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія.—11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей.—12) Библиографія.—Многія статьи иллюстрируются рис., изображающими передовыя школы, дѣтскія работы и т. д. и т. д.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. А. Беневскій, Ю. Н. Ванерь, д-ръ А. С. Буткевичъ, К. Н. Венцигель, Ю. А. Веселовскій, Е. Е. Горбунова И. И. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, Н. Н. Гусевъ, А. Г. Дуге, д-ръ А. Дернова-Ярмоленко, С. Н. Дурылинъ, А. І. Зеленко, А. С. Зоновъ, д-ръ Н. А. Кабановъ, О. В. Кайданова, Н. С. Киричко, А. Китаевъ, М. М. Клечковскій, А. Н. Коншинъ, Н. Крупская, М. и С. Левитины, Н. Н. Накашидзе, Н. Оеттили, А. Ш. Печковскій, О. В. Полетаева, Е. И. Чоповъ, А. Б. Петрищевъ, В. В. Петровъ, д-ръ В. В. Рахмановъ, Н. А. Рубакинъ, профес. И. Е. Рильинъ, И. М. Соловьевъ, Е. К. Соломинъ, Т. Л. Суготина, Е. Я. Фортунатова, А-ръ А. Фортунатовъ, К. А. Фортунатовъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Т. Шацкій, Я. К. Шлегель, д-ръ А. Шкаранъ и мн. др.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ съ 1-го СЕНТЯБРЯ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб., на полгода 1 р. 50 к. Для сельскихъ училей съ доставкой и пересылкой на годъ — 2 руб.. на полгода 1 руб. Подписка принимается—въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи «Свободного воспитанія» (Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. 8).

Предыдущіе годы можно выписывать за 3 руб. каждый годъ, съ пересылкой. Отдѣльные №№ 25 коп. безъ пересылки.

Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Московская Синодальная типографія. 1913.

исторії Крима, помъщенныхъ въ № 50 „Ізвѣстій“, чрезвычайно любопытны замѣтки проф. Н. И. Веселовского о „Благословительной халифской грамотѣ 1779 года“, переводъ коей былъ помъщенъ въ № 49 „Ізвѣстій“; въ замѣткѣ сей проф. Веселовскій поясняетъ кажущуюся странность султанской Инвеституры, явившейся слѣдствіемъ болѣзненнаго опасенія Россіи задѣть религіозное чувство инородцевъ; такимъ образомъ устраниется недоумѣніе, могущее быть у изслѣдователей исторіи Крима по вопросу о Калифатѣ султана, вѣтшие дѣйствительно несоставленіемъ условіямъ Кучукъ—Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Примѣчательны документы сообщенные Л. М. Савеловымъ о наградахъ князю В. В. Голицыну и его сподвижникамъ за походъ въ Кримъ.

Большого вниманія заслуживаетъ статья Л. И. Колли „Хаджи Гирей ханъ и его политика (по генуэскимъ источникамъ). Взглядъ на политическія

сношенія Кафы съ татарами въ XV вѣкѣ“, заключающая въ себѣ рефератъ профессора Шадуанскаго Университета Камилло Манфрона о походѣ и пораженіи Ломеллино въ 1434 году, источниками котораго служатъ изданныя генуэскимъ историкомъ Коджіола (Coggiola) подлинныя записки Шадуанскаго лѣтописца Андрея Гатари о походѣ Ломеллино въ Кримъ.

Кромѣ того въ сборникѣ помѣщены статьи А. А. Сергеева „Посольство Амбросія Лодыженскаго и подьячаго Петра Данилова въ Кримъ въ 1613 году“ (къ 300-лѣтнему юбилею Царствованія Дома Романовыхъ); И. В. Маслова, „Избраніе на Царство Михаила Феодоровича Романова“, „Шѣснь о Крымскихъ событияхъ“ Пр.-доц. Самойловича; „Крымско-Татарскія грамоты“ Проф. С. Д. Смирнова, и другія.

Къ сборнику приложены протоколы засѣданій и отчетъ Таврической Ученой Архивной Комміssіи за 1912 годъ.

О тъ Редакціи.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя Русскаго Архива Петра Ивановича Бартенева не можетъ быть напечатано полностію; взамѣнъ сего подписчикамъ будетъ разослана его книга «Пушкинъ въ Южной Россіи».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
РУССКИЙ АРХИВ

издаваемый Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ издания 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за **двѣнадцать** выпусковъ съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ **двѣнадцать рублей**.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русского Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Нового Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку **5%**.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русского Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ. . . . . 12 рублей.

Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ. . . . . 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница . . . . . 100 р.

$\frac{1}{2}$ стр. . . . . 50 р.

$\frac{1}{4}$ стр. . . . . 25 р.

Позади текста, страница . . . . . 80 р.

$\frac{1}{2}$ стр. . . . . 40 р.

$\frac{1}{4}$ стр. . . . . 20 р.

Лицамъ печатающимъ объявленія многократно контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартеневъ (младшій).